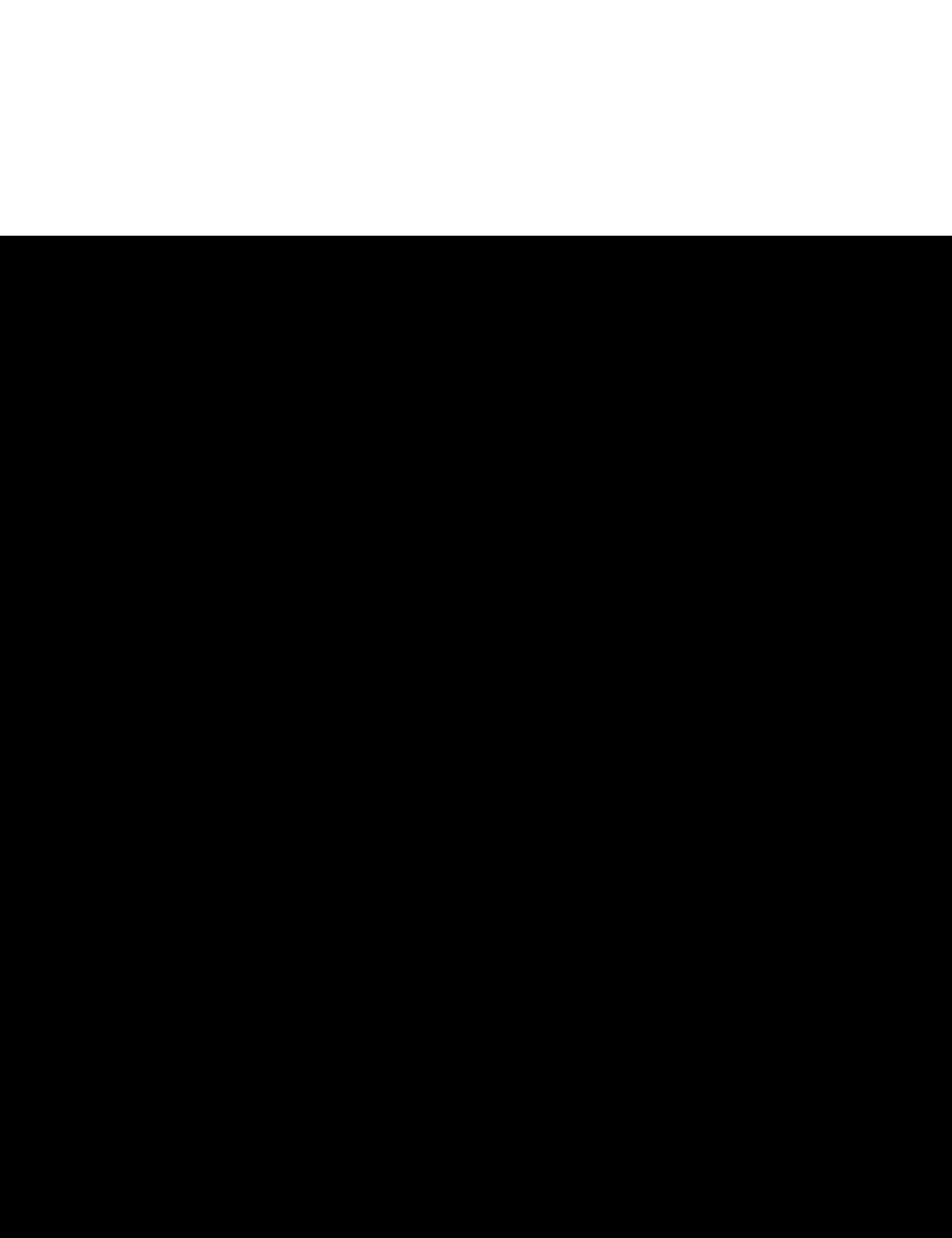

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОСЛАНИЯ

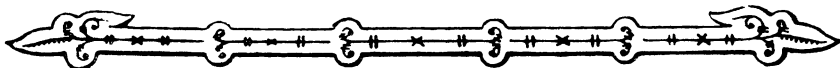
Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии «Итоги и проблемы современной науки»
Председатель Комиссии Академии Наук СССР
академик **С. И. ВАВИЛОВ**
Зам. председателя член-корреспондент
Академии Наук СССР **П. Ф. ЮДИН**

ПОСЛАНИЯ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1564)

ПОГОДИНСКИЙ СПИСОК С ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПО СПИСКУ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Царево государево послание во все его Россий-
ское царство на крестопреступников его, на князя
Андрея Курбсково с товарищи о их измене

¹Бог наш троица, иже прежде век сый, ныне есть, отец и сын и святой дух, ниже начяла имать, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, имже цари парьствуют и силнии пишут правду; иже данна бысть едиnorodнаго слова божия Иисусом Христом, богом нашим, победоносная херугви крест честный, и николи же победима есть, первому во благочестии царю Константину и всем православным царем и содръжителем православия. И понеже смотрения божия слова всюду исполняшися, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орел летанием^а обтекши, даже искра благочестия доиде и до Российского царствия. Сего православия истинного Российского царствия самодержавство божиим изволением почен от великого царя Владимира, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великого царя Владимира Мономаха, иже от грек достойнейшую честь восприемшему, и храбраго великаго государя Олександра Невскаго, иже над безбожными немцы победу показавшего, и хвалам достойного великого государя Дмитрея^б, иже за Доном над безбожными агаряны великую победу показавшаго, даже и до мстителя

неправдам, деда нашего, великаго князя Ивана, и закосненным прародителства землям обретателя, блаженные памяти отца нашего великаго государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скипетродръжания Росийского царствия. Мы же хвалим за премногую его милость, произшедшую на нас, еже не^а попусти десницы нашей единоплеменную кровью обогрится, понеже не восхитихом ни под кем же царства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся божиим повелением, и родителей своих благословением все взяхом, а не чюжее восхитихом. Сего православнаго истиннаго христьянскаго самодержства, многими владычества владующаго, повеление, наш же христьянский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христьянства и нашего самодержавия боярину и советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику честнаго и животворящего креста господня, и губителю христьянскому, и ко врагом христьянским слугаю, отступльшим божественнаго иконнаго поклонения и поправшим вся божественная священная повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр, и Гноетезный, Арменин, сим всем соединителю, — князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти Ерославскому владыце, ведомо да есть.¹

Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, единородную свою душу отверъгл еси? Что же даси измену на ней в день Страшнаго суда? Аще и весь мир приобретаеши, последи смерть всяко возхитит тя; чесо на теле душу предал еси, аще и убояся еси смерти, по своих бесоизвыкших друзей и назирателей ложному слову? И всюду, яко же беси на весь мир, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники,² нас же отвергшися, преступивше крестное целование, бесов подражающе, нам многоразличными видами всюду сети полежающе, и бесовским обычаем нас всячески назирающе, блюдуще

хожения и глаголания, мнящиеся аки безплотных быти,³ и от сего многия спивающе поношения и укоризны на нас, и во весь мир позорующих и к вам приносящих. Бы же им воздаяние много за сие злодейство даровали есте нашею же землею и казною, называючи их ложно слугами; и от сих бесовских слухов наполнилися есте яко же ехидна яда смертоносна, и възъярився на мя и душу свою погубив, и на церковное разорение стали естя. Не мни праведно быти: възъярився на человека и к богу приразися; ино бо человеческо есть, аще и порфиру^a носит, ино же божественное. Или мниши, окаянне, яко убрежешися того? Никако же. ⁴Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестьян погубляти; аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоносного много сия злобы сотвориши. Помысли, како з бранным пришествием мяхкая младенешная удеса конскими ногами стираема и растерзаема! Егда же убо зиме належащи, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное умышление како не уподобится иродову неистовству, еже о младенецъ убийство показал⁶! Се ли убо мниши быти благочестие, сицевая злая творити? Аще ли же нас глаголеши воющих на кристьян, еже на германы и литаны — и несть сие. Аще бы и кристьяне были в тех странах, и мы их воюем по прародителей своих обычаю, яко же и прежде сего многожды случалось; ныне же вемы, в тех странах несть кристьян, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб господень. К сему же и Литовская брань улучилась вашею же изменою и недоброхотством и нерадением безсоветным.⁴

Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекущая, нетленную славу презрел еси, и на человека възъярився, на бога встал еси. Разумей, бедниче, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом шшел еси! Збысться на тебе реченное: «И еже имея мнится, взято будет от него». Се ль твое благочестие, еже самолюбия ради погубил ся еси, а не бога ради? Могут же разумети и тамо сущи⁵

и разум имущии, твой злобный яд, яко же славы желая мимо-текущая и богатства, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, сие же несть смерть, но приобретение? Последи всяко умрешь. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя речения смертнаго, от твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному солганию,⁶ се убо явственно есть ваше-изменное умышление от начяла и донныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам пред-владущим да повинуется: никакая же бо владычества, еже не от бога, учинена суть; тем же противляйся власти, тот божию повелению противляется». Смотри же убо сего и разумей, яко противляйся власти — богу противится; и аще убо хто богу противится, — сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение. И сея же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми приемлют власти. Разумей же вышереченное, яко не восхищением приятном царство; тем же ноипаче, противляйся власти, то и богу противишься. Тако же, яко же инде рече Павел апостол, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби, послушайте господий своих, не пред очима точию работающе, яко човекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое-творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и конец жизни наследити?

Но ради привременныя славы, и самолюбия, и сладости мира сего все свое благочестие душевное со кристьянскою верою и з законом попрал еси, уподобился еси семени, падающему на камени и возрастшему, и возсиявшему солнцу со зноем, абие, словеси ради ложнаго, соблазнился еси, и отпал еси и плода не сотворил еси, и по ложных словесех убо, подобно на пути падающему, сотворил еси; еже убо всеявшу слово к богу истинному и к нам прямо службу — сие все враг из сердца твоего восхитил есть⁷ и сотворил ты во своей воли ходити.

Тем же и вся божественная писания поведают, яко не поведает чядом со отцы противлятися и рабу с господином, кроме веры. И аще убо се от отца твоего, дьявола, восприем, много ложными словесы соплетеши, яко веры ради избежал еси, — и сего ради жив господь бог мой, жива душа моя, — яко не токмо ты, но и все твои согласники, а бесовския служители не могут в нас сего обрести. Паче же уповаем, божия слова воплощением и пречистые его матери, заступницы христьянские, милостию и всех святых молитвою, не токмо тебе о сем ответ дати, но и противу поправших святые иконы, и всю крстьянскую и божественную тайну отвергшим и от бога отступльшим (к ним же ты любительно соединился еси), их нечестие изобличити и благочестие явити и выпроведати, яко же благодать возсия.

Како же не страмишися раба своего Васки Шибанова?⁷ Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебя не свержесе, и похваляя и всячески умрети за тебя тщашеся. Ты же убо сего благочестию не поревновал еси: единого ради малого слова гневна не токмо свою едину душу, но и своих прародителей души погубил еси, понеже божим изволением деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до своей смерти служили, и вам, своим детем, приказывали служить и деда нашего детем и внуچатам. И ты то все забыл, собацким своим изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагом крстьянским соединился еси; и х тому, своя злобы не смятруя, сицевыми скудоумными глаголы, яко на небо камение меша. нелепая глаголеши, и раба своего благочестия не стыдишися и подобна к тому сотворити своему владыце отверъглься еси.

Писание же твое приято бысть и вразумлено внятно^{а. 8}. И понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено бе меда и сота, по твоему^б разуму, горчайши же пелыны обретающесе, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». Так ли убо навькл

еси, кристьянин будучи, кристьянскому государю подобно служить? И тако ли убо почесть подобна воздати от бога данному владыце, яко же бесовским обычаем яд отрыгаеши? Начяла убо твоего писания, яже убо не разумеая написал еси, навацкое помышляя, а яже убо не о покаянии, но выше человеческого естества мниши человеком быти, яко же и Нават. Еже убо нас «во православии» пресветлых явившеся» написал еси, а сие убо тако есть: яко же тогда, тако и ныне веруем, верую истинною, богу живу и истинну. А еже убо «сопротивным, разумеаяй совесть прокаженна имущи», сия бо навацкое помышляеши, и не разсуждаеши еуагельскаго слова, еже реченно есть: «Горе миру от соблазн. Нужно есть, иже не приити соблазном; горе же человеку тому⁶, иже соблазн приходит. Унее бы было ему жернов осельский⁷ обязан был о выи его и потонет в пучине морстей». И много слепотствующия твоя злобы ради не можеши истинны видети: како мняйся стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служить, и своима рукама агнец жремый закалати за мирское спасение сподобися, и сия вся поправшу, с вами⁸ злобесовскими советники, на нас своими злолукавыми умышлени многая томления подвигосте? И сего ради, еже от юности моя благочестие, бесом подобно, поколебасте, еже от бога державу, данную мии от прародителей наших, под свою власть отторгосте. Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладевному? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?⁹

Сие убо о внешних; о душевных же и о церковном аще и есть^х малое согрешение, но сие от вашего же соблазна и измены, паче же и человек есми: несть бо человека без греха, токмо един бог; а не яко же ты, еже мнишися быти человека со ангелы равна. А о безбожных языцех, что и глаголати! Понеже те все царства своими не владеют: како им повелят работные их, и тако и владеют. А Росийское самодержьство изначала

сами владеют своими государьствами, а не бояре и не вельможи. И того в своей злобе не могл еси разсудити, нарицаая благочестием, еже под властью нарицаемаго попа ¹⁰ и вашего злочестия повеления самодержеству быти! А се по твоему разуму нечестие, еже от бога данные нам власти самим владети и не восхотех под властью быти у попа и у вашего злодеяния? Се ли разумевая «супротиво», яко вашему злобесному умышлению тогда, божиею милостию и пречистыя богородицы заступлением, всех святых молитвами и родителей своих благословением, погубити себе не дал есми? А какова злая от вас пострадах! Се убо пространнейше напреди слово известит.

¹¹Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играм бытие, се убо вашего же ради лукаваго умышления бысть, понеже мя исторгосте от духовного и покойнаго жития, и бремя, фарисейским обычаем, бедне носимо, на мя наложили естя, сами же и ни единым перстом не прикоснулись; и сего ради церковное предстояние не твердо^а, ово убо рѣди царских правлений, еже вами разрушенно, ово же ваших же злолукавых умышления убегая. Играм же — сходя немощи человечестей; понеже много народ во след своего пагубнаго умышления отторгосте, и того ради, — яко же мати детей всячески попускает глумления ради младенственного, егда же совершенни будут, тогда сие отвергнут, или убо от родителей разумом на уньшее возведутся, или яже Израилю бог попусти, аще и жертвы приносить, токмо богowi, а не бесом, — того ради и аз сие сотворих, сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас, изменников. И чим у вас извыкли прохлажатиcя?¹¹

И се ли вам супротивно явися, еже вам погубити себя есми не дал? А ты о чем супротивно разума, души твоей и крестное целование сотворил еси ложно, ради страха смертнаго? Сам убо сего не сотвориши, нам же сие советуеши! Сие убо наватцкое и фарисейское мудръствуеши: наватцкое убо, еже выше естества человеческого велишь человеком быти; фа-

рисейское же, еже, сам не творя, а иным повелеваеши творити. Паче же сия поносы и укоризны, яко же исперва начали естя, тако и ныне не престае, всяческим образом дивияго зверя^а распыхая, измену свою совершаете: се ли ваша прама служба и доброхотная, еже поношати и укоряти? Бесному подобящися, колеблетесь, и божий суд восхищаете и преже божия суда своим злолукавым и самохотным изволением и изложением, яко же своими начальники, с попом, Алексеем,¹² изложили есте, собацки осужающе. И сего ради, богу противляющесе, како же и святых преподобных всех, иже в посте и в подвизе просиявших, милование, еже ко грешным, отвергосте; много бо в них обрящеши падших и восставших (восстание не бедно!) и стражущим руку помощи подавшие, и от рва согрешения миловательне^б возведших, по апостолу, «яко братию, а не яко врагов имуще», — еже ты отвергл еси! И каково они от бесов пострадаша, таково и аз от вас пострадах.

Что, собака, и пишешь и болелзнуеш, совершив таковую злобу? И чему подобен совет твой будет, паче кала смердяй?¹³ Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих злобесных учиненно, еже иноческое одеяние свергши и на кристьян воевати? Или се есть нам на отвещание, яко невольное пострижение? Ино несть сие, несть. Како убо Лествичник рече: видех неволею ко иночеству пришедших и паче вольных исправившихся? А чесо убо сему слову не подрожасте, аще благочестиви есте? Много же и не в Тимохину версту обрящеши, тако постриженных, и не поправше иноческого образа, глаголю же и до царей. Аще ли же кои дерзнуша сие сотворити, себе убо ничим же пользоваша, наипаче в горшая телесная и душевная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский, пострижеся от зятя своего Романа Галицкого. Смотри же благочестия княгини его: восхотевшу ему взяти ея из невольнаго пострижения, она же не восхоте мимотекущаго царствия, но паче нетленного, но пострижеся и в схиму; Рюрик же убо, разстригшеся, многи крови хрестьянския пролия и святыя церкви и монастыри

пограбя, и игуменов и попов и черньцов помучи и до конца княжения не може удръжати, но имя его без вести бысть. Тако же и во Цареграде множайши сего обрящеши: озем убо носы урезанны; инем же во мнишеская одянным бывшим и на царство паки наскочившим, и zde^a убо горчайша смерти прияша, тамо^b же бесконечны муки прияша, пониже убо санолюбия ради и гордости сие сотвориша. Сие же от владычествующих, кольми же паче от работных! Божий суд ожидает иже ангельский образ поправшим! Много же и не в давних летех постриженных и от синглита превелика, паче же первых, иж сие не дерзнуша сотворити, аще и в прежнюю честь паки приидоша.¹³

Тако ли благочестие держите, еже сие злобесным своим обычаем держите и нечестие сотворяете? ¹⁴Или мнишися, яко ты еси Авенир, сын Ниров, храбрыйши во Израили, еже такия писания злобесным обычаем, гордостию дмяся, писати? Но и тогда что бысть? А егда убо уби Иоав, сын Саруи, тогда оскудели во^b Израили. Не пресветлы ли победы з божиею помощию на противныя показаша? Все убо, гордостию дмяся, всуе хвалишися! Смотри ж сего, иже подобно тебе сотворшаго^r; аще ветхословие любиши, к сему ты и приложим: что убо ему бранная храбрость, еже господина своего нечестна име, еже убо поят^d подругу Саулю Ресфу, и рекше ему о сем сыну Саулю Мемфиоксу, он же, разгневався, отступи от дому Сауля и тако погибе. Ему же и ты уподобися злобесным своим обычаем, желая гордостно излишнее чести и богатества. Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты, иже нам от бога данные грады и села посягая, равно тому нечестию, бесуясь, сотворяеши. Или убо предложиши ми плач Давыдов? Ни убо, царь убо праведен не хотя убиения сиеца сотворити; нечестивый же во своей погибели погибе. Смотри же убо, яко бранная храбрость не помогает, аще кто господина нечествует. Но еще предложу ти Ахитофела, подобно тебе, лукавно совет совещающе Авесолому на отца: и како потрясен на послед сия! Единого старца разумом совет его разсы-

пая, и весь Израиль побежден бысть малийшими людьми. Он же удушением конец погибельный обрете. Яко же тогда, тако же и ныне: обаче благодать божия в немощи совершаетца, а ваше злобесное на церковь востание разсыплет сам Христос. Смотри же и древняго отступника Иероваама сына Навашца; како отступи здесятью колена израилеными, и сотвори царство в Самарии и отступи от бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царство Самарийское неудержанием царей и вскоре погibe; Иудино же, аще и мало есть, но страшно пребыть и до изволения божия, яко же рече пророк: «развирепе, яко же юница, Ефрем»; и паки инде реченно естъ: «сынове Ефремли, наляцающе и спеюще луки, возвратишася в день брани, зане не^а сохраниша повеления государя и в закони его не извспиша ходити». «Человече, останися рати: аще убо со человеком борешися, то одолеет тя, или ты одолеешь; аще с церковью борешися, то всяко тебя одолеет церковь, жестоко бо ти есть против осну прати: на ня бо и воступиша, но и нози окровавиша. Егда ся пенит море и бесится, но Иусова корабля не может потопити, на камени бо стоит; имама бо вместо кормьчию Христа; вместо же гребца.— апостоли, вместо же корабленик — пророки, вместо правителей — мученики и преподобныя; и сия убо вся имущи, аще и весь мир возмутится, не убоимся погрязновения: меня убо светлейша твориши, сам же свою погибель содеваеши». ¹⁴

Како ж и сего не могл еси разумети, яко подобает властелем не зверски яритися, ниже безсловесно смирятися? Яко же рече апостол: «овех убо милуещи разсужающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе». Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасти? Тако же и во благочестивых царех о временех много обрящещи злейшее мучение. Како убо, по твоему безумному разуму, одинако царю быти, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукам неповинни ли суть? Паче же и злейшая сих лукавая умышления! То убо вся царствия нестроением и межоусобными браньми

растлятся. И тако ли убо пастырю подобает, еже не разсмотреть о нестроении подовластных своих?

Како же не стыдишися, злодеев мученики нарицая, не разсуждая, за что кто страждет? Апостолу вопиюще: «аше кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается»; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: мучими убо суть и татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи; такови убо не блаженнии, понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради. Божественному же апостолу Петру глаголющу: «лучше убо благое творяще пострадати, неже злое творящим». Видиши ли, яко везде не похваляют злотворящих мучения? Вы же, злобесным своим обычаем подобящися ехидну, отрывания яд изливающе, что же повинения человек, и законопреступление, времени разсужающе, свою злолукавую измену бесовским умышлением лестию языка покрыти хотяше.

¹⁵Се ли убо сопротивно разума, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великого Константина: како, царствия ради, сына своего, рожденнаго от себе, убил есть! И князь Федор, прародитель ваш, в Смоленске на Пасху колики крови пролиал есть³! И во святых причитаются. Како же убо Давыд, иже обретесе к богу по сердцу и хотению, како повеле Давыд; «да всяк убивает Усейна и хромыя и слепыя, ненавидящих душа Давыдовы», егда не прияша его во Иеросалим? Како убо сих причитаеши в мученики, яко не хотевшим от бога даннаго им царя прияти? Како же не разсудиши сего, еже и во благочестии царь и на немощней чяди силу свою и гнев показа? Или убо нынешнии изменники не равну ли сим злобу сотвориша? Но паче и злейше. Они убо точию возбраниша приход и не успеха ничто же, сии же приятого от них, богоданнаго, и рожденнаго у них на царстве царя, преступивше крестную клятву, отвергошася и елико возмогоша, злая сотвориша — всячески, словом и делом, и тайными умышлениями; и чему убо они сих подобнее злейшим казнем? Аще ли речеши, яко «она явна есть, сия же не явна», по сему бо злейши

есть ваш злобесный обычей, яко человеком видимо есть доброходство ваше и служба; а от сердец ваших исходят помышления и злодеяние и пагуба смертная к разорению; усты своими благословляете, а сердцем же своим кленете. Многа же и ина обрящещи во царьствиях царие: свои царства во всяких нестроениях исправиша и злобесные человек разумы и злодеяния возразиша. И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярим; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, то несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощещи ли бо не бояться власти? Благое твори; аще ли злое твориши, бойся, не туне бо мечь носит, в месть убо злодеем, в похвалу же добродеем^а. Аще благ еси и прав, почто имея в сингклите пламяни паляща, не погасил еси, но паче розжегл еси? Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевела наполнил еси!¹⁵ И збысться на тебе пророческое слово: «Вси вы огонь жжете, и ходите по совету пламени огня вашего, егоже сами себе разжегосте». Како же убо ты со Иудею предателем равно причтешься! Яко же убо он на общаго владыку всех, богатства ради, возбесися и на убиение предал, со ученики убо водворяшеся, а со иудеи веселяшеся, тако же убо и ты, с нами пребывая, и хлеб наш адыше, и нам служити соглашаше, на нас же вся злая в сердца собираше. Тако ли еси исправил крестное целование, еже хотети добра во всем безо всякие хитрости? И что убо твоего злохитрия и умышления злее? Яко же рече премудр: «несть главы, паче главы змиевы»; паче же и несть злобы паче злобы твоя.

Почему учинился еси учитель души моей и телу? Кто убо ты поставил судию или владетеля надо мною? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшного суда? Апостолу Павлу глаголющу: «како убо веруют без проповедующаго, како же и проповедуют, аще не послани будут?». И се убо бысть во пришествие Христово: ты же от кого послан еси? И кто ты рукополагателя учинил, яко учительский сан восхищаша? Апо-

столю Иякову сию отрицающую: «Не мнози учителя бывайте, братие, ведуще, яко вящше грех приемлем, много бо согрешаем, сий же словом не согрешит, сий совершен муж и силен, иже кто устне обуздает, то и все тело обуздает. Се и конем бразды во уста влагаем, да повинуютца нам, и все тело их обращаем. Се и корабли, толице суще велици, от жестоких ветров заточяеми, обращаются малым кормильцем, яко же аще стремление правящему хочет: тако и язык мал уд есть; и вельми хвалитца. Се мал огонь колику вещь сожигает! Язык подобен огню, иже водворяется во удех наших, сквернящи все тело, опаляще коло рожества, ополяем от геенны: человече естество языка ради, звере же и птицы, гады же и рыбы мучается и умучится естеством человеческим, языка же никто же от человек может умучити, неодолимо бо зла исполнь яда смертоносна. Тем благословим бога и отца, тем человек кленем, иже по подобию божии бывшая; от языка ж исходит благословение и клятва. Не подобает, братия моя возлюбленная, сим тако бывати. Егда убо источник от того же единого истицания точит сладкое и горькое? Когда может, братия моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы? Тако же ни един же источник воду слану и сладку творит. Кто премудр и худог в вас, да покажет от добраго жития дела своя, в кротости и в премудрости. Аще ли зависть горьку имате и рвенія в сердцах ваших, не хвалитесь и не лжите на истину. Нестъ сия премудрость свыше и нисходяще, но земна и бесовска душе пагубна. Идеже бо зависть и рвенія, ту нестроения и всяка зла вещь совершается; а вышняя премудрость первое убо чиста, потом же мирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости^а, плодов благих, несомненна и нелицемерна. Плод же правды во смирении сеется творящим мир. Откуда брани и свары в вас? Не отнюду ли, от сластей ваших воюющих в душах ваших? Желаете, и не имате; убиваете, и завидите, и не можете улучшить; сваряетесь и борете, и не имате, зане зле просите; просите, да в сластях ваших изживете. Приблизитесь к богу — приблизитесь к вам; очистите

руце, грешницы, и очистите сердца, двоедушни. Не оклеветайте друг друга, братие: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветает закон и осуждает закон; аще ли закон осуждаеши, неси творец закону, ни судия. Един есть закону давец и судия, могый спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждая друга?».

Или мниши сие быти светлость благочестива, еже обладатися царству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быти? И сие ли супротивно разума и совесть прокаженна, еже невежу възустити и злодейственных человек возразити от бога данному царю воцаритися? Нигде же обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши — иже во грехех царствии погубивших и турком повинувшимся? Сию убо погибель на твою главу паче да будет! К сему же и сему подобен еси, яко апостол пишет к Тимофею, глаголя: «Чадѡ Тимофее, се же веждь, яко в последняя дни настанут времена люта; будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, облазиви, горди, хульницы, родителем противящися, неблагодарни, непрелюбни, нелюбиви, несоветохранители, преласкатели, невоздержници, некротцы, неблаголюбцы, предатели, презорливы, возносливы, сластолюбцы, паче нежели боголюбцы, имуще образ благочестия, силы же его отвергошася. И сих отвращайся. Водима похотьми различными, всегда учящися, и николи же в разум истинный приити не могуща. Яко же Анний и Амврий противистася Моисею, тако и сии^а противятся истинне, человецы растлевшей умом, неискусни о вере. Но не преуспеют паче о мнозе: безумие бо их яве будет всем, яко же и оных бысть».

Или убо сие свет, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властью ничим же лутчи быти раба? А се ли тма, яко царю содержати царство и владети, рабом же рабска содержати повеленная? Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит? Яко же рече апостол Павел к галатам пиша: «В колико лет наследник младенец есть, ничим же лутче есть

раба, но под повелительми и приставники есть, до нарока отча». Мы же, благодатию христовою, доидохом лет нарока отча, и под повелительми и приставники быти не пригоже.

Речеши ли убо, яко едино слово обращая семо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобеснаго умышления, понеже с попом положисте совет, дабы яз лише словом был государь, а вы б с попом во всем действе были государь: сего ради вся сия склочишася, понеже и доныне не престае, умышляюще советы злыя. ¹⁶Вспомяни же, егда бог изважаше Израиля из работы, и егда убо священника ли поставил владети людьми, или многих рядников? Но единого Моисея, яко царя, постави владателя над ними; священствовати ему не повеленно, а брату ж его Аарону повеле священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же и Аарон сотвори людский строи, тогда и от бога людей отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон хотеша восхитити себе власть, и како сами погибоша, и какову многому Израилю погибель нанесоша? Еже вам, боляром, прилично! После того же быти судия Израилю Исус Наввин, священник же Елеозар, и оттоле, даже и до Илия жерца, обладаху судия: Июда и Барак, и Еффа, и Геден и ины многи, и каковы советы и победы на противныя поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взял на ся священство и царство, аще сам праведен бяше и благ, но понеже от обоеду припадшему богатству и славе и како сынове его Офни и Финеес^a заблудиша от истинны, и како сам и сынове его всею злою смертию погибоша, и весь Израиль побиен бысть, и киот завета господня пленен бысть до дни Давыда царя? Видиши ли, яко священство и рядничество^b царским владателем не прилично? Се же убо в Ветхом законе; в Римском же царствии, и в новой благодати, в греках, еже по вашему злобесному хотения разума случися. Како убо Август кесарь всею вселенную обладаше: Аламаниею и Долматиею и вся Италиския места, и готфы и саврьматы, и Афинию, и Сирию, и Киликею,

и Ассеею, и Азеюю, и Междоречием, и Каппадокийскими странами, и Домаском градом, и божиим градом Иерусалимом, и Александрею и Египетскою власть, даже и до Перския державы; вся сия под единою державою бяху много лета, даже и до первого во благочестии и великаго Константина Флавна. И после его, чяда его разделиша власть: Константин убо во Цареграде, Константиий же в Риме, Конста же в Доматии. И оттоле убо начя греческая власть делитися и скудость приимати. И паки, во царство Маркияне, во Италии мнози князи, от мест блюстители, восташа, подобно вашему злобесному умышлению, во царство Лва Великого и обладаша коиждо своими месты, яко же во Африкии Зинзирих рига и ины многи. И оттоле убо всяко строение^а царствия Греческаго преста: токмо убо упражняхуся^б на власти и чести и богатства, и междоусобными браньми разтлевахуся. Во царство Анастасия Дикорота Драчянина болми начя оскудевати греческая вера и власть, понеже убо персы начяша воевати и Месопотамийскую митрополью взяша, и многи воины восташа, якоже Виталику, и к стенам Константина града притти ратию. Тако же при Маврикии велми оскуде греческая власть. При Фоце же мучители Хоздрою перскому царю Фракискую пленившу, Ираклею же худейше царство восприимшу, епархом же и ипатом^в и всему синклиту не престающе о властях и о богатствах меж себя ратоватися и грады и власти и имения стяжевати; греческому же царству от сих всех разтлевающе. Во царство Иустина Корноносаго болми от варвар греки побеждени быша и множество воин побиени быша. Тогда убо болгарская вера и власть особь учиняшеся — епархом и синклиту и всем властелем не престающим о властях меж себя ратоватися, и вся хотения своя уллучившим во градах и во властях и имениях и богатствах, якоже рече пророк: «И не бе числа оружия их, и не бе числа коней их, и не бе числа сокровищ их, дщери их преудобрены и преукрашены, яко подобие церкви хранилища их, исполнь отрыгающи от сия во ону, овца их многоплодны, множащеся во исходящих своих, волове их

толсти, несть падения, градежу, ни прохода, ни вопля во стегнах их».

Но како убо по вашему злобесному хотению ублажиша же^а людей сих, иже сия суть, яко Исаия пророк рече: «Что и еще узвистесе, прилагающа беззакония? Всяка главизна в болезнь, и всяка сердца в печаль. От ногу даже и до главы несть из них целости, ниже струп, ниже язва, ниже рана палящая, несть пластыря приложить, ниже масла, ниже обезания^б. Земля ваша пуста, гради ваши огнем сожжены, страны ваша пред вами чюжи поядают и запусте развращенна от людей чюжих. Оставится дщи Сионя, яко селение в винограде, яко овощное хранилище в вертограде. Како бысть блудница град верных Сион исполнь суда; в немже правда успе, ныне в нем убийца. Сребро ваше не искусно, корчемницы твои смешают вино с водою. Князи твои не веруют, обещницы татем, любящи мзды, гоняще воздание, сирым не судяще, и суду вдовиц не внемлюще. Сего ради тако глаголет господь владыка^в Сафаоф, сильный Израилев: «Ох, горе крепким во Израил! Не престанет моя ярость на противныя, и суд мой от враг моих сотворю: и наведу руку мою на тя, и разжегу тя в чистоту, неверующих же погублю, и отъиму всех беззаконных от тебе, и всех гордых смирю. И положу судия твоя яко и прежде, советники твоя яко от начяла; и по сих наречишися град правде, мати градом, верный Сион. Судбою спасется и милостию. И стрыютца беззаконнии и грешнии вкупе, и оставше господя скончяются, занеже постыдятся о делех своих и ихже тии советоваху, и пострамлятца о вертоградех своих, о ихже тии восхотеша. Будут бо яко сади, отметнувши своя листвия, и яко вертоград, не имый воды. И будет крепость их яко стеблы изгреблю, и деяния их, яко искры огненны, и сожгутца беззаконнии и грешнии вкупе, и не будет погашай».

Потом же во царьство Аспимарово и Филипиково и Феодосия Брады Адрамического, персом египетскую власть и Дамаск от грек изабладавшим, такоже при Константине Гное-тезном, скифом отложившимся, по сем же Лва Арменина,

и Михаила Амморенина и Феофила — Рим со всею Италию от Греческаго царства отторжеся^а; избраша убо себе царя от латын Карула князя Латынского от внутреннейшаго Фругия; и тако убо во многих странах италійских поставиша себе краля и князя и властодержца и местоблюстителя. Яко же Наустрия, и Испания, и Долматия, и француги, и вышний немецкий язык, и поляки, и литаоны, и готфы, и флаги, и мутьяны, тако же и сербом и болгаром, у себя властодержца поставившим и от Греческаго царствия отторгышеся; и от сего Греческому царствию злейшу разорению приходящу; во царство же Михаила и Феодоры царицы благочестивых, божий град Иерусалим и Палестинскую землю и страны Финическия персы изобладаша; царствующему же граду во утеснении велице наченшу пребывати, и отвсюду чястыми нахождении и бранными ратьми чясто колеблющеся, епархом же и синклиту всему не престающе от всего своего злоперваго обычя и никако же о селнице разорении царства промысла полагающе, но аки сонное мечтание сиевую погибель царству быти вменяюще.

Тако же и вы, сему подобно, своим злобесным хотением, выше меры, славы и чести и богатства, к разорению кристьянскому, желающе! Тако же убо отселе грекове во многие страны дани даяти начяша, а прежде убо сами дани взимаху; потом же, нестроения ради, подобно вашему злолукавному злomu совету, сами даяти дани начяша, и таковому убо царствующему граду во утеснении велице пребывающу, даже до царства Алексея, нарецаемаго Дуки Марцуфла, при нем же взят бысть царствующий град от фряг и пленен бысть зельнейшим пленением; и тако убо все благолепие и красота греческие власти погибе. Потом же Михаил Палеолог изгнал латын из царствующаго града, и паки убо во убожестве царство воздвигл, даже до лет царя Константина, нарецаемого Дротаса, при нем же, грех ради наших, народа христьянского, безбожный Магмет греческую власть погаси, и, яко вѣтр и буря зельняя, вся без вести сотвори.¹⁶

Смотри же убо се и разумей, каково управление составляется в разных начаялах и властех, и понеже убо тамо быша царие послушные епархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша. Сия ли убо нам советуеши, еже в таковой погибели приитти? И се ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплемennых подати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако приимаху? Благо и прикладно! Но иное же свою душу спасти, и иное же многими душами и телесы пешихся: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем житии сожитие, ино же святительская власть, ино же царское правление. Постническое убо пребывание — подобно быти агньцу, противну ничему же, или яко птице, иже не сеевшу, ни жнущу, ни в житницу собирающу; во общем же убо житии, аще и мира отрекшихся, но обаче строения и понечения имеют, та же и наказания; аще ли же сего невнимателіе будутъ, то общее житие разоритца; святительская же власть требует зельнаго запрещенія языком, по благословенней же вине и ярости, и славы, и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприличны; царскому же правлению — страха, и запрещенія и обузданія^а и конечнаго запрещенія по безумію злѣйшихъ человекъ и лукавыхъ. Се же убо разумей разньство постничеству и общежительству и святительству и царьству. И аще убо царю се прилично ли: иже быющему царя в ланиту, обратити и другую? Се ли убо совершеннейшая заповѣдь, како же царьство царь управит, аще сам без чести будетъ? Святителемъ же сие прилично — по сему разньству разумей святительству с царствомъ! Обрящеши ся много и во отрекшихся мира наказания, аще аже не смертию, но и зело тяжкая наказания. Колми ж паче во царствии подобаетъ наказанію злодейственнымъ человекомъ быти!

¹⁷Тако же убо и ваше хотение, еже вамъ на градахъ и властехъ совладети, иде же вамъ быти, не подобаетъ. И что от сего случашася^б в Росіи, егда быша в коеждо граде градоначальницы и местоблюстителіи, и какова разоренія быша от сего и

сам беззаконныма очима видел еси, и отселе можеша разумети, что сие есть.¹⁷ К сему же и пророк рече: Горе дому, имже жена обладает; горе граду, имже мнози обладают. Видиши ли, яко подобно женскому безумию во царстве многих владение: аще и не под единою властью будут, аще и крепки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумию подобни будут, аще не под единою властью будут. Понеже убо, яко жена не может своего хотения уставить — овогда тако, овогда же инако, — тако же убо и многих во царстве владение — ового убо таково хотение, иного же инако. Сего ради разных хотения и разумы женскому безумию подобны есть. Се убо указах ти, како благо есть вам на градах седети и мимо царей царствами владети; от сего убо многи могут разумети, имуща разум. Воспомани же: «к^а хотению имения, рекшаго злата, аще ся и богатство ринет, не прилагайте сердца». Кто же убо сия глаголы глагола? Не во власти ли царстве? Не бе ли ему подобало злато? Но не на злато взираше, но повсегда бе ему ум к богу и строю воинскому. И понеже убо Гииозееву проказанию подобился еси, яко же он^б благодать божию на злате предаде, тако убо и ты, злата ради, на христиан воздвигл ся еси. Тако же и апостолу Павлу вопиющу: «Блюдите псы, блюдите злыя делателя, яко многажды глаголах вам, ныне же плача глаголю о вразе креста Христова, имже бог чрево, и слава во студ им, пже земная мудрствующе». Како же убо ты не наречешися враг креста Христова, яко славы ради и богатства, и чести мимотекущаго света сего желая насладитися, будущая же присносущия презирая, своим крестопреступным обычаем, извыкши от прародителей своих измену, во много время на сердцы злая собирая, «яды хлеб мой, возвеличая на мя пятаую свою», отверглься крестново целованья, на крестьян воевати вооружился еси? Но то убо самое победоносное оружие, крест Христов, Христа бога нашего, вам сопротивник да будет.

Како же убо ты доброхотных всех изменников нарицаеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, лжею согласившися, и дсть со-

крывше, и во един день избиша 70 сынов Гедеоновых, еже убо от беззаконных жен ему, и воцариша Авемелеха, тако же убо и вы, собачким своим изменным злым обычаем, хотесте во царьствии царей достойных истребити, и, аще не от наложницы, но от царьствия растоящаяся колена хотесте воцарити. И се ли убо доброхотные есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссущаго млеко младенца, меня¹⁸ смертию пагубною хотесте света сего лишати, чужаго же царьствия царя во царство ввести? Се ли убо душу за мя полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своим чядом хочете сотворити, еда убо в яйца место подаете им скорпию, или в рыбы место камень? Аще убо вы зли^а суще, умеете даяния благая даяти чядом вашим, и аще убо доброхоты и благи нарицаетесь, — почто же таких благих даяний не приносите чядом нашим, яко же своим? ¹⁹Но понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити, яко же дед твой, князь Михайло Горамыш, со князем Андреем Углицким на деда нашего, великого государя умышляючи, на великого князя Ивана, изменные обычен; тако же отец твой, князь Михайло, с великим князем Дмитрием внуком на отца нашего, блаженные памяти великого государя Василия, многи пагубы и смерти умышлял; такожде и матери твоей деда Василей и Иван Тучки многая поносная и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану износили: такожде и дед твой Михайло Тучков, на преставление матери нашея, великие царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и понеже еси порождение изчядья ехиднова, посему такой яд отрыгаеш¹⁹. Се убо довольно указати, чего убо ради по твоему злобесному разуму супротивным обретаяся разумевай совесть прокаженну имущаго. Но ни яже никакого от державы моя несть. А отцу твоему, князю Михайлу, гонения было много, да и убожества, а измены такой, что ты, не учинил.

²⁰А еже писал еси: почто есмя сильных⁶ во Израили побили и воевод, от бога данных нам на враги наша, различными смертми

разторгли есмя, и победоносную их святую кровь в церквах божиих пролияли есмя, и мученическими кровями праги церковныя обагрили есмя, и на доброхотных своих и душу за нас полагающих, неслыханныя муки, смерти и гонения умыслили есмя, изменами и чяродействы их и иными неподобными облыгая православных²⁰, — и то еси писал и глаголал ложно, яко же отец твой дьявол научил тя есть; понеже рече Христос: «Вы отца вашего дьявола естя и похоти отца вашего хотите творити, яко же бо он, дьявол, человекоубийца бе искони, и во истинне не стоит, яко несть истинны в нем, егда же ложь глаголет, от своих глаголет: ложь бо есть и отец его». А сильных есмя во Израили не побили, и не вемы, хто есть сильнейши во Израили, понеже Росийская земля правитца божним милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводами, неже ипаты и стратиги. Неже воевод своих различными смертьми расторгли есмя, — а з божиею помощию имеем у себя воевод множество, и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же.

Крови же во церквах божиих никакие не проливали есмя. Победоносные и святые крови во своей земли в нынешнее время несть ея явлено, не вемы. «Праги же церковныя», — елика наша сила и разум осязает, яко же подвластные наши к нам службу свою являют, сие украшенна всячески церкви божия светятца, всякими благостинями, елико после ваших бесовския державы сотворихом, не токмо праги и помост, преддверия, елика всеми видима есть и иноплеменным украшения. Кровию же никакою праги церковныя не обагрим; мучеников же в сие время за веру у нас нет; доброхотных же своих и душу свою за нас полагающих истинно, а не лестно, не языком глаголющи благая, а сердцем злая собирающе, не пред очима собирающе и похваляюще, а вне — расточающе и укаряюще (подобно зеркалу, егда смотрят и тогда видятца каков бе, и егда же отидет, и абие забыв, каков бе), и егда

кого обрящем всех сих злых свободенна, а к нам прямую свою службу содевающе, не забывающе порученныя ему службы (яко в зеркале), и мы того жалует своим великим и всяким жалованьем; а иже обрящется в сопротивных, еже выше рехом, тот по своей вине и казнь приемлет. А в ьных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая: тамо не по здешнему! То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любить, а в ьных землях изратец не любят: казнят их да тем и отвержаютца.

А мук и гонения и смертей многообразных ни на кого не умышляли есмя; а еже о измене и чяродействе вспомнуд еси, — ино, таких собак везде казнят. А еже нечто мы облыгаем православных, — и понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: «яко аспид глухий затыкая уши свои, иже не слышит гласа обавающего, обаче обаваем обаваецца от премудра, понеже зубы их во устех их сокрушил есть господь, и членовныя лвом сокрушил есть»; и аще аз облыгаю, о ином же истинна о ком явится? Ино что, изменниче, ни сотворяют, а обличения несть им, по твоему злобесному умышлению? Чесо ради нам сих облыгати? Власте ли своих работных желая, или рубища их худая, или коли бы их насыщались? Како убо не смеху подлежит твой разум? На заецев потреба множество псов, на враги ж множество вой: како убо безлепа казнити подвласных, имуща^а разум!

²¹ Яко же и выше рех, какова злая пострадах от юности моя даже и доселе, пространнейше изобличити. Се убо являет (аще убо и юн еси сих лет, но обаче ведети можеш^и⁶): егда божиими судьбами отец наш, великий государь Василей, пременяв порфиру ангельским пременением, тленное все и мимотекущее земное царство оставил, прииде на небесная во онъ век нескончаемый, предстояти царю царем и господину государем, мне же оставшуся со единокровным братом, святопочившим Георгием, мне убо трею лет суще, брату же моему лета единого, родительнице же нашей, благочестивой царице Елене в сицевых бедне во вдовстве оставше, яко же во пламени ото-

всюду пребываючи, ово убо от иноплеменных язык от круг преседящих, брани непременительныя приемлюще ото всяких язык, Литаонских, и Поляков, и Перекопи, Надчитархана, и от Нагаи, и от Казани, овоже от вас изменников беды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобен тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Ляпкой оттокоша в Литву и камо не скакаша бесящися? И во Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отсюду на православия рати воздвизающе; и ничто же успеха: богу заступающе, и пречистые богородицы, и великим чудотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель совет разсыпая. Тако же потом дяду нашего, князя Ондreja Ивановича изменники на^а нас подъяша, и с теми изменники пошел было к Новгороду (и которых хвалиш! добрыхотных нам и душу за нас полагающих называешь!), и те в те поры от нас были и отступили, а к дяде нашему ко князю Андрею приложилися, а в головах твой брат, князь Иван князь Семенов сын, князь Петрова Лвова Романовича и иные многие. И тако з божиею помощию тот совет не совершися. Ино то ли их добрыхотство^б, которых ты хвалишь? Тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дяду нашего воцарити? Потом же, изменным обычаем, недругу нашему Литовскому почяли отчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей: и тако ли добрыхотствуют? Егда несть во своей земли, кем погубити от земля и славу в прелесть вселити, тогда ко иноплеменным примешаются любовью, точию да погубят безпамятно!²¹

²²Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене преити от земаго царствия на небесное; намъ же со святоопочившим братом Георгием сиротствующим родителей своих и ни откуда же промышления человеческого приемлюще, токмо на божье милосердие уповающе и пречистыя богородицы^в на милость, и на всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому дету от рожения тогда преходящу

1000

и тако подвластным нашим хотение свое уллучившим, еже царство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елико тогда сотвориша! Колико бояр, и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли з Большую казну и неистова ногами пихающе и осны колюще; а иное же и себе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережение учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис поимания повыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе, Ивановичя учял жити, и на том дворе, сонмищем иудейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго, Федора Мишурина изымав, позоровав, убили; и князя Ивана Федоровичя Бельского и иных многих в розная места заточиша, и на церковь вооружаши^а, и Данила митрополита, сведши с митрополии, в заточение послаша; и тако свое хотение во всем уллучиша, и сами убо царьствовати нача^б. Нас же, со единокровным братом, святопочившим Георгием, питати нача^б как иностранных, или убо яко убожайшую чядь. Таковая же тогда пострадах во одеянии и в алчбе! Во всем воли несть; но вся не по своей воли и не по^в времени юности. Едино вспомянути: нам бо во юности детская играющим, а князь Иван Василевич Шуйской сидит на лавке, локтем опершися об отца нашего постелю, ногу положи на стул^г; к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но ни^ж властельски, рабское же ниже нача^б обретеся. И таковая гордения хто может понести? Како же исчести таковая многая бедне страдания, еже во юности пострадах? Многожды поздно ядох не по своей воли. Что же убо о казнях родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не

по достоинству; а казну деда и отца нашего безчисленну себе поймаша; и тако в той нашей казне исковаша^а себе сосуды златые и серебрянные и имя на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание; всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйсково шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лутче шуба переменить, да в ыходке суды ковати. А о казнах наших дядей глаголати, но все себе восхитиша. По сем же на грады и на села наско-чиша, и тако горяйшим мучением многоразличными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчести? Подовласных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы же свои аки вельможа сотвориша; правити же мянцесья и строити, и, вместо сего, неправды и неустроения многая устроиша, мѣзду же безмерную ото всяких собирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще.²²

²³И тако им на много время жившим, мне возрастом телом преспевающе, и не восхотех под властью рабскою быти, и того для князя Ивана Васильевича Шуйсково от себя отослал на службу, а у себя велел есми быти боярину своему князю Ивану Федоровичю Белскому. И князь Иван Шуйской, приворотя к себе всех людей и к целованию привел, пришел ратию к Москве, а боярина нашего князя Ивана Федоровича Бельсково и иных бояр и дворян переимали советники его Кубенские и иные, до его приезде, да сослав его на Белоозеро и убили, да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша. Таж князь Андрей Шуйской со своими единомысленники пришед к нам в ызбу встоловую, неистовым обычаем перед нами боярина нашего Федора Семеновича Воронцова изымавши позоровав, вынесли из избы да убить хотели. И мы послали к ним митрополита Макария, да бояр своих Ивана, да Василья Григорьевичев Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и оне едва по нашему слову послали его на Кострому; а митрополита затеснили и манатию на нем со источники изодрали, и бояр в хребет

толкали. Ино то ли доброхотны, что бояр наших и угодных нам, супротивно нашему повелению, переимали и побили и разными муками и гонении мучити? И тако ли годно и за государей своих душу полагают, еже к нашему государству ратью приходити и перед нами сонмищем имати, и с нами холопу з государем ссылатися, и государю у холопа выпрашивать? Тако ли пригоже прямая служба? Воистинну вся вселенная посмиется, видя такую правду. А о гонении их же что и глаголати, каковы тогда случишася? От преставления матери нашей и до того времени шесть лет и пол^а не престаша сия злая!²³

²⁴Нам же пятагонадесят лета возраста преходящим, и тако сами яхомся строити свое царство, и по божии милости благо было начялося строити. Понеже грехом человеческим повсегда божью благодать раздражающим, и тако случися грех ради наших, божью гневу разпростершуся, пламени огненному царствующий град Москву попалившу, наши изменные бояре, от тебе же нарицаемая мученики (их же имена волею премену), аки время благополучно своей изменной злобе улучиша, напустиша народ художайших умов, будто матери нашей мать, княгиня Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердца человеческая выимали и таким чяродейством Москву попалили; да бутто и мы тот совет ведали: и тако тех изменников научением боярина нашего, князя Юрья Васильевича Глинского, воскричав, народ иудейским обычаем изымав его, в пределе великомученика Дмитрия Селунского, выволокши, в соборной и апостольской церкви пречистыя богородицы против митрополичья места, безчеловечно убиша и кровию церковь наполниша и, вывлекши его мертва в передние двери церковныя, и положиша на торжище, яко осужденника. И сие убийство во церкви всем ведомо, а не яко ты⁶, собака, лжеш! Нам же тогда живущим во своем селе Воробьеве, и те изменники напустили были народ и нас убити за то, что бутто мы князь Юрьеву мать, княгину Анну, и брата его князя Михаила у себя хороним от них. Тако же убо смеху

подлежит сия мудрость! Про что убо нам самим царству своему запалителем быти? Толика убо стяжания, прародителей наших благословение, у нас погибоша, еже и во всей вселенной обрестися не может. Кто же безумен или яр таков обрящется, разгневався на рабы, да свое стяжание погубити? И он бы их и палил, а себя бы уберег. Во всем ваша собачья измена обличаетца. Како же на такую высоту, еже Иван святой, водою кропити? Сие убо безумие. явьственно.²⁴ И тако ли добродотливо подобает нашим боляром и воеводам нам служити, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, боляр наших побивати, да еще и в черте кровной нам²⁵? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нашу душу от мира сего желаючи на всяк час во он век препустити? Нам убо закон полагающе во святыню, сами же с нами путь шествовати не хотяще! Что же, собака, и хвалишися в гордости и иных собак и изменников похваляешь бранною храбростию? Господу нашему Иусу Христу глаголющу: «аще царство само на ся разделитца, не может стати царство то»; како же и может бранная люте понести против врага, аще межусобными браньми растлитца царство? Како убо может древо цвести, аще корени суху сушу? Тако и сие: аще не прежде строения во царстве благо будет, како бранная храбре поставятца? Аще убо предводитель не множае полк утверждает, тогда множае побеждаем паче бывает, неже победит. Ты же, вся сия презрев, едину храбрость похваляешь; о чесом же храбрости состоятися, сия ни во что же полагаеши, и являясь не токмо утвержая храбрость, но паче разрушая. И являясь яко же ничто же еси; в дому изменник, в ратных же пребывании рассуждения не имея, понеже хочешь междоусобными браньми и самовольством храбрость утвердити, ему же быти не возможно.

²⁵Да того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику, в нашего царствия дворе, во юности нашей, не свем, каким обычаем из батожников водворившуся, нам же такая измены от вельмож своих видевше, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, а чяючи от него прямая

службы. Каких же честей и богатств не исполних его, не токмо его, но и род его! Какова служения праведна от него приях? Слыши наперед. Таж посем совета ради духовнаго спасения ради душа своя, приях попа Селивестра, а чяюще^а того, что он, предстояния ради у престола владычня, побережит души своя, а он, поправ священныя обеты и херотонию иже со ангелы у престола владычня предстояния, иде же желают ангели приинкнути, идеже бо всегда агнец божий жремый за мирское спасение, и никогда же пожренный, — еже он, во плоти сый, серафимский службы своими руками сподобися, и сия убо все поправ, лукавым обычаем, и сперва убо яко благо начало, последуя божественному писанию; мне, видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покоряться безо всякого рассужения, и ему, совета ради духовнаго, повинухся волею, а не ведением; он же возхитихся властью, яко же Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским.²⁵ Потом же вся собрахом, все архиепископы, и епископы, и весь освещенный собор руския митрополия,²⁶ и еже убо во юности нашей, еще нам содеянная, на вас, бояр наших, наши опалы, та же и от вас, бояр наших, еже нам сопротивное и проступъки^б, сами убо пред отцем своим и богомольцем, пред Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем в том простихомся; вас же, бояр своих, и всех людей своих в преступках пожаловал и впредь того не воспоминаати; и тако убо мы всех вас яко благии начахом держати.

Вы же перваго своего лукавого обычая не оставите, но паки на первое возвратитесь, и тако начасте лукавым советом служити нам, а не истинною, и вся со умышлением, а не простотою творити. Тако же поп Селивестр и со Олексеем здружиися и начаша советовати отай нас, мневша нас неразумных суща; и тако, вместо духовных, мирская начашася советовати, и тако помалу всех бояр начаша в самовольство приводити, нашу же красоту власти с вас снимающе, и в супротисловие^в вас приводяще, и честию мало вас не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честию подо-

бляще; ²⁷и тако помалу сотвердися сия злоба, и вас почал причитати к вотчинам и к селам; еже деда нашего великого государя уложением, которые вотчины у вас взимати и которым вотчинам еже несть потреба от нас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил. И потом единомысленника^а своего, князя Дмитрея Курлятева, к нам в синклит препустил; нас же подходяху таковым обычаем, духовного ради совета, будто души ради то творит, а не лукавством; и тако с тем своим единомышленником нача злый свой совет утвержати, ни единые власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам^б власть от нас отъяша, еже вам бояром нашим по нашему жалованью честию председанием почтенным быти; сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе, и яко же кто како восхошет: потому же утвердиша дружбами, и вся властью во всей своей воли имый, ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утвержения по своей воле и своих советников хотение творяще.²⁷ Нам же еще что и благо советующу, сия вся непотребна изчиняху, они же еще что и строитивно и развращенно советоваху, но сия вся во благо творяху!

И тако убо ниже во внешних^в, ниже во внутренних, ниже в малейших и художейших, до обуча^т и спания, вся не по своей воле бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцам^а пребывающим. Ино се ли супротивно разуму, еже не восхотех в совершенном возрасте младенцем быти? Та же потом и сие утвердися: еже нам супротивословие ни единому еже от худейших советников его тогда потреба рещи^е, но сия вся аки злочестива творяхуся, яко же в твоей бо составной грамоте писано; от его же советников еще кто и худейший нам не яко ко владыце или яко к брату, но яко к худейшему чесому надменная словеса неистове изношаху, и сия вся благочестива вменяхуся; кто убо мало послушание или яко покой

нам сотворит, тому убо гонение и мучение; аще ли же кто раздражит нас чем или кое принесет утеснение, тому богатство^а, слава и честь; и аще не тако, то души пагуба и царству разорение! И тако убо нам в сиевом гонении и утиснении пребывающим, и такова злая не токмо от дни и до дни, но от часу ростяху; и еже убо нам сопротивно, сия умножахуся, а еже убо нам послушно и покойно, сия умоляхуся. Таково убо тогда православие! И сие еще кто же убо может подробну исчесть, еже убо в житейских пребываниях, хождениях, и в покое, та же и во церковных предстояниях и во всяком своем житии и гонение и утеснений^б? И тако убо сим бывающим: нам же сия бога ради вменяюще, мнящи убо, яко душевленная ради пользы сиевая убо утеснения творит нам, а не лукавства ради.

²⁸Та же, по божию изволению со крестоносною хоругвию всего православного христианского воинства, православнаго ради христианства заступлением, нам подвигшимся на безбожный язык Казаньский и тако неизреченным Божиим милосердием, иже над тем бесерменским языком победу давшу, со всем воинством православнаго христианства здрава восвоися возвратихомся: что же убо изреку от тебе нарицаемых мучеников доброхотство к себе? Како убо: аки пленника всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и невернейшую землю!²⁸ Аще не бы всемогущая десница вышняго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы. Таково тех доброхотство к нам, за кого ты глаголеши, и так за нас душу полагают, еже душу нашу во иноплемennых руки тшатца предати!

Та же, нам пришедшим во царствующий град Москву, богу же милосердие свое к нам множещи и наследника нам тогда давшу, сына Дмитрея. Мало же времени минувшу, еже убо в человеческом случаетца, нам убо немощию одержиму быти и зельне изнемогшу, тогда убо еже от тебе нарицаемая доброхоты востаха, яко пияни, с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем, мневше нас не быти²⁹, за- бывше благодеяния наших и своих душ, яже отцу нашему

целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас растояшеся в колене, князя Владимира; младенца же нашего, еже от бога данного нам, хотеша погубити подобно Ироду (как им не погубити!), воцарив князя Володимера. Понеже бо аще и во внешних писанных древних реченное, но обаче прилично есть: «царь убо царю не покланяетца; но, единому умершему, другой обладает». Сё убо нам живым сущим таковая от своих подовластных доброхотства насладихомся: что же убо по нас будет! Та же божиим милосердием нам оздравившим, и тако сий совет разсыпая; попу же Селивестру и Олексею оттоле не престаючи вся злая советовати, и утеснение горчайшее сотворяти, но доброхотным же нам гонения и разными виды умышляючи, князю же Владимиру во всем его хотение утвержающе, та же и на нашу царицу Анастасею ненависть зельную воздвигши и уподобляюще ко всем нечестивым царицам; чад же наших ниже помянути могоша.

³⁰Та же собака, изменник князь Семен Ростовской, иже по нашей милости, а не по своему достоинству, сподоблен быть от нас синклитства, своим изменным обычаем литовским послом, пану Станиславу Давойну с товарищи, нашу думу изнесе, нас укоряя и нашу царицу и наших детей; и мы то ево злодейство сыскавше, и еще милостиво над ним учинили казнь свою.³⁰ И после того поп Селивестр, и с вами, своими злыми советники, того собаку почали в велице брежении держати и помагати ему всеми благими, и не токмо ему, но и всему роду его. И тако убо отселе всем изменником благо время улущися; и нам убо оттоле в большем утеснении пребывающе; от них же во едином и ты убо еси: являнно, еже с Курлятевым сыном хотесте судити про Сицкаго.³¹

³²Та же убо наченшися войне, еже на^а герман, — о сем же убо напреди слово пространнейши ся явит, — попу же Селивестру и с вами, своими советники, о том на нас люте належащу, и еже убо, согрешений наших ради, приключаются болезнех на нас и на царице нашей и чадах наших и сия убо вменяху,

аки их ради, еже нашего к ним непослушания, сия бяху! Како же убо вспомяну, и еже во царствующий град с нашею царицею Анастасеею с немощною от Можайска немилостивное путное прихождение?³² Единаго ради мала слова непотребна! Молитвы же убо и прехождения пустым местам, и еже убо приношения и обеты ко святыни о душевном спасении, и о телесном здравии, и о всем благом пребывании нашем и царицы наша и чад наших, и сия вся вашим лукавым умышлением от нас отнюдь взяшесь; врачевстей хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда быше.

И сие убо нам в таковых зельных скорбех пребывающим, и понеже убо таковая отягчения не могохом понести, еже не^а человечески сотвористе, и сего ради, сыскав измены собаки Олексея Адашева со всеми его советники, ³³милостивно гнев свои учинили: смертные казни не положили, но по разным местом розослали. Попу же Селивестру видевши своих советников ни во что же бывши, сего ради своею волею отиде, нам же, его благословив, не отпустившу, не яко устыдившись, но яко не хотевшу судити^б здесь, но в будущем веце, пред агнецем Божиим, еже^в он всегда служа и презрев лукавым обычаем, злая сотвори ми: тамо хочу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне. Того ради и чаду его сотворих и по се время во благоденьствии пребывати; точию убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебе, хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися? И понеже убо до^г конца не весте христианского мнишескаго^а устава, како подобает наставником покоряться; понеже бо немощни бысте слуха, требующим учителя лега ради, ныне же бысте требующе^е млека, а не крепки пища; сего ради тако сия глаголет. И того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворих, яко же выше рех. А еже убо мирским^ж, подо властию нашею сущим, сим убо по коих измене, тако и сотворихом; исперва же убо казнью конечною ни единому коснухомся; всем же убо, к ним не приставшим, повелехом от них отлучатися, и к ним не пристаяти, и сию убо заповедь положивше и крестным целованием утвер-

дихом; и понеже^а убо от нарицаемых^б тобою мучеников и согласных им наша заповедь ни во что же положиши и крестное целованье преступивше, не токмо осташи от тех изменников, но и болми начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первой чин возвратити и на нас лютейшее^в составить умышления; и понеже убо злоба неутолимая явися и разум неприклонен обличися, — сего ради повинныя по своей вине тако суть прияли.³² Се бо есть по твоему разуму «сопротивно разуму обретеса, разумеваея», еже вашей воле не повинаяся? Понеже убо, сами имуще совесть непостоятельную и крестопреступну, малого ради блистания злата прему, се бо нам советуете^г! Сего ради реку: о иудино окаянство сие хотение! От негоже избави, боже, душа наша и всех православных христиан! Яко же бо Иуда, злата ради, предаде Христа^д, тако убо и вы, наслаждения ради мира сего, православное христианство и нас, своих государей, предали есте, свои души забыв и крестное целованье преступив.

В церквах же, яко же ты лжеш, сия несть^е было. Се убо, яко же выше рех, сего ради повинныя прияша казнь по своим винам, а не яко же лжеш, неподобно изменников и блудников нарицаея мученики, их кровь победоносно и святу, и нам супротивных сильных нарицаея мученики, и отступников наших воеводами нарицаея; доброхотства же их и души их пологания за нас — сия вся изъявлена есть, яко же выше рекох. И не можеш решить, яко не облыганы^ж есть, но сия их измены всей вселенней ведомы, аще восхожеш, и варварских языцех увеси и самовидцев сим злым деянием можеш обрести, иже куплю творящим в нашем царствии и в посольственных прихождениях приходящим. Но сия убо быша; ныне же убо всем, иже и в вашей согласии бывшим, всякого блага и свободы наслаждающимся и богатеющим, и никоея же им злобы первая поминаетца, в первом своем достоянии, чести суще.

И что еще? ³⁴На церковь востаете и не престающе нас всякими озлобленными гоните, иноплемennых язык на нас присовокупляюще всякими видами, гонения ради и разорения на кри-

стьяньство; яко же выше рех, на человека възъярився, на бога вооружился есть и на церковное разорение; гонению же — яко же рече божественный Павел: «аз же, братие, аще обрезания единаче проповедаю, что и еще гоним есмь; убо упразднися соблазн креста. Но да и содробнятца развешивают ся!»³⁴. И аще убо, яко же вместо креста, обрезание тогда потребна быша, тако и вам, вместо государя своего владения, потребно самовольство; но и ныне свободно есть: про что еще не престаєте гонити?³⁴

Се убо вся известно ти есть пространнейше, что убо по твоему разуму супротивным обрестися разумевай совесть прокажена. От безбожных же что и глаголати, яко ни во вселенней не обрящеши подобно согласно твоему бесовскому хотению! И сия вся явлена суть, яже от тебе сильных нарицаемым и воеводам мучеником, аще кая прилична им суть истинною, а не яко же ты, подобно Антеру и Енеи^а, предателем Троянским,³⁵ много соткав, лжеш. Доброхотство же и души полагание их выше реченное есть; облыгание же их им всем явлено есть во всей вселенней.

³⁶Света же во тму прилагати не тщуся^б, и слаткое горькое не прозываю. А се ли убо свет, или сладко^в, еже рабом владети? А се ли тма или горькое, еже от бога данному государю владети, о немже многа словеса напреди пространнейша явленна? Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бо составной грамоте писал еси, похваляя еже рабом мимо господий своих владети. Тщужеся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного бога, в троицы славимого, и от бога данного им государя; а от междоусобных браней, ни строптивого жития да престануть, имиже царьствия растливаютца. Се ли убо горько и тма, яко от злых престати и благая творити? Но се есть^г сладко и свет! Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда^а же от междоусобных брани не престанут. Се убо злоба обычей сам себе хапати! Сам не разумея, что сладко — свет, что горько — тма, иных поучает. Или се есть сладко и свет, яко от благих пре-

статии и злая творити междоусобными браньми и самовольством? Всем явлена суть, яко несть^а свет, но тьма, и несть сладко, и горько.

О провинении же и прогневании подовластных наших пред нами. Доселе русские обладатели не истязуемы^б были ни от кого же, но вольны были подовластных жаловати и казнити, а не судилися с ними и ни перед кем; аще же и подобает решити о винах их, ино выше реченно есть. Предстатели же называеши тленных человек, подобно еллинскому блядословию: яко же бо они богу равно уподобляху Аполлона, и Дия, и Зефеса и иных множайших прискверных человек, яко же рече в богословии тезоименитый Григорей, в своих словесех торжественных пиша: «Не Дию си рожества и крадения, судия Критом^в, мучителя, ни юношам гласы, а плещи и плесания вооруженна, богу плачюся глас покрывающе, яко да утаитца отцу чадоненавидцу; люто бо бяше яко младенцу плакаться, яко камени поглащенному, ни Фриигская резания и пискания и елико о Рей^г человецы бесятца. И Дионисия, и стегну болящая и без времени рождение, яко другоицы глава прежде; и Фивеем безумие, сего почитающе и Семелиею молния поклоняема; и лакидонским юношам^г струженным ранами, имиже почитаетца богиня. Где ли Екати темныя и страшныя мечты и Строфиниева по земли игранья и волшвения. Ниже Осиродова томления, другая напасть чтомы Египтяны, ниже Исиды безчестия. Им же присно особна; кому же до требы, и торжество и общее на всех злочестие. Ино се убо точию люто, еже сотворенно добрыми делы во славу и хвалу творца и божественному подобию, елико мочна, стремления быти всяким страstem, жирующим зле и поядуще внутреннего человека, но еже и боги поставити спомошники страstem, да не точию неповинно будеть прегрешение, но божественно мнетися, в такой текуще ответ поклоняемая. Ина множайшая скверная еллинская деяния, яко же от страстей^е от них боги почтошася, блуда и ярости, неудержания и похоти желания. И елико убо хто от них коею страстию одержим бяше, то подобна своей страсти

и бога себе избираше,^а и в онъ верующе, яко же Ираклия блуда,^б Крона же ненависти и вражды, Ариса же ярости и убивства, Деониса же гудения и плесания, иныя же от страстей и боги почтошеся». Сим же и ты уподобляся по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати, продержая славы не трепещуя. Яко же убо еллини подобно своим страстем боги почитаху, тако же и ты, подобно своей измене, изменников похваляеши; яко же убо онем страсть прикровеньна богом почитаема, тако же убо и ваша измена покрываема равно правде почитаема. Мы же убо, християне, веруем в триицу славимаго бога нашего Иисуса Христа, яко же рече апостол Павел: «Имамы убо нову завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величества на высоких, иже, открыв завесу плоти нашея, всегда проповедает о нас, от их же волею пострада, очистив кровию своего завета новаго». Та же и Христос рече во евангелии: «Вы убо не^в нарицаетеся наставницы, един убо наставник ваш — Христос». Мы убо, християне, знаем предстатели тричисленное божество, в ней же познание приведени быхом Иисус Христом богом нашим, тако же заступницу християнскую, сподобльшуюся быти мати Христа бога нашего, пречистую богородицу; и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангелы, аггелы, яко же Моисею предстатель бысть архангел Михаил, Иисусу Наввину и всему Израилю; та же во благочестии, в новой благодати, первое ему, християнскому царю, Коньстантину, невидимо предстатель Михаил архангел пред полком его хожаше и вся враги ево побежаше, и оттоле даже и доныне всем благочестивым царем пособствует. Се убо имеем предстатели, Михаила и Гаврила и прочих всех безплотных, молитвенники же имамы к богу пророцы и апостоли, святители и мученики, лик преподобных исповедник и безмолвник, и мужей и жен. Се убо имеем предстатели християнския. О тленных же человецех, — не вемы их предстатели нарицати. Не токмо сия не подобает подовластным^г нашим, но и нам, царем, неприлично есть нарицатися предстатели: аще убо перфиру носим, златом и бисером украшену,

но обаче тленны есми и человеческою немощью обложени. Та же убо не стыдися тленных и изменных человек предстатели нарицати, Христу глаголющу во святом евангелии: «еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом». Ты же на изменных и тленных человек, не токмо человеческую высоту восхищая, покладаешь, но божию славу восхищаеши^а! Подобно еллином, истушив ума, неистовишися, бесному подобяся; во своей страсти тленных и^б, изменных человек избирая, похваляешь, яко же еллины своих богов почтоша! И ови убо режущеся и всякими пагубами себе погубляюще, в почесть богом; ови же всяким страstem вдашеся, богом подобящеся, яко же рече божественный Григорей: «се убо сквернительство почтоша и сверепству вероваша», тако же убо и тебе подобает. Яко же убо они предскверным своим богом последоваша, тако и тебе своим изменным другом сострадати страстей их подобает и погибнути. Яко же бо еллины неподобно скверных человек боги нарекоша, так и ты неподобно тленных человек мученики нарицаа, и того ради подобает тебе в праздники мучеников своих резания, и страдания, и плесания, и гудения приносить. Яко же еллины, тако же и тебе подобае^т; яко же они пострадаша, тако и тебе мучеников своих в праздники страдати!³⁶

³⁷А еже писал и то, будто те «предстатели предгордыя царства разорили и подручны нам их во всем сотворили, у них же прежде в работе были праотцы ваши», — се убо разумно есть, еже едино царство Казаньское; от Астрахани^в же, неже близ вашае мысли было, не точию дело. О бранной же сей^г храбрости свыше начну ти обличати. Безумие! Како убо, гордостию дмяся, хвалишися! Како бо^а прародителем вашим и отцем и дядем, в какове разуме, храбрости суще^е и помысла попечения, яко вся ваша храбрость и мудрость ни к единому же их сонному видению подобно, и такие храбрыя и мудрыя люди и никим же понужаеми, но своими хотении, а не яко же вы, еже понужаеми на рать и о сем скорбяще, — и такие храбрые тринадцать лет^ж до нашего возраста не могоша от варвар хри-

стиян защищати! По апостолу Павлу реку: «бых вам подобен, безумен хваляся, понеже вы мя понудисте, власть бо приемлете, безумни, аще кто вы поедает, аще кто в лице бьет, аще кто величится; по дасождению глаголю». Всем убо явленны суть, какова тогда злая пострадаша от варвар православнии, от Крима и от Казани: до полуземли^а пусто бяше. И егда начаша, восприяхом з божиею помощию еже брани на варвари, егда первое посылахом на Казаньскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулиньского с товарищи, тако вы глаголали есте, яко мы в опале своей послали, казнити их хотя, а не своего для дела. Ино, се ли храбрость, еже службы ставите во опалу? И тако ли покоряти прегордые царства^б? Тако же, сколько хождение не бывало в Казанскую землю, когда не с понуждением, с^в хотением, ходисте? Егда же бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский христианству^г покори, и тогда како^ж не хотесте с нами воевати на варвары, яко боле пятнадцать тысяч, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша!³⁷ И тако ли прегордые царства разорять, еже народ безумными глаголы наущати и от брани отовращати, подобно Янушу Угорскому?³⁸ Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопоща,³⁹ како три дни стояв^о, хотесте во свояси возвратитися! И повсегда не хотесте во многопребывании подобна времени ждати, но глав своих щадяще, ниже бранныя победы смотряще, точию: или победив наскоре, или побежденным бывшим, скорейши во своя возвратитися. Тако же и войны многоподобныя, возвращения ради скорого, остависте, еже от сего много пролитья крови христианския бысть. Тако же убо и в самое взятъе града, аще бы не удержал вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, не в подобно время брань начати? Та же убо по взятии града божиим милосердием, вы же убо, вместо строения, на грабление текосте! Тако ли убо царства разоряти, еже убо ты, безумием дмяся, хвалишися? Иже ни единыя похвалы, аще истинною рещи, достойно есть, понеже вся, яко раби, понужением сотво-

ристе, а не хотением, и паче же с роптанием. Се убо похвално есть, еже хотением желанія брани творити. Подручна же тако царствия сия сотвористе нам, яко же множае седмь леты мнѣших царств^а и нашего государства бранная лютость не преста! ⁴⁰Егда же Олексеева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако царствия нашему государству во всем послушны учинишеся, и множае треюдесять тысящ бранных исходит в помощь православию. Тако бо предгордые царства^б разорили и подручны нам сотворили! Тако же наш промысл, попечение о православии и тако сопротивен разум, по твоему злобесному умышленію!

Сие убо от Казани; от Крима^в же и на пустых местех, идеже зверие бяху были, и ту грады и села устроишася. Что же убо и ваша^г победа, яже Днепром и Доном? Колико убо злая истощания и пагуба христіяном содеяшеся, сопротивным же не малыя досады! О Иване же Шереметеве что изглаголати? Еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению, случися такая пагуба православному христіяньству. Се убо такова ваша вера и доброхотная служба, и тако прегордая царства разоряете и подручны нам сотворяете, яко же выше явихом.⁴⁰

О ермоньских же градах глаголешь, яко тщанием разума^х изменников наших от бога нам дано. Но, яко же научение от отца своего диявола, всею лжею глаголати и писати! Како убо, егда начася брань, еже на гермоны, тогда посылали слугу своего царя Шигалея и боярина своего князя Михаила Васильевича Глиньского с товарищи, гермона воевати, и от того времени от попа^е Селивестра и от Олексея и от вас какова отягчения словесная пострадах, ихже несть подробну глаголати! Еже како скорбная не сотворитца нам, то вся сия германа ради случися! Егда же вас послахом на лето на ермоньския грады (тобе тогда сущу в нашей отчине, во Пскове, своя ради potrzeby, а не нашим посланием), мне же убо седми посланник наших к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичю Шуйскому, и к тебе послахом; вы же едва поидосте с малейшими людьми, и нашим многим поминанием^ж множае

21

пятнадцать градов взяша. Ино се ли убо тщанием разума вашего, еже нашим посланием и написанием грады взяша, а не по своему разуму? Како же убо воспомяну о гермонских градах супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукаваго ради написание Дятцкого^а короля, лето цело^б дасте безлепа рифлянтю збиратися?⁴¹ ⁴²Они ж, пришед пред зимним временем, и сколько тогда народу христианьского погубили! Се ли тщание изменников наших, да и ваше благо, еже тако народ христианский погубляти! Потом послахом вас с начальником вашим Олексеем со многими зело людьми; вы же едва един Вильян взяли, и тут много наших народу погубисте. Како же убо тогда от литовские рати детцкими^в страшили устрашистесь! Под Пайду же повелением нашим неволею пойдосте, и каков труд воиню сотвористе и ничто же успеете! Таково убо тщание разума вашего, и тако предтвердыя грады гермоньския тщалися есте утвержати? И аще не бы ваша злобесная претыкания была, и божиею помощию, уже бы вся Германия была за православною верою лето же. Оттоле литаоньский язык и гофинский и ина множейша воздвигосте на православие.⁴² Се тщанием разума вашего и тако хотети утвержати православие?

А всеродно вас не погубляем; а изменником везде казнь живет: в кою^г землю поехал еси, тамо о сем пространнейши^а явлена увеси. А за такие ваши послуги, яже выше рехом, достойны были есте многих казней и опалы; но мы еще с^о милостию к вам опалу свою учинили; аще по твоему достоинству и ты к недругу нашему от нас не уехал, и в таком деле, во граде нашем не был бы еси, и утеkania было тебе сотворити невозможно, коли бы в том тебе не верили. И мы, тебе веря, в ту свою отчину послали, и ты так сабацким обычаем измену свою учинил.

⁴³Безсмертен же быти не мняся, понеже смерть Адамский грех, общедательный долг всем человеком; аще бо и перфируношу, но обаче вем се, яко по всему немощию, подобно всем

человеком, обложен есмь по естеству. А яко же вы мудрствуете, еже свыше естества велите быти ми, — от ереси же всякой. Яко ж выше рекох, благодарю бога моего, вем благочестие отчасти утвердити по божию дарованию, елика ми есть сила. Сие же смеху подлежит, еже человеком яко же скотом быти; аще ли же тако, то уже в человецех пара, а души несть: се убо ересь saddukeйская! Сие бо ты неистовишися, без ума пиша! Аз же верою Страшному спасову судищу, хотящим прияти душам человеческим и телеса их, с ними же содеяшася, кождо противу делом его, вси вкупе во едином лику разлучени надвое: царие и худейшая чадь, яко братия истязани будут, кождо противу делу своему. А еже писал еси, аки не хотя уже неумытному судищу предстати, — ты же убо на человеки ересь покладаеши, сам подобно манихейстей злобесной ереси ниша! Яко же они^а блядословять, еже небом обладати Христу, землю же самовластным быти человеком, преисподними же дияволу, тако же и ты будущее судище проповедаешь, zde божиих наказаниих, приходящих согрешения ради человеческого, призираешь. Аз же исповедую^б и вем, яко не токмо тамо мучение, яже зле живущим, преступающим заповеди божия, но и здесь праведнаго божия гнева, по своим делом злым, чашу ярости господня испивают и многообразными наказаниями мучатца; по отошествови же света сего, горчайшая осуждения приемлюще, ожидающе праведнаго судилища спасова, по осуждении же бесконечнаго мучения приемлюще. Сие аз верую Страшному судищу спасову. Та же се вем: обладающа Христа небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на земли и преисподняя состоятца его хотением, советом отчим и благоволением святаго духа; аще ли не тако, сия мучение^в приемлют, а не яко^г же манихей и яко же блядословиши о неумытном судище спасове, ака не хоцем предстати Христу богу нашему ответ дати о своих согрешениих, вся ведущему сокровенная тайная. Аз же убо верою, от всех своих согрешениих вольных и невольных суд^х прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих,

но подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешитца: како же твой разум смеху не подлечит, яко аще тление властели множицею на судищи неволею привлекают, царю же царем и господу господем всеми владеющему како не повинутися? Аще кто безумен и не хочет, то от божия гнева где укрытися? Иже неодолимую превыспрення, яже на воздухе держаще, воду яже бездна обуздавающий и моря востезующе божия мудрости, ему же дыхание в руце всех сущих, яко же рече пророк: «Аще възду на небо, ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси. Аще возму криле мои рано и вселюся в последняя моря, и тамо бо наставит мя рука^а твоя и удержит мя десница твоя. Не утаися кость моя от тебе, яко же сотворил еси втайне, и состав мой в преисподних земли». Сиче убо аз верую неумытному спасову судищу. И от божия десница всемогущия^б живым и мертвым кому возможно куды украсится? Вся нага и отверста пред ним.⁴³

⁴⁴Предгордых гонителей вем Христа бога нашего истиннаго^в противника, яко же рече писание: «господь гордым противитца, смиренным же дает благодать». Станем же убо о сем разсужение имети, кто прегорд: аз ли, еже от бога повинным ми рабом бо повелеваю хотение свое сотворити; или вы, еже по божию велению моего владычества и своего и работнаго ига^г отметається^д, яко господие повелеваете мне свою волю творити, и поучаете, обличаете, учительский сан на ся восхищающе? Яко же рече божественный Григорий к надеющимся юности и во все время дерзающим быти учителем: «Ты же прежде брады учиши старца: или учити веруешь ни^е от возраста, ни ото нрава никако имый? Что посем? Даниил zde и онъ-сиче, юнный судья, и притча на языке: всяк убо обидяй^ж в ответ готов, но не^з закон церкви скудно. Яко же ни единая ластовица весну творит, ни письмо едино землемерца или корабль един море», такоже убо и ты, ни от кого же положен, учительский сан восхищаеши. Се ли^з горд, яко владыце раба учити, или се горд, яко рабу владыце повелевати? Может же се и невежа разумети. Како же, собака, и того не разсудишь,

нако трие патриархи собращася со множеством святителей к нечестивому Теофилу царю, и многосложный свиток послаша; и таковая хуления, яко ж ты, не писаша, аще нечестив бяше царь Теофил: благочестивому же ноипаче подобает смиреннейше вещати, да от бога сам милость обрящешь. Аз же верую Христу богу нашему, яко ниже движением сердечным таковая согрешения имею; и аще убо они, власть имея, и нечестивому не хулиша, ты же кто есть, сан восхищая, неистовая хулиши? И хотите закон божий нуждею утвердити — и своим злобесным хотением вся апостольская предания попираете; апостолу убо Петру глаголющую: не яко обладающе ряду, но образи бывающе стаду, не с нуждею, но волею, ни мшелою, прибытком; вы же всяко призираете.⁴⁴

⁴⁵Гонения же аще на люди воскладаете: вы ли убо с попом и с Олексеем не гонили? Како убо епископа Коломенского Феодосия, нам советна, народу града Коломны повелесте камение побити? Его бог ублюде, и вы его со престола согнали. Что ж о козначее нашем Никите Офонасьевиче? Про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточение много лет, в дальних странах, во алчбе^a и нагоде держасте? И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволен может^b за множество, церковных же и мирских! Кто мало нам послушен, те все гонисте. Или убо се праведно, яко зшивая сети и поляцания, подобно бесом твористе? Сего ради убо паче беззаконно, яко подобно фарисейскому кичению твористе: внеуду являющиеся праведники, внутрьуду же полну лицемерия и беззакония; тако и вы, внеуду бо будто исправления ради гонисте, являющиеся человеком, внутрьжеуду свое несправедное хотение гнева исполняете; и сие ваше гонение всем разумно суть. Истязания же не токмо до власти, но и в движение сердець, яко же рече пророк: «несоделанное мое видесте очи твои, и в книзе твоей вси напишутца», но токмо не ты сему судитель.⁴⁵ Яко же в Старчестве реченно есть еже о Иванне Колове: егда брата осуди, в велице лавре живуще, во пьянстве и в блуде и в прочих неудержаниях, и тако скончашеся. Он же востена и тако виде

себе восхищенна в видении, пред великим градом приведена и господа нашего Иисуса Христа сидящаго на престоле, и собори множества ангел окрест предстояще. И души оной усопшей приношение ко Ивану^а, осуждения ея от него вопрошающе аггелом, в кое место повеле ей вселитися, оному же безответну сущу. И егда приближишися водящи его ко вратом иисусовым, возбранен бысть внити я, и речеся глас иисусов издалеца: «Се ли есть антихрист, восхищая суд мой?». И тако убо по глаголе сем аки гониму, и вратом затворшимся, и мантии с него сняте бывше, еже есть покров божий. Оному же возбнувшу от видения, и мантии не обрете на большее извещение. Оному же по сем пятнадесят лет страдавшу по пустыни, ниже зверя, не токмо человека видевшу, и тако по таковом страдании сподобися тако же видение и мантию и прощение прия. Смотри же, бедник, яко не осуди, но^б возстена, и како пострада страшно, аще праведен! Кольми же паче постражут, иже^в нечестие многа сотворяюща и божий суд на ся восхищающе, и гордящися с прещением осужающе, а не сетующе с милованием. И аще о сетовании такова пострада, кольми же паче осуждай постражет!

Судителя же приводишь Христа бога нашего между мною и собою, и аз убо сего судища не отметаюся. Он убо, господь бог наш Иисус Христос, судитель праведный, испытавъ сердца и утробы, аще хто помыслит что, и в мегновении ока вся суть нага и отверста пред ним, несть иже уккрыетца теплоты очию его, вся ведуще ему тайная и сокровенная; и сие убо весть, за какое дело^л востасте на мя и что ваша ненависть ко мне, и что исперва пострадасте от мене, аще и последи, по вашему безумию, милостию месть вам воздах^о. Но обаче вы соблазн всему и начало злу^ж, понеже убо, яко же рече пророк, мнясте мя червя, а не человека, и о мне глаголете, сидяще во вратех, и о мне пиете, пиюще со други своими вино; к сим убо всем лукавым вашим советом и умышлением, судитель истинный Христос бог наш. И ты убо судию Христа приводишь, дел же его отмещешися: оному

убо глаголюще: «солнце не зайдет во гнѣве вашем», ты же и на суд хочещи ити убо без прошения милости да творящих напасти отрицаешися.

⁴⁶Зла же и гонения безлепа от мене не приял еси, и бед и напастей на тебя не подвигли есми; а кое и наказание малое бывало на тебя, и то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники. А лжи и измен, ихже не^а сотворил еси, на тебя не возваживали есми; а которые свои преступки делал, и мы по тем твоим винам потом и наказание тебе чинили. Аще ты наших опал, за множество их, не можешь изрещи их, како убо может вся вселенная исписать измен и утеснения, земьских и особных, еже вы своим злобесным умышлением сотвористе на мя? А всего тебя есми не лишевали, и от божия земли не отгнали, но сам еси себе от всех лишен^б и на церковь востал, подобно Еутропию скупцу, — не церковь бо его прѣдаде, но он сам от церкви отторжеся; тако же убо и ты: не божия земля тебя^в от себе отогна, но ты себя от божия земли оторгнул еси и на ее пагубу востал еси. Злую же и непримирительную ненависть кою воздах тебе? Видяще тя от всюду от юности твоя и водворении нашем и в синклитство, и до нынешней твоей измены всячески дышуще на пагубу нашу, и достойных мук по твоему злоумию не воздахом. Се ли убо зло и непримирительная ненависть, еже видяще тя о главе нашей злая советующая и в такове приближении и чести и многоименстве державом выше отец твоих, еже вси видят, в какове чести и богатстве родители твои жили, и како убо отец твой, князь Михайло, в кокове жалованье и в богатстве и чести был². Се вси видят, како же пред ним ты, и жолко у отца твоего начальников по селом, колико же у тебя. Отец твой был, князь Михайло, Кубенского боярин^а, понеже он ему даде, ты же наш: мы тебя себе сей чести сподобихом^с. Се ли убо не довольно чести и имения и воздаяния? Всех еси лутчи был отца нашим^ж жалованием, а храброваньем его хужейша еси, изменю пришел³ еси. Аще таков, почему недоволен еси? И се ли твоє благоє и возлюбленое, еже повсєгда сєти и

претыкания нам полепал еси конечно, еже подобно Иуда, на пагубу душу получил^а еси?⁴⁶

⁴⁷И аще кровь твоя, пролитая от иноплемennых за нас, по твоему безумию, вопиет на нас к богу, и еже убо не от нас пролитая, тем же убо смеху подлежит сия, еже бо от иного пролитая и на иного вопиет, паче же и должная^б отечеству си совершал еси: аще бо сего не сотворил еси, то неси^в еси был христианин, но варвар. И сие к нам прилично: кольми же паче наша кровь на вас вопиет к богу, от вас самех пролитая, не ранами, ниже кровными потоки, но многими поты и трудов множество от вас отяхчения безълепа, яко по премного от вас отяготехомся паче силы! И от многого вашего озлобления и скорбления и утеснения, вместо крови, многи излишешся наших слез и воздыхания и стенания сердечнаго; и от сего^г убо пречрезлие прият, еже убо и конечному люблению не сподобисте мя^х, еже о царице нашей и о чадах наших не поскорбисте со мною. Убо сицевое^е на вы вопиет к богу моему, паче общаго^ж вашего безумия, понеже убо ино за православие пролиясте кровь свою, иное же, желая чести и богатства. И сие убо богови неприятно есть; паче же удувления вменяетца, еже славы ради умерети. Мое же утеснение и вместо^з крови пролитие от вас самех приях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим злым сеянием оскорбления строптивнаго, жития не престае^т се, убо наипаче на вас беспрестани к богу вопиет! Совесть же свою испытал еси не истинно, но лестне, сего ради ни истинны не обрел еси, понеже во едином войске испытал еси, а еже убо нашей главе твоего нечестия^с, сие презрел еси; посему мнишися и неповинен быти^х.⁴⁷

⁴⁸«Победы пресветлыя и одоление преславное» когда сотворил еси? Егда убо послахом тя во свою отчину, в Казань, непослушных нам повинути, та же, и в повинных место, неповинных наших привел еси, измену на них возложя; на них же послахом тя, никоево же зла им не сотворил еси. Егда в нашу вотчину, на Тулу, недруг наш Крымской царь пришол, и мы вас тогда послахом; оному же устрашившуся и во своя воз-

вратившуся, воеводам ево Акмагмет улину не со многими людьми оставшуся, вы же поехасте ясти и пити: к воеводе нашему, ко князю Григорью Темкину, и едчи^а пойдосте за ними, они же от вас отъидоша^б здравы. Аще убо и вы раны многи претерпесте, но обаче победы благи никоея же не сотвористе. Како же убо под градом нашим Невлем: пятьюнадесять тысяч четырех тысяч не могосте^в победити, и не токмо убо победисте, но и сами от них язвени едва возвратишася^г, сим ничто же успешу? Се ли убо пресветлая победа и одоления преславно и похвально и честно? Иная же убо не твоей власти бяху: сия убо тебе непохвалу и не восписуетна!⁴⁸

А еже убо мало рождеши своя^а зрел еси, жены своя мало познал еси^б, и отчества своего оставил еси, но всегда в дальних конных градах ⁴⁹ наших противу наших врагов ополчался еси и претерпевал еси естественныя болезни, и ранами учащен еси от варварских^в рук, в различных бранех, и сокрушенно уже ранам все тело свое имееши, — и сия тебе вся сотворишеся тогда, егда^г вы с попом, с Олексеем владесте. И аще не годно, почто тако творили есте? Аще творили есте, почто сами, своею властью сотворив, на нас словеса вскладываете? Аще ли же и мы бы сие^а сотворили, и сие несть дивно; но понеже^б бо сие должен нашему повелению в вашем служении быти^а. И аще бы муж браненосен был, не бы еси исчитал бранныя труды, но паче на преднейшая простирался; аще ли же считаеши бранныя труды, то сего ради бегун явился, яко не хотя бранных трудов понести, и сего ради во упокоении пребывает. Сия ли же твоя худейшая браньнеосия нами ни во что же поставлена, еже ведомыя измены твоя и яже претыкания о нашей главе тебе презренна быша, и яко един от вернейших слуг наших был еси славою и честью и богатством? И аще бы не тако^в, да каких казней за свою злобу достоин еси был^а! И аще бы на тебе не было нашего милосердия, не бы возможно было угонзнути к нашему недругу, только бы тако наше гонение не было, яко же по твоему злобесному разуму писал еси. Бранныя же дела твоя вся нам в ведоме. Не мни мя нера-

зумна суща ниже разумом младенчествуша, яко же начальницы ваши поп Селивестр и Олексей неподобно глаголали. Ниже мните мя децкими страшилы устрашити; яко же прежде такового и не сотвористе, ниже мните, яко же ныне таковая сотвористе^а. Яко ж в притчах реченно есть: «егож не можеша яти, не покушайся имати».

Мздуводателя же бога призываеши; воистинну то есть время мздовоздатель всяким делом, благим же и злым; но токмо подобает разсуждение имети человеку, како и противу каких дел своих кто мздовоздаяние примет? Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшнаго суда божия^б: лице же свое драго показуеши! Хто же убо желает такова ефиопска лица видети? Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже серы очи имуща? Понеже вид^в твой злолукавый нрав исповедует!⁵⁰

⁵¹А еже убо не хочещи молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и пречистой владычицы богородице и всем святым, — воспомяни же к сему, окоянные, аще бы праведне молился еси, рече на нас в послании божественнаго о Поликарпе епискупе: «И аще хочещи и божественнаго видения, святаго некоего мужа воспомянем, и да не посмеешися, истинно бо хощю рещи. Бывшу ми некогда в Крите, священный странноприят мя Карп мужъ, и аще кто другая многия ради чистоты ума к боговидению прикладнейша, ибо ниже святыя тайны, службы начинаше не прежде тамо в предочистительных молитвах священному благосродному видению явльшеся. Глаголеши бо, яко оскорблѣшу его некогда^г от неверных некоему; скорбь же убо, яко от церкви он некоторого ко безбожию прельсти, еще иларионьским днем от того совершаемом. Потреба бѣше от обою^д боголеппе по милости бога и спаса помощника примшу, овогда убо возвратити их, но все дни прежде сего пострадав. Не вем, како тогда многое озлобление некоторое и^е горестъ показав, возлеже спати, убо сиче злея имея^ж (вечер бо бе); о полуноши же (обыче бо в то время сам в себе божественным пением бодрѣствовати). востает убо, ниже снов самех многих сущих и присно присе-

цаемых вне смущения насладився. Стоя же, обаче в божественней беседе, неблагочестивне скорбяще и тужаще: не быти праведно, глаголя, аще живи будут мужие безбожнии, развращающа пути господня правыя. Глаголя молящеся богу^а: пожжением^б неким но обою в конец немилостивне улишити живота. Сия же рече, глаголаше, славу видети; внезапно же дому,^в в нем стояше, поколебавшуся, первые и з верха две половины разделившуся, и некое огневъство многосветлое, сопреди ему, и то (мняше бо прочее бес покрова места) от небесных страны, даждь до того доле носимое. Небо же само откровенно, и на рамени^г небесном Иисуса^а, безмерным человеком виде и ему предстоящим аггелом. И сия убо свыше зритца и тамо удивитися. Долу же преклонься, Карп видети, рече, в земли самое зелную некую пропасть и темную. разседшуся; и мужи убо оны^б, их же кленяше, пред ним на устех стояти пропасти, трепетных и умиленных, елико несносимыя от своих ног^в непостоянныя. З долу же от пропасти^г змием восползовати, а ногами их подвизати. Когда^а оттызатися, со обращающимся вкупе и отегчевающим и влекущим; когда зубы^б ли опаши биющим, или скоктающим, всегда в^в пропость воврещи козньствующих. Быти же и мужем неким посреди змии, на мужие встающим, колебльшим вкупе и пореблющим и биющим; мняху же быти ко яже пастися оной, убо не хотяще, ово же хотяще от зла помалу понуждем вкупе и повинуемы. Глаголаше бо Карп, себе радоватися доле зряще, горких же не брещи^а. Стужати же и пренемогати, яко не подоша уже, и вещью многажды на них встающих, и изнемогоша, и скорбети^в и кляти. И возникъше егда видети убо паки небо, яко же и первые видети, Иисуса же помиловавше бывшее, востати с небесного престола, и даждь до тех воставшаго, и руки благую подати, и аггелом ему соприемлюще иному отинюду держати мужи; и рещи Карпу, Иисусови руце убо простерто: Бий мене прочее, готов бо есмь и паки за человеки спасаемыя пострадати, и любезно ми се есть^б, не иным согрешающим человеком; обаче зри, аще добре^в. имаши и ты, еже в пропасти со

змиями пребывание заминяти же з богом и благими и чело-
веколюбивыми аггелом. Сия суть, яже аз слышах. Верую
истинна быти». И аще убо такова праведна и свята мужа и пра-
ведне молящися на погибель не послуша аггельский владыка,
кольми же паче тебе^в, пса смердяща, злобеснаго изменника,
неправедне на злую волю молящися, не послушает. Яко же
рече божественный апостол Ияков: «Просите и не приемлете,
зане зле».

Великого священномученика Поликарпа видение, еже моля-
щися на еретиков, иже сметевших божественную службу,
о погибели их. И како виде не яко во сне, но явственно,
на молитве стоя, аггельскаго владыку, на плещу херувим-
скую сидяще, и земли убо зинувше пропастию великою, змию
оттуду страшно дышащую^б; онем же яко осужденником руке
опаки связаны имуще и х пропасти оно влеком, иже ини попола-
зование бяху, еже в пропасть сорну впасти. Святому мужу
Поликарпу тако от зелныя ярости гнева разжегся, оставивше
ему пресладкого ми Иисуса видения, и прилежно смотрящи
погибели муж оных. Тогда убо аггельский владыка с плещу
херувимскую сниде и ем мужий оных^з за руку, плещи же свои
представи Поликарпа и рече: Аще сладко ти есть, Поликарпе,
бий мя, понеже и през сих ради плещи свои вдах на раны,
да вся в покойние вмещу. И аще убо такова праведна и свята
мужа, праведне^г молящися на погибель, не послуша аггель-
ский владыка, кольми же паче тебе, пса смердяща, злобеснаго
изменника, неправедна, на злую волю молящюся не послу-
шает. Яко же рече божественный апостол Ияков: «Просите
и не приемлете, зане зле просите^л, да в сластех ваших изжи-
вете». Обаче же верую богу моему: «болезнь твоя на главу
твою да обратитца».⁵¹

⁵²О преподобнем князе Феодоре Ростиславиче, — сего аз
на суд желательно приемлю, аще и сродник вам есть, понеже
бо святии видят меж нами и вами, яже от начала доднесь, и то
убо праведно разсудить. И еже убо нашу царицу Анастасею,
вами уподобляемую^о Евдоксию^ж, како сопровит вашего жела-

тельного злаго немилосердного умышления и хотения святей преподобный князь Феодор Ростиславич, действием святаго духа, царицу нашу от врат смертных воздвиг же? И се убо ноипаче явлено есть, яко не вам способствует, но нам, недостойным, милость свою простирает. Та же и ныне способника уповаем ему быти нам паче, не вам, понеже, «аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте^а творили; может бо бог и от камня сего воздвигнути чада Аврааму». Не все бо, изшедши из Авраама^б, семя Авраамле причитаецца, но живущи по вере Авраамове, се суть семя Авраамле.⁵² Суемудренными же мыслями ничесо же помышляем, ни творим, по лъсце степени и ног своих не утвержаем; но елика наша сила, крепчайша разума испытуем, и на твердей степени, утвердив ноги своя, стоим неподвижно.

Прогнанных же от нас несть никого же, развее сами от православия отторгошеся. Избиенныя же и заточенныя по своим делам, яко же выше рех, по тому тако и прияша. Понеже убо неповини ся глаголете, се убо ноипаче злобу совершаете, яко убо, сотворив зло, и непрошен грех хотите имети. Не тако убо^в грех творитца зол, егда творитца; но, егда по сотворении познание и раскаяние не имает, тогда убо грех злейший бывает, понеже законопреступление аки закон утверждаетца. Радovati же о сих одоление ни о чесом, яко своих подовластных изменных сих видети, по их изменах и казнити. Но обаче о сем скорбети подобает, яко сицевых злобесных разумов възвестеся, еже во всем богоданному владыце сопротивитися. Убиенным же по своим изменам у престола владычня предстояти, како убо возможно есть, паче же человеком неведомо. Вы же изменники, аще вопиете бес правды и не приемлете, яко же выше реченно бысть, понеже сластей ради просити.

Ни о чесом же убо хвалюся в гордости, и никако же убо гордения жалаю, понеже убо свое царское содеваю и выше себя никого же не творю. Паче вы убо гордитесь дмящеся, понеже, раби суще, святительский сан, царский восхищаете, учаше, и запрещающе, и повелевающе. На род же христиан-

ский² мучительных сосудов не умышляем, но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подовластных же своих благих благая подаваем, злым же злая приноситца наказания, не хотя, ни желая, но по нужди, их ради злаго преступления, и наказание бывает; яко же реченно есть во евангелие: «Егда убо состареешися, воздежеша руце свои, и ин тя пояшет и ведет тя, аможе не хочеша». Видиши ли, яко многожды и не хотяще, случаетца по нужди законопреступным наказание. ⁵³«Наругающе же и попирающе аггельский образ, согласующим ласкатели» — не вемы, развее останков вашего злаго совета! Безсогласных же бояр у нас несть⁶, развее друзей и советников ваших,⁵³ иже ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавыя не престающая в почп содевающая, яко же рече пророк: «Горе содевающим совет зол до заутрея и гонящим свет^в, да в совету своем сокрывают праведнаго», или яко же рече Иисус ко пришедшим к нему яти его: «Яко на разбойники ли изыдoste со оружием и з дреколием яти мя. По все дни бех при вас, уча в церкви, и не простросте руки на мя; но се есть ваша година область темная». Губители же души нашей и телу несть у нас. И се убо паки детцкая помпнаеши, — и сего ради убо яко не хотевшим в детстве быти в воли вашей, гонения нарицаете. Вы же владетели и учителя повсегда хотите быти, яко младенцу. Мы же уповаем на милость божию, понеже ⁵⁴доидохом в меру возраста исполнения христово и, кроме божия милости и пречистыя богородица и всех святых, от человек учения не требуем, ниже бо подобно есть, еже владети множества народа, от пнех разума требовати.⁵⁴ ⁵⁵От Кроновых бо жерцех — еже подобно псу лая или яд ехидны¹ отрыгая; сие неподобно писал еси: еже убо сице родителем своим чадом сицевая неудобствия творити, паче же и нам, царем, разум имущим, како уклонитесь на сиебезлеппе творите? Сия⁷ убо вся злобесным своим собацким умышлением писал еси. А еже свое писание хочеша во гроб вложить, се убо последнее християнство и свое отложил еси. Еже бо господу повелевшу еже не проти-

витися^а злу, ты же убо и обычное, еже невежды имут, конечное прощение отвергл еси; и посему бо неподобно и пеню над тобою быти.⁵⁵

В нашей же вотчине, в Вифляньской земле, град Владимир недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши,⁵⁶ — се убо свою злобесную собацкую измену до конца совершаеши. А еже от него надеешься много пожалован быти, — се убо подобно есте, понеже убо не хотесте под божиею десницею власти быти, и от господа данным, нам, владыкам^б своим, послушным и повинным быти нашего повеления, но самовольством самовластным же; сего ради такова себе и государя изыскал еси, еже по своему злобесному собацкому хотению, еже ничем же собою владеюща, но паче худейша худейших рабов суща, понеже от всех повелеваем, а не сам повелевая. Паче же утешен не можеши быти, понеже тамо особь кождо о своем печеся: «хто же бо убо ты от насильных^в рук обидячего восхитити возможет, иже сирю и вдовице суду не внемлющих», иже вы — желающая на християнство злая составлять!⁵⁷

⁵⁸Антихриста же вемы: ему же вы подобная творите, злая советуещи на церковь божью. От насильных же во Израили и от розлиания крови выше писах; потоки же никаким^г не творих, паче же сами вы же сопротивославие не приемлете, но паче потоки любите. А еже синклита, от преблужения рожения, не вемы^д: паче же в вас есть таковая; моавитин^е же и аммонитин — ты еси. Яко же убо они^ж от Лота изшедши, от сыновца Авраамля, всегда на Израиля воеваху, тако убо и ты: еже убо от властительского племени^з изшел еси, и на ны безпрестани советуеши пагубу.⁵⁸

⁵⁹Что же убо писал, хотя^а убо поставити^б судею или учителя, — и к чему убо власть твоя, понеже убо претительно повелеваеши. Тако же убо бесовскому злохитрию подобно! Ово убо лукаво и ласкательно, ово же гордо^а и страшно; та же убо и ты: ово убо гордостию дмяся, выше меры, подобяся местоблюстителем, яко изветы твоя, к нам писал еси; ово же худейшим рабом своим и скудным умом подобяся. Яко

же убо избежавше от рук наших^а, и яко же пси нелепая глаголеше; тако же и ты по своему злобесному, изменному, собачьему хотению и умышлению, иступив ума неистовся, бесному подобяся, колебляся^б, писал еси.

Тем же подобно пророческое слово: «Се владыка господь Сафаоф отимет от иудея и от Еросалима крепляюще и крепяще, крепость хлеба и крепость^в воды, исполина^г крепка, человека ратника, суюдо, и пророка и смотрелива, старца, и пятьдесятоначальника, и дивносоветника, и премудра художника, и разумна послужника. И поставлю юношу начальники их, и ругатели обладают ими. И спаднут ими людие, человек человеку, и человек ко ближнему своему: приразитца отроча к старцу, и безчестны к чесному. Яко иметца человек брата своего и присного отцу своему, глаголя: ризу имаша, начальну, вождь нам буди, се брашна моего область да есть. И отвещав в день он, и речет: не буду стар, несть бо в дому моем ни хлеба, ни ризы: не буду старее людем сим. Яко оставлен бысть Иеросалим, Иудея разоритца, и языцы их беззаконнем госпodeви не покорятца. Занеже смирися слава их, и студ лица их противитца им; грех же свой, яко содомски, возвестиша и явиша. Горе душе их, зане мыслише совет лукав в себе, рекше: свяжем праведнаго, яко непотребен нам есть. Убо плоды дел своих и ядят. Горе беззаконному, злая бо приключитца по делом руку его. Людие мои, приставницы ваши поживают вас, истязюще обладают вами. Людие мои, блажаще, льстят вы, и стезя ног ваших возмутят^г. Но и ныне станет на суд господь и поставит на суд люди своя: сам господь на суд приидет со старцы людей и со князи своими».

И яко же Ареопagit писа к Димофилу^ж иноку: «Димофил же, и аще и кто другия благия враждуя, зело праведни и запрещаетца и навывает^д добрая и ублажаетца. Како бо не подобаше, рече, благому о спасении погибших веселитесь и животе умерших? Сего ради и на рамо взем еже одва от заблуждения возвращения и благия аггелы на веселие воздвижет, и благое от неблагодарных, и восиявает солнце свое на лука-

вое и благие, и на самую душу свою полагает за отбѣгающих. Ты же, и яко писмена твоя являют, и припадшему ко священнику, яко же рекли еси, нечестива и грѣшна, не вѣм како на себе востав отринул еси; та ж ово убо молящеся исповедающе ко уврачеванию злых прити; ты же не ужасеся, но и благому священнику со свирепѣством досадил еси, помилована быти кающагося^а и нечестива судивше; и конец «изыти» рекл^б еси священнику с подобными, и воскочил еси не суще праведно к невходимым, и святая святых скутал еси, пишещи к нам, яко хотящаго растлiti священна промыслительные снабдех, и еще что сохранях. Ныне убо слыши наших: не праведна священника, ото иже от тебе служительно и вкупе тебе раб виновен творити, аще ино чествовати вы божественная мытца, аще ино что ото отреченных обличитца содеяв. Аще бо неудобрение и безчиние божественные их есть предел и устав ишествие не имать слова-бога ради богопреданный разрушити чин. Не бо в себе бог разделися^в; како убо станет царствие его? Аще божие есть, яко словеса глаголют, суд, священницы же вестницы, и пророцы^г по священноначальницех суд божественных судеб, от тех божественных прикладне ты посредством^д служитель, егда есть время, навькни^е, имже и еже быти угодник сподобился еси. Или не священники образи сие воиют? Ибо не просте всех, изрядны суть святая святых; приближаетца вьщим священно-совершительное удобрение, та же священник удобрение, последуя еже сим служительное; вчиненным^ж же угодником, рекше иноком, двери невходимых^з суть отлучены^и, на нихже совершаютца и предстоят не к блюденію их, но к чину и разумению своих, паче людем, нежели священническим приближашеся. Сего ради священных чиновначалія, причещатся им священно полагает божественных, иным, рекше внутреннейшим, их преподание в руце: ибо и божественном образе не присно, предстояще жертвенника зрят и слышат божественная, светле им открываема, происходяще благоверне, на извѣная^к божественных завет послушательным угодником и священным людем и чистящимся чином

и изъявляют по достоянию священная, яже добре пречистая сохраненная, дондеже мучительским воскочил; соблачити святая святых понудил еси нехотящая; и емети рекл еси, священная соблюдать, а паче неже видел еси, ниже слышал еси, ниже имел еси что о прикладных со священником, яко же ниже истинну словес убедил еси, но кождо день^а сия толкуя развращение слышешим. И аще убо языка начальство некто взяти начнет, не повеленно ему от царя, праведне мучитися имате. И аще и князя, оправдающего некоторыя или осуждающаго, предстоя некто от нихже под ним вчиненных посудити дерзнет, не убо, глаголю^б досаждати вкупе и начала изгнати? Ты же, человеце, сие смеятелен еси на^в кроткого и благаго и на священноначальнический его устав. И сия подобаше реши, егда паче достояния кто начинати обаче лепотно^г деяти мнешся, ибо ниже се мощно ни единому. Что^х убо безместно Озия твориша, каде бога? Что же Саул, пожирая? Что же мучительныя бесове, воистинно благославяше Иисуса? Но отриновен есть богословием всяк тужде епискуп и кождо в чину службы своя да не будет, и един первосвященник во святая святых внидет и едино лето, и се во всякой по закону священноначальничей чистоте. И священницы skutывають святая, и левите да не прикоснутца святых, да не умрут. И прогнеवासя господь яростию на продерзнутие Озиево, и Мария прокажена бывает, законодавцу устав полагати наченшия, и на Скевины сыны наскочивше бесове и «не послаша их, рече, и тии течаху»; и «не глаголаху к ним, и тии пророчествоваху»; и нечестивии все пожираеми тельца, яко убивая пса^о. И просто реши, не терпети беззаконных всесовершенна божия правда; глаголющим же им: «о имени твоем силы многия сотворихом», «не вем вас», отвещевает, «отъидете, вси делающе беззаконие». Тем несть лзе, яко же словеса глаголют, ниже праведна, не по достоянию гонити. Внимати^ж же комуждо себе подобает, а не высочайшее и глубочайшее смышляти, разумевати же единая же по достоянию тому повеленная. Что же убо, глаголющи, не подобает священнику зло, или о ином чесом безмест-

ных и обличаемы, а повинны творити, единым же лет есть хвалящийся в законе преступлением закона безчестивати? И како священники изъясителие суть божии? И како убо возвестити имут людям божественное добродетели, не увидевши их силу? Или како просвещать имут потемненные? Како же божественного преподадат духа, ниже аще чтит дух святой, и строим истинною веровавши? Аз же отвечаю ти к сим, ибо не враг Димифил, ниже терплю тебе лихоимствуема сатаною: ибо коеждо сущих при бозе удобрение, боговиднейше вяжше отстоимаго^а есть, и светлейшая вкупе и просвещательное еже паче истинному свету приближнейшая. Да неместне приимеши, но по богоприятном^б прикладстве приближение. Аще убо священник удобрение есть просвещательно^в, светма отпал ести священническаго чина и силы же и не просвещательно, кольми паче же и не просвещенныи. И дерзостив мнитца священныи таковыи начинай, не убоися, ниже устыдиши божественного предстояния гоняй^г, нещюя богу не видети, яже той собою разумен есть, и прельстити нещюет, иже лжиименне от того отца нарицаемаго имеет скверная своя зло и худения (не бо имам рещи молитвами) на божественных знамениях и христовидне пхати. Несть се священник, но злый льстець и поругатель себе и волк на божественныи люди, в кожи обличенный^д. Не Димифилу сия праведныи исправляти. Аще богословие праведне праведная повелевает гонити — праведная же есть гонити, егда воздавати хощет комуждо по достоянию, — праведная со всем достоин гонити, понеже ангелом праведно воздати, яже по достоянию^е, отлучает, обаче не от вас, о Димифиле, теми же нам от бога, и тем иже аще преимуществими аггелы. И просто реще, во всех сущих и первыми вторым и воздаютца, яже по достоянию от всех благочинного и праведнейшаго промысла, иже убо иныи начальствовати от бога учиненны воздают последним себе и послушливым, яже по достоянию^ж. Димифил же слову и ярости и похотеванию яже по достоянию да отлучает, и да не обидит своего чина, но да начальствует меньшими превосходимое слово.

Аще бо на торжищих и видиши рабы владыце, и старцу юношу, или сына отцу досаждающа вкупе и нань идуща и раны нала-гающа и начальствовати имел быхом, аще ли не большими претекша помогли бежом, а паче же негли оны преобидели бяху, како не устыдиться имамы, презирающе от ярости и похотения обидимо слово, и еже от бога даннаго начала изго-неимо и в себе нечестивое и несправедное безчиние, и расприя и неудобрение воздвижуще? В лепоту блаженный наш от бога законоположник не удостоят церкви божия и предстатель-ствовати, иже не своего дому добре уже предстательствати, ибо иже^а врачюни себе, иного врачунит, а иже^б иного — и дом и град, иже град — и язык, и просто рещи, яко же слова глаголя: «иже в мале верен, и во мнозе верен есть»^в. Сам убо похотению и яростию и слову, яже по достояния, отделя, и тебе же божественныи служителие и сим священницы, священноначальницы же и священником и священноначальником апостолы, иже апостолы приемницы. И аще где кто во оных прикладнаго погрешит, от въкупочинных и святых да испра-витца и не возвратятца имать чин на чинов, кождо в чину своем и в службе своей да будет. Толика ти от нас о еже видети и деяти, яже твоя. О еже в мужа, яко же глаголеши, нечестива и мерска, безчеловечия, не вем, како восплакати и сокруше-ние любимаго ми. Чи бо мниши угодник от нас устроен быти? Ибо аще не благаго всякаго убо и нас нужно тя быти, и яже в нас служения всего чюжда, и время тебе бога искати и све-щенники другия и от тех возверитися паче, нежели соверши-тися и быти любезнаго^г безчеловечия жестоко ти служитель. Егда убо мы сами ко отнугней святости на кончаных быхом и не требуем божественнаго себе человеколюбия, или сугубое согрешение, яко же словеса глаголют, по нечестивых и согре-шаем, не ведуще в чем претыкаяся, но правдающе себе и мняще и видети, во истинну же не ведяще? Ужасеся небо о сем и вос-трепетах аз, не веруя себе. И аще не твоим беседовал бых, яко да не бых им беседовал! Да^х веси писменом не убо пови-нули мя быша, аще убо и нецыи от^д тебе повинуты мя^е достойна

судиша, яко Димофил нещюет благаго о всех бога не быти и человеколюбива, ниже себе требовати милующего или спасающего, но и священники отхиротонисает^а сподобленны благочестию носити неведения людская и милостива бога творити, яко добре видеши, яко ти обложения суть немощию. Но богоначальным священносовершителъ инем путем шествовал, паче от грешник, яко священная словеса глаголют, отлучен, иже в того любве указ творит, и еже овец кротчайше пасение. И лукава наричет, иже не отставляшаго срабному долг, ниже отчисти преподавашаго дарованныя ему зело многия благости, осуждает еже своих воспряти его, еже нуждо убоиться и мене^б Демофилу, иже в нечествующем^в в самое страдание оставление производит ото отца, запрещает же и учеником, яко нечестием немилостивне^г удостоиша осудити отогнавше его самаритене. Се уже много глаголаю гонити свирепого послание, горе бо и долу словиши, яко не себе, но бога отомстил еси; злобою, рцы ми, благаго? Отступи, не имамы архиерея, не могущаго простити немощей наших, но и беззлюбив есть и милостив, не взовет, ни воскричит^а, той кроток, той отцыщен есть о гресех наших. Тех же не приемлем твоя неревнительная устремления, иже аще тмами воспримеши Финеса, Илию, сие бо слышаху Иисусу не вгод бяху кроткого тогда и благаго духа непричастни ученицы. Ибо божественнейши наш священноположник кротостию учить противящихся учению божію: учити бо, а не мучити^е подобает нивидящей, яко же и слепыя не мучим, но и наставляем. Ты же возникнуть на свет начинающа мужу, по лицу бия, отринул еси и со многим студом^ж приходящаго свирепо^з отогнал еси. Се уже многого и ужеса достойно, его же Христос бог сый, и по горах бирающаго ищет и отбегаящаго и призывает, и обретшеся едва на раму^и возьмет. И моляся, не зле сице и о себе светуимся, ниже в самех в нуждах имех боже обидети некоторыя или сопротивно благодетельствовати начинающе, о нем убо не всяко содеяша, яко же хотяху, себе же злобу или благостыня совселивше или божественных добродетелей или свере-

пных исполнены страсти будут, и сии бо аггелом благим споследницы и спутницы и зде, иже и тамо во всем смирении и во свободе всех злых^а во присносущем вѣце блаженны наследствуют покоища и з богом и присно будут, еже всех благих величайшее^б. Сии же отпадут^в божественнаго вкупе и своего смирения и зде же и по смерти вкупе со свирепыми бесы будут. Сего ради и нам^г много тѣханием з богом благим быти и быти с господем всегда, а не злым от праведнейшаго еоотлучитися, яже по достоянію от своих претерпѣвше, егоже аз паче всех бояся и моляся быти всех злых непричастен».

Тем же и сие тебе подобно есть, понеже учительский^к сан восхищаючи, яко же божественный апостол Павел пишет: «Се ты Иудей именуеши, и почиваше на законе, и хвалишися о бозе, и разумеши воля, искушаеши лучшая, научаеши от закона, надеежся себе вожь быти, слепым свет, сущим и во тме, наказатель безумным, и учитель младенцем; имяше образ разума истинне, в законе научая бо иного^о, себе ли не учиши? Проповедая не красти — крадещи; глаголяи не прелюбы творити, прелюбы^м твориши; скаредуя^з идол, святая крадещи. Иже в законе хвалишися, преступлением закона богу досаждаеши. Имя божие вас ради хулитца во языцех».

Яко же рече божественный Григорей: «Аз убо человек быти и поведу ти животное временна и тленна естества и приемлю, се бо добро и поклоняюся давшему, инем предаю и предносаю милости, милостив^н бо и сам ся немощію обложен, яко и се в меруем меруся. То же что^к глаголеши, что законнополагаешь? О, и новый фарисею и чист званием, а не волею, и даша нам Наватова тою же немощи. Не приемлещи ли покойние, не даещи ли плачу места, не проливаещи ли слез? Да не и ты такому суду впадеши! Не стыдиши ли ся, еже Иисусу человеколюбець, немощи наша примшю и недуги понесшу, не праведники пришедшу призвати, но грешныя на покойние, милости хотяще паче неже жертвы, седмьдесят седмерицею оставляющю прегрешения. Яко же блаженна ти есть высота, аще чистоты бы

была, а не гордость закону, от звыше человека и реша нечаянием исправлением, подобно бо есть зло и оставление целомудренно и зазрение непростенно: ово убо всю оставити бразду, ово же крепко задавлиати. Яви ми чистоту, и приемлю ти дерзости. Ныне же^а боюся, да не точию гной ми внесеши, в неисцеление^б. Ни Давыда приемлеш^в кающесея, ему же пророчески дар покаяние соблюде, ни Петра великаго, пострадаша нечто человеческой при^г спасеней страсти? Но Исус приемлет, трищи вопрошением, исповеданием трикратно отвержение^д изцели. Или не скончавшагося^е приемлеш^ж кровию, — есть бо сѣ твоего неразумия, — ни в Коринфе беззаконновавшего? Павел бо и любовь утвердив, имже исправление виде, и почто, яко не вящшею^з печалию погрузитца таковой отяготив безчислием запрещением. Не юным ли вдовицам посегати возраста ради, удобь пленимаго? Павел се дерзну, ему же ты являеш^и учитель, яко на четвертое небо дошед и другой рай и недоведомых слышав и больший круг проповеданием прошед. Но не по крещении? Сия рече, кое указание или покажи или не осуждай. Аще ли изреченно, да удолеет человеколюбное. И ки ми закон Наватов человека ненавидства^к, иже лихомство убо не пресече второе идолослужение, блуд же тако горько осуди, яко без тела и бесплотен».

Пророк же Давыд рече: «Грешнику же рече бог: въскую ты поведаш^л оправдания моя и восприемлеш^м завет мой усты твоими? Ты же возненавиде наказание и отверже словеса мои вспать. Аще видеш^н татя, течаше с ним и с прелюбодеем участие свое полагаше». Прелюбодей же убо не плоти; ино яко же прелюбодей плотию, сиче изменою. Тако же убо и ты со изменники участие свое полагаеш^о. «Уста твоя умножиша злобу и язык твой сплеташе льщения. Седяй на брата своего клеветаше, на сына матер^п своя полагаше уста твоя соблазн». Брат же и сын матер^р своя — всяк христианин, понеже во единой купели крещени и вси родихомся свыше. «Сия сотворил и умолчах, вознепщевал еси беззакония^с»; яко буду тебе подобен. Обличю тя и представлю пред лицом твоим грехи

твоя. Разумейте же сия, забывающей бога, да не когда похитит и не будет избавляйяй».

Дана во вселенней Росийстей царствующаго, православнаго града Москвы, степени чеснаго порога, крепкая заповедь и слово то, лета от создания миру 7072-го, июля в 5 день.⁵⁹

ТЕКСТ «СБОРНИКОВ КУРБСКОГО»

Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому, против его князя Андреева письма, что он писал из града Волмера

Бог наш троица, иже прежде век сый, ныне есть, отец и сын и святой дух, ниже начала имать, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, и имже царие царствуют и сильнии пишут правду; иже дана бысть едиnorodнаго слова божия Иисус Христом, богом нашим, победоносная херугви и крест честный, и николи же победима есть, первому во благочестии царю Константину и всем православным царем и содержателем православия, и понеже смотраения божия слова всюду исполняшеся, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орли летание отекше, даже искра благочестия доиде и до Руского царства: самодержавство божиим изволением почин от великого князя Владимира, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великого царя Владимира Манамаха, иже от грек высокодостойнейшую честь восприемшу, и храброго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшаго, и хвалам достойного великого государя Дмитрея, иже за Доном над безбожными агаряны велику победу показавшаго, даже и до мстителя неправдам, деда нашего, великого государя Ивана, и в законенных прародительствиях земля обретателя, блаженные памяти отца нашего, великого государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скипетродержания Руского царствия.

Мы же хвалим за премногую милость, произшедшую на нас, еже не попусти доселе десницы нашей единоплеменной кровию обагриться, понеже не восхитихом ни под ким же царьства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царьствии, тако и возрастяхом и воцарихомся божиим велением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чужее восхитихом. Сего православнаго истиннаго христианскаго самодержавства, многими владычествами владеющаго, повеление, нам же христианский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего содержания боярину и советнику и воеводе, ныне же преступнику честнаго и животворящаго креста господня, и губителю христианскому, и ко врагом христианским слугатаю, отступльшим божественнаго иконного поклоняния и поправшим вся священныя повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим со священными сосудами и образы, яко же Исавр, и Гноетесный, и Арменский^а, сим всем соединителю, — князю Андрею Михайловичю Курбскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти Ярославскому владыце, ведомо да есть.

Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, единокровную свою душу отвергл еси? Что даси измену на ней в день Страшнаго суда? Аще и весь мир приобрящеши, последи смерть всяко восхитит тя: чесо на теле душу предал еси, аще и убоялся еси смерти, по своих бесех и выщних друзех и назирателей ложному слову, и всю? Яко же беси на весь мир, тако же и ваши извельшия быти друзи и служебники, нас же отвергшеся, преступивше крестное целование, бесов подражающе, на многообразныя ми воды всюду сети поляцающе, и бесовским обычаем на всячески назирающе, блюдуще хождения и глаголания, мяяше нас яко безплотным быти, и от сего многия сшиваючи поношения и укоризны на нас, и весь мир позорующих и к вам приносящих. Вы же им воздаяние много за сие злодейство даровали есте нашу же землю и казною, называючи их ложно слугами; от сих бесовских слухов напол-

Посланіє црѣ Івелиного князя Іоанна

нилися есте на мя ярости, яко же ехидна яда смертоносна, и възъярився на мя и душу свою погубив, и на церковное разорение стали есте. Не мни, праведный, на человека възъярився, богу приразитися; ино бо человеческо есть, аще и порфиру носит, ино же божественное. Или мниши, окаянне, яко убржешися? Никако же! Аще ти с ними воевати, тогда и церкви ти разоряти, и иконы поспирати, христиан^а погубляти; аще же где и руками не держнеши, но мыслию да своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши. Помысли же, како бранным пришествием мягкая младенишная удеса конскими ногами стираема и растерзаема! Егда же убо зиме належати, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное умышление, како не уподобится Иродову неистовству, еже о младенцах убийство показа! Сие ли мниши благочестие, еже сицевая зла творити? Аще множае нас глаголеши воюющих на христиан, еже на германы и литаоны, ино несть сие. Аще бы христиане были в тех странах, и мы воюем по прародителей своих обычаем, яко же и прежде сего многажды случалось; ныне вемы, в тех странах несть христиан, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб господень. К сему же и литовская брань учинилося вашею же изменою и недоброхотством и нерадением безсоветным.

Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимо текущая, нелепотную славу приобрел еси, и не на человека възъярився, но на бога встал еси. Разумей же, бедник, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом спеш еси! Збыться на тебе реченное: «И еже имея мнится, взято будет от него». Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубил еси, а не бога ради. Могут же разумети тамо сущи, разум имущи, твой злобный яд, яко, славы желая мимотекущая и богатства, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение? Последи всяко же умерети. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоих друзей, сатанинских

слуг, злодейственному ж солганию, се убо явственно есть ваше изменное умышление от начала и доныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам предвладущим да повинуются: никакая же бо владычества, еже не от бога, учинена суть; тем же противляйся власти, божию повелению противится»? Смотри же сего и разумевай, яко противляйся власти богу противится; и, аще кто богу противится, сий отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение. И сии же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровми и брании приемлют власть. Разумей же выше-реченное, яко не восхищением прияхом царство^а; тем же наипаче, противляйся^б власти богу противится! Тако же, яко же инде рече апостол Павел, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати.

И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити? Но ради привременныя славы, и сребролюбия, и сладости мира сего, а се свое благочестие душевное со христианскою верою и законом попрал еси, уподобился еси к семени, подающему на камени, и возрастшему; и возсиявшу солнцу со зноем, абие, словесе ради ложнаго, соблазнился еси, и отпал еси и плода не сотворил еси; о по ложных словесех убо, подобно на путь подающему, сотворил еси; еже уже — подобно на путь — веру и враг из сердца твоего восхитил есть и сотворил тя во всей воли ходити. Тем же и вся божественная писания исповедуют, яко не повелевают чадом отцем противитися и рабом — господем, кроме веры. И аще убо сие от отца твоего, диавола, восприем, много ложными словесы соплетеш, яко веры ради, — жив господь бог мой, жива душа моя, — яко не токмо ты, но и все твои согласники и бесовския служители не могут в нас сего обрести. На се же уповаем, божия слова воплощением и пресвятыя его матери, заступницы христиан-

ския, милостию и всех святых молитвами, не токмо тебе сему ответ дати, но и противу поправших святые иконы, и всю христианскую божественную тайну отвергшим и бога отступльшим — к ним же ты любительно соединился еси, — словесы их нечестие изобличити и благочестие явити и воспроповедати, яко же благодать возсия.

Како же не усрамишися раба своего Васки Шибанова? Еже бо он благочестие свое соблюде, и пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебе не отвержеса, и похваляя и всячески за тя умрети тшашеся. Ты же убо сего благочестия не поревновал еси: единого ради моего слова гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси, понеже божиим изволением, деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и оне, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служить и деда нашего детем и внучатом. И ты то все забыл, собацким изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагом христианским соединился еси; и к тому, своя злобы не разсмотря, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменем меча, неленая глаголеши, и раба своего во благочестия не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыце отвергался еси.

Писание же твое приято бысть и разумлено внятно. И понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пелыни обретающеса, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче елей, и та суть стрелы». Тако ли убо навекл еси, христианин будучи, христианскому государю подобно служить, и тако ли убо честь подобная воздаяти от бога данному владыце, яко же бесовским обычаем яд отыгаеши? Начало убо твоего писания, яже убо не разумеая написал еси, наводцкое помышляя, еже бо не о покаянии, но выше человеческого естества мниши человеком быти, яко же и Нават. Еже убо нас вся написал еси, и сие убо тако есть: яко же тогда, тако и ныне

веруем, верую истинною, богу живу и истинну. А еже убо сопротивным разумеая и совесть прокаженна имуще, се убо навадцкое помышляеши, и не разсуждаеши евангельского слова, еже реченно есть: «Горе миру от соблазн. Нужно есть, иже не приити соблазном; горе же человеку тому, имже соблазн приходит. Уне бы было ему, дабы жернов осельский обвязан был о выи его и потонет в пучине морстей». И много слепотствующихя твоя злобы, не можеши истинны видети: како, мняйся стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служить, своими руками агнец жремый закалати за мирское спасение сподобися, и сия вся поправшу с своими злобесовскими советники, на нас своими лукавыми умыслении многая томления подвигосте? И сего ради, еже от юности моя благочестие, бесом подобно, поколебасте, и еже от бога державу, данную ми от прародителей наших, под свою власть отторгосте. Ино се ли совесть прокаженная, яко свое царство во своей руке держати, а работным своим владети не давати? И сему сопротивен разуму, еже не хотети быти работными своими владенну? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладаему и повеленну быти?

Сие убо от внешних; и от душевленных и о церковном аще есть малое согрешение, но сие от вашего же соблазна и измены; паче же и человек есмь: несть бо человека без греха, токмо един бог; а не яко же ты, яко мнишися быти выше человека, со ангелы равен. А о безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствия своими не владеют: како им повелят работныя их, тако и владеют. А Росийское самодержество изначала сами владеют всеми государьствы, а не бояре и вельможи! И того своей злобе не мог еси разсудити, нарицая благочестие, еже под властью нарицаемого пона и вашего^а злочестия повеления самодержеству быть! А се по твоему разуму нечестие, еже от бога данной нам власти самим владети и не восхотехом под властью быти пона и вашего злодеяния! Се ли разумеваемая «сопротив», яко вашему злобесному умыслению тогда, божиею милостию и пре-

чистыя богородицы заступлением, всех святых молитвами и родителей своих благословением, погубити себе не дал есми? А какова злая от вас тогда пострадах! Се убо пространнейшии напреди слово известит.

Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предание не тако, имыи гром бытие, се убо вашего же ради лукаваго умышления, понеже мя исторгасте от духовного и покойнаго жития, и бремя, фарисейским обычаем, бедне носимо, на мя наложиште, сами же и ни единым перстом не прикоснустесь; и сего ради церковное предстояние не твердо, ово убо царских правлений, еже вами разрешено, ово же ваших злолукавых умышления бегая. И гром же сходяще немощи человечестей; понеже много народ во след своего пагубного умышления отторгосте, и того ради, — яко же мати детей всяческия попускает глумления, ради младенства, и егда совершени будут, тогда сие отвергут, или убо от родителей разумом на унышее возведутся, или яко же Израилю бог попустить, аще и жертвы приносить, токмо богови, а не бесом, — того ради и аз сотворихом, сходяще^а к немощи их, точию дабы нас, своих господарей, познали, а не вас, изменников. И чим у вас извыкли прохладжати? И се ли вам супротивно явися, еже вам погубити себя не дал есми? А ты о чем супротивно разума, души твоей, крестнаго целования, сотворил еси, ложнаго ради страха смертнаго? Сам убо сего не твориши, нам же сие советуеши! Си убо навацкое и фарисейское мудръствуеши: навацкое убо, еже выше по естеству человеческого велишь человеком быти; фарисейское же, еже, сам не творя, иным повелеваеши творити. Паче же сия поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и ныне не престаеете, всяческим образом дивнаго зверя распыхаяся, измену свою совершаете: се ли ваша^б добродетельная, прямая служба, еже поношати и укоряти? Бедному подобящися, колеблется, и божий суд восхищающе и преже божия суда своим злолукавым самохотным изложением, яко же своими начальники, попом и Алексеем, изложили есте, собацки осужающе. И сего ради богу противляющися, яко же и свя-

тых всех преподобных, иже в посте и в подвизах просиявших милованием, еже грешным, отвергосте; много бо в них обрящешь^а падших и вставших (возстание не бедно!) и стражущи руку помощи подавши, и от рова согрешения милователне возведших, по апостолу, «яко же братию, а не яко врагов имуще», — еже ты отвергл еси! И якова от оних бесов пострадаша, таковая и аз от вас пострадах.

Что же, собака, и пишешь и болезнуеши, совершив такую злобу? К чему убо совет твой подобен будет, паче кала смердяй? Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих зловерных учинено, еже иноческое одеяние свергше и на христиан воевати? Или се есть вам отвещание, яко невольное пострижение? Ино несть сие, несть. Како убо Лествечник видех неволею ко иночеству пришедших и паче вольных исправившася? Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Многи же и не в Тимохину версту обрящещи, тако же святых, и не поправшим иноческого образа, глаголю же и до царей. Аще ли же кои дерзнуша сия отворити, ничим же пользоваша, наипаче в горшая телесная и душевная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский, пострижен от зятя своего Романа Галичского. Смотри же благочестие и княгиню ево: восхотевши взяти ее из невольнаго пострижения, она же не восхоте мимотекущаго царствования паче нетленного, — пострижесе и во схиму; он же убо, разстригши ея, многи крови христианския и святыя церкви и монастыря пограби, игуменов и попов и черноризцов, почему и до конца княжения не возможно удержати; ино имя его без вести бысть. Тако же и во Цариграде⁶ множайшим сего обрящещи: овем убо носы урезаны; инем же, во мнишеская одеяния бывшим и на царство паки наскочившим, и zde убо горчайша смерти прияша, тамо же безконечны муки прияша, понеже санолюбия ради и гордости сие сотвориша. Сие же от владычествующих, кольми же паче от работных! Божий суд ожидает, иже ангельский образ поправшим! Многи же и не в давних летех пострижены от синклитов, превелика

паче же первых сие дерзнуша сотворити, аще и в прежнюю паки приидоша. Таково ли благочестие держите, еже сие злобесным своим обычаем нечестие сотворяете?

Или мнишися, яко ты еси Авенир сын Ниров, есть храбрейший возрастом? Или, еже та сия писания злобесным своим обычаем нечестия сотворяете, или мнишися гордостью дмися писати? И от того да что бы есть? Егда убо уби его Иоав, сын Саруи, тогда оскудели во Израили. Не пресветлые ли победы з божиею помощию на противныя показаша? Се убо, гордостью дмися, всеу хвалишися! Смотри же и сего, еже подобно тебе сотворшаго; аще ветхословие любииши, к сему ты и приложим; что убо поможе ему бранная храбрость, еже господина своего нечестие, еже убо поят подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о сем сыну Саулю Мумфиосу, он же, разгневався, отступи от дому Сауля и тако погибе. Ему же и ты уподобися злобесным своим обычаем, желая гордостно излише чести и богатства. Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты от бога данные грады и села посягая, равно тому нечестие, бесуясь, сотворяеши. Или убо предложи ми плач Давыдов? Ни убо царь праведен^а сы? И не хотя убиение сотвори; нечестивий же в своей погибели погибе. Смотри же, яко бранная храбрость не помогает, аще кто господина не чувствует. Но и еще предложу ти Ахитофела, подобно тебе, лукав совет совещающе Авесолому на отца: и како потрясе? Но последуя сия, единого старца разумом совет его разсыпая, и весь Израиль побежден бысть малейшими людьми. Он же удавления конец погибельный обрете. Яко же тогда, тако и ныне обычай — благодать божия в немощи совершатися, и ваша злобесная на церковь востания разсыпает сам Христос: Смотри же и древняго отступника Иеровоама сына Наваща: како отступи со десятью колена Израилевами, и сотвори царство в Самарии Самврий и отступи от бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеса царство Самарии тое неудержанием царей и вскоре погибе; Иудино же, аще и мало бысть, но странно, и пребысть до изволения божия, яко же

рече пророк: «разверепе, яко юница, Ефрем»; и паки инде реченно бысть: «сынове Ефремли, наляцающе и спеоюще луки, возвратишася в день брани, зане не сохраниша повеления господня и в законе его не изволиша ходити». «Человече, останися рати: аще убо со человеком борешися, то одолеет тя, или одолееши; аще с церковию борешися, то всяко одолеет тя, жестоко бо ти есть против рожну прати: не бо и вступиши, на нозе свои окровавиши. Да ся пенит море и бесит; но Исусова корабля не может потопити, на камени бо стоит; имамы в нем кормчию Христа; вместо же гребца — апостоли, вместо кормник — пророки, вместо правителей — мученики и преподобныя; и сия убо вся имущи, аще и весь мир возмутится, но не убоимся погрязновения: мене убо светлейши твориши, сам же свою погибель содеваеши».

Како ж и сего не могли еси разумети, яко подобает властелем не зверски яритися, ниже безсловесно смирятися? Яко же рече апостол: «овех убо милуете разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе». Видиши ли, яко апостол повелевает страхом спасати? Тако же и во благочестивых царех временех много борящееся злейшее мучение. Како же убо, по твоему безумному разуму, единоко быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукам неповинни, паче же и злейшая сих лукавая умышления; то убо вся царствия невстроении и межоусобными бранями вся растлятся. И тако ли убо пастырю подобает, еже не рассмотреть о пестроении от подвластных своих?

Како же не стыдишися, злодеев мученики нарицая, не рассужая, за что кто постражет? Апостолу вопиюще: «аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается»; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во всем исповедании глаголющим: мучими убо суть татие, и разбойницы, и злодея, и прелюбодей: такови ли убо блаженнии? Понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради. Божественному же апостолу Петру глаголющу: «лучше убо благотворяще пострадати, неже зло творящим мучения». Вы же,

злбесным своим обычаем подобящся ехитнину отырганию, ядь изливающи, ничто же повиновения человек, и законопреступления, и времен разсужающе, свою злолукавую измену бесовским умышлением, лестию языка покрыти хотяще. Се ли убо сопровитвно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великого Константина: како, царьствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил есть! Князь Феодор Ростиславич, прародитель ваш, в Смоленске на Пасху колики крови пролиил есть! И во святых причитаются. Како же убо и Давыд, иже обретеса богу по сердцу и хотению, како^а повеле и Давыд, да всяк убивает Усейна: и хромыя, и слепыя о ненавидящих душа Давыдовы, егда не прииша его во Иеросалим, како убогих причитательных в вотчинники, яко не восхотеша от бога даннаго им царя прияти? Како же разсудиши и се, еже таково благочестие царь на немощней чади силу свою и гнев показа? Или убо нынешнее изменники не ровню сим злобу сотвориша? Но паче и злейше. Они убо точию возбраниша приход и не успеха ничто же; сии того, и ятово от них, богом им даннаго, и рождышагося у них на царьстве, царю преступив крестную, крестную клятву, отвергоша, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словом и делом, и тайными умышлении: и чесому убо они сих подобнее злейшим казем? Аще ли речеши: «она явна есть, сия же не явна», по сему убо злейший есть ваш злбесный^б обычай; яко человеком видимо есть доброхотство и служба, от сердец ваших исходит помышления, злодеяние, пагуба смертная к разорению; усты своими убо благословляете, сердцем своим кленете. Многа ж и ина обрящеши во царьствии царей своих: царьства во всяких нестроениях исправиша и злбесных человек разумы и злодеяния возразиша. И повсегда убо царем подобает ово зрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярим; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли бо не бояться власть? Благо твори; аще ли злое твориши, бойся, не бо туне

мечь носит — в месть злодеем, в похвалу же добродеем. Аще благ еси, почто имея в сингклите пламени палящи, не погасил еси, но паче разжегл еси? Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевел наполнил еси! И збытсся на тебе пророческое слово: се всеявый огонь, жжете и ходите по свету пламени огня вашего, егоже сами себе разжегосте. Како же убо ты не со Июдою ли предателем равно причтеся? Яко же бо он на общаго владыку всех, богатства ради, возбесися и на убиение предаст, со ученики водворящися, со иудеи же веселящися, тако же убо и ты, с нами пребывая, и хлеб наш ядыше, и нам служити соглашаше, на нас злая в сердцах собираше. Тако ли убо исправил еси крестное целование, еже хотети добро во всем безо всякие хитрости? И что убо твоего злохитрия умышления злее? Яко же рече премудрый: «несть главы, паче главы змиевы», паче же инныя несть злобы твоя.

Почесому же и учитель еси души моей и телу моему? Кто убо постави судию или властеля над нами? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшного суда? Апостолу Павлу глаголющу: како убо веруют бес проповедующаго, како же и проповедуют, а не послани будут? И се убо бысть в пришествие Христово: ты же от кого послан еси? И кто тя рукополагателя постави, яко учительский сан восхищаючи? Апостолу Иякову сие отрицаючи: «Не мнози учителя бывайте, братие, ведящеи; яко вящей грех приемлем, много бо согрешаем вси: иже словом не грешити, сей совершен муж, силен обуздати и все тело. Се и коням бразды во уста влагаем, да повинуются нам, и все тело^а их обращаем. Се и корабли, толицы суще, от жестоких ветров заточаеми, обращаются малым кормильцем, яко же хотим: тако и язык мал уд. есть, и вельми хвалится. Се мал огонь колику вещь сожигает! И язык лепота неправде; тако и язык водворяся во удах наших, сквернящи все тело и опаляющи коло рожества, и опаляем от геенны; всяко убо естество зверей и птиц, гад же и рыб мучатся и умучится естеством человеческим; язык же никто же от человек муже умучити,

неодержимо бо зло, исполнь яда смертоносна. Тем благословим господа и отца, и тем кленем человеки, иже по подобию божии бывшая; от тех же уст исходит благословение и клятва. Не подобает, братия моя возлюбленная, сим тако бывати: Егда убо источник от того же истощания точит сладкое и горькое? Егда может, братия моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы? Тако ни един же источник сланну и сладку творит воду. Кто мудр и худог в вас, да покажет от доброго жития дела своя, в кротости и в премудрости. Аще ли зависть горьку имать и веру в сердцах ваших, не хвалитесь и не лжите на истинну. Несть премудрость свыше низходяще, но земна, душевна, бесовска. Идеже бо зависть и рвения, ту нестроения и всяка зла вещь; а вышня премудрость первое убо чиста, потом же смирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости, плодов благих, несуменна и нелицемерна. Плод же правды во смирении сеетца творящим мир. Откуда брани и свары в вас? Не отсюду ли, от сластей ваших воющих? Желаете, и не имате; убиваете, и завидите, и не можете улучшить; сваряетесь и борете, и не имате, зане не просите; просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластях изживете. Приближитесь богу, и приблизитесь вам; очистите руце, грешницы, и очистите сердца двоедушнии. И не оклеветайте друг друга, братие: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветает закон и осуждает закон; аще ли закон осуждаеши, неси творец закону и осуждает закон, еще ли закон осуждаеши, неси творец закону многи спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждаий друга?».

Или мниши сие быти светлость благочестивая, еже обладатися царьству от попа невежи, от злодейственных, изменных человек, и царю повелеваему быти? И сие ли супротивно разуму и совести прокаженна, еже невежу взустити^а от бога данному царю воцаритися? Нигде же бо обрящеши, иже не разорится царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши? иже во грехех^б царствие погубивших и турком повинувшимся? Сию убо погибель и нам советуеши? И сия

убо погибель на твою главу паче да будет! К сему же и сему подобен еси, яко апостол пишет к Тимофею, глаголя: «Чадо Тимофее, се же веждь, яко в последняя дни настанут времена люта; будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, оплазивы, горды, хульницы, родителем противляющиеся, неблагодарни, непреподобни, нелюбивы, невестохранители, преласкательи, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предатели, предерзливцы, возносливы, имуща образ благочестия, силы же его отвергшася. И сих отвращайся. Водимо похотыми различными; всегда учащася, и николи же в разум истинный приити могуща. Яко же Иавни и Амврий противистася Моисею, тако и сии противятся истинне, человецы растлевше умом, неискусени о вере. Но преуспеют паче о мнозе: безумие бо их яве будет всем, яко же и онех бысть».

Или убо сие светло, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председательем и царствия честию почтену быти, властью же ничим же лутчи быти раба? А се ли тьма, яко царю содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аще не сам строит? Яко же рече апостол Павел к галатам пиша: «В неколико лет наследник есть младенец, ничим же есть лутче раба, но под повелительми и приставники есть, до нарока отча». Мы же, благодатию христовою, и доидохом лет нарока отча, и под повелительми и приставники быти нам не пригоже.

Речеши же убо, яко едино слово обращая семо и овамо; пишу? Понеже бо есть вина всем делом вашим злобеснаго умышления, понеже с попом положиште совет, дабы аз словом был государь, а вы б с попом владели: сего ради вся сия склочишася, понеже и додне не престаєте, умышляюще советы злыя. Воспомани же, егда бог извожаще Израиля из работы, егда убо постави священника владати людьми, или многих рядников? Но единого Моисея, яко царю, постави владателя над ними: священствовати же ему не повеле, но Аарону брату его повеле священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же Аарон сотвори людский строй, тогда

и от бога люди^а отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон хотеша восхитити себе власть, и сами погибоша, и какову Израилю погибель наведоша? Еже вам, бояром, прилично! После того же, бысть судия Израилю Иус Наввин, священъник же Елиозар; оттоле, даже и до Лию жерца, обладаху судия: Июда, и Варак, и Евфай, и Геден и инии многи, и каковы советы и победы на противныя поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взя^б на ся священство и царство, аще сам праведен вяще и благ, но понеже обоюду припадши богатству^в и славе, како сынове его Офний и Финиос заблудиша от истинны, и како сам и сынове его злою смертию погибоша, и весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя. Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царским владати? Се же убо в Ветхом; в Римском же царствии, и в новой благодати, по Греческих, еже по вашему злобесному хотению разуму случися. Како убо Август кесарь всею вселенною обладаша: Аламаниею, и Долматиею, свои Талиская места, и Готвы, и Савроматы, Кафине, и Сиреею, и Киликеею, и Асиею, и Азо-нею, и Междоречием, и Каппадокическими странами, и Дамаском градом, и Еросалимом, и Александрея, и Египетская власть, даже и до Перския державы; вся сия под единою державою бяху много лет, даже и до первого во благочестии великого царя Константина Влафла. И после его, чада его разделиша власть: Константин убо во Цариграде, Константин иже в Риме, Константин же в Долматии. И оттоле убо Греческая власть делится и скудость приимати. И паки, во царство Маркияне, во Италии мнози князи и местоблюстители востаха, подобно вашему злобесному умышлению; во царство же Льва Великого, и обладаша коиждо своими месты, яко же во Африкии Зинзирих рига и ины, и оттоле убо всяко строение и царствия Греческая проста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междоусобными браньми растлевахуся. Во царство Анастасия Дикотра Драчанина не больми нача оскудевати.

Хотению ублажиши ли людей сих, имже сия суть? Но како рече пророк божий? Людие (имже господь бог их, яко же рече Исая пророк), «что и еще уязвистеся, прилагающая беззакония? Всяка глава и болезнь, и всяка сердца и печаль. От ногу даже и до главы несть целости, на них же рана паляша, несть пластыря приложити, ниже масла, ниже от беззакония ваша пуста, гради ваши огнем сожжени, страны ваши пред вами чужие поядут, и запусте развращенно от людей чюжих. Оставится дщи Сиона, яко селение в винограде, яко овощное хранилище в вертограде. Како бысть блудница град верных Сион исполнь суда; в немже правда успе, ныне убийца. Сребро ваше не искусно, корчемницы твои смешают вино с водою. Князи твои не веруют, обещницы татем, любяще мзды, гоняще воздаяние, сирым не судяще, и к суду вдовиц не емлюще. Сего ради тако глаголет господь владыка Саваоф, сильный Израилев: „О горе крепким во Израили! Не престанет моя ярость на противныя, и суд мой от враг моих сотворю: и наведу руку мою на тя, и разжегу тя в чистоту, неверующих же погублю, и отниму всех беззаконных от тебе, и всех гордых смирю. И положу судия твоя яко прежде, советники твоя яко от начала; и по сих наречешися град правды, мати градом, верный Сион. Со судьбою спасется и с милостынею. И стрыется беззаконнии грешнех вкупе, и оставших господа скончаются, занеже постыдятся и о делех своих, ихже тии советоваху^а, и посрамлятся о истуканных своих, от ихже тии сотвориша, и постыдятся о вертоградех своих, о ихже тии восхотеша. Будут бо яко сади, отметнувши листвия своя, и яко вертоград, не имый вины. И будет крепость их и яко стебли изгреблю, и делания их яко искра огненны, и сожгутся беззаконны и грешнии вкупе, и не будет погашаяй“».

Потом же во царство Аспимарово и Филипиков и Феодосия Брады Адраминического, персом Египетскую власть и Дамаск от грек изобладавшим, такожде при Константине Гноетезном, скифом отложившимся, по сем же во царство Арменина, и Михаила Аморена и Феофила Римскаго со всею

Италию от Греческаго царства оттого же вся, избраша убо себе царя от Латынскаго от внутреннейша Фругия, и тако убо во многих странах Италийских поставиша себе краля и князя, властодержца и местоблюстителя. И яко же Настрия, и Испания, и Долматия, и фронцуги, и вышний немецкий язык, и поляки, и литаоны, и готфы, и влахи и мутьяны, тако же и сербом и болгаром, у себя власть держится, поставившим и от Греческаго царствия отторгшеся; и от сего Греческому царствию, зле к разорению приходящу; во царство же Михаила и Феодоры царицы благочестивых, божий град Иеросалим и Палестинскую землю и страны Финические и персы изобладаша; царствующими грады отвсяду во утешении велице начаша пребывати, и отвсяду частыми нахождением и браньми и ратьми часто колеблющеся, епархом и синклиту всему не престающе от всего своего злаго первого обычая никако же, о селице разорити царства помысл полагающе. Тако же и вы, сему подобно, своим злобесным хотением, выше меры, славы и чести и богатства, к разорению христианскому, желающу! Та же убо отселе греком во многих странах дани взимаху; потом же, нестроения ради, а не бога ради, подобно и вашему злолукавому злому совету, сами дани даяти начаша, и тако убо царствующему граду во обтеснении велице пребывающе, даже до царства Алексея, нарицаемаго Дуки Мурцуфла, при немже взят бысть царствующи град от фряг и пленен бысть зельнейшим пленением; и тако убо все благоление^а и красота Греческие власти погибе. Потом же Михаил первый Палеолог изгна латини из царствующаго града, и паки убожество царства воздвиг, и даже до лет царя Константина, нарицаемого Дрогмас, при немже, грех ради наших, народа христианскаго, безбожный Магмет Греческую власть погаси, и, яко же ветр и буря зельна, вся без вести сотвори.

Смотри же убо се и разумей, каково правление составляется в разных началех и властех; и понеже убо тамо быша царие послушны епархом и синклитом, и в какову погибель

приидоша. Сия ли убо нам советуеши, еже к таковой погибели приити? И се ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплемennых подати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако примаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и телесами пещися: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем житии сожитие, ино же святительская власть, ино же царское правление. Постническое убо правление — подобно быти агнцу непротивну ничесому же, или яко птице, иже не сеявшу, ни жнущу, ни в житницу собирающую; во общем же житии, аще и мира отрекшися, но обаче строения и попечения имеют, та же и наказания; аще ли же сего невнимателие будут, то общее житие разорится; святительская власть требует зельнаго запрещения языком, по благословенней же в ней ярости, и славы, и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприлично; царскому же правлению — страха, и запрещения, и обуздание и конечнешаго запрещения, по безумию злейших человек лукавых. Се же убо разумеи разнство посническому и общежителству: очима видел еси, и от сего можеши разумети, что сие есть. К сему же пророк рече: Горе дому, имже домом жена обладает, горе граду, имже мнози овладают. Видиши ли, яко подобно женскому безумию многих владение: аще и не под единою властью будут, аще и крепки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумию подобно есть. Се убо указах ти, како благо есть нам на грех сидети и мимо царей царством владети: от сего убо многи могут разумети имущии разум. Воспомяни же: к хотению имения, рекшаго злата, аще ся ринет, не прилагайте сердца. Кто же убо сия глаголы глагола? Не до власти ли царей бе? Не бе ли ему злата? Не бо на злато взираше, но повсегда бе ему ум к богу и строй воинский. Понеже убо Гиозиову процажению уподобился еси, яко же он благодать божию на злате продаде, тако убо и ты, злата ради, на христиан воздвигл еси. Тако ж апостолу Павлу вопиющу: Блюдайте ны, блюдите злы делателя, яко многажды

глаголали вам, вине плача, глаголю о вразумех креста господня, имже бог чрево, и слово в студе их, иже земная мудръствующе. Како же убо ты не наречешися враг креста Христова, яко славы ради, и чести мимотекущаго света сего желая насладитися, будущая же приснотекущая призирая, своим крестопреступным обычаем, извыкши от прародителей своих измену, во многи времена на сердца своем злая избирая, «яды хлеб мой, возвеличи на мя пяду свою», — на христиан воевати вооружился еси? Не, то убо самое победоносное оружие, крест Христов, силою Христа бога нашего, вам сопротивник да будет.

Како же убо доброхотных сих изменников наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, лжею согласившися, лестию и лестию сокрывше, во един день избиша семьдесят сынов Гедеоновых, еже убо от законных жен ему, и воцариша Авимелеха; тако же убо и вы, собацким своим, изменным своим обычаем, хотесте во царьствии царей достойных истребити, и, аще не от наложницы, и от царьствия растояшася колена хотеста воцарити. И се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, и сущая млеко младенца се ли смертию пагубною хотесте света сего лишити, чюжаго же царьствия воцарьствити? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своим чадом хочете сотворити, егда убо в яйца место подадите им скорпию, или в рыбы место камень? Аще убо вы, злые суще, умеете даяние благо даяти чадом вашим, и аще убо доброхотны и благи наречетесь, — почто убо таких благих даяний не приносите чадом вашим, яко же своим? Но понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити, яко же дед твой, князь Михайло Карамыш, со князем Андреем Углицким на деда нашего, великого государя Ивана, умышляя изменные обычаи; тако же и отец твой, князь Михайло, с великим князем Дмитрием внуком на отца нашего, блаженныя памяти великого государя Василия, многи пагубныя смерти умышлением; тако же и мати твоя, дед^а Василей и Иван Тучко многая поносная и укоризная словеса деду

нашему, великому государю Ивану износили; тако же и дед твой Михайло Тучков, на преставление матери нашей, великие царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и понеже еси рождение изчадия ехитнова, посему тако и яд отрыгаеши. Се убо довольно указом, чesого убо ради по твоему злобесному разуму сопротивным обретається. Разумевая разумей совесть прокаженну имущаго. Не мни, яже никакого же от державы моя несть. А отцу твоему, князю Михаилу, гонения было^а много, да и убожества, а измены такой, что ты, не учинил.

А еже писал еси: «Про что емя во Израили побили и воевод, от бога данных нам на враги наша, различными смертями есмя и победоносную их святую кровь в церквах божиих пролили есмя, и мученическими кровями праги церковныя обогрили есмя, и на доброхотных своих, душу за нас полагающих, неслыханныя муки, смерти и гонения умыслили есмя, изменами и чародействы их и иными неподобными обличая православных», — и то еси писал и лгал ложно, яко же отец твой дьявол тя научил есть; понеже рече же Христос: «Вы отца вашего хотите творити, яко же он человекоубийца бесконни, и во истинне не стоит, яко истинны в нем несть, и егда же ложь глаголет, от своих глаголет: ложь бо есть и отцу его». А сильных есмя во Израили не погубили, и не вемы, кто есть сильнейший во Израили, и не побили и не вемы; земля правится божиим милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты стратиги. И еже воевод своих различными смертями расторгали есмя, — а божиею помощию имеем^б у себя воевод множество, и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя.

Крови же во церквах никакие не проливали есмя. Победоносец же и святые крови во своей земли в нынешнее время, — ничего си явлено, не вемы. «Праги»^б же церков-

ные», — елико сила ваша и разум осязает, и яко же подвластные наши к нам службу свою являют, сице украшенными всякими церкви божия светится, всякими благостынями, елико после вашия бесовския державы сотворихом, не токмо праги и помост, но и предверия, елика всем видима есть иноплемненным украшения. Кровию же никакою праги церковныя не обагряем; мучеником же в сие время за веру у нас нет; доброхотных же своих и душу свою за нас полагающих истинно, а не лестию, не языком глаголюще благая, а сердцем злая собирающе, и похваляюще, а не расточающе и укоряюще, — подобно зеркалу, егда смотря, и тогда видит, каков бе, егда же отидет, абие забудет, каков бе, — и, егда кого обрящем^а, всем сим злых освобождения, а к нам прямую свою службу содевающе и не забывающе поручныя ему службы, яко в зеркале, и мы того жалуем великим всяким жалованьем; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, то по своей вине и казнь приемлют. А в ыних землях сам узришь, елико содевается злым злая: там не по здешнему! То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любити; а в ыных землях израдец не любят: казнят их, да тем утверждаются.

А мук и гонения и смертей многообразных ни на кого не умышляли есмя; а еже о изменах и чародействе воспоминаул еси, — ино, таких собак везде казнят. А еже нечто мы облыгаем православных, — и не, понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: «яко аспид глухий затыкает уши свои, иже не слышит гласа обавающаго, обаче обаваем обаваются от премудра, понеже зубы их во устех их сокрушил есть господь, и членовныя львом сокрушил есть»; и аще аз облыгаю, о ином же истинна о ком явится? Ино то, изменниче, они сотворят: обличения несть им. По твоему злобесному умышлению, чесо ради нам сих облыгаете? власти ли своих работных желая, или рубища их худа, или коли бы их насыщатися? како у кого? Не смеху ли подложит твой разум? Заец потреба множество псом, на враги множество вои: како убо безлепо казнити подвластных разум!

Яко же выше рех, какова злая пострадах от вас от юности даждь и доселе, пространнейше избличити. Се убо являет (аще убо и юн^а еси сих лет, но обаче видети можеш): егда божиими судьбами отец наш, великий государь царь Василей, пременив порфиру ангельским пременением, тленное се и мимо-текущее земное царьство оставль, прииде на небесная во онъ век некончаемый, предстояти царю царем и господу господем, мне же оставшу со единокровным братом, свято почившим Георгием, мне убо третью летю сущу, брату же моему лета единого, родительницы же нашей благочестивей царицы Елене в сицевых бедна вдовстве оставльше, яко же в пленении отсюду пребывающу, ово убо иноплемennых язык от круг приседающих, брани непримирительныя приемлюще от всех язык, Литовска, и Поляков, и Перекопи, и Адчитархана, и Нагаи, и Казани, овоже от вас изменников беды и скорби и различными виды приемлюще, яко же подобно тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Лятцкой оттокоша в Литву и тамо скакавшие бесящися и в Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отсюду на православия рати воздвизающе; но ничто же успеха: богу заступающу, и пречистая богородица, и великим чудотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель совет разсыпая. Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменника на нас подъяша, и с теми изменники пошел было к Новуграду (ино которых хвалиши! доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!) и се в те поры были от нас отступили, а к дяде нашему князю Андрею приложилися, а в головах твой брат князь Иван княж Семенов сын, княж Петрова Львова Романовича, иные многие; и тако з божиею помощию тот совет не сотворися. Ино то ли тех доброхотство, которых ты хвалишь? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити? Потом же, изменным обычаем, недругу нашему Литовскому почали отчину нашу отдавати, грады Радогосн, Стародуб, Гомей: и тако ли доброхотствуют? Егда несть на всей земли, кем погубити

от земля и славу в прелесть вселити, и тогда иноплеменным примешаются любовию, точию да погубят безпамятно!

Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене приити от земнаго царьства на небесное; намъ же со свято почившим братом Георгием сродствующим, отстав родителей своих, ни откуду промышления уповающе, и на пречистые богородицы милость и всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому лету от рождения тогда преходящу, подовластным нашим хотение свое улучившим, еже царство беззладателя обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления добротнаго бо не сподобиша, сами же премесишася богатства и славе, и тако скончаша — друг на друга. И елико сотвориша! Колико бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы и села и имения дядь наших восхитиша себе и водворишася в них! И казну матери нашей перенесли в Большую казну, неистова ногами пхающе и осны колюще; а иное же себе разъяша. А дед твой Михайло Тучков то сотворил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в береженье учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис поимания^а выпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дядей наших княж Андреева дворе, сонмищем и содейских, отца нашего и нашего дядка ближняго, Федора Мишурина изымав, позоровавши, убили; и князь Ивана Федоровича Бельскаго и иных многих в розная места заточиша, и на царство вооружишася, и Данила митрополита сведши с митрополия в заточении послаша: и тако свое хотение во всем улучиша, и сами убо царствовать начаша. Нас же, со единокровным братом, свято почившим Георгием, питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Якова же пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспоминаю: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Василевич Шуйской сedit^б

на лавке, локтем отвергшися, от отца нашего о постелю ногу положив; к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское же, ниже начало обретеса. И таковая гордыня кто может понести? Како же исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах? Многажды поздно ядох не по своей воле. Что же убо о казне родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего бесчисленную себе поимаша; и тако в той нашей казне исковавши себе сосуды злати и серебряни и имена на них родителей своих подписаша, бутто их родительское стяжание; а всем людем ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйского шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было суды ковати, ино лутчи бы шуба переменить, да во излишнем суды ковати. Что же о казне дядь наших и глаголати? Все себе восхитиша. По сем на грады и села наскопши, и тако горчайшим мучением, многоразличными видами, имения ту живущих без милости пограбиша. Сосетствующим же от них напасти кто может исчести? Подвластных же всех аки рабы себе сотвориша, своя ж рабы аки вельможа устроиша, правити же мнящися и строити, и, вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще.

И тако им на много время жившим, мне же в возраст достигшу, не восхотех под рабскою властью быти, и того ради князя Ивана Василевича Шуйского от себя отослал на службу, а у себя велел есми быть боярину князю Ивану Федоровичю Бельскому. И князь Иван Шуйской, присовокупя к себе всех людей, к целованию приведе, пришед ратию к Москве, и боярина нашего князя Ивана Федоровича Бельского и иных бояр и дворян переимали советники сего Кубенской и иные, до его приезде, да сослав на Белоозеро и убили; да и митрополита Иоасафа с великим бесчестием с митрополии согнаша. Потом же

князь Андрей Шуйской со единомысленики своими, пришел к нам в столовую избу, неистовым обычаем, и перед нами боярина нашего Семена Федоровича Воронцова восхитивше безчестно и оборвавши, вынесли из нашей столовой избы и хотели ево убить. И мы послали к ним митрополита Макария, да бояр своих Ивана, да Василья Григорьевича Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и они едва нашего слова послушали, а сослали ево на Кострому; а митрополита в то время безчестно^а затеснили и мантию на нем со источники исодрали; а бояр наших тако же безчестно толкали. Ино то ли их к нам доброхотство, что бояр наших угодных нам, супротивяся им, и велели их переимати и побили и различными муками и гонении мучили? То тако ли душу свою за государей своих полагают, что к нашему государству ратьми приходити и перед нами иудейским сонмищем бояр имати, и с нами, государи, холопу ссылатися, или государю у своего холопа упрашивати? То ли к нам прямая их служба? Воистину, сие всем окрестным в подсмеяние, слыша такое их неистовство и гонение! Како могу изрещи, колики беды случишамися от них от преставления матере нашей и до того лета? Шесть лет и пол не престаша сия злая содевающе!

Егда же достигохом лета пятагонадесят возраста нашего, тогда, богом наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощию всесильнаго бога, начася строити и царство наше мирно и немятежно по воле нашей. Но тогда случися, грех ради наших, от произволения божия, распростершуся пламени огненному, царствующий град Москву попалиша; наши же изменники бояре, иже от тебя нарицаеми мученики (их же имена волею^б премину), аки благополучно время изменной^в своей злобе уллучиша, наустиша скудожайших умов народ, что бутто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и с людьми сердца человеческая выимали и таковым чародейством Москву попалили; да бутто и мы тот их совет ведали. И таковых их изменников наших наушением, множество народа неистовых, воскричав, иудейским

обычаем, приидоша соборныя и апостольския церкви в придел святаго великомученика Димитрия Селунского и, изымав боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинского, безчеловечне выволокли в соборную церковь Успения пресвятыя богородицы, и убиша в церкви безвинно, против митрополича места, и кровию его помост церковный окрасивше, и вывлекше тело его в предние двери церьковныя и положиша, яко осужденника, на торжищи. И сие во церкви святой убийство его всем ведомо. Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, да те же наши изменники возмутили народ, яко бы и нас убить, за то, яко же ты, собака, лжеши, что бутто мы князь Юрьеву мать Глинского, княгиню Анну, и брата его, князя Михаила, у себя хороним от них. И сия суетумудрствия како смеху не подлежат! О чесо ради убо нам царьству своему запалители самым быти? Такова убо стяжания прародителей наших благословение у нас погибе, еже от иных вещей и во вселенней обрестися не может. Кто безумен или яр отаков может явитися, еже бы гневаяся на своя рабы; да погубит стяжания своя, могл бы их погубить, а своя сохранить? Посему во всем ваша разумеется собачья измена. Такжеже на таковую высоту, еже Иван святой, водою кропити: се убо безумие явственнo. И тако ли достойно служити нам бояром нашим и воеводам, еже таким собацким собрании безчеловечне бояр наших добрыхотных убивати, еще же в черте нам кровной, не помышляя в себе страха нашего? И тако ли душу свою за нас полагают, еже во всем нам супротивная устроят? Нам убо закон полагающе во святыню, сами же с нами путь шествовати не хотяще! Почто и хвалишися, собака, в гордости, такжеже, и инех собак и изменников, бранною храбростию? Господу нашему Иисусу Христу глаголющу: «аще царство на ся разделит, не может стати»; такжеже кто может бранная понести противу врагов, аще растлится междуусобия браньми царство? Яко же убо древо како цвести может, аще корени сушу; тако же и сие: аще не прежде строения во царстве благая будут, како бранная храбре поставятся?

Яко же убо предводитель множае полк утверждает, тогда множае побеждаем паче бывает. Ты же, вся сия презрев, едину храбрость похваляешь; а о чесом же храбрости состоятися, сия ни во что полагаешь, и являясь не токмо утвержая храбрость, но паче разрушая, яко же ничто же еси: в дому изменник, в ратных же пребывании разсуждения не имея, понеже хочешь междоусобными браньми, паче же самовольством, храбрость утвердити, емуже быти не возможно.

До того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику, в нашего царствия дворе, в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворившуся, нам же такие измены от вельмож своих видевше, и тако взяв сего от гноища и учиних с вельможами, чающе от него прямые службы. Каких же честей и богатств его не наполних, не токмо его, но и род его! Кое же служение праведно от него за сие приях? Слыши наперед. Посем же, совета ради духовнаго и спасения ради души своея, приях попа Селивестра, а чая того, что он, предстояния ради у престола владычня, побережит души своей; а он, поправ священныя обеты и хиротонию и иже у престола владычня предстояния, и где же желают ангели приинкнути, идеже повсегда агнец божий жремый за мирское спасение, и никогда же пожремый^а, — он же, во плоти сый, серафимския службы своима рукама сподобися, и сия вся убо поправ, лукавым обычаем, сперва убо яко благо нача, последовавше божественному писанию; мне видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покоряться без всякого разсужения, и ему, совета ради духовнаго, повинухся в колебании, в невидении; он же возхитихся властью, яко же Илиин^б жрец, нача совокуплятися в дружбы подобно мирским. Потом же собрахом вся архиепископы, и епископы, и весь священный собор Руския митрополия, и еже убо во юности нашей, еже нам содеянная, на вас бояр наших наши опалы, та же и от вас бояр наших еже нам супротивное и проступьки, сами убо пред отцем своим и богомольцем, пред Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем в том

соборне простихомся; вас же, бояр наших, и всех людей своих в проступках пожаловал^а и впредь того не воспоминати; и тако убо мы всех вас яко благии начахом держати.

Вы же перваго своего лукавого обычая не остависте, но паки на первое возвратистесь, и паки начасте лукавым советом служить нам, а не истинною, и вся с умышлением, а не простотою творити. Тако же Селивестр и со Алексеем здружился и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразумных суца; и тако, вместо духовных, мирская начаша советовати, и тако помалу всех вас бояр начаша в сомовольство приводити, нашу же власть с вас снимающе, и в сю противословие вас приводяще, и честию мало вас не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честию подобяще. И тако помалу сотвердися сия злоба, и вас почал причитати к вотчинам ко градом и к селом; еже деда нашего великого государя уложением, которые вотчины у вас взимали и которым вотчинам еже несть потреба от вас даются, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложения разрушил, и тех многих людей к себе примирил. И во том единомысленика своего, князя Дмитрея Курлятева, к нам в синклитию препустил; нас же предходя лукавым обычаем, духовного ради совета, бутто души ради то творит, а не лукавством; и тако с тем своим единомысленником начаша злый свой совет утвержати, ни единые власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша, еже вас бояром нашим по нашему жалованью честию председиение почтенным быти; сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе, и яко же кто каковое восхощет: потому же утвердися дружбами, и вся властью во всей своей воли имый, нечто же от нас пытая аки несть нас, вся строения и утверженья^б по своей воли и своих советников хотение творяще. Нам же что аще и благо советующе, сия вся непотребна им учинихомся, они же аще что непотребно им учиняху, они же

аще что и стропѣтиво и развращено советоваху, но сия вся благо творяху!

И тако убо ниже во внешних, во внутренних, ниже в малейших и худейших, глаголю же до обуца и спания, вся не по своей воли бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцем пребывающим. Ино сему противно разуму, еже не восхотехом в совершенном возрасте млadenицем быти? Та же посем и сия утвердися: си, еже нам сотворити словие, ни единому же от худейших советников ево тогда потреба рещи, но сия вся аки злочестива творяхуся, яко же в твоей бе составной грамоте написано; от его же советников, аще кто худейших нам но яко ко владыце или яко к брату, — яко к худейшему чесому надменная словеса неистове изношаху, и сия вся благочестиве вменяхуся; хто убо мало послушание или покой нам сотворит, тому убо гонение и мучение; аще ли же кто раздражит нас чем или кое принесет нам утешение, тому богатство, слава и честь; и аще не тако, то души пагуба и царству разорение! И тако убо нам в сиевом гонении и утеснении пребывающим, и таковая злая не токмо от дни до дни, но от часу растяху; а еже убо нам послушно и покойно, сия умоляхуся. Таково убо тогда православие сияше! Хто же убо может подробну исчесть, еже убо в житейских пребываниих, и хождениих, и в покое, и та же в церковном предстоянии и во всяком своем житии и гонении и утеснении? И тако убо сим бывающим: мнящи убо, яко дневныя ради пользы сиевая убо утеснения творят нам, а не лукавства ради.

Та же, по божию изволению, со крестonosною хоруговию сего православнаго ради христианского воинства, православнаго ради христианства заступления, нам двигшимся на безбожный язык Казанский, и тако неизреченным Божиим милосердием, иже над тем бесерменским языком победу давшее, со всем воинством православнаго христианства здраво восвояси возвратихомся: что же убо изреку от тебе нарицаемых мученик добротетство к себе? Тако убо: аки пленника всадив в судно, везаху с малейшими людьми сквозе безбожную и не-

верную землю! Аще бы не бы всемогущая десница вышняяго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы. Таково тех доброхотство к нам, за кого ты глаголеши, и как за нас душу полагают, еже нашу душу во иноплеменных руки тшатся предати!

Та же, нам прешедшим во царьствующий град Москву, божие милосердие к нам множащи и наследника нам тогда давшу сына Димитрия. Мало же времени минувшу, еже убо владыкам быти случается, немощию одержиму быти и зелию изнемогшу. Тогда убо еже от тебе нарицаемая доброхоты возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником нашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеяний наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас разстояшася в колене, князя Володимера; младенища же нашего, еже от бога даннаго нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Володимера. Понеже бо аще и во внешних писаниих древних речено, но обаче прилично есть: «царь убо царю не кланяется; но, единому умершему, другой обладает». Се убо нам живым сущим таковая от своих подовластных доброхотства насладихомся: что же убо по нас будет! Та же божиим милосердием, нам оздравевшим, и тако сий совет разсыпая, попу же Селивестру и Алексею оттоле не престающе, вся злая советующе, и утеснение горчайшее сотворити; на доброхотных же нам гонения разными видами умышляюще, князю же Володимеру во всем убо хотение удержаже; та же и на нашу царицу Анастасию ненависть зельную воздвигше и уподобляюще ко всем нечестивым царицам; чад же наших ниже помянути могоша.

Та же по всем собака изменник старой Ростовской князь Семен, иже по нашей милости, а не по своему досужеству, сподобен быти от нас синклитства, своим изменным обычаем литовским послом, пану Станиславу Давойну с товарищи наши думу изнесе, нас укоряя и нашу царицу и наших детей;

и мы то ево злодейство сыскавши, и еще милостиво казнь свою над ним учинили. И после того поп Селивестр, и с вами злыми своими советники, того собаку почал в велицем брежении держати и помогати ему всеми благими, и не токмо ему, и всему ево роду. И тако убо оттоле всем изменником благо время улучися; нам же бо оттоле в большем утеснении пребывающим; от них же во едином и ты был еси: явлено, еже с Курлятевым нас хотесте судити про Ситцкого.

Та же убо наченшася войне, еже на Германе, — о сем же убо напреди слово пространнейшии явит, — попу же убо Селивестру и с вами своими советники о том на нас люте належаше, и еже убо, согрешений наших ради, приключаящихся болезнях на нас и на царице нашей и на чадах наших, и сия убо вся вменяху, аких ради, еже нашего к ним непослушания сия бываху! Како же убо воспомяну, и еже во царствующий град с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение? Единого ради мала слова непотребна. Молитвы же убо и прехождения по святым местам, и еже убо приношения и обеты ко святыни о душевном спасении, и о телесном здравии, и о своем благом пребывании нашем и о царице нашей и чад наших, и сия вся вашим лукавым умыслением от нас отнюдь взяшася, врачевстве же и хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда баше.

И сие же убо нам в таковых зельных скорбех пребывающим, и понеже убо таково отягчения не могохом понести, еже не человечески сотвористе, и сего ради, сыскав измены собаки Алексея Адашева со^а всеми его советники, милостивной свой гнев учинили: смертные казни не положили, но по розным местом розослали. Попу же Селивестру, видевше своих советников ни во что же бывше, сего ради своею волею отъиде, нам же его благословение отпустившу, не яко устыдившися, но яко не хотевши судити здесь, но в будущем веце, пред агнецем^б Божиим, еже он повсегда служа и презрев лукавым обычаем, злая сотвори ми: тамо хочу суд прияти, елико от него пострадах душевно и телесне. Того ради и чаду его сотвори

и по се время во благоденствии пребывати; точию убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебе, хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не весте христианского мнишескаго устава, како подобает наставником покорятися; понеже бо немощни бысте слухи, требующе учителя лета ради, и ныне же бысте требующе млека, а не крепкия пища; сего ради тако сия глаголет; и того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворих, яко же выше рех. А еже убо мирским, яже под властью нашею сущим, сим убо по них измене, тако и сотворихом: исперва же убо казнию конечную ни единому коснухомся; всем же убо, иже к ним не преставши, повелехом от них отлучитися, и к ним не престаяти, и сию убо заповедь положивый и крестным целованием утвердихом; и понеже убо от нарицаемых тобою мучеников и согласных им наша заповедь ни во что же положиша и крестное целование преступивша, не токмо осташа от тех изменников, но и большими начаша им помогати и всячески промышлять, дабы их на первый чин возвратити и на нас лютейшее составить умышление; и понеже убо злоба неутолима явися и разум неприклонен обличися, — сего ради повинныя по своей вине таков суд прияли. Се убо по твоему разуму «сопротивно обретеся, разумевая», еже вашей воле не повинухомся? Понеже убо, сами имуще совесть непостоянную и крестоприсутну и малого ради блистания злата пременену, се убо и нам советуе! Сего ради реку: о Июдино окаянство, сие хотение! от негоже избави, боже, душа наша и всех православных христиан! Яко убо Июда, злата ради, предаде Христа, тако убо и вы, наслаждения ради мира сего, православное христианство и нас, своих государей, предали есте, свои души забыв, крестное целованье преступив.

В церквах же, яко ты лжеши, сия несть было. Се убо, яко же выше рех, сего ради повинныя прияша казнь по своим винам, а не яко ты лжеши, неподобне изменников и блудников мученики нарицая и их кровь победоносну и святу, иным сопротивных сильных нарицая, и отступников наших воево-

дами нарицаю, доброхотство же их и души их полагая за нас: сия вся изъявлена есть, яко же выше рехом. И не можеша рещи, яко не оболгани есть, но сия измены всей вселенней ведомы, аще восхощеши, и варварских язык увеси и самовидцов сим злым деянием можеша обрести, иже куплю творящих в нашем царствии и в посольственных прихождениях приходящим. Но сия убо быша ины, иже бо всем, иже в нашем согласии бывшим, всякого блага и свободы наслаждающимся и богатеющим, и никоя же злоба им первая поминаются, в первом своем достоянии и чести суще.

И что еще? И на церкви востаете и не престающе нас всякими озлоблениями гонити, иноплемennых язык на нас присовокупляюще всякими видами, гонения ради и разорения на христианство; яко же выше рех, на человека возъярився, на бога вооружились есте и на церковное разорение; гонению же — яко же рече божественный Павел: аз же, братие, аще обрезание единаче проповедаю, что еще гоним есмь; убо упразднился соблазн креста. Но да и содрогнутся развещающе сия! И аще убо, яко же вместо креста, обрезание тогда потребна быша; тако и вам, вместо государьскаго владения, потребно самовольство. Иное сподобно есть: почто и еще не престаете гонити? Се убо вся известно ти есть пространнейшии, чтоб твоему разуму сопротивным обрестися: разумеая совесть прокаженна! О безбожных что глаголати, яко ни во вселенней обрящеши подобно согласно твоему бесовскому хотению! И сия вся явлена суть, яже от тебе сильным нарицаемым и воеводам и мучеником, аще кая приличная им суть истинною, а не яко же ты, подобно Ангенору и Енеим, предателем Троянским, много соткав, лжеша. Доброхотство же и души полагание их выше речено есть; облыгание же их и зрады всем явлено есть во всей вселенней.

Света же во тьму прелагати не тщуся, и сладкое горькое не прозываю. А се ли убо свет, или сладко, еже рабом владети? А се ли тьма и горько, еже от бога данному государю владети, о немже многа слова пространнейшии напреду изъявлена?

Все бо едина, обращая разными словесы, по своей бо составной грамоте писал еси, похваля еже рабом мимо господий своих владети. Тщужеса со усердием люди на истинну и на свет наставить, да познают единого истинного бога, в троицы славимого, и от бога даннаго им государя; а от междоусобных браней и строптиваго жития да престанут, имиже царьствия разстлеваются. Се ли убо горько и тьма, яко от злых предстати и благая творити? Но се есть сладко и свет! Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же от междоусобных браней престанут. Се убо злоба обычай сама себе хапати! Сам не разумеая, что сладко и свет, и что горька и тьма, и иных поучает. И не се ли сладко и свет, яко благих престати и злая творити междоусобными браньми и самовольством? Всем явленна суть, яко несть свет, но тьма, и — несть горько.

О провинении же и прогневании подовластных наших перед нами. Доселе русские владетели^а не истязуемы были ни от кого же, но повольны были подовластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем; и аще же и подобает рещи о винах^б их, но выше реченно и есть. Предстатели называешь тленных человек, подобно елинъскому блядословию: яко же бо они богу равно уподобляхуса Аполлона, и Дия, и Зефса и иных множайших прескверных человек, яко же рече в богословии тезоименитый Григорий, во своих словесех торжественных пиша неделю: «и рожества и крадения, судий Критом, мучителя, и юношам гласы и плища и плесания вооруженна, богу плачущеся глас покрывающе, яко да утаитца отцу чадоненавидцу; люто бо бяше яко младенцу плакаться, яко камени поглащенному, ни Фриигиская резания и пискания и плескания и елико о Ре^в чедовецы бесятся. Ни Деонисия, ни стегну боящуся и без времени рождение, яко другоицы глагола прежде; и Фивеем безумие, его почитаючи и Семелию моления покланяема; и лакидонским юношам стружеми ранами, имиже почитаетца богиня. Где Лискати темныя и и страшная мечты и Трофиниева по земли играние и волшебния. Ниже Осиродава томления, другая напасть чтомы Егип-

тенины, ниже Исиды безчестия. Им же присно особия: кому ж потреба, и торжество и общее на всех злочестие^а. И не се убо точию люто, еже сотворено добрыми делы во славу и хвалу творцу и божественному подобию, елико мощно, стремление быти всяким страstem, жирующим внутренняго человека, но еже боги поставити спомощники страstem, да не точию неповинно будет прегрешение, но божественно мнитися, в такия притекаючи, ответ покланяемся. Множайшая скверная Еллинская деяния, еже от страстей от них боги почтошася, блуда и ярости, недержания и похоти, нежелания. И елико убо кто от них коею страстию одержим бяше, то подобно своей страсти и бога себе избираше, и в онь веру яша, яко же Ираклия^б блуда, Крона же ненависти и вражды, Ариса ярости и убивства, Деониса же гудение и плясания, и иныя же от страстей боги почтошася». Сим же и ты уподобляясь по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати, подерзая славы не трепещахуся. Яко же бо Еллини подобно своим страstem боги почитаху, тако же и ты, подобно своей измене, изменников похваляеши; яко же убо онем страсть прикровенна богом почитаема, тако же убо и ваша измена покрываема равно правде причитаема. Мы же убо, християне, веруем в тройце славимаго бога нашего Исуса Христа, яко же рече апостол Павел: Имамы бо Нову Завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величества на высоких, иже, открыв завесу плоти нашей, всегда проповедует о нас, о ихже волею пострада, очистив кровию своего Завета Новаго. Та же и Христос рече во евангелии: «Вы убо не нарицайтесь наставницы, един бо есть наставник ваш, Христос». Мы убо, християне, знаем предстателя тричисленна божество, в нейже познание приведени быхом Исус Христом богом нашим, тако же заступницу христианскую, сподобльшуся быти мати Христа бога, пречистую богородицу, и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангели и ангели, яко же Моисею предстатель бысть Михаил архангел, Исусу Наввину и всему Израилю; та же во благочестии, в новей благодати первому христиан-

скому царю, Костянтину, невидимо предстатель Михаил архангел пред полком его хожаше и вся враги ево побежаше, и оттоле даже и донныне всем благочестивым царем пособствует. Се убо имеем предстатели, Михаила и Гавриила и протчих всех безплотных; молитвенники же к богу имамы пророцы и апостали и святии мученицы, лик преподобных и исповедник и безмолвник, мужей и жен. Се убо имеем предстатели христианския. О тленных человецех, — не вемы сих, предстатели нарицати их. Не токмо сия не подобает подовластным нашим, но и нам, царем, неприлично есть нарицатися предстатели: аще убо и порфиру носим, златом и бисером украшенну, но обаче тленни есмы и человеческою немощию обложени. Та же убо не стыдяся тленных и изменных человек предстатели нарицати, Христу глаголюще во святом Евангелии: «еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом». Та же на изменных и тленных человек, не токмо человеческую высоту восхищая, подкладаешь, но божью слову восхищаеши! Подобает Еллином и иступившим ума неистовившимся, бесному подобяся: по своей страсти, тленных и изменных человек избирая, похваляеши, яко же Еллины своих богов почтоша! Ови убо режущесе и всякими пагубами себе погубляюще, в почесть богом; ови же всяким страстем вдашася, богом подобящесе. Яко же рече божественный Григорий: сии убо сквернительство почтоша и свирепству вероваша; тако же убо и тебе подобает. Яко же бо они прескверным своим богом последоваша, тако и тебе своим изменным другом сострадати страсти их подобает и погибнути. Яко же убо Еллины, неподобно тленных человек мученики нарицаеши, и того ради подобает тебе праздники, мучеников резания, и страдания, и плесания, и гудения своих приносить. Яко же Еллины, тако же и тебе подобает; якова же они пострадаша, и тебе праздника мучеников своих страдати!

А о нем же писал еси, что бутто те «предстатели прегордые царство разорили и подручны нам их сотворили во всем, у нихже прежде в работе были праотцы ваши», — се убо разумно

есть, еже едино царство Казанское; от Астрохани же, ниже близ вашей милости было, не точию дело. О бранной же сей храбрости свыше начну ти обличати. Безумие! Како убо, гордостью дмяся, хвалишися! Како бо прародителем вашим и отцем и дядьям, в какове разуме храбрость суще и помысла попечение, яко вся ваша храбрость и мудрость ни к единому их сонному видению подобно, и такие храбрые и мудрые люди и никим же понуждаемы, но своими хотении и бранной храбрости хотимы, а не яко же вы, еще понужаемы на рать и о сем скорбяще, — и такие храбрые тринадцать лет до нашего возраста не могоша от варвар христиан защитити! По апостолу Павлу рек: бых вам подобен, безумно хваляся, понеже вы мя понудисте, власть бо приемлете, безумныя, аще кто вы поядает, аще кто в лице бьет, аще кто величаетца; по досожению глаголю. Всем убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша от варвар православные, и от Крыма, и от Казани: до полуземли пусто быше. И егда начало восприяхом, за божиею помощию, еже брани на варвары, егда первое посылахом на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела. Ино, се ли храбрость, еже служба ставити во опалу? и тако ли покоряти прегордые царства? Та же, сколько хождения не бывало в Казанскую землю, когда не с понуждением, с хотением, ходисте? Но и всегда аки на бедное сходжение ходити! Егда же бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский христианству покори, и тогда како не хотесте с нами воеватися на варвары, яко более пятнадцать тысяч, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша! И тако ли прегордые царства разоряете, еже народ безумными глаголы наущати и от брани отвращати, подобно Юношу Угорскому? Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопоша, како три дни стояв, хотесте во своя возвратитися! И повсегда не хотесте во многопробывании подобна времени ждати, ниже глав своих щадяще,

ниже бранныя победы смотряюще, точию: или победив, наискорейший побежденным бывшим, скорейший во своя возвратитися. Та же и воины многоподобныя, возвращения ради скорого, остависте, еже последи от сего много пролития крови христианския бысть. Како, еже убо и в самое взятие града, аще бы не удержав вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, неподобно время брань начати? Та же убо ко взятию града божиим милосердием, вы же убо, вместо строения, на грабление текосте! Тако ли убо прегордые царства розоряти, еже убо ты, безумием дмяся, хвалишися? Иже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть, понеже вся, яко раби, с понужением сотворили есте, а не хотением, и паче с ропътанием. Се убо похвально есть, еже хотением желая, брани творити. Подручна же тако царствия сия сотвористе нам, яко же множае седми лет мне же сих царств и нашего государствия бранная лютость не престая! Егда же Алексиева и ваша собатцкая власть преста, тогда и тако нашему царствию государское во всем послушно учинишася, и множае треюнадесять тысяч бранных исходит в помощь православию. Тако и вы прегордые царства разорили и подручны нам сотворили, талави! И тако сопротивен разум, по твоему злобесному умышлению!

Сие убо от Казани^а; от Крыма же и на пустых местех, идеже зверие бяху, грады и села устройшася: что же убо и ваша победа, яже Хопром и Доном? Колико убо злая истощания и пагуба христианом содеяшеся, супротивным же ни малые досады! О Иване же Шереметеве что глаголати? Еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению, случися таковая пагуба православному христианству. Се убо такова ваша^б доброхотная служба, и тако прегордая царства разоряете и подручны нам сотворяете, яко же выше явихом.

О германских же градах глаголешь, яко тщанием разума изменников наших от бога нам данны. Но яко же научен еси от отца своего диявола, все ложь глаголати! Брань, еже на германы: тогда посылали есмя слугу своего царя Шагалея

и боярина своего и воеводу князя Михаила Васильевича Глинского с товарищи, ерман воевати, и от того времени от попа Селивестра и от Алексея и от вас какова отягчения словесная пострадах, ихже несть подробну глаголати! Еже какова скорбная ни сотворится нам, то вся сия герман ради случися! Егда же вас поклахом на лето на германские грады, — тебе тогда сущи в нашей отчине, во Пскове, своя ради потребности, а не нашим посланием, — множае убо семь посланий наших к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и к тебе послахом; вы же едва пойдосте с малейшими людьми, и нашим многим поминанием множае пятнадцать градов взясте. Ино, се ли убо тщание разума вашего, еже нашим посланием и напомниманием грады взяша, а не по своему разуму? Како же убо воспомяну о германских градах супротивъслова попа Селивестра

восхищати может иже Сидору вдовица, суду не внемлюще, — ихже вы, желающе на христианство злая, составляете!

Антихриста же вемы: ему же вы подобная твористе, злая советующе на церковь Божию. От нас «сильных же во Израили и от разлиания крови вашей» писах; потоки же никаким не творим, паче же сами вы сопротивословия не приемлете, но обаче⁸ потоки любите. А еже сунклита, от преблужения рожения, не вемы: паче же в вас таковой; моавитин же и амонитин ты. Яко же убо они от Лота изшедши, от сыновца Авраамля, всегда на Израиль воеваху, та же убо ты: еже убо от ваского племени изшел еси, и на ны безпрестани советуеши пагубу.

Что же убо писал еси, хотя убо поставити судию или учителя, — ни к чему убо власть твоя, понеже претительно повелеваеши. И яко же убо бесовскому злохитрию подобно! Ово убо лукаво и ласкательно, ово же гордо и страшно; та же убо и ты: ово убо гордостию дмяся, выше меры, подобяся местоблюстителем, яко изветы творя, к нам писал еси; ово же худейшем рабом своим и скудный умом подобяся. Яко же убо иже бежавши от рук наших, яко же ти нелепая глаголюще; тако же и ты по своему злобесному, изменному,

сوباتцкому хотению и умышлению, иступив ума неистоваяся, бесному подобаяся, колебляся, писал еси.

Тем же подобно пророческое слово: «Се владыка господь Саваоф отымет от Июдея и от Еросалима крепляющи крепяща, крепость хлеба и крепость воды, исполина крепька, и человека ратника, и судию, и пророка, и смотрелива, и старца, и пятьдесяти-начальника, и дивна советника, и премудря художника, и разумна послушника. И поставлю юношу начальники их, и ругатели обладают ими. И спаднут людие, человек к человеку, и человек к ближнему своему: приразитца отроча и старцу, и бесчестный к честному. Яко имется человек брата своего или присного отца своему, глаголя: ризу имаши, начальновиждь нам буди и брашно мое во область твою да есть. И отвещав в день он речет: не буди стар, несть бо в дому моем ни хлеба, ни ризы: не буди старей людем сим. Яко оставлен бысть Иеросалим, Июдея разоритца, и языцы их беззаконием господеву не покорятся. Занеже смирих слава их, и студ лица их противится им; грех же свой, яко содомски, возвестиша и яви. Горе душе их, зане умыслиша совет лукав в собе, рекша: свяжем праведна, яко непотребен нам есть. Убо плоды дел своих снедят. Горе беззаконному, злая бо приключаютца ему по делом руку ево. Людие мои, приставницы ваши пожинают вас, истязающе и обладает вами. Людие мои, облажащеи вас льстят вы, и стезя ног ваших возмутят. Но ныне станет на суд господь и поставит люди своя: сам господь на суд приидет со старцы людей и со князи своими». И яко же Ареопagit писа к Димофилу иноку: Димофил же, и аще кто другия благия враждуя^а зело правде, не запрещается, и навыцает добрая и ублажается. Како бо не подобаше ли, рече, благому о спасении останися и погибших веселитися и животе умерших? Сего ради и на рамови ёмлет еже два от заблуждения возвращенное и благия ангелы на веселие воздвижет, и благ есть не о благодарных, и возсиявает солнечные луча на лукавыя и благия, и самую душу свою полагает за отбегающих. Ты же, яко писмена твоя являют, и пришедшаго к священнику, яко же

рекл еси, нечестива и грешна, не вем како на себе востав от-
ринул еси; та ж ово убо моляшеся исповедаше ко врачеванию
злых приити; ты же не ужасеся, но и благому священнику
свирепством досадил еси, помилованна быти кающагося
и нечестива судивши; и конец «изыти»^в рекл еси священнику
с подобными и воскочил еси не сущу праведно с неходимым,
и святая святых скутал еси, и пишеши к нам, яко хотящаго
растлити священная промыслительне снабдех, и еще что со-
храняя. Ныне убо слыши наших: несть праведна священника,
отбеже от тебя служитель или вкупочинных тебе раб виновна
творят, аще и не чествовати в божественная мнитсѧ^б, и аще ино
отреченных обличится содеяв. Аще убо неудобрене и бесчинне
божественнейших есть и предел и устав, изшествия не имать,
славы ради благопреданныя разрушиши^в чин. Не бо в себе бог
разделился, како бо станет царьствие его? И аще божий есть,
яко ж словеса глаголют, суд, священне же вестницы, и про-
роцы по священноначальницех суд божественных судеб, от
тех божественная, приклад, леты посредством служитель,
егда есть время, навыкнуеми неже быти угодник сподобился
еси. Или не освященный образу сие же вопиет? Ибо не прост
всех изби, изрядни суть святая святых; приближаетсѧ
вящѣшим священно-совершительное удобрение, та ж священ-
ник удобрение. Последуй, еже и сие служительское; вчине-
ным же угодником, рекше иноком, дверьми невходимых суть
отлучены, на нихже совершаются и предстоят не к блюдению
их, но к чину и разумению своих, паче людем, нежели священ-
ническим и приближающимся. Сего ради священных чинонача-
лия, причащатися им священно полагает божественных, иных,
рекше внутреннейшим, их припадение вручи: ибо иже и о бо-
жественном образе присно предстояще жертвенницы, слышат
и зрят божественная светле им открываемая, происходяще
благовидне, называя божественных и за все послушательным
и угодником и священным людем и чистящимся чином и изъяс-
ляют по достоянию священная, яже добре пречистая сохранен-
ная, дондеж мучительно скончал еси; обличити святая святых

понудил еси нехотящая; имети, рекл еси, священная соблюдаете паче, и еже видеви еси, и иже слышал еси, ниже имел еси что о прикладным священником, яко же ниже истинну словес видел еси, на кийждо день сия толкуя возвращение слышащим. И аще убо языка начальство некако взяти начнет, неповеленно ему от царя, праведне мучитися имате. И аще князь оправдая некого или осуждая, предстоя некто, иже невчиненый суд, что дерзнет, ни убо, глаголю, досаждати вкупе и начала изгоняти? Ты же, человеце, сице смеятелен еси на кроткого и благого и на священноначальнический его уставы. Но сия подобаше рещи, егда паче достояния кто начиная, обаче лепотно дети мнящиеся, ибо ниже се мощно снесенному. Что убо от сея безмесо твориши, краде бога? Что же Саул подражая? Что же мучительныя бесове бога славяще и господа? Но отриновени есть благословием всяк чуждъ епископ и кождо в чину службы своея да не будет, и един первосвященник внидет во святая святых и единою в лето, и сый во всякой священноначальнической чистоте. И священники скутывают^а святая, и леввити аще прикоснутся святых, да не умрут. Дерзнувшие же Иозия, гнев божий наведе на ся, и Мария прокажена бывает, законодавцу уставопологати наченшися. . .⁶. Сыны наскочивше бесове, не послушах и речи, и тии течаху; и не глаголаху к ним, и тии пророчествоваху, и нечестивии пожирая тельца, яко убиваяй пса. И просто рещи, не терпит беззаконных всесовершенная божия правда; глаголющим же им: «о имени твоем силы многи сотворихом», «не вем вас», отвещает, «отыдите от меня, вси делателие беззаконие». Тем же несть льзе, яко же глаголют словеса, ниже праведная, ни по достоянию гоните. Внемлите же комуждо себе подобает, а не высочайшая и глубочайшая смышляти, разумевати же единая по достоянию тому повеленная. Что же убо, глаголеши, не подобает священствуемым, или о чесом ином безместных обличаемым творити, единым же леть хваляющимся законопреступлением закона бога обещивати? И как священники изъявили суд божий? Како бы возвестити имут людям божественныя добродетели, не уви-

деша их силу? Или како просвещат имут путем тем поне ныне? Како же божественнаго проповедят духа, ниже, аще есть дух святой, истинною вероваша им? Аз же отвечаю им к сим, бо не враг домосильный же, терплю тебя лихоимствуема. И убо коеждо сущих при бозе удобрение, боговиднейша вьщъше отстоимаго есть, и светлейшаго вкупе и просвещательная же паче истинному свету приближеннейшая^а. Да не вместе приемши, но богоприятном прикладстве приближении. Аще убо священник удобрение есть просвещательно, светма отпал есть священническаго чина и силы, иже не просвещателен, кольми паче же не просвещенный. Дерзостив мне мнится священных таковой начинай, не убоясь, ниже устыдися божественная предстояния, гоня и нещую богу видети, яко той собою разумен есть, и прельстити нещует, и иже лжеимение от того отца нарицаемаго имеет скверная своя злохуления — не бо имам рещи молитву, — но в божественных знаменных и христовидно глаголати. Нестъ се священник, несть; но злый и льстивый поругатель себе и волк на божественныя люди, в кожу обличенный. Но Димофилу сия праведная исправляти. Аще убо богослов неправедне праведная гонити повелевает — праведная же гонити есть, егда воздати вам хочет, что комуждо по достоянию, — праведни со всем достоин гонити, понеже ангелом праведно воздати, яже по достоянию, отлучати, обаче не от нас, о Димофиле, тем же нам от бога, и тем же еще приимущими ангелы. Просто рещи, всех и сущих первыми вторим воздаются, яже по^б достоянию от всех благочиннаго и праведнейшаго промыслению: еже убо иныя начальствовать от бога вчиненныя воздают последним себе и послушливым, и юже по достоянию. О Димофиле ж слову ярости и похотению, яже по достоянию, да отлучает и да не обидит своего чина, но да начальствует меньшим первоходимое слово. Аще бо на жилищих видиши раба владыце, и старцу юношу

и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукаваго ради напоминания, дается до короля лето цело безлепо лифлянтм збираться? Они ж, при-

шед пред зимним временем, и колько тогда народу христианского погубили! Се ли тщание изменников наших? Да и ваше благо, еже народ тако христианский погубляти! Потом послахом вас с начальником вашим Алексеем и зело со многими людьми; вы же едва един Вильян взясте, и тут много нашего народу погубисте. Такожде убо тогда от Литовские рати детскими страшили утрашистесь! Под Пайду же нашим повелением неволею пойдосте, и каков труд воем нашим сотвористе и ничто же успеете! Таково ли убо тщание разума вашего, и тако ли предтвердыя грады германския тщалися есте утвержати? И аще не бы ваше злобесное претыкание было, то бы, за божнею помощию, едва не вся Германия была за православием. Та же оттоле литовский язык и готвский^а и ины множайшия воздвигосте^б на православие. Се ли убо тщание разума вашего и тако ли хотение утвержати православие?

А всеродно вас не погубляем; а изменником вседе казнь и опала бывает: в кою поехал еси землю, и тамо о сем пространнее увеси. А за такие ваши послуги, еже выше рехом, достойни есте были многих опал и казней; но мы еще с милостию к вам опалу свою чинили; аще бы по твоему достоинству, и ты б к недругу нашему не уехал, и в таком деле, в коем бы нашем граде избыл еси, и утекания тебе сотворити было невозможно. Коли бы мы тебе в том не верили, и мы бы тебя в ту свою вотчину не послали, и ты так собацким своим обычаем измену нам учинил, безсмертен быти мняся, понеже смерть Адамский грех, общежительный долг всем человеком; аще бо и порфиру ношу, но обаче вем сие, яко по всему, подобно всем человеком, обложен есмь по естеству, а не яко же вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.

О ереси же всякой. Яко ж выше рехом, благодарю бога моего, вем благочестие отчасти утвердити по божию дарованию, елико ми есть сила. Сие же мняху подлежит, еже человеком яко скотом быти; аще ли же тако, то уже в человецех пара, а души несть: се убо ересь саддукейская! Сие убо ты неистовавшия, без ума пиша! Аз же верую спасову Страшному

судищу, хотяще прияти душам человеческим с телесы их, с нимиже содеяша, кождо противу делу их, вси вкупе во едином лику разлучи надвое: царие и худейшая чадь, яко братия истязани будут, кождо противу делу своему. А еже писал еси, аки не хотя уже неумытному судищу предстати, — ты же убо на человеки ересь полагаеши, сам подобен манихейстей злобной ереси пиша! Яко же они блядословят, еже небом обладати Христу, землю же самовластным быти человеком, преисподними же дияволу, тако же и ты будущее судище zde проповедуешь, и еже божиих наказаний, приходящих согрешений ради человеческих, презираеши. Аз же исповедую и вем, яко не токмо тамо мучение, иже zde живущим и престапующим заповеди божия, но и zde божияго гнева праведнаго, по своим злым делом, чаши ярости господня испивают и многообразными наказаниями мучатся, а по отшествии света сего, горчайшее осуждение приемлюще. Сие аз верую Страшному судищу спасову. Та ж и се вем: обладающе Христу небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на земли и преисподняя состоится его хотением, совета отча и благоволением святаго духа; аще ли ж не тако, сия мучение приемлют, а не яко же манахей, яко же блядословиши о неумытном судище спасове, аще не хощем предстати Христу богу ответ дати о своем согрешении, вся ведущему сокровенная и тайная. Аз убо верую, яко о всех согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о^а подвластных мне дати ответ, аще моим^б несмотрением погрешат: како ж твой разум смеху не подлжит, яко аще тлении власти множицею на судище неволею привлекают, царю же царем и господу господем всеми владеющему, како не повинутися? И аще кто и не хочет безумен, то от божия гнева где укрытися хочет? Иже несодержимую тяготу на воздухе держаще, воду и моря востязаше божия мудрость, ему дыхание в руце всех сущих, яко же рече пророк: «Аще възыду^в на небо, ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси. Аще возму крыле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо

рука твоя наставит мя и удержит мя десница твоя. Не утаися кость моя от тебя, яже сотворил еси втайне, и состав мой в преисподних земли». Сие убо аз верую неумытному судищу спасову. И от божия всемогущия десницы живым и мертвым кому возможно где скрытися? Вся нага и отверста.

Прегордым же гонителем всем и всем Христа бога нашего истиннаго противником, яко же рече писание: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». Станем же убо о сем разсуждение имети, кто прегорд: аз ли, от бога токмо повинным рабом вам повелеваю хотение свое сотворити; или вы, противяся божия повеления, моего владычества и своего работнаго ига отметаеся, и яко господне повелеваете мне вашу волю творити, и поучаете, обличаете и учительский сан на ся восхищаете? Яко же рече божественный Григорий к надеющимся юности и во все время держащим быти учителем: «Ты прежде брады учиши старца: или учить^а веруешь ни от возраста, ни от нрава, и ниже како имы честь? Посему Даниил и онсицею, и изсуди я, и притча на языке: всяк убо обидяй в ответ готов, но не закон церкви скудно. Яко же ни едина ластовица весну творит, ниже письмо единого землемерца или корабль един в море»; такожде и ты, ни от кого же рукоположен, учительский сан восхищаеши. Се ли гордо, яко владыче раба учить, или се гордо, яко владыче повелевати рабу? И может ли, и может ли сие невежда разумети, яко же ты, собака, и того не разсудиш, како же трие патриарси собращася со множеством святителей к нечестивому Феофилу^б царю, и многосложный свиток написаха; таковая ж хуления, яко ж ты, не написаха, аще и нечестив бяхе царь Феофил: благочестивым же паипаче подобает смиреннейше вещати, да от бога сам милость обрящешь. Аз же верую Христу богу моему, яко же ни^в движением сердечным таковая согрешения имею; и аще убо они, власть имея, и нечестивому не хулиша, ты же кто еси, сан возищая, неистоваясь хулиши? И хотите закон божий нуждею утвердити — и своим злобесным обычаем вся апостольская предания попираете; апостолу бо Петру глаго-

лющу: не яко обладающе ряду, но образ бывающе стаду, не нуждею, но волею, не мшелом, прибытком; вы же вся сия презираете.

Гонения ж на люди воскладаете: вы ли убо с попом и со Алексеем не гонили? Како убо епископа Коломенского Феодосия, нам советна, народу града Коломны повелесте камением побити? Но бог соблюде его, и вы согнали его со престола его. Что ж о казначее нашем Никите Афонасевиче? Почто живот его роздробисте, самого ж в заточении много лет, в дальних странах, во алчбе и наготе держасте? И кто может доволен вся гонения ваша исцести за множество их! Аще кто мало нам послушен явится, вси тии от вас гоними бысте неправедно. Сие ли убо праведно? Ни; но бесом подобно твористе, сшивая и полящая сети, уловляюще неправедно. Сие ж убо паче незаконно твористе, подобяся фарисейскому кичению: внеуду являющесь праведни, внутрижеуду полни лицемерия и беззакония, тако и вы являющесь человеком, яко исправления ради гонисте, внутрижеуду свое неправедное хотение гнева исполняете; и сие ваше гонение всем разумно суть. Истязание же не токмо до влас, но и^а движение сердечное, яко же рече: «несоделанное мое видесте очи господни, и в книзе твоей вси напишутся». Яко же речено бысть в Старчестве о Иванне Колове: егда возстения о некоем брате, живущем в велицей лавре во всяком небрежении, и в пьянстве и в блуде, и тако за сие виде себе восхищена в видении и поставлена у страшнаго престола пред нелицемернаго судию, господа нашего Исуса Христа, предстояще ж окрест множество ангел. Како за сие пострада и отвед восприя: «Се есть Антихрист, восхищая суд мой». И тако видит себе изгонима от престола славы, и восприя лишение в мантии, еже есть покров божий. И пятнадцать лет страдавшу ему в пустыни, едва сподобяся мантию и прощение прияти. Смотри же сего, бедник! Понеже не осуди, но токмо возстена, и за сие пострада страшно, аще и праведник; кольми же паче пострадут, иже нечестия многа сотворяющихи и божий⁶ суд на ся восхищающе, гордящесь, с прещением

ужасающе, а не сетуяще с милованием. И аще о сетовании таковая пострада, кольми же паче осуждаяй постражет!

Судителя ж приводишь Христа бога нашего между мною и тобою, и аз убо сего судища не отметаюся. Он убо, господь бог наш, судитель праведен, испытая сердца и утробы, и вся наша помышления во мгновении ока нага и явственна пред ним, и несть иже^в укроется ото очию его, вся ведущему тайная сокровения, и се убо весть, за кое дело востаете на мя и что пострадаете от мене, аще и последи, по вашему безумию, с милостию месть вам^б воздах. Но обаче вы есте соблазни всему и начало злу, понеже, по пророку, мняте мя червя, а не чело века, и о мне глаголете, сидяще во вратах, и о мне поясте, пьюще вино з другими изменники; сему убо, всем ласковым вашим советам и умышлением, судитель истинный Христос бог наш. И ты убо судию Христа приводишь, дел же его отметаешься: оному убо глаголющу: солнце да не зайдет во гневе вашем, без прощения, и молишь за творящих напасть отрицаешься.

Зла же и гонения безлепа от мене не приял еси, и бед и напастей на тебе не подвигли есme; а кое и наказание мало бывало на тебе, и то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники. А лжей и измен, ихже не сотворил еси, на тебя не взваживали есme; а которые еси свои проступки делал, и мы по тем твоим винам по тому и наказание чинили. Аще ты наших опал, за множество их, не можешь зрети, како убо может вся вселенная исписать ваших измен и утеснений, земских и особых, еже вы злобесным своим умышлением сотворили есте на мя? И мы всего того есme не памятовали, и от божия земли тебя не отгоняли, но сам еси от всех лишился, и на церковь божию встал еси, подобно Евтропию: скон церковь бо его продаде, и он сам от церкви божии отторжеся; тако же убо и ты: не божия земля тебя от себе отгнала, но ты сам себя от нея отторгнул еси и на ее пагубу встал еси. Злую же и непримирительную ненависть кую воздал тебе и до нынешней твоей измены? Всячески бо дыхал еси на пагубу нашу, и достой-

ных мук по твоему злоумию не воздахом тебе, видящи тя о главе нашей злая советующе, и в таковой ближней чести держаклом ты выше отец твоих: вси бо ведут, в каковой чести родители твои жиша, и како убо отец твой, князь Михайло, в какове жалованье и в богатстве и чести был: каков же был еси и ты пред ними, и сколько у отца твоего начальников поселян, и был отец твой боярином князя Михаила Кубенскаго; ты же тоя чести от нас сподоблен был еси. Но и сия ли тебе от нас не довольно бысть? Всем еси лучше был отца своего по нашей к тебе превысочайшей милости; храброванием же множайше хуже отца своего, изменою же прешел еси. И се ли убо твое благое возлюбление к нам, еже повсегда сети претыкания полагал еси нам и, подобая Иуде, на пагубу душу поучил еси?

А что, речеши, кровь твоя пролитая от иноплемennых за нас, по твоему мнимому безумию, вопиет на нас к богу, тем же убо смеху подлежит сие, еже убо от иного пролитая, на иного же вопиет. Аще бы и тако, еже от сопротивных супостат пролитая кровь твоя, то должная отечеству си сотворил еси; аще бы сего не сотворил еси, то неси был еси христианин, но варьвар; и сие к нам неприлично. Кольми же паче наша^а кровь на вас вопиет к богу, от вас самех пролитая: не раними, ниже кровными капли, но многими поты и трудов множеством от вас отягчен бых безлепотно, яко же по премногу от вас отяготихомся паче силы! И от многоаго вашего озлобления и утеснения, вместо кровей, много излился слез наших, паче же^б и воздыхания и стенания сердечная; и от сего убо причреслие приях, понеже убо конечному люблению не сподобисте мя. А еже о царицы нашей и о чадех наших, ни мало убо внимасте^в. Сицевое убо мое моление на вы вопиет к богу моему, паче вашего безумия, понеже бо иное пролиание крови вашей за православиe, иное же, чести и богатства желая. И сие убо богови неприятно есть; паче же и удавление вменияет, да еже славы ради умерети; мое ж утеснение и вместо крови пролитыя от вас самех приях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим

злым сеянием озлобления жих, строптивая не престаёт убо се, но паче на вас непрестанно к богу вопиет! Совесть же свою испытал еси не истинною, лестно, сего ради и не обрел еси истинны, понеже едино воинственное испытал еси, а еже убо о нашей главе твоего нечестия, сие презрел еси; посему мнишися и неповинне быти.

«Победы же пресветлы и одоление преславно» когда показал еси? Егда убо послахом тя в нашу отчину, в Казань, непослушных наших повинути нам; ты же, в повинных место, к нам неповинных наших привел еси, измену на них туне возлагая; а на них же послахом тя, никоего жь зла им сотворил еси. Егда же в нашу отчину, на Тулу, недруг наш приходил Крымской царь, и мы тогда вас послахом противу его: оному же устрасшуся и во своя возвратившися, Агмет улану же, воеводе его, не со многими людьми оставшися, вы же тогда поехали^а на обед к воеводе нашему, ко князю Григорью Темкинѹ, и ядше, пойдосте за ними, и ничто же им сотворше; они бо в то время в далечайшее разстояние от вас отъидоша. Аще убо вы и раны многи претерпесте, но победы никоея же не сотвористе. Тако же убо и под градом Невлем: пятиюнадесять тысящи 4000 не могосте побити, и не токмо убо победисте, но и сам от них, ничто же успевше, едва возвратишася. Се ли убо пресветлая победа и одоление преславно? Иная убо не твоей в милости бяху. Сия убо тебе на похвалу пишется!

А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рожьдшия тя, и жены своея, отлучения ради, не познах, и отечество оставлях, но всегда в дальних и окольных градах наших против врагов наших ополчахся, претерпевал еси естественныя болезни, и ранами учащен еси от варварских рук, в различных бранех, и сокрушено уже ранами все тело имешь, — и сия тебе вся сотворишася тогда, егда вы с попом и Алексеем владесте. И аще не годно, почто тако творили есте? Аще же творили есте, то почто, сами своею властию сотворив, на нас словеса воскладаете? Аще бы и мы сие сотворили, несть дивно; но понеже бо сие должно нашему повеле-

нию в вашем служении быти. Аще бы муж браниносец был еси, не бы еси исчитал бранныя труды, но паче на предняя простирал бы ся; аще же исчитаеши бранныя труды, то сего ради и бегун явился еси, яко не хотя бранных трудов понести, и сего ради во упокоении пребывати. Сия же твоя худейшая браненосия нам ни во что же поставлена; еже ведомыя измены твоя и яже претыкания о нашей главе тебя презрена бывша, и яко един от вернейших слуг наших был еси славою и честию и богатством. И аще бы не тако, то таких казней за свою злобу был еси достоин. И аще бы не было на тебе нашего милосердия, не бы возможно было тебе угонзнути к нашему недругу, аще бы наше к тебе гонение было, яко же по твоему злобесному разуму писал еси. Бранныя же дела твоя вся нам ведома. Не мни мя неразумна суща или разумом младенчествующа, яко же начальницы ваши поп Селивестр и Алексей неподобно глаголаху; ниже мните мя детскими страшили утраштити, яко же прежде сего с попом Селивестром и со Алексеем лукавым советом прельстисте. Или мните ныне таковая сотворити? В притчах бо речено бысть: «егож не можеши яти, того не покушайся имати».

Мздовоздателя же бога призываеши; воистинну, он праведный воздатель всяким делам, благим же и злым; но токмо подобает разсуждение имети всякому человеку, како и против каких дел своих кто мздовоздаяние примет? Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшнаго суда божия. Кто же убо восхоцет такового ефиопьскаго лица видети?

А еже речеши, глаголя: «воссылати богу о отмщении своем», и сия или не веси, како преподобный Поликарп моляше праведне на розвращающия церковь Божию о^а нанесении суда с прещением; щедрый же в милости сходядше щедротами своими, из пропасти змиевы сих свободи, и прочее; рече Поликарпови: «готов есмь человеки страдавшия спасти, аще ми покаются». И аще убо такова праведна мужа и праведне молящася на погибель не послуша ангелский владыка, кольми же паче тебя, пса смердяща, безнаго изменника и непра-

ведника, на зло молящася, послушает. Яко же рече божественный Ияков: «Просите и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших изживете». Обаче верую богу моему: «болезнь твоя обратится на главу твою».

А еже пишешь, возлагая суд преподобному князю Феодору Ростиславичю, сего аз судию желательне приемлю, аще и сродник ти есть, понеже святии ведать, паче и по смерти, праведная творити и видят между нами и вами, яже от начала и доднесь, и праведне убо да разсудят. И яже бо нашу царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксиею, како сопротив злаго вашего немилосердаго умышления, сей святой князь Феодор Ростиславич молитвами своими, по действию святаго духа, от врат смертных воздвиг ея? И се убо наипаче явлено есть, яко не вам способствует, но нам недостойным милость свою простирает. Такожде и ныне уповаем его способника быти нам паче, нежели вам, понеже «аще бы чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили; может бо бог и от камня воздвигнути чада Аврааму». Не вси бо, изшедши из Авраама, семя Аврамле причитаются; но живущии в вере Авраамове, сии суть семя Авраамле. Суемудрыми же мыслями ничто же помышления творим и на такой степени ног своих не утверждаем; но елика же сила наша крепчайша, тогда, на твердем степени утвердив ноги своя, стоим неподвижно.

Прогнанных же от нас несть никого, разве сами злодейственно отторгшася; избиенныя же и заточенныя вси прияша по своим винностям, яко же выше рех, по тому тако и прияша. Но обаче о сем вам скорбети подобает, еже во всем вам богоданному владыце сопротивистесь! Убиенных же по своим изменам мните, пишуще, у престола владычня предстояще, — и сие убо суемудренно твое помышление, по апостолу: «Бога никто же нигде же виде». Вы же, изменники, аще и вопиете бес правды, ничто же убо примете, понеже сластей ради просите. Аз же убо не о чесом хвалюсь в гордости и никако же гордеция желатель, понеже убо свое царское содеваю и выше

себя ничто же не творю. Паче же убо вы гордитесь, дмящися, понеже раби суще, царьский и святительский сан на ся восхищающе, учаще, и запрещающе, и повелевающе.

На христианский же род никаких мучительных сосудов не умышляем; но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подвластным же своим благим убо благая подаем, такожде и злым злая, по приточнику: «благим убо исперва создано бысть благо, такожде и грешником зло»; не хотением убо сия творя, ни желая, но по нужди: злаго ради их преступлении и наказание им бывает. Веси ли, яко многажды и не хотяще случается по нужди законопреступным наказание?

«Наругающийеся и попирающийи ангельский образ, согласующеся ласкателем своим неким^а», — развее останком вашего злаго совета! В боярех же наших несогласия несть, развее друзей и советников ваших, яже ныне, подобно бесом, вся совети своя лукавыя не престающе в ночи содевающе, яко же рече пророк: «Горе совещающим совет зол до заутрия, и гонящим свет, да в совете своем скрывают праведнаго!» И сего убо ради, яко не хотех в детстве быти, в воли вашей, гонение нарицаете. Вы же владетели и учителя повсегда хотите быти, яко младенцу. Мы же уповаем милостию божиею, понеже доидохом в меру возраста исполнения Христова, и кроме божия милости и пресвятыя богородицы и всех святых, от человек учения не требуем, ниже подобно есть, еже владети множеством народа, оных разума требовати.

От кроновых же убо жрец, — еже подобно псу лаяти, яд ехидны отгрыгая; сие неподобно писал еси: еже убо како рождшим своим чадам сицевая неудобствия творити, паче же и нам^б, царем, разум имущим, како уклонитися на сие безлепотство? Сия убо вся злобесным своим собацким умышлением писал еси.

А еже свое писание хочешь с собою во гроб вложить, се убо последнее свое христианство отложил еси. Еже бо господу повелевшу не противитися злу, ты же убо и обычное, еже

невежда имут, конечное прощение отвергн еси; и по сему убо несть подобно и пеню над тобою быти.

В нашей же отчине, в Вифлянской земле, град Волмер недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь, — се убо свою злобесную собацкую измену до конца совершаешь. А еже от него надеешься много пожалован быти, — се убо подобно есть, понеже не восхоте под властью быти божия десницы, и от бога данным владыкам своим послушным и повинным быти, но самовольством^а самовластно жити. Сего ради такова государя искал еси по своему злобесному хотению, еже ничим же собою владеюша, но паче худейша от худейших раб суща, понеже от всех повелеваем есть, а не сам повелевая.

Но что еще глаголю ти много? По премудрому Соломону: «З безумным не множи словес»; обличения бо ему о правде злота слышати. Аще бы еси имел смысл цел и разум здрав, то по приточнику сему уподобился бы еси: «Разум премудраго яко потоп умножится и совети его яко животен источник». Ты же буй сый, а утроба^б буюго, яко изгнивший сосуд; ничто же удержано им суть; такожде и ты разума стяжати не возможе.

Писана наша великия Росии, преименитого, царствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царьскаго порога, от лета мироздания 7072-го, пулна месяца в 5 день.

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ .

Лета 7072-го цареве государеве послание — все его Российское царство — на крестопреступников его, на князя Андрея Курбьского с товарищи, о их измене

Бог наш троица, иже прежде век сый и ныне есть, сын и святой дух, ниже начала име, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, имже царие царствуют и сильнии пишут правду; и данна бысть едиnorodнаго слова божия Иисусом

Христом богом нашим победоносная хоругви, крест честный, николи же победима есть, первому во благочестии царю Константину и всем православным царем и содержателем православия, и понеже смотра божия слова всюду исполняшеся, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орел летанием обтекши, даже искра благочестия доиде и до Российскаго царствия: самодержъство божиим изволением почтен от великаго царя Владимирера, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великаго царя Владимирера Манамаха, иже от грек достойнейшую честь воспримшему, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже над безбожными немцы победы показавшаго, и хвалам достойнаго государя царя Дмитрия, иже за Доном над безбожными Агаряны велию победу показавшаго, даже и до мстителя неправдам, деда нашего, великаго государя Ивана, и закосненныя прародительства землям обретателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василия, да иже доиде и до нас смиренных скипетродержания Российскаго царствия. Мы же хвалим бога за премногую его милость, произшедшую на нас, еже не попусти доселе деснице нашей единоплеменную кровь обагриться, понеже не восхитихом ни под ким же царства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся божиим повелением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чужое восхитихом. Сего православнаго и истиннаго христианскаго самодержъства, многими владычества владующаго, повеления, наш же христианский и смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего самодержжания боярину и советнику и воеводе, ныне крестопреступнику честнаго и животворящаго креста господня, и губителю христианскому, и ко врагом христианским слугатаю, отступльшим божественнаго иконнаго поклоняния и поправшим вся священная повеления, и святыя церкви разорившим, и осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр,

и Гюетезны, и Арменин, сим всем соединителю, — князю Андрею Михайловичу Курбьскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти Ярославьскому владыце, ведомо да есть.

Почто, о иже аще мнишися благочестие имети, единокордную свою душу отвергли еси? Что же даси измену на ней в день Страшнаго суда? Аще весь мир приобрящеши, последи смерть всяко восхитит тя: чесо на теле душу предал еси, аще убоялся еси смерти по своих бесоизвыкших^а друзей и назирателей ложному слову. И всюду, яко же беси на весь мир, тако же и в наши изволившия быти друзи и служебники, нас же отвергшися, преступивше крестное целование, и възъярився на мя и душу свою погубив, и на церковное разорение подвиглися есте. Не мни праведно быти: възъярився на человека и къ богу приразися; ино бо человеческое есть, аще и порфиру носит, ино же божественное. Или мниши, окаянне, яко убрежешися того? Накако же. Аще с ними воевати, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати, и христиан погубляти. Аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши.

Се убо явствено есть ваше изменное умышление, от начала и донныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам превладующим да повинуются, никакая же бо владычества еже не от бога учинена суть; тем же, противляйся власти, той божию повелению противляется». Сей отступник имянуется. Инъде рече Павел апостол, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не предо очима точию работающе, не яко човекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадади. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдади и венец жизни носити?

Како же не усрамишися раба своего Васки Шибанова? Еже бо он свое благочестие соблюде: пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целова-

ния тебя не отвержеса, и, похваляя всячески, умрети за тебя тцашеса. Ты же убо сего благочестию не поревновал еси: единого ради малаго слова гневна не токмо свою едину душу, но и своих родителей души погубил еси; собацким изменным обычаем преступив крестное целование, ко врагом христианским соединился еси, и к тому, своя злобы не размотря, сицевыми скудоумными глаголы, яко на небо камене меща, нелепая глаголеши; и подобна к тому сотворити своему владыце отвергли еси.

Писание же твое приято бысть, и вразумлено и внятно, и понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же обретающеса, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче елєя и та суть стрелы».

А еже писал еси: во Израили побили воевод, от бога данных нам на враги наша, и различными смертьми расторгнули есмя, и победоносную их кровь святую во церквах божиих пролиали есмя, и мученическими кровьми праги церковныя обагрили есмя, и на доброхотных своих и душа за нас полагающих неслыханныя от века муки, и смерти, и гонения умыслили есмя, изменами и чародействы сих, и иными неподобными облагая православных, — и то еси писал и глаголал ложно, яко же отец твои диявол научил тя есть, понеже рече Христос: «Вы отца вашего диявола есте и похоти отца вашего хотите творити». А сильних есмя во Израили не побили, и не вем, кто есть сильнейши во Израили, понеже Російская земля правится божіим милосердіем, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами своими государи, а не судьями и воеводами, ниже ипаты и стратиги. Ниже воевод своих различными смертьми расторгнули есмя. Аз же божією помощію имеем у себя воевод множество и опричь вас изменников; а пожаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же.

А еще писал еси, аки не хотя уже неумытному судищу предстати, ты же на человека ересь полагаеши, сам подобно

манихейстей ереси пиша злобе сие: яко же они блядословят, еже небом обладати Христу, землю же самовластным быти человеком, преисподними же дияволу, тако же и ты будущее судище проповедаеш, zde же божиих наказаний приходящих согрешений ради человеческих презираеш. Аз же исповедаю, и всем, яко не токмо тамо мучение, иже зле живущим и преступающим заповеди божия, но и zde божия праведнаго гнева по своим злым делом чашу ярости господня испивают и многообразными наказаниями мучатся. Сие аз верую Страшному спасову судищу. Та же и се вем — обладающа Христа небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая.

Мы же убо християня веруем в троицы славимаго бога нашего Иисуса Христа, яко же рече апостол Павел: «Имамы бо Нову Завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величества на высоких, иже, открыв завесу плоти нашея, всегда проповедует о нас, иже, о ихже волею пострада, очистив кровию своею Завета Новаго». Та же и Христос рече во Евангелии: «Вы убо не нарицайтесь наставницы, един бо есть наставник ваш — Христос». Мы убо християне знаем предстатели тричисленное божество, в неже познание приведени быхом Иисус Христом, богом нашим; тако же и заступницу християнскую, сподобльшуюся быти мати Христа бога, пречистую богородицу; и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангели, яко же Моисею предстатель бысть Михаил архангел, Иисусу Наввину и всему Израилю, сия убо имеем предстатели, Михаила и Гавриила и прочих всех небесных безплотных; молитвенники же к богу имамы пророци, и апостоли, и святители, и мученики, лик преподобных и исповедник и безмолвник, мужей и жен, — се убо имеем предстатели християнскии.

Се ли убо горько и тма, яко от злых предстати и благая творити? Се есть слатко и свет. Аще убо царю не повинутся подовластныя, никогда же усобных браней престанут. Се убо злоба обыче сама себе хапати, сам не разумея, что сладко и свет.

1. The first part of the document is a title page. It contains the title of the document, the author's name, and the date of the document.

Хто убо ты поставил судью или владетеля надо мною? Или даси ответ за душу мою в день Страшнаго суда?

Понеже убо се есть вина и глава на всем делом вашего злобеснаго умышления; понеже с попом с Селиверстом положиште совет, дабы аз лише словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государи. Сего ради вся сия склущашася. Воспомяни же: егда бог извожаше Израиля из работы, и егда убо священника ли поставил владети людьми или многих рядников? Но единого Мойсея, яко царя, постави владетеля над ними; священствовати же ему не повелено, но Аарону, брату ево, повелено священствовати, а людскаго же строения ничего не повеле творити. Егда же Аарон сотвори строй людский, тогда и от бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити, яко же Дафан и Авирон хотяща восхитити себе власть, и како сами погибоша, — еже вам бояром прилично. После того же бысть судия Израилю Иисус Наввин, священник же Елеазар, и оттоле даже и до Илия⁶ жерца и обладаху судия, Июда, и Варак, и Еффай, Гедeon, и ины мнози: и каковы советы и победы на противныя поставляху, и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взял на ся священство и царство, аще сам праведен баше и благ, но понеже от обоюду припадшу ему богатству, славе, и како сынове его, Офнии и Финеес заблудиша от истинны, и како сам и сынове его злою смертию погибоша, и весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя? Видиши ли, яко священства и рядничество царским владетелем не прилично?

Како же, собака, и того не разсудиши?

Станем же о сем разсужение имети: се ли гордое ко господину раба учити, али се не гордость — моего владычества и своего ига работнаго отметається, яко повелеваете мне свою волю творити, и поучаете, и обличаете, учительский сан на ся восхищаете, яко же рече божественный Григорей к надеющимся юности и во все время держащим ю быти учителем: «Ты же преже брады учиши старца, или учити веруеши, никоимыи чещь. По сем Даниил зде, и онсица и онсица — юнный

судья, и притца на языке, всяк бо обидяй во ответ готов. Но ни закон в церкви складное. Яко же, ни едина ластовица весну творит, ни писмя едино землемерца, или корабль единь море», тако же убо и ты, ни от кого же рукоположен, учительский сан восхищаеши.

Яко же в старчестве реченно есть, еже о Иванне Колове, егда брата осуди в велицей лавре живущего во пьянстве, и в блуде, и в прочих неудержании, и тако скончашася. Иван же о нем востеня, и како виде себе восхищенна в видении, пред великим градом приведена, и господа нашего Иисуса Христа сидяща на престоле, и с собори множество ангел окрест предстоящей, и душе оной усопшей и принесенней ко Иванну, и осужения от него вопрошающей ангелом, в кое место повелит им вселитися; оному же безответну сущу. И егда приближися водящей его ко вратам иисусовым, словом возбранен бысть внити. Изиречеса ему глас иисусов издавеча: «се ли есть антихрист, восхищая суд мой?». Тако убо по гласе ему аки гониму, и вратом затворшимся, и манатьи снятой бывше — иже есть нам на большое извещение, — оному же посем пятнадесять лет страдавшу по пустыни, ниже зверя, не токмо человека видящу, и тако по таковем страдании сподобися тако же видения и манатьи, и едва прощения прия. Смотри же, бедник, яко не осуди, но востена, и како пострада страшно, аще и праведник. Кольма же паче постражуть, иже нечестия многа сотворяюще, и божий суд на ся восхищающе?

Сих всех презрел еси.

Пророк рече: горе дому, иже обладает жена; горе граду, имже мнози обладают. Во царстве многих владение подобно женскому безумию: яко же жена не может своего хотения уставити, овогда тако, иногда же инако, тако же во царстве многих владение; аще и крепки, аще и мудры, аще и разумны, — тот тако, а иной инако.

Отвещай ми: тако ли убо навекл еси, христианин будучи, христианскому государю подобно служити? и тако ли убо

почесть подобна воздаяти от бога данному владыце, яко же ты бесовским обычаем яд отрыгаеши?

Како же убо ты доброхотных сих изменников нарицаеши? Яко же убо во Израили еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, и лжею согласившись, и леть скрывше, и во един день избиша 70 сынов Гедеоновых, еже убо от беззаконных жен ему, и воцариша Авимелеха, — тако же убо и вы собацким своим изменным злым обычаем хотесте во царьствии царей достальных истрибити, и аще не от наложницы, но от царьствия растоящагося колена хотеста воцарити. И се ли убо доброхотны есть и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссушаго млеко младенца, мене смертию пагубною хотеста света сего лишити, чужаго же царствия царя во царство вести? Се ли убо за мя душу полагаете и добрѡхотствуете? И тако ли убо своим чадом хотите сотворити, еда убо въ яца место подаваете им скорпию, или в рыбы место камень? Аще убо вы, зли суще, умеете даяния благо даяти чадом вашим, аще убо доброхотныи благи нарицаетесь, почто же убо таких благих даяние не приносите чадом нашим, яко же своим? Но понеже убо извыкосте от прародителей своих и измену чинити, — яко же дед твой, князь Михайло Карамыш, со князем Андреем Углицким на деда нашего, великаго государя, умышляючи изменные обычаи, тако же князем Дмитрием внуком на отца нашего блаженные памяти великаго государя Василья многи пагубы и смерти умышлял; тако же и матери твоея деды^в Василей и^г Иван Тучкин, многая поносная и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану, износили; тако же и дед твой, Михайло Тучков, на преставления матери нашей, великия царицы Елены, про нея дьяку нашему, Елизару Цыплятеву, многая надменная словеса изрече; — и понеже еси порождение исчадия ехиднова, по сему тако и яд отрыгаеши. Се убо довольно указах ти, чего убо ради по твоему злобесному разуму супротивным обратися. А отцу твоему, князю Михаилу, гонение было много, и убожествовал, — измены такой не учинил, что ты.

А еже писал еси, яко бессмертен мноюся, и яз бессмертен быти не мноюся, понеже смерть адамских грех общедательный долг всем человеком.

Яко учительский сан восхищаеши, апостолу Иякову сие отрицающу: «Не мнози учителя бывайте, братие, ведуще, яко вящей грех приемлем, много бо согрешаем вси. Иже бо словом не согрешит, сий совершен муж и силен, иже кто устне обуздал».

Апостолу Павлу глаголющу: «Имуще образ благочестия, силы же его отвергошася, всегда учащася и николи же в разум истинный приити не могуща, яко же Ананий и Амврий противистася Мойсею, тако же и вы противитесь истинне».

Яко же тогда, тако же и ныне; обаче благодать божия в немощи совершается, а ваше злобесное на церковь возстание разсыплет сам Христос. Смотри же и древняго отступника Иероваама сына Вашша, како отступи з десятью колены Израилевыми, и сотвори царство в Самарии, и отступи от бога жива, и поклонися тельцу: и како убо смятеса царство Самарийское неудержанием царей и вскоре погибе. Июдино же, аще и мало есть, но страшно пребысть до исполнения божия, яко же рече пророк: «рассвирепе яко же юница Ефрем», и паки инде рече, ино есть: «сынове Ефремли, наляцаючи и спеючи луки, возвратишася в день брани, не сохраниша повеления господня, и в законе его не изволиша ходити». «Человече, останися рати; аще убо со человеком борешися, той одолеет тя или ты одолееши; аще ли с церковию борешися, то всяко тебя одолеет церковь, жестоко бо противу осну прати, на ня бо воступиши, но и нозе си окровавиши. Еда ся пени море и бесится, Иусова корабля не может потопити, на камени бо стоит. Имамы бо вместо кормьчия Христа, вместо же гребца — апостоли, вместо же корабленик — пророки, вместо же правителей — мученики и преподобныя; и сия убо вся имуще, аще и весь мир возмутится, но не убоемся погрязновения: меня убо светлейши твориши, сам же свою погибель содеваеши».

Яко же рече убо апостол: «овех убо милуете разсужающе, овех же страхом спасайте, ото огня восхищающе». Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасати? Тако же и во благочестивых царех о временех много обрящещи злейшее мучение. Тако же убо по твоему безумному разуму одинако царю быти, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукам невинни ли суть? Паче же и злейша сих лукавая умышления. То убо вся царствия нестроением и междоусобными бранми вся растягся. И тако ли убо пастырю подобает, еже не разсмотряти о нестроении о подовластных своих?

И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярым, ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, то несть царь; царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хочещи ли не бояться власти, благое твори; аще ли злое твориши, бойся: не туне мечь носит, в месть злодеем.

В послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измирскаго видение, еже моляшесь на еретиков, еже смятших божественую службу, о погибели их, и како виде, не яко во сне, но яве, на молитве предстоя, и виде ангельскаго владыку, на плещу херувимску сядяща; и земли убо зинувши пропастию великою, змию оттуду страшну зияющую; онем же, яко осужеником, руце опако связани имуще и к пропасти оной влекоми, и еже к ним поползновению^а бяху, еже в пропасть ону пасти. Святому же Поликарпу тако от зелныя ярости и гнева разжегшуся, оставшу ему предъсладкаго Исусова видения и прилежно сматряюще погибели людей оных. Тогда убо и тогда ангельский владыка с плещу херувимску сниде, и ем мужей оных за руки, плещи же свои представи Поликарпу и рече: «аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, понеже и прежде сих ради плещи свои дах на раны, да вся в покаяние вмещу». И аще убо такова праведна и свята мужа, и праведне молящася на погибель, не послуша ангельский владыка, кольми паче тебя, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедна, на злую волю молящася, не послушает; яко же

рече апостол Ияков: «просите и не приемлете, зане зле просите».

Что, собака, и болезнуеш, совершивше такую злобу? К чему убо подобен совет твой будет? Паче кала смердяща. Или мниши праведно быти, еже от единомыслеников твоих злобесных учинено, еже иноческое одяние свергши и христиан воевати? Или се есть вам отвещание, яко невольное пострижение? Но несть сие, несть. Како убо Лествечник рече: видех неволю ко иночеству пришедших и паче волных исправившихся.⁶ А чесо убо сему слову не подрожасте? Много же и не в Тимохину версту обрящещи, тако же постриженных, и не поправши иноческаго образа, глаголю же и до царей. Аще ли же кои дерзнуша сие сотворити, се убо ничим же ползовашася, но паче в горшая телесная и душевная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский, пострижен от зятя своего Романа Галическаго. Смотри же благочестия княгини его: восхотевшу ему взяти ея из невольнаго пострижения, она же не восхоте мимотекущаго царствия, но пострижеся и во схиму. Рюрик же рострижеся и многи крови христианския пролиал, и святыя церкви и монастыри пограби, и игуменов и попов и чернцов помучи, и до конца княжения не може удержати, но и имя его без вести бысть. Тако же и во Цареграде множайша сего обрящещи.

Тако ли вы благочестие держите, еже еси, злобесным обычаем своим держите и нечестие сотворяете? Или мнишися, яко ты еси Авенир, сын Ниров, храбрейши во Израили, еже такая писания злобесным обычаем, гордостью дмяся, писати. Но и тогда что бысть? А егда убо уби Иоав сын Сару, и тогда оскудел⁷ Израиль. Не пресветлы ли победы з божиею помощию на противныя показаша? Всуе хвалишися. Смотри же и сего, иже подобно тебе сотворшаго; аще ветхословие любиши, к сему то³ и приложим. Что убо ему бранная храбрость, еже господина своего нечестна име, еже убо подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о сем сыну Саулю Мемфиоксу, он же разгневался, отступи от дому Сауля, и тако погибе; ему же ты уподобися,

желая гордостно излишнее чести и богатства. Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты, иже нам от бога данныя на грады и на села посягая, равно тому нечестию бесуся сотворяеши. Или убо предложиши ми плачь Давыдов? Ни убо, царь убо, праведен сы, не хотя убьения сидева сотворити; нечестивый же во своей погибели и погибе. Смотри же, яко бранная храбрость не помогает, аще кто господина не чествует. Но еще предложу ти Ахитофела, подобна тебе лукавно совет совещающе Авесолому на отца, и како потрясенна последи сия: единого старца разумом совет его разсыпая, и весь Израиль побежен бысть малейшими людьми; он же удушением конец погибельный обрете.

Вы же, изменники, аще и вопиете бес правды, и не приемлете, яко же и выше речено есть, понеже сласте ради просите.

Аз же ни о чем же убо не хвалюся в гордости, никакже убо гордения желаю, понеже убо свое царское совершаю и выше себе ничто же не творю; паче же вы убо гордитесь, дмашеся, понеже и раби суще святительский сан восхищаете, учаше, и прешающе, и повелевающе. На род же христианский мучительных сосудов не умышляем, но паче за них желаем против всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати; подовластных же своих благим убо благая подавая, злым же злая приносятся наказания; не хотя, ни желая, но, по нужде, их ради злаго преступления и наказания бывают, яко же речено есть во Евангелии: «Егда убо состареешися и воздежши руде свои, ин тя пояшет и ведет тя, аможе не хочеши». Видиши ли, яко многажды и не хотяще случается по нужде законопреступным наказание. А наругаючи же и попирающе ангельский образ, согласующим ласкателем — не вем, разве останков вашего злаго совета; несогласных боляр у нас несть, разви друзей и советников. Губители же души нашей и телу несть у нас. И се убо паки детская поминаеши; и сего ради убо не хотех во учительстве быти, в воли вашей, и того ради вы от мене гонения нарицаете. Вы же владельцы и учителя повсегда хотите быти ми, яко младенцу. Мы же уповаем

на милость Божию, понеже доидохом в меру возраста исполнения Христова и, кроме Божии милости и пречистые богородицы и всех святых, от человек учения не требуем; ниже убо подобно есть, еже владети множеством народа, инех разума требовати. О Иароновых убо жерцех, — еже убо подобно псову лаянию или яди ехиднине отрыганию. Сему убо подобно писал еси. Еже убо како родителем своим чада сицевая неудобственная творят, паче же и нам, царем имущим, како уклонится на сие безлепие и творити? Сия убо вся злобеством своим и собацким умышлением писал еси. А еже свое писание хочещи с собою во гроб вложить, се убо последнее христианство отложил еси; еже убо господу повелевшу, еже не противитися злу, ты же убо и обычное, еже и невежда не творят, и конечное прощение отвергнул еси. И по сему убо несть подобно петью над тобою быти.

В нынешней же отчине, в Вифлянской земле, град Вольмер недруга нашего Жигимонтов нарицаеши, сѧ убо свою злобесную собатцкую измену до конца совершаеши. А еже от него надеешися много пожалован быти, се убо подобно есть; понеже не хотесте под Божиею десницею власти быти и от бога нам данным и повинным быти нашего повеления, но в самовольстве самовластия жити, сего ради такова и государя изыскал еси, еже по своему злобесному собатцкому хотению, еже ничим же собою владеются, понеже от всех повелеваем есмь, а не сам повелевая.

А еже бо синклита от преблужения рожденна, то не вемы, паче вас. Таковый моавитин и аммонитин еси: яко же убо они от Лота изшедше, от сыновца Авраамля, и всегда на Израиля воеваху, тако же убо и ты от властелинскаго племени исшел еси, и на ны беспрестани советуеши злая. Что же убо писал еси? Понеже убо претительно повелеваеши, яко же убо бе злобесному злохитрию подобно: ово убо лукаво, ово же ласкательно, ово же гордо, ово же страшительно, дмяся выше меры, подобая местоблюстителем; яко изветы творя к нам писал еси, ово же худейшим рабом своим и скудным умом подобая,

яко же избежавши от рук ваших, яко же пси нелепая глаголеши, — тако же и ты по своему злобесному собатцкому хотению и умышлению, и иступив ума, неистовся бесному подобию, колебляся, писал еси.

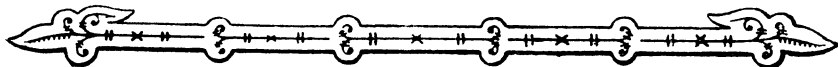
Како же не устыдишися злодеев мученики нарицая, не разсужая, за что кто стражет? Апостолу вопиющую: «аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается»; божественному Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: «мучими убо суть и татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи, такови убо не блаженни, понеже грех ради своих мучени бысте, а не бога ради»; апостолу Павлу глаголющу: «лутче убо благотворяще пострадати, нежели злотворящим». Видиши ли, везде не похвалает злотворящих мучения? Вы же злобесным своим обычаем подобяшеся ехиднину, отыгания яд изливающе. Что же повиновения человек и законопреступления времени разсужающе, свою же злолукавую измену бесовским умышлением, лестию языка покрыти хотяще. Се ли убо супротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великаго Константина, како, царствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил есть. И князь Феодор, прародитель ваш, в Смоленске на пасху колики крови пролинал есть? И во святых причитаются. И како же Давид, иже обретесе богу по сердцу и хотению, и како же повеле и Давид, да всяк убивает Усеина, и хромыя и слепыя, ненавидящих душа Давыдова, егда не прияша его в Иерусалим. Како убо сих причтеши в мученики, яко не хотевши от бога им даннаго царя прияти? Како же не разсудиши и се, еже и во благочестии царь и на немощней^н чади силу свою и гнев показа. Или убо нынешняя изменники не равны ли сим злобу свою сотвориша? Но паче и злейша: они убо точию возбраниша приход и не успеха ничто же, си же приятаго от них, богом даннаго им, рожшагося у них на царстве царя, преступивше крестную клятву, отвергошася и, елико возмогаша, злая и сотвориша, словом и делом и тайными умышлении.

Апостол Павел — сие дерзнув, ему же ты являешися учитель, яко на четвертое лето небо дошед, и другим рай неведомых слышав, и больший круг проповеданием прошед, но не по крещени, сия рече: кое указание или покажи или осужай. Аще ли отречено, да удолеет человеком любное. И сими законнова такова человека. Ненавиство же и лихоимство убо не просечеса, второе идолослужение. Блуд же тако же горько осуди, яко без тела и безплотен.

Пророк Давид рече: «Грешнику же рече бог: вскую ты поведаети оправдания моя и восприемлещи завет мой усты твоими? Ты же возненавиде наказание и отверже словеса моя вспять. Аще видяще татя, течаще с ним, и с прелюбодеем участие свое полагаеше». Прелюбодей же убо не плоти, ино же яко прелюбодей плотию и изменою. Тако же убо и ты со изменники участие свое полагаеши. «Уста твоя умножися злобу, и язык твой сплеташе лщения: сядяй на брата своего клеветаше и сына матери своея полагаеше соблазн». Брат же есть и сын матери своея всяк христианин, понеже во единой купели крещения вси породихомся свыше. «Сия сотворил еси и умолчал, вознпщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен, и обличю тя, и представлю пред лицом грехи твоя. Разумей же сия забывающеи бога, да не когда похитити и будет избавляяй».

Дан во вселенней и Росийстей царствующаго преславнаго града Москвы степеней честнаго порога крепкая заповедь и слово то от лета от создания миру лета 7072-го, июля в 5 день.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ (1570)

Что прежде сего не в которое время брат твой Едварт корол некоторых людей своих на имя Рыцерта послал некоторых для потреб по всему миру местом, и писал ко всем королем и царем и князем и властодержцом и местоблюстителем. А к нам ни одного слова на имя не было. И те брата твоего люди, Рыцерт с товарищи, не ведаем которым обычаем, волею или неволею, прпстали к пристанищу к морскому в нашем граде³ Двины.¹ И мы и туто как подобает государем христьянским милостивно учинили их в чести, принели, и в своих в государских в нарядных столах их своим жалованьем упокоили. . . брату твоему отпустили. ²И от того от брату твоего приехали к нам тот же Рыцерт Рыцертов, да Рыцерт Грай. И мы и тех также пожаловали с честью отпустили. И после того приехали к нам от брата от твоего Рыцерт Рыцертов, и мы послали к брату твоему своего посланника² Осифа Григорьевнча Непею. А гостем брата твоего и всем аглинским людям жаловалную свою грамоту дали такову свободну, какова и нашим людям торговым не живет свободна, а чаяли есмя то, что от брата вашего и от вас великие дружбы и от всех аглинских людей службы. И в кото. . . пору послали есмя своего посланника, и в те поры брата твоего Едварта короля не стало, а учинилася на государстве сестра твоя Мария; и после того пошла за ишпанского короля за Филипа. И ишпанской корол Филип и сестра твоя Мария посланника нашего приняли с честью и к нам отпустили, а дела с ним никоторого не приказали.³ А в те поры

ваши⁶ аглинские гости почали многие лукавства делати над нашими гостьми и товары свои почали дорого продавати, что чего не стоит. А после того учинилося нам ведомо, что сестры твоей Марьи королевны не стало, а Филипа короля испанского аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве.⁴ И мы и тут твоим гостем не учинили некоторые тесноты, а велели им по первому торговати.

А сколько грамот и приходило по ся места, — а ни у одной грамоты чтобы печат была одна! У всех грамот печати разные. И то не государским обычаем, а таким грамотам во всех государствах не верят. У государей в государстве живет печат одна. И мы и тут вашим грамотам всем верили и по тем грамотам делали.

И после того прислали еси к нам своего посланника Онтон Янкина о торговых делах. И мы, чаючи того, что он у тебя в жалованье, его есмя привели х правде, да и другого твоего торгового человека Рафа Иванова для толмачства, потому что было в таком великом деле толмачити некому, и приказывали есмя с ним к тебе словом свои великие дела тайные, а от тебя хотячи любви.⁵ А тебе было к нам прислати своего ближнего человека, да Онтон ж с ним, или б одного Онтон прислала. И нам то не ведомо, донес ли те речи до тебя Онтон или не донес, а про Онтон года с полтора ведомо не было. А от тебя к нам посланник, ни посол никаких не бывал. А мы для того дела твоим гостем дали другую свою жаловальную грамоту, а чаяли есмя того, что те гости у тебя в жалованье, и мы того для им свое жалованье свыше учинили.

И после того нам учинилося ведомо, что твой человек аглинец приехал на Ругодив Едвар Гудыван и с ним многие грамоты, и мы велели спросити о Онтоне, и он о Онтоне ведома которого не учинил, а нашим посланником, которые были у него приставлены, многие невежливые слова говорил. И мы велели у него обыскати грамот, и у него многие грамоты выняли и в тех грамотах про наше государское имя и про наше государство со укоризною писано и многи вести неподобные

писаны, что будто в нашем царстве неподобные дела делаютца. И мы его и тут пожаловали — велели с честью подержати, докуды от тебя о тех речех, которые есмя приказывали с Онтоном, от тебя ведомо будет.

И после того приехал от тебя к нам посланник на Ругодив Юрьи Милдентов о торговых делех.⁶ И мы его велели спрашивать про Онтона про Янкина, бывал ли он у тебя, и как ему от тебя к нам быти. И посланник твой Юрьи дела некоторого не сказал и нашим посланником и Онтону лаял. И мы его также велели подержати, докуды от тебя нам про Онтоновы речи ведомо будет.

И после того нам учинилося ведомо, што от тебя пришел посол на Двинское пристанище Томос Ронделф, и мы к нему послали с своим жалованьем сына боярского и велели ему быти у него в приставех и честь есмя учинили ему великую. А велели есмя его спросити, ест ли с ним Онтон, и он нашему сыну боярскому не сказал ничего, а Онтон с ним не пришел, и почал говорити о мужитцких о торговых делех. И приехал к нам в наше государство, и мы к нему посылали многожды, чтоб он с нашими бояры о том известился, ест ли с ним приказ от тебя о тех речех, что мы к тебе с Онтоном приказывали. И он уродственным обычаем не пошел. А жалобы писал на Томоса да на Рафа, да о иных о торговых делех писал, а наши государьские дела положил в безделье. И потому посол твой замешкал у нас быти; а после того прошло божье посланье — поветрее, и ему было у нас невозможно быти. И как время пришло, и божье посланье минулось поветрее, и мы ему велели свои очи видети. И он нам говорил о торговых же делех. И мы к нему высылали боярина своего и наместника Вологодтцкого князя Офонасья Ивановича Вяземского, да печатника своего Ивана Михайлова, да дьяка Ондreja Васильева, а велели есмя его спросити о том, ест ли за ним тот приказ, что есмя к тебе приказывали с Онтоном. И он сказал, что за ним тот приказ есть же. И мы потому к нему жалованье свое великое учинили, и после того у нас и наедине был. И он

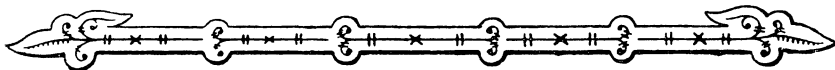
о тех же о мужитцких о торговых делех говорил, да и те дела нам изредка сказал же. И нам в то время поездлучился в нашу отчину на Вологду, и мы велели твоему послу Томосу за собою жехати. И там на Вологде высылали есмя к нему боярина своего, князя Офонася Ивановича Вяземского, да дьяка своего Петра Григорьева и велели есмя с ним говорить, как тем делом промеж нас пригоже быти. И посол твой Томос Рондолф говорил о торговом же деле и одва его уговорили, и о тех делех говорили. И приговорили о тех делех, как тем делом пригож меж нас быти, да и грамоты пописали⁷ и печати есмя к тем грамотам привесили. А тебе было, будет тебе любо то дело, таковые ж грамоты пописать и послов своих к нам прислати добрых людей, да и Онтон Янкина с ними было прислати ж. А Онтон мы просили для того, что хотели есмя его о том роспросити, донес ли он те речи, которые есмя к тебе с ним приказывали, любы ли тебе те дела, и что о тех делех твой промысл. И вместе есмя с твоим послом послали своего посла Ондreja Григоревича Совина.

И ныне ты к нам отпустила нашего посла, а с ним еси к нам своего посла не прислала. А наше дело зделала еси не по тому, как посол твой приговорил.⁸ А грамоту еси прислала обычную, как проежжую. А такие великие дела без крепостей не делаютца и без послов. А ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре — все о торговых делех, а владели всем делом твои гости — серт Ульян Гарит да серт Ульян Честер. И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владееш и своей государьской чести смотриши и своему государству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом чину, как есть пошлая девица.⁹ А что которой будет хотя и в нашем деле был, да нам изменил, и тому было верити не пригож.¹⁰

И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибыток, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государство покаместо без аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси которую есмя к тебе послали о торговом деле прислали к нам. Хотя к нам тое грамоты и не приплеш, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делех, по сей день не в грамоты.

Писана в нашем государстве града Москвы лета от создання миру 7079 октября в 24.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОАННУ III (1572)

¹Божественного и пречестного, троичного, единственного, препетаго, трисоставного, неразделнаго естества отца и сына и святого духа, вся содержащаго милостию, властью и хотеньем скифетродержателя Росийскаго царства великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанского и царя Астороханского, государя Псковского, великого князя Смоленского, Тферскаго, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новгорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорьскаго, Обдорскаго, Кондийскаго и всея Сибирские земли и Сиверныя страны повелителя и государя отчиннаго земли Лифлянские и иным многим землям восточным и западным и северным отчича и дедича и наследника¹ и облаадателя высочайшаго нашего царского порога, честные нашия степени величества² грозное сие повеленье с великосилною заповедию да есть.

Как сие государское писание дойдет, ведомо да есть Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому, что преж сего дана тебе заповедь в генваре месяце. И писано в той заповеди подлинно, как присылал еси к нашего порога величеству бити челом маистра Павла, бископа Абовского, с товарищи, и как нашия степени величество был в своей вотчине в Великом Нове-

городе, и как твоих послов донесено до нашего степені величества приезд их в нашу отчину в Великий Новгород, и как от нашего порога степені величества заповедь учинилася послом твоим по прежним обычаем, и как послы твои уродственным обычаем наше степені величество раздражили, и как нашия степені величество на них гнев свой распростер, и как нашего порога степені величество был в своей вотчине в Великом Новгороде и как хотел за твое недоуметелство на твою землю Свейскую гнев свой распростерть, и коим обычаем нашего порога степені величества гнев отложился на время, ждучи от тебя обращения, для послов твоих челобития к нашего порога величества думе царевичю Михаилу Кайбуловичю Азтороханского с товарищи и для печалования детей нашего величества и нашего порога степені величества думы челобития твоих послов отпуща, с ними заповеди наше честные повеление к тебе послали есмя, как тебе наше степені величества умоли.³ И о том тебе неодинова подлинно заповедь писана и дана; а срок тому положили есмя на сем лете твоим послом с челобитьем быти в нашу отчину в Великий Новгород к нашего порога степені величеству Троицын день,⁴ а сами, как есть государи истинные христьянския, умилиосердились, на твою Свейскую землю гнев свой поудержали и возвратили бранную лютость. А которые немногия передние люди оторвався да так учинили, где еси своих людей дел и что твоей земле учинили и сколько пленили, то сам сочтешь.⁵ А нашия степені величества чаяли того, что уже ты и Свейская земля в своих глупостех познается. А твоих послов пожаловав милостивно отпустили есмя. А как тебе нам бити челом, и тому наша степені величество заповедь учинила и срок заповедано — Троицын день. А нашия степені величество рклися быти в то же время в своей вотчине в Великом Новгороде и розслушати твоего челобития от послов твоих.

И нашия степені величество приезжали есмя в свою в вотчину в Великий Новгород с своими думными людьми нашего порога величества по заповеданному тебе сроку Троицын день.

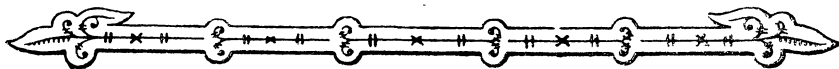
И ты аки изумлен, и по августа осмый день никоторого от тебя ответу нет. А мы и по ся места милостивно от тебя послов с челобитьем ожидали в кротком предстоянии своею лепотою царьскою и с своим чином думою, з ближними людми, без рати, и про послов твоих слуху нет и по ся мест, быти ли им или не быти. ⁶А Выборской твой приказщик Андрус Нилишев писал к Ореховскому намеснику ко князю Григорею Путятину, будто нашия степени величество сами просили миру у ваших послов.

И о том много писать не треба: увидишь нашего порога степени величества на сей зиме прошение миру, то уже не зимушнее! А после того сказали, что твои послы будут к Петрову дни. ⁶Али чаешь, что по прежнему воровать Свейской земле, как отец твой Гастав через перемирие Орешек воевал? ⁷И что толды доспелося Свейской земле? А как брат твой Ирик оманкою нам хотел дати жену твою Катерину да и с королевства его сослали, а тебя посадили. ⁸А осенесь сказали тебя мертва, а веснусь сказали, что тебя збили со государства брат твой Карло да зять твой арцог Маамус. ⁹А опосле того учинилось ведомо про послов твоих, будто идут, а ты будто на своем государстве. А ныне про послов твоих слуху нет, а ты, сказывают, сидишь в Стекольне в осаде, а брат твой Ирик к тебе приступает. И то уже ваше воровство все наруже: опрометывается, как бы гад, разными видами. И коли уже так лето прошло, а ты бити челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (надеешься на деньги, что еси богат!), и мы много писати не хотим: положили есмя упование на бога. А что Крымскому без нас от наших воевод учинилось, о том спрося уведашь! ¹⁰

А мы ныне поехали на свое царство на Москву, а опять будем в своей вотчине в Великом Новгороде декабря месяца, и ты толды посмотришь, как мы и люди наши учнем у тебя миру просить! И похощь бранную лютость утолити и пришлешь послов с нашею заповедью, и мы, смотря по твоему покорению, также пожалуем.

Дана честная сия заповедь в нашей отчине в Великом Новгороде лета 7080-го, месяца августа в 11, индикта 15, государства нашего 39, а царств наших Российскаго 26, Казанскаго 20, Астороханскаго 18.¹¹

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОАННУ III (1573)

Божественнаго и пречестнаго, троичнаго, единственнаго, препетаго, трисоставнаго, нераздельнаго существа, отца и сына и святаго духа, вся содержащаго милостью и властью и хотеньем скифетродержателя Российскаго царствия, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [полный титул до слова наследника] честныя нашия степени величества слово наше то Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому.

Что прислал еси свою грамоту с полоняником и которая твоя лая, и тому заповедь опосле.¹ А ныне своим государским высокодостойнейшия чести величества обычаем подлинную заповедь со смирением даем.

Первое, что ты пишешь свое имя наперед нашего, и то не по пригожую, потому что нам цысарь Римский брат и иныя великия государи, а тебе тем братом назваться не возможно, потому что Свейская земля тех государств честию ниже, якоже напреди явленно будет. А сказываешь отца своего вотчину Свейскую землю, и ты б нам известил, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего имянем звали, и на королевстве был ли,² и с которыми цари братство ему и дружба была, укажи нам то имянно и грамоты пришли, и мы по тому уразумеем.

А что присылал еси гонца своего Петрушу толмача просити опасной грамоты на своих послов, и мы чаяли, что по прежнему, как преж того бывал вам мир с намесники Ноугород-

пкими ³ (а то велось изстари за некое сто лет ещо при князе Юрье да при посадниках Ноугородцких, а у вас при Магнуше князе, которой приходил к Орешку ⁴), и мы потому и опасную грамоту послали по прежним обычаем, и мир нашим вотчинам Великому Новугороду и Лифлянской земле с тобою учинити по прежним обычаем пожаловати хотели есмя. И ты бискупа Павла прислал з бездельем гордостно, ино потому так и не делалось. А что опасная грамота послана з бискупом Павлом, и ты о чом к нам послов своих не прислал во все лето? А мы были в своей вотчине в Великом Новегороде, а ждали от тебя покорения, а рати нашия нигде никоторыя не было, разве мужики порубежныя меж себя бранилися. А что в Финской земле оторвався от наших от передовых людей немногие люди да повоевали, и то учинилось потому: в кою пору мы к тебе грамоту опасную послали на послы з бискупом с Павлом, а те люди перед нами ушли за далеко, и мы и послали их воротати, и наши посланники их не суслигли, и они и повоевали.

А Вифлянские земли нам не перестать доступать, докудова нам ее бог даст. А лихорадство почал ты, как сел еси на государство. И послов наших великих, боярина нашего и наместника Смоленскаго Ивана Михайловича Воронцова да дворетцкаго нашего Можайскаго Василия Ивановича Наумова, да дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина, неповинно за посмех велел еси ограбити и безчестовати, в одних сорочках поставили!⁵ А таких великих людей: отец того Ивана Михайло Семенович Воронцов был от нас наместником на нашей отчине на Великом Новегороде, а того из века не бывало, чтобы от нашия державы быти послом в Свейской земле, все хаживали послы от Ноугороцких наместников! А на послов пеня положена напрасно, будто то их пеня, что они по твою жену приехали, а они не сами приехали, послали их, а послали их по вашей же облышке, что сказали тебя в животе нет. А коли бы сказали, что ты жив, ино было как твоей жены просить? И каждый то ведает, что жена у мужа взяти нелзя. И тебе было пенять на своего брата Ирика да на его думцов, которые с ним

то дело делали ложно. А послы наши, боярин наш и наместник Смоленской Иван Михайлович Воронцов с товарищи, за посмеих страдали от твоего неразсужения.

А то делалось тем обычаем: первое, после свадьбы твоей вборме учинилось ведомо, что брат твой Ирик тебя поимал, а после того учинилось ведомо, что тебя не стало. И мы, помешкавши года с полтора, послали есмь к брату твоему Ирику королю гонца своего Третьяка Ондреевича Пушечникова проведати, есть ли ты или нет, и буде тебя в животе нет, а детей у тебя нет же, и брат бы твой Ирик, похотя нашего жалования, брата нашего короля Польского и великого князя Литовского Жигимонта Августа сестру Катерину к нам прислал, а мы его за то пожалуем — от наместников своей отчины Великого Новгорода отведем и учнем с ним сами ссылатися; а просили есмь брата своего сестры Катерины не иного чего для, только взяв ее, хотели отдать брату ее и своему Жигимонту Августу, божиею милостию королю Польскому и великому князю Литовскому, а у него взяти за сестру его Катерину свою отчину Лифляндскую землю без крови, а не по тому, как безлепишники по своим безлепицам ввали; а в том деле иного ничего нет, опричь того, как есмь выше писали.

А тебя у нас утаили; а только бы мы ведали, кое ты жив, и нам было твоей жены лзя ли просити? И посланника нашего Третьяка, заведши в пустынные места, лихою смертью умили, а к нам присылал брат твой посланника своего Ивана Лаврентьева,⁶ будто нашего гонца Третьяка притчею не стало, а то бы мы известить велели, с чем мы к Ирику послали бы своего гонца Третьяка. И мы то Ивану Лаврентьеву велели сказать свое жалование брату твоему: только он пришел короля Польского сестру Катерину, а мы его пожалуем — от наместников отведем. И после того брат твой Ирик послал к нам послов своих князя Нилша с товарищи, и посулили нам дать Польского короля сестру Катерину, а мы были пожаловали брата твоего Ирика, отвели от наместников, и крест целовали и своих великих послов послали. И наши послы вели-

кия жили у вас с полтора году. А про тебя слуху никакого не было, — есть ли ты, нет ли, и у Нилша с товарищи не могли про тебя допытаться ничего, ино потому тебя и не чаяно, и потому то и прошено. И ты пришедши да неподелно на наших послов и грабеж и безчестье и сорому учинил, по лживому посланью брата твоего и всех свейских людей. Оманкою заведши наших послов, да мучити, да ограбя, да в Абове сидели за сторожи год, да как всяких полоняников отпустил еси! А наши послы не виновати ни в чем, — толко бы ваши люди не солгали, и нашим было послом не по што ходити; мы чаяли то, что правда. И тебе было пеняти на своих людей, которые неправдою посылают, а наши послы от тебя напрасно мучились от твоего неразсужения. А после того еси прислал к нам с великою гордостью послов своих, Павла, бискупа Абовского. Ино лихорадство ты почал делати, что мимо лживых людей да на прямых падаешь, — коли бы мы вашей лжи не поверили, ино бы так не сталося.

И мы тебе то подлинно известили, а много говорить о том не надобеть: жена твоя у тебя, нехто ее хватает, а и так еси одного для слова жены своей крови много пролил напрасно. А вперед о той безлепице говорити много не надобе, а учнешь говорить, и нам тебя не слушати: ты как хочешь и з женою, нехто ее у тебя пытается!

А что писал еси о брате своем Ирике короле, будто нам его для было с тобою война почати, и то смеху подобно. Того для было нам с тобою нечего для война починати: нам брат твой Ирик не нужен. А что мы к нему свою жалованную грамоту посылали, и то делалось тем обычаем: как ты присылал к нам гонца своего Онтон Олса, а в те поры в нашей отчине Великому Новугороду с тобою война учинилась, и к нам через некоторых людей от Ирика короля челобитье дошло, чтобы нам ему как помощь учинити, или к нам прибежит, и нам бы его пожаловати принять. И мы потому свое жалование послали, что ты нашей отчине недруг, ино бы, откудова нибудь на тебя что вставить, чтобы ты в своих гордостех

узнался и посмирел, а нам было рать почать же, ино то тут готово. А того для было рати нечего для починать, да и не хачивали есмя починать того для; а беглово было нам как не хотети примати?⁷ А к тебе есмя писали, чтобы ты узнался да прислал послов, ино бы приговор о всем был, как по пригожю. Ино ты гордостью не прислал послов, ино потому и кровь льца. ⁸А о Ирике ведь мы к тебе ни с кем не приказывали и за него не говаривали и не вывечивали, и коли дела не было, ино о чем говорити? А грамота что знает? Написано, да и минулося.⁸

И коли бы ты хотел правдою жити, и ты бы прислал ко мне послов, ино бы то все без крови исправилось. А то ты крови желаешь, да безделье говоришь и пишешь. Нехто тебя пытается, з женою и з братом как с ними хочешь, о том говорить много не надобе. А кровь большая проливаетца за нашу вотчину Лифлянскую землю да за твою гордость, что не хочешь по прежним обычаем ссылатися с намесники Ноугородцкими; и только в том не узнаешься, ино и вперед многой крови литись неповинно от твоей гордости, и что неподелно вступился еси в нашу отчину в Лифлянскую землю. А что писал еси, будто мы не здержим печати, ни грамоты, ино много великих государств, и во всех тех государствах наше слово непременно живет (и ты там спрося уведай!), ино бы то в одной Свейской земле то переменялось? А что послы твои через обычей и через опасную грамоту так безчестованы и в пойманье были,⁹ и ты тому не дивися: за твое неподобное дело над нашими послами терпети было невозможно, да еще и то не сровнялося с нашими послами — наши великие люди, а те страдники, а наши послы у тебя в Абоу сидели заперты долго (ино то не пойманье ли?), да и отпустил еси их, как бы полоняников, а и всех поотрутили, и приехав сюды да померли. А спесивства нашего никоторого нет, а писали по своему самодержеству, как пригоже быти, и по твоему королевству, — занеже прежде того не бывало, что великим государем всеа Руси с Свейскими правители ссылатися, а ссылались Свейские правители

с Новымгородом. Ино тем ли Великий Новгород отчина наша честна была, что от нас откладна была, али тем ныне безчестна, что нас познали своих государей, как ты пишешь неподобно? А войску нашему правитель бог, а не человек: как бог дать, так и будет.

А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей род, а не государьской. А пишешь к нам, что отец твой венчаный король, а мати твоя также венчанная королева, — ино то отец твой и мати твоя и венчанная, а дотоле не бывал никто! Уже так сказываешься государьской род, и ты скажи, отец твой Густав чей сын и как деда твоего звали, и где на государстве сидел, и с которыми государи был в братстве и которого ты роду государьского? Пришли родству своему писмо, и мы по тому розсудим. А нам допозна ведомо, что отец твой Густав из Щмалот,¹⁰ да и потому нам то ведомо, что вы мужичей род, а не государьской: коли при отце при твоём при Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, и отец твой сам, в рукавицы нарядясь. сала и воску за простого человека вместо опытом пытал и пересматривал на судах и в Выборе того для бывал, а то есмь слыхал от своих торговых людей. И то государское ли дело? Коли бы отец твой был не мужичей сын, и он бы так не делал. А что пишешь — за несколько сот лет в Свее короли бывали, и мы того не слыхали, опричь Магнуша, который под Орешком был, и то был князь, а не король. А Стен Стур давно ли был правитель на Свейской земле?¹¹ Тому у тебя памятухов много, их спрося, уведай. А и отец твой грамоты писал с наместники Ноугородскими, и в тех грамотах писано так: первое — писано нашего царьского величества титуло, да после писано:¹² «Густаус Ерикович, божиею милостию Свейский и Готцкий король и советники кралеваства Свейскаго и вся земля Свейская присылали своих великих послов к великому государю Ивану, божиею милостию царю и государю всеа Русии и великому князю бити челом, чтобы великий государь Иван, божиею милостию царь и государь всеа Русии и великий князь, Гастауса, короля

Свейского и Готцкого, и советников королевства Свейскаго и всю землю Свейскую пожаловал, велел своим бояром и наместником Великого Новгорода и своей отчине Великому Новгороду взяти перемирие, да и торги бы своей отчины людям Великого Новгорода з землею Свейскою велел держати по старине. И великий государь Иван, божиею милостью царь и государь всеа Руси и великий князь, по их челобитию, Гастауса Ериковича, короля Свейскаго, и всю землю Свейскую пожаловал, велел своему боярину и наместнику Великого Новгорода князю Борису Ивановичю Горбатову да дворетцкому Семену Никитичю Бутурлину и своей отчине Великому Новгороду взяти перемирие да и торг своей отчины людям с Свейскою землею велел держати по старине. И добиша челом великого государя царя Рускаго наместнику Ноугородцкому и князю Борису Ивановичю Горбатову и дворетцкому Семену Никитичю Бутурлину послове свейские господин Кнут Ондреевич да Бернядин Николаевич и взяли перемирие с великого государя царя Рускаго наместником со князем Борисом Ивановичем Горбатым и з дворецким с Семеном Никитичем Бутурлиным за великого государя отчину за всю Ноугородцкую землю на шездесят лет от Благовещеньева дни лета семь тысяч четьредесят пятого до Благовещеньева дни лета семь тысяч сто пятого и за всю землю Свейскую. А на том миру быти съезду на Соболине на Оксе реке после взятия миру на десятом году на Ильин день лета седмь тысяч пятьдесят пятого, а на зъезде быти из великого государя царя Рускаго отчины из Великого Новгорода, также и из Свейскаго королевства честным людям с обе стороны, которым отвести и рубеж учинити земле и воде по княж Юрьевым грамотам и по княж Магнушевым грамотам. А на том на всем на сей перемирной грамоте повелением великого государя Ивана, божиею милостью царя государя всеа Руси и великого князя, боярин и наместник Великого Новгорода князь Борис Иванович Горбатой и дворетцкой Семен Никитич Бутурлин к сей грамоте печати свои приве-

сили и крест на сей грамоте целовали и за отчину великого государя царя Рускаго за Великий Новгород и за всю Новгородцкую державу. А от Свейские земли от Гастаусовы королевские державы и от Выборские державы и от Выбора города и от всея земли Свейские и за Выбор город и за Выборскую державу и за всю землю Свейскую от Гастауса короля и от советников королевства Свейскаго целовали крест послове королевства Свейскаго Кнут Ондреевич да Бердныдин Николаевич. А как пошлют великого государя царя Рускаго наместники Ноугородцкие своего посла к Гастаусу королю, и Гастаусу, королю Свейскому и Годцкому, перед тем послом крест целовати на том, как в сей перемирной грамоте писано, за всю державу королевства Свейскаго, и печать своя к сей грамоте привесити Гастаусу, королю Свейскому. А архиепископу Алсалимскому на том рука дати за всю державу королевства Свейскаго, да и по тому им и правити, как в сех в перемирных грамотах писано. А се мир взят в Великом Новгороде лета семь тысяч четьредесать пятово, а от воплощения господня лета тысяща пятьсот тридесать седмое». ¹²

И то есмь тебе из грамоты выписали подлинно, как отец твой Гастаус был в перемирье с наместники с Ноугородцкими. И коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу архиепискуп и советники и вся земля в товарищех не были, и землю к государем великим не приписывают. А всево тово подлиннее пришли государству своему писмо, как сам еси писал за четьреста лет, — кто и которой государь после которого сидел на государстве и с которыми государи в братстве был, и мы по тому уразумеем твоего государьства величество. А что прежняя ваши жили по городом и по государьским местом, да не по мужитцким деревням, и хто будет роду вашего был, опричь отца твоего (и ты скажи именов!), и которые короли были и от которого роду. А что писал еси о Арцымагнусе короле, ¹³ и мы, опричь его, то ведаем, что вы мужичей род, да родством въгосударилися, а не по достоинству. А хто будет и был по городом и по болшим местом, ино не от вашего же роду.

да и не короли. А королей мы Свейской земле не слыхали и до отца твоего Гастауса; первой король — отец твой, а и ссылка в отца твоего грамотах на князь Магнушевы грамоты, а не на короля.¹⁴ Могл бы то и отец твой сыскати прежних королей, да не писал королей, а написал князя Магнуша, а ты, неведомо почему, сыскал у себя прежних королей! Да и потому ваш мужичей род и не великое государство, что писано в тех же грамотах отцу твоему целовати крест за всю Свейскую державу и за Выбор город и за Выборскую державу, а арцыбискупу Апсалимскому¹⁵ на том рука дати на грамоте; а от Свейские земли от Гастаусовы королевь державы и от Выборские державы и от Выбора города и от все Свейския земли и за Выбор город и за Выборскую державу и за всю землю Свейскую от Гастауса короля и от советников кралевства Свейскаго целовали крест послы кралевства Свейскаго для того, что Гастаусу королю целовати крест, а арцыбискупу Апсалимскому рука дати да по тому им и правити. И ты бы себе розсудил, в великих государствах так ведетца ли, как в вашем? Отец твой целовал за Свейскую державу да и за Выборскую державу, и по тому Выбор кабы иное место, а на Выборе отцу твоему кабы товарищ. Коли бы ваше великое государство было, и арцыбискуп бы Псалимской в товарищех отцу твоему писан не был, а то написан арцыбискуп отцу твоему товарищ. А советники королевства Свейскаго почему отцу твоему товарищи? А послы не от одного отца твоего, от всего кралевства Свейскаго, а отец твой у них в головах, кабы староста в волости. И коли бы отец твой великой государь был, и арцыбискуп бы у него в товарищех не был, и советники и вся земля Свейская и Выборская держава не приписана была, и послы бы были от отца твоего от одного, а не от кралевства Свейскаго, а от послы от кралевства Свейскаго, а не от одного отца твоего, а арцыбискуп написан. «Правити и им по той грамоте» — ино видиши ли, како отцу твоему правити, таково арцыбискупу! И тебе потому нелзя ровняться с' великими государи: в великих государствах тех обычаев

не ведетца. А хто будет не бережет своего государства, а к тебе пишет братом, тот сам ведает; а нам на то не сматривати, мы смотрим своего царствия степени чести.¹⁶ А будет не веришь той грамоте отца своего, и ты пришли послов своих верных людей, и они посмотрят тое грамоты и печать у нее отца твоего. А хто будет наперед отца твоего на Свейской земле король был, и ты извести нам с послы имянно, хто был на королевстве и которого роду и с кем в братстве был,—мы того не слыхали; нешто будет ты ново где нашол королей тех в которой своей коморе?

А король Магнус нам того не сказывал и сам он столько не ведает, как мы про ваш мужичей род от всех земель ведаем, которые к нам приходят. А что мы короля Арцымагнуса пожаловали городом Полчевым и иными города, и мы з божиею волею в своей вотчине волны:¹⁷ ково хотим, тово жалуем. А что о королеве о Арцымагнусове прародителе Фредрике — ино нешто буде переводчики не гораздо описалися.¹⁸ А ты сам о том правду написал, что Керстан, Дацкой дородной король, взял был дородством Свейское королевство, да оставя своих бояр тут, да поехал на свое государство в Датцкую землю; и отец твой Гастаус, зговоряся с прежними правители Свейския земли, да пригнался из Щмолант с коровами да Керстеновых короля Дацкого бояр побил, а сам королем учинился; а после того, сослався с Крестьянусом, с Магнусовым отцом, да Керстана поимали, а Крестьянуса на Дацком королевстве посадили.¹⁹ То так делалось, ты о том писал правду нам, болши того писать не надобе. И сам ты написал, что у вас королевство учинилось от Датцкаго королевства, а только нам грамоту и печать покажешь, как бездушством отец твой Гастаус делал и королевства достал, ино и того лутче, нам о том писати много не надобе — сам еси свое страдничество написал!

А что ты написал по нашему самодержьства писму о великом государи самодержце Георгии-Ярославе, и мы потому так писали, что в прежних хрониках и летописцах писано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом

на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были;²⁰ да толко мы то известили, а нам то не надобе. А что пишешь о печати о своей, а мы потому писали, что ты хочешь мимо намесников Ноугородцких с нами ссылатися, и тебе бы нас против того почтити чем пригоже. Да и о том есмь х тебе писали, а без почестливости тому быти невозможно, что тебе мимо намесников с нами ссылатися.

²¹А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся, а ты усужаешь нам противно богу; что нам бог дал, и ты и то у нас отнимаешь; мало тебе нас укарять, и ты на бога уста разверз. А твоя нам титла и печать, чаешь, примериватися, высости ли для, — нам твоей чести мужичьей нечево добиватца и примериватьца к твоей высости не к чему!²¹ Мы тебе тово для писали, что тебе надобе мимо намесников с нами ссылатися, и тебе того не выкупя у нас, чем пригоже, не видать будет. Захош тово для кровь проливати, то ты ведаешь; а мы положили на божью волю, что нам милосердый бог устроил. А твоево титла и печати мы так запросто не хотим: будет тебе любо с нами ссылатися мимо намесников, и ты нам покорися и поддайся, и что будет пригоже, тем нас почти, и мы тебя пожалуем, от намесников отведем; а даром тебе с нами ссылатися не пригоже и по государству, и по отчеству; а сами без твоего покорения твоего титла и печати не хотим. А что хочешь нашего царствия величества титла и печати учинити, и ты, обезумев, хоти и вселенней назовешся государем, да хто тебя послушает? А будет тебе так нелюбо, и ты живи по старому с намесники. А что писал еси, что нам то честь, что ваша печать и земли, и мы потому так писали: коли хощь с нами ссылатися мимо намесников, и ты нам поддайся, и коли поддашься, ино земля и владение и печать наша, и мы тебя жалуем и ссылаемся с тобою, как своим; а с чюжим с молодым, как ты, ссылатися нам не пригоже.

А к намеснику тебя не я примериваю, то изтари ведетца, бог в том тебя устроил, и ты богу противишься, а в божие

повеление не хошь быти. А которому тебе богу молитца, а ты безбожен, не токма что истинны не познал еси, но и малую сень латынскаго служения испровергли есте и образы побили и быти священнику, яко людем, а то и сам написал еси, что король на Свейской земле отцом твоим.²² А мы себя сами ни хвалим, ни славим, а пишем, в какове нас достоинстве бог устроил; а тебя не хулим, а пишем к тебе потому так, чтобы еси познался да от неподобных дел отстал.

А что писал еси о своей королевне, будто мы ее у тебя просим, и ты не разумен сый, не разуме²³. Мы к тебе тово для то писали, будет тому возможно статися, что тебе жена отдати, ино то и то сстанетца, что нам самим крест целовати; ино ведь тому невозможно статися, что у мужа жена взять, каждому то ведомо (да и мы того не хотим!), так и тому не возможно статися, что нам с тобою самим ссылатися, мимо намесников — таково то велико! А ты не розсудя писал. Мы тебе писали, не жены у тебя просили, — нам твоя жена не надобе; мы тебе к розсуду то писали: сколь то невозможно у тебя жены взять, таково то невозможно тебе с намесники не ссылатися. Мы тебе писали, величество гордыни твоей розсужая, а не жены у тебя просили, нам твоя жена однолично не надобе, как хочеши с нею. И крови неповинные мы не желаем, — ты за свою гордост разливаешь кровь крестьянскую и разливать желаешь. А что пишешь, будто ложно, что польская королевна за конюхом была, и ты спроси, хто ведает, при Ягайле, короле Полском, хто был Войдило, и которым обычаем Ягайлу з дядею своим с Кестутьем бои были²⁴ и как Кестутей и Войдила повесил и как Ягайло Кестутья изымал да велел удавити, а познано будет правда.

А что дияк наш приказывал твоему человеку Онтону Олсу, чтобы ты нам поступился всево тово, что в нашей вотчине в Вифлянской земле, неподобно вступився, держишь, и о серебряной руде и о мастерах, которые руды ищут, и о десяти тысячах ефимкех за послов наших безчестие²⁵ и о воинских людех, то мы приказывали потому: будет тебе надобно с нами ссыла-

тися, и тебе было то учинити, а не поставят против такова великого дела великого же дела, тому сстатися не возможно. А мы таких неподелств не принимаем; ты примаешь, коли то неподелно. А то почему поделно, что тебе с нами ссылатися? Ино то и то неподелно, что нам с тобою ссылатися, а что нам с тобою самим мир учинить и крест целовать мимо намесников и послов своих к тебе послати.

А ты к нам своих послов не хощь послати бити челом, и мы тому удивляем есмя, откуда на тебя гордость и сила взошла, что ты в том быти не хочешь, в чом отец твой был: отец твой век свой изжил, а с намесники ссылался, а маленько был не похотел под старость, — и каково ему удалось то, и ты ведаешь!³⁶ Ино отец твой в том век изжил, а ты не хочешь, — большое ты лутче отца, что отца своего чину не хочешь! А не пришлешь послов, ино миру не бывать, а нам к тебе послов послать не пригоже. А мы тебя жалуючи пишем: похощь нашего жалованья, чтобы мы тебя от намесников отвели, и ты пришли к нам послов своих великих бити челом, да противу того также нас почти великим делом, как тебе возможно, и мы тебя пожалуем от намесников отведем; а не выкупа, тебе тово у нас не видати.

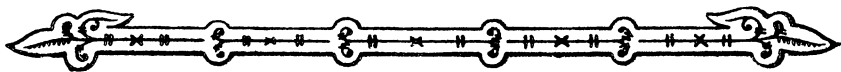
А что писал еси к нам лаю и вперед хочешь лаем писати против нашего писма, и нам великим государем и без лае к тебе писати нечево, да и не пригодитца великим государем лая писати; а мы к тебе не лаю писали — правду, а иное и потому же столко писали, что от тебя без разсуженья ответу не было ни о чем. А ты, взяв собачей рот, захошь за посмех лаяти, ино то твое страдничье пригожество: тебе то честь, а нам великим государем с тобою и ссылатися безщестно, а лая от себя писати тово хуже, а с тобою перелаиватися и на сем свете того горее и нет, и буде похощь перелаиватися, и ты себе найди таковаго же страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся. А к нам тебе сколько ни писать лаи, и нам тебе о том ответу никакого не давывать.

Handwritten text on a strip of paper, possibly a label or a page header, featuring cursive script. The text is partially obscured by a large black redaction box below it.

А что хошь пытатися, и твои пушки наши люди видели, и вперед похошь ещо попытатися, и что будет тебе прибыль, и ты себе розсмотришь. А похошь земле своей покоя, и ты б прислал к нам послов своих, и что будет твое хотенье, и мы их выслушаем да что по пригожую, так и учиним.

Писана в нашей вотчины Лифлянские земли города Пайды лета 7081, месяца генваря в 6, индикта 1, господствия нашего 40, а царств наших Росийскаго 26, Казанского 21, Астороханского 18.

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ (1573)

Послание царя и великаго князя Иоанна Василиевича всеа Руси в Кирилов монастырь игумену Козме, яже о Христе з братиею

В пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владичицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чюдотворца, яже о Христе божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме, яже о Христе з братиею, царь и великий князь Иоанн Василиевичь всеа Руси челом бьет.

Увы мне грешному! горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз на таковую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от такового начинання.¹ Аз^а брат ваш недостойн есмь нарещися, но по еуангельскому словеси сотворите мя, яко единого от наемник своих. Тем же припадая честных ног ваших стопам и мил ся дею, бога ради, престаните от такового начинання. Писано бо есть: «свет иноком ангели, свет же миряном иноки». Ино подобает вам, нашим государем, и нас заблуждших во тме гордости и сени смертной прелести тщеславия, ласкордства и ласкосердия, просвещати. А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати, и чем просветити? Сам бо^с всегда в пьянстве, в блуде, в прелюбдействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хище-

нии, в ненависти, во всяком злодействе, по великому апостолу Павлу: «надей же ся себе вождь быти слепым, свет сущим во тме, наказатель безумным, учитель младенцем, имуща образ разума и истинне в законе; научаяй бо иного себе ли не учиши? проповедаый не красти — крадеш; глаголяй не прелюбы творити — прелюбы твориши; скаредуяйся идол — святая крадеш; иже в законе хвалишися — преступлением закона богу досаждаеш». И паки той же великий апостол глаголет: «Егда како инем проповедав, сам неключим буду?».

Бога ради, отцы святии и преблаженнии, не дейте мене, грешнаго и сквернаго, плакаться грехов своих и себе внимати, среди лютаго сего треволнения прелестнаго мимотекущаго света сего. Паче же в настоящем сем многомятежном и жестоком времени, кому мне, нечистому и скверному и душегубцу, учителю быти? Да негли господь бог, ваших ради святых молитв, сие писание в покаяние мнѣ вменит. И аще хотите, — есть у вас дома учитель среди вас — великий светильник Кирил. И на его гроб повсегда зрите, и от него всегда просвещаетеся. Потому же^в великие подвижници ученицы его, а ваши наставницы и отцы, по приятию рода духовнаго даже и до вас. И святыи устав великаго чудотворца Кирила, яко же у вас ведется. Се у вас учитель и наставник! — от сего учитесь, от сего наставляйтесь, от сего просвещайтесь, о сем утвержайтесь; да и нас, убогих духом и нищих, благодатию просвещайте, а за дерзость, бога ради, простите. ²Понеже помните, отцы святии, егда некогда прилучися некоим нашим приходом к вам в пречестную обитель пречистыя богородицы и чудотворца Кирила, и случися тако судьбами Божиими: по милости пречистыя богородицы и чудотворца Кирила молитвами от темных ми мрачности малу зарю света божия в помысле моем восприях, и повелех тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с некими от вас братии негде в келии сокровене быти, самому же такожде от мятеж и плища мирскаго упразнившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменом бяхе Иоасаф архимандрит Каменьской, Сергей Коль-

чев,¹ ты Никодим, ты Антоней, а иных не упомяну; и бывши о сем беседе надолзе, и аз грешный вам известих желание свое о пострижении, и искушах окаянный вашу святую слабыми словесы. И вы известисте ми о бозе крепостное житие. И яко же услышах сие божественное житие, ту абие возрадывая скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох узду помощи божия своему невоздержанию и пристанище спасения. И свое обещание положих вам с радостию, яко нигде инде, аще благоволит бог, в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестней сей обители пречистыя богородицы, чудотворца Кирила составления. И вам моливавшим, аз же окаянный преклоних скверную свою главу и припадох к честным стопам преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего же и моего, на сем благословения прося. Оному же руку на мне положышу и благословившу мене на сем, яко же выше рех, яко некоего новоприходящаго пострищися.²

И мне мнится окаянному, яко исполу есмь чернец: аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу. И видех во пристанищи спасения многи корабли душевныя люте обуреваемы треволнением. Сего ради не могах терпети, малодушествовах, и о своей души поболех, яко сый уже ваш, да не пристанище спасения испразнится, сие дерзнух глаголати.

И вы, бога ради, господия мои и отцы, простите мене грешнаго за дерзость доселе моего к вам суесловия. И яко же рече великое светило Иларион Великий во своем послании к некоему брату, сие рече: «К старейшему брату и Христову рабу, убогий аз ипок и последний в братстве Иларион, малейший разумом и неключимый ни в коем же блазе деле. Яко послал ми бе таково слово, глаголя, яко беси нудят мя мыслями, да любви ради и Христовы заповеди отпиши ми слово и главицу утешну или две. Аз же восприем послание и прочет его удивихся: како убо брат мой утешения востребова от мене, или наказание от самого ненаказанна, и от нагаго одежду, паче же от грешника спасения и утверждения слова? И сия

помыслив, не требовах хотети руку мою прострети на отписание, бояся, егда сам не творя буду, тебе же начну пиша глаголати, по отеческому слову кладязю подобен буду — иныя омываяще, себе же многи скверны не могущи истребити. И приму осуждение с возлагающему на плеча человеком бремена тяжкая и неудобьносимая — а сам перстом того не хотя двинуть. И буду яко круг медян, тщим гласом бряца: и сего ради ужасаюся и трепещу, да не паче бога разгневаю, учительский сан восхищая, юностию еще играемъ.

И аще сицевое светило о себе сицерече, аз же, окаянный, что сотворю, иже беззаконию сущи скверно жилище и бесом игралище своими злыми делы бых? но хотел убо бых конец делу положить: но понеже вижду, грех ради моих, нудити вам мене о сем, сего ради, по великому апостолу Павлу, бых безумен; понеже вы мя понудисте, мала некая от своего безумия изреку вам, не яко учительски и со властью, но яко рабски, и послушание повелению творя вашего преподобия, аще и безмерна высота есть моего недоумения.

И паки яко же той же великое светило Иларион к первому приложи рече: «И паки аз противу таковому помыслу иной помысл наставлю, егда что зло постражду, не сотворив волю братню и не упокоив духовное желание искренняго ми. Помянух бо реченное: аще брашна ради скорбит брат твой, уже не по любви ходиши. Да аще брашна ради телеснаго зазор есть не подавшему, кольми паче душевнаго брашна лишив брата, сущаго в скорби. Сия же помыслив аз, в себе рек: егда како и мое желание бог презрев, и не сотворит ми полезное души, яко же аз братне да отвергу сомнение, дерзновение же восприем, напишу ему по желанию его, яже богом возмогаемъ. Кто бо весть, егда по онного желанию и вере даст ми господь написати, и мне самому полезное и оному? Паки же грубости ради моя и простоты словес воздержался, помышляя, егда^о како навыкшу ти в книжной силе, и в мудрости святых возрастшу, писание мое негодно явится, паче же юности моей речений моих честныи внимающи. Но обаче бог, иже примый

вдовици оная две цате, и яко велик дар вмени ей, той же и тебе, рабу его, сотворит любовь, прияти се желанное тобою от нас».

Сего ради аз, окаянный, сие видя, дерзнух писати, паче же и сего ради, яко же мне мнится окаянному божие некое изволение сему быти.

Веруйте ми, господия мои и отцы, бог свидетель, и пречистая богородица, и чюдотворец Кирил, яко сего Великаго Илариона доселе послания ниже паки читал, ниже видал, ниже паки слышал о нем: но яко восхотел к вам писати и хотел писати от послания Василия Амасийскаго, и, разгнув книгу, обрел сие послание Великаго Илариона, и прикинув, и видев, яко зело к нынешнему времени ключаемо, и помыслих, яко божие некое повеление сие обретется к полезному, и сего ради дерзнух писати. Имемся уже ко^ю беседе, богу помогающе. И аще понуждаете мя, отцы святии, и мое от послушания — к вам отвещение.

Первое, господие мои и отцы, по божий милости и пречистыя его матери молитвами, великаго чюдотворца Кирила молитвами имате устав великаго сего отца, даже и доселе в вас действуется. Сего имуще, о нем стойте, мужайтесь, утвержайтесь, и не паки под игом работе держитесь. И чюдотворцево предание держите крепко, и инем не попускайте разоряти, по великому апостолу Павлу: «возмогайте о господе в державе крепости его; облецытесь во вся оружия божия — возможи вам стати противу кознем дьявольским; яко несть ваша брань к крови и плоти, но к началом и ко владычеством, к миродержителем тме века сего, к духовом злобе поднебесным: сего ради примете вся оружия божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати. Станете убо препоясани чресла ваша истинною, и обокышесь во броня правды, и обувше нозе во уготовании благовествования миру, надо всеми же восприемше шит веры, в нем же возможете вся стрелы неприятели разжечь угасити, и шлем спасения примете, и мече духовный, еже есть глагол божий».

И вы, господие и отцы, стойте мужествене за чюдотворцево предание, и не ослабляйте, как вас бог и пречистая и чудо-

творец просветит, яко же писано есть: «свет иноком ангели, и свет миряном иноки». И аще свет тма, а мы, окаянии, тма суще, кольми помрачимся! ³Помните, господие мои, и отцы святии — Маккавей за едино свиное мясо, равно еже за Христа с мученики почтошася; и како рече Елеазару мучитель, и на се сошедшу, да не яст свиная мяса, но токмо в руку примет, и рекут людем, яко Елеазар мяса яст. Доблественный же сей рече сие: «Осмыдесят лет имать Елеазар, и несмь соблазнил люди божия. И ныне, стар сый, како соблазн буду Израилю?» И тако скончася. И божественный Златоуст пострада^а за обидящих, и царицу вознагражая от лихоимания. Не бо исперва виноград и вдовица вина бысть толику злу, и чюдному сему отцу изгнание, и труды, и нужную от повлечения смерть. Сие бо о винограде от невеждь глаголется: аще же кто житие его прочтет, известно увестъ, яко за многих Златоуст сие пострада, а не за един виноград. И виноград же сей — не просто, яко же глаголют. Но бысть некто муж во Цареграде боярьска сана сый, и оглаголан бысть цариче, яко поношает ей о лихоимании. Она же, гневом объята бывши, заточи его и с чады в Селунь. Оному же и великаго Златауста моляще помощи ему; оному же царицы не воспротившу, но попустивши сему тако быти. И тамо ему в заточении и кончавшуся, царица же гневом неуголима сущи и еже на прекормление убозей сей остави виноград, восхоте злохитрством отнати. И аще святии о малых сих вещех сие страдаху, кольми же паче, господие мои и отцы, вам подобает о чюдотворцове предании пострадати.³ Яко же апостоли Христу сраспинаеми, и соумерщвляеми, и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последствовать великому чюдотворцу Кирилу, и предание его крепко держати, и о истинне подвизатися креще, и не быти бегуном, пометати щит и иная, но вся оружия божия воспримете, и не предавайте чюдотворцова предания никто же от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне страстолюбия ради. Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин, понеже от царския власти

послан⁴, и есть Христос распинаемъ — чюдотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чем ослабу попусти́те, — то и велико будет.

Вспомняните, святии отцы, великаго святителя и епископа Василия Амасийскаго, еже писа к некоему мниху, и тамо прочтите, и каково то ваше иноческое попользновение, или ослабление, умиления и плача достойно, и какова радость и подсмияние врагом, и какова скорьбь и плачь верным! Тамо писано есть ко оному мниху сие, еже и к вам прилично, ко овем убо, яко от великия высоты мирскаго пристрастия и богатства ко иноческому житию пришедшим, ко овем же, яко во иночестем житии воспитавшимся: «Аще бо прииду в помяновение перваго вас жития, иже ныне мира и боярска сана отвергшейся, а суетнаго восхождения,⁵ егда вас обдержаше богатство и слава, ужасаюся, и егда окружаху вас ласковцы множество, и пищное приятие временное; егда же обнажистесь к предложению честнаго нрава, гнушаеми убо своего достояния, домовнаго угождения, домашних беседований отрицаеми, вси же легки, яко странники, и не яты селы и градов уклоняеми, но⁶ течением ко Иеросалиму, ублажахуся страдальческия болезни ваша. Сие же убо кой же воспитавшимся⁷ от младых ногтей в посте, яко недельными пощеньми сконьчевающе, богови прелюбистесь, вкупе же и человеческия отбегающе беседы, безмолвию же и уединению припрягосте себе, градных плищ удаляющеся, вретischem же острым тело свое удручающе, и поясом жестоким чресла своя стязающе, терпеливно кости своя оскорбляюще, ложесна же со внутренними чревесы даже до хребетных костей ослабили есте; и ядения убо мягкаго потребы отвергостесь, внутрь же кожу телесную вовлекосте, к лядвиям нудящесь прилепити; все же телесное попечение упразднивши, подчревное течение доблественне иссушили есте, чрево же самое неядением придавивше, ребрыными же частями, яко неким кровом, пупъныя части осеняше, и совокупленным арганом в ноцных годех исповеданием богови молящесь, слезными течении омакающе брады отрывасте. И что

ми изреци и каяждо подобает? Помяните, елика уста святых лобзанием целовасте! елико священная телеса объясте! елицы вам, яко руце приимаху! колицы раби божии коленомаша вашимъ приплетахуся! И что сим конецъ пиянству и объядению и мирскому плещу и молвамъ ослабление попустивше? Стрелы борзѣйша, долетевши, снѣдаетъ слухи сердца наша. Како ми поведанія, яже о вашихъ болезняхъ пойдутъ? Пострамили есте ангельскаго образа похвалу, порокъ дали есте, отверженіе мира обетованію; быхомъ и врагомъ убо козлогласованіе, другомъ же рыданіе. Отринуте мудрость иноческую; крепльшихъ въ болезнь и страхъ вселили есте; чюдящихъ же ся и еще дьявольстей силѣ мечемъ страхованія посекли есте; ленивыя въ блудную ревность вложили есте, ласкосердыя же въ разслабленіе свели есте; разорили есте, елико отъ васъ Христова хваленіе: «держайте, глаголя, азъ побѣдихъ миръ» и сего князя. Наляляли есте отечеству чашу тяжко слышанну. Поистинне на дело привете притчу: «яко же елень устреленъ бысть въ ребра». Тако и о васъ случися притча, ослабляющимъ пространное и мокрое житіе, якоже рече Златоустъ: «никто же бо гоняй сладкое и мокрое житіе, можетъ внити въ царствіе небесное». Паче же и самъ господь рече, яко «пространный путь и широкая врата вводя въ пагубу, скорбный путь и узкая врата вводя въ жизнь вечную». И сѣя убо легчайша глаголахъ, и аще жесточайша реку, что сотворити имамы? Въ нынѣшнемъ времени ихъ же и слышаніе странно, а еже последъствовати сихъ святыхъ — невозможно, но точію дивитися сихъ добродетели высотѣ, яко же мы не достигаемъ сихъ добродетелей и постническихъ трудовъ. Приидемъ же на самое реченіе, что есть высота словеси. Паки той же Василей рече: «Хощу бо ти показати, воистинну, о яденіи и одеждѣ — да брачныя. Видѣ ли^{мъ} святыя сия, одѣяныя власными ризами и въ пустыни пребывающая? Сїи убо, поистинне, иже одежда брачныя имущей, и яко на небеси, на земли живущей. Ничимъ же бо темъ доволное житіе менши небесныхъ есть: ибо и ангели сходятъ къ нимъ и иже ангельскій владыко. Аще бо ко Аврааму приидоша, мужу жену имущу

и дети кормящу, понеже и страннолюбца видяху его. Егда много множае обрящет добродетель, и человека, тело преобидающе, много паче zde живут и ликоствуют: сущее тех подобное ликование; ибо трапеза оных всякого лихоимания чиста, и любомудрия полна: ни крови в них, ни мяс резания, ниже различия брашен, и сквары несладкия, ни дым тяжкий, но хлеб и вода, ова убо от источник чистых, ов же от праведных болезней. Аще ли же где и любочестнейше напитаются хотящем, вершине дубное любочестием бывает, и большая их сладость, нежели в царских трапезах. Сию и ангели трапезу от небес зряще веселятся и славят: аще бо о едином грешнице кающемся веселятся, о праведниках толиких, подобящемся тем, что не имут творити? И мы убо зверей горши есмы и безсловесных; они бо ангелом равни, страннии и пришельцы. Зде они суще вся тем пременишася к нам, и одежда, и пища, и обувь, и обитель, и беседа: и аще убо кто слышал бы о них беседующих, и нас тогда убо разумел добре, како ови небеснии жители, мы же ни земли достойни. Ни едино бо от сковрадних во ангелех оных есть, ни пресыщения пищеа, ведяще, яко плачь есть настоящее се житие, наполняюще всем, и еже ко пророку Езекиилю реченное от бога: «сыне человек, хлеб свой з болезнью яждь, и воду со страданием и скорбию пий». Сицевая убо трапеза имущих сия ангелы на небеса отсылает, а ласкордая же в геену влечет чревные рабы, якоже богатаго оного: ову убо в сон смертный пришед примет, ову же трезвением и бдением; и ову убо мука, ову же небесное царствие. И убо что Великий Василие учит глаголя: не отлагай убо дне от дни, да не впадеши некогда, в онъ же не чаеши день. Егда убо оставити тя прочее живота, вины, недоведение же отвсюду и скорбь неутешна оскудевшем убо врачом, оскудевшем же и своим, егда частым воздыханием и сухим обдержим, огню пламенну распаляющу внутреняя и растерзающе, воздохнеши убо от среды сердца, и скорбящаго с тобою не обрящеши, и провещаеши убо, что худо и немощно, услышавъ же не будет, все же глаголанное тобою,

яко суетие преобидится. Никто же убо да не прельстит тѣ тѣми словесы и суетными. Предстанетъ бо ти напрасно все пагубѣство, и люта, яко же буря, придетъ ангелъ немилостивъ, отводя съ нуждею, влекий душу твою, связану грехми, часто обращающуюся къ здешнимъ и рыдающе безъ гласа,^п органу прочее плачевному затворшюся.^о О, кольми поколебишися! О, колико воздохнеши, бездельно каѣся о злыхъ советехъ и делехъ! И, охъ же, речеши въ болезни сердца своего тогда: увы мнѣ! не могу отринуть тяжкое се бремя греховное! увы мнѣ, скверны не отмывшу! Отъ злыхъ совещаній о прмененіи временныя ради греха сласти, вечно мучимъ есмь, гортанныя ради сладости и пьянства огню предахся! Праведенъ убо, поистинне, судъ божій! Зовомъ бѣхъ убо, — и не послушахъ. Учимъ, — и не внимахъ. Сказанно бѣше, — азъ смѣяхся. Сія и сицева речеши, всяко рыдая себѣ, аще восхищенъ будеши прежде покаянія. Ей, поистинне, ночь глубока тагда, и болезнь тяжка, и помогай несть. Таже возревъ семо и онамо, и видевъ предстоящее ти лютое заустеніе, тагда разумеши ненаказанія и воздохнеши: о безуміи всяко, и время окаянно и люто, скрылъ еси покаяніе. Егда убо языкъ удержится, рука же трепетомъ колеблема, терзанъми, ни гласомъ, ни писаніемъ назнаменовати беду и нужду. Темъ же помилуй себѣ, и приими во умѣ послѣдній онъ и страшный день исхода и одержанія, и тесный и прискорбный часъ, и отвѣтъ божій приходящій, и ангелъ тѣщащійся, и души всехъ бедно смущаемы и помрачаемы и трепещуще зело, и недоумеющіися и безъ ума кающіися, и рыдающе же, и слезяще многжды, и къ здешнимъ умильно обращающіися, и неизъмольнаго и долгаго оного ошествія нужда. Добре убо божественный Михея къ таковымъ глаголаше: «плачите и рыдайте вси, пьющій вино во пьянствіи — блудно бо есть вино и укоризнено въ пьянство, не упивайтесь виномъ — въ немъ же есть блуд. Понеже бо стыткимъ и незлобнымъ нравомъ доброе и божественное дѣло на зло и растленно учение прменьше и претворше и духовное наказаніе, отметному дѣланію служити понужше, не токмо достойни законнаго суда пріяти мученіе, но и отеуан-

гельскаго, и от апостольскаго ответа в глаголемую внешнюю тму напрасно отслани будут».

Видите ли, каково послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для, такова у вас слабость учинилася и чюдотворцову преданию преступление. И только нам благоволит бог у вас пострищися, ино то всему царьскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет. Ино почто в черньцы, и как молвити: «отрицаюся мира и вся, яже суть в мире», а мир весь в очех? И како на месте сем святем с братиею скорби терпети и всякия напасти приключышися, и в повиновении быти игумену, и всей братии в послушание и в любви, яко же во обещании иноческом стоит? А Шереметеву как назвати братиею? — ано у него и десятой холоп, которой у него в келии живет, ест лутче братий, которыхъ в трапезе ядят. И велицы светилницы, Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей и Пафнотей,⁵ и мнози преподобнии в Рустей земли, устави́ли уставы иноческому житию крепостныя, якоже подобает спастися. А бояре, к вам пришед, свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у вас постриглись — вы у них постриглись; не вы им учителя и законоположители — они вам учителя и законоположители. Да Шереметева устав добр — держите его, а Кирилов устав не добр — оставь его! Да севодни тот боярин ту страсть введет, а ино́гда иной иную слабость введет, да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразнится и будут все обычаи мирския. Ведь по всем монастырем сперва начальники устави́ли крепкое житие, да опосле их разорили любострастныя. И Кирило чюдотворец на Симонове был, а после его Сергей. А закон⁷ каков был — прочтите в житии чюдотворцове, и тамо известно увесте, да тот маленько слабостей ввел, а после его иныя побольши, да помалу, помалу и до сего, яко же и сами видите, на Симонове, кроме сокровенных раб божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда⁶ быша среди царствующаго града пред нашими очима — нам и вам видимо.

Быша архимандрити: Иона, Исак Собака, Михайло, Васиян Глазатой, Аврамей, — при всех сих, яко един от убогих бысть монастырей. При Левкии же како сравняся^р всяким благочинием с великими обители и духовным жительством малочим отстоя.^с Смотрите же: слабость ли утверждает или крепость? А вы^т се над Воротыньским церковь есте^у поставили!⁷ Ино над Воротыньским церковь, а над чудотворцом нет. Воротыньской в церкви, а чудотворец за церковью! И на Страшном спасове судищи Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковью, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче. Слышах брата от вас некоего глаголюща, яко добре се сотворила княгиня Воротыньскаго. Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царстей власти церковью и гробницею и покровом почитатися. И не токмо души не пособь, но и пагуба: души бо пособие бывает от всякого смирения. Второе, и сие зазор не мал, что мимо чудотворца над ним церковь, а и един священник повсегда приношение приносит, скуднее сие собора. Аще ли не повсегда — сего хужайше, яко же множайше нас, сами весте. А и украшение церковное у вас вместе бы было, ино бы вам то прибыльные было, а того бы розходу прибыльного не было — все бы было вместе, и молитва совокупная. И мню и богу бы приятнее было. Во се при наших очех у Дионисия преподобнаго на Глушицах, и у великаго чудотворца Александра на Свири,⁸ только бояре не стрыгутся, и они божиею благодатию процветают постническими подвиги. Во се у вас сперва Иасафу Умному дали оловяники в келью, дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву уже с поставцом, да и поварня своя. Ведь дати воля царю — ино и псарю; дати слабость вельможе — ино и простому. Не глаголи ми никтоже римлянина оного, велика суца в добродетелех, и сие покаящаяся: и сие не обдержная бе, но смотрения вещь, и в пустыни бе, и то сотворяше вкратце, и бес плища, и никого же соблазни, яко же рече господь во Еуангелии: «нужно бо есть не приити соблазном; горе же человеку тому,

им же соблазн приходит!». ⁹ Ино бо есть единому жити, и ино во общем житии.

¹⁰Господие мои, отцы преподобнии! вспомняните вельможу оного, иже в Лествицы, Исидора глаголемаго Железнаго, иже князь Александръский бе, и в каково смирение достиже? Тако же и вельможа Авенира царя Индейскаго, иже на испытании бысть, и каково портище на нем было? — ни куние, ни соболие. Таже и сам Иоасаф; сего царя сын, како царство оставя и до тоя Синаридския пустыни пешь шествова, и ризы царския премени власяницею, и многия напасти претерпе, им же николи же обык, и како божественнаго Варлама достиже, и како с ним поживе — царски ли или постнически? И кто бысть болий: царев ли сын, или неведомый пустынный? И с собою ли царев сын закон принесе, или по пустынникову закону поживе и после его? Множае нас сами весте. А много у него было и своих Шереметевых. И Елизвой Ефиопъский царь каково жестоко житие поживе? И Сава Сербъский како отца, и мать, и братию, и род, и други, вкупе же и царство и с вельможами остави и крест Христов прият, и каковы труды постничества показа? Таже и отец его Неманя, иже Симеон, и с матерю его Марию, его для поучения, како оставя царство и багряница премениша ангельским образом, и кое утешение улучиша телесное, да небесную радость улучиша. Како же и великий князь Святоша, преддержавый великое княжение киевское, и пострижеса в Печерстем монастыри и пятнадцать лет во вратарех бысть, и всем работаше знающим его, ими же прежде сам владаше. И да толики срамоты Христа ради не отвержеса, яко и братьям его негодovati нань. Своей державе того ради укоризну себе вменяху, но ниже сами, ниже наречие иными к нему посылающе, не могоша его отвратити от такового начинания до дне преставления его, но и по преставлении его от стула деревянаго, на нем же сядяше у врат, беси прогоними бываху. Тако святии подвижахуся Христа ради; а у всех тех свои Шереметевы и Хабаровы были. А Игнатия блаженного патриарха Цари-

града, царева же сына бывша, его же в заточении замучи Варда Кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновнею женою, — где сего праведного положиши?¹⁰

А коли жестоко в черньцах, ино было жити в боярех, да не стричися. Доселе, отцы святии, моего к вам безумнаго суесловия. Отвещание мала изрекох вам, понеже в божественном писании о всем о сем сами множае нас, окаянных, весте. И сия малая изрекох вам, понеже вы мя понудисте. Год уже равен, как был игумен^ф Никодим на Москве: отдуху нет, таки Собакин да Шереметев! А я им отец ли духовный, или начальник? Как себе хотят, — так живут, коли им спасение души своея не надобет! Но доколе молвы и смущения, доколе плища и мятежа, доколе рети и шепетания,^х и суесловия? И чесо ради? — злобеснаго ради пса Василья Собакина, иже не токмо неведущ иноческого жития, но ни видяща, яко есть чернец, не токмо инок, еже есть велико.¹¹ А сей и платя не знает, не токмо жительства. Или бесова для сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упия Хабарова? Воистинну, отцы святии, несть сии черньцы, но поругатели иноческому житию.¹² Или не весте Шереметева отца Василия? Ветъ его бесом звали! И как постригся, да пришел к Троицы в Сергиев монастырь, да снялся с Курцовыми. Асаф, что был митрополит, тот с Коровиными, да межъ себя бранитца, да оттоле се им и почалося.¹³ И в каково простое житие достиже святая та обитель — всем, разум имущим видети, видимо.

А дотолѣ у Троицы было крепко житие, и мы се видехом: и при нашем приезде потчивают множество, а сами чюственны пребывают. А во едино время мы своима очима видели в нашъ приезд. Князь Иоани был Кубенской у нас дворецкой. Да у нас кушание отошло приезжее, а всенощное благовестят. И он похотел тут поѣсти да испити — за жажду, а не за прохлад. И старец Симан Шюбин и иныя с ним, не от бѣльших (а бѣльшия давно отошли по келиам), и они ему о том как бы шютками молвили: «князь Иван-су, поздо, уже благовестят».

Да сесь, сидячи у поставца, с конца ест, а они з другово конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталося: все отнесено на погреб. Таково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не черньцу!¹³ А и слышах от многих, яко и таковы старцы во святом том месте обреталися: в приезды бояр наших и велмож, их подчиваху, а сами никакоже ни к чему касахуся, аще и вельможи их нуждаху не в подобно время, но аще и в подобно время, — и тогда мало касахуся. В древняя же времена в том святом месте сего дивнейше слышах: некогда пришедши преподобному Пафнутию чудотворцу живоначальной Троицы помолитися и к чудотворцову Сергиеву гробу, и ту сущей братии беседы ради духовной, беседовавшим им. И оному отоити хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго. И тако воспомянувше завет преподобнаго Сергия, яко за ворота не исходити, и вкупе и преподобнаго Пафнотия подвигше на молитву. И о сем моливовавше, и тако разыдохася. И сея ради духовныя любви, тако святик отеческия заповеди не презираху, а не телесныя ради страсти! Такова бысть крепость во святом том месте древле. А ныне грех ради наших, хуже и Песноши, — как дотудова Песношь бывала.¹⁴

А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно¹⁴ иконоборцом в Цариграде, царем Льву Исавру и сыну его Константину Гноетезному.¹⁵ Понеже Лев точию семена злочестия посея, Константин же всего царствующаго града во всяком благочестии помрачи: тако и Васиян Шереметев у Троицы в Сергиеве монастыре, близ царствующаго града, постническое житие своим злокозньством испроверже. Сице и сын его Иона тщится погубити последнее светило, равно с солнцем сияющее, и душам совершенное пристанище спасения, в Кирилове монастыре, в самой пустыни, постническое житие искоренити. А и в миру, тот Шереметев с Висковатым первыя не почели за кресты ходити.¹⁶ И на то смотря, все не почали ходити. А дотудова все православное христианство, и з женами, и со младенцы за кресты ходили, и не торговали

того дни, опричь съестного, ничем. А хто учнет торговати, и на том имали заповеди. А то все благочестие погибло от Шереметевых. Таковы те Шереметевы! И нам видится, что и в Кирилове потому же хотят благочестие потребити. А будет хто речет, что мы на Шереметевых^ч гневом то чиним, или Собакиных для, — ино свидетель бог и пречистая богородица, и чудотворец Кирил, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю. Слышал есми у вас же в Кирилове свечи не по уставу были по рукам братии на праздник: ини и тут служебника смиряли. А Асаф митрополит не мог уговорити Алексия Айгустова, чтобы поваров прибавити перед чудотворцовым, как при чудотворце было немного, да не могли на то привести. Да и иных много вещей крепостных и у вас в монастыре творилося, и за малые вещи прежние старцы стояли и говорили. А коли мы первое были в Кирилове^м в юности,¹⁷ и мы поизпоздали ужинати, занеже у вас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночью, а иное мы юностным обычаем. А в те поры подкеларник был у вас Исаяя Немой. Ино хто у нас у ествы сидел, и попытали стерлядей, а Исаяи в те поры не было — был у себя в келии, и они едва его с нужею привели и почал ему говорити хто у нас в те поры у ествы сидел — о стерлядех и о иной рыбе. И он отвечал так: о том, о-су, мне приказу не было, а о чом мне был приказ и яз то и приготовил, а ныне ночь, взяти негде. Государя боюся, а бога надобе больши того бояться. Етакова у вас и тогда была крепость, по пророку глаголющему: «правдою и пред цари не стыдяся». О истинне сия есть праведно противу царей вещати, а не инако. А ныне у вас Шереметев сидит в келии что царь, а Хабаров к нему приходит, да и иныя черньцы, да едят, да пьют что в миру. А Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин, розсылает по келиям пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи, а за монастырем двор, а на нем запасы годовыя всякия. А вы ему молчите о таком великом пагубном монастырьском бесчинии. Оставим глаголати: поверю вашим душам! А инии глаголют будто де вино горячее

потихоньку в келию к Шереметеву приносили: ано по монастырем и фряские вина зазор, не токмо что горячие. Ино то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание? Али было нечим вам Шереметева кормити, что у него особня годовыя запасы были? Милыя мои! доселе многия страны Кирилов препитывал и в гладныя времена, а ныне и самех вас в хлебное время, толико бы не Шереметев перекормил, и вам бы всем з голоду перемерети. Пригоже ли так Кирилову быти, как Иасаф митрополит у Троицы с крылошаны пировал, или как Мисайло Суккин в Никитцком и по иным местом, якоже вельможа некий жил, и как Иона Мотякин и инии мнози таковы же, которые не любят на себе начала монастырскаго держати, живут? А Иона Шереметев таково же хочет без начала жити, как и отец его без начала был. И отцу его еще слово, что неволею от беды постригся. Да и тут Лествичник написал: «видех аз неволею постригъшихся, и паче вольных исправившихся». Да то от невольных! А Иону ведь Шереметева нехто в зашеек бил: про что так безчинствует?

И будет такая чины пригоже у вас, то вы ведаете: бог свидетель монастырскаго для безчиния говорил. А што на Шереметевых гнев держати, ино ведь есть его братия в миру, и мне есть над кем опала своя положить. А над чернцом что опалится или поругатися? А буде хто молвит, что про Собакиных, и мне про Собакиных непрочто кручинится. ¹⁸Варламовы племянники хотели были меня и з детьми чародейством извести, и бог меня от них укрыл: их злодейство объявилось и потому и сталося. И мне про своих душегубцов непросто мстить. Одно было ми досадно, что есте моего слова не поддержали. Собакин приехал с моим словом, и вы его не поберегли, да и еще моим именем и поносили, чему суд божий произошел быти. Ано было пригоже нашего для слова и нас для его дурость и покрыти, да вкратце учинити. А Шереметев о себе приехал, и вы того чтете и бережете. Ино уже не Собакину равно; моего слова больши Шереметев; Собакин моего для слова погиб, а Шереметев о себе воскрес. Про что Шереметева

для год равен мятежь чинити, да токою великою обителию волновати? Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи.¹⁸ И што было про Собакина, для моего слова, на Шереметевых мне гневно, ино то в миру отдано. А ныне во истинну монастырьскаго для безчиния говорил. А не было бы страсти, ино было и Собакину с Шереметевым непросто браниться. Слышах неоткое брата ваша же обители, безумныя глаголы глаголюща, яко Шереметеву с Собакиным давняя мирская вражда есть. Ино то ли путь спасения и ваше учительство, что пострижением прежняя вражды не разрушити? ¹⁹Како же отрещися мира и вся, яже суть в мире, и со отъятием влас и долу влекущая мудрования соотрезати, апостолу же повелевшу «во обновлении живота шествовати»? По господню же словеси: «оставите любострастных мертвых погребсти любострастия, яко же своя мертвеца. Вы же шедше возвещайте царствие божие». И только пострижением вражды мирския не разрушити, ино то и царства, и боярства, и славы никоея мирския отложить, но кто был велик в бельцах, — тот и в черньцах? Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет? Ино то Махметова прелесть, и как он говорил: у кого здесе богатства много — тот и там будет богат; кто здесе велик и честен, тот и тамо. И ина многа блядословил. Ино то ли путь спасения, что в черньцах боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет? Да како апостолово слово: «несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе»? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существенаго раба? А вы и чюжих холопей к бояром не равняете. А в здешних монастырех равенство и по се время держалося — холопом и бояром, и мужиком торговым. И у Троицы при отце нашем келарь был Нифонт, Ряполовскаго холоп, да з Бельским з блюда едал. А на правом крылосе Лопотало да Варлам невести кто, а князь Александров сын Васильевича Оболенскаго Варлам на левом. Ино смотри же того:

коли был путь спасения, холоп з Бельским ровен, а князя доброва сын с страдники сверстан. А и перед нашими очима Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе, а Федорит Ступишин на левом, да ничим был от крылошан не отлучен, да и инде много того было и доселе. А в Правилах великаго Василия написано есть: «аще чернец хвалится при людех, яко добра роду есмь, и род имея, да постится 8 дней, а поклонов по 80 на день». А ныне то и слово: тот велик, а тот того больши, — ино то и братства нет. Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти? — ино то иноческаго жития нет. А ныне бояре по всем монастырем то испразнили своим любострастием. Да и еще реку сего и страшнее: како рыболов Петр и поселянин Богослов и станут судити богоотцу Давиду, о нем же рече бог, яко обретох мужа по сердцу моему, и славному царю Соломону, иже господь глагола, яко «под солнцем несть такова украшена всяким царьским украшением и славою», и великому святому царю Константину и своим мучителем, и всем сильным царем, обладавшим вселенною? — дванадесять убогих учнуть судити всем тем. Да и еще и сего страшнейше: рождшая без семени Христа бога нашего, и в рожденных женами болий креститель Христов — те учнуть предстояти, а рыболови учнут на 12 престолу седети и судити всей вселенной. А Кирила вам своего тогды как с Шереметевым поставити — которого выше? Шереметев постригся из боярства, а Кирило и в приказе у государя не был.¹⁹ Видите ли, куда вас слабость завела? По апостолу Павлу: «не льститесь, тлят бо обычая благи беседы злыя». Не глаголи никто же студныя сия глаголы: яко только нам з бояры не знатся — ино монастырь без даiania оскудеет. Сергей, и Кирил, и Вардам, и Димитрей, и инии святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися: благочестием монастыри стоят и не оскудны бывають. У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется ниhto и не даст ниhto ничего. А на Сторожех до чего допили?²⁰ — тово и затворити монастыря

некому, по трапезе трава растет. А и мы видали — братии до осмидесят бывало, а крылошан по одинацати на крылосе было: благочестия ради болми монастыри распространяются, а не слабости ради.

Приидем же паки на Великаго Илариона списание, и тамо реченно есть: «Вси, иже мира сего отвергъшеися, иже образ иноческий приемши и крест Христов на рамо взявши, иже апостолом нарекшися наместницы, да возлюбим нравы их, их же образ носим, да последуем их, им же и ученицы нарекохомся, да возненавидим земная вся, яко же и отцы наши! Приидете, вопрошаем самовидца и слуги словесе божия, любимаго Христова ученика, возлегшаго на перси господня и почерпъшаго мудрость от них; приидите мятущияся в земных; приидите на двое мыслящих, мирских не отвергъшеися, и вечную жизнь усвоивше; приидите вопрошаем Иоанна девственника, и повесть ны полезная. Глаголи нам, глаголи Иоанне Богослове, что сотворим, да спасемся? Кими хитростями муки избудем и вечную жизнь обрящем? Хотели быхом царствия небеснаго, но не истинно есть хошем, — не видимо бо есть то ныне. На любовь же мира сего укланяемся, любим злато, берем имение, любим храмы светлы, любим славу, и честь, и красоту, видима бо суть всем пред очима. Повеждь ны истинну, апостоле, и разсуди прю нашу, и смири ны, да вси едино мыслим. Сущии бо в нас богатии мниси безименныя укоряют, и безыменнии богатых осужают. Отвещай ны, красота апостольская Иоанне, отвечаи к сим, громогласная уста, и возгласи: Аз же яко слышах и видех от самого словесе божия, такоже и проповедаю, и ни единого же вас обинуюся, истинно и велегласно глаголю: «Не любите мира, ни яже суть в мире. Аще бо кто любит мир сей, несть любви отча в нем, яко все, еже в свете сем похоть плотская и похоть очная, гордыни житейская. Несть от отца, но от мира сего. И мир сей мимо ходит и похоть его, а творяй волю божию пребывает во веки». Се убо, о нем же мя вопрошаете, отвечах. Слышахом убо от тебе реченная, апостоле Христа бога, и вемы, яко

истинна то есть. Но овем от нас угоден является глагол твой, понеже аки по них глаголет, другим же аки неугоден, им же премену жития им глаголаше: убо не можем увыкновенных оставить и начати необычное житие. Тяжко бо си творим, еже навыкше по обычной келии, и много имущей, и на вся взирающе, веселимся: таже паки во един час тщу и ничто же имущу сотворити ю, преже богату слышавшуся и множеством владеюще, паки же убогу и нищу от всех взываему быти? Таковых ради тяжка нам являются словеса твоя, о апостоле Христов! К сим же апостол: како убо словеса моя неудобь творима вам являются? Не аз ли есмь апостол глаголавшаго: «приидете ко мне вси тружашеися и обременении и аз покою вы. Возмите иго мое на ся, иго бо мое помазано и бремя мое легко есть»? Аз бо есмь благословеннаго бога апостол, незлобивый зватай в небесное его царствие. Звание же мое сицево: друзи возлюблении и братия, оставите земная, да небесная примете. Пребудите в нищете на земли, да в вышних обогатее. Пребудите во алкоте и в жажди во время се, и по мале прешедше в вечная жилища, и насытитесь, и возрадуетесь радостью неоскорбляемою. Егда в пагубу и во тще велю вы мирская отврещи? — но на восприятие сущих выше мира. Вем же, яко слабости ради ваша и невоздержания, сластолюбия же и златолюбия, и миролюбия словеса спасеная трудна вам бывают. Еже не по истинне собрати имение, и славну быти, не всем подобно в человецех бывают. А еже расточити собранная и раздаяти имение всем мощно есть и ни мале труде причастно. Аще бо хотите быти истиннии богочетцы и небеснии человецы, в земных себе ни мало вменяйте: потайтесь зде да тамо явитесь, помолчите ныне да тамо со дерзновением ко отцу возглаголете, и будете яко чада присная богу и наследницы царствия его. Се убо слышахом, братия, апостолово слово и учение, яко не обинуяся глагола нам. Сице, возлюбленная братия, да разсудим: их же житие в мире сем, ведуще, яко по времени кождо прешествие отсюду настопт, и сего ради понудимся, да не укоризны и смеха достойно житие проживем

зде, паче же плача и муки достойни явимся, аще жизнь мира сего любезно лобзаим. Но подвигнемся, но потщимся, да в вечнем пребывалищи написани готови явимся в Вышнем Иерусалиме, во граде небеснем, иде же имена крестившихся написана суть, их же отход от сюду неведом, их же сам господь зватай, и путь, и вожь, и свет, и правитель в царствие небесное, их же образ ризный странен и нелеп, никоей же земли приличен, одеяние черноть имущее, возвещающе зде сетованное и плачевное житие. Мы же образ такового одеяния носяще и приплетаемся земных вещей, яко мирьстии, учащаем нивы, исполняем гумна, украшаем храмы, удивляем дома, приносим имя свое ко всем человеком, яко дивно. А о том, ямо же вьскоре отидем, не хотим ни в мысли нашей помянути: то чим есмы хуждши мирских. Мира держимся: еже бо видим у мирских что дивно, тогда всею силою подвизаемся, дабы у нас тоже было. А не помянем, яко того есмы всего отречени в постригании нашем, и всего мира и яже суть в мире. Аще ли се лжа, да испытаямся, аще ли тако есть: не имеем ли сел, яко же и мирьстии, не словут ли нивы чернеческия, и езера, и пажити скотом, и домове твердо ограждени, и храмы светли? не имеем ли ковчеги со имением твердо хранимы, якоже и мирстии домодержцы? не красуем ли ся блистанием златным и веселимся светлостию ризною и величаемся? не обеди ли и празники мирских нами полни бывают? не мы ли взимающе мирския богати на обеде у себе посажаем, большее дерзновение хотяще к дому их имети? не на брацех ли у них мы председаем? не наша ли рука выше всех презвитер возвышаема, чаши прекращающи? не наше ли око вся сидящая обзирает? не наше ли горло в народе пира бряцаая многи укору? Християне бо заповедь спасову творяще вводят ны в дома своя — ово молитвы ради, ово милостыню творяще. Мы же своего чина не храняще в мале поседим поникши, и потом возведем брови, таже и горло, и пием, донеле же в смех и детем будем. Его же пьянства мнози и мирстии хранятся. Мерзость бо им есть тоже и на нас есть видети безгодное упивание. Таковое бо безчи-

ние и упивание троя вины приносит любящим его: первое — телеси недуг, второе — от человек укор и смех, третье — души падение и ума изступление. То чим лучши есмы мирских? — ни чим же. Не хвалу ли любим, а укоризны не терпим? Не светлою ли^ъ ризою и драгою красуемся, раздранныя же не хотим ни в келии напей видети? Не принесшаго ли приемлем с любовью, паче тща пришедшаго? Почто двери келий своих твердыми замками утвержаем? — яве, яко днешняго ради лежащаго в ней имений. И яко же епарху некоему умершу, мнози бояре на место его мзятся, богатства ради сана того, и славы, и чести от всех. Тако и в нас, убогих, подобие мирское бывает: умершу бо коему игумену, или иконому, мнози от нас востанут, наместие его тщашеся прияти (и се таящеся един от другого, а всем ведомо суще), ови мздами, а неимущей же ласками, яко змия, яд хотяще излияти на искренних. Что же се? — яве яко имения ради. Оле смеха достойно житие наше! Ни есть ни единого же в нас преподобных отец, ревнующе добрым делом, молитве, бдению, посту, безоименьству, нищете самовольней и прочим таковым: но умерьшу в нас коему богату мниху, и душу свою того ради погубившу, оставшей мы, ревнующе пагубе его, на место его вьскакаем, и сладко си творим, в пагубе его и мы увязнути. Да онем их же житию и делом чюдеса последоваху им, не хотим житию ревновати и делом их подобитися, но сих, их же житию и имению пагуба последова, тём же ревнуем, злата ради и имения, еже имеша на мало дней, и отидоша нази от всех, яко и рожени. Да яко же в нас стари и неистови и лакоми на имение, и сверепи на жены, и до смерти не оставшася любви именныя, — тацы же и юннии мниси по них суще; нравы яко отеческия приимше, держим и тем величаемся. И аки по отеческим следом воследующим, не ведуще окаяннии, яко же бо нелепо мертвец на конь всажен, тако же и мних власть в мире прием: но овому свое есть, еже во гробе вложится, овому же, еже в келии затворився плакати грех своих, и всячески нудитися, еже удалитися всего честнаго в мире сем. Аще ли мертвый на коне,

инок же власть держа, то обое кроме естества. Мирскому бо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь правити, не касающа ни десных, ни шуих. Красно есть, во истинну, и мнозей хвале достойно, иже видети мужа в миру, отрицающа мира и иже в нем красных и легких, и отмечающа имения и бывающа инока. Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатство беруща: он бо, надежею жизни вечныя, отмечається жизни сея и бывает чадо свету и дни. Сей же, неверованием о жизни вечней, отмечает обнищание, иже Христа ради обещася, и бывает друг свету сему, враг же божий по глаголу брата господня Иякова. Сего ради смеху бываем и поганым, и Христова вера хулится нас ради от них. Глаголют бо: како вы, мниси, поведаете бо жизнь вечную быти и воскресение мертвым, его же ради и постригаетесь? А ныне видим вы, и старья и младья, яко кождо вас власти от царя и от вельможь ищите, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения. Да како жизнь вечную мните,^м а сея жизни, и славы, и чести, и имения ни мало себе отместите? Нам мнится, яко вы друг другу о жизни вечней лжете. На любви бо вашей света сего знати есть, яко не зело хотите оного жития: дадите нам имение ваше и злато, а вам вечная жизнь. Се же аз, братие, своимаша слышах от некоего погана. И дивно ми есть, яко же и погании ведут о нашем неустроении и поношают ны, како достойт иноку быти олиховану всего во свете сем, иночну быти житием и делом. Тем же аще поганым бываем в соблазн придержания ради света сего, кольми паче христианом, ведущим и слышащим по вся дни в церквах жития святых и преподобных отец, и видящим им нас не по подобию тех живущих, их же образ носим, то чим странни являемся, свету сему делом нашим и правом с мирскими считающим нас. Се бо мысль наша, и беседа всегда, и советование, якоже и всех мирских жителей. Не о ползе душевней совокупление наше, и беседа, и совет, но о потребе. Егда бо ся совокупим, то не о горнем житии и о пользе душе в ней советуем, но о княжии пределии.

и набдении, о добротѣ милостивней, о прихождении христіян, и о приношении их, и о красоте церковней, и о покаянии богатыхъ сынов, и о любви бояр, о познаніи богатыхъ, о богатствѣ монастыря, о множествѣ сел, и о намѣстии игумене, и о пріятіи старейшинства. Что же много начати и глаголати? но о всехъ сущихъ въ мирѣ семъ и мыслимъ, и совещаемя, яко же и вси сущіи въ мирѣ. Ни единъ же отъ насъ мыслити или советуетъ отъ сущихъ выше міра и о исправленіи^б житія. Аще бо быхомъ техъ искали, на́не же нарекохомся, о томъ быхомъ и советъ творили, и другъ друга узревше со слезами быхомъ глаголали: како ты, брате, богъ ведетъ, како идѣши? И отвѣтъ быхомъ тако рекли: увы мнѣ, брате мой, яко пришельствие мое удалихся, вселихся въ пропасти темныя. Ты же самъ, любезне, како? спѣетъ ли тыся? Ей! аще не бы господь помогъ бы ми, вмалѣ всезилася бы во адъ душа моя. Паки инъ ко иному: како, брате? Яко падохся и не имамъ дерзновенія въ молитвѣ къ богу, но студомъ и срамомъ покрываюся. Азъ согрешихъ на небо и предъ тобою и уны во мнѣ духъ мой, во мнѣ смутился сердце мое. А ты, брате, како? Яко исполнися золъ душа моя и животъ мой аду приближися, при́вмененъ быхъ съ низходящими въ ровъ. Ты же како? Мнѣ убо жаждитъ сердце къ богу подвигнутися, и духъ мой загорается на любовь его: но плоть немощна, брате мой, и мысль разслабляюща, и не вѣмъ, что сотворю. Но молю ты, возлюбленне, помози ми, въ молитвѣ твоей, цы господь укрепитъ мя. Инъ паки другаго вопрошаетъ: како, брате? Возскорбѣхъ печалию моею, и смутился отъ гласа вражія, и отъ стуженія грѣшника, глаголющаго: несть ти спасенія въ бозѣ своемъ. Господь же заступникъ ми есть. А ты, брате? И мене одержаша болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смутиша мя, и болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя уже сѣти смертныя, и въ скорби моей точию господя призываю, — цы господь поможетъ ми. Самъ же како пребываеши, любимиче? О возлюбленне о Христе! увы мнѣ, яко внидоша воды соблазныя до душа моя! углебохъ въ тѣмнѣннѣи блуднемъ, и несть постоянія. При́идохъ во глубины грѣховныя и буря потопа мя отчаянія. Другому паки глаголюща:

во мне смутися сердце мое исхода ради, и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя, и покры мя тма недоумения, что сотворити: но возвергну печаль на господа, да той сотворит, яко же хочет. Хочет бо всем человеком спастися! О братие возлюбленная ми о Христе! Слышасте уже, яко повыше назнаменах, како совет творят, иже воистинну в мире сем аки гости и пришельцы суть: иже аще тако скорбят zde, во оном вѣце не опечалются. Иже бо zde сами предаются скорбем и печалем, тамо никакая же печаль срящет их, но веселие и радость, и дарове вечнии, и житие с господем богом. Аще бо и кождо нас падается, но по вся дни о душе да мыслит и глаголет, а не о мирских. То яве есть, яко поможет ему господь и укрепит. И добро бо нам, яко пришельцем и странником, zde скорбети о отечестве нашем, и друг другу съвопрошати о путех, лежащих ко граду их, и о присѣдающих разбойницех, и како возможи без вреда пройти. Всеи же путницы не соскупают на иныи стези с пути ведущаго их во град, вонь же идут. Аще ли еступят, зело укаряют свое шествие, глаголюще: какого убо укора несм достойни, о том беседуяща и то вѣступающе не на неже изыдохом, ни аможе грядем? Но да увемы, от чего же в нас бывает дым (да мне зрится), аще не от огня? Сиче и беседа мирская, аще не от любви мирския: любим бо мир, да и глаголем о нем. Его же бо не имеет хранина — двери не износят; и его же бо сердце не имеет — уста не глаголют. И на беседовании нашем знати есть любовь сего жития во уме есть нашем, еже и на нравех наших истее увѣстися. Иде же бо царь сущим под ним дает, яко же достоит, ту же и мы с мирскими смешающеся, просим у него потребы. Что ради? Еда стражем о нем и до крове борем? еда дань ему платим? егда кую потребу от нас имать? Не имать ли кому даяти, воем, и всем стражем, и борющимся по нем, ту же и мы мятемся, от них же свободил ны бе Христос беспечальным житием, претыкание миру бывает. Аще ли глаголем: спасения ради своего дают нам ⁹царие и боляре его.⁹ Все добро спасения ради, но да блюдемся, егда не по оных умы-

шлению дают нам милостыню, но по нашему прошению. Аще бо быхом хотяще без осужения приимати от них, паче полезнейше к богу припадали быхом, и у того просили быхом, глаголюще: Господи! ты вся веси, ты веси, что требует тело наше о кормли и одежди, и яко же волиши, тако устрой. Токмо спасения души и прощения грехов от человеколюбия твоего прошу, а о доволи плоти моея создавый мя сам веси, что требую. И тогда сидящим нам в келии, комуждо, аще бы кто что принесл потребное нам, то яко от бога со благодарением прияли быхом, или от царя, или от некоего властелина, или проста людина: нашу бо потребу мощен есть всяк человек сотворити. Не многоценна бо одежа и проста кормля довлеет нам, — проста бо одежа и кормля мощен есть кождо нас (аще бо хотим, можем), и без приимания чужаго, стяжати от рукоделия своего. Аще ли любим взимати от них, и теми потребу имети, то осудит ны вдовица и оградник, ова от руку своею кормяще чада си, ов же на лискари тружаяся и кормя всех сущих в дому своем. Мы же, единицы, безженнии, и безчаднии, и бездомови, в лености своей не хотяще от руку своею единого хлеба стяжати, и сего ради, яко безручни от чужия силы насыщаемся. Аще ли кто от нас глаголет: с миряны склучилося есть жити, и близ мира, да нужна ны есть приимати, еже аще дают ны. Худ той извет есть, братие. Спаситель наш Христос не в мире ли бысть, и апостоли его вси ^ю что тогда имяху ^ю разве пять хлебов и двою рыбу? И на предание Христово двема ножема токмо обрестися в них. И нудяще я неменьство, яко же и в другая времена и класы истирающе ясти. Что же ли речем, лише того имеюще, и последний апостолом именующесе (да, имяны их любим зватися, жития же их не подражаем)? Еже бо излише покрова телу и насыщения утробе востребуем что, — уже не нужею, но изволением попираем обет. Почто же и вызываем преже нас бывшыя иноки святыми отцы, а сами ныне не хотим, яко сынове их, отец своих нравы и дела краситися? Тем же елико лишё оних мира держимся, толико же их отрицаемся: не суть отцы наши».

Последи же многа^а о сем писано быша, аз же се волею премину: понеже высота словеси мало небес не превосходяще, иже хотяше вам о сем быти, не мала туга и скорбь, душа ваша объяти хотяше. Понеже яко равно аггелом, толико отстояще от нынешняго жития сих святых пребывания, яко не токмо телеси, но и самая душа Христа ради не брегуши, на земли сущи, со ангелы жительствующе, яко же написа о сих Великий Иларион, подобно яко же во Ануфрии Великаго житии лежит. Мы же к коньцу слова да речем Великаго Илариона: «Увы мне, единому ум уступает ми, помянувше любовь, юже имяху ко господу преподобнии тии, яко тако пожиза любве его ради, и вся та претерпеша, да угодницы Христови прозовутся. Мы же аще и един час главою поболим, или прыщ на теле нашем узрим, то в борзе всем знаемым нашим возвещаем. Аще ли разболимся, то не яко иноцы, но яко мирстии: осядут бо ны и друзи наши советы творяще, кое убо былие ключается на оздравление наше. Тогда же и женьския руки тело наше осязает и мажут, льготы творяще. Отходят же воздыхающе, и мы по них зряще жалим си и до слез. И от сего разумети есть, яко ни в начатце отметания нашего, ни в юности, ни в старости, ни в здравии, ни в болезни, ни во исход души, мира сего отмечаемся, но и еще любим и держимся его неотступно, донелиже и душа наша в теле нашем есть».

Сия убо написахом мало от многа. Аще хотите высочайши сего ведети, и вы сами больши нас весте, и много в божественном писании о^а сем обрящете. И будет помните то, что яз Варлама из монастыря взял, ево жалуючи, а на вас кручиняся; ино бог свидетель — никакже иного ничего для, развее того для велели есмя ему быти у себя — как пришла волна та, а вы к нам немного известили, и мы Варлама приказали про его безчиние посмирить по монастырскому чину. А племянники его нам сказывали, что ему от вас для Шереметева утешение велико. А еще Собакиных пред нами и тогда измены не было. И мы жалуючи их, велели есмя Варламу у себя быти, а хотели есмя его распросить: за что у них вражда учинилася?

да и понаказати его хотели, чтобы в терпении был, что будет ему от вас скорбно, зане же иноком подобает скорбьми и терпением спастися. И зимусь по него потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю.²¹ И как мы ис походу пришли, и по него послали, и его розпрашивали, и он заговорил вздорную — на вас доводити учал, что будто вы про нас не гораздо говорите со укоризною. И яз на то плюнул, и его бранил. И он уродствует, а сказывается прав. И яз спрашивал о его жительстве, и он заговорил невесть что, не токмо что не знаючи иноческаго жития или платия, — и того не ведает, что на сем свете есть черньцы, да хочет жити и чести себе по тому же как в миру. И мы видя его сотониньское разжение любострастное, по его неистовому любострастию, в любострастное житие и отпустили жити. А то сам за свою душу отвечает, коли не ищет своей души спасения. А к вам есмь его не послали, воистину, потому: не хотя себя кручинити, а вас волновати. А ему добре хотелось к вам. А он мужик очюнной врет и сам себе не ведает что. А и вы не гораздо доспели, его прислали кабы ис тюрьмы, да старца соборново кабы пристав у него. А он пришел кабы некоторой государь. А вы с ним прислали к нам поминьки, да еще ножи, кабы не хотя нам здоровья.²² Что с такою враждою сотониньского поминьки к нам посылати? Ано было его отпустить, а с ним отпустить молодых черньцов. А поминьков было в том кручинном деле непригоже посылати. А ведь соборной он старец ни прибавил, ни убавил ничево, его не умел уняти, что захотел — то врал, а мы чего⁶ захотели, того слушали: соборной старец не испортил, ни починил ничего. А Варламу есмь не поверили ни в чем. А то есмь говорили, бог свидетель и пречистая и чюдотворец, монастырьскаго для безчиния, а не на Шереметева гневаючися. А будет хто молвит; что так жестоко, ино су совет дати, по немощи сходя, что Шереметев без хитрости болен, и он ежъ^в в кельи да один с келейником. А сход к нему на что, да пировати, а овощи в кельи на што? Досюдова в Кѣрилове и иглы было и нѣти лишние в кельи не держати,

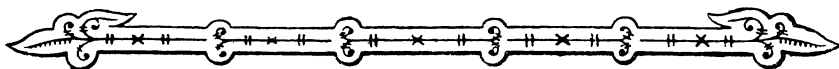
не токмо что иных вещей. А двор за монастырем, да и запас на что? То все беззаконие, а не нужда. А коли нужда, и он ежь в келии как нищей крому хлеба да звено рыбы, да чаша квасу. А сверх того коли вы послабляете, и вы давайте колко хотите, только бы ел один, а сходов бы да пиров не было, как прежде сего у вас же было. А кому к нему приити беседы ради духовных, — и он приди не в трапезное время: ествы бы и пития в те поры не было — ино то беседа духовная. А что пришлют братия поминков, и он бы отсылал в монастырския службы, а у себя бы в келии никаких вещей не держал. А что к нему пришлют, то бы разделяли на всю братию, а не двема, ни трема по службе и по страсти. А чего мало — ино держати на время. А иное что пригоже, ино и его тем покоити. А вы бы его в келии и монастырским всем покоили, только бы что безстрастно было. А люди бы его за монастырем не жили. А и приедут от братии з грамотою или з запасом и с поминьки, и они поживи дни два-три, да отписку взяв да поедь прочь: ино так ему покойно, а монастырю безмятежно. Слыхали есмя еще малы, что такая крепость у вас же была, да и по иным монастырем, где о бозе жителство имели. И мы сколько лутчего знали, то и написали. А ныне есте прислали к нам грамоту, а отдуху от вас нет о Шереметеве. А написано, что говорил вам нашим словом старец Антоней о Ионе, о Шереметеве, да о Асафе Хабарове, чтобы ели в трапезе з братиею. И я то приказывал монастырського для чину, и Шереметев себе поставил кабы во опалу. И я сколько уразумел, и что слышал, как делалось у вас и по иным крепким монастырем, и я то и написал, повышесего, как ему жити покойно в келии, а монастырю безмятежно будет: добро и вы по тому учините ему покой. А потому ли вам добре жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братия его и ныне не престанут в Крым посылать, да бесерменьство на христианство наводити?²³ А Хабаров велить мне себя переводити в ыной монастырь: и яз ему не ходатай скверному житию. Али уже больно² надокучило. Иноческое житие не игрушка. Три дни в черньцах, а семой монастырь. Да коли

был в миру — ино образы окладывати, да книги оболочи бархаты, да застешки и жюки серебряны, да налои избирати, да жити затворяся, да кельи ставить, да четки в руках. А ныне з братею вместе ести лихо. Надобе четки не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердец плотян. Я видал — по четкам матерны лают! Что в тех четках? И о Хабарове мне нечего писати как себе хочет — так дурует. А что Шереметев рассказывает, что его болезнь мне ведома: ино ведь не всех леженек для разорити законы святых.

Сия мала от многих изрекох вам любви ради ваша и иноческаго для жития, им же сами множае нас весте. Аще хотите, — обрящете много в божественном писании. А нам к вам болши того писати невозможно, да и писати нечего. Уже конец моих словес к вам. А вперед бы есте о Шереметеве и о иных о безлепицах нам не докучали: нам о том никакo ответу не давати. Сами ведаете: коли благочестие не потребно, а нечестие любо! А Шереметеву хотя и золотыя сосуды скуйте и чин царской устройте, — то вы ведаете. Уставьте с Шереметевым свое предание, а чюдотворцово отложите: будет так добро. Как лутче, так делайте! Сами ведаете как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет! Вперед о том не докучайте: воистинну ни о чем не отвечивати. А что веснусь к вам Собакины от моего лица злокозненную прислали грамоту, — и вы бы с нынешним моим писанием сложили и по слошням разумели, и потому вперед безлепицам верили.

Бог же мира и пречистыя богородицы милость, и чюдотворца Кирила молитвы буди со всеми вами и нами. Аминь. А мы вам, господие мои и отцы, челом бием до лица земнаго.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ (1574)

От царя и великого князя Ивана Васильевича
всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному
Ильину

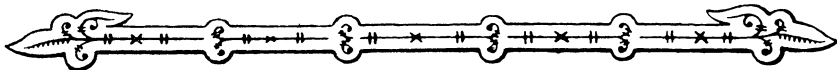
Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон,¹ — ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати; а уже заехано — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон, умеют ловити да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов! Только б таковы крымцы были, как вы, жонки, — ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.²

А что сказываешься великой человек — ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды.³ А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олекине — ино таковы и в станицах ежживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили.⁴ И мы того не запираемся, что ты у нас в приближение был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а доселева такие по пятидесят рублей бывали; а ста тысяч опричь государей ни на ком окупу

не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли б ты сказывался молодой человек — ино б на тебе Дивея не просили. А Дивея сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысяч рублей не хочет на тебе мимо Дивея: Дивей⁵ ему ста тысяч рублей лутчи, а за сына за Дивеева дочь свою дал, а нагайской князь и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Оприч было князя Семена Пункова не на кого менять Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоенья меняти было;⁶ а то в нынешнее время неково на Дивея менять. Тебе, вышедчи ис полону, столко не привесть татар, ни поимать, сколько Дивей кристьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства — на кристьянство: ты один свободен будешь, да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да неколко сот кристьян лутчи тебя пленит. Что в том будет прибыток?

Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То кристьянству не пособити — разорить кристьянство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп, и мы тебя тем пожалуем. А будет становишь за гордость на кристьянство — ино Христос тебе противник!

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ (1575)

Лета 7084-го октября в 30 день. Великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Русии сю челобитную подали князь Иван Васильевич Московский и дети его, князь Иван и князь Федор Ивановичи Московские, а в челобитной пишет:

Государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Русии Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьют,¹ чтоб еси, государь, милость показал, ослободил людишок перебрать,² бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси пожаловал ослободил принять, а с твоими государевыми приказными людьми ослободил о людишках памятьми ссылатися; а ослободил бы еси пожаловал изо всяких людей выбирать и принимать; а которые нам не надобны, и нам бы тех пожаловал еси, государь, освободил прочь отсылати. И как, государь, переберем людишка, и мы к тебе, ко государю, имяна их списки принесем и от того времени безс твоего государева ведома ни одного человека не возьмем. А которых людишок примем, и ты б, государь, милость показал, вотчинишок у них отнимати не велел, как преж сего велось у удельных князей;³ а ис поместьишок их им хлебишко и денженка и всякое их рухлядишко пожаловал, велел отдати, и людишок их не ограбя велел выпустити. И которые похотят к нам, и ты б, государь, милость показал, ослободил им быти у нас безопажно, и от нас их имати не велел. А которые от нас пойдут и учнут тебе, государю, бити челом, и ты б,

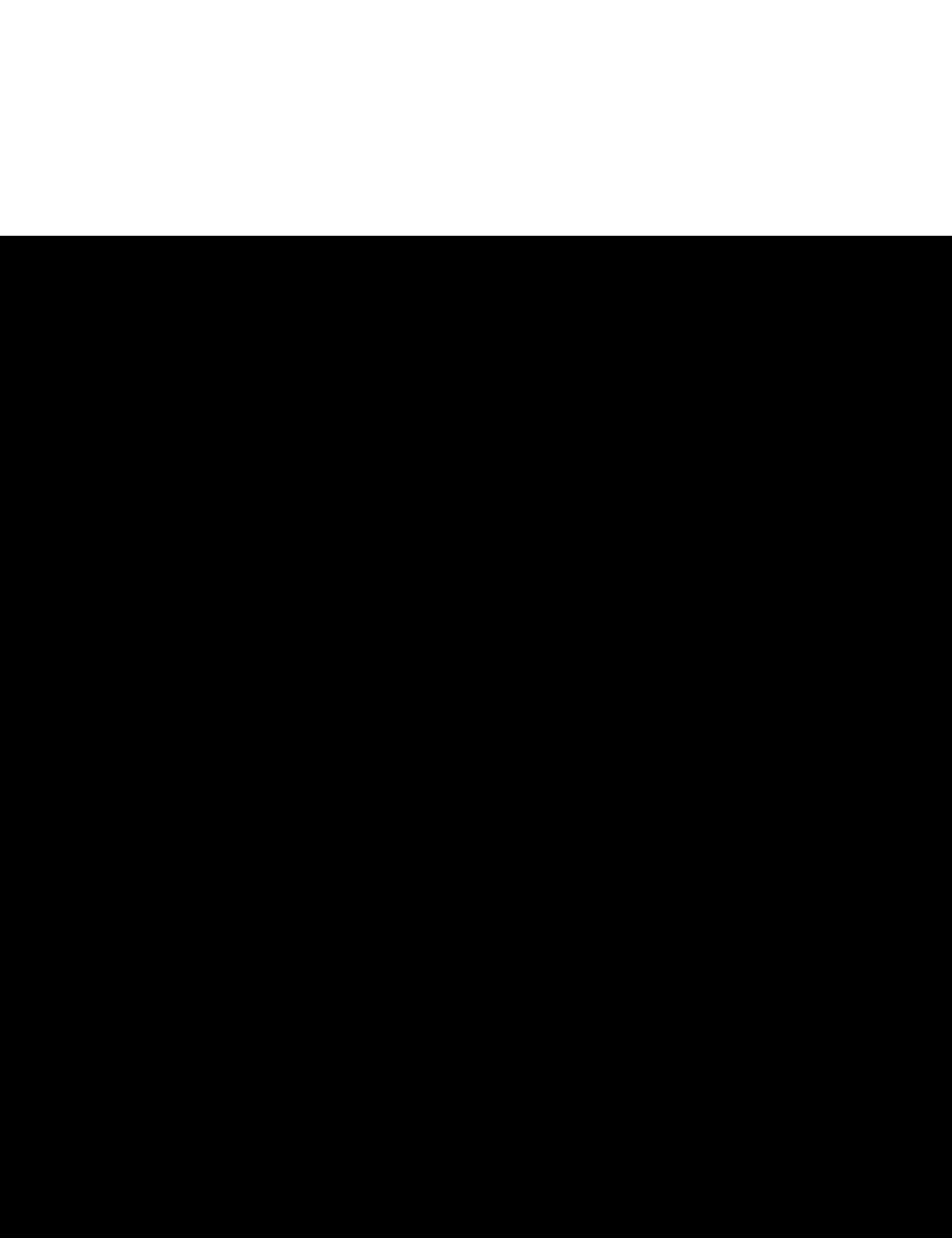
государь, пожаловал, милость показал, по их челобитью, к себе, ко государю, тех наших людишек, которые учнут от нас отходить, пожаловал не принимал.⁴ Да покажи, государь, милость, укажи свой государьской указ, как нам своих мелких людишек держати: по наших ли диячишков запискам и по жалованьишку нашему, или велишь на них полные имати?⁵ Как, государь, указ свой учинишь? И о всем тебе, государю, челом бьем. Государь, смилуйся, пожалуй!

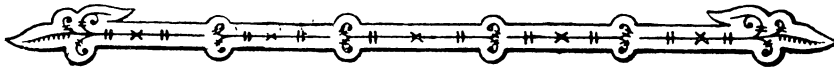
На отдельном листке опись: Прощение князь Ивана Васильевича Московского и детей ево к великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Руси о свободе людей их. 32.

3

2-10-12

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ (1577)

Такова грамота послана от государя из
Пскова со князем Тимофеем Романовичем
Трубецким в Володимерко князю Александру
Полубенскому¹

²Трисолнечного божества благоволением и благостию и волею, яко же рече избранный сосуд апостол Павел: «вемы яко ни един идол в мире и яко никто же бог ин, токмо един; ибо аще и суть глаголемии бози, или на небеси или на земли, но нам един бог отец, из негоже вся и мы у него, и един господь Иисус Христос, им же вся и мы тем, един дух свят, в нем же всяческая и мы в нем». Сего убо трисиянного божества отца и сына и святого духа в лицах, во едином же ипостаси исповедуема существе и покланяема и славима и безначална, и бесконечна волею и хотением и властью и действием творения, рек бог «да будет свет» и бысть свет, и прочая творения твари яже на небеси горе и яже на земли низу и в преисподних. Таж посем созда человека, мужа и жену, сотвори их и всели их в рай, и заповедь положи им; онема же послушавшим врага и заповедь преступившим, и того ради прогневался на ня бог и из рая нища изгна их и смертию осуди их и болезнями, и труды обложи их, и бог от лица своего отрину их. И виде враг, яко первая его вражда приключися потребна ему и бог гнев возложи на человека, враг же сие виде до конца содела человечеству, и Каину Авеля убить сотвори. Бог же, не оставляя

своего создания, милуя род человеческий, Адаму родона-
чальника правде спаса воздвиже. Таже по сих Енох благо-
угоди богови, сего ради и бог прослави его взятъем и проповед-
ника его сохраняя второго своего пришествия. Таже умно-
жившимся человеком и врагу до конца соодолевшу и челове-
ком повинувшимся врагом во всем и вся его злая дела вос-
приимъшим, и бог болма раздражися на гнев, и потопом вся
человеки на земли потреби, единого Ноя праведника обрет по
заповедом его ходяща, сего сохранив родоначальника вселен-
ней. Посем паки умножившимся человеком и врагу больма
прелстившу их и человек на прелесть вражю усердно пришед-
шим и к богоборству уклонишася, начаша созидати столп,
реша бо к себе: аще паки восхощет бог потоп навести, тамо,
вшедше на столп, з богом брань сотворим. И создаша столпа
оного выше облак, и бог гневом, духом уст своих и духом бур-
ном и нужном, столп сокруши, иныя же побил, прочих же раз-
дели на семьдесят и два языка. Един же Еврей к сему делу
и совету их не приста, сего ради бог помилова его: Адамова
языка не отъят. От него же евреи глаголются. Сих же раз-
дели, да разделением друг на друга встают, и сим преступле-
нием мучатся. Бога егда глаголю — отца и сына и святого духа
во едином существе, яко же выше рех, и якоже и ту рече: «се
человецы язык един и уста една, елика восхотят и сотворят,
нисшед размесим я». И кому сия глаголати, аще бы не троица?
Таж посем умножившимся человеком и врагу поработившимся,
и богу болма на них прогневавшемуся и отступившу от них и
диявол тако поработи я и во своей воли нача водити все чело-
вечество. И оттоле начаша быти мучители и властодержцы
и царие, яко же первый Неврод, иже столп нача здяти, и раз-
деление^а языком бысть. Неврод нача царствовати в Бави-
лоне, потом же Мисрем во Египте; таж во Асирий Вил крепко-
рукий, иже и Крон, таж Бел и Белус и Белье и Вабал и Вель-
ефегор и Вельсавух и Вельсавав и Астарты, посем Ниние, таж
Фор, иже и Арем, таж повсюду многообразна царьства рас-
тавишася, и каждо особного царствовати. Сие убо неблаго-

честне в человецех наченшуся царьству, яко же рече господь наш Иус Христос во евангелии: еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом. И сие виде бог погибающь род человеческий и умилился о нем и Авраама праведника воздвиже, иже Авраам бога истинного позна и бог возлюбил его. И оттоль бог преклонился на милосердие к человечеству, и Авраама благослови и обетование дать, и наследника дарова ему Исака, и Исаку Иякова, иже есть Израиль. И сие обетова бог Аврааму: яко отца многим языком сотворю ты, и царие из тебе изыдут. И иже нашедше от чресл Авраама, Исакова и Иякова, и се нарекошася людие, и прочии иже языци, якоже рече великий пророк Моисей: «положи пределы языком, по числу ангел божиих, и бысть часть господня Ияков, достояние его Израиль». И тако⁶ господу богу пасущу род израильтеский, из Египта изведшу их рукою крепкою и мышцею высокою, — Моисеом праведником и Иусом Навгиным, и на землю обетованья поставившу их (в тогдашнее время многообразные повсюду царствия, и иныя же Израилты потребиша), и тако богу соблюдающу род еврейский и подавающу судия и правителя, и самому водящу их, даже и до Самоила пророка; но понеже по Адамлю преступлению все человечество прелестию тогда покровено бысть и врагу поработившуся, сего ради Израилты часто заповеди божия преступаху, прельщающесе деле беззаконных язык. Богу же на них овогда гневающуся и предавающу в порабощенье языком иноплеменным, овогда ж милующу и свобождающу; егда убо отступаху от бога и поклоняхуся идолом, тогда предаваше их, егда же взыскаху господа, тогда свобожаше их. Сего ради и сходя к немощи их и жертвы попусти им творити, не яко хотя от них сего, но немощий сих попуская быти; аще и жрут, но токмо бы истинному богу жертву творили, а не бесом. Тако бысть и до Самоила пророка. Но человека есть нечисть родственная, не восхотеша Израилтяни под божииим имянем быти и водими быти праведными слугами его, просиша себе царя, и богу вельми на них за сие прогневавшуся и дать им царя

Саула. И много напасти претерпеша, и бог милосердова о них, и воздвиже им праведника Давида царя и царство распростири. Се первое благословение царству бысть: бог, сходя к немощи человечесей, и царство благослови. Таж умножившимся человеком и царством и влаstem и беззаконию растущу, бог же не презре рода человека от диявола мучима. Первое посла пророки провозвещающе пришествия божия слова, о гресе обличающе и о беззаконии; они же немысленнии быша, врагу ими владущу, и пророки избиша, и больма нечестоваша. Таж человеколюбия ради сам господь-сын, слово божие воплотитися изволи от пречистыя матере, спасение содела посреди земля человеком. И исперва убо царствие отверже, якоже рече господь во евангелии, иже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом, таж потом и благослови е, якоже божественным своим рожеством Августа кесаря прославив в его же кесарство родитися благоизволи, и его и тем вспрослави и распространи его царство, и дарова ему не токмо римскою властью, но и всею вселенною владети, и Готфы, и Савроматы, и Италия, вся Далматия и Натолия и Макидония и ино бо — Ази и Асия и Сирия и Междоречие и Египет и Еросалим, и даже до предел Перских. И сице обладающу Августу всею вселенною и посади брата своего Пруса во град глаголемый Малборок и Торун и Хвойницу и преславный Гданек по реке глаголемую Неман, яже течет в море Варяжское. Господу же нашему Иисусу Христу смотрения тайну совершившу, посла божественныя своя ученики в весь мир просветити вселенную. Оным же яко крылатым всю вселенную обтекше им, и слово божие проповедающе. И понеже всюду греху царствующу и нечестию обладающу, царие и князи и местоблюстителя и обладатели вси дьяволу поработившуся и супротившуся, и побиша их, таж и учеников, святителей и священников и простых множество показаша мучеников. И от Августова царства в Риме даже до лет Максентия и Максимияна Галера сие гонение бысть на християны. Господь же наш Иисус Христос не презре моления раб своих, еще же и к матерним

мольбам^в призирая, и свое обетование исполняя, яко же: се аз с вами есть до скончания века сего, аминь, — и сие воздвиже: благочестия корень — великого во благочестии сияюща Константина Флавия, царя правде христианска, священство и царство во едино, и оттуда повсюду христианская царствия умножишася. Таже по благоволению в троицы славимого бога в Росийской земле воздвижеся царствие сие, якоже выше рех, еже Август кесарь римский, обладая всею вселенною, постави брата своего Пруса, иже выше-помянутый. И живоначальные троицы десницею и милостию воздвижеся царство в Руси сие: под Пруса четвертое надесять колено Рюрик прииде нача княжити в Руси и в Новгороде, иже сам прозвася великий князь и град Великий Новъград нарече. Сын же его Игор преселися на Киев и тамо царствия скифетры Росии положи, и на Греках дань емляше и в Переславце Дунайстем живяше, иже есть Бен и Ведна. Таж что по сих? В троицы славимый бог милосердием своим призре на нашу Росийскую землю, сего Святославова сына великого Владимира в познание истинны приведе и светом благочестия просвети, славити себя истинного бога отца и сына и святого духа во единстве поклоняемого, и избра его, якоже второго Павла, в державных седилах и царя правды христианска во крещение воздвиже, якоже великого Константина. Якоже рече божественный апостол Павел: никакая же владычества не от бога учинена суть, всяка бо душа владыкам превладущим да повинуется; темже и противляйся власти, божию повеленью противится, и никому же повеле в чужая пределы преступати. Мы же хвалим, благословим, поклоняемся господу в трех лицах, во едином же существе, поем и превозносим его во веки, якоже воздвиже нам рог спасения, яже в дому Давида раба своего, тако в дому блаженного великого Владимира во святом крещении Василия. Сего убо трисианного единственного божества милостию и благоволением и волею утвердися и дасться нам скифетродержание в Росийской земле, от сего великого Владимира, иже во святом кре-

щении Василия, иже царским венцом описуется на святых иконах, и сына его великого государя Ярослава, нареченного во святом крещении Георгием, иже тое Чюдскую землю плени, еже есть Лифлянты, и град Юрьев во свое имя постави, иже нарицается Дерпт, и великого царя и великого князя Владимира Мономаха, иже на Фракею Царяграда воевавшего и царский венец и имя приобете царствия (от царя Константина, иже тогда во Цареграде царствующего сия приемлет), и преславного великого князя Александра, иже над римскими немцы на Неве победу показавшего, и хвалим достойного великого государя великого князя Дмитрия, иже над безбожными Агаряны за Доном великую победу показавшего, и деда нашего блаженные памяти великого государя Ивана Васильевича, собрателя Руския земли и многим землям обладателя, и отца нашего великого государя царя всеа Русии блаженные памяти Василья закоснейным прародительствия землям¹ обретателя, таж по коленству даже доиде и до нас скифетром держание Росийского царствия. Мы же хвалим бога в троицы славимого за премногую его милость, бывшую на нас.²

Сего тричисленного божества отца и сына и святого духа милостию и властью и хотением покрываемы, иногда же ограждаемы и заступаемы и соблюдаемы и утверждаемы, и удержанием скифетро Росийского царствия; мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии [*следует полный титул*] нашего царьского повеления слова — нашего княжества Литовского дворянину думному и князю Олександру Ивановичу Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то всё дудино племя!).³

Нашия честныя царские заповеди слово то, что не от каких лет Лифлянская земля отчина наша от великого Ярослава, сына великого Владимира, иже во святем крещении Георгия, иже и Чюдскую землю плени и постави в ней град в свое имя Юрьев, а по-немецки Дерпт, та по сем великого государя Александра Невского, и дань старые залого с тое Лифлянские

земли шла, и прадеду нашему великому государю и царю Василью и деду нашему великому государю Ивану и отцу нашему великому государю и царю всеа Руси блаженные памяти Василию^х присылавали неоднова бити челом за свои вины и о своих нужах и о миру с их вотчинами с великим Новымъгородом и Псковом, и что было им к Литовскому не приставать. Так же и к нашему царьскому величеству присылали и не одинова бити челом своих послов, и дань на себя по старому положили, и после того в том во всем не исправилися, и за то на них наш гнев, мечь и огонь ходит. И некогда убо прииде в слухи наша, яко то безгосударное место Литовское, преступив божие повеление, еже не повеле никому же в чюжия пределы преходити, и Литовские люди в ту нашу отчину, в Лифлянскую землю, вступившися, тебя учинили тут гетманом. И ты многие неподобные дела поделал еси: не имея храбрства, взял еси искрадом нашия вотчины Пскова пригородок Избореск, как еси поругался, отступив от крестьянства, церкви божии и священства образом.⁴ Ино тричисленного божества и пречистыя богородицы милость и всех святых его молитвы и иконного поклоняния крепость вас икоборцов посрами, а нашу древнюю отчину к нам возврати, а ваша надежда — Крон и Зевс и инии, о нихже выше рехом, ни во что же бысть.

А пинешься Палемонова роду,⁵ ино то палаумова роду, потому что пришел на государство, да не умел его под собою держать, сам в холопи попал иному роду. А что пинешься вицерентом земли Ифлянъския, справцы рыцарства волного — ино то рыцарство блудящее, розблудилося по многим землям, а не волное.⁶ А ты выцерент и справьце над шибеницыными людьми, которые из Литвы ушли от шибеницы, то с тобою рыцарство. А гетманство твое над кем? С тобою жадного доброва человека нет из Литвы, а то все воры, да тати, да разбойники. А владеешь — городков здесять нет, где тебя слушают. А Колывань за Свейским, а Рига особе, а Задвинье за Кетером.⁷

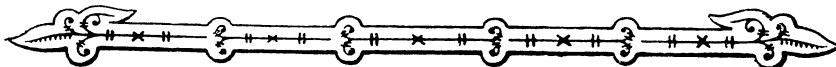
А старостить тебе над кем? Где меньтер, где машкалка, где кумендери, где советники, и все воинство Лифляньские земли?⁸ Всево у тебя ничего!

А ныне наше царское величество пришло своих вотчин рассмотреть Великово Новагорода и Пскова и Лифляньские земли, и наше царское повеленье с милостивнейшим защищением и чесные заповеди тебе: почто избранный ваш государь Стефан Обатур присылает к нам о миру и послов своих к нам шлет,⁹ и мы хотим с ним миру как будет пригоже, и ты б меж нас с Стефаном Обатуром миру не рушил, и на кровопролитие христианское⁹ не прагнул, и из нашии бы еси вотчины из Лифляньские земли поехал со всеми людми, а мы всему своему воинству приказали, не велели литовских людей ничем кранути. А толко ж так не учинишь, и не пойдешь из Лифляньские земли, и которые люди Литовские будут в Лифляньской земле, и что над ними учинится, и то кровопролитие от тебя будет. А на Литовскую землю и ныне некоторые войны не учиним, доколе у нас¹⁰ от Обатуры послы будут. А с сею есмя грамотою послали к тебе воеводу своего князя Тимофея Романовича Трубецково, Семеновича, Ивановича, Юрьевича, Михайловича, князя Дмитрея, сына великого князя Олгерда, у которого твои предкове служили Палемонова роду.¹⁰

Писан в дому живоначалные Троицы и великого государя Всеволода Гаврила, а в нашей отчине двора нашего из боярские державы в городе в Прескове,¹¹ лета 7085 июля в 9 день, индикта 5, государства нашего 43, а царств наших Росийского 31, Казанского 25, Астраханского 24.

А на подписи у грамоты подписано: великого княжества Литовского дворянину доброму князю Олександру Ивановичу Полубинскому, дуде, вицеренту Литовския земли блудящие рыцарства Ливонского розганеново, старосте Волъмерскому, блазну.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ (1577)

Такова грамота послана от государя из Володимерца к пану Яну Еронимовичу со князем Олександром с Полубенским¹

Бог наш троица отец и сын и святой дух во единстве поклоняемый, о нем же живем и движемся, им же царие царствуют и силнии пишут правду, сего властью и хождением и милостью удержажом скифетры Росийского царствия, мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [*следует полный титул*] государя Стефана [*следует полный титул*] пану Яну Еронимовичю Хоткевича, кграбя на Шклове и на Мыши, пану Виленскому старосте Жемоитицкому, маршалку земскому великого княжства Литовского, старосте Кобеньскому и державце Плотельскому и Тельшовскому слово наше то.²

Мужю храбрый и велемудрый и дородный, достоин еси в роде начальнейшее быти и начальствовать! Издавна бо слышах храбрство твое и дивихся и похвалях и исках еже любити тя и жаловати на много времена и различна. Сему не даст быти, но и тогда, егда к нам через Лифлянскую землю без короля писал еси,³ ныне же благоволением Божиим, яко же рече апостол Павел: «во время благоприятно послушах тебя, и в день спасения помогах ти, се ныне время благоприятно, се день спасения, ни единого же, ни в чесом же, дающе претыкания»; сего ради восписую ти.

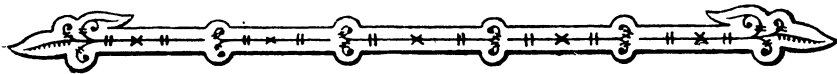
Тричисленного божества и во единстве поклоняемого милостию, со крестоносною хоругвию ходили есмь своей отчины очищать и дозрети, и ныне вседержительною божиею десницею и силою животворящего креста отчина вся Лифлянская земля учинилась в нашей воле. А ты писался администратором и гетманом Лифлянские земли, ино то у тебя отошло, и ты б, муж велеразумный и храбрый, о том не сумневался, занеже бог дает власть, емуже хочет. А сие было имя ещо государственное, к тебе и неприлично (а ты от роду великих панов, так мы, тешачи тебя, пишем к тебе кграбя, а и то так же к тебе неприлично). А убытка тебе здесь ни в чом нет, лише слово твое было, и ты б о том не кручинился, занеже слово мимощественно, а не постоянно. Слышах твое велеразумие и храбрость под Улою и дивихся, и то храбрѣски еси учинил;⁴ а в Лифлянскую было землю вступатися напрасно. И сего ради пишу велеразумью твоему; дай бо, рече, премудру вину, премудрее будет, скажай^а праведному и приложит примати. Сего ради убо тебе, премудрому человеку, о сем не подобает смущатися и сия смущения отложить, и промыслиати о покое христианском, и государю б еси Стефану королю Полскому говорили, чтоб он наши вотчины Лифлянские земли не воевал и ничем не зацеплял. Так бы и ты досаду свою отложил. Да ещо и пословица та нехороша, что «одми толко ководмет», ино тому живет лихо.⁵ И ты б добр здоров был, да и ты б сам нашей отчине Лифлянской земле шкот никаких не делал.

А тово бы слова у вас не было, как в Полотцку, — где нашего коня ноги^б не стояли, ино то не наша земля, а в нашей отчине в Лифлянской земле во многих местах нет того места, где б не токмо коня нашего ноги — и наши ноги не были, и воды, в котором месте из рек и изо озер не пили есмь; но все то з божиею волею под наших коней ногами и под нашим житием учинилося.^б Так же б и того слова не было, что мы чрез перемирье в Лифлянскую землю вступились, ино то слово ложно. Николи тово слова не бывало, имянно что с Лифлян-

скою землею мир, а мы нынешним своим походом Литовские земли ничем не зацепляли, и не изобидили. И ты б сам государю своему говорил и братье своей паном радам говорил же, и вместе ся с своею братьею с паны радами государю своему Стефану королю^в говорили, чтобы государь ваш послов своих слал к нам не мешкаючи, а мы с ним миру и доброго пожития хотим, как будет пригожее. А он бы нас почтил чем пригожее, занеже без почестивости братству нашему статися с ним невместно.⁷

Писан в нашей отчине Лифлянские земли во граде в Волморе, лета 7086, сентября в 12 день, индикта 6, государствия нашего 43, и царств наших: Росийского 31, Казансково 25, Астороханского 24.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1577)

Такова грамота послана от государя из Володимерца же ко князю Андрею к Курбскому со князем Александром с Полубенским¹

Всемогущие и вседержительные десница дланию содержащаго всея земли конца господа бога и спаса нашего Исуса Христа, иже со отцем и святым духом, во единстве покланяема и славима, милостию своею благоволи нам удержати скифетры Росийского царьствия смиренным и недостойным рабом своим, и от его вседержавныя десница христоносныя хоругви сице пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси [*следует полный титул*] — бывшему нашему боярину и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Воспоминаю ти, о княже, со смирением: смотри божия смотрения величество, еже о наших согрешениях, паче же о моем беззаконии, ждый моего обращения, иже паче Манасия беззаконовах, кроме отступления. И не отчеваюся создателя милосердия, во еже спасену быти ми, яко же рече во святом своем евангелии, яко радуется о едином грешнике кающемся, нежели о девяносто и девяти праведных, тако же о овцах и о драгмах притчи. Аще бо и паче числа песка морскаго беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия божия: и может пучиною милости своя потопити беззакония моя. Яко же и ныне грешника мя суща, и блудника, и мучи-

теля, помилова и животворящим своим крестом Амалика и Максентия низложи.² Крестоносной преходящи хоругви и никакая же бранная хитрость непотребна бысть, яко ж не единая Русь, но и немцы, и Литва, и татарове, и многие языцы сведят. Сам прося их, уведай, имъже имя написати не хочу, понеже не моя победа, но божия. Тебе ж от^а многих мало воспомяну, вся бо досады, яже писал еси ко мне, прежде сего восписах ти о всем подлинно; ныне же от многа мало воспоминати. Воспомяни убо реченное во Иове: «обшед землю и прокожу поднебеснѹю»; тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Олексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Рускую землю видети; бог же дает власть, емуж хочет.

Писал еси, что яз разтлен^б разумом,³ яко ж ни в языцех имянуемо, и я таки тебя судию и поставлю с собою: вы ли разтленны, или яз^в, что яз хотел вами владети, а вы не хотели под моею властїю быти, и яз за то на вас опалялся? Или вы разтленны, что не токмо похотесте повинны мне быти и послушны, но и мною владесте, и всю власть с меня снясте, и сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел. Колики напасти яз от вас приял, колики оскорбления, колики досады и укоризны! И за что? Что моя пред вами исперва вина? Кого чим оскорбих? То ли моя вина, что Прозоровскаго полтораства четье Федора сына дороже? ⁴Попамятуй и посуди^г: с какою есть укоризною ко мне судили Сидково с Прозоровским, и как обыскивали, кабы злодея! Ино та земля наших голов дороже? И сами Прозоровские каковы перед нами^а? Ино то ужмы в ногу их не судны!⁴ А у батюшка, за божїим милосердіем и пречистые богородицы милостию, и великих чудотворцев молитвою, и Сергиевою милостию, и батюшковым благословением, и у меня Прозоровских было не одно сто. А Курлятев был почему меня лутче? Его дочерям всякое узорочье покупай, — благословно и здорово, а моим дочерем, — проклято да за упокой.⁵ Да много того. Что мне от вас бед, всего того не исписати.

А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не⁶ отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было.⁶ А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, — ино вси есмя человецы. Ты чево для понял стрелецкую жену?⁷ Только б есте на меня с попом не стали, ино б того ничево не было: все то учинилося от вашего самовольства.⁸ А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? Яз восхищеньем ли, или ратью, или кровью сел на государство? Народился есми божиим изволением на царство; и не мню того, как меня батюшка пожаловал благословил государством, да и взрос есми на государстве. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государству, которое его поколение, развеявшие измены к нему, да его дурости? Что моя вина перед ним? Что ваши ж дяди и господины отца его уморили в тюрьме, а его и с матерью⁹ тако ж держали в тюрьме. И я его и мать³ от того свободил и держал во чти в урядстве; а он был уже от того и отшел. И яз такие досады стерпети не мог, — за себя есми стал.⁸ И вы почали против меня болши стояти да изменяти, и я потому жесточайше почал против вас стояти. Яз хотел вас покорити в свою волю, и вы за то как святыню господню осквернили и поругали! Осердяся на человека, да богу ся есте приразили. Колико церквей и монастырей и святых мест испоругали естя и осквернили! Сами о том богу ответ воздадите. О сем же паки умолчю; ныне о настоящем восписую ти. Смотри, о княже, божия судьбы, яко бог дает власть, ему же хочет. Вы убо, яко диавол, с Селивестром с попом и с Олексеем с Адашевым рекосте, яко же он во Иове хваляся: Обыдох землю и прошед поднебесную, и поднебесную под ногами учиних (и рече ему господь: «внят ли на раба моего Иева?»). Тако убо и вы мнесте под ногами быти у вас всю Русскую землю; но вся мудрость ваша ни во что же бысть божиим изволением. Сего ради трость наша наострися к тебе писати. Яко же рекосте: «несть людей

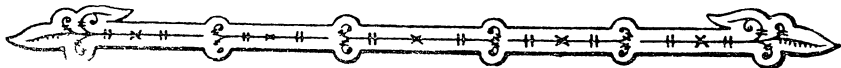
на Руси, некому стояти», — ино ныне вас нет, а ныне кто претвердые грады Германские взымает? Но сила животворящаго креста, победившая Амалика и Максентья, грады взымает. Не дожидаются грады Германские бранного бою, но явлением животворящаго креста поклоняют главы своя. А где по грехом, по случаю, животворящаго креста явления не было, тут и бой был.⁹ Много отпущено всяких людей: спрося их, уведай.

А писал себе в досаду, что мы тебя в дальноконья грады, кабы опаляючися, посылали,¹⁰ — ино ныне мы з божиею волею своею сединою и дали твоих дальноконных градов прошли, и коней наших ногами переехали все ваши дороги, из Литвы и в Литву, и пеши ходили, и воду во всех тех местех пили, — ино уж Литве нелзе говорити, что не везде коня нашего ноги были. И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес; а мы тут, з божиею волею сугнали, и ты тогда дальноконнее поехал.¹¹

И сия мы тебе от многа мало написахом. Сам себе разсуди, што ты и каково делал, и за что и божия смотрення величества о нас милости разсуди, что ты сотворил. Сия в себе разсмотри и сам себе раствори сия вся. А мы тебе написахом сия вся, не гордяся, ни дмяся — бог весть; но к воспоминанию твоего исправления, чтоб ты о спасении душа своя помыслил.

Писан в нашей отчине Лифлянские земли, во граде Волмере, лета 7086 года, государствия нашего 43, а царств наших: Росийскаго 31, Казанскаго 25, Астороханскаго 24.

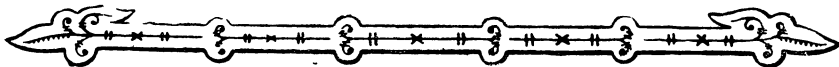
ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ (1577)

Такова грамота послана к Тимохе
к Тетерину

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и многих земель государя к Тимофею Тихану Иванову сыну Пухову Титерину.

Что писал еси прежь сего к нашему боярину и воеводе и наместнику Юрьева Лифлянского к Михаилу Яковлевичу Морозову, что он, сидя в стрелнице, а к тебе посылал грамоты с прещением, а его наместничество Юрьевское таково, что мы, ему не верячи, держим жену и дети в закладе,¹ — ино ты, рострига богатырь, Изборок изменою взял², чево для ныне за Двину в Литву побежал, а ни в котором стрелнице не удержался? А в том опалном наместничестве, в Юрьевском, ныне мы сами сидим. А вам ныне пригожее на покое том нас туто дождатися, и мы б вас от всех ваших бед упокоили. А нечево к тебе к страднику и много и писати. Какову еси страдничую...³ и делаешь, и каковы еси грамоты к нам привозил от Андрея от Шеина,³ коли первое с маистром наши люди виделися в нашей отчине Лифлянской земле.

Писан в государя твоего, в князя Ондreja Курбского⁴ убежище, в нашей отчине Лифлянской земле во граде Волморе, лета 7086, сентября в 12 день.

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ (1581)

А се грамота от государя х королю з гонцом
его с Хриштопом з Дершком¹

Всемогуция святыя и живоначальныя троицы, отца и сына и святого духа во единстве покланяемаго, истиннаго бога нашего, всеодержительныя десницы его непобедимые милостию мы, смиренный Иван Васильевич сподобихомся носители быти крестононосные хоругви и креста христова Росийскаго царствия и иных многих государств и царств и скифетродержатель великих государств царь и великий князь всеа Русии [*следует полный титул*] по божью изволенью, а не по многоятежному человечества хотению,² Стефану божьею милостию, королю Польскому, и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемойцкому, Мазовецкому, княже Седмиградцкому и иных.

³Что прислал еси к нам гонца своего Хриштофа Держка з грамотою, а в грамоте своей к нам писал еси, что послы наши великие, дворянин наш и наместник Муромской Остефей Михайлович Пушкин, а дворянин наш и наместник Шацкой Федор Писемской, а дияк Иван Ондреев сын Трифанова до тебя пришли з листом нашим верующим, в котором пишем до тебя, абых ты им веру дал, чтоб они именем нашим тебе мовили. Якож они объявили тебе, иж з зуполною наукою пришли на покой хрестьянский становити, а кгда еси позволил им

с паны радами твоими намовы чинити, они чотыре замки в земли Лифлянской—Новгородок Лифлянский, Серенск, Адеж и Ругодив в сторону нашу мети хотели и ещо домовлялися к тому городов, которые прошлого лета за помощью божьею в руки твои пришли, зачем, дела не зделавши, отправлены от тебя быти мели. А затым просили, абых еси дозволил им послати до нас по науку о всех делах, которые им объявлены от тебя, каковым обычаем меж нами приязни статися пригоже, чего еси им позволил. И нам бы, углянувши в писанье своих послов, во всех тых речах науку достаточную им дати и мощь супольную на листе своем отвористом прислать, за которым бы листом послы наши дела таковые становити и доканчивати могли на покой хрестыанский к утверждению приязни и братства меж нами; а тебе бы имоверно ку застановенью покою приходить. А посылати бы нам до послов своих с наукою и с мощью супольною и достаточною не мешкаючи, гды ж тебе войска собранные держати в панстве своем шкода, а приведши их ближе ку границе, тогда бы и нашему панству от них без шкоды не было. А что еси послом нашим велел припомянуги и город Себеж на земли Полоцкой збудованный вчинил еси, то не для которого пожитку, толко для тово, абы приязнь поставленная свовольными людьми меж нас не была нарушена, кгда ж около Себежа везде села и люди полоцкие суть; а нам бы миритися меж себя так, как бы дело доброе непорушне утвержалося на добро хрестыанское, а меж нас бы приязнь множилася. Ведь же то пуцаешь на баченье а уважение наше, а ты для добра хрестыанского тым малым делом болших дел порушити не хочешь. А которые люди твои невинные купецкие задержаны суть в земли нашей, и тых абы нам со всеми маетностями их теперь доброволне выпустити казали, чим тебе знак приходности твоей ку доброму с тобою пожитью окажем. А с сим листом с своим послал еси до нас дворянина своего Хриштофа Дершка и нам бы, ничем его не задерживая, к тебе отпустить, иж бы он на рок, который еси послом нашим значил, до тебя быти не омешкал.³

А послы наши, дворянин наш и наместник Муромской Остафей Михайлович Пушкин с товарищи, писали к нам, что, паны твои рада им от тебя говорили, что тебе с нами инако не мириватися, развие чтоб нам тебе поступитися всею Лифляндские земли до одново волока; а Велиж и Усвят и Озерища то готово у тебя, да город Себеж разорити, да четыреста тысяч золотых червонных за наклад твой дати тебе, что ты наряжаяся ходил нашии земли воевати, а Луки Великие^а и Заволочье и Ржева пустая и Холм за хрептом в молчаньи покинули. И мы таково превозношенья не слыхали нигде и тому удивляемся: то ныне миритися хочешь, а такое безмерье паны твои говорят, а коли будет розмирица и тогда чему мера будет? Панове рада говорили нашим послом, что они приехали и торговати Лифляндскую землею. А ино наши послы торгуют Лифляндскую землею, ино то лихо, а то добро, что панове твои нами и нашими государьствы играют да делают гордяся, как чему сстатися нельзя? А то не торговля — розговор.⁴

А коли были прежние государи на том государстве хрестыянские побожные, почен от Казимера и до нынешнего Жигимонта Августа, и они о кроворозлитии хрестыянском жалели и послов своих к нам посылавали, и наши послы к ним хаживали, и наши бояре с их послы розговорные речи говаривали, а их королевские послы рада с нашими послы розговорные речи говаривали и многие приговоры дельвали, чтоб как на обе стороны любо было, а хрестыянская бы кровь невинная напрасно не проливалася, а меж бы государей мир и покой был, — тово искали прежние паны рада. И съезжаютца много и побранятца с послы, да опять помирятца, да делают долго, а не одним часом обернут. А ныне видим и слышим, что в твоей земле хрестыянство умалаетца, ино потому: твои панове рада, не жалеючи о кроворозлитии хрестыянском, делают скоро. И ты б, Стефан король, попометовал на то и разсудил — хрестыянским ли то обычаем так делаетца?

Как еси присылал к нам своих великих послов, воеводу Мазовецкого Станислава Кръжского с товарищи,⁵ и они на

чом с нашими бояры договорилися, да и грамоту, твое слово, написали, какову хотели по своей воле, и на той грамоте крест целовали и печати свои к той грамоте привесили на том, что было тебе написать грамота своя такова, какову твои послы написали у нас на Москве, и печать свою к той грамоте привесити⁶, и перед нашими послы на той грамоте к нам крест целовати⁸ и по той перемирной грамоте тебе к нам до тех урочных лет и правити и послов наших с тою своею грамотою не издержав к нам отпустить.

И мы по приговору послов твоих з бояры с нашими⁶ послали к тебе послов своих, дворецкого Тверского и наместника Муромского Михаила Долматовича Карпова да казначея своего и наместника Тульского Петра Ивановича Головина, да дьяка Тарасья-Курбата Григорьева сына Грамотина доделывати тово дела, что послы твои зделали, и у тебя перемирную грамоту взяти и на той грамоте тебя х крестному целованью привести. И нашего большого посла Михаила Долматовича Карпова не стало неведомо⁷ какими обычеи, а товарищи его, казначей наш и наместник Тульской, Петр Иванович Головин, да дьяк наш Тарасей-Курбат Григорьев сын Грамотина, как к тебе пришли, и ты то ни во што поставя, через присягу послов своих, по их приговору делати не похотел и, наших послов обесчестя, посадил еси их за сторожи, як вязней, в великой нуже. А что наши послы тебе посольства не правили, и они, видя твою гордость, что еси против нашего имяни не встал и о нашем имени сам не спросил, не смели без нашего ведома тебе тое гордости стерпети. А вперед уже как ни гордися, то тебе уже не встрешно будет. А к урядником твоим послом нашим у себя на подворье посольство было правити не пригоже; тово из предков твоих не бывало. Да о том много говорити ныне несть потреба. А к нам еси прислал гонца своего Петра Гарабурду з бездельною грамотою,⁶ а сам еси почал на нас изо многих земель рать копити. А которую еси грамоту к нам прислал с Петром с Харабурдою, и в той своей грамоте писал еси, чтобы нам то дело, которое

твои послы зделали, отставити, а к своим послом новой наказ свой послати, и велети им изнова делати о Лифлянской земле. И то где ведетца, чтоб целовал крест, да порушит его? Хотя послы что и не гораздо зделают, а то не рушитца, терпят то до урочных лет; послы проделаютца, ино на них за то опалу кладут, а что зделают, тово никак не переделывают и нигде тово не переделывают, а крестного целованья не переступают. Не токмо что во хрестьянских государствах тово не ведетца, чтобы так через крестное целованье делати, как ты захотел делати (а зовучися государем хрестьянским, а не по хрестьянскому обычаю захотел еси делати, поругаючися нашему крестному целованью, что мы к тебе на грамоте крест целовали, и через присягу послов своих, которое они учинили за твою душу, и через все то да изнова делати — и тово нигде не ведетца!), а и в бесерменских государствах не ведетца,⁷ чтоб роту и правду переступити; хотя и в бесерменех, и государи дородные и разумные, то держат крепко и на себя похулы не наведут, а хто порушит правду, и они тех укоряют и хулят и нигде правды не переступают. А и в предках твоих тово не бывало, чтобы порушити то дело, на чом послы зделают, как ты учинил новую причину! И в книгах своих во всех вели искати — ⁸ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимере, ни при Ольбрехте, ни при Александре, ни при Жигимонте Первом, ни при нынешнем Жигимонте Августе — и николи тово не бывало, как ты учинил новую причину. А коли тех прежних государей пишешь предки своими,⁸ и о чем по их уложению не ходишь, а свои обычеи новые всчинаешь, которые приходят к неповинному кроворозлитию хрестьянскому? А те все прежние предки твои, что послы их зделают, то не рушивали. И мы, слышавши таковое неподобное дело, твоего гонца Петра Гарабурду позадержали, а чаючи тово, что ты на подобное дело сойдешь и то дело доверишишь с послы с нашими.

И нам учинилось ведомо, что ты на рать подвижен. И мы твоего гонца Петра Гарабурду к тебе отпустили, а с ним

к тебе отпустили своего гонца Ондreja Михалкова з грамотою,⁹ а в грамоте своей к тебе писали есмя, что тому сстатися нельзя, что, порушив крестное целованье, да изнова делати; и ты б то дело с нашими послы доделал, как твои послы приговорили с нашими бояры, а о Лифлянской земле слал бы еси к нам иных своих послов, и мы с ними велим бояром своим делати как пригож. И ты тово не послушав, больма на ярость подвигся еси и, злавав присягу послов своих, наших еси послов выбил из своей земли кабы злодеев, не дав им своих очей видети. А за ними вборзе прислал еси к нам гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою, а в ней про наше государство многие неправые слова писал еси и нас укоряя, о них же несть нам потреба писати подробну, а после того гонца нашего Ондreja к нам отпустил еси, а с ним свою грамоту прислал еси так же яряся.¹⁰ А сам пришел еси со многими землями и с нашими израдцами, с Курбским и з Заболоцким и с Тетериным¹¹ и с ыными с нашими израдцами ратью. И нашу вотчину город Полоцко израдою взял еси: наши воеводы и люди против тебя худо билися и город Полоцко тебе израдою отдали. А ты, идучи к Полоцку, грамоту свою писал еси ко всем нашим людям, чтобы нам наши люди израживали, а тебе з города подавалися и с месты, а нас еси за наших изменников карати хвалился. А надеешься не на воинство, на израду!¹² А мы тово не чаючи, что тебе так учинити, надеючися на крестное целованье послов твоих (чево из веку не бывало, как ты учинил!), пошли были есмя своей отчины очищати Лифлянские земли. И как мы пришли в свою отчину во Псков, и нам учинилося про тебя ведомо, что ты пришел к нашей вотчине к Полоцку ратью, и мы, не хотячи через крестное целованье с тобою кровопролитства делати, сами против тебя не пошли и людей больших не послали, а послали есмя в Сокол немногих людей проведати про тебя. И пришедши под Сокол воевода твой Виленской со многими людьми, город Сокол новым умышленьем зжег и людей побил и мертвым поругалися беззаконным обычаем, чево ни в безверных не слы-

хано: убьют ково на бою да покинут, ино то ратной обычей; а твои люди собацким обычаем делали, выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них брюха възрезывали, да сало и жолчь выимали как бы волховным обычаем.¹³ Пишешь и зовешся государем хрестьянским, а дела при тебе делаютца не прилишны хрестьянскому обычею: хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром деяти. И мы еще будучи в терпении, а чаючи тово, что ты меру познаешь, поволили бояром своим с твоими паны обослатися, да и сами с тобою обсылалися есмя и не одинова. И ты вознесся безмерьем и как из предков твоих велося, по тому еси делати не похотел, и по прежним обычаем послов своих к нам послати не похотел еси, а сам еси учал на нашу землю наряжати ратью. А которую еси грамоту к нам прислал з гонцом своим с Венцлавом с Лопатинским и в той твоей грамоте написано, что послы наши «перед маистад твой возвани», ино то кабы некоторые незнаемые сирота, а не послы, и приведши их, кабы сирот, поставили у предверного подножия и оттудова яко на небо подобно богу беседовати; таково наших послов «пред твоим маистатом ставление» и твоей гордыни превозношенье! Да и во всех землях тово не слыхано; хоти и не от великого государя послы придут к великому государю, не токмо от ровного, и они послов держат посольским обычаем, а не за простых людей место, ни за данщиков место, «перед маистатом» их не ставят.¹⁴ Также и с наших бояр человеком с Левою с Стремоуховым прислал еси к нам свою грамоту опасную на наши послы (а твои панове рада писали к нашим бояром, чтобы мы к тебе по той твоей опасной грамоте послали послов своих), а та твоя опасная грамота писана не тем обычаем, как пишутся опасные грамоты послом: та твоя грамота писана кабы молодым купецким людем через твое государство проезжая. И такова твоя высость чему уподобити? И к своему ты воеводе Виленскому так укоризнено не пишешь, как та грамота писана.¹⁵ А такие есмя укоризны не слышали ни от турецкого, ни от иных бесерменских государей-

И мы еще для кровопролитства хрестьянского в терпении будучи, посылали есмя к тебе дворянина своего Григорья Офонасьевича Нащокина з грамотою, а в грамоте своей к тебе писали есмя, чтобы ты по звыклому обычею послал к нам послов своих. А речью есмя с своим дворянином к тебе призывали, толко ты не похочешь по звыклому обычею послать к нам послов своих, и ты б к нам прислал на наши послы свою опасную грамоту подобную, а не такову, как с Левою с Стремоуховым, и мы к тебе послов своих и через прежние обычеи часа того пошлем, а ты б наших послов дождался в своем государстве. ¹⁶И ты нашего дворянина Григорья к нам отпустил, а с ним к нам прислал еси свою грамоту и послов своих по звыклому обычею к нам послати не похотел еси. А в своей грамоте писал еси, чтобы мы к тебе послали своих послов, да и опасную еси грамоту на наши послы прислал, а срок еси учинил нашим послом у себя быти, как невозможно не токмо что послом поспети, ни гонцу к тому сроку не бывать. ¹⁶ А сам еси как отпуща нашего дворянина Григорья, хотя видети кроворозлитье хрестьянское, тотчас на конь сел, не дожидаяся наших послов, пошел еси на нашу землю ратью. А тово при предках твоих николи не бывало, что послы идут, а они бы ратью шли, — нолны послы чево не зделают, ино то толды рать пойдет, да и тут не скоро. А ныне при тебе за мечем миритись, ино то которой мир?

¹⁷И мы видячи твое нежаленье о хрестьянстве, послов есмя своих к тебе послали наскоро — стольника своего и наместника Нижегородцкого князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, да дворянина своего думного и наместника Елатмовского Романа Михайловича Пивова, да диака своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали есмя к тебе парабка своего молодого Федьку Шишмарева з грамотою, чтобы еси наших послов подождал в своей земле. И тот наш гончик встретил тебя на дорозе блиско Витепска, и ты на тое нашу грамоту ни поглянул, а сам еси пошел на нашу землю ратным обычаем,

ничего не опуская, не жалея крови крестьянские. И мы велели своим послом к тебе и в рать итти, чеве нигде не ведетца, что в рати послом быти. И мы и тут тебя тешили, да не утешили, и ты наших послов не подождал и в Витепске и пошел еси на нашу землю ратью, а наших послов велел еси за собою вести тихо. А в те поры наши изратцы Велиж и Усвят и Озерница по твоим жаловальным грамотам твоим людем отдали, а сам еси пошел к Лукам, а наших послов велел еси за собою вести. И, пришед к Лукам, учал еси приступати, а нашим послом велел еси в те поры посольство правити, и тут которому посольству быти? Такая великая неповинная кровь христианская розливаетца, а послом посольство делати! А паны твои рада, к нашим послом приходя, говорили, урезывая одним словом: любо зделай, так ино будет мир, а не зделают так, как паны говорят, ино миру нет. А и так которой мир? Паны с послы в шатре говорят о миру, а в те поры по городу без престани бьют; о чом послом с паны с твоими делати? А ты все то и поимал, и послом уж и посольствовати нечего, — ано уже посольство их все изрушилося!¹⁷ А к нам еси прислал гонца своего Григорья Лазовицкого з грамотою и с ним отпущал нашего сына боярского Микифора Суцова, и тут писал еси неподобное дело, чему сстатися не мочно, а другово еси гонца своего Гаврила Любощинского прислал к нам¹⁸ з грамотою, что взял еси Луки, кабы грозя нам и похваляясь. Да сроки чинишь неподобные, как поспеть немочно не токмо что нашим гонцом к тебе, ни твои гонцы к тем сроком к нам не приезжают, а ездят дорогами лениво, а в том невинная кровь христианская розливаетца. И такой непобожности ни в бесерменских государствах не слыхано, чтоб рать билася, а послы посольствовали. Коли послы, и они посольство делают, а коли захотят воевати, и они что нибуди вставят да посольство порвут, да ратью пойдут. ¹⁹И волочил еси наших послов за собою осень всю, да и зиму всю держал еси их у себя, и отпустил еси их ни с чем, а тем всем нас укоряя и поругаяся нам. А что твои паны рада говорили нашим послом под Невлем и на чом

хотели толды делати, да как у тебя были послы наши в^а Варшеве и паны твои рада по тому не захотели делати. А в кою пору приходили твои паны рада к нашим послом с ответом, и в ту пору с ними пришли твоих людей человек с сорок, а паны твои рада нашим послом сказали, что то твоя меньшая рада. И тово ни при которых твоих предкех не бывало, чтобы тут опричь панов радных иншие люди были. И то знатно, что твои панове рада всю землю наводят на кроворазлитие хрестыанское, жадаючи крови розливати хрестыанские. А то твои панове, жалеючи ли о крови хрестыанские, нашим послом в^а Варшеве говорили: «которые дела под Невлем мы с вами, а вы с нами говорили и чего есте просили, что против того объявили, и по тем мерам на покой хрестыанству^о статися не может, — а после того уж пролилося долгое время и наклады государю нашему и утраты починилися в воинстве немалые; взял государь наш у государя вашего после того Заволочье, а ныне уж почал государь наш воинство свое збирати изнова, и то ведь не без накладу ж»? ¹⁹ И то хрестыанское ли дело, твои панове говорят, а о кровопролитстве хрестыанском не жалеют, а о накладе жалеют? А коли тебе убыток, и ты б Заволочья не имал, хто тебе о том бил челом? А то не жадание ли кровопролитства — послов у себя держи, а дела с ними не делай, а от своего брата обсылки не жди, а воинства изнова збирай, да то розчитай в наклад? Хто тебя заставляет так убычитца?

А как отпустил еси к нам послов наших, и ты с ними к нам приказывал, толко мы с тобою похотим доброго дела, ино есть еще коли послов нам к тебе послати. И мы еще в терпеньи будучи, а чаючи того, что ты узнаешься и безмерье отставишь и на меру сойдешь, и послали есмя к тебе других послов, дворянина своего и наместника своего Муромского Остафья Михайловича Пушкина с товарищи. И ты и тут на подобную меру не пришел, высокою мыслью обнялся, приказывал еси с паны радами своими к нашим послом, что тебе инако с нами не мириватися без всее Лифлянские земѣи и без наряду, что в тех городах, да Себежа бы нам тебе ж поступитися, а Велиж

и Невль готовы у тебя; а Луки и Заволочье и Холм, то за хрептом покинуто, и Озерища и Усвят. Да к тому бы еще нам тебе заплатить твой подъем, как еси наряжался на нашу землю, а тово чetyреста тысяч золотых червонных, а помиритца бы вечным миром. А будто ты присягал на том, что тебе отыскивать у нас Лифлянские земли и иных давно зашлых дел, которые еще при великом государе блаженные памяти Иванне, деде нашем, и при Александре короле дела делались.

И коли тому так быти, ино то что за мир? Ныне казну у нас взявши, да обогатев, а нас изубытчивши, да на нашу казну людей нанявши, а землю нашу Лифлянскую взявши, да в ней наполня своими людьми, да немношко погода, да собрався того сильнее да нас же воевать, да и достальное отнять! Ино и не миряся тоже делать и невинная кровь крестьянская разливати! Ино то знатно, что хочеш безпрестани воевать, а не миру ищешь; мы б тебе и все Лифлянские земли^ж поступилися, да ведь тебя не утешить же, а после того тебе кровь проливати же! Во се и ныне — у первых послов наших чего еси не просил, а с нынешними с нашими послы и ты прибавил Себеж, и ты, тебе дай то, и ты взмеришься да иного запросишь, да ни в чом меры не поставишь, да не помиришься. Мы ищем того, как бы кровь христианская уняти, а ты ищешь того, как бы воевати да кровь христианская неповинная проливати. Ино чем нам с тобою помиритца, а ведь не миряся тому же быти. А то все ныне при тебе делаетца не по христианскому обычаю! А писали есмя к тебе о том и не одинава, чтоб еси к нам прислал своих послов по прежним обычаем, ино бы ранее кровопролитство неповинное христианское унялося. А нашим послом мирново постановенья не уметь зделати потому: мы с которым делом к тебе послов своих пошлем и ты по тому не похочешь делати, да иное дело вставишь, да порвав, да воевать; да х тому еще послов просишь, а сам за все на коне готово сидишь, а сроки покладываешь с бесерменского обычая, как не можно поспеть. Во се и ныне: мы то уже чаяли, — тебя утешили, и послали послов своих со всем с тем, как тебе

надобно, и ты того всего не полюбил, да вставя, которому делу не пригоже делатися, да дела не делавши, сам еси на конь сел да пошел на нашу землю ратью. Ино потому так и ссталося, как мы к тебе писали, что нашим послом николи у тебя доброва дела не зделати.

А что о нашей вотчине о Лифлянской земле и то сставлено не по правде, что она твоя; и николи тово не можешь указать — от Казимера ни при которых предкех твоих — чтоб она была х коруне Польской и к великому княжеству Литовскому. А будет у тебя тому письмо есть или какое утверждение и ты пришли к нам, и мы тово посмотрим, да по тому учнем делати как пригоже. И тебе того не уметь указать! Развее как люторство в твоей земле учинилося, ино о Лифлянской земле начал воевода Виленской пан Миколай Янович Радивил и иные паны рада для кровопролитства хрестыанского.²⁰ От лета семь тысяч шездесят семаго, как присылал король Жигимонт Август послов своих воеводу подляшского пана Василья Тишкевича с товарищи, а с ними к нам приказывал о лифлянтех, кабы о чюжой земле: что государь их им поручил, не толко меж собою и нами постановенья учинити, но и все хрестыанство в покое рад видети; а ведаючи то, что мы валку ведем з законом Рещи Немецкие земли и Лифлянтские³, чеве не опустят цесарь и Реща Немецкая, а к тому, что княже Брандборский Вильгер, арцыбискуп Рижский — кровный его, для которого кривды на ту землю прошлого году тягнул, докуды ся узнали в своем выступе и его просили и он, привернувши князя арцыбискупа во все прежнее его достоинство, и их просьбу принял, а их земли не казячи, что крестьяне суть, про то и нас напоминает, чтобы есмя стерегли кровопролитья хрестыанского, а лутчи со князем арцыбискупом Рижским, с кровным его, покойне ся заховать. И ты б посмотрил тово: коли бы та Лифлянтская земля была х коруне Польской и к великому княжеству Литовскому, и он бы ее припомянул, а то её не припомянул ничем и своею её не назвал, приказывал об ней кабы чюжой, а и на них ходил войною не для своего

۱۷. $\frac{1}{x^2} = x^{-2}$ $\frac{d}{dx} x^{-2} = -2x^{-3} = -\frac{2}{x^3}$

покоренья, — для своего кровного, архиепископа Ризского Вильгерма, что его лифлянты поизобидили, и он за его обиду ходил, а не за то чтоб ему повинны были. А и сам написал, что «их земли не казючи», — памятуй же на то, что «их земли», а не своей. А после того прислал к нам король Жигимонт Август лета семь тысяч шестьдесят осмага своего посланника Мартына Володкова, и с ним к нам приказывал о Лифлянской земле, что она издавна предком его от цысарства хрестьянского подданна ко отчинному панству их к великому княжеству Литовскому под мочь и в оборону. И ты б, Стефан король, rozsудил; пригоже ли так государем неодностайные речи ²¹ говорить: с послы своими приказывал кабы о чужой земле, а тут уже приказал, что будто ему от цысарства поддана, да и почал ее своею называти! А в грамоте своей писал, что княжате, мистр Кетлер и иные, втеклися припадаючи до майстаду его. И такое неправое дело панове рада коруны Польские и великого княжества Литовского уделавши, и почали называть Лифлянскую землю своею подданною и вослали в неё своих ротмистров, баламутов. И коли бы то правда была, ино бы одно слово было, а то разными словы, ухищряючи, говорили и писали, чем бы приметатися к Лифлянской земле и неповинная кровь хрестьянская проливати. И после того панове твои учили говорити, будто мы через присягу вступилися в Лифлянскую землю, а тово не могут указати и по ся места, на какове то мы листе присегали. И после того почали паны твои рада говорити, что мы присягу и листы свои опасные порушили, а вступилися в Лифлянскую землю, а мы того ничего не рушили, и в грамотах в перемирных с предки с твоими нигде не написана ни в которую сторону, и в листех опасных нигде того не написано, что нам своей отчины Лифлянские земли не очищати. Будет пак у тебя твоих предков о Лифлянской земле, наших прародителей и наши грамоты есть какие, и ты их пришли к нам, или письмо с них пришли к нам, и мы уже болши того о Лифлянской земле и не говорим, а то опроче кровопролитства оправдания у тебя нет ни которого. А чего

в писме нет, и то которое дело рушити; ано его и не бывало, и чего не бывало, и то что рушити? А у панов твоих то и слово: о лифлянты воюет, порушил присягу, порушил опасной лист. А коли та земля особно стояла, а были оне наши данщики и были в ней мистр и арцыбискуп и бискупы, а по городом^а были князцы, а Литовского человека и иных господарств жаднаго в них человека не бывало: и тогда з Литвою присега и опасные листы рушены же ли были? И хто ими владел, литовские же ли ротмистры? И тебе того не мочи указати! А коли они не разорены были, и к нам присылали бити чолом, сами з нашими вотчинами, каковы сами, з Великим Новым-городом и со Псковом в своих сплетках мир имали. И в тех их^а челобитных писано, что они нам в том добили чолом, что они приступали к королю Польскому и к великому князю Литовскому, и им вперед к королю Полскому и к великому князю Литовскому никак не приставати, и ничим не помагати. А похош того посмотреть, и мы к тебе с тех их грамот послали списки в сей же своей грамоте.²² А, будеть, похочеш тех самых грамот посмотреть, и ты пришли посмотреть своих великих послов, и мы им тые грамоты за печатями покажем, как Лифлянты нашим прародителем и деду нашему блаженныя памяти великому государу Ивану и отцу нашему блаженныя памяти великому государу Василью и цару всея Руси, били чолом за свои вины, и как они от коруны Полское и от великого князства Литовского отписалися. И коли бы то была земля Лифлянтская к Полще и к Литве — и лифлянты бы так в своих челобитных грамотах не писали. О чем пак предкови твои их от того не встягивали, что они к прадеду нашему, блаженныя памяти к великому государу Василью Васильевичу²³ присылали бити чолом в лете шесть тысяч девятьсот шестьдесят осмом, про которого ты пишеш, будто он с Казимером королем о Великом Новгороде постановенье вел? И коли бы та реч слушна была, ино бы через Новгород лифлянты к прадеду нашему не присылали бити чолом. Также и к деду нашему, блаженныя памяти великому государу

Иоанъну, и к отцу нашему блаженный памяти к великому государу Василью, царю всея Руси, и к нам многижда присылали бити чолом, и ты было приходы послов их и чолобитъя к нам на Москве посполитому наряду всяких вер и чужеземцом ведома не тайно, явно. А предки твои к прародителям нашим и к нам о том не писывали, еще мы были и не в свершеном возрасте, чтобы мы их челобитъя не принимали, и в них не вступалися, и своими лифлянтов не называли, и коли бы то была их земля и предкове бы твои о том не молчали, а коли молъчали, ино то вжо не их земля! А что твои панове говорят: коли бы то земля наша была и нам было што с нею перемирье брать? Ино та земля была особная, ²⁴а у нас была наша отчина в прикладе, и жили в ней все немецкие люди, а писали перемирные грамоты с нашими вотчинами с Великим Новымгородом и со Псковом по нашему жалованью, как мы им велим, по тому как мужики волостные меж себя записы пишут, как им торговати, а не по тому, как государи меж себе перемирные пишутъ. А ты пишешъся Прусским, а в Прусех свое княже, и у тебя присега с ним ест, ино потому и Прусы не твои? А то по тому ж Лифлянты были наша прикладная отчина, как у тебя Прусы. А что панове твои говорят, коли бы то была наша отчина и мы им и приложених подавали: ино та наша отчина Лифлянтская земля была не наши веры, а жили в ней все немецкие люди, и наши прародители и мы их пожаловали, дали им в том волю, что им мистром и преложених обирати по их вере и по их обычаю, а для русских купцов, что приезжая к ним торговали, были у них церкви хрестыанские и дворы и слободы. А хоти и преложених они имали, и они, ведь, имали у папы, ведь бискупов всех ставит папа, а не король, а предкове твои бискупов не ставили. А что архибискуп Вильгерм был старого Жикгимонта короля, кровный его, ино ему местечка нигде не было, ино, по королеву прошенью, лифлянты ему дали архибискупство Рижское; а, ведь, его ставил в архибискупы папа ж, а не король: короли ведаютъ мирские дела, а церковные дела ведает папа, да архибискупы и бис-

купы; ино потому Лифлянтская земля ваша же ли?²⁴ А что панове твои говорят, что лифлянты рать вели блаженные памяти с великим государем Васильем и царем всея Руси с отцом нашим, и тому дивитися нечому! Многижьды подданой, хотя ис подданства выступити, да государю своему противитца — ини его за то казнят.²⁵ А Ягайло и Витолт так с Прусы битву вели, и предки твои с Кондратом, князем Мазовецким воевалися. А ко отцу нашему блаженные памяти великому государю Василью, царю всея Руси, присылал к нему бити чолом княже Прусский Ольбрехт, немецкого чину высокий майстр Прусский, маркрабий Брандеборский, Статинский, Памерский, Касубьский, и Вендиский, дука бурггравий Ноурмерьский, князь Рунгенский о помочи на старшего Жикгимонта короля.²⁵ А ты и сам почему ко Кгданьску ходил ратью? Ведь он твой, и к своему почто ратью ходить?²⁶ А так Лифлянтская земля рать против отца нашего по тому ж учинила. А что панове твои говорят: что лифлянты утеклися до вас, королей Полских и великих князей Литовских, ино покаместа они в своей воли были, и они к вам почему не утеклися? И как они нам израдили, и мы на них гнев свой положили, и их разрушили, и они к вам утеклися. Иного во всей вселенной хто беглеца принимает, тот с ним вместе не прав живет; и то не в чужое ли вступился еси? А о чем, коли они были не разрушены, и вы ими не умели владети? А коли Витолт з Ягайлом розницу вел о отцове убийстве, и в которых он немцах был, и с которыми немцы к Вилне ратью приходил, и мало Вилни не взял?!²⁷ И того тебе жадным словом указати нелзя, коли была Лифлянтская земля не разрушена, чтоб она была послушна к королевству Полскому и к великому князству Литовскому, и то по всяких справах может ся знати, что Лифлянтская земля большей присегала к нашему государству, нижи к вашему.

И о том что много и говорити! То уже указано, что вы за посмех называете Лифлянтскую землю своею, а то все ныне, хотя невинного кровопролитетва христианского, паны твои

взываютъ Лифлянтскую землю не по правде своею подданюю. А что твои панове рада говорили послом нашим, что ты на том присегал, что тебе Лифлянтское земли доступати, и то христианское ли дело, что того для присегать, что за посмех, напрасно хотя гордости и корысти и разширения государству, неповинная кровь христианская розливати? Ино ты писал, что предкове наши з неправдою своею государство размножили, — а ты з великою правдою отыскиваеш: с кровопролитством через присягу? А что панове твои рада говорили нашим послом, что они за лифлянты стали со всею землею, что Лифлянтская земля костел римской, з ними поляки одна вера, и той всей земли пригоже то быти в твоей стороне, а в одной земли два государя, и тут добру не бывать: «А у нас государ поволной; обираем собе государя, кого захотят, которой государ у нас ни будет, и он без нас ничего не делает; а что и захочет делати, ино мы не дадим; а ныне нашего государя нашего как есмя обирали, и мы то ему сказывали, что многие места от нашии земли по неправдам государя вашего и предков его, отлучоны; и государ наш нам на том присегал, что ему давно зашлых мест отыскивати, и Лифлянтская земля очистити». И то которое христианское дело? Называется христиане, и у папы и у всех римлян и латын то и слово, что однако вера греческая и латынская; а коли собор был в Риме при Евгеньи папе Римском, от создания миру в лето шестытысячное девятьсот чотыридесят семое, и тогда был на том соборе греческий царь Цариграда Иван Мануйлович, а с ним патреарх Цараградъский Иосиф (на том его соборе и не стало), а из Руси был тогда Исидор митрополит; и уложили на том соборе, что однако быти греческой вере и з римскою. Ино паны твои то ли христианство держат, что не любят под греческою верою Лифлянтское земли? А они и своему папе не верають: папа их уложил, что однако вера греческая и латынская, и они то разрушают, и отводят людей от греческой веры к латинской.²⁸ И то христианское ли дело? А у нас которые в нашей земли держать латинскую веру, и мы их силою

от латинское веры не отводим, и держим их в своем жалованьи з своими людьми ровно, хто какой чести достоин, по их отечеству и по службе, а веру держат, какову захотять. А что паны твои говорили, что в одной земли два государа, и тут добру не бывать, — и мы вжо к тебе о том и послали, чтоб ты с нами постановенье учинил о Лифлянтской земли, и ты с нами постановенья подобного не учиниш. А что ты присягал на том, что тебе давно зашлых мест отыскивати, и Лифлянтская земля очистити, так же и паны твои меж себя о том присегали, что им за то стояти, ино то для неповинного кровопролитства христианского уделано з бесерменского обычая. И тот твой мир знатен: ничего иного не хочеш, толко бы христианство истребити, мирити ли се тебе с нами, и твоим паном бранити ли ся, толко бы тебе свое хотенье и твоим паном уллучити на пагубу на христианскую. Ино то что за мир? То прелесть! А толко нам тебе все Лифлянтское земли поступитися, и нам в том убыток великий будет; ино то что за мир, коли убыток?

А ты ничего иного не хочеш, толко бы тебе над нами вперед силну быти. И чим нам тебе самим над собою силу давати? И коли еси силен, и желателен крови христианское, и ты, силою проливая кров неповинную христианскую, емли. А и под Невлем панове твои рада послом нашим — столнику нашему и наместнику Нижегородскому князю Ивану Васильевичу Ситцкому-Ярославскому с товарищи, также жадаю крови христианское, говорили; толко мы тебе не поступимся все Лифлянтское земли, и ты хочеш тых всех мест достигати, которые от великого князства Литовского к Московскому¹ государству отлучени, а на том тебе не переставывать и не успелоса будеть чого ныне достигити, и то и вперед не уйдет. И коли такое твое и панов твоих рад непрестанное умышление и желание на неповинное крови розлитье христианское, и тут которому миру быти, и доброго дела ждати! Изначала же, тебя емлючи панове на государство, на том тебе к присяге приводили, что тебе всех давно зашлых дел отыскати, — ино на што было и послов посылати? Одною душою, да двожды

присягати: паном и земли ты присягал, что тебе того доступати, а послы, что тебе зделати с нами мир. И тебе уж на том присягати, что иных мест нам поступитися, что пригоже! Да на том присягати ж, ино не ведомо будеть, которая присега крепчей, и самому тебе на той ли присязе быти, на чом еси земли присягал, или на той тебе присязе быти, что послы твои с нами зделаютъ, или наши послы с тобою зделаютъ меж нас? Ино тут одной присязе которой-нибудь быти изрушеной, а тому статися не мочно, что присяги обе крепко держены были, а не изрушены; и тут которому доброму делу быти? И потому меж обоих наших земель до-века кровопролитству не перестать. А и то хрестиянским ли то обычаем делаетца, как еси ослободил нашим послом к нам отпустить нашего сына боярского Микифора Суцова, и твои панове рада велели тую грамоту, которую к нам посылають, к собе принести, да ее чли, а вели писати то ж, что ты пишеш, и иново ничего не дали писати?²⁹ Ино то неведомо послы, неведомо полоняники, неведомо твои люди, неведомо мои люди, что жадного слова без твоего ведома не смеют написать. Ино^м то прямое вытеснение, а не так, как твои послы по своей воли зделали, и ты тое присягу изламал. Ино что послов и посылать, коли вы всею землею на кровопролитство устремилися? Сколько послов ни посылай, что ни давай, а ничем не утетиши, а миру не бывать. А что твои ж паны говорили, что они на том тебе и взяли, что давно зашлые дела исправить, да и сам еси писал и приказывал с послы и с посланники и не одинова. И то к которому доброму делу пристойт: с обе стороны не один государь извелся, и ты уже отошли на божий суд, а ты больша за сто лет изыскиваеш. Ино то, ты вси государи не умели того здумати, што за свое стоять, а которые при них были бояре и паны рада, тые глупы были, што того не отыскивали некоторыми обычен, не токмо что кровью? А ты тых всих предков своих дородней, а паны рада твои умнее отцов своих; чого отцы их не умели отыскать, то они кровопролитством одыскиваютъ. Дале ж уже что и от Адама делалоса, и того станет

отыскивати! И коли давно зашлые дела отыскивати, и тут опроче кровопролитства иного нечего ждати; и коли ты при-
шол крови проливать, а паны тебя взяли на государство крови
ж розливати: ино нашто было послов просити? Ведь ничим
не утешиш, доколева кровопролитства насытятца христиан-
ского. Ино то знатно, что ты делаеш, предаваючи христиан-
ство бесерменом! А как утомиш обе земли — Рускую и Литов-
скую, так все то за бесермены будеть. И ты христианин име-
нуешьсе, хрыстово имя на языке обносиш, а хрестьянству
испровержения желаеш.

А что вечным миром хочеш з нами миритисе, ино и преж
сего при твоих предках перемирье крепчей бывало миру;
перемирья ниhto не рушивал, а миры вечные всегда рушились,
а ныне и поготову нечому верити, потому что тебе присяга
ни во что, порушити за игры места: что послы твои на чом
нам присегали на грамоте, и ты тую присягу порушил, да
кров проливать почал. Ино нечому верити, коли за присяг-
нение не твердо держишься, и потому вечному миру меж нас
быти с тобою нельзя, что нечому верити. А город Себеж, кото-
рый есмя з божею волею еще не в звершенные свои лета в свое
имя поставили ³⁰ при старшем Жикгимонте короли, и он з
своей побожности, не хотя видети кроворозлитства во кре-
стьянъстве как ест государ христианъский, хотя покою видети
во крестиянъстве, того местца нам поступилсѧ, а за то с нами
кровопролитства во христианъстве не вел. И тот бы город
сам любо зжечи или розволочити велел, а землю бы нам тебе
тое к Полоцку поступитисе: а ты пришлец, а того просиш,
что не пригодитца к делу; ино тут как доброму делу быти,
коли твое такое прошение не поделное? А что ты писал в своей
грамоте, что есмя посылали к тебе послов своих, и что послы
наши великие дворянин наш и наместник Муромъский Оста-
фей Михайлович Пушкин, да дворянин наш и наместник Шац-
кой Федор Анѣдреевич Писемъской, да дѧк Иван Андреев
сын Трифанова до тебе пришли з листом нашим верущим,
и в том листе пишеть, чтоб ты им веру дал, что они именем

нашим учнут тебе говорити; ино то ³¹во всяком опасном листе пишется так, и что будеть тебе не в обычей, что в той земли делалось до тебя, и ты, старых панов спрося, про то уведай. А что они тебе объявили, что они полную науку имут, а зсылаешъся на их грамоту, и по сей твоей грамоте, что к нам послы наши писали,³¹ ино ты о всем о том паном своим приказовал послом нашим говорити, и по тому, как послы наши к нам писали, что твои у нас запросы, доброму делу статися невозможно. А что нам дати полная наука послом своим, ино полнее того как наука давати! И так тебе послы наши поступалися болшей семидесят городов,³² Полоцка и с пригороды и из нашия вотчины из Лифлянтские земли городов оприч Курлянтские земли, а Курлянтская земля к тебе к тому наддатка, а в ней ест городов с тридцать. А того ни в которых государствах не ведетца, чтоб городов поступилися; ниhto никому ни одного города не поступится, а мы тебе столько городов поступалися, а тебе на доброе дело не могли привести! А что они просили у тебе в нашу сторону из наших отчины и Лифлянтские земли, Новгородок, Сыренек, Адеж, и Ругодев, а ты и того нам не хочеш поступитися! А что они просили у тебе нашия извечные вотчины, что ты поимал, и та наша отчина прародителей наших, и нам было как тебе тое свое отчины поступатися, то наша отчина извечная от прародителей наших! И ты того всего делати не похотел, а хотел их отпустить без дела, и они тебе просили, чтобы еси им позволил с нами обособатися, а ты им объявил, каковым обычаем меж нами приязни статися пригоже, и нам бы взглянувши в писанье своих послов, во всех тех речах науку им достаточную и моц полную дати.

И мы писанье своих послов вычли гаразд, и вси твои объявления вразумели; ино таковое твое объявление не токмо нам меж себе приязни статися не пригоже, и доброе пожитье и покой хрестиянству разораш и на кровопролитство наводиш, но и потомком нашим на многие лета невозможно в приязни быти, разве на долгий час меж себе кровопролитство вести

безъпрестанное. А науку нам достаточную и моц полную болшей того как давати? А что пишеш о своем войску, что будутъ близко наших границ, ино от того убыток будетъ; ино то давно ведомо, что ты завсе прагнеш на кровопролитъство хрестиянское! А что город Себеж нам разрушити, а землю его тебе поступитися, ино то к доброму делу не пристойтъ; и коли бы ты хотел покою в хрестиянствѣ, и ты б к городу к Полоцку не ходил, и его не имал, ино бы то все была одна земля, ино бранитися не о чом. А и тут похочеш правды держати, ино Себеж с Полоцком при старшем Жикгимонте короли, и при новом Жикгимонте-Августе короли перемирье был, а брани ни о чом не бывало; а ты нынеча все з задором пишеш. А что твои панове рада говорили, что ты против Себежа велиш Дрис зжеч — ино так младенъцов омыляютъ, как твои панове то говорили; а нам в том которой прибыток?³³ Мы Себеж велим зжечи, а ты велиш Дрис зжечи, а обе земли у тебя будутъ! И ты, зжогши, да опят велиш поставить. Ино то твоих панов ухищренье, а не дело! А что пишеш в своей грамоте, чтоб нам миритися межи себе так, как бы доброе дело непорушно утвержалося на добро хрестиянское, а межи бы нас приязнь множиласе, а малым бы делом болших дел порушити не хочеш, — и ты пишеш, чтоб было дело доброе непорушно, а сам же всякими обычаи доброе дело разрушаеш, а малым бы делом болших не порушити, и ты ни малого, ни болшого дела в крепости не поставиш, толко одно то, чтоб воевати! А что писал еси о купецких людех, ино ты задержаны потому, что учинилася меж нас розмирица, а дѣржать их во всяком покое, а не як вязней, и товары их вси у них не поотниманы, на тых же у них дворех стоять, на которых дворех они стоять; а не отпустим их для того, чтоб они, пришедши к тебе, вестей не сказывали, что они в нашем г'сударстве ведаютъ, по тому ж как ты для вестей и за нашим прошеньем наших вязней не выдаеш на окуп и на обмену для того, чтоб нам про тебе, и про твою землю ведома не было. А коли бог дастъ, меж нас доброе дело будетъ, и мы их тогды отпустим со всеми их маетностями

без всякое шкоды, а подлинно есмя к тебе о том особную свою грамоту послали.³⁴ А чтоб нам твоего дворянина Крыштофа Держка не задержав, к тебе отпустить к тому сроку, как еси нашим послом объявил, и мы его отпустили, как нам удалось. А тот твой дворянин Крыштов Держко приехал к нам за тринадцать ден от того сроку, и ему было к тебе к тому сроку не поспеть же; а хоти бы мы его и поборжей того отпустили, и к тому бы сроку хоть и поспел,³⁵ и тебе было нам тым не утешить же, и от кровопролитства не унять же; поспеет ли, не поспеет ли, мир ли, не мир ли — а однако кровопролитству быти! А предки твои вси всего того дожидались на своих на столечных местех, а не в ратном походе, ни на пограничных местех. И мы к тебе его отпустили, как ся вместило. А что подъему просиш, и то вставлено з бесерменского обычая: такие запросы просят татарове, а в хрестиянских государствах того не ведется, чтоб государ государу выход давал, того во хрестиянх не ведется, то ведеться в бесерменех, а в хрестиянских государствах нигде того не сыщеш, чтоб меж себя выходы давали; да и бесермены меж себе выходов не емлют, разве на хрестиянх емлют выходы. А ты зовешся государем хрестиянским, почто на хрестиянх просиш выходу з бесерменского обычая? А за што нам тебе выход давати? Нас же ты воевал, да такое плененье учинил, да на нас же правь убыток. Кто тебе заставлял воевать? Мы тебе о том не били чолом, чтоб ты пожаловал, воевал! Прав себе на том, хто тебе заставлял воевать; а нам тебе не за што платити! Еще пригоже тебе нам тые убытки заплатить, что ты напрасно землю нашу приходя воевал, да и людей всих даром отдать. Да и то по-хрестиянски ли у тебе делается, что ходя к тебе послы наши и посланники и гонцы по твоим опасным грамотам, и которых они людей от себе отворочают назад и подводы, и твои украинные люди, оршане и дубровляне и иных многих городов, тых наших людей и проводников, которых отворочивают послы наши и гонцы, их самых грабять и обыскивають военным обычаем, и лошади у них отнимають? Да что много

писати; коли устремился еси на такое кровопролитство и гордыню, а побожность христианскую на сторону отложа, и в такое безмирье и высость взялся еси, кабы хочешь вдруг поглотити, а фалишься яко Амалик и Сенахирим или якож при Хоздрое Сарвар воевода,³⁶ хваляся на царствующий град, глаголет: «не блазнитесь убо о бозе, в оньже веруете, утре бо град ваш, яко птицу, рукою моею возму!» Мы ж положихом вышняго прибежище собе, и уповаем на силу животворящаго креста, и ты воспомяни Максентея в Риме, како силою честнаго и животворящаго креста погibe; и вси гордящеися и висьящеися николи ж без погибели не бывають, якож рече пророк: «Видих нечестиваго превозносящася, и висьящася, яко кедрѣ Ливанскіе: и мимо идох, и сей не бе, и взысках его, и не обретеся место его. Храни незлобие, и виж правоту, яко ест остаток человеку миру». И паки той ж пророк глаголетъ: «Не спасетца царь многую силою своею, и исполин не спасется множеством крепости своея. Лож конь во спасение, во множестве же силы своея не спасеться. И государ советы языком розораеть, и отметаеть мысли людей, совет же господень пребываетъ во веки; не в силе бо констей благоволитъ господь, ни в лыстех мужьскихъ: благоволитъ господь на боящихся его и уповающихъ на милость его». И коли еси силен, и ты плени: «Господь мне бысть помощник, не убоюсь, что сотворить мне человек? Благо ест уповати на господа, нежели надеятися на человека; благо ест уповати на бога, нежели надеятися на князя. Вси языцы обыйдоша мя, и именемъ господнимъ претивляхся имъ: обыйдеша обыйдоша мя, и именемъ господнимъ претивляхся имъ; обыйдоша мя яко пчолы сот, и разгоришася, яко огонь в тернии; и именемъ господнимъ претивляхся имъ. Крепость моя и пение мое господь бысть мне во спасение». И коли уж так, что все кровопролитье, а миру нет, и ты б нашихъ пословъ к намъ отпустил, а православнаго христианства кровопролитства и насъ з тобою богъ разсудить.

Будеть же похочешъ воздержатися отъ неповиннаго кровопролитства христианскаго, и мы с тобою хотимъ перемирья

и вечного пожитья. А как нам с тобою быти в вечном покое или в перемирьи, и по тому как мы к тебе приказывали з своими послы, з дворянином своим и наместником Муромским с Остафьем Михайловичем Пушкиным с товарищи, и ты в перемирье с нами по тому быти не похотел: и нынече и мы с тобою в перемирьи быти не хотим, и в вечном покою быти не хотим по тому, как есмо приказывали к тебе з своими послы — столником своим и наместником Нижегородским со князем Иваном Васильевичом Ситцким-Ярославским с товарищи и з нынешними своими послы, з дворянином и наместником Муромским, с Остафьем Михайловичем Пушкиным с товарищи. А хотим с тобою в перемирье быти и в вечном покою по тому, как есмя ныне к своим послом наказали, и грамоту свою прислали и науку им дали о последнем деле, как меж нас с тобою мочно им доброе дело постановити. А чтобы нам прислати к послом своим лист свой отвористый, как нам меж себе в доброй приязни быти, а тебе бы имоверно^а ку застановенью покою приходить, и на листе своем отвористом и писав прислати, за которым бы листом послы наши дела таковые становити и докончивати могли на покой христианский: и мы тому лист свой послали отвористый за своею печатью к своим послом.

А болшей того нам в перемирьи с тобою быти нельзя, а хотим с тобою в перемирье быти по тому, как есмо ныне к тебе писали, а иные есмо речи послали, и наказ к послом своим, и велели тебе говорить.³⁷ И толко похочеш с нами доброе приязни, и в докончанье быти или в перемирье, и ты б был по тому, как есмо ныне послом своим приказали, к дворянину своему и наместнику Муромскому Остафью Михайловичу Пушкину с товарищи. А будеть же не похочеш доброго дела делати, а похочеш кровопролитьства христианского, и ты б наших послов к нам отпустил, а уже вперед лет на сорок и на пятьдесят послом и гонцом промеж нас не хаживати. А как к нам послов наших отпустиш, и ты б их проводить велел до рубежа, чтоб их тыи твои украинные лотры не побиили и не пограбили; будет што над ними учинитца какая шкода, и та

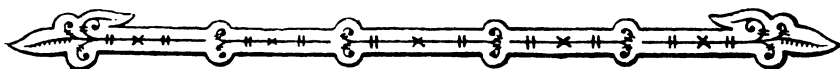
неправда от тебе ж будетъ. Мы убо советовахом собе и тебе благая, ты же непослушлив, якоже онагр конь, убо на брань готов: от господа же помощ! Мы ж о всем возложихом упование на бога; тот, яко же хочеть, и зовершить нам благая силою своею животворящего креста. На его силу уповая и вооружився во все оружие креста, против врагов своих ополчаемся силою крестною.

А сю есмя свою грамоту запечатали своею болшею печатью, извещая тебе, каково нам бог поручил государство. Писана в царствия нашего дворе града Москвы, лета семь тисеч осмьдесят девятого июня в двадцать девятый день, индикта девятого, государства нашего сорок шестого а царств наших: Росейского 34, Казанского 28, Астороханского двадцать сегого.

ПОСЛАНИЯ
ОТ ИМЕНИ
БОЯР

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Д. БЕЛЬСКОГО (1567)

Великого бога и спаса нашего Иисуса Христа во трех лицах и во едином существе покланяема же и славима, имже царем скифетры утверждаются, сего милостию вседержавные десницы скифетродержавие утвердися истиннаго православия, истиннаго благочестия подражателю, великому государю, государем самодержцу; его же милостию и хотением великого царя и великого князя Ивана Васильевича и всеа Руси [*следует полный титул*] и многих земель обладателя и всегда прибавителя, от его царского величества совету боярина и воеводы навышшаго и наместника Володимерского и державцы Галичскаго и Луховского и Кинешемского князя Ивана Дмитриевича Литовского и Белского, брату нашему Жигимонту-Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому [*следует полный титул*].

Што присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова,¹ ²а в листе своем к нам писал еси, штож тебе поведал слуга твой верный Иван Петрович Козлов, какова есть нужда над нами всеми народом христианским, как великими людьми, так середними и меншими, деетца за панование брата твоего государя нашего. И ты то, брат наш, слышавши, жалуешь того, заньже вашему государству и христианству то негодно чинити над людом божьим паство вверенно, коли ж сам бог-сотворитель, человека сотворивши, неволи никоторые не учинил и всякою почестию тебя

посетил. Наш пак род здавна от предков наших вам есть в доброй ведомости, водился во областях панства вашего, великого княжства Литовского, какового величества и каковы чести годен был за панование предков твоих королев Полских и великих князей Литовских и, отшед от волного панства вашего, як сын от отца, з достойною частью богатества прирожденной волности своей на иншую сторону, и там погубил его; где мы ныне сами пребываем, сподобилися есмя того над собою и по чести самовидцы быти для произволения на то предков наших и вместо волности неволю и безчестье терпим. Як и тепере слышал еси о нас, што брат твой, приневоливши до того, нас учинил у себя наместником Володимерским, хотя ж есть в государстве его болшей уряд и в думе его навышнее место, которое мы заседаем. А однакож слышачи ты, брат наш, тое, еще болши жалуешь, что ся так надо мною от брата твоего деет, понеже ведаючи ты, брат наш, о родстве нашем и слышачи о нашем дородстве и о разуме, чим еси от бога надарен и украшен, разумеешь нам быти годно лудчего величества и чти, нежли воеводства Володимерскаго, и достойны есмя быти уделным князем, и коли вашему государству подданным станем, яко жадаем, ты ж, брат наш, обещаешь заховати нас при вашем величстве и что во всем ровного с подручными вашими княжаты уделными государей земель своих и в панстве твоём великом княжстве Литовском отчизну нашу поступити нам хочешь и х тому еще наибольшей ласкою своею государскою рад еси и всякой чти и достойности нам причиняти, а не уменьшивати, как годно роду нашему великому, и чинити то, што здавна и на тот час ведетца меж вами государи христианскими. А не толко нас в ласке своей государьской заховати хочешь, але и кого бы мы разумели годного быти к службам вашим, тые бы вси ехали до тебя, брата нашего, на имя твое, а ты их нас для пожалуешь.²

И мы твои листы вычли и вразумели гораздо. И как ты, брат наш, писал в своем листу, ино так делают прокураторы, и фалшеры, и лотры, а великим государем не подобает того

уделявати, што такими безленичными грамотами межи государей и земли ссоры делати и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким татцким обычаем, якож змии подобиаяся, хапати и преодолети. Но тричисленнаго божества воля и милость и десница самодержъство царя нашего утверждает и нас, достойных советников его, благодатью осияет, и никакая же сия не токмо малая и худая сия пена, но и велие треволнение не может потопити, на камени бо церковнем стоим, юже Христос утверди, ей же врата адова не удолеют, сего ради самодержъство царя нашего и наш вернейший совет не боимся погрязновения. Как государь наш его царское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, также и наш совет волному его самодержъству верность и работу крепчайшу держим. А что еси писал брат наш в листе своем, описуючи слугою верным князей Воротынских молодого хлопца Ивашка Козлова, а описуешь его своим верным слугою; и годитца ли то тебе, великому государю, такова страдника верным слугою описывати? Ано такой хлопец не токма што у нас, но и у наших моложайших братьей должен есть дворовой сор окоповати. А што он, собака, злодейским обычаем, яко змий, яд испустил и твоя препростейшая слуха якож Евжина наполнил, и ты, брат наш, жалуешь того неподобно. А государь наш, как есть государь правый христьянский, всех жалует по достоинству и по службам, а государство свое бережет крепко от всякого лиха, а виноватых и израдец везде казнят. А што брат наш писал еси, што бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истины: понеже первого человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иж от единого древа не ясти, и егда заповедь преступи и каким осужением осужен бысть! Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, от славы в кожаны ризы, от покоя в трудах снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп наведе, и паки по потопе завет еже не снести душа в крови, и паки в столпотворении раз-

сеяние и Аврааму веры ради обрезание и Исаку заповеление и Иякову закон, и паки Моисеом закон и оправдание и оцщение, и преступником клятва дажь во Второзаконии и до убийства, та же благодсть и истина Исус Христом бысть и заповеди и законоуоставление и преступающим наказание.

Видиши ли, як везде убо несвободно есть, и тое твое, брате, писмо далече от истинны отстоит? И то ли, брате, самоволство добро, як твои панове, брата нашего, доспели тебя фалшером х таковым безлепицам тебе, брату нашему, прирадили руку приложити? ³А што писал еси о предках наших, какую почестъ мы имели, ино наша была отчизна великое княжество Литовское, заньже прапрадед наш — князь Володимер великого князя сын Олгердов. И как князь великий Олгерд понял другую жену тверянку, и тое для другой своей жены прадеда нашего от достойные чести и отчества отставил; а дал тот столец, великое княжество Литовское, другой своей жены детем, сыну Ягайлу. И в якой чести держал прапрадеда нашего князь великий Ягайло и как моложайшую его братью поднесь, Лугвеня и Швитригайла, и иных молодых братию его, и якая ж за ним отчизна убогая была, и то есть всем людям ведомо было народу христианскому. И яким же обычаем дед твой Казимер сродича нашего князя Михайла Олелковича зрадным обычаем убил и отчизну его за собя взял и у собя в великом княжестве Литовском в уряд поставил, и в якой же чести прадед наш князь Иван и дед наш князь Федор были, як же до того понужен был и самую веру душевную отложить и едва во единой кошуле утек до истиннаго православия государя блаженные памяти великого государя Ивана, деда нынешняго государя нашего царского величества. И он, как есть государь правый христьянский, деда нашего князя Федора Ивановича великим своим жалованьем и почестливостию пожаловал и достойную честь воздал и никого в своей земле высочайши нас не учинил, ни в равенстве, даже и доселе; а много у царского величества прироженцов царских и великих княжеств многих и с государств со многих, и тые вси по его цар-

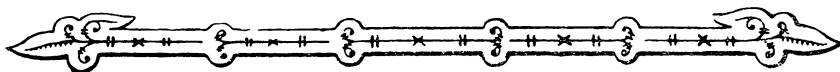
ского величества велению под нашим повелением ходят. Ино то ли достойная часть имения, як дед наш и прадед были и своего столца, великого княжства Литовского, лишены,³ и якая тут часть богатества, с убогие вотчины что мочно собрать? И подданные наши панове рада великого княжства Литовского в равенстве были деду и прадеду нашему, — ино то ли воля и честь, яко подданному своему равны были? А ныне же мы царского величества милостию во всякой великой чти и жалованье пребываем, а кроме государской воли ни кто нами не властен, а в государской воле подданным взгоже быти, а где государской воли над собою не имеют, тут яко пьяны шатаютца и никоего же добра не мыслят. А што еси брат наш писал в своем листу, што будто государь наш, нас приневоливши, учинил у себя воеводою Володимерским, ино же ⁴царского величества жалованье и почесть ко мне велика: первое, его царского величества первосоветник есми; а другое, держу столечное место его царского величества Володимерь; третье, коли государь мой царское величество посылает меня против своих недругов, и толды же мы в его место царского величества всеми овладуем; четвертое, коли царского величества к его порогу приезжают цари и цари и вичи и иные государи розных земель, и мы перед теми перед всеми не безчестны есмя, а иных и выше оседуем.⁴ А што еси писал, брат наш, что пригоже нам быти уделным князем и хочешь нас держати равно с иными князми уделными в твоей земле, брата нашего, и то есть нам велми зазле, як нам у тебя, брата нашего, подданным быти, як брат еси наш: як ты от Олгерда, так и мы от Олгерда, ты четвертой, а я пятой; и што нам обещаешь с уделными своими княжаты в ровенстве быти, и нам с подданными нашими как в ровенстве быти? А мы царского величества жалованьем и ныне всех тех выпшы, а не в равенстве.

⁵И будет похощ, брат наш, и ты б нам поступился великого княжства Литовского да Русские земли, опричь тех городов, которых у тебя просит князь Михайло Иванович Воро-

тынской, и мы будем с тобою, как Ягайло был с Витовтом: ты буди на Полском королевстве, а я буду на великом княжестве Литовском и на Русской земле, и оба будем под голдом царского величества; а царское величество есть милостив для христианства и для подданных своих всех, не щадит персоны своей против недругов своих, мощен есть обороняти тебя и меня от турок, и от Перекопского, и от цысаря, и от иных многих земель и во всем нас в покое заховывати будет. А инакож нам учнешь нагрожати, брат наш, и нам менши того незгоже быти; а ведь же еси, брат наш, сам писал, что мы от бога подарованы и украшены дородством и разумом, ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти? Як же ты, брат наш, нам радишь по звычею панов рад твоих, як они звыкли зрадою тебя, брата нашего, держати, а мы же як же достойные чести и первосоветничества верной покорности царскому величеству прямо заслугуем и заслуговати з жаданием будем. А што еси, брат наш, писал, штобы нам на твое имя перезывати людей, ино же подобает тебе к такому лотру писати, який же бы достоин был лоторскому твоему писму, а мы ж фалшером не хотим быти, як же твой, брата нашего, панове тебе прирадили, а у нас же таких карают. А иное есми всказали тебе, брату своему, словом мовити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и што он учнет тебе говорити, и ты б ему верил, бо то суть наши речи.⁵

Писана царского величества в граде Москве, лета 7075, июля в 2 день.

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БЕЛЬСКОГО

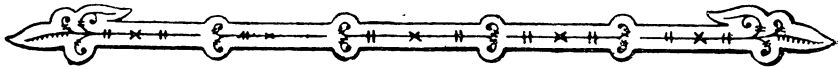
Великого бога спаса нашего Иисуса Христа, в троице славимаго милостию, великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси [полный титул] от его царского величества совету боярина и воеводы навышшаго и наместника Володимерского и державцы Галичскаго и Луховского и Кинешемского, князя Ивана Дмитриевича Литовского и Белского, Григорью Хоткееву ⁶ честные нашии заповеди слово наше то.

Прислал еси к нашего порога величеству лист свой, а в нем широко писал еси, як же звыкли есте израдным обычаем писати, — як же у вас прокураторы, и лотрове, и фалшеры деют, так же и ты писал. Як же предкове твои зрадным обычаем сродника нашего князя Михаила Олелковича на Кieve зрадили и от нашего подданства есте отлучилися, и ты потому так што бешеная собака пишешь; а пригоже ли было тебе, подданому нашему, так к нам писати и без нашего повеления к нам совет чинити? А хоти было тебе и подобно что писати, ино было тебе писати к нашему служебнику, и он бы твой лист до нас донес, а у нас царского величества милостию служебники в твою версту есть, Пивовы ⁷ и иные, заньже они были околничие смоленские, а вы бояре киевские, як же были уряды у вас в Кieve, так и у них в Смоленске. А болши того нашему величеству не подобает с вами безбожными говорити, заньже своим злодейственным обычаем подобно змие на христьянство яд изливаете. И мы и о сем дивуемся, як брат наш ваш госу-

дарь таких вас неучоных собатцких людей в раде своей учинил, — а вы и нам в раде по своему безумью лотрове незгожи есте. Везде таких лотров карают да пугами бьют, як же ты изумевся писал еси.

Писана в царственном граде Москве, лета 7075, июля 28 дни.

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Ф. МСТИСЛАВСКОГО (1567)

Такова грамота послана х королю

Великого бога и спаса нашего Иисуса Христа во трех лицах поклоняема ж и славима, им же царем скифетры утвержаютца, сею милостию вседержавныя десницы скифетродержание утвердися истиннаго православия и истиннаго благочестия подражателю великому государю государем самодержцу, его ж милостию и хотением великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*полный титул*] от его царского величества совету боярина и воеводы и наместника Великого Новагорода и державца Ярославецкого и Черемошского и Юхотцкого князя Ивана Федоровича Литовского, Ижеславского и Мстиславского, брату нашему Жигимонту-Августу, королю Полскому и великому князю Литовскому [*полный титул*].

Што присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова, а в листе своем к нам писал еси, штоже тебе поведал слуга твой верный Иван Петрович Козлов, какова есть нужда над нами, народом христьянским, как великими, людьми, так середними и меншими, деетца за панованье^а брата твоего государя нашего, и ты то, брат наш, слышавши, жалуешь того, заньже вашему государству и христьянству то негодно чинити над людом божьим паству^{рство} вверенно, коли ж сам бог-сотворитель, человека сотворивши, неволи

никоторые не учинил и всякою его почестию посетил. Наш пак род з давних предков наших вам есть в доброй ведомости водился во областях панства вашего великого княжества Литовского, какового величества и каковы чести годен был за панование предков твоих королев Полских и великих князей Литовских и, отшед от волного панства вашего, як сын от отца, з достойною частью богатества прирожденной волности своей на иншую сторону, и там погубил его, где ныне мы сами пребываем, сподобилися есмя того над собою и почести самовидцы быти для произволенья на то предков наших, и вместо волности неволю и безчестье терпим. Як и тепере слышал еси о нас, что брат твой, приневоливши до того, нас учинил у себя наместником Великого Новагорода, хотя ж то есть во государстве его великой уряд и в думе его навышшее место, которое мы заседаем. А однакож слышачи ты, брат наш, тое, еще болши жалуешь, что ся так надо мною от брата твоего деет, понеже, ведаючи ты, брат наш, о родстве нашем и слышечи о нашем дородстве и о разуме, чим еси от бога надарен и украшен, разумееш нам быти годно лутчего величества и чти, нежли воеводства Великого Новагорода, и достойны есмя быти уделным князем, и коли вашему государству подданным станем, яко жадаем, ты ж, брат наш, обещаешь заховати нас при вашем величестве и чти во всем ровного с подручными вашими княжаты уделными государей земель своих и в панстве твоём великом княжестве Литовском отчизну нашу поступити нам хочеш и х тому еще наболшей ласкою своею государскою рад еси и всякой чти и достойности нам причиняти, а не уменьшивати, как годно роду нашему великому, и чинити то, што здавна и на тотчас ведетца меж вами, государи христианскими, а не толко нас в ласке своей государьской заховати хочеш, але и кого бы мы разумели годного быти к службам вашим, тые б вси ехали до тебе, брата нашего, на имя твое, а ты их нас для пожалуешь.

И мы твои листы вычли и вразумели гораздо. И как ты, брат наш, писал в своем листу, ино так делают прокураторы,

и фалшеры, и лотрове, а великим государем не подобает того уделывати, что такими безленичными грамотами межи государей и земли ссоры делати и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким тацким обычаем, бесподобною казнью преодолети и подобно скорпии яд изливати. Но тричисленного божества воля и благость и десница самодержество царя нашего утверждает и нас, достойных советников его, благодатию осияет, и никакая же сия малая и худая сия пена, но и велие треволнение не может потопити, на камени бо церковнем стоит, юже Христос утверди, ей же врата ада не уделют, сего ради самодержество царя нашего и наш вернейший совет не боимся погрязновения. Как государь наш его царское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, так же и наш совет волному его самодержеству верность и работу крепчайшу держит. А што еси писал в листе своем, описуючи слугою верным князей Воротынских молодого хлопца Ивашка Козлова, а описуешь его своим верным слугою, и годитца ли то тебе, великому государю, такова страдника верным слугою описовати? Ано такой хлопец не токмо что у нас и у наших моложайших братьей должен есть дворовой сор окоповати, а што подобно гаду яд изблевав и твоя младенческая слуха подобно Евгина наполнил, и ты, развратився от того лукавства, жалуешь того неподобно. А государь наш, как есть государь правый христьянский, сияя во благочестии, всех жалует по достоинству и по службам, а государство свое бережет крепко от всякого лиха, а виноватых и израдец везде казнят. А што писал еси, што бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истинны: понеже первого человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иж от единаго древа не ясти, и егда заповедь преступи, и каким осужением осужен бысть! Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, и от славы в кожаны ризы, от покоя в трудех снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп наведе и паки по потопе завет, еже не снести

душа в крови, и паки в столпотворении разсеяние и Аврааму веры ради обрезание и Исаку заповеление и Иякову закон, и паки Моисеом закон и оправдание и опыщение, и преступником клятва дажь во Второзаконии и до убийства, та же благодсть и истина Иус Христом бысть: и заповеди и законоустваление и престоупающим наказание.

Видиши ли, яко везде убо несвободно есть, и тое твое писмо далече от истины отстоит? И то ли самоволство добро, яко твои панове доспели тебя фалшером, к таковым безлепицам прирадили тебе руку приложить, и королеву твою Барбару⁸ отравою с тобою разлучили, и какие тебе про нее укоризны от твоих подданных были? То нам гораздо ведомо! Як еси и сам повсегда прихварал и есть еси недоброго здоровья, то все от панов твоих поволства тебе ссталось. ⁹А што еси писал о предках наших, какую почесть мы имели, ино наша отчизна была великое княжество Литовское, и яким зрадным обычаем прародителя нашего Евнутья братья его молодшые Олгерд и Кестутей с столечного его местца зрадивши згонили и якож некоторому убогому человеку дали на прокормление Новгородок Литовской и иные убогие местца, и от тех мест во всяком безчестие и гоненье род наш был; и яким обычаем твоя, брата нашего, рада, а наши подданные подобно сатанинской гордости вознеслись и як же в безчестье дед наш был князь Михайло Иванович Ижеславской, и як же то писати, и того боже уховай поминати!⁹ Ино то ли то честь, яко сын от отца, что подданными его своими безчествовати? И якая доволная часть богатества с такие убогие отчизны, што нам и на кашу не станет? Ино то ли нашему роду была воля и честь, что подданными нашими безчествованы есмь? А ныне есмь царьского величества милостию во всякой великой чти и жалованье пребываем, а кроме государьской воли никто нами не властен, а в государьской воли подданными взгоже быти, а где государьской воли над собою не имеют, тут яко изуमेвся шатаютца и никоего ж блага не ведут. А ш т еси писал нам в своем листу, што, будто государь наш прин

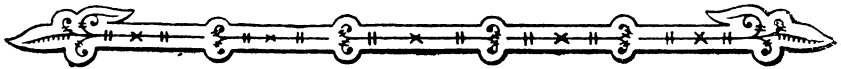
волившы учинил у себя воеводою Новгородским, ино ж¹⁰ мне царьского его величества жалованье и почесть велика: первое, его царьского величества в первосовете есми, а другое, держу великое место его царьского величества Великий Новгород, як брат мой и твой князь Семен Лугвень был, и то есть наше достоинство, от коего достоинства предков наших ваши предкове выгнали, и царское величество опять нас тем достоинством пожаловал; третье, коли государь мой царское величество посылает меня против своих недругов, и тогда ж мы по его царьского величества велению многими воеводами и людьми обладаем; четвертое, коли у царьского величества к его порогу приезжают цари и царевичи и иные государи многих земель, и мы перед теми передо всеми не бесчестны есмя, а иных и выше оседуем.¹⁰ А што еси писал, брат наш, што пригоже нам быти уделным князем, и хочешь нас держати равна с иными князми уделными в твоей земле, брата нашего, и то есть нам велики зазле, як нам у тебя, брата нашего, подданным быти, як брат еси наш: як ты от Гедимона, так яз от Гедимона ж, ты пятой, а я седмой; а Евнутей Олгерду большой брат; и што нам обещаешь с уделными своими княжаты в равенстве быти, и нам с подданными своими как в равенстве быти? А мы царьского величества жалованьем и ныне тех всех выше, а не в равенстве.

И будет похощь, брат наш, и мы будем с тобою как Ягайло был с Витовтом: ты буди на Полском королевстве, а брат наш князь Иван Дмитриевич Белской на великом княжестве Литовском и на Руской земле, а нам бы еси, брат наш, поступил Троков и што в Тротцком повете, и Берести, и Ковна, и Льова, и Петрокова, и Городня, да Прусов и Жемоти, а нас бы еси учинил с собою в равенственном братстве, как был Витофт с Ягайлом, а не по тому, как был Швитригайло, и все будем под голдом царьского величества. А царское величество есть милостив для христьянства и для подданных своих, не щадит персоны своей против недругов своих, мощен есть обороняти тебя и меня от турок, и от Перекопского, и от цысаря,

и от иных многих земель и во всем нас в покое заховывати будет. А инакож нам, брат наш, учнешь нагорожати и нам менши того невзгоже быти, — а ведь еси, брат наш, писал, што мы от бога подарованы и украшены дородством и разумом, ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти? Як же ты, брат наш, нам радишь по звычею панов рад твоих, як же они звыкли з радою тебя, брата нашего, держати, а мы як же достойные чести и первосоветничества в верной покорности царьскому величеству прямо заслугуем и заслуговати з жадаanjem будем. А што еси, брат наш, писал, штоб нам на твое имя перезывати людей, ино ж подобает тебе к тому лотру писати, який же бы достоин был такому твоему лотровскому писму, а мы ж фалшером не хотим быти, як же твои, брата нашего, панове тебе прирадили, а у нас же таких карают. А иное есми тебе, брату своему, сказали молвити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и что он учнет тебе от нас говорить, и ты б ему верил, бо то суть наши речи.

Писана царьского величества граде Москве, лета 7075, нюля в 5 день.

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ МСТИСЛАВСКОГО

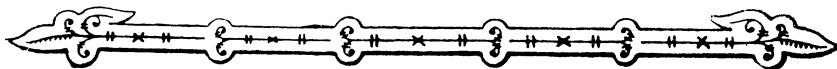
Великого бога и спаса нашего Иисуса Христа в троице славимаго милостию, великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*следует полный титул*], от его царьского величества совету боярина и воеводы и наместника Великого Новагорода и державцы Ярославецкого и Черомошеского и Юхотцкого князя Ивана Федоровича Литовского, Ижеславского и Мстиславского Грише Хоткееву ¹¹ честные наши заповеди слово наше то.

Прислал еси к нашего порога величеству лист свой, а в нем широко писал, як же звыкли есте зрадным обычаем уживати, як же предкове твои израдным обычаем предков наших израдив, и от подданного холопства отлучилися, и от тех мест злодейской обычай взявши есте и по се время лотровским и душегубцовым обычаем живете, и к нам пишешь изуменя, што бешеная собака, а называешься нам братом; и то подобно ли разумному человеку так делати? Достойно язык твой от челюстей исторгнути и с прочим телом псом предати за твое изуменье. То ли наша достаточная честь, што ты нам брат, стражник и холоп, коли государю живет брат, а у нас царьского величества милостию в твою версту многие служебники есть и ныне, занже то нам гораздо ведомо, што вы бояре киевские небольшие, а пригоже ли было тебе, подданному нашему, без нашего повеленья к нам совет чинити и писати? хотя что и подобно, и тебе было писати к своему брату к нашему слу-

жебнику, и он бы твой лист до нас донес, а болши того от нашего величества ответу недостойны есте. Мы и о сем дивуемся, як брат наш, ваш государь, таких вас злобесовских уродственных людей, собак, в раде своей учинил, а вы и нам по своему безумию, лотрове, в раде не взгожи есте, везде таких лотров карают, а пугами бьют, яже ты собатцким обычаем писал еси.

Писана в царствующем граде Москве, лета 7075, июля 31 дня.

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ М. И. ВОРОТЫНСКОГО (1567)

Такова грамота послана х королю

Бога в троице славимаго милостию и во едином существе поклоняема и славима, сего вседержавные десницы хотением, скифетродержателя благочестию подражателя великого государя государем самодержьца великого царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*следует полный титул*], от его царьского величества совету боярина и воеводы и намесника Казанского и державцы Новосилского, князя Михаила Ивановича Воротынского, Жигимонту-Августу, божиею милостию, королю Полскому и великому князю Литовскому. [*следует полный титул*].

¹² Прислал еси до нас бывшего нашего хлопца коморного, а своего верного слугу Ивашка Петрова сына Козлова, з листом своим, а в нем к нам писал еси, штож тебе тот наш хлопец поведал, какова нужда над нами князи и надо всем народом христианским, так и людьми великими, ако и над меньшими станы деетца за панованье брата вашего, государя нашего. И вы то слышавши, жалуете о том, занеже вашему государству и христианству то негодно чинити над людом божьим, вашему пастырству звероным, коли же сам бог-сотворитель, человека сотворившы, зневоленья ему не вчинил и всякою почестию его посетил. Наш пак род великий з давных предков наших великих князей Новосилских вам есть в доброй ведомости,

каковое чти годен быти ровное с предками государей наших великих князей Московских; про то еще больше и жалуете, иж ся то нам, княжате зацному, и всякой чти годному деетца от вашего брата. Да и то вам сказывал Ивашко Козлов, какову верность свою к вам и к вашим государством отец наш князь Иван Михайлович указал: и з уделом своим отчизным, в панства ваши податись хотел, для чего немало лет в заточеньи был на Белеозере и смерть принял. И вы, вспомянувши на верность отца нашего и на смерть его за панованья славное памяти великого государя отца вашего Жигимонта, божиею милостию, короля Польского и великого князя Литовского, и на нашу нужу от брата вашего за панованьем вашим государьским, хотите то все нам ласкою вашею государьскою нагрожати. И коли вашему государьству подданными станем, и вы нам обещуете заховати нас при всем том, што держым и што перво сего отчизны нашия отошло от нас, а вам, государю, и во панованье ваше за помощью божиею и службами нашими придет; хотите нам подати и ваших замков подошлых уделу нашему поступити нам в вотчизну и людей ваших военных прислати к нам на мочь не замешкаете, а нас самих хотите мети, яко одного княжат уделных голдовников ваших, государей землям своим подручных — вашему государьству княжате Прусскому и княжате Ледницкому и княжате Мишенскому и под боком вашим государьским в вашем панстве великом княжестве Литовском княжате Слутцкому и княжате Курлянскому во всем нас ровных з ними мети и нам еще наболей всякой чти и достоинства причиняти, а не вменшивати, яко годно роду нашему великому чинити, што здавна ведетца и на тот час межи вашими государи христьянскими — ничим ся не зменшивает, але еще от часу всякие добродетели примножати повинни есте, а отлучати не хотите каждому з народу христьянского, а особливе крови княжачой от бога-сотворителя повышоной. И иншие, которых бы яз разумел годных быти к службам вашим, таковые вси нѣхай едут до вас на имя ваше государьское, а вы для меня и им ласку вашу государь-

скую вдячне показовати хотште.¹² Як же о всем том велели есте словом нам говорити и з нами постановити тому верному слуге вашему Ивашку Козлову; а для лепные верности ваш лист до нас послали есте под печатью вашею таемною и с подписанием руки вашии государьские.

И мы тот твой лист вычли и уразумели гораздо. Ино годитца ли тебе, великому государю, так писати, как делают прокураторы, и фалшеры и лотрове, как ты, великий государь, в государя нашего царьского величества землю с такими безлепицами на ссору присылаешь и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким тацким обычаем и бесподобною кознью хочешь одолети. Но тричисленного божества воля и благость и десница самодержество царя нашего утверждает и нас, достойных советников его, благодатию осияет, и никакая же сия малая и худая пена, но и велие треволнение не может потопити, якоже реченно есть: «да ся пенит море и збесит, но Иисусова карабля не может потопити, на камени бо церковнем стоит, юже Христос утверди, ей же врата ада не уdoлеют». Сего ради самодержество царя нашего и навернейший совет не боимся погрязновенья, как государь наш и его царьское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, так же и наш совет его волному самодержеству верность и работу крепчайшу держим. А что еси писал нашего худого холопца своим верным слугою, ино то уже у тебя у великого государя опроче тех наших молодых паробков и людей нет! Ано и нам такой паробок мало у лошадей пригодитца, не токма которая верность на него положить; ино то твое государьство худо, што такие у тебя страдники в верности. А что он тацким обычаем твоя изуменная слуха свистаньем ужасил и свел в пропасть безчестия, ино великим государем не подобает того делати и таких безлепиц слушати. А что ты так негораздо учинил, и мы тому удивляемся; а что жалуешь неподобно о христианстве, — ¹³ино наших великих государей волное царское самодержество, не как ваше убогое королевство, а нашим великим государем не указывает никто,

а тебе твои панове как хотят, так укажут, занже наши государи от великого Владимирера, просветившаго всю землю Русскую святым крещением, и до нынешняго государя нашего их волное царское самодержжество николи непременно на государстве, и никем не посажены и не обдержимы, но от всемогущие божия десницы на своих государствах государи самодержествуют, а вы потому своих панов рад слушаете, што прародителей твоих гетманы литовские Рогволодовичев Давила да Морколда на Литовское княжество взяли. И которым обычаем князь велики смоленской Мстислав Володимирович Манамаш тех Рогволодовичев сведши с Полотцка, заточил во Царьгород и как они великому князю Мстиславу до заточенья повинны были, а в чем преслушались, и они за то и наказанье приняли, и то ведомо всему народу христианскому, которым то обычаем делалось. Ино потому ты своим паном и послушен, что есте не коренные государи, а будет потому, што вы от Сенкушквичев и как безлепичники врут, что Витенец служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегимник. И толко вы от тех пошли, ино вам и болши того подобает панов своих послушывати, занже есте государи не коренные; а наши великие государи, почен от Августа кесаря, облаадающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя его царского самодержества, все государи самодержьцы, и ништо же им ничем не может указу учинити и волны добрых жаловати, а лихих казнити; а ты по делу не волен еси, что еси посаженной государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государство и дали.¹³ А пастырство твое, которое не токма что вверенных тебе людей не волен еси, но и в себе не волен еси; как ты оставаешься без потомства, и який тебе поминок будет? Занже ¹⁴сестра твоя Анна несть замужем и несть подобна по тебе сидяща государя, и кому твоя память творити? Также сестра твоя Катерина ¹⁴ по думе панов рад твоих за каким ныне мужем, есть ли подобно то в ровности? А твое хотенье было и сестры твоей Катерины

за нашего великого государя! И мог ли ты малую волю свою мимо панов рад твоих волю сотворити? И коли ты сам в себе не волен, как же тебе волну быти в своем государстве? А то прокрасу себе притворяешь, што будто ты милостию волю даешь, а ты сам не волен ни в чем. А что писал еси, что бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истинны, понеже первого человека Адама бог сотворил самовласна и высока и заповедь положи, иже от единого древа не ясти, и егда заповедь преступи и каким осуженьем осужен бысть. Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, от славы в кожаны ризы, от покоя в трудех снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп, и паки по потопе заповедь иже не снести душа в крови, и паки во столпотворении разсеяние и Авраму веры ради обрезание и Исаку за повеление и Иякову закон и паки Моисеом закон и оправдание и оцыщение и преступником клятва даж во Второзаконии и до убийства, та же благодать и истинна Иисус Христом бысть и заповеди и законоуоставление и преступающим наказание.

Видиши ли, яко везде убо несвободно есть; и то твое писмо далече от истинны отстоит? И то ли самоволство добро, як твои панове доспели тебя фалшером, х таковым безлепицам тебе прирадили руку приложити? А што о нас писал еси неподобное дело, младенческим разумом изуमेся, а нам таким государем великим самодержьпом пригоже ли быти в ровности? У волного царьского самодержьства во чти есмя: в советниках есмя не меньшие, также и в воеводстве обладаем многими людьми, и которые прироженцы государьские изо многих царьств царьского величества по ругу приходят, и от тех не безчестны есмя и отчину свою по своему достоинству держу.¹⁵ А что еще от прародителей наших незгодами заустело город Новосиль, ино царьского величества милостию и казною и тот есмя город поставили и по его милосердному самодержьству тем городом обладаем. А тое ли нам чести хотети, как предкове наши незгодами своими предков ваших с своими

отчинами в руки пришли и якую неволю и безчестье терпели от предков ваших, як же и паны радными безчествованы? А панове рада твои все згожы быти нашими подданными, ино тое чести боже уховай, што подданным нашим с нами равным быти! А што ж нас пишешь зацными, ино зацному годитца ли зрадцою быти? А мы из давних предков своих своим государем и их волному царьскому самодержьству в службе своей верность показуем. А што хлопец наш Ивашко Козлов подобно змие яд тебе пзблевав, што будто отец наш князь Иван Михайлович и с отчиною своею хотел податися в отца твоего панство, и тое неподобное зрадное слово х которому делу пристойитца? Как он, собака, злодей, подобно бешеной собаке отца нашего небожника укарает? А мы не есмь от роду зрадцы, но от прародителей своих верные слуги его царьскому волному самодержьству, а от государя от своего его царьского волного самодержьства кроме жалованья и чти ничего не видим. А что на отца нашего опалы были, и то по его проступкам было, а смерть ему учинилась по божьёу веленью, а государское наказати и жаловати.

А што нам обещаешь свое жалованье нагорожати, и ты б нам нагородил так: первое бы еси учинился с нами в братстве, а нам бы еси дал в вотчину Новгородок Литовской, да Витепск, да Менеск, Шклов, Могилев и иные города по Днепру, кроме Киевского повету, да Волынскую землю и Подолскую всю сполна; ты будешь на Полском королевстве, а брат наш князь Иван Дмитриевич Белской будет на великом княжестве Литовском и на Русской земле, а брат наш князь Иван Федорович Мстиславской будет на Трокех и на Берести и на иных городех и на Прусех и на Жемоти, а мы на тех городех, которых мы нынеча просим у тебя, и так меж себя будем в братстве и в любви, и все совокупився с тобою вместе з братом своим будем под голдом великого государя его царьского волного самодержьства, бо его царское величество есть милостив для христианства и для поданных своих не щадит персоны своей против недругов своих, мощен есть обороняти тебя и нас

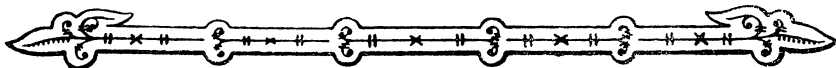
от турок, и от Перекопского, и от цысаря, и от иных многих земель и во всем нас в^б покое заховывати будет. А инако же нам учнешь нагрожати, брат наш, и нам менши того незгоже быти.

А што ж ты, брат наш, хошь нам подати великого государя нашего его волного самодержьства вотчину и на помочь людей послати, и мы зрадцею своему великому государю не хотим быти. Як же ты, брат наш, нам радишь по звычею рад твоих зрадному, а тая сотонинская гордость, что ты, брат наш, чужое даешь, чему подобна есть?! Якоже есть писано: аще взграеши яко орел и свиeши гнездо свое посреди звезд небесных, и оттуду ты свергу; рече господь: бог господь гордым сопротивник есть, смиренным же дает благодать. А что еси писал, брат наш, што хошь нас держати подобно с иными князми, ино ж мы царьского величества милостию и так тех князей выше есмя; а Прусская княжата што говорити, занже и ныне тебе не послушен есть, нам то гораздо ведомо. А что противно божью велению писал еси, што от бога-сотворителя повышоной княжачой крови, ино тое слово кроме ко антихристу приложити; а к иному ни к чему не подобно есть; господу богу нашему Иусу Христу, везде о смирении поучающу и глаголющу: «Царие язык господствуют ими» и велицы облагодатели нарицаютца, вы же не тако, но аще хто хочет вящший быти, да будет всем раб и всем слуга. Сын бо человеческий не приде, да послужат ему, но да послужити и дати душу свою избавление за многих»; и паки инде рече: «Еже есть высоко в чловецех, мерзость есть пред богом»; апостолу же вопиющу: «яко крыющиеся в вертепах, и в горах, и в пропастях земных, им же не бе достоин весь мир; где же положиши бога того оного веселящегося во вся дни светло и в муках возведша очи свои, како же убо Лазаря нищего, иже крупилцы падающи не могущи ясти и псом лижуши гной его, и лежаща пред враты того же богатого и несену быти ангелом на лоно Авраамле; богатому же оному мучитися в огни бесконечнем, ниже языка прохладити могуща». Как же не противно твое, брата нашего,

писание Христову повеленью? Везде убо господу гласящу и смирение заповелевающу, а ты, брат наш, гордость хвалишь и последствуя антихристову повеленью. А што еси, брат наш, писал, штоб нам на твое имя презывати людей, ино же подобает тебе к такому лотру писати, якиж бы достоин был такому твоему лотровскому писму, а мы ж фалшером не хотим быти, як же твои, брата нашего, панове тебе прирадили, а у нас же таких карают. А иное есми всказал тебе, брату своему, словом молвити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и што он учнет тебе от нас говорити, и ты б ему верил, бо то суть наши речи.

Писана царьского величества в граде Москве, лета 7075, июля 15 день.

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ВОРОТЫНСКОГО

Великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа в троицы славимого милостию великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси [*следует полный титул*] от его царьского величества совету боярина и воеводы и наместника Казанского и державцы Новосилского князя Михаила Ивановича Воротынского пану Григорью Александровичу Хоткевича слово наше то.

¹⁶Что прислал еси к нам лист свой с нашим хлопцом молодым с Ивашком Козловым, а в листу своем к нам писал еси, что ваш государь христианский, а будучи святой милосердый пан, помазанец божий, по звычаю блаженных памятей их милостей славных и великих государей прародителей своих государьских, так теж и сам из своей щедростливости государьские и з милосердья будучи повинен завжды оказывати образ человеколюбья божия, любовь к народу христьянскому, ея ж ради не пощадел бог сына своего единокровного, да распят был для нашего спасения и кровию его святою совокупил нас всех яко уды многи до единого тела и втвердил крещением любовь в нас; и для того должен государь ваш, по апостолу, с радующимися радовати, а со плачущими плакати и инде немощи немощных носить, а не себе угождати повинны есмя. И слышачи великий государь ваш милостивый его королевская милость о брату своем о государе нашем жестосердье неразсудительное его и на нас людей христьянских, богом поручен-

ных ему, гонения без правды и гнев непощадимый, так теж и разделение людем единого христианского народу и единые веры, а для чего ссталась есть опричина и для чего земская, чего з веков давних земли его николи за панованье предков его не бывало, тому дивит великий государь ваш и того жалует и вы вси жалуете и дивуетеся ему. И для того государь ваш много отъжидает ему терпением своим государским, еще не простер праведные руки свое крелевские и не поднес меча своего острого на землю его за его гордость, понеже⁷ видит его растленна разумом и болшого неприятеля земли своей, нежли вашего государя и кровопроливца нашего. И разумеет то государь ваш по нас по христианских людех, што мы с вами кровь проливаем по неволи, и милосердует о земли нашей и о нас всех, яко и знак милосердия великого государя вашего есть немалый на землю и на люди земли нашей на князе Ондрею Михайловичю Курбском, как его государь ваш пожаловал великим своим жалованьем и приближеньем и первым местом под Киевским воеводством, а он уже был в московских родех не десятый, а мало не двадцатый, также и в местцы. А наш пак род великий будучи надо всеми роды московскими, ведомо есть добре великому государю вашему и вам всем то есть ведомо, што вышел с крови государские великих князей Новосилских и до сих часов ведемся своими чины и обычайми великими на отчизне и на уделу своем по прироженному нашему величеству, маючи в себе свои бояре и воеводы; так теж ведомо есть великому государю вашему, что отчизна уделная нашей милости за Угрою за рекою от Москвы подошла у границы государя вашего под панство его королевские милости великое княжество Литовское к Севере, для которые яз отчизны свое уделные в мале не пил чаши отца своего князя Ивана Михайловича, которую он пил по зависти государей наших и по прироженью злому их. А так государь ваш великий, ведаючи о нашем величестве и слышачи про наше дородство и разум, которая наша милость от бога сотворителя нам дарована и окрашена, и разумеючи нашу милость быти пра-

вого наследника прародителем нашим и доброго блюстителя отчизне своей, послал до нашия милости слово свое государское ласковое, посетивши нашу милость в нужи нашей и зычачи нам той хотячи видети, абы бог на нашей милости прародителей наших величества и власть обновити и показати рачит, до чего хочет великий государь ваш домочи нашей милости войсками не малыми людей своих и казною своею государскою. И вы все государю вашему великому на то радите, а нашей милости помогати до того головами вашими и маетностями ради будете. И с тым государь ваш его королевская милость посылает до нашия милости дворянина своего и слугу верного Ивана Петровича Козлова, который давал ведомость великому государю вашему и вам, иж дед его был у отца нашего в милости преднейший человек, и верную ему государь ваш давши науку о всем о том. Также и вы до нашия милости посылаете листы ваши через верного слугу государя вашего Ивана Козлова, а вашего милово приятеля, и наша б милость ласки государьские великого государя вашего рачил вдячен быти, а вашу любовь к себе помнити, и государю вашему на листы его милости государьские наша милость рачил отписать волю свою сокровенно, яко есть обычай тому, и к вам на ваши листы також отписать тым же слугою государя вашего верным Иваном Козловым, ничим его не вредивши; а ведь же он, яко раб будучи, который не ищет воли своей, но господина своего воли ищет, а не боитца убивающих тела, но болши боитца убивающих душу и тело; а хто убивает тело брата своего, в мале времени смерти сподобляя, тот душу свою на веки погубляет. А в том был во всем рачила наша милость верити души твоей, будучи ужь на старости седины твоее, што ваша милость слово государя вашего христианского ни в чем обменны не будут, яко и пред тым никому, великому и убогому, слово государя вашего николи обменно не бывало а ни будет. А ты нашей милости не толко в словах любовь свою показати хочеш и сердцем к сердцу, и одна ти есть роскошь и утеха намилишая в старости лет, твоих два сына в себе з ласки

божьей меешь, Андрея и Александра, и каешься в них яко во свете очей твоих, и тых к нашей милости пошлешь со всеми слугами твоими и з маетностью твоею не пощадишь к потребе и к помощи нашей милости и сам нашу милость в добром здравье видети жадаешь; а притом приязни нашей милости полецаешься.¹⁶

И мы тот твой лист вычили и вразумели гораздо. И по твоему было отступному бесслужительному разуму. нецнотливой матери сыну, непригоже ниж краю ушес слышанию сподобитись, ниже мала ответа подати, яко бесовстей тме, токмо крестным ограждением прогоняти. Также и ты в совершенных седилах, аки возбеснев, вне ума своего бесом служить отдал еси себя и вместо христианства отступником именоватись и лжехристианином быти, и святей истине, и православной христианстей вере, и священным церквам и божественным иконам попатреть еси и разоритель; и аще прелестней тме служитель еси и богу противник еси, что убо к сему яко скорпия яд изливаеши, понеже отца твоего диявола еси наследник и похоти отца своего хочешь творити, яко он человекоубийца искони и во истине не стоит. А что в листу своем писал еси, что будто государь ваш образ человеколюбия божия оказывает, ино то лукавое прикровенье всем знатно, штож государь ваш не токмо вами, паны своими, не обладает, но и о себе власти не имеет: как же хотел государь ваш за нашего государя царьского величества сестру свою Катерину дати, ино ж вы панове зрадным обычаем того ему не прирадили и з братом его царьского величеством и во всем христианстве якое есте кровопролитие розмножили и ево есте сестру за какого великого человека дали и якую честь есте в том своему государю принесли, и то есть ведомо всему народу христианскому! И як же государь ваш о том слезен был, и што мог себе и сестре своей пособити кроме воли вашей? Ино то ли образ человеколюбия божия, что в неволе быти? Слово божие не вяжетца нигде ж и самовластно прибывает и волею за мирское спасение разпятца, а не так, как вы своего государя в неволе держите; ино то ни есть образ человеколюбия божия, но прелесть и тма

подобно антихристу, еже есть супротивно воле божьей. А што писал еси о единомроднем сыне божии, и где троица разделяетца, якож вы, тут не подобает о бозе богословити, понеже не ведите ни яж глаголете, ни о них же утверждается, якож инде реченно есть: «Грешнику ж рече бог: вскую ты поведаети оправданья моя и восприемлещи завет мой усты твоими, ты же возненавидел наказанье и отверже словеса моя вспять, аще видяше татя, течяше с ним и с прелюбодей участие свое полагаше, уста твоя умножиша злобу, и язык твой соплетаха лщения, седяи на брата своего клеветаше и на сына матери своея полагаше соблазн; сия сотворил еси, вознепшеваша еси, яко буду тебе подобен, обличю тя и представлю пред лицом твоим грехи твоя, разумеете ж сия забывающей бога, да некогда похитит и не будет избавляяй». И паки по апостолу: разумевше быти бога не яко бога благодарisha и прославиша, иже истинну в неправде держаще, но осуетишася помышлениями своими и омрачися неразумное их сердце. глаголюще быти мудри, обюродеша и послужisha твари вместо творца, иже есть благословен во веки. Аминь. Также и вы вместо бога надеетесь на мимотекущая стихия и на бесовския козни, и вам не подобает божественных глагол своими безбожными усты глаголати. А что кровью своею святою господь наш совокупил нас всех воедино, ино вы ж то за много лет разодрали ересью латынскою, так же ныне конечно от бога отступили есте и противни богу со антихристом учинились есте, церкви божии разоряюще и священные иконы попирающе и священные сосуды сокрушающе и истиннаго православия веру з божественными догматы испровергаете и горее бесермен напротивку богови востали есте и лжеимянно христианское имя на себе обносите, якоже рече божественный богословец: изыдоша от нас, но не беша от нас. Аще бо быша были от нас, превыша убо были с нами, вы же сами себя от божественнаго крещенья и любве крестьянские отогнали есте, понеже бысте «враги креста Христова, им же бог чрево и слава во студ им, иже земная мудрствующе». А што государь ваш с радующеи

радуетца и с плачущими плачетца, ино ж государь ваш ничегоже не может через вашу волю учинити, и то есть неоднократно писано, штож сами ж вы, отнявши волю у государя своего, и за то его святым зовете и милостивым, и штож его милость, коли он ничем не волен? Тая милость оказываетца праве яко власность имущий милость содержит. А чтож государь ваш немощи немощных носит, а не себе угоджает, но все подданным своим угождание творит, ино ж государь ваш, якож среди поля некоего Зхатая был, стоящы посреди скорпиев и аспидов вашего неистовства и израдства, отовсюду пуст сродства и пособленья, еще же к сему и главы не имея, еже истинные веры во истинного бога, тем же отовсюду пуст быв — мимошедших надеж и будущих присносущих надеж сих всех пуст быв, в правду убо и по достоинству вашей бесподобной гордости угаждает. Так теж вы з давних предков ваших звычею зрадным обычаем злолукаваго змия ухищрением государя своего безчестуете. А что еси писал в своей грамоте возбеснев о нашего государя царьском величестве, что будто государь ваш слышит о нашем государе, о его царьском величестве о жестосердии неразсудительном на нас, народе христианском, гоненье без правды и гнев непощадимой; и то твое бесовское коварство чему есть подобно? Еже подобно змии яд изливаеши. Годно ли в чюжом государстве закон ставити и в правде воли то перед спасителем богом, еже в чюжом государстве закон утвержати, сами не весте закона и не токмо законопреступницы, но и отступницы закона бысте? Како закон утверждаете? Како ж убо реченно бысть о Елизвое ефиопском цари, како подвижесь на Надунаса жидовина к Омиритцкому граду и каково запрещение бысть ему, якож рече: «мне месть — аз воздам, глаголет господь».¹⁷ Ты, дьяволской сын, как на такое царьское величество глаголешь неподобно? А наш государь, его царьское величество, как есть государь истинный и православный христианский, сияя во благочестьи государство свое добре разсматривает и благим жалованием подает, а злых наказует; а и во всех землях зрадцов казнят.¹⁸ А што еси писал в бесо-

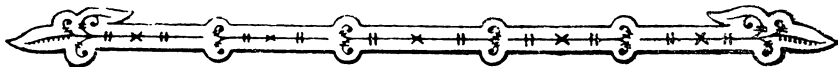
составной своей грамоте о разделении народу христианского, о опричнине и земском, ино ж тово не ведая, якии же скурвины дети, як же и ты, глаголют, а у государя нашего опричнины и земского нет; вся его царьская держава в его царьской деснице, а хто годен, тот у его царьского порога приближен есть, а хто негоден, тот отдалей слугует, бо государь наш самодержец есть, як же воля его, также и розказует нам слугам своим, а не як же государь ваш якоже подданный ваш вас послушенствует. А ведь же и в вашей земле есть земское, и дворное, и кралевское, гетманы и подскарбии и иные чиновники.¹⁸ А штож ся государь ваш дивует, ино ж из века то есть: младенчески разум имеючи и изуменьем похитившуся, велемудрому разуму дивятца. А што государь ваш не поднял меча своего острого на землю царьского величества, и то есть подобно сотонинской гордости, якоже реченно есть: възду выше звезд небесных и поставлю престол мой на облацех и буду подобен вышнему. Сие же государь ваш и вы, последствуя дияволу, подобно Сенахириму и Навходносору и Хоздрою¹⁹ и иным безбожным царем, яко птицу рукою своею хотите похитити православье, но господь гордым противник есть, якоже есть реченно: не в силе констей, ни в лыстех мужеских благоволит господь, благоволит господь на боящихся его и уповающих на милость его. Царьское бо величество и наш вернейший совет надеетца на всемогущего бога, в троицы славимаго, милость и помощь, о бозе бо сотворит силу, и той уничижит враги царьского величества; а ваш государь, да и вы надеетесь на сотонинскую прелесть, и якая ж ваша надея, якую ж себе отступную помощь обрящете? А што же писал еси злобесовным обычаем о разуме царьского величества укаяря, ино есть тому дивитися нечему, понеже есте сами предалися в неискусен ум лукавствия и изуমেся, якоже есть подобает вам, собацким людем, не ведуще что глаголете, не токмо царьского величества укоризны, но и на самого бога востали есте, и изуমেыйся якоже вы не весть ся что глаголете, и сего ради на вас грядет гнев божий, на сыны непокоривыя. А штож госу-

дарь ваш разумеет нас по неволе с вами кровь проливати, ино ж мы от прародителей своих его царского величества вернейший совет от многих времен и х царскому величеству праве заслуговали есмя и вперед з жаденьем заслуговати будем; и штож их царского величества искони вечная отчизна незгодами предков и их зрадою предков государей ваших вашим государем в руки пришла, и мы ж по царского величества велению с радостью службу свою приносячи его царскую отчизну доставая и у царского величества по старине утвердiti желаем. А штож писал еси о такой же собаке, як же еси сам, о Ондрее о Курбском, что его ваш государь пожаловал и во чтivosti учинил, и коли б государь ваш младенческим разумом не объят был, и он бы вас, панов рад своих, на безделье не слушал и лотовским обычаем таково израдца не жаловал на кровопролитье христианству. А о том дивитися не о чем, як же зрадивши государя нашего его царской главе и от шибеницы утекши, и к вашему малоумному государю пришел! Его же ты не зная, нечотный человек, похваляешь. А что о нас писал еси, ино и сам описовал еси, што наш род великий и зацный, ино подобает ли тебя, собаки, послушав, и твоего израдново умышленья последовати и израдою быти? А мы в царского величества жалованье в чести есмя в великой и отчизну свою по своему достоинству держим, и х тому еще его царского величества милостию, которая наша отчизна пуста была, и той государьского величества милостию нагрожен есми и тем всем обладаю.

А будет же королевское хотенье с нами братство и любовь свою и склонность хочет учинити, и он бы по тому учинил, как мы к нему в своем листе описовали. А зрадцею нам великим родом незгоже быти и отчизну государя нашего за себя заседати, як же племянник твой Янко,²⁰ хотячи осести Вифлянскую землю, и якое ж хотел кровопролитие христианству учинити, иже бог всех сотворитель злобесовской его козни сотворитись не здоволил. А што еси писал о нашей отчизне лобесовскою кознию, ино же отец наш князь Иван Михайло-

вич отошел света сего по божьим судбам, а ни по которой нуже, также и мы за некоторое прегрешенье в его царском наказанье были есмя, и опять ныне его царского величества милостью в светлости учинены есмя, а не як же ты, бешеная собака, изуменяя пишешь, что будто отчизны для нашии на нас царское наказанье было, а зависть и прироженье злобы есть ваша, что вы подданные слуги государя своего властью равняетесь своему государю. А что хочет государь ваш нашу власть обновити, и як же есмя писали к государю вашему в своем листу, и он бы так и обновил, а инако ж нам невзгоже. А што ж тот наш хлопец собацким обычаем сказывал государю вашему и вам, што дед его у отца нашего был первейшим человеком, и то есть от вашего безумья нам укоризна. А што есть он государя вашего верный слуга, а ваш милый приятель, ино ж таких хлопцов у нас у стад много есть, и коли ж у вас люд худ, а вам к потребе нужен, и вы ж и тех наших стадных хлопцов поемлите к себе и своему государю в верные слуги устройте их и себе в милые приятели, а мы ж по христианскому обычаю того вам не забороним. А инако ж нам братцкие приязни государя вашего невдячно быти, кроме того як же есмя писали к брату своему, а вашему государю, в его листу. А што ж пишешь, чтоб нам твою любовь к себе помнити, ино ж то есть нам невзгоже, что с нами, княжаты, вам, мужиком, быти в братстве; а будет же хочешь нашии милости к себе и як же еси писал, яко имеешь у себя два сына Андрея и Александра, и ты б их к нам прислал к потребе, як же они будут заслужовати нам, так теж и мы будем их заховывати. А на лист ваш сю нашу заповедь учинили есмя с тем же хлопцом нашим, а вашего государя верным слугою, а вашим приятелем. А твоей безбожной души кому мочно верити? Занже кто бога оставил и истинную веру, кая есть треба в души его крепости оставитися? А в такой старости, як же ты, неподобно есть государя своего фалшером чинити; также и тому, иже злодейским обычаем приходит, несть погрешително, еже по его безумью место воздати.

Писана царьского величества во граде Москве, лета 7075, июля 20 день.

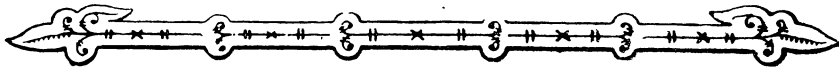

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. П. ФЕДОРОВА (1567)

Бога в троицы славимаго милостию и во едином существе поклоняема и славима, великого государя государем и самодержца, великого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии [*следует полный титул*], от его царского величества совету боярина и воеводы Полотцкого и наместника Ярославского²¹ Ивана Петровича Федоровича великому государю Жигимонту-Августу, божиею милостию королю Полскому и великому князю Литовскому [*следует полный титул*].

Что прислал еси до нас лист свой государской з бывшим хлопцом братьи нашей во государской раде Воротынских князей, и в листу своем к нам писал еси, и мы тот твой лист вычли и вразумели гораздо. Ино годитца ли тебе, таковому государю великому, фалшерным обычаем и лотровским з рукою своею государскою такие безлепицы посылати? А ведь же, государю, я уже человек при старости, зрадивши мне государя своего и душу свою зломивши, немного жити, а у тебе ж будучи, в войсках твоих ходити уже не могу, а до ложницы твоей ходити с курвами ноги же не служат, так теж и машкарством потешати тебя, государя, в старости своей не учон есми; чему ж твое государское хотенье предлежит? Чему же треба тебе по моей старости? Яким же бы еси лотром такое писанье прислал еси, яковым же бы достойно такое твое лотровское писмо.²¹

Писана в отчизне государя нашего в Полотцку, лета от создания миру 7075, августа 6 дня.

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ФЕДОРОВА

Бога в троицы славимаго милостию и во едином существе поклоняема и славима, великого государя государем и самодержца, великого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [*следует полный титул*], от его царского величества совету боярина и воеводы Полотцкого и наместника Ярославского Ивана Петровича Федоровича, брату нашему Григорью Александровичю Хоткевича, пану Виленскому, гетману навыйшшему великого княжства Литовского, старосте Городенскому и державце Могилевскому слово наше то.

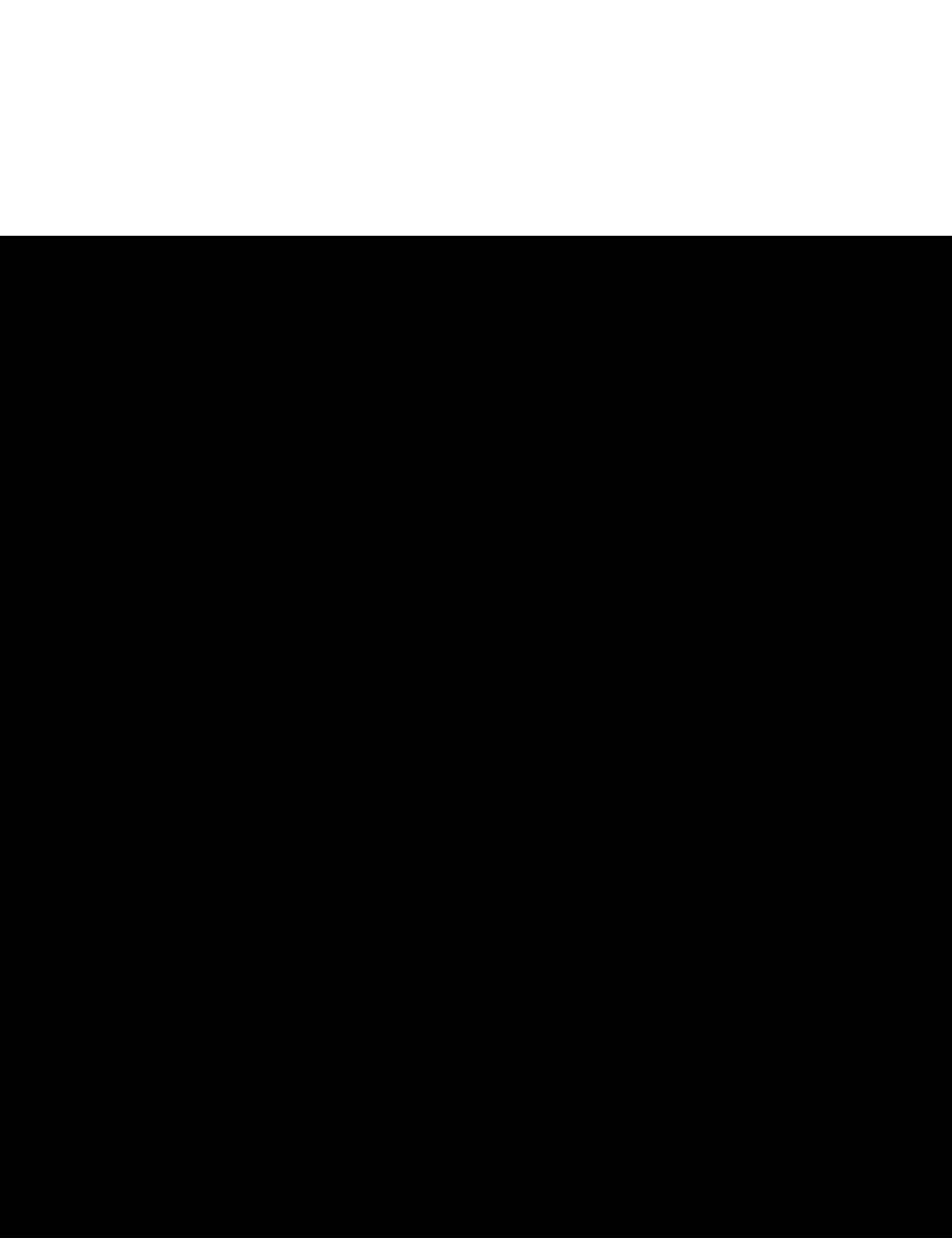
Что присылал еси к нам з листом хлопца Воротынских князей Ивашка Козлова, а в нем писал еси многие неподобные речи. Инож пак, пане Григорей, будучи нам в таковых седилах, згоже ли нам такие ссылки меж себя чинити, як же ты в своем писаньи писал еси и мне зрадити своего государя радишь? Мы же ся о том добре дивуем и жалуем о твоих седилах, як же еси в таковых седилах таковому лотровскому обычею вдался еси, еже нам не годитца таковым неподобным обычаем государем своим служити, но и справедливою правостью государем заслужовати, а то есть неподобных людей и лотров обычей, что язык свой на укоризну обращати. И мы о тебе, брате своем, добре жалуем, што в такое неподобное дело вдался еси. Также что в своем листу писал еси, называючи того молодого хлопца Воротынских князей государя своего дворянином, верным слугою: ино, пане Григорей, годно ли тебе, такому

сединами украшену человеку, так государю своему радити, як же того молодого хлопца дворянином и верным слугою такового великого государя описовати? Ино то есть не прямая ваша служба государю вашему и не добрая рада! А што ж он собатцким обычаем царское величество укоряя, тебе яко змия яд излиял, ино, пане Григорей, взгоже ли тебе в таковых сединах, собатцкой рот взявши, таковое неудобство писати? А государь наш, его царское величество, как есть государь милостивый, истинного православия, всех нас подданных слуг своих милостиво осматривает и нас подданных слуг своих по нашим заслугам своим жалованьем жалует, и есть есмь и ныне его царского величества милостию, честью, и отчизною и скарбом одарен много. А штож писал еси в листу своем, штож государь мой хотел надо мною кровопроливство вчинити, и тое, брат наш, берешь перед себя небыльы слова але зрадные, а ни есть того коли бывало, а ни быти может, што царскому величеству без вины кого карати. Также и того не бывало, што Литве Москва судити; полно, пане, вам и ваше место справовати, але не Московское царство. А штож в твоём листу писано, што потреба жалованью, как бы годно самому подданому; и якая ж то прямая служба, еже не мает воли государя своего над собою, но свою волю мает? И то есть не прямая служба, но зрадная, тоя ж от тебе зазле имею, як же в таковых сединах неразумьем писал еси. А што в твоём листу писано, штож государь мой волокитами меня трудит; ино государь мой, его царское величество, волокитами меня не трудит; а где есть годно его царскому величеству наша послуга, тут его царское величество на потребы свои посылает, также и наше приращенство царскому величеству с радостию заслужовати, а не в трудность то себе ставити, а так же мы не хотим выслужовати, як же вы, пане Григорей, у государя своего старшие вранды поимали с курвами бачачи до ложницы его государские, также с ним машкарством прохлажаючися, мы же на то дозволити не хотим. А штож есмь от бога разумом украшены и одарены, ино згоже ль разумному и дородному

зрадцею быти, як же, пане Григорей, посмехая свою седину, так неподобно радишь? Также, пане Григорей, такую мне вашу приязнь видячи ко государю вашему, как мне в вашу землю податися, як же не токмо к нам, своей братье, але же к своему государю прямые службы не оказываете, як же вы ныне его в якое безчестье ввергли, и як же вы ему прирадили, и яким безлепицам руку приложить на ссору христьянскую и на многое розлитие неповинные крови христьянские? Бо государь наш, как есть истинный, милостивый христьянский, и таковыя ваши змиинные причины, якож солнце сени отгоняя, не зрит. Мне же при своей старости зрадивши своего приращенного государя, чего от предков наших в нашем роду не бывало, также и аз предком своим последуючи, хочю государю своему прямо заслужовати и до своей смерти. Штож по вас, по безбожных людех будет, як же вы церкви божьи со священными законы испровергли есте? А штож писал еси, что аз государя вашего зычливый, ино ж аз как есть христьянский а побожный человек, и коли ж есми не видал злого дела в христьянстве, як же всякую любовь и милость свою показал и як же видели есмя по вас неприязнь к царскому величеству и ко всего народа христьянству желанье кровопролитью, и мне штож до вас дело, кое бо причастие свету ко тме и кое согласие Христови к Велияру и кая часть христьянину з безбожными? ²² А о вифлянтах что и писати! Токмо тово государь ваш царскому величеству не поступитца, ни яким же обычаем может кровопролитство в христьянстве унятися. Так бы еси ведал!

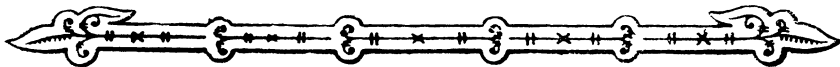
Писана в царского величества отчизне в Полотцку, лета от создания миру 7075, августа 6 дня.

ПОСЛАНИЯ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1564)

Царево государево послание во все его Российское царство об измене клятвопреступников — князя Андрея Курбского с товарищами

¹Бог наш троица, всегда бывший и ныне сущий, отец и сын и святой дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, которым цари царствуют и властители пишут правду; богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного слова божия победоносная непобедимая хоругвь — крест честной первому во благочестии царю Константину и всем православным царям и оберегателям православных. И после того как исполнилась воля провидения и божественные слуги божьего слова, как орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия дошла и до Российского царства. По божьему изволению начало самодержавия истинно православного Российского царства — от великого царя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и от великого царя Владимира Мономаха, который получил от греков достойнейшую честь, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами [татарами], вплоть до мстителя за несправедливости, деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего

великого государя Василия, и до нас, смиренных, скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим бога за премногую милость к нам, что не допустил он деснице нашей обогреться единоплеменной кровью, ибо мы не отняли ни у кого царства, но по божью изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и божьим повелением воцарились, и взяли все родительским благословением, а не похитили чужое. Да будет известно повеление этой истинно православной христианской самодержавной власти, владеющей многими землями, и да примет наш христианский смиренный ответ бывший истинно православный христианин и наш боярин, советник и воевода, ныне же отступник честного и животворящего креста господня и губитель христиан и служителей врагов христианства, отступивших от поклонения божественным иконам и пренебрегших всеми божественными священными повелениями, и разоривших святые храмы, осквернивших и низвергнувших священные сосуды и образа, как Исавр, Навозоименный [Юпроним] и Армянин, вступивший с ними в союз, князь Андрей Михайлович Курбский, изменнически пожелавший быть Ярославским князем.¹

Зачем ты, о князь, отверг свою единокровную душу, если ты мнишь себя благочестивым? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть все равно похитит тебя, — зачем же ты по ложному совету своих преданных бесу друзей и прислужников, за тело предал душу, если даже ты и побоялся смерти? И всюду, как бесы во всем мире, так и ваши друзья и слуги,² отрекшись от нас, нарушив крестное целование [присягу], подражая бесам разнообразными способами, всюду раскинули сети и по обычаю бесов следят за нами, наблюдая куда мы идем, что говорим и, воображая, что они бесплотны [невидимы],³ они составляют против нас оскорбления и укоризны, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за это злодеяние даете им многие награды нашей же землей и казной, ложно называя

их слугами, и, наполнившись этими бесовскими слухами, словно змеиным ядом, вы, разъярившись на меня и душу свою погубив, принимаетесь разрушать церковь. Не думай, что это справедливо — разъярившись на человека, восстать на бога: одно дело — человек, даже носящий на себе царскую порфиру, а другое дело — бог. Думаешь, окаянный, что убежишься? Никак! ⁴Если ты пойдешь вместе с ними воевать, придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; где руками не дерзнешь, там это сотворится из-за смертоносного яда твоей мысли. Представь же себе, как во время нашествия войска конские копыта будут попирать и давить нежные тела младенцев! Когда же зимой наступают, совершаются еще бóльшие жестокости. И разве же твой злодейский поступок не похож на неистовство Ирода, совершившего убийство младенцев? Это ли благочестие — совершать такие злодеяния? Если же ты скажешь, что мы тоже воюем с христианами — германцами и литовцами, то это — не то же самое. Даже если бы в этих странах были христиане — то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно случалось; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких служителей церкви и тайных рабов господних. Кроме того, и война с Литвой совершилась из-за вашей же измены, недоброхотства и безрассудного нерадения.⁴

Ты же ради тела погубил душу, презрел вечную славу ради мимотекущей, и на человека разъярившись, на бога восстал. Пойми, бедный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». Это ли твое благочестие, что ты погубил себя не во имя бога, а из себялюбия? Могут и там⁵ понять твое злодеяние те, кто поумнее: ты бежал не от смерти, а желая мимотекущей славы и богатства. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, зачем ты убоялся мученической смерти, которая не есть смерть, но приобретение? В конце концов все равно умрешь. Если же

ты убоился смертного приговора из-за лжи и клеветы твоих друзей, слуг сатаны,⁶ то это показывает только ваши всегдашние изменнические умыслы! Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: «Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от бога; тот, кто противится власти — противится божьему повелению»? Смотри и разумей: кто противится власти — противится богу; а кто противится богу, тот называется отступником, а это — наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: «Рабы! Слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но, как слуги бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Вот воля господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести мученический венец?

Но ради временной славы, себялюбия и сладостей мира сего ты попрал все свое душевное благочестие и христианскую веру; ты уподобился семени, попавшему на камень и выросшему, но из-за солнечного зноя, то есть, из-за одного ложного слова, соблазнился и отпал и не сотворил плода; из-за ложных слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там веру в бога и покорность нам и подчинил тебя своей воле. Во всех божественных писаниях сказано, что дети не должны противиться родителям, а рабы — господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись лжи от отца своего дьявола, будешь утверждать, что бежал от меня ради веры, то — жив господь мой, жива душа моя — не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, этого греха во мне не найдете. Надеемся еще милостию бога-слова и его пречистой матери и молитвами всех святых дать ответ в этом

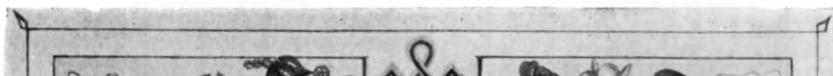
не только тебе, но и тем, кто попрад святыне иконы, отверг божественную тайну христианства и отступил от бога (ты же вступил с ними в дружескую связь), надеемся обличить их нечестивость и выступить на защиту благочестия, дабы воссияла благодать.

Как же ты не устыдился раба своего Васьки Шибанова?⁷ Он ведь и у порога смерти сохранил свое благочестие и, стоя перед царем и перед всем народом, не отрекся от присяги тебе, восхваляя тебя и стремясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков — ибо по божьему изволению бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили нам до смерти и завещали своим детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушил присягу на кресте, присоединился к врагам христианства и к тому же еще, не сознавая собственного злодеяния, обращаешься к нам с нелепыми и тупоумными речами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить со своим господином так, как поступил он.

Писание твое принято и прочитано внимательно.⁸ Змеиный яд у тебя под языком и поэтому, хоть письмо твое и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «уста их мягче елеса, но в них — стрелы». Так ли обучен ты, христианин, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от бога данному, как делаешь ты, изрыгая бесовский яд? ⁹В начале твоего письма, которое ты написал не размыслив, содержится наватская ересь, ибо ты, подобно Навату, требуешь от человека такого покаяния, которого не позволяет человеческая природа. Ты прав, что мы были просвещены светом православия — как тогда, так и теперь мы веруем истинной верой в истинного и живого бога. Но когда ты пишешь, что [мы выступили] против и [прибавляешь]: «разумевая,

имеющий прокаженную совесть», — тут ты впадаешь в наватскую ересь и не думаешь о евангельских словах: «Горе миру от соблазнов, ибо не надобно притти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит; лучше было бы ему, если бы привесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской». В слепоте твоей злобы ты не способен видеть истину; и если уж ты считаешь себя достойным стоять у престола всевышнего, всегда служить с ангелами и собственными руками заклать жертвенного агнца для спасения мира, то зачем же ты все это поправил и со своими дьявольскими советниками обрек нас своими лукавыми замыслами на многие страдания? Вы ведь еще с юности, подобно бесам, поколебали мое благочестие, и державу, полученную мною от бога и от моих прародителей, взяли под свою власть. А это ли совесть прокаженная — держать свое царство в руке и не давать господствовать своим рабам? Это ли противно разуму — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли православие пресветлое — быть под властью и повелением рабов?⁹

Так обстоит дело с мирскими делами; в духовных же и церковных делах, если я и совершил небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены; кроме того, и я — человек; нет ведь человека без греха, один бог безгрешен; это ты только считаешь себя человеком, равным ангелу. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. А русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! А ты этого в своей злобе не смог понять, считая благочестием, когда самодержавие находится под властью известного попа¹⁰ и под вашим злодейским повелением. А это по-твоему нечестие, когда мы сами обладаем властью, данной нам от бога, и не хотим быть под властью попа и под вашим злодейским повелением. Когда же божьей милостью, заступничеством пречистой богородицы, молитвами всех святых и родительским

благословением я не дал вам, злодеям, погубить себя — это значит, по-твоему, что я выступил против православия? Сколько зла я тогда от вас претерпел! Но об этом напишу подробнее ниже.

¹¹Если же ты вспоминаешь о том, что мы не твердо соблюдали церковные обряды и устраивали игры, то ведь это тоже было из-за вашего коварного поведения, ибо вы исторгли меня из спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня тяжелое бремя, а сами ни одним пальцем не помогали его нести, поэтому я и не соблюдал церковных обрядов частью из-за забот царского правления, вами подорванного, частью — чтобы избежать ваших коварных замыслов. Устраивал же я игры, снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли вслед коварным замыслам, устраивал для того, чтобы они нас, своих государей, признали, а не вас, изменников, подобно тому как мать разрешает детям всяческие забавы, пока в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут и превзойдут родителей умом, то откажутся от этих забав сами, или подобно тому как бог разрешил евреям приносить жертвы — лишь бы богу приносили, а не бесам. А чем они у вас привыкли забавляться? ¹¹

А не в этом ли заключается мое отступничество, что я не дал вам погубить себя? А ты зачем погубил свою душу и разум, нарушив крестное целование, — не из-за страха ли смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но хуже всего ваши укоры и оскорбления, которые вы начали наносить мне уже давно и продолжаете до сих пор, ярясь как дикий зверь и учиня измену, — в этом ли заключается ваша усердная и верная служба, что вы меня оскорбляли и укоряли? Дрожите, как одержимые, а сами, предвосхищая божий суд и заменяя его своим судом, устроенным вашими начальниками, попом и Алексеем,¹² осу-

ждаете меня, как собаки. И этим вы противитесь богу и всем святым, прославившимся постом и подвигами, ибо они нередко подавали руку впадавшим во грех и вновь подымавшимся (нет беды в том, чтобы подыматься!) и страждущим и подымали из пропасти греха [следует библейская цитата], которых ты отверг, бы! Так же, как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что ты, собака, совершив такое злодеяние, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий гнуснее кала? ¹³Или, по-твоему, праведно поступили те твои дьявольские единомышленники, которые сбросили монашескую одежду и пошли воевать против христиан? Скажете, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Разве не говорил Иоанн Лествичник: «видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее вольных»? Чего же вы им не подражаете, если вы благочестивы? Много было насильно постриженных и лучше Тимохи — даже среди царей, а они не оскверняли монашества. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло, — их ждала еще худшая гибель, телесная и душевная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри, как была благочестива его княгиня — он захотел освободить ее от невольного пострижения, но она предпочла вечное царство переходящему и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, грабил святые церкви и монастыри, истязал игуменов, попов и монахов и в конце концов не удержал своего княжения и даже памяти о нем не осталось. Много было таких случаев и в Царьграде: одним были отрезаны носы, другие же, которые сбросили монашескую одежду и вновь заняли царский престол, были за это наказаны — на этом свете жесточайшей казнью, а на том бесконечными муками, ибо совершили это из гордости и честолюбия. Так было с государями, а с подданными еще хуже! Всякого, кто отречется от ангельского монашеского чина, ждет божий суд.

Те же, которые были пострижены недавно по решению великого собора и снова вернули себе прежнее достоинство, совершили еще больший грех, чем прежние преступники, не дерзнувшие это сделать.¹³

Это ли ваше благочестие, что вы совершаете такие дьявольские нечестивые дела? Или ты думаешь, что ты — Авенир, сын Нира, храбрейший во Израиле, если позволяешь себе в своей надменности писать такие дьявольские послания? Но и тогда что произошло во Израиле? Когда убил его Иоав, сын Саруя, тогда не стало во Израиле сильных мужей. Скажешь, что вы с божьей помощью одержали славные победы над противниками? Но напрасно ты все время так надменно хвалишься! Вспомни опять о том, кто сотворил подобно тебе, — если любишь Ветхий Завет, с ним и сравним тебя: помогла ли военная храбрость Авениру, когда он бесчестно поступил со своим господином, соблазнил Ресфу, жену Саула, и, уличенный в этом сыном Саула Мемфивосфеем, разгневался, изменил Саулу и затем погиб? Ты подобен ему своими дьявольскими поступками и надменным стремлением к почестям и богатству. Как Авенир посягнул на супругу своего господина, так и ты посягаешь на богом данные ему города и деревни, совершая столь же дьявольский и бесчестный поступок. Или ты напомнишь мне плач Давидов? Но хотя этот царь был праведен и не хотел совершать убийства, нечестивые погибли своей смертью. Видишь, что бранная храбрость не помогает тому, кто не чтит своего господина. Приведу тебе еще пример Ахитофела: он подобно тебе составлял коварный заговор, подговаривая Авессалома против отца, и как же он был наказан за это! Весь его замысел рассыпался в прах благодаря одному старцу; весь Израиль был побежден небольшим числом людей; он же окончил свою жизнь, удавившись. Так было раньше, так бывает и теперь: божья благодать обнаруживается в немощах, и ваше дьявольское восстание на церковь рассыпает сам Христос. Вспомни также древнего отступника Иероваама, сына Навата, как он отделился от Израиля с де-

вятью племенами, создал царство в Самарии, отрекся от бога живого и стал поклоняться тельцу, и как царство в Самарии пришло в смятение; царская власть там не удержалась и вскоре оно погибло; Иудейское же царство было хоть и мало, но грозно и существовало, пока этого желал бог [следуют цитаты из Библии и из византийского писателя и церковного деятеля Иоанна Златоуста о могуществе божьем и бессилии его врагов].¹⁴

Как же ты не смог понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «к одним будьте милостивы, с рассмотрением, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели же ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать споры своих подданных?

Как же тебе не стыдно именовать мучениками злодеев, не разбирая, за что они пострадали? Апостол восклицал: «тот, кто незаконно, то есть не за веру, подвергнется мученичеству, не достоин мученического венца»; божественный Златоуст и великий Афанасий в своем исповедании говорили: воры, разбойники, злодеи и прелюбодее предаются пыткам, но они не мученики, ибо они мучимы за свои грехи, а не во имя бога. Божественный же апостол Петр говорил: «лучше пострадать за добро, чем за зло». Разве ты не видишь, что никто не восхваляет мучения творивших зло? Вы же, уподобляясь дьявольским поведением змее, изрыгая яд, не разбираете ни обстоятельств, ни покаяния, ни преступности человека, а хотите только с бесовской хитростью прикрыть свою коварную измену лживым названием.

¹⁵Разве же это противно разуму — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, убил собственного сына! А князь Федор Ростиславич, ваш предок, сколько крови пролил в Смоленске во время пасхи! А ведь они причислены к святым. А как же Давид, избранный богом, когда его не приняли в Иерусалиме, приказал убивать иевусеев [иерусалимцев] — хромых и слепых, ненавидящих душу Давидову? Или по твоему и те, не желавшие принять данного богом царя, — тоже мученики? Как же ты не задумался над тем, что такой благочестивый царь обрушил свой могучий гнев на немощных рабов? Но разве нынешние изменники не совершили такого же злодейства? Они еще хуже. Те только попытались помешать царю вступить в город, но не сумели этого сделать; эти же, нарушив клятву на кресте, отвергли уже принятого ими, данного им богом и родившегося на царстве царя и, сколько могли сделать зла, сделали — словом, делом и тайным умыслом; почему же эти менее достойны злейших казней, чем те? Ты скажешь: «те действовали явно, эти же тайно»; но потому-то ваше дьявольское злодейство еще преступнее: люди видят ваше доброхотство и службу, а в сердцах ваших злодейские замыслы и стремление к гибели и разорению; устами благословляете, а сердцем проклинаете. Немало и иных было царей, которые спасли свои царства от беспорядка и отражали злодейские замыслы и преступления подданных. И всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым являть милосердие и кротость, злым — жестокость и расправы. Если же этого нет, то он — не царь, ибо царь заставляет трепетать не добро творящих, а зло. Хочешь не бояться власти? Делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский

замысел, там ты еще подбавил сорных трав.¹⁶ И сбылось на тебе пророческое слово: «вы, которые возжигаете огонь, ходите в пламень огня вашего, который вы сами разожгли». Как ты сходитен с Иудой предателем! Так же, как он ради богатства разъярился и отдал на убиение общего повелителя, проживая среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, пребывая у нас, ел наш хлеб и соглашался служить нам, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты выполнил присягу, скрепленную крестным целованием, — желать нам добра без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? По словам премудрого «нет головы, подлее змеиной», также и нет злобы подлее твоей злобы.

Почему же ты взялся быть учителем моей душе и телу? Кто тебя поставил судьей или властителем надо мной? Разве же ты дашь ответ за мою душу в день Страшного суда? Апостол Павел говорит: «Как веруют без проповедующего и как проповедуют, если не будут на то посланы?». Так было в пришествие Христово; ты же от кого послан? И кто тебя сделал архиереем и позволил принять на себя учительский сан? Апостол Иаков это отвергает [следуют библейские цитаты].

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежды и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, противно разуму и порождено прокаженной совестью, когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попом. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Так пусть эта погибель падет на твою голову! [следуют библейские цитаты].

Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же только по имени и по чести — царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?

Апостол Павел писал галатам: «Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба; он подчинен управителям и наставникам до срока, отцом назначенного». Мы же, слава богу, дошли до возраста, отцом назначенного, и нам не подобает слушаться управителей и наставников.

Скажешь, что я, поворачивая туда и сюда, пишу все одно и то же? Но в этом виноваты прежде всего ваши злодейские замыслы, потому что вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы — на деле; потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете затевать злодейские замыслы против меня. Вспомни, когда бог избавил евреев от рабства, разве он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, он поставил над ними единого царя — Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но Аарону зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от бога. Видишь сам, что не подобает священникам творить царские дела! Также когда Дафан и Авирон захотели захватить власть — вспомни, как они были наказаны за это гибелью и к какой гибели привели многих сынов Израиля? Того же и вы, бояре, достойны! После этого судьей над Израилем был поставлен Иисус Навин, а священником Элеазар, и с тех пор, до времен жреца Ильи, господствовали судьи: Иуда, Варах, Еффа, Геден и многие другие. И как мудро они боролись с врагами и спасали Израиль! Когда же жрец Илья взял на себя и священство и царскую власть, то, хотя он сам был праведен и добр, все соблазнились богатством и славой, сыновья его Офний и Финеес отступили от истины, и погиб он сам и его сыновья, весь Израиль был разбит, и кивот с заповедями господними подвергнулся пленению вплоть до времени царя Давида. Не видишь разве, что власть священника и управителя с царской властью не совместима? Это из ветхозаветной истории, то же бывало и в Римском царстве и, после Христова пришествия, в греческом царстве, когда там осуществлялись злодейские замыслы, подобные вашим. Август-цесарь ведь обладал всей

вселенной: Аламанией [Германией], Далмацией, всеми италийскими землями, готами, сарматами, Афинами, Сирией, Киликией, Азией, Междуречьем, Каппадокийскими странами, городом Дамаском, божьим городом Иерусалимом, Александрией, Египтом, вплоть до Персидской державы, — все это было много лет под единой властью, вплоть до благочестивейшего царя Константина Флавия. Но после него его сыновья разделили власть: Константин в Царьграде, Констанций в Риме, Конста же в Далмации. С этого времени Греческая держава стала делиться и оскудевать. И снова, при царе Маркиане, в Италии многие князья, управлявшие отдельными областями, восстали, подобно тому как делаете вы; в царствование Льва Великого каждый из них захватил себе особую область, например, в Африке рига [король] Зинзирх [Гейзерих] и другие. И с тех пор прекратился всякий порядок в Греческом царстве — только и делали, что боролись за власть, честь и богатство и гибли в междоусобной борьбе. Особенно же стала ослабевать греческая вера и власть в царствование Анастасия Дикороса Драчанина, ибо в это время начали нападать персы и захватили Месопотамскую митрополию, а многие воины восставали, как, например, Виталик, и подступали с войском к стенам Константинополя. Очень ослабела греческая власть и при Маврикии. Но даже когда при Фоке-мучителе персидский царь Хозрой захватил Фракию и Ираклию досталось сильно уменьшенное царство, духовные, ипаты [управители] и весь царский совет не перестали воевать между собою из-за власти и богатства и захватывать города, области и имения, а греческое царство из-за этого все более распадалось. В царствование Юстина [Юстиниана] Курносого греки снова потерпели поражение от варваров и было перебито множество воинов. В это время отделились болгарская держава и церковь, а духовные, советники и все управители не переставали тем временем бороться из-за власти и не упускали случая приобрести новые имения и богатства в городах и областях [следует библейская цитата о корыстолюбивых людях].

Так как же, по вашему дьявольскому мнению, можно угождать таким людям? [следует библейская цитата о человеческой порочности].

Потом, в царствование Апсимара, Филиппика и Феодосия-Бороды Адриачического персы захватили у греков Дамаск и Египетскую державу; затем, при Константине Навозоименном [Копрониме] от греческого царства отложились скифы, а при Льве Армянине, Михаиле Аморене и Теофиле отторгся Рим со всей Италией; после этого все они избрали себе в цари латинского князя Карла из земли внутренних фрягов [франков], и во многих италийских странах поставили себе собственных королей, князей, властителей и управителей. Также и в Нейстрии и в Испании, и в Далмации, и у французов, и в верхне-немецкой земле, и у поляков, и у литовцев, и у готов, и у валахов, и у молдаван, также и у сербов и болгар, когда они отделились от Греческого царства, установилась своя власть, а Греческое царство из-за этого еще больше распалось. В царствование же Михаила и Феодоры благочестивых персы захватили божий город Иерусалим, Палестинскую землю и Финикийские страны; столица пришла в еще больший упадок и испытывала частые потрясения от нашествий и войн, а тем временем духовенство и советники не оставляли своих зловредных привычек, и не только не беспокоились о таком разорении царства, но как бы сном считали эту гибель. Ведь вы также, подобно им, злодейски желаете себе славы, чести и богатства сверх меры, на гибель христианству! До того времени греки брали со многих стран дань, но потом сами стали платить дань — не по божьей воле, а из-за беспорядка, подобного тому, который вы затеваете. Таким образом, столичный город все это время пребывал в упадке, вплоть до царствования Алексея, прозванного Дукой Мурцуфлом, при котором столица была захвачена фрягами [западными народами] и попала в тяжелейший плен, и так погибла благочестивая и великолепная Греческая держава. Затем Михаил Палеолог изгнал латинян из Царьграда и вновь создал царство, ничтож-

ное по силе; оно просуществовало до царя Константина, прозванного Дрогасом [Драгазесом], а при нем явился за наши грехи безбожный Магмет, погасил Греческую державу и, подобно ветру или сильной буре, не оставил от нее ни следа.¹⁶

Подумай, какая власть создавалась в тех странах, где цари слушались духовных и советников, и как погибли эти страны! Неужели и нам посоветуешь так поступать, чтобы тоже прийти к гибели? Это ли благочестие — не подавлять злодеев, не управлять царством и отдать его на разграбление иноплеменникам? Этому, по-твоему, учат святители? Хорошо и поучительно! Одно дело — спасать свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах других людей; одно дело — отшельничество, одно дело — монашество, одно дело — священническая власть, а другое дело — царское правление. Отшельническая жизнь — жить подобно агнцу, который ничему не противится, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же, хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, правила и даже заповеди, — если они не будут всего этого соблюдать, то совместная жизнь расстроится; священническая власть требует многих запретов, наказаний за вину; у священников существуют высшие и низшие должности, им разрешаются украшения, слава и почести, а инокам это не подобает; царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и обузданием, а против злейших и лукавых преступников — последним наказанием. Пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. Прилично ли царю, например, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это ли совершеннейшая заповедь; как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священнику подобает так делать, — пойми же, поэтому, разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира существуют многие тяжелые наказания, хоть и не смертная казнь. Насколько же суровее должна наказывать злодеев царская власть!

¹⁷Не может осуществиться и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое.¹⁷ Пророк говорил об этом: «Горе дому, которым управляет женщина, горе городу, которым управляют многие!» Как видишь, управление многих, даже если они сильны, храбры и разумны, но не имеют единой власти, будет подобно женскому безумию. Ибо так же, как женщина не способна остановиться на едином решении — то решит одно, то другое, так и многие правители царства — один захочет одного, другой другого. Вот почему желания и замыслы многих людей подобны женскому безумию. Все это я указал тебе для того, чтобы ты понял, какое благо выйдет из того, что вы будете владеть городами и управлять царством вместо царей, — имеющему разум следует это понять. Вспомни: «не обращайтесь к богатству и золоту, даже когда богатство умножается». Кто сказал эти слова? Не обладал ли он царской властью? Разве ему не подобало золото? Но он и не смотрел на золото, а ум его всегда был направлен к богу и военным делам. Ты же подобен Гиезию, продавшему божью благодать за золото и наказанному за это проказой; ибо ты тоже ради золота ополчился против христиан. Апостол Павел восклицал: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей; ибо многие, как я часто говорил вам, а теперь говорю с плачем, поступают, как враги Христовы; их бог — чрево, слава их — в сраме, они мыслят о земном». Как же не назвать тебя врагом креста Христова, если ты ради славы, желая насладиться богатством и честью этого бренного мира, презирая вечное будущее, научившись измене от своих прародителей и заранее приготовив злодейство в сердце своем, ты, «евший со мной хлеб, поднял на меня свою ногу», нарушил присягу и вооружился, чтобы воевать против христиан? Так пусть же подымется на тебя победоносное оружие господне — крест Христов!

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от одной из жен, то есть от наложницы, перебили в один день 70 сыновей Гедеона, рожденных в беззаконии его женами, и посадили на престол Авимелеха, так и вы, задумав свою злую собачью измену, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня полагаете, если, подобно Ироду, хотели погубить сосущего молоко младенца и меня,¹⁸ и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня полагаете и добра мне желаете? Будь это ваши дети, дали бы вы им вместо яйца — скорпиона и вместо рыбы — камень? Если вы злы — то почему умеете творить добро своим детям, а если добры — то почему же вы не творите того же добра нашим детям, что и своим?¹⁹ Но вы еще от прародителей научены совершать измену: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким затеял измену против нашего деда, великого государя Ивана, так и отец, князь Михаил, с великим князем Дмитрием-внуком причинял вред и готовил смерть нашему отцу, блаженной памяти великому государю Василию, так же и деда твоей матери Василий и Иван Тучко говорили пакостные и укоризненные слова нашему деду, великому государю Ивану, так же и дед твой, Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, сказал про нее много надменных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву, и так как ты — змеиное отродье, то и изрыгаешь яд.¹⁹ Этим я тебе достаточно объяснил, почему твоему дьявольскому разуму противен тот, кто знает у кого прокаженная совесть! В нашей же державе таких нет. А хоть отец твой, князь Михаил, много претерпел гонений и обид, но такой измены, как ты, он не совершил.

²⁰А когда ты писал: за что я перебил сильных во Израиле и данных богом воевод различным смертям предал и их святую и победоносную кровь в церквах божьих пролил, обагрил цер-

ковные пороги кровью мучеников и придумал неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброжелателей, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и других неподобающих поступках,²⁰ то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали и неизвестно, кто еще сильнейший во Израиле: потому что Российская земля держится божьим милосердием, милостью пречистой богородицы, молитвами всех святых, благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами. Мы не предавали своих воевод различным смертям, — с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и кроме вас, изменников. Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить.

Крови же в церкви мы никакой не проливали. Не знаем, что это за победоносная и святая кровь, — в нынешнее время о такой у нас ничего не было слышно. А церковные пороги, и не только пороги, но и помост и преддверия, мы, как только избавились от вашей бесовской власти, принялись украшать всяким добром, насколько хватает у нас сил и у наших подданных усердия, — это могут видеть и иноплеменики. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагрjali; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают (подобно зеркалу) порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; те же, которые, как я сказал,

оказывают противодействие, приемлют казнь по своей вине. А как в других странах карают злодеев, сам увидишь: там не по-здешнему! Это вы утвердили дьявольский обычай любить изменников; а в других странах изменников не любят: казнят их и тем усиливаются.

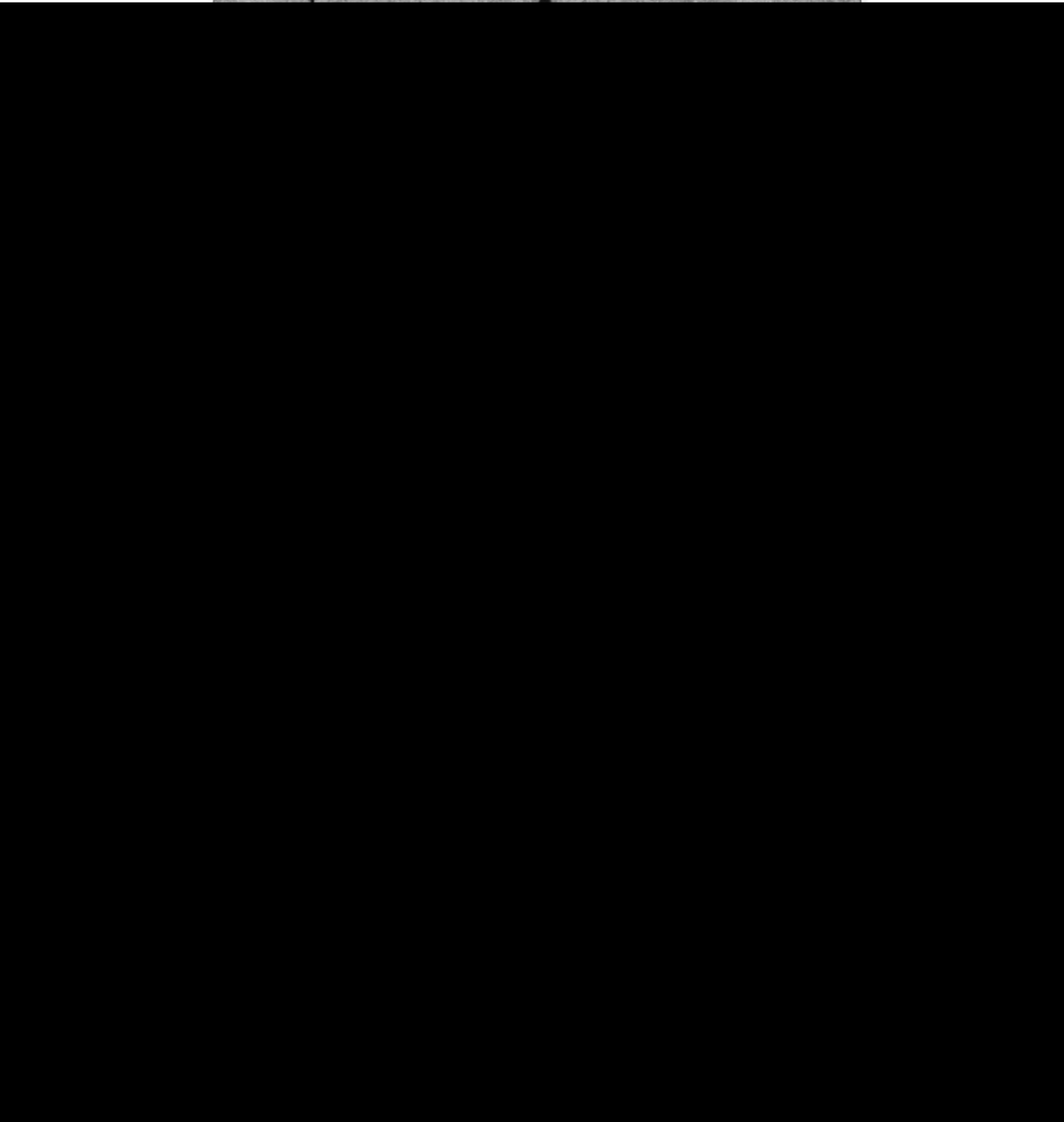
Мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали, если же ты говоришь об изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят. А что мы якобы облыгаем православных [следует библейская цитата, уподобляющая Курбского глухому аспиду], то если уж я облыгаю [клевету], от кого же тогда ждать истины? Что же, изменник, по твоему дьявольскому мнению, что бы они ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Из желания ли власти моих подданных, или их худого рубища, или чтобы пожирать их? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов; кто же, имея разум, будет зря казнить своих подданных!

²¹Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я страдал из-за вас от юности до последнего времени. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по божьей воле, сменив порфиру на ангельскую [монашескую] одежду, наш отец, великий государь Василий, оставил брренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное предстоять перед царем царей и господином государей, мне было три года, а покойному брату, святопочившему Георгию, один год; остались мы сиротами, а мать наша, благочестивая царица Елена, — столь же несчастной вдовой, и оказались словно среди пламени: со всех сторон на нас двинулись войной иноплемennые народы — литовцы, поляки, крымские татары, Надчитархан, нагаи, казанцы, а вы, изменники, тем временем начали причинять нам многие беды — князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись? И в Царьград и в Крым и к нагаям, и всюду подымали войну против православных. Но ничего из этого не

вышло, — по божьему милосердию и молитвам наших родителей, все эти замыслы рассыпались в прах, как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли на нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, полагающими за нас душу!), а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном Семеновичем, внуком князя Петра Львова-Романовича и многие другие. Но, с божьей помощью, этот заговор не осуществился. Не это ли то доброжелательство, за которое их хвалишь? Не тем ли они за нас душу полагают, что хотели нас погубить, а дядю нашего посадить на престол? Затем они изменническим образом стали уступать нашему врагу, великому князю литовскому, наши вотчины, города Радогощ, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить губить родную землю ради славы, то вступают в союз с иноплемениками — лишь бы навсегда погубить землю! ²¹

²²Когда же божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в небесное, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал; осталась нам надежда только на бога, пречистую богородицу, на всех святых и на родительское благословение. Было мне в это время восемь лет; поданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца, перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них! Казну матери перенесли в Большую казну, и при этом неистово пихали ее ногами и кололи палками [концами трости], а остальное разделили между собой. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князя Василия и Иван Шуйские самовольно заняли при мне первые места

и стали вместо царя, тех же, кто больше всех изменяли нашему отцу и матери, выпустили из заточения и привлекли на свою сторону. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Ивановича, и его сторонники, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, на этом дворе захватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при нашем отце и при нас, и, опозорив его, убили; князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; подняли руку и на церковь: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение, и так осуществили свои желания и сами стали царствовать. Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой только нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали во-время. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом, — говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; бесчисленную казну нашего деда и отца забрали себе и наковали себе из нее золотых и серебряных сосудов и надписали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние; но известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая [полушерстяная] зеленая на куницах, да еще на ветхих, — так если бы это было их наследственное имущество, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. Что касается казны наших дядей, то ее всю захватили. Потом напали на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили

их имения. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами устраивали неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду и за мзду все только и делали.²²

²³Так они жили долгое время, но когда я стал подрастать, я не захотел быть под властью своих рабов; князя Ивана Васильевича Шуйского отправил служить вдаль от себя, а при себе велел быть своему боярину князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав многих людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его советники, Кубенские и другие, еще до его приезда захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили; а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский со своими единомышленниками явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, вытащили из палаты и хотели его убить. Тогда мы послали митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они, с неохотой послушавшись наших слов, сослали его в Кострому; при этом они оскорбляли митрополита, теснили его и разорвали на нем мантию с источниками [цветными полосами], и толкали в спину наших бояр. Не это ли их доброжелательство, что они, вопреки нашему повелению, захватили угодных нам бояр и перебили их, предав мукам? Так ли они душу за государей своих полагают, что ходят на государей войной, сонмищем захватывают людей, и государю приходится сноситься с холопами и упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная служба? Поистине вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, совершенных ими в то время? Со времени кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!²³

²⁴Когда же мы достигли пятнадцати лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи всегда раздражают бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала и таким образом спалила Москву, и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись сонмищем иудейским, с криками захватил в церкви Дмитрия Селунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; оттуда его выволокли и бесчеловечно убили в Успенском соборе напротив митрополичьего места, залив церковный помост кровью, и, вытащив его тело через церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. Это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором, ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьево, и те же изменники убедили народ убить и нас за то, что мы будто бы прятали у себя мать князя Юрия Глинского, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Такие измышления, право, достойны смеха! Чего ради нам самим в своем царстве быть поджигателем? Из родительского имущества у нас сгорели такие вещи, каких во всей вселенной не найдешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена. Разве же можно кропить на такую высоту, как колокольня Ивана Великого? Это — явное безумие!²⁴ В этом ли состоит достойная служба наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи сборища, убивают наших добрых бояр, да еще наших родственников? Этим ли душу за нас полагают, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нам велят свято

читать закон, а сами нам в этом не следуют! Чего же ты, собака, хвастаешься военной храбростью и хвалишь за нее других собак и изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «если царство разделится, то оно не сможет устоять»; кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобиями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: если в царстве нет благого устройства, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель недостаточно укрепляет войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, не думая об этом, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно; ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; дома ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь утвердить храбрость на самовольстве и междоусобных бранях.

²⁵Был в это время при нашем дворе собака Алексей, ваш начальник, еще в дни нашей юности неизвестно каким образом возвысившийся из батожников [низших служителей]; мы же, видя измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на его верную службу. Каких почестей и богатства удостоили мы не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это? Дальше услышишь. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взяв я попа Сильвестра, надеясь, что он, человек, стоящий у престола господня, побережет свою душу; он, коварный, начал сперва как-будто творить благо, следуя священному писанию, и я, зная из писания, что следует без сомнения покоряться добрым наставникам, повиновался ему добровольно, но по неведению; он же, удостоившийся при жизни нести серафимскую службу, попрал свой священнический обет и право предстоять с ангелами у престола господня, у которого всегда стремятся преклониться ангелы и где вечно приносится в жертву божественный агнец, соблазнился властью, подобно жрецу Илье, и начал, подобно мирским, окружать себя друзьями.²⁵

Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии²⁶ и получили прощение от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, и за то, что вы, бояре, выступали против нас; после этого мы вас, бояр и всех прочих людей, пожаловали, обещали об этом больше не вспоминать и признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советовать тайком от нас, считая нас неразумными; вместо духовных, стали заниматься мирскими делами, мало-по-малу стали подчинять вас, бояр, своей воле, отнимая от нас великолепие нашей власти, приучали вас прекословить нам и нас почти что равняли с вами, а вас — с мелкими детьми боярскими. Мало-по-малу это зло распространилось, и он начал возвращать вам вотчины и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас, бросал вотчины словно на ветер и, нарушив уложение нашего деда, привязал этим к себе многих людей. Потом Сильвестр ввел к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и всегда добиваясь своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас древней прародительской власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и передали это дело на ваше желание и усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, окружили себя друзьями и делали все по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все делали по своей воле и воле своих советников.²⁷ Если мы предлагали даже что-либо хорошее, —

им это было неужгодно, а их даже плохие и скверные советы считались хорошими!

Так было во внешних делах; во внутренних же, даже малейших и незначительных делах, мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать — все было по их желанию, я же был, как младенец. Неужели же это противно разуму, что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей облыжной [клеветнической] грамоте, а если последний из его советников говорит мне надменные слова, обращаясь ко мне не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — это хорошо; кто нас послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и мука, кто раздражит нас или в чем-нибудь утеснит — тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь — пагуба моей душе и разорение царству! И так мы пребывали в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно — усиливалось, все же, что было нам по нраву, уничтожалось. Вот какое тогда было православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время путешествий и во время отдыха, в хождении в церковь и во всяких других делах? Вот как это было: они притворялись, что делают это во имя бога, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы.

²⁸Когда же мы божьей волей с крестоносной хоругвью православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ Казанский, одержали победу над этим бусурманским [мусульманским] народом и со всем войском невредимые возвращались во-свои, какое добро оказали нам люди, которых ты называешь мучениками? А вот какое: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и невернейшую землю!²⁸ Если бы рука всевышнего не защитила меня, навер-

ника бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство тех людей, про которых ты говоришь, что они душу за нас полагают, — хотят выдать нас иноплеменикам!

По возвращении в царствующий град Москву бог оказал нам милосердие и дал нам наследника — сына Димитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем во главе, восстали, как пьяные, решили, что нас уже не существует²⁹ и, не заботясь о нашей душе и своих душах, забыв присягу нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, — решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от бога, погубить, подобно Ироду. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «царь царю не кланяется, но, когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, — что же должно было стать после нас! Когда же мы, слава богу, выздоровели, и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей и после этого не перестали утеснять нас и давать злые советы, под разными предложениями изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

В это время собака и изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и говорил им оскорбительные слова про нас, нашу царицу и наших детей, мы же, расследовав это злодейство, наказали его, но милостиво.³⁰ А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. Таким образом, после этого всем изменникам было хорошо, а мы терпели притеснения; ты

также в этом участвовал: известно, что вы с Курлятевым-сыном хотели устраивать суд по делу Сицкого.³¹

³² Когда же началась война с германцами [ливонцами], о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восстал: когда за свои грехи заболел я, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, случилось за наше непослушание им! Как не вспомнить немилостивый обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией?³² Из-за одного неподобающего слова! Молить, путешествий к святым пустыням, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нас самих, нашей царицы и детей — всего этого нас коварно лишили, о врачебном же искусстве против болезни и помянуть нельзя было.

Пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, ³³наказали их за все это, но милостиво: смертной казнью не казнили, а разослали по разным местам. Поп же Сильвестр, увидя, что его советники впали в ничтожество, ушел по своей воле, но мы, благословив его, не отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что за его коварную службу и понесенные от него телесные и душевные страдания мы хотим судиться с ним не здесь, а в будущей жизни, перед агнцем божьим. Поэтому и сыну его я и до сих пор позволил пребывать во благоденствии, только являться к нам он не смеет. Кто же, кроме тебя, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не узнали как следует христианский монашеский устав, поэтому вы и требуете для взрослого человека учителя, словно молока вместо твердой пищи. Как я выше сказал, я не сделал Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не казнили смертной казнью, но всем, кто не был с ними заодно, повелели с ними не об-

щаться, в чем и была взята присяга; но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и нарушили присягу, и не только не отстали от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески старались вернуть их на первое место, чтобы устраивать против нас еще более коварные заговоры, и так как тут обнаружилась неутолимая злоба и непокорство, то виновные получили наказание, достойное их вины.³³ Не из-за того ли, что я не подчинился тогда вашей воле, ты и попрекаешь меня отступничеством? Вы, бессовестные, привыкли нарушать клятвы ради золота, — видно вы и нам то же советуете? Скажу поэтому: избавь, боже, нашу душу и все христианские души от этих иудиних замыслов! Ибо, как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, как ты лжешь, казней у нас не было. Как я выше сказал, виновные понесли наказание по своим винам; все было так, как я рассказал, а не так, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и блудников — мучениками, кровь их — победоносной и святой, наших врагов — сильными мучениками, отступников — воеводами; выше я указал, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. Нечего тебе говорить, ибо мы никого не облыгали, а измена их известна всему миру: если хочешь, можешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров [иностранцев], приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было; ныне же даже те, кто были в согласии с вами, вкусили все блага свободы и благосостояния, им не вспоминают их прежних проступков, и они находятся в прежней чести и богатстве.

Что же еще? ³⁴Вы и на церковь восстаете и не перестаете умышлять против нас всяческие злодеяния, вступаете против нас в союз с иноплемениками и подстрекаете их к истреблению христиан; разъярившись на человека, вы, как я сказал выше, восстали на бога и на церковь; как сказал божественный

Павел: «За что же гонят меня братья, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста упразднился бы. Пусть же содрогнутся возмущающие нас!». И так же, как им вместо креста было потребно обрезание, так вам вместо государственной власти потребно самовольство; но теперь ведь нет притеснений: почему же не прекращаете гонений? ³⁴

Все это я излагаю тебе подробно, чтобы ты понял, почему твоему разуму противен тот, кто знает, у кого прокаженная совесть. Что же говорить о безбожниках, если во всей вселенной нет равных тебе по дьявольским замыслам! И всем ясно также, чего достойны те, которых ты, сочиняя небылицы, подобно Антенору и Энею, предателям Троянским, ³⁵ называешь сильными, воеводами и мучениками. Выше я показал, каковы их доброжелательство и душевная преданность; вся вселенная знает их ложь и измены.

³⁶Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И не это ли тьма и горечь, если господствует данный богом государь, как я пространно писал тебе выше? Ты ведь в своей облыжной грамоте писал, поворачивая разными словами, все одно и то же, восхваляя такой порядок, когда рабы властвуют помимо господ. Я же стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного бога, в троице славимого, и данного им богом государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих царства. Это ли горечь и тьма — отойти от зла и сотворить добро? Это ведь и есть сладость и свет! Там, где парю не повинуются подданные, никогда не прекращаются междоусобные брани. Что может быть зловреднее обычая хватать для самого себя! Сам не зная, где сладость и свет, где горечь и тьма, других поучает. Не это ли сладость и свет — отойти от добра и начать творить зло среди самовластия и междоусобных браней? Всякому ясно, что это — не свет, а тьма, и не сладость, а горечь.

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни от кого не подвергались допросу, могли по своей воле жаловать и казнить своих подданных; до сих пор они ни с кем не судились, но если и подобает изъяснять их вины, то я сказал о них выше. Ты же называешь христианскими предстателями [заступниками] тленных [смертных] людей, как это делалось в отвратительных сочинениях эллинов — они ведь уподобляли богу Аполлона, Дия, Зевса и многих других скверных людей, как рассказывает Григорий, названный богословом [следует цитата из византийского церковного писателя Григория Богослова против эллинских языческих обрядов]. Им и ты уподобился по своим стремлениям, ибо тоже называешь тленных [смертных] предстателями, не страшись наказания за дерзость. Так же как эллины почитали богов в соответствии со своими страстями, так и ты восхваляешь изменников, будучи изменником сам, так же как они вместо бога чтили свои тайные страсти, так же и ты вместо правды восхваляешь вашу тайную измену. Мы же, христиане, верим в Иисуса Христа, прославляемого в троице [следуют цитаты из Библии]. Мы называем предстателями триединого бога, которого познали через Иисуса Христа, и заступницу христианскую, пречистую богородицу; имеем еще предстателей: небесные силы, архангелов и ангелов, — например архангел Михаил был покровителем Моисея, Иисуса Навина и всего Израиля, он же был покровителем и для первого христианского царя Константина, незримо участвуя в его походах и побеждая его врагов, с тех пор и поныне он помогает всем благочестивым царям. Вот кто наши предстатели: Михаил, Гавриил и другие бесплотные силы; молятся же за нас перед богом пророки, апостолы, святители и мученики, добродетельные и святые и молчаливники — мужчины и женщины. Вот кто предстатели христиан! Смертных же людей, которых можно было бы назвать предстателями, мы не знаем: это название не только не подобает нашим подданным, но неприлично и нам, царям, — хотя мы и носим порфиру,

украшенную золотом и бисером, но все же мы тленны [смертны] и подвержены человеческим немощам. Ты же не стыдишься именовать изменников и смертных людей покровителями, хотя Христос говорил в святом Евангелии: «То, что для людей высоко, для бога — мерзость». Ты же приписываешь изменникам, смертным людям не только человеческое величие, но и божью славу! Подобно эллинам, ты в умоисступлении и неистовстве чтишь изменников, избирая их по своей страсти, как эллины чтили своих богов! Одни резали и всячески мучили себя в честь богов; другие, уподобляясь богам, предавались всяким страстям, как говорил божественный Григорий: они поклонялись скверне и жестокости; так и тебе подобает. И так же как они разделили участь своих прескверных богов, так и тебе следует разделить страдания твоих друзей-изменников и вместе с ними погибнуть. Так же как эллины называли скверных людей богами, так и ты неподобающим образом именуешь смертных людей мучениками, и поэтому следует и тебе устраивать в честь их праздники, плясать и гудеть, резать и мучить себя. Делай то же, что эллины: пострадай, как они, празднуя в честь своих мучеников!³⁶

³⁷ А что ты писал, будто бы «эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки», — это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве, под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя уличить во лжи. О, безумие! Что ты хвалишься, надменный! Предки ваши, отцы и дяди были так храбры и мудры, что вам и во сне не сравняться с ними, и шли в бой не так, как вы, — не по принуждению, а по собственной воле, и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не могли защитить христиан от варваров! Скажу словами апостола Павла: «подобно вам, буду хвалиться; вы меня к этому принуждаете, ибо вы, безумные, терпите власть, когда вас объедают, когда бьют вас в лицо, когда превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь из-

вестно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы, с божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, вы все говорили, что мы посылаем их в наказание, в виде опалы, а не для дела. Какая же это храбрость, если вы считаете службу за опалу? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили по желанию, а не по принуждению? Когда же бог оказал нам свое милосердие и покорил христианству этот варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! ³⁷ Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и, подобно Янушу [Заполе] Венгерскому, отговариваете от битвы? ³⁸ Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время давали вредные советы, а когда запасы утонули, ³⁹ предлагали вернуться, пробыв только три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дожидаться благоприятных обстоятельств; думая о своих головах, а не о победе, вы стремились только к одному: поскорее победить или быть побежденным и вернуться во-свояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, напрасно губя православное воинство, начать битву в неподходящее время, и сделали бы это, если бы я вас не удержал? Когда же город по божьему милосердию был взят, вы, вместо устроения, занялись грабежом! Это ли покорение царств, которым ты так надменно хвалишься? Ни единой похвалы оно; по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы — по принуждению и даже с ропотом. Лишь те воины достойны похвалы, которые воюют по собственному побуждению, с охотой. А подчинили вы эти царства так, что там еще семь лет не утихала

бранная лютость! ⁴⁰Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда это государство само нам подчинилось и теперь оттуда ходят на помощь православию больше тринадцати тысяч воинов. Так-то вы покорили и подчинили нам прегордые царства! И так заботимся о христианстве мы, кого ты злобно обвиняешь в выступлении против разума!

Это о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А что стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько урона и пагубы вы наделали христианам, а врагам — никакого вреда! Об Иване же Шереметьеве что и говорить? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле, совершилась эта пагуба христианству. Такова ваша верность и добрая служба и так вы покоряете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже выше указывал.⁴⁰

Германские [ливонские] города по-твоему достались нам благодаря старанию наших изменников. Как же ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни как, когда началась война с германцами [ливонцами], мы послали своего слугу царя Шигалея и своего боярина Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, сколько мы услышали укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас — не стоит подробно и рассказывать! Что бы плохое ни случилось с нами — все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали тебя и нашего боярина и воеводу Петра Ивановича Шуйского на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению), мне пришлось более семи раз посылать к вам, пока вы, наконец, пошли с небольшим числом людей и лишь после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших писем и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить вечные возражения попа Сильвестра, Алексея и всех вас против похода на германские города, и как, из-за коварного пред-

ложения короля Датского, вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы?⁴¹ ⁴²Сколько христианского народу они перебили, напав на нас в начале зимы! Не это ли старания наших изменников? Вот старания наших изменников и ваше добро — губить христианский народ! Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем и с очень большим числом людей; вы же едва взяли один Вильян [Вильянди, Феллин] и при этом еще погубили много народа. Испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайду [Пайде, Вайссенштейн] вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть германскими городами? Если бы не ваше дьявольское противодействие, то, с божьей помощью, в том же году вся Германия была бы под православной верой. Тогда же вы подняли против православия литовский народ и готский [шведский].⁴² Это ли ваши старания и так-то вы стремитесь укреплять православие?

Поголовно мы вас не истребляем, но изменникам всюду бывает казнь: в той стране, куда ты поехал, ты узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны больших казней и опалы; мы еще милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то тебе бы не удалось уехать от нас к нашему врагу: если бы мы тебе не доверяли, то ты не был бы отправлен в этот наш город, и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в эту нашу вотчину, и ты изменил нам, как собака.

⁴³Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть — общая обязанность всех людей за адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но знаю, что по природе я так же немощен, как и все люди. А то, что вы мудрствуете и хотите, чтобы я был выше законов природы, это — совершенная ересь. Я уже сказал, что благодарю моего господя, что сумел, сколько было сил, укрепить свое благочестие. Это же достойно смеха, человек, выходит, подобен скоту; если так считать, то у человека пар вместо души: это ведь саддукейская ересь! Вот до какой нелепости ты дошел в своем безумном письме! Я же верю в Страшный

суд, когда все души и тела всех людей, царей и нищих, будут собраны, судимы за свои дела и разделены на две части, по их делам. А когда ты писал, что я не хочу предстать перед этим неподкупным судом, то, приписывая ересь другому, сам обнаживал дьявольскую манихейскую ересь! Так же как они гнусно сочиняют, что небом обладает Христос, землей — самовластный человек, а преисподней — дьявол, так и ты проповедуешь будущее судилище, а божьи кары за человеческие грехи на этом свете презираешь. Я же знаю и верю, что те, кто живут злой жизнью и преступают божьи заповеди, не только там получают кару, но и здесь испивают чашу ярости господней за свои злодеяния и испытывают многообразные наказания, а придя на тот свет, в ожидании праведного господнего суда, претерпевают горчайшее осуждение, а после осуждений — бесконечные муки. Так я верю в Страшный суд господен. Вопреки манихеям, вопреки твоим гнусным выдумкам, будто я не хочу дать ответ в своих грехах, я знаю, что Христос владеет и распоряжается всем на небе, земле и в преисподней и карает мучениями непокорных. Верю, что мне, как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности; не достойна ли смеха твоя выдумка, что возможно не повиноваться царю царей, если даже человеческая власть может привлекать к суду силой? Если даже кто-нибудь будет настолько безумен, что не захочет повиноваться богу, то где же он укроется от его гнева? [следуют библейские цитаты о вседущем боге]. Так я верую в неподкупный господен суд. Кто, живой или мертвый, может ускользнуть от божьей десницы? Все обнажено и все открыто перед ним.⁴³

⁴⁴Я знаю, что истинный бог наш Христос — противник гордых гонителей [следует библейская цитата]. Рассудим же, кто из нас горд: я ли, требующий повиновения только от рабов, данных мне от бога, или вы, отвергающие мое владычество, установленное богом, и свое рабское состояние, требующие, чтобы я исполнял вашу волю, как божью, и присваивающие:

себе учительский сан? [следует цитата из византийской церковной литературы, запрещающая «учить старцев, не имея бороды»]. Где гордость: когда господин учит раба или когда раб приказывает господину? Даже невежда может это понять. Как же ты, собака, и о том не подумал, что когда три патриарха с множеством святителей написали длинный список нечестивому царю Феофилу, они все-таки не написали ему таких хулений, как ты; а ведь царь Феофил был нечестив; а благочестивым царям надо писать как можно смиреннее, если хочешь получить милость от бога. Я же верю в бога и таких грехов, как Феофил, ни одним движением сердечным не совершил, и если они, имея власть, не хулили нечестивого, то кто ты такой, чтобы, присваивая учительский сан, так неистово меня хулить? Вы хотите утвердить божий закон насилем и таким дьявольским произволом нарушаете апостольские заветы [следует библейская цитата].⁴⁴

⁴⁵Вы обвиняете других в гонениях: а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве не вы приказали народу города Коломны побить камнями нашего советника епископа коломенского Феодосия? Но бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете? Кто может полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей — так много их было! Все, кто были хоть немного покорны нам, подвергались от вас гонению. Это ли ваша праведность, что вы, подобно бесам, ссываете и расставляете сети и коварно улавливаете в них жертвы? Ваши беззакония становятся еще хуже оттого, что вы ведете себя подобно фарисеям: как они снаружи представлялись праведными, внутри же были полны лицемерия и греха; так и вы перед людьми делаете вид, что наказываете ради исправления, а внутри себя даете волю несправедному гневу, — все знают о ваших гонениях. На Страшном же суде будут не только разбирать наши дела «до власти», но и в душу загля-

нут [следует цитата из Библии], но только не ты будешь судьей.⁴⁵ В деяниях святых старцев рассказывается об Иване Колове, который осудил своего брата, жившего в большом монастыре и предававшегося пьянству, блуду и прочим грехам и скончавшегося среди этих грехов. Иван же вздохнул о нем и внезапно явилось ему видение: увидел он себя стоящим перед большим городом и увидел господа нашего Иисуса Христа на престоле и вокруг него множество ангелов. И принесли ангелы душу этих покойников к Ивану и попросили его суда, куда он велит отправить эти души, он же не дал ответа. Когда же Иван приблизился к райским вратам, то Иисус не пустил его, и услышал он издали голос Иисуса: «Не это ли антихрист, присваивающий себе мой суд?». И после этих слов он был изгнан, и ворота закрылись, и он был лишен своей священнической мантии — покрова божьего. Когда же он пришел в себя, то мантии не оказалось, а это — важный признак. После этого он пятнадцать лет страдал в пустыне, не видя не только человека, но и зверя и, наконец, снова удостоился видения, получив прощение и мантию. Смотри же, бедняга, — он даже не осудил ближнего, а только вздохнул, а как страшно пострадал, хотя и был праведником! Насколько же сильнее пострадают те, которые сами совершают нечестивые дела, и все-таки присваивают себе божий суд и, гордясь, страшат и угрожают, а не милостиво упрекают. И если он так пострадал за упреки, насколько же сильнее пострадает осуждающий!

Ты хочешь, чтобы Христос, бог наш, был судьей между мной и тобой, — я не отказываюсь от такого суда. Ведь он, господь наш, наилучший судья для праведных, он знает, что внутри человека и в его сердце, и все, что кто-нибудь подумает в мгновение ока, для него открыто и известно — ничего не укроется от огня очей его, знающего сокровенные тайны; он знает, за что вы восстали на меня, за что ненавидите меня, за что пострадали, и за какое безумие я, в конце концов, воздал вам милостивое наказание. Наоборот — вы виновники всего, ибо вы, говоря словами пророка, считали меня за червя,

а не за человека, толковали обо мне, сидя у ворот, и цела обо мне, выпивая вино с другими изменниками, пусть же судит все ваши льстивые советы и замыслы истинный судья — Христос, бог наш. Ты ведь хочешь поставить судьей Христа, а делам его не следуешь, ибо он говорил: пусть не зайдет солнце, пока вы будете гневаться, а ты даже на Страшный суд хочешь итти без прощения и отрекаешься от обидчиков.

⁴⁶Напрасных гонений и зла ты от меня не претерпевал, бед и напастей мы на тебя не навлекали, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то было оно за твое преступление, ибо ты вступил в соглашение с нашими изменниками. Не возводили мы на тебя лжи и не приписывали тебе измены, которой ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших опал из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить все измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему дьявольскому умыслу? Ничего мы тебя не лишали, от божьей земли тебя не отлучали, но ты сам лишил себя всего, подобно скопцу Евтропию, — не церковь его предала, а сам он от нее отторгся, так и ты: не божья земля тебя изгнала, а сам ты от нее отторгся и принялся губить ее. Какое же я тебе сделал зло и какую обнаружил ненависть? Видели мы тебя с юности при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытался нас погубить, но мы никогда не наказывали тебя за твои злые замыслы. Это ли наше зло и неумолимая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя в таком приближении и чести, какой не удостоивались твои отцы: всем ведь известно, в какой чести и богатстве жили твои родители, и какие пожалования, богатство и честь имел твой отец, князь Михайло. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца управителей по селам, и сколько у тебя. Отец твой, князь Михайло, был боярином Кубенского, ты же был наш боярин: мы удостоили тебя этой

честь. Разве не достаточно было тебе чести, имения и наград? Нашими пожалованиями ты был лучше своего отца, а заслугами — хуже, ибо совершил измену. Но если так, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, предназначал свою душу для гибели? ⁴⁶

⁴⁷А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая от рук иноплемеников ради нас, вопиет на нас к богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнял свой долг перед отечеством; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Вот о нас можно так сказать: насколько сильнее вопиет к богу наша кровь, пролитая из-за вас; не кровавый поток из ран, но пот, пролитый мною при многих непосильных трудах и ненужных отягчениях, совершенных по вашей вине! Также взамен крови я пролил немало и слез из-за вашей злобы и притеснений, немало вздыхал и стонал и испытал из-за этого оскорблений, ибо вы не возлюбили меня и не поскорбели вместе со мной о нашей царице и детях. И это мое страдание вопиет на вас к богу еще более, чем другие ваши злодеяния: ибо одно дело пролить кровь за православие, а другое — желая чести и богатства. Такая жертва богу не угодна: он скорее простит удавившемуся, чем погибшему ради славы. Мои же обиды и то, что, хоть крови я не пролил, но зато испытал от вас оскорбления и противодействия, все, что было посеяно вашей строптивой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя невинным. ⁴⁷

⁴⁸Какие же светлые победы ты совершал и когда ты со славой одолевал наших врагов? Когда мы послали тебя в нашу отчину Казань привести к повиновению непослушных, ты, вместо виновников, привел к нам невинных, обвинив их в из-

мене, а тем, против кого ты был послан, ты не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь устранился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людьми; вы же поехали есть и пить к нашему воеводе Григорию Темкину, и только после пира отправились за ними, и они ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом Невелем: пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них едва возвратились, ничего не добившись? Это ли светлая и славная победа, достойная похвалы и чести? А если что было не в твоей власти, то это тебе в вину и не ставится! ⁴⁸

А что ты мало видел свою родительницу, мало встречался с женой, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальних городах, ⁴⁹ терпел болезни и раны от варварских рук и поныне страдаешь от многих ран, — то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем. Если это вам не нравилось, зачем вы так поступали? Зачем, сделав это своей властью, возлагаете на нас вину? А если бы и мы это приказали, то тут нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, ты бы не считал своих прежних бранных подвигов, а стремился бы к новым; потому ты и считаешь свои бранные подвиги, что ты оказался беглецом, не вынесшим бранных подвигов и захотевшим покоя. Разве же мы презрели твои небольшие ратные подвиги, если мы забывали заведомые твои измены и противодействия и ты был среди наших вернейших слуг по славе, чести и богатству? Если бы не было этих подвигов, то какого наказания ты заслужил бы за свое злодейство! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своем дьявольском письме, ты подвергся гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои бранные дела нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен

или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей. Не надейтесь запугать нас страшилищами, которыми пугают детей: если это не удалось вам прежде, не думайте, что сделаете это теперь. Как сказано в притчах: «Не покушайся на то, чего взять не можешь».

Ты пишешь, что ждешь воздаяния от бога, — поистине, время справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку рассудить: кто какого воздаяния заслуживает за свои дела? Пишешь, что мы не увидим твоего лица до дня Страшного суда, — видно ты дорого ценишь свое лицо. Но кому же нужно такое эфиопское лицо видеть? Встречал ли кто-нибудь честного человека, который бы имел серые глаза? Ведь даже твой вид обнаруживает твой коварный нрав!⁵⁰

⁵¹А если ты не собираешься молчать и всегда будешь обращаться с молитвами против нас к пребезначальной троице и к пречистой богородице и ко всем святым, то, даже если бы ты и справедливо молился, вспомни-ка, окаянный, что сказано об этом в послании божественного [Дионисия] о епископе Поликарпе [следует рассказ Дионисия Ареопагита и сходный с ним другой рассказ о святом муже, молившемся против грешников, молитву которого не принял Христос; после обоих рассказов заключение:] И если такого праведного и святого мужа, справедливо молившегося о гибели грешников, не послушал ангельский владыка, то тебя, смердящего пса, злого изменника и грешника, молящегося о злом, наверное не слушает [следуют библейские цитаты].⁵¹

⁵²О святом князе Федоре Ростиславиче — с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые видят, что было между вами и нами от начала и доньше, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим суетным злым немилосердным замыслам, святой Федор Ростиславич действием святого духа исцелил нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдоксии? Ясно поэтому, что он не вам способствует, но нам, недостойным, оказывает свою милость.

Так и теперь мы надеемся, что он будет помогать более нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а бог может и из камней сделать детей Аврааму». Не все ведь, произошедшие от Авраама, считаются его потомством, но только те, кто живут в вере Авраама.⁵² По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на ложное основание ногами своими не опираемся, но, поскольку у нас хватает сил, стремимся к твердым решениям и, опершись ногами на прочное основание, стоим на нем непоколебимо.

Никого мы из своей земли не изгоняли, а если кто отпал от православия, то по своей воле. Избитые же и заточенные, как я выше сказал, получили наказание по своей вине. А если вы называете себя невинными, то совершаете еще худший грех, ибо, сотворив зло, не хотите раскаяться и получить прощение. Грех ведь не тогда опасен, когда его совершают, а когда, совершив его, не приносят покаяния и выдают нарушение закона за законный поступок. Радоваться же победе над вами мне незачем; не радостно узнать об измене своих подданных и казнить их за эту измену. Скорее надлежит скорбеть, что у них мог возникнуть такой дьявольский замысел — сопротивляться своему владыке, данному богом. Возможно ли, чтобы эти убиенные за свою измену предстали перед господним престолом? Да и не может быть людям это ведомо. Вы же, изменники, вопиете несправедно и не получите просимого, ибо, как было сказано выше, просите ради баловства.

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь, и нечем мне гордиться, ибо я исполняю свой царский долг и никого не считаю выше себя. Скорее это вы гордитесь, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан и учите, запрещая и повелевая. Никаких средств для мучения христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы мучиться ради них от их врагов не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, и не потому, что нам хочется их наказывать, а по нужде —

из-за их злодейских преступлений, ибо сказано в Евангелии: «когда состаришься, то прострешь руки свои и другой тебя перепояшет и поведет, даже если не хочешь». Видишь ли, что часто я не хочу, но приходится наказывать преступников за их преступления.⁵³ Пишешь, что мы надругаемся над монашеством и потакаем ласкателям — не знаю каким, не остаткам ли вашего дьявольского совета? Среди бояр наших нет несогласных с нами, кроме только ваших друзей и советников,⁵³ которые и теперь, подобно бесам, не оставляют своих коварных замыслов [следуют библейские цитаты]. Губителей нашей души и тела среди нас нет. Ты опять помышляешь помыкать мною, как младенцем, — вы ведь называете гонением, если я не хочу, подобно ребенку, быть в вашей воле. Вы же всегда хотите быть мне и властителями и учителями, как младенцу. Мы же уповаем на божью милость, ибо достигли возраста Христова, и помимо божьей милости, милости богородицы и всех святых не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей, ибо невозможно, властвуя над множеством народа, добиваться наставлений от других.⁵⁴ ⁵⁵Насчет кроновых жрецов ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно змее: родители не станут причинять своим детям таких неприятностей — как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал по своему дьявольскому, собачьему умыслу. А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как делают по обычаю даже невежды; поэтому над тобой не должно будет совершать и последнего отпевания.⁵⁵

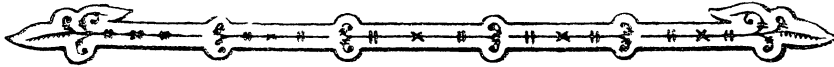
Город Владимир [Волмер, Валмиеру], находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь городом нашего недруга, короля Сигизмунда.⁵⁶ Этим ты доводишь свою собачью измену до конца. А что ты надеешься получить от него многие пожалования — это правильно, ибо вы не захотели жить под властью бога и данных богом государей, а захотели

самовольства; поэтому ты по своему дьявольскому умыслу и искал себе такого государя, который ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех принимает повеления, сам же никем не повелевает. Но ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится: «Кто избавит тебя от насилий со стороны обидчиков, если даже сироты и вдовы не находят правого суда?», ибо вы — враги христианства!⁵⁷

⁵⁸Об антихристе мы слышали, — вы, замышляющие зло против божьей церкви, поступаете подобно ему. О «сильных во Израиле» и о пролитии крови я уже писал; а что мы якобы потакаем кому-либо — неправда, это вы не переносите возражений, а любите, чтобы вам потакали. Никакого советника, рожденного от блуда, мы не знаем, — наверное, это кто-нибудь из вас, а моавитянин и аммонитянин — ты сам. Так же, как они, происходя от Лота, сына Авраама, всегда воевали с Израилем, так и ты, происходя из государственного рода, беспрестанно стремишься нас погубить.⁵⁸

⁵⁹Писал ты свое письмо, выступая как бы судьей или учителем, но ты не имеешь на это права, ибо повелеваешь с угрозами. Как все это напоминает коварство дьявола! Он ведь то заманивает и ласкает, то гордится и пугает, так и ты: то, впадая в безмерную гордость, ты воображаешь себя правителем и пишешь обвинения против нас; то притворяешься беднейшим и скудоумнейшим рабом. Как и другие, бежавшие от нас, ты написал свое письмо собачьим неподобающим образом — в иступлении ума, в неистовстве, по-изменнически и по-собачьи, как подобает одержимому бесом [следуют пространнейшие цитаты из Библии и из сочинений византийских духовных писателей против лиц, присваивающих себе права правителей, учителей и священников!.

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России в 7072-м году, от создания мира в 5-й день июля [5 июля 1564 г.].⁵⁹

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ (1570)

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал нескольких своих людей, Ричарда и других, для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям и царям и властителям и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. Неизвестно каким образом, волею или неволею, эти люди твоего брата, Ричард с товарищами, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине.¹ Тогда мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли и угостили их за государевыми парадными столами, пожаловали и отпустили к твоему брату.² А затем приехал к нам от твоего брата тот же Ричард Ричардов [Ченслер] и Ричард Грей. Мы их также пожаловали и отпустили с честью. И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов,² мы послали к твоему брату своего посланника Осипа Григорьевича Непею. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу со стороны вашего брата и вас и на верную службу всех англичан. В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался, и на королевство вступила твоя сестра Мария; спустя некоторое время она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили,

но поручения с ним никакого не передали.³ В то же время ваши английские купцы начали совершать над нашими купцами многие беззакония и свои товары начали продавать по столь дорогой цене, какой они не стоят. А после этого стало нам известно, что сестра твоя, королевна Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на престол посадили тебя.⁴ Но мы и в этом случае не учинили твоим купцам никаких притеснений и предложили им торговать попрежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, — таким грамотам ни в каких государствах не верят; у каждого государя в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и действовали в соответствии с этими грамотами.

После этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина [Дженкинсона]. И мы, рассчитывая, что он пользуется твоей милостью, привели его к присяге и вместе с ним другого твоего купца Ральфа Иванова [Рюттера], как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно тайные дела великого значения, желая с тобой дружбы.⁵ Тебе же следовало к нам прислать доверенного человека, а с ним Антона, или одного Антона. Нам не известно, передал ли это поручение тебе Антон или нет; а в течение полутора лет про Антона не было известий. А от тебя никакой ни посол, ни посланник не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам свою новую жалованную грамоту; рассчитывая, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

После этого нам стало известно, что в Ругодив [Нарву] приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван [Гудмен], с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашими

посланникам, которые были к нему приставлены, сказав много невежливых слов. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых для унижения нашего государева достоинства и нашего государства написаны ложные вести, будто в нашем царстве якобы творятся недостойные дела. Но мы и здесь отнеслись к нему милостиво — велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на поручения, переданные с Антоном.

После этого приехал от тебя к нам посланник в Ругодив [Нарву] Юрий Милдентов [Мидлтон] по торговым делам.⁶ Мы его велели спросить про Антона Янкина [Дженкинсона], был ли он у тебя, и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

И, наконец, нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф, и мы послали к нему с жалованьем своего сына боярского и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона; он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких и торговых делах; а Антон с ним не пришел. С того времени, как он пришел в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он вступил в переговоры с нашими боярами и сказал, есть ли у него приказ от тебя о тех делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но он нелепым образом уклонился. А писал жалобы на Томаса [Гловера] и на Ральфа [Рюттера] и занимался другими торговыми делами, а нашими государственными делами пренебрегал. Из-за этого-то твой посол и запоздал явиться к нам; а затем пришло божье послание — моровое поветрие, и он не мог быть принят. Когда же божье послание — поветрие — кончилось, мы его допустили перед свои очи.

Но он опять говорил нам о торговых делах. Мы выслали к нему своего боярина и наместника вологодского князя Афанасия Ивановича Вяземского, печатника своего Ивана Михайлова и дьяка Андрея Васильева и велели его спросить, есть ли у него поручение по тем делам, о которых мы передавали тебе с Антоном. Он ответил, что такое поручение с ним также имеется. А мы поэтому оказали ему великую почесть, и он был принят нами наедине. Но он говорил о тех же мужицких и торговых делах и лишь изредка касался того дела. В то время нам случилось отправиться в нашу вотчину Вологду, и мы велели твоему послу Томасу ехать с собой. А там, на Вологде, мы выслали к нему нашего боярина князя А. И. Вяземского и дьяка Петра Григорьева и велели с ним переговорить, как лучше всего устроить между нами это дело. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили и поговорили о тех делах. Наконец, договорились об этих делах, как следует их устроить, написали грамоты⁷ и привесли к ним печати. Тебе же, если тебе это было угодно, следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам в качестве послов достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина [Дженкинсона]. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, согласна ли ты на наше предложение и каковы твои намерения. Вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина.

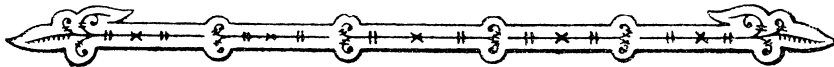
Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол.⁸ Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без клятвы и без обмена послами. Ты совсем устранилась от этого дела, а твои бояре вели переговоры с нашим послом только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы сер Ульян Гарит [Уильям Гаррард] да сер Ульян Честер. Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести

и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица.⁹ А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.¹⁰

И раз так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те мужики, которые пренебрегли нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не бедно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь эту грамоту, мы все равно по ней ничего делать не будем. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем.

Писана в нашем Московском государстве, в году от создания мира 7079, 24 октября [24 октября 1570 г.].

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОАННУ III (1572)

¹Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул],¹ от нашего высочайшего царского порога² грозное повеление и наставление.

Когда ты получишь это наше государево послание, тебе, Иоганну, королю Шведскому, Готскому и Вендийскому, будет уже известно и другое наставление, данное нами прежде, в январе месяце. В этом наставлении было подробно описано, как ты присылал к стопам нашего владычества бить челом Павла, епископа Абовского, когда наше высокое величество было в своей вотчине, в Великом Новгороде, как о приезде твоих послов было донесено нам в Великий Новгород, как мы по прежнему обычаю дали твоим послам наставление, как твои послы раздражили наше величество своим нелепым поведением и мы на них разгневались, как мы, находясь в Великом Новгороде, хотели за твое малоумие обратить свой гнев на твою Шведскую землю, и по какой причине наше величество, надеясь, что ты образумишься, отложило свой гнев, снисходя к челобитию твоих послов нашей государевой думе — Михаилу Кайбуловичу Астраханскому с товарищами, к ходатайству наших детей и к челобитию нашей думы, и как мы, отпустив твоих послов, послали с ними к тебе наставление и повеление, как тебе заслужить прощение нашего высокого величества.³

Об этом тебе неоднократно было писано подробное наставление и установлен срок для прибытия твоих послов к нам в нашу вотчину Великий Новгород в Троицын день этого года.⁴ Мы же, как истинный христианский государь, умилосердились над твоей Шведской землей, удержали свой гнев и остановили бранную лютость. Но даже немногие наши люди из передовых частей, оторвавшись от остальных, сумели причинить твоей земле достаточно вреда, — ты сам знаешь, чего они достигли и сколько людей пленили и куда ты дел своих людей.⁵ Мы надеялись, что ты и Шведская земля уже осознали свою глупость. Поэтому мы и оказали милость твоим послам, отпустив их домой. Мы дали тебе наставление, как тебе бить челом и назначили срок — Троицын день. Мы же обещали быть к этому времени в своей вотчине, в Великом Новгороде, и выслушать твое челобитье от твоих послов.

К указанному тебе сроку, в Троицын день, наше величество прибыло в нашу вотчину, в Великий Новгород, со своими думными людьми. Но ты словно обезумел и по восьмой день августа от тебя никакого ответа нет. А мы до сих пор ожидали от тебя ответа, милостиво и кротко пребывая здесь со всей своей царской роскошью и со всей своей думой, с ближними людьми и без рати, но до сих пор про твоих послов слуха нет, прибудут они или нет. ⁶А выборгский твой приказчик Андрус Нилишев [Андрос Нильсен] писал к ореховскому наместнику князю Григорию Путятину, будто наше высокое величество само просило мира у ваших послов.

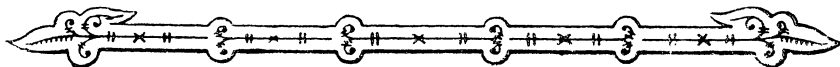
Нет нужды много писать об этом: этой зимой ты сам увидишь, как мы просим мира — то будет уже не то, что было прошлой зимой! А после этого нам сказали, что твои послы будут к Петрову дню.⁶ Не надеешься ли ты, что Шведская земля может попрежнему плутовать, как делал твой отец Густав, нападавший, вопреки перемирию, на Орешек?⁷ Как тогда досталось Шведской земле! А как брат твой Эрик обманом хотел нам дать жену твою Катерину, а его свергли с престола и тебя посадили!⁸ А потом осенью нам говорили, что ты умер,

а весной сказали, что тебя согнали с государства брат твой Карл да зять твой герцог Магнус.⁹ А после этого пришла весть про послов твоих, будто они идут и будто ты на своем государстве. Ныне же про послов твоих слуху нет; говорят, что ты сидишь в Стокгольме, в осаде, а брат твой Эрик на тебя наступает. И тут-то ваше плутовство и обнаруживается: оборачиваетесь, как гад, разными видами. И раз уж год прошел, а ты бить челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (богат и надеешься на деньги!), то мы тогда много писать не хотим: возложили упование на бога. А как крымскому хану без нас от наших воевод досталось, о том спросив, узнаешь!¹⁰

Ныне же мы поехали на свое царство в Москву, а в декабре опять будем в своей вотчине, Великом Новгороде, и тогда ты посмотришь, как мы и наши люди станем у тебя мира просить! Если же ты захочешь бранную лютость утолить и пришлешь послов, согласно нашему наставлению, то мы тебя за твою покорность пожалуем.

Дано это величественное наставление в нашей вотчине, в Великом Новгороде, в 7080 году, 11 августа [11 августа 1572 г.], на 39-й год нашего правления, 26-й год принятия Российского царства, 20-й год Казанского царства, 18-й год Астраханского царства.¹¹

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОАННУ III (1573)

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул] наставление и слово Иоганну, королю Шведскому [следует титул].

Ты прислал к нам через пленника свою грамоту, наполненную собачьим лаем, — мы дадим тебе на нее отповедь позже.¹ А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному нашего высокого величества, посылаем тебе пространное наставление со смирением.

Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего, — это неприлично, ибо нам брат — цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств, как будет доказано впереди. Ты говоришь, что Шведская земля — вотчина отца твоего; так ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, был ли твой дед на престоле, и с какими государями он был в братстве и в дружбе,² укажи нам всех их поименно и грамоты пришли, и мы тогда уразумеем.

Когда ты прислал гонца своего переводчика Петрушу [Сиффридсона] просить охранной грамоты для своих послов, то мы думали — ты хочешь заключить мир по прежнему обычаю: с наместниками Новгородскими³ (так ведь велось исстари в течение нескольких сот лет, еще при князе Юрии, да при посадниках

Новгородских, а у вас — при князе Магнусе, который ходил войной к Орешку⁴), и потому мы послали охранную грамоту по прежним обычаям и хотели даровать тебе по прежним обычаям мир с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Ливонской землей. Но ты епископа Павла прислал без настоящих полномочий и с надменностью и поэтому из этого ничего не вышло. С архиепископом Павлом была послана охранная грамота, — так почему же ты к нам в течение всего лета не прислал послов? А мы были в своей вотчине, в Великом Новгороде, и ждали, что ты смиришься, а военных действий не вели нигде, разве что какие-нибудь мужики столкнулись между собой на границе. А если некоторые люди, оторвавшись от наших передовых частей, и повоевали в Финской земле, то это случилось потому, что когда мы отправили с епископом Павлом охранные грамоты на послов, эти люди уже далеко зашли — мы приказали их вернуть, но не успели, поэтому они и повоевали.

А Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее бог даст. Злое же дело начал ты, как только сел на государство и наших великих послов, боярина нашего и наместника Смоленского Ивана Михайловича Воронцова, дворецкого нашего Можайского Василия Ивановича Наумова и дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина неповинно и с глумлением велел ограбить и обесчестить — в одних сорочках их оставили!⁵ А ведь это такие великие люди: отец того Ивана, Михаил Семенович Воронцов, был нашим наместником в нашей вотчине, в Великом Новгороде; а прежде никогда не бывало, чтобы от нас, государей, ходили послы в Шведскую землю: послы всегда ходили от новгородских наместников! А наказание на послов возложено напрасно, якобы за то, что они за твоей женой приехали, а они не сами приехали: прислали их, а послали их из-за вашего же вранья: сказали, что тебя в живых нет. Если бы сказали, что ты жив, как же было твою жену просить? Каждый знает, что жену у мужа взять нельзя. И тебе надо было пенять на своего брата Эрика, да на его советников, которые с ним делали это дело обманом.

А послы наши, боярин и наместник Смоленский Иван Михайлович Воронцов с товарищами приняли страдания и глумления из-за твоего недомыслия.

Произошло это все таким образом: прежде всего, вскоре после твоей свадьбы стало известно, что твой брат Эрик подверг тебя заточению, а после этого стало известно, что ты скончался. И мы, прождав года с полтора, послали к твоему брату, королю Эрику, гонца своего Третьяка Андреевича Пушечникова узнать, жив ты или нет, чтоб брат твой Эрик, если тебя нет в живых и детей у тебя также нет, прислал к нам, ради наших милостей, Катерину, сестру брата нашего короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда-Августа, а мы его за то пожалуем — освободим от сношений с наместниками нашей вотчины, Великого Новгорода, и начнем с ним сношиться сами. А просили мы Катерину, сестру брата своего, для того только, чтобы, взяв ее, отдать ее своему брату Сигизмунду-Августу, божьей милостью королю Польскому и великому князю Литовскому, а у него взять за сестру его Катерину свою вотчину, Ливонскую землю, без кровопролития, а не по той причине, которую измыслили лгуны и бездельники; в этом деле нет никаких причин, кроме тех, о которых мы писали выше.

Тебя же от нас спрятали; ведь если бы мы знали, что ты жив, разве мы стали бы просить твою жену? И посланника нашего Третьяка, заведя в пустынное место, умили, предав насильственной смерти, а к нам прислал твой брат своего посланника Ивана Лаврентьева [Ганса Ларссона]⁶ с уверением, что наш гонец Третьяк умер случайно, и с просьбой сообщить, что именно мы хотели передать через Третьяка. И мы Ивану Лаврентьеву велели сказать о нашей милости твоему брату: если он пришлет сестру польского короля Катерину, то мы его пожалуем — освободим от сношений с наместниками. После этого твой брат Эрик послал к нам своих послов, князя Нильса [Гюлленшерна] с товарищами, и они посулили отдать нам сестру польского короля Катерину, а мы пожаловали твоего

брата Эрика, освободили его от сношений с наместниками, дали клятву и послали своих полномочных послов. Наши полномочные послы жили у вас года с полтора, а про тебя слуху никакого не было — жив ты или нет, и у Нильса с товарищами не могли они ничего про тебя выпытать, поэтому-то о тебе и не думали, поэтому и была высказана такая просьба. Когда же ты пришел к власти, ты беспричинно предал наших послов грабежу, бесчестью и оскорблениям из-за лживого сообщения твоего брата и всех шведских людей. Заманили обманом наших послов, да и мучат, и грабят, да год просидели в Або в заточении, да еще отпустил ты их, как каких-нибудь пленников! Но ведь наши послы не виноваты ни в чем — не солгали бы ваши люди, нашим людям и ходить незачем было; а мы думали, что они говорят правду. Тебе следовало пенять на своих людей, которые сообщают неправду, а наши послы у тебя напрасно мучились из-за твоего недомыслия. А после всего этого ты с надменностью послал к нам своих послов — Павла, епископа Абовского, и других. Итак, это ты начал делать злое дело, нападая на честных людей вместо лживых, — если бы мы вашей лжи не поверили, этого бы не было.

Все это мы тебе обстоятельно объяснили, а много говорить об этом нет нужды: жена твоя у тебя, никто ее не хватает, а вот много крови ради одного слова своей жены пролил ты напрасно. Вперед об этом вздоре много говорить не стоит, а станешь говорить, мы тебя и слушать не будем: делай что хочешь со своей женой, никто на нее не покушается!

А что ты писал о своем брате, короле Эрике, будто мы из-за него собирались начать с тобой войну, то это смешотворно. Ради этого нам нечего было с тобой войну начинать: нам брат твой Эрик не нужен. А что мы ему свою жалованную грамоту послали, то это произошло таким образом: в то время, когда ты присылал к нам своего гонца Антона Ольса, между нашей вотчиной, Великим Новгородом, и тобой началась война, и к нам через некоторых людей дошло челобитье от твоего брата короля Эрика, чтобы нам ему оказать помощь или, если он

прибежит к нам, принять его к себе. И мы потому оказали ему милость, что ты — враг нашей вотчине, и нам нужно было что-нибудь сделать, чтобы ты осознал свою гордость и при-
смирел; а если бы нам пришлось начать войну, это также при-
годилось бы. А ради этого нам войну начинать не стоило, да
и не собирались мы войну начинать; а беглого нам как не
принять?⁷ Тебе же мы писали, чтобы ты пришел в сознание
и прислал послов, тогда и решение было бы обо всем по-хоро-
шему. Но ты из гордости не прислал послов; из-за этого и кровь
льется. ⁸Об Эрике же мы тебе ни с кем ничего не передавали
и за него не хлопотали, а раз такого дела не было, то что и
говорить? А что значит, что была грамота? Было написано,
да прошло.⁸

Если бы ты хотел жить по правде, так ты бы прислал ко
мне послов — все бы и без крови разрешилось. А ты крови
желаешь, поэтому ты бессмыслицу говоришь и пишешь.
Никто на тебя не покушается, делай с женой и с братом, что
хочешь; об этом много говорить не стоит. А много крови про-
ливается из-за нашей вотчины, Ливонской земли, да из-за
твоей гордости, что не хочешь по прежним обычаям сноситься
с новгородскими наместниками; и пока ты этого не осознаешь,
и дальше будет литься много невинной крови из-за твоей гор-
дости и из-за того, что незаконно вступил в нашу вотчину,
Ливонскую землю. Ты писал, что мы не сдержим обязательств,
данных в грамоте и скрепленных печатью, но ведь на свете есть
много великих государств, и во всех этих государствах наше
слово неизменно ценится (ты спроси там — узнаешь!), почему
же в одной Шведской земле будет по-иному? А что послы твои
вопреки обычаю и охранной грамоте были обещены и от-
правлены в заключение,⁹ то ты этому не дивись: нельзя же
было не ответить на твой недостойный поступок с нашими
послами, да и то мы еще не поквитались за наших послов:
ведь наши послы — великие люди, а те — холопы, а наши
послы у тебя в Або сидели взаперти долго (это ли не заточение?),
да и отпустил ты их, как пленников, а всех их опоили отравой,

и они, приехав сюда, померли. Спеси же с нашей стороны никакой нет, а писали мы тебе так, как подобает писать нашей самодержавной власти к твоей королевской, — ибо раньше того не бывало, чтобы великим государям всея Руси сноситься со шведскими правителями; сносились шведские правители с Новгородом. Неужели же достоинство нашей вотчины, Великого Новгорода, заключалось в том, что она от нас отделялась, а теперешнее бесчестие — в том, что она признает нас, великих государей, как ты нелепо пишешь? А войску нашему правитель — бог, а не человек: как бог даст, так и будет.

А это истинная правда, а не ложь, — что вы мужичий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой — венчаный король, а мать твоя — также венчанная королева; но хоть отец твой и мать — венчанные, но предки-то их на престоле не бывали! А если уж ты называешь свой род государским, то скажи нам, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, и где на государстве сидел и с какими государями был в братстве, и из какого ты государского рода? Пришли нам запись о твоих родичах, и мы по ней рассудим. А нам хорошо известно, что отец твой Густав происходил из Смоланда,¹⁰ и еще потому нам известно, что вы мужичий род, а не государский, что, когда при отце твоём Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, то твой отец сам, надев рукавицы, как простой человек, пробовал сало и воск и на судах осматривал и ездил для этого в Выборг; а слышал я это от своих торговых людей. Разве это государское дело? Не будь твой отец мужичий сын, он бы так не делал. Ты пишешь, что в течение нескольких сот лет в Швеции были короли, но мы таких не слышали за исключением Магнуса, который ходил под Орешек, да и тот был князь, а не король. А давно ли в Шведской земле сидел правитель — Стен Стуре?¹¹ Об этом у тебя многие помнят: спроси — узнаешь. А отец твой обменивался грамотами с новгородскими наместниками, и грамоты эти писались следующим образом: сперва написан титул нашего царского величества, а затем написано: ¹²«Густав Эри-

кович, божьей милостью Шведский и Готский король и советники королевства Шведского и вся земля Шведская присылали своих послов к великому государю Ивану, божьей милостью царю и государю всея Руси и великому князю бить челом, чтобы великий государь Иван [следует титул] Густава, короля Шведского и Готского и советников королевства Шведского и всю землю Шведскую пожаловал, велел своим боярам и наместникам Великого Новгорода и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины, Великого Новгорода, торговать со Шведской землей попрежнему. И великий государь Иван [следует титул] по их челобитью Густава Эриковича, шведского короля, и всю Шведскую землю пожаловал, велел своему боярину и наместнику Борису Ивановичу Горбатову и дворецкому Семену Никитичу Бутурлину и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины торговать со Шведской землей попрежнему. И довели до конца это челобитье новгородскому наместнику великого государя царя Русского, князю Б. И. Горбатову и дворецкому С. Н. Бутурлину шведские послы господин Кнут Андреевич [Кнут Андерсон] и Бернардin Николаевич [Биорн Классон] и от имени всей Шведской земли заключили перемирие на шестьдесят лет — от Благовещенья 7045 [1537] г. до Благовещенья 7105 [1597] г. — с наместником великого государя царя Русского Б. И. Горбатым и дворецким С. Н. Бутурлиным, которые выступали от имени вотчины великого государя, Новгородской земли; и по условиям этого мира должен быть устроен съезд в Соболине, на реке Вуоксе, через десять лет после заключения мира, в Ильин день 7055 [1547] года, а на этом съезде должны присутствовать с обеих сторон достойные люди из вотчины великого государя царя Русского, Великого Новгорода, а также из Шведского королевства, которые должны размерить границы по земле и воде согласно грамотам князя Юрия и князя Магнуса. Во исполнение всех этих условий, по повелению великого государя Ивана [следует титул].

боярин и наместник Великого Новгорода Б. И. Горбатый и дворецкий С. Н. Бутурлин привесили к этой мирной грамоте свои печати и принесли клятву, целуя крест за вотчину великого государя, Великий Новгород, и за Новгородскую державу. А от имени Шведской державы короля Густава и от Выборгской державы и от города Выборга, за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников королевства Шведского целовали крест послы Шведского королевства Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич. Когда же новгородские наместники великого государя царя Русского пошлют своего посла к королю Густаву, то Густав, король Шведский и Готский, должен будет за всю Шведскую державу перед этим послом целовать крест, обязуясь исполнить то, что написано в этой мирной грамоте, и должен будет Густав, король Шведский, привесить к этой грамоте свою печать. А архиепископ Упсальский должен будет поручиться за всю Шведскую державу, и должны будут они исполнять то, что написано в этих грамотах. Заключен этот мир в Великом Новгороде в 7045 году, а от воплощения господня [рождества Христова] в 1537 году». ¹²

Все это мы тебе выписали точно из грамоты о перемирии, которую отец твой Густав заключил с новгородскими наместниками. И если бы у вас было настоящее королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля не считались бы за товарищей, а землю к именам великих государей не приписывают. Всего же достовернее будет, если ты пришлешь запись о своем государском роде, о котором ты писал, что ему четыреста лет, кто после кого сидел на престоле, с какими государями были в братстве, и мы оттуда уразумеем величие твоего государства. Какие ваши предки жили в городах и столицах, а не в мужицких деревнях, и кто входил в ваш род, кроме твоего отца (сообщи все это обстоятельно!), и какие у вас в Швеции были еще короли и из какого рода. А что ты писал о короле Арцыманусе [Магнусе], ¹³ так мы и помимо него знаем, что вы — мужичий род, и попали на престол не по своему достоинству, а бла-

годаря родству. Те же, которые сидели в городах и больших местах, были не из вашего рода и также не короли. А королей мы в Шведской земле не слышали до твоего отца Густава; первый король — твой отец, а ссылался он в своих грамотах на грамоты князя Магнуса, а не короля.¹⁴ Ведь и твой отец мог бы сыскать прежних королей, да не ссылался на королей, а ссылался на князя Магнуса, а ты, неведомо каким образом, сыскал у себя прежних королей! И потому еще ваш род — мужичий и государство — не великое, что написано в тех же грамотах, что отец твой должен целовать крест за всю Шведскую державу и за город Выборг и за Выборгскую державу, а архиепископ Упсальский¹⁵ должен поручиться; а от имени Шведской державы короля Густава, и от Выборгской державы и от города Выборга, от всей Шведской земли за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников Шведского королевства целовали крест послы Шведского королевства, обещая, что король Густав будет целовать крест, а архиепископ Упсальский даст поручительство, и все сказанное должны будут исполнить. И ты бы сам рассудил, ведется ли так в великих государствах, как в вашем? Отец твой целовал за Шведскую державу и за Выборгскую державу, — выходит, что Выборг как бы особое место, а сидит там как-будто бы товарищ отца твоего. Если бы ваше государство было великое, то и архиепископ Упсальский не был бы записан в товарищах отца твоего, а то записан архиепископ как товарищ твоего отца. Почему советники Шведского королевства товарищи твоему отцу? А послы не от одного отца твоего, а от всего Шведского королевства, а отец твой во главе их, как староста в волости. И если бы отец твой был великим государем, то и архиепископ у него в товарищах не был бы и советники и вся земля Шведская и Выборгская держава приписаны не были бы, и послы были бы от одного твоего отца, а не от королевства Шведского, а здесь послы от королевства Шведского, а не от одного отца твоего, и архиепископ приписан. «Должны будут исполнить

то, что написано в той грамоте», — видишь ведь, как отцу твоему исполнить, так и архиепископу! И тебе поэтому нельзя равняться с великими государями: у великих государей таких обычаев не бывает. Если же кто-нибудь не бережет своего государского достоинства и называет тебя своим братом, то это его дело; нас это не касается, мы соблюдаем свою честь, как подобает нашему царскому величеству.¹⁶ Если же ты не доверяешь той грамоте своего отца, то пришли своих послов, верных людей, и они посмотрят эту грамоту и печать твоего отца на ней. И с этими послами ты сообщи нам, был ли кто-нибудь королем в Шведской земле до отца твоего, кто именно был и из какого рода и с кем он был в братстве; а мы об этом не слыхали, — уж не нашел ли ты этих королей у себя в чулане?

А король Магнус нам этого не рассказывал, и он сам столько не знает про ваш мужичий род, сколько мы узнали от людей, приходящих из разных земель. А что мы короля Арцымагнуса [Магнуса] пожаловали городом Полчевым и иными городами, то мы, слава богу, в своей вотчине вольны:¹⁷ кого хотим, того и жалуем. А что было написано о деде Арцымагнуса [Магнуса] Фридрихе, то тут, как видно, переводчики сделали какую-то описку.¹⁸ Сам же ты написал вполне верно, что некоторое время тому назад Христиерн, благородный король Дании, взял под свою благородную власть Шведское королевство, а затем, оставив там своих бояр, поехал на свое государство в Датскую землю; и отец твой Густав, сговорясь с прежними правителями Шведской земли, примчался из Смоланда с коровами и перебил бояр короля Христиерна Датского, а сам стал королем; после этого он сговорился с Христианом, отцом Магнуса, и они захватили Христиерна, а датским королем посадили Христиана.¹⁹ Так оно и было, правду ты нам написал, больше и писать нечего. Сам ведь ты написал, что ваше королевство выделилось из Датского королевства, а если ты еще нам приплешь грамоту с печатью, о том, как бессовестно поступил отец твой Густав, захватив

королевство, то и того лучше будет, нам и писать будет нечего об этом: сам ты свое холопство признал!

Ты писал насчет нашего царского письма о великом государе самодержце Георгии-Ярославе, — это мы потому писали, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом во многих битвах участвовали варяги, а варяги — немцы; и раз они его слушали, значит были его подданными;²⁰ но мы об этом только известили, а нам это не нужно. А о твоей печати мы писали потому, что, если ты хочешь с нами сноситься, минуя наместников Новгородских, то ты должен за это нас чем-нибудь отблагодарить. Вот почему мы тебе об этом писали; а без такой благодарности тебе нельзя позволить сноситься с нами помимо наместников.²¹ Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августа кесаря,²¹ а ты судишь о нас, вопреки воле бога, — что нам бог дал, то ты отнимаешь у нас; мало тебе нас укорять, ты и на бога покушаешься. Напрасно ты думаешь, что мы хотим присвоить твои титулы и печать для возвеличения, — нам твоей мужичьей чести добиваться нечего и величия твоего не нужно. Мы тебе потому писали, что тебе нужно было сноситься с нами помимо наместников, но без достойного выкупа тебе этого не видать. Если же ты захочешь из-за этого кровь проливать — дело твое; а мы положились на божью волю, что нам милосердный бог даст. А твоего титула и печати мы просто так не хотим: если тебе хочется с нами сноситься помимо наместников, то ты нам уступи и подчинишься и отблаговари нас как следует, и тогда мы тебя пожалуем и освободим от сношений с наместниками, а сноситься тебе с нами даром не дает права ни твое государство, ни твой род; а без твоего подчинения мы и сами не хотим твоего титула и печати. А если ты хочешь присвоить титулы и печати нашего царского величества, так ты, обезумев, можешь, пожалуй, и государем вселенной назваться, — да кто тебя послушает? Если же тебе неудобно по нашему ука-

занию поступить, то сносись по-старому с наместниками. Напрасно ты пишешь, что мы из честолюбия хотим присвоить твою печать и землю; мы писали об этом потому, что, если ты хочешь с нами сноситься помимо наместников, то ты должен нам подчиниться, а если ты подчинишься, то и земля твоя и владения и печать будут нашими, и тогда мы тебя пожалуем и будем сноситься с тобою, как со своим; а с чужим и столь незначительным государем, как ты, сноситься нам не подобает.

А к наместникам я тебя не приравниваю, — так исстари ведется, так бог твое место определил; а ты богу противишься и не хочешь по его повелению поступить. Да какому тебе богу молиться — ты ведь безбожник: не только истинной веры не познал ты, но даже скромное прибежище латинского богослужения разрушено у вас, и иконы уничтожили и священников сравнивали с мирянами; ты сам ведь писал, что принял власть от отца своего, короля Шведской земли.²² А себя мы не хвалим и не прославляем, а только указываем на достоинство, данное нам от бога; и тебя мы не хулим, а пишем это лишь для того, чтобы ты пришел в сознание и не требовал неподобающих вещей.

А что ты писал, будто мы просим у тебя твою королеву,²³ так ты, неразумный человек, не понял. Мы писали тебе, что так же возможно, чтобы ты нам свою жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали; но ведь это невозможно, чтобы у мужа жену взять, всякий это знает (да мы и не хотим этого!), также невозможно и то, чтобы мы с тобой сами сносились, помимо наместников — настолько это недостижимо! А ты, не рассудив, написал. Мы тебе писали не затем, чтобы жену твою просить; нам твоя жена не нужна, — мы для твоего вразумления писали: насколько невозможно у тебя взять жену, настолько же невозможно тебе не сноситься через наместников. Мы писали тебе, осуждая твою гордыню, а не просили твою жену: нам твоя жена вовсе не нужна, делай с ней, что хочешь. И крови неповинной мы не желаем — это ты

из-за своей гордости проливаешь кровь христианскую и стремишься и далее проливать. Ты пишешь, будто это ложь, что польская королевна была замужем за конюхом, так ты спроси тех, кто знает, кто такой был Войдило при Ягайле, короле Польском, и из-за чего была борьба между Ягайло и его дядей Кейстутом, и как Кейстут повесил Войдила, и как Ягайло Кейстута захватил и велел удавить,²⁴ тогда и узнаешь правду.

А что наш дьяк передавал твоему подданному Антону Ольсу [Тоне Ольсону], чтобы ты нам уступил все те земли, которые ты захватил в нашей вотчине Ливонской земле, незаконно туда вступив, и насчет серебряной руды и мастеров, которые добывают руду, и насчет десяти тысяч ефимков за оскорбление наших послов²⁵ и насчет воинских людей, так это мы передавали тебе потому, что раз тебе надобно с нами сноситься, то ты должен это сделать; а если за такое великое дело с нашей стороны вы не оплатите великим же делом, то ничего не выйдет. Мы несообразностей не признаем, — это ты признаешь несообразности. Что тут сообразного, чтобы ты с нами сносился? Это совсем несообразно, чтобы мы сносились с тобой, сами с тобой заключали мир, целовали крест, минуя наместников, и своих послов к тебе посылали.

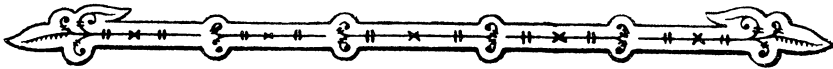
Ты не хочешь послать нам послов бить челом, — мы удивлены откуда у тебя такая гордость и сила взялась, что ты не хочешь согласиться на то, на что соглашался твой отец: отец твой весь свой век прожил, сносаясь с наместниками, только разок под старость не захотел, — и как ему удалось это, ты знаешь!²⁶ Отец твой с этим век прожил, а ты не хочешь, — видно ты лучше отца, что места его не хочешь! Если не пришьешь послов, — миру не бывать; нам же к тебе послов посылать не подобает. Мы из снисхождения к тебе пишем: если хочешь, чтобы мы тебя пожаловали и от сношения с наместниками освободили, то пришли к нам своих великих послов бить челом и отблагодари нас за это великим делом, насколько сможешь; тогда мы тебя пожалуем и от наместников освободим; а не дав выкупа, ты у нас этого не добьешься.

А что ты писал к нам лай и дальше хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что, если тебе не разъяснить, то от тебя и ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холона, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты ни напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем.

Если хочешь выступить, так наши люди твои пушки видели; а захочешь еще попытаться — увидишь, какая тебе будет прибыль. Если же захочешь мира своей земле — пришли к нам своих послов, и мы узнаем от них твои намеренья и решим, что следует сделать.

Писана в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Пайде [Вейссенштейн], в 7081 году, 6 января [6 января 1573 г.], на 40-й год нашего правления, на 26-й год нашего Российского царства, 21-й — Казанского, 18-й — Астраханского.

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ (1573)

Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в Кириллов монастырь, игумену Козьме с братиею во Христе

В пречестную обитель Успения пречистой богородицы и нашего преподобного отца Кирилла чудотворца, священного христова полка наставнику, вождю и руководителю в небесные селения, игумену Козьме с братиею во Христе, царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такую дерзость? Молю вас, господа и отцы, ради бога, откажитесь от этого замысла.¹ Я и братом вашим называться не достоин, считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в писании: «свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и погрязших среди греховного тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно среди пьянства, блуда, прелюбодеяния, скверны, убийств, грабежей, хищений и ненависти, среди всякого злодейства, как говорит великий апостол Павел: «ты уверен, что ты путеводитель сле-

пым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины; как же, уча другого, не учишь себя самого? проповедуя не красть, крадешь? говоря „не прелюбодействуй“, прелюбодействуешь; гнушаясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь богу». И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?».

Ради бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира. Как могу я, нечистый и скверный душегубец, быть учителем, да еще в столь многомятежное и жестокое время? Пусть лучше господь бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание, как покаяние. А если вы хотите найти учителя, — есть он среди вас, великий источник света, Кирилл. Почаще взирайте на его гроб и просвещайтесь. Ибо его учениками были великие подвижники, ваши наставники и отцы, передавшие и вам духовное наследство. Да будет вам наставлением святой устав великого чудотворца Кирилла, который принят у вас. Вот ваш учитель и наставник! У него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будьте тверды в его заветах, передавайте эту благодать и нам, нищим и убогим духом, а за дерзость простите, бога ради. ²Вы ведь помните, святые отцы, как некогда случилось мне притти в вашу пречестную обитель пречистой богородицы и чудотворца Кирилла и как я, по милости божьей, пречистой богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, обрел среди темных и мрачных мыслей, небольшой просвет — зарю света божия — и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия (был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит Каменский, Сергей Колычев, ты, Никодим, ты, Антоний, а иных не упомяну), тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения; и в долгой беседе я открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу

святость своими слабосильными словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал об этой божественной жизни, сразу же возрадовалась моя окаянная душа и скверное сердце, ибо я нашел божью узду для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если бог даст мне постричься при жизни, совершу это только в этой пречестной обители пречистой богородицы и чудотворца Кирилла; вы же тогда молились. Я же, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего вашего и моего игумена, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил меня на это, как и всякого человека, пришедшего постричься.²

И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец: хоть и не совсем еще отказался от мирской суеты, но уже ношу на себе благословение монашеского образа. И видел я уже, как многие корабли души моей, волнуемые лютыми бурями, находят спасительное пристанище. И поэтому, считая себя уже как бы вашим, беспокоясь о своей душе и боясь, как бы не испортилось пристанище моего спасения, я не мог вытерпеть и решил к вам писать.

И вы, мои господа и отцы, ради бога простите меня, грешного, за высказанные вам суетные слова [следует цитата из византийского церковного деятеля и писателя III—IV в. Илариона Великого, в которой Иларион «ужасается» из-за того, что его принуждают присваивать себе «учительский сан»].

И если такое светило так говорит о себе, что же делать мне, вместилищу всяких грехов и игралищу бёсов? Хотел было я отказаться от этого, но раз вы меня принуждаете, то я, как говорит апостол Павел, буду вести себя, как безумец, и в своем безумии буду говорить с вами не как учитель, имеющий власть, но как раб, и подчинюсь вашему повелению, хоть и безмерно мое невежество.

И опять, как говорит то же великое светило Иларион, добавляя к предыдущему [следует другая цитата из Илариона,

в которой Иларион, несмотря на свои сомнения, все же выражает согласие написать просимое «писание»].

Прочитав это, и я, окаянный, дерзнул написать, ибо кажется мне, окаянному, что такова божья воля.

Поверьте мне, господа мои и отцы, свидетель бог, пречистая богородица и чудотворец Кирилл, что этого великого Илариона я до сих пор не читал и не видел и даже не слышал о нем, но когда я захотел к вам писать, то хотел выписать вам из послания Василия Амасийского и, раскрыв книгу, нашел это послание великого Илариона и, вникнув в него, увидел, что оно очень подходит к нынешнему случаю, и решил, что здесь заключается для нашей пользы некое божье повеление, и поэтому дерзнул написать. Обратимся же, с божьей помощью, к беседе. Вы принуждаете меня, святые отцы, и я, повинуюсь, пишу вам ответ.

Прежде всего, господа мои и отцы, вы, по божьей милости и молитвами его пречистой матери и великого чудотворца Кирилла имеете у себя устав этого великого отца, действующий у вас до сих пор. Имея такой устав, мужайтесь и держитесь его, но не как рабского ярма. Крепко держитесь заветов чудотворца и не позволяйте их разрушать [следует цитата из апостола Павла, призывающая крепко стоять за правду].

И вы, господа и отцы, стойте мужественно за заветы чудотворца и не уступайте в том, в чем вас просветили бог, пречистая богородица и чудотворец, ибо сказано, что «свет инокам — ангелы и свет мирянам — иноки». И если уж свет станет тьмой, то в какой же мрак впадем мы — темные и окаянные! ³Помните, господа мои и святые отцы, что Маккавей только ради того, чтобы не есть свиного мяса, приняли мученический венец и почитаются наравне с мучениками за Христа; вспомните, как Елеазару сказал мучитель, чтобы он даже не ел свиное мясо, а только взял его в руку, чтобы можно было сказать людям, что Елеазар ест мясо. Доблестный же так на это ответил: «Восемьдесят лет Елеазару, а ни разу он не соблазнил людей божьих. Как же ныне, будучи стариком,

буду я совращать народ Израиля?». И так погиб. И божественный Златоуст пострадал от обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства. Ибо не виноградник и не вдова были причиной этого зла, изгнания чудотворца, мук его и его тяжелой смерти во время принудительного путешествия. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что Златоуст пострадал за многих, а не только за виноградник. И с виноградником этим дело было не так просто, как рассказывают. Но был в Царьграде некий муж в боярском сане, и про него наклеветали царице, что он поносит ее за лихоимство. Она же, объятая гневом, заточила его вместе с детьми в Селунь [Салоники]. Тогда он попросил великого Златоуста помочь ему, но тот не упросил царицу и все осталось, как было. Там этот человек и скончался в заточении, но царица, неутомимая в своем гневе, захотела хитростью отнять убогий виноградник, который он оставил своей семье для прокормления. И если святые из-за столь малых вещей принимали такие страдания, сколь же сильнее, мои господа и отцы, следует вам пострадать ради заветов чудотворца.³ Так же как апостолы Христовы шли за ним на распятие и умерщвление и вместе с ним воскреснут, так и вам подобает следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, — наоборот, возьмитесь за оружие божье, да не предаст никто из вас заветов чудотворца за серебро, подобно Иуде или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей. Есть и у вас Анна и Кайафа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлаам Собакин, ибо он послан от царской власти,⁴ и есть Христос распинаемый — поруганные заветы чудотворца. Ради бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое.

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему иноку великий святитель и епископ Василий Амасийский и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют

врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам и ко всем, которые ушли от бездны мирских страстей и богатства, в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве [следуют обширные тексты из византийской церковной литературы, восхваляющие монашескую жизнь и порицающие нарушение монашеского устава].

Разве же вы не видите, что послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметьева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление. А если мы по божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет! Зачем тогда и монашество, зачем говорить: «отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах? Как тогда терпеть скорби и великие напасти со всей братией в этом святом месте и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как говорится в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холод, который с ним в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. Великие светильники православия Сергей, Кирилл, Варлаам, Дмитрий и Пафнутий,⁵ и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы; выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них; не вы им учителя и законодатели, а они вам. И если вам устав Шереметева хорош — держите его, а устав Кирилла плох — оставьте его. Сегодня тот боярин один порок введет, завтра другой иное послабление введет, мало-по-малу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Кирилл был когда-то и в Симонове монастыре, а после него был там Сергей. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие; но Сергей ввел

уже некоторые послабления, а другие после него — еще больше; мало-по-малу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симонове монастыре все, кроме тайных рабов господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, — и нам и вам это известно.⁶ Были там архимандриты: Иона, Исак Собака, Михайло, Вассиан Глазатый, Авраамий, — при всех них был этот монастырь одним из самых убогих. А при Левкии он сравнялся по благочинию с лучшими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монашеской жизни. Смотрите сами, что дает силу: послабление или твердость? А вы над гробом Воротынского поставили церковь!⁷ Над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет! Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно и на Страшном суде Воротынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который для вас крепче, чем Кириллов. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу: не хорошо, во-первых, потому что это образец гордости и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом. Это не только не спасение души, но и пагуба: спасение души бывает от всяческого смирения. А во-вторых, очень зазорно и то, что над Воротынским церковь, а над чудотворцем нету, и служит над ним всегда только один священник, а это меньше, чем собор. А если не всегда служит, то это совсем скверно; а остальное вы сами знаете лучше нас. А если бы у вас было церковное украшение общее, вам было бы прибыльнее, и лишнего расхода не было бы — все было бы вместе и молитва общая. Думаю, и богу это было бы приятнее. Вот ведь на наших глазах только в монастырях преподобного Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири⁸ бояре не постригаются, и эти монастыри по божьей благодати славятся монашескими подвигами. А у вас дали сперва Иоасафу

Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Сицкому и Ионе Ручкину, а Шереметеву — отдельный стол, да и кухня у него своя. Дашь ведь волю царю — надо и псарю; дашь послабление вельможе — надо и простому. Не рассказывайте мне о том римлянине, который славился своими добродетелями и все-таки жил такой жизнью: то ведь не установлено было, а было случайностью, и в пустыне было, недолго и без суеты, никого не соблазнило, ибо сказано в Евангелии: «не надобно притти соблазнам; горе тому человеку, через которого приходит соблазн!». ⁹ Одно дело — жить одному, а другое дело — вместе с другими.

¹⁰Господа мои, отцы преподобные! Вспомните вельможу, описанного в «Лестнице» — Исидора, прозванного Железным, который был князем Александрийским, а какого смирения достиг? Вспомните также и вельможу царя Индийского Авенира: в какой одежде он явился на испытание — ни в куньей, ни в собольей. А Иоасаф, сын этого царя: как он, оставив царство, пешком пошел в Синаридскую пустынь, сменил царские одежды на власяницу и претерпел много бедствий, о которых раньше и не знал, как он достиг божественного Варлаама и какой жизнью стал жить вместе с ним — царской или постнической? Кто же был более велик — царский сын или неведомый пустынный? Принес ли царский сын с собой свои обычаи, или стал жить по обычаям пустытника, даже и после его смерти? Вы сами знаете это гораздо лучше нас. А ведь у него много было своих Шереметевых. А Елизвой [Элесбоа], царь Эфиопский, какой суровой жизнью жил? А как Савва Сербский отца, мать, братьев, родных и друзей вместе со всем царством и вельможами оставил и принял крест Христов, и какие монашеские подвиги совершил? А как отец его Неманя, он же Симеон, с матерью его Марией, ради его поучения оставили царство и сменили багряные одежды на монашеские и какое при этом они обрели земное утешение и небесную радость? А как великий князь Святоша, владевший великим княжением Киевским, постригся в Печерском монастыре и пятнадцать лет был

там привратником и работал на всех, кто знал его и над кем он прежде сам властвовал? И не устыдился ради Христа такого унижения, что даже его братья вознегодовали на него. Они видели в этом унижение для своей державы, но ни сами, ни через других людей не могли отвратить его от этого замысла до дня его кончины, и даже после его кончины от его деревянного стула, на котором он сидел у ворот, бесы бывали отгоняемы. Вот какие подвиги совершали эти святые во имя Христа, а ведь у всех них были свои Шереметевы и Хабаровы. А как похоронен праведный цареградский патриарх, блаженный Игнатий, который был сыном царя и был, подобно Иоанну Крестителю, замучен кесарем Вардой за обличение его преступлений, ибо Варда жил с женой своего сына?¹⁰

А если в монахах жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. На этом, святые отцы, я могу и закончить мое нелепое пустословие. Я мог отвечать вам немногое, ибо вы все это в божественном писании знаете гораздо лучше нас, окаянных. Да и это немногое я сказал вам только потому, что вы меня к этому принудили. Вот уже год, как игумен Никодим был в Москве, а отдыха все нет: все Собакин и Шереметев! Что́ я им, отец духовный или начальник? Пусть как хотят, так и живут, если им спасение своей души не дорого! Долго ли будут длиться эти разговоры и смуты, суета и мятеж, распри и нашептывания и празднословие? И из-за чего? Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более — инок, что́ еще выше, чем чернец.¹¹ Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в жизни. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова? Поистине, святые отцы, это не чернецы, а поругатели монашеского образа. ¹²Разве же вы не знаете отца Шереметева — Василия? Ведь его бесом звали! А как он постригся, да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так сошелся с Курцевыми. А Иоасаф, который был митрополитом, — с Коровиными, и начали они между собой ссориться, тут все

и началось.¹² И в какое убожество впала эта святая обитель, известно всем, имеющим разум.

А до этого времени в Троице были крепкие порядки; мы сами это видели: когда мы приезжали к ним, они потчивали множество людей, а сами блюли благочестие. Однажды мы в этом убедились собственными глазами во время нашего приезда. Дворецким тогда у нас был князь Иоанн Кубенский. Когда мы приехали, благовестили ко всенощной; у нас же кончилась еда, взятая в дорогу. Он и захотел поестъ и попить — из жажды, а не для удовольствия. А старец Симон Шубин и другие, которые были с ним, не из самых главных (главные давно разошлись по кельям), сказали ему как бы шутя: «Поздно, князь Иван, уже благовестят». Сел он за еду, — с одного конца стола ест, а они с другого конца отсылают. Захотел он попить, хватился хлебнуть, а там уже ни капельки не осталось: все отнесено в погреб. Такие были крепкие порядки в Троице, — и ведь для мирянина, не только для чернецов!¹³ А слышал я от многих, что были в этом святом месте и такие старцы, которые, когда приезжали наши бояре и вельможи, их потчивали, а сами ни к чему не прикасались, если вельможи их заставляли в неподобающее время, и даже в подобающее время — и тогда едва прикасались. А про порядки, которые были в этом святом месте в древние времена, я слышал еще более удивительные вещи: было это, когда к монастырю живоначальной Троицы приезжал помолиться к гробу Сергия чудотворца преподобный чудотворец Пафнутий и жившая там братия вела с ним духовную беседу. И когда он захотел уйти, они из духовной любви к нему, проводили его за ворота. И тогда, вспомнив завет преподобного Сергия — не выходить за ворота — они стали на молитву и преподобного Пафнутия побудили молиться вместе с ними. И об этом молились и затем разошлись. И даже ради такой духовной любви не пренебрегали отеческими заповедями, а не то, что ради чувственных удовольствий! Вот какие были в этом святом месте крепкие порядки в эти древние времена. Ныне же, за наши грехи,

монастырь этот хуже Песношского, как в те времена была Песношь.¹⁴

А все это послабление начало твориться из-за Василия Шереметева, подобно тому как в Царьграде все зло началось от царей Льва Исавра и его сына Константина Навозоименного [Копронима].¹⁵ Ведь Лев только посеял семена злочестия, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку: так и Вассиан Шереметев своими кознями разрушил отшельническую жизнь в Троице-Сергиевом монастыре вблизи столицы. Так же и сын его Иона стремится погубить последнее светило, сияющее, как солнце, и уничтожить спасительное пристанище для душ: отшельническую жизнь в Кирилловом монастыре, в самом пустынном месте. Ведь этот Шереметев, когда он еще был в миру, первый вместе с Висковатым перестал ходить крестным ходом.¹⁶ А глядя на это, и все перестали ходить. А до этого времени все православные христиане, с женами и с младенцами, участвовали в крестном ходе и в те дни не торговали ничем, кроме съестного. А кто попробует торговать, с тех взымали пеню. И такой благочестивый обычай погиб из-за Шереметевых. Вот каковы Шереметевы! Кажется нам, что они таким же образом хотят истребить благочестие и в Кирилловом монастыре. А если кто заподозрит нас в ненависти к Шереметевым или в страсти к Собакиным, то свидетель бог, пречистая богородица и чудотворец Кирилл, что я говорю это ради монастырского порядка и искоренения послаблений. Слышали мы, что на праздник у вас в Кириллове монастыре были розданы братии свечи не по правилам, а некоторые при этом и служебника обижали. А прежде даже Иоасаф митрополит не мог уговорить Алексея Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце. Немало и других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре,¹⁷ мы как-то однажды опоздали ужинать из-за того, что у вас в Ки-

риллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря [монаха, ведающего хозяйством монастыря] был у вас тогда Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исайи в то время не было — был он у себя в келье, и они с трудом едва его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Не было мне об этом приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь — взять негде. Государя боюсь, а бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдился», как сказал пророк. Ради истины праведно и возражать царям, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные приятные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку приносили Шереметеву в келью, — так ведь в монастырях зазорно и фряжские [итальянские] вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли монашеская жизнь? Неужели вам нечем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях, как вельможа, или Иона Мотякин и другие люди, не желающие соблюдать

монастырские порядки? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя, в монахи постригся. Да и о таких Лествичник писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взашей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: бог свидетель, я пишу это, только беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Гнев на Шереметевых тут не причем: у него, ведь, имеются братья в миру, и мне есть на кого положить опалу. Кто же будет надругаться над монахом и возлагать на него опалу! А если кто скажет, что я ради Собакиных, так мне из-за Собакиных нечего беспокоиться. Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а бог меня от них спас: их злодейство раскрылось и из-за этого все и произошло. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы его не уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом Божиим. А следовало бы ради моего слова и ради нас пренебречь его дуростью и поступить с ним кротко. Шереметев же приехал сам по себе, и вы потому его чтите и бережете. Это — не то, что Собакин; Шереметев дороже моего слова; Собакин приехал с моим словом и погиб, а Шереметев — сам по себе, и воскрес. Но стоит ли ради Шереметева целый год устраивать мятеж и волновать такую великую обитель? Новый Сильвестр на вас наскочил: видно, вы одной с ним породы.¹⁸ Но если я гневался на Шереметевых за Собакина и за пренебрежение к моему слову, то за все это я воздал им еще в миру. Ныне же, поистине, я писал, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Не было бы у вас в обители тех пороков, не пришлось бы и Собакину с Шереметевым браниться. Слышал я, как кто-то из братьев вашей обители говорил нелепые слова, что у Шереметева

с Собакиным давняя мирская вражда. Так какой же это путь спасения и чего стоит ваше учительство, если и после пострижения прежняя вражда не разрушается? Так вы отрекаетесь от мира и от всего мирского и, отрезая волосы, отрезаете и унижающие суетные мысли, так вы следуете повелению апостола: «жить обновленной жизнью»? Сказал ведь господь: «Оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки, как и своих мертвецов. Вы же, шествуя, возвещайте царство божие». И если уж пострижение не разрушает мирской вражды, тогда, видно, и царство, и боярство, и любая мирская слава сохранится в монашестве, и кто был велик в бельцах, будет велик и в чернецах? Тогда уж и в царствии небесном так же будет: кто здесь богат и могуществен, будет и там богат и могуществен? Так ведь это подобно лживому учению Магомета, который говорил: у кого здесь богатства много, тот и там будет богат, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал. Это ли путь спасения, если и в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: «Нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе»? Как же они едины, если боярин — по-старому боярин, а холоп — по-старому холоп? А разве апостол Павел не называл Анисима, бывшего раба Филимона, его братом? А вы и чужих холопов к боярам не приравниваете. А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками. В Троице при нашем отце келарем был Нифонт, холоп Ряполовского, а с Бельским с одного блюда ел. На правом клиросе стояли Лопотало и Варлаам, неизвестно какого происхождения, а на левом — Варлаам, сын Александра Васильевича Оболенского. Видите: когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Бельскому, а сын знатного князя делал одно дело с мужиками. Да и при нас на правом клиросе был Игнатий Курачев, белозерец, а на левом — Федорит Ступишин, и он ничем не отличался от других клирошан, да и много других таких случаев было до сих пор.

А в Правилах святого Василия написано: «Если чернец хвалится при других благородством происхождения, то пусть за это постится 8 дней и совершает 80 поклонов в день». А ныне то и слово: тот знатен, а тот еще выше, — так тут и братства нет. Ведь когда люди равны, тут и братство, а коли не равны, какому тут быть братству? А так и иноческая жизнь невозможна. Теперь же бояре своими пороками разрушили порядок во всех монастырях. Скажу еще более страшную вещь: как рыбаки Петр и поселянин Иоанн Богослов будут судить боготца Давида, о котором бог сказал, что он пришелся ему по сердцу, и славного царя Соломона, о котором господь сказал, что «нет под солнцем человека, украшенного такими царственными достоинствами и славой» и великого царя Константина и своих мучителей и всех сильных царей, господствовавших над вселенной? Двенадцать скромных людей будут их судить. Да еще того страшнее: родившая без греха господа нашего Христа и первый среди людей человек, креститель Христов, будут стоять, а рыбаки будут сидеть на 12 престолах и судить всю вселенную. А вам как своего Кирилла поставить рядом с Шереметевым, — кто из них выше? Шереметев постригся из бояр, а Кирилл даже приказным дьяком не был!¹⁹ Видите, куда завели вас послабления? Как сказал апостол Павел: «не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи». И пусть никто не говорит мне этих постыдных слов: если вам с боярами не знаться, монастырь без даяний оскудеет. Сергей, Кирилл, Варлаам, Димитрий и другие многие святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись, и обители их росли: монастыри поддерживаются благочестием и не оскудевают. Исыякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие — и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает. А в Сторожевском монастыре до чего допились?²⁰ Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет. А мы видели, как у них было больше восьмидесяти человек братии и по одиннадцать человек на клиросе: монастыри разрастаются благодаря благочестивой жизни,

а не из-за послаблений [следуют обширные выписки из Илариона Великого, предостерегающие иноков против «мирских» соблазнов].

Это — лишь малое из многого. Вы сами знаете всё лучше нас; если же хотите еще больше узнать, можете многое найти в божественных писаниях. А если вы напомним, что я забрал Варлаама из монастыря, обнаружив этим милость к нему и враждебность к вам, то бог свидетель, что мы сделали это только потому, что когда возникло это волнение и вы сообщили об этом нам, мы захотели наказать Варлаама за его бесчинство по монастырским правилам. Племянники же его нам говорили, что вы его притесняли ради Шереметева. А Собакины тогда еще не совершили измены против нас. И мы из милости к ним велели Варлааму явиться к нам и хотели его расспросить, из-за чего у них возникла вражда, и приказать ему, чтобы он сохранял терпение, если вы будете его притеснять, ибо притеснения и обиды помогают душевному спасению иноков. Но в ту зиму мы за ним потому не послали, что мы были заняты походом в Немецкую [Ливонскую] землю.²¹ Когда же мы вернулись из похода, то послали за ним, расспрашивали его, и он стал говорить вздор — доносить на вас, что будто вы говорите о нас неподобающие и оскорбительные слова. А я на это плюнул и выругал его. Но он продолжал говорить нелепости, настаивая, что говорит правду. Затем я расспрашивал его о жизни в монастыре, и он стал говорить нивесть что, и оказалось, что он не только не знает иноческой жизни и одежды, но вообще не понимает, что такое чернецы, и хочет такой же жизни и чести, как в миру. И видя его сатанинское стремление к мирской суете, мы его и отпустили жить суетной жизнью. Пусть сам отвечает за свою душу, если не ищет душевного спасения. А к вам его, поистине, потому не послали, что не хотели огорчать себя и волновать вас. Он же очень хотел к вам. А он — настоящий мужик, врет, сам не зная что. Вы тоже нехорошо поступили, что прислали его как бы из тюрьмы, а старец соборный при нем словно пристав. А он

явился, как государь какой-то. И вы еще прислали с ним к нам подарки, да к тому же ножи, как-будто вы хотите нам вреда.²² Как же можно посылать подарки с такой сатанинской враждебностью? Вам следовало его отпустить и отправить с ним молодых монахов. А посылать подарки при таком нехорошем деле неприлично. Все равно соборный старец ничего не мог ни прибавить, ни убавить, унять его он не сумел; все, что он захотел врать — он соврал, что мы захотели слушать — выслушали: соборный старец ничего не ухудшил и не улучшил. Все равно мы Варлааму ни в чем не поверили. Свидетель бог, пречистая богородица и чудотворец, что я беспокоюсь о нарушении монастырских порядков, а не на Шереметева гневаюсь. Если же кто скажет, что это жестоко и что Шереметев вправду болен, то если ему нужно послабление, пусть ест один в келье с келейником. А сходить к нему зачем, да пировать, да яства в келье на что? До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой не держали, а не только других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все это беззаконие, а не нужда. Если нужда, пусть он ест в келье, как нищий: кус хлеба, звено рыбы да чашку квасу. Если же вы хотите дать ему еще какие-нибудь послабления, то вы давайте сколько хотите, но пусть хотя бы ест один, а сходов и пиров не было бы, как прежде у вас водилось. А если кто хочет прийти к нему ради беседы духовной, пускай приходит не в трапезное время, чтобы в это время еды и питья не было, — так это будет; действительно, духовная беседа. Подарки же, которые ему присылают братья, пусть отдает в монастырское хозяйство, а у себя в келье таких вещей не держит. Пусть то, что к нему пришлют, будет разделено на всю братию, а не дано двум или трем монахам по дружбе и пристрастию. Если ему чего-нибудь нехватает, пусть временно держит. И иное что можно — тем его услаждайте. Но давайте ему из монастырских запасов и пусть пользуется один в келье, чтобы не возбуждать соблазна. А люди его пусть при монастыре не живут. Если же приедет кто-нибудь от его братьев с письмом, едой или подарками, пусть поживет дня

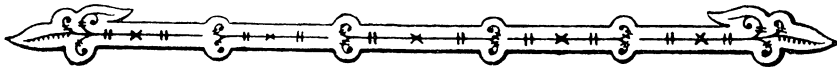
два-три, возьмет ответ и едет прочь, — и ему будет хорошо, и монастырю безмятежно. Мы еще в детстве слышали, что таковы были правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по божественному жили. Мы и написали вам все лучшее, что нам известно. А вы теперь прислали нам грамоту, и нет нам отдыха от вас из-за Шереметева. Вы пишете, что я передавал вам через старца Антония, чтобы Шереметев и Хабаров ели в общей трапезной с братией. Я передавал это только ради соблюдения монастырских порядков, а Шереметев увидел в этом опалу на него. Я писал только то, что я знал из обычаев вашего и других крепких монастырей, и для того, чтобы он мог спокойно жить в келье, не волнуя монастырь, — хорошо, если и вы его предоставите тихой жизни. А не потому ли вам так жаль Шереметева, что его братья до сих пор не перестают посылать в Крым и навлекать бусурман [мусульман] на христиан?²³ Хабаров велит мне перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно уж очень надоело! Иноческое житие — не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа окладывать, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец человеческих! Я видел, как по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове, — пусть как хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, что его болезнь мне известна: так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого из любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же хотите, найдете многое в божественном писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это — конец моего к вам письма. А вперед бы вы нам о Шереметеве и других нелепцах не докучали: мы отвечать не будем. Если

вам благочестие не нужно, а желательно нечестие, то это дело ваше! Скуйте Шереметеву хоть золотые сосуды и воздайте ему царские почести — ваше дело. Установите вместе с Шереметевым свои правила, а правила чудотворца отставьте, — так хорошо будет. Как лучше, так и делайте! Вы сами знаете; делайте, как хотите, а мне ни до чего дела нет! Больше не докучайте: поистине, ничего не отвечу. А злокозненную грамоту, которую вам весной прислали Собакины от моего имени, сравните повнимательней с моим нынешним письмом, а затем уже решайте, верить ли дальше нелепицам.

Да пребудут с вами и с нами милость бога мира и богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ (1574)

От царя и великого князя Ивана Васильевича
всея Руси Василию Григорьевичу
Грязному-Ильину

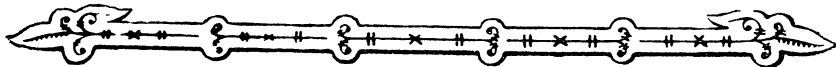
Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен;¹ так надо было, Васюшка, без пути средь крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, надо было не по объездному спать: ты думал, что в объезд приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя в торок [к седлу] и привязали. Или ты думал, что и в Крыму можно так же, как у меня, стоя за кушаньем, шутить? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: «Пора домой!» Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве.²

Ты объявил себя великим человеком, — так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что отца нашего и наши князья и бояре нам стали изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды.³ А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине: такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили.⁴ И мы не запираемся, что ты у нас в приближение был; и ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали, а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут, и не дают

такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком, то за тебя бы в обмен Дивея не просили. Про Дивея хоть хан и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста тысяч рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а нагайский князь и мурзы — все ему братья;⁵ у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася. Кроме князя Семена Пункова не на кого было бы менять Дивея; разве что, если бы надо было доставать князя Михаила Васильевича Глинского, можно было его выменять;⁶ а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству, во вред ему: ты один свободен будешь, да приехав из-за своего увечия лежать станешь, а Дивей, приехав, станет воевать, да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?

Если ты оценил себя выше меры и обещал за себя мену выше своей стоимости, как же можно дать за тебя такой выкуп? Мерять такой неправильной мерой — значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства, тогда Христос тебе противник!

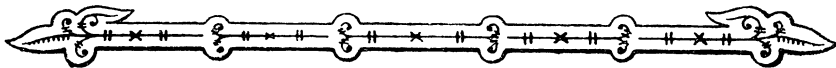
ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ (1575)

В 7084 году, 30 октября [30 октября 1575 г.] великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси подали эту челобитную князь Иван Васильевич Московский и дети его, князь Иван и князь Федор Ивановичи Московские, а в челобитной написано:

Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом и с Федорцом, челом бьют,¹ чтобы ты, государь, оказал нам милость, разрешил перебрать людишек,² бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишек: некоторых бы разрешил отослать, а некоторых милостиво разрешил принять, а с твоими государевыми приказными людьми разрешил обмениваться грамотами о людишках; и милостиво разрешил бы нам выбирать и принимать из всяких людей; и разрешил бы ты нам милостиво, государь, отсылать прочь тех, которые нам не нужны. Когда же мы, государь, переберем людишек, мы принесем тебе, государю, их поименные списки и уже с того времени без твоего государева ведома ни одного человека к себе не возьмем. А показал бы ты, государь, милость: запретил у тех людишек, которых мы примем к себе, отнимать вотчинишки, как прежде велось у удельных князей;³ велел бы ты им отдать из их поместышек хлебишко и деньжонку и всякое их рухлядишко [имущество], а людей их велел бы выпустить, не захватывая их имущества. И разрешил бы ты, государь, тем, которые захотят быть у нас, быть у нас без

опалы от тебя, и запретил бы ты отнимать их у нас. Тех же, которые от нас пойдут и будут проситься к тебе, ты бы, государь, милостиво отказался принимать.⁴ Да окажи, государь, милость, укажи нам своим государевым указом, как нам своих мелких людишек держать: записывать ли их нашим дьячишкам по нашему указанию, или ты велишь брать у тебя полные грамоты на них?⁵ Как укажешь, государь? Обо всем этом мы бьем тебе челом. Окажи милость, государь, пожалуй нас!

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ (1577)

Такая грамота послана от государя из Пскова
с князем Тимофеем Романовичем Трубецким
во Владимир [Вольмар, Валмиеру] к князю
Александру Полубенскому¹

²Божьей [следует перечисление атрибутов, библейская цитата] волей и желанием, и властью, и силой творения, когда сказал бог «да будет свет» — стал свет, и совершилось иное творение тварей как наверху на небесах, так и внизу на земле и в преисподней. И затем создал бог человека, мужчину и женщину, сотворил их, поселил в раю и дал им наставление; когда же они послушали врага [дьявола] и наставление преступили, бог за это прогневался на них и изгнал их из рая нищими, и осудил их на смерть и болезни, и обрек их на труд, и отлучил их бог от лица своего. И увидел враг, что первые его козни пошли ему на пользу и что бог прогневался на человека, и, увидя это, решил окончательно уничтожить людей и побудил Каина убить Авеля. Бог же, не оставляя свое создание, из милосердия к роду человеческому сотворил ради Адама родоначальника правды — спасителя [Иисуса Христа]. И затем Енох угодил богу, ради чего бог прославил его взятием на небо и сохранил его как прорицателя своего второго пришествия. И когда умножились люди, и враг окончательно усилился, и люди стали повиноваться врагу во всем и восприняли все его злые дела, то бог еще более разгневался и истребил всех

людей на земле потопом и, обнаружив, что только праведник Ной действует по его заповедям, сохранил его за это как родоначальника вселенной. Затем, когда люди вновь умножились и враг еще более прельстил их и люди усердно предалися вражьему прельщению и уклонились в богоборство, они начали создавать столп, говоря себе: если снова захочет бог навести потоп, то мы, взойдя на столп, вступим в борьбу с богом. И создали столп этот выше облаков, и бог гневом, дыханием уст своих, дыханием бурным и сильным, сокрушил столп и одних побил, а других разделил на семьдесят два языка. Один только Евер не присоединился к их делу и замыслу, за что бог и помиловал его: не отнял у него языка Адамова. От его имени и называются евреи. А других он разделил, чтобы, разделившись, восставали друг на друга и мучались за это преступление. Когда я говорю о боге, то, как и выше, я говорю об отце и сыне и святом духе в едином существе; ибо здесь были произнесены такие слова: «вот люди говорят одним языком и едиными устами и могут сделать всё, что захотят, спустимся и разделим их». Кто бы это мог говорить, как не троица? И затем, когда люди вновь умножились и подчинились врагу и бог еще более на них прогневался и отступил от них, дьявол поработил их и по своей воле стал вести все человечество. И отсюда пошли мучители и властители и цари, как первый Неврод, который начал строить столп, когда и произошло разделение языков. Неврод начал царствовать в Вавилоне, затем Мисрем в Египте, и в Ассирии Вил крепкорукый, он же Крон, и Бел, и Белус, и Белье, и Вабал, и Вельефегор, и Вельсавух, и Вельсавав, и Астарта, затем Ниние и Фор, он же Арес, и повсюду возникли многоразличные царства и каждое царство отдельно. Так возникло среди людей неблагочестивое царствование, то, о котором господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии: высокое для людей — мерзость для бога. И так увидел бог, что погибает род человеческий и умилился над ним и создал праведника Авраама, того Авраама, который познал истинного бога и которого

бог возлюбил. И ради этого бог склонился на милосердие к человечеству и благословил Авраама и указал ему его обязанности и даровал ему наследника — Исаака и Исааку Иакова, он же Израиль. И обещал бог Аврааму: «сделаю тебя прародителем многих народов и цари от тебя произойдут». И те, которые произошли от Авраама, Исаака и Иакова, стали называться людьми, а прочие — язычниками, ибо говорит великий пророк Моисей: «всевышний поставил пределы народов по числу ангелов божиих; и стал Иаков уделом господним, Израиль — достоянием его». И в то время, когда бог пас народ израильский и извел его из Египта двумя своими крепкими и величественными руками — праведником Моисеем и Иисусом Навином, и поместил их в обетованной земле (было в то время много государств и некоторые из них израильтяне истребили), и когда он так сохранял еврейский народ и давал ему судей и правителей, и сам руководил ими до самого времени пророка Самуила, израильтяне из-за того, что после преступления Адама все человечество было охвачено прельщением и поработчено врагу, часто преступали божьи заповеди, прельщаясь делами незаконных язычников. Бог же на них иногда гневался и отдавал их в рабство иноплеменикам, иногда же миловал и освобождал: когда они отступали от бога и поклонялись идолам, тогда предавал их, когда же обращались к господу, тогда освобождал их. Поэтому он, снисходя к их слабости, разрешал им даже приносить жертвы — не потому, что он хотел от них жертв, а уступая их слабости: «пусть приносят жертвы, лишь бы истинному богу приносили, а не бесам». Так было до пророка Самуила. Но человеку родственна всякая нечисть: не захотели израильтяне жить под божьим именем и под руководством его праведных слуг и попросили себе царя, и бог весьма за это прогневался на них и дал им царя Саула. И много напастей претерпели, и бог умилился над ними и дал им царя — праведника Давида и распространил царство его. Это было первое благословение царству: бог снизошел к слабости человеческой и благословил

царство. И затем, когда умножились люди и царства и власти и разрослось беззаконие, бог не презрел рода человеческого, мучимого дьяволом. Прежде всего послал пророков, провозвестивших пришествие божьего слова и обличающих грехи и беззакония; были же люди неразумны, и враг ими владел, и избили они пророков и еще более впали в нечестие. И затем во имя человеколюбия сам бог-сын, слово божие, соизволил воплотиться от пречистой матери, чтобы спасти людей на земле. И сперва он отверг царство, ибо говорит господь в Евангелии, что высокое для людей — мерзость для бога, а затем и благословил его, ибо божественным своим рождением прославил Августа-кесаря, соизволив родиться в его царствование; и этим прославил его и расширил его царство и даровал ему не только Римскую державу, но и всю вселенную — и готов, и сарматов, и Италию, и всю Далмацию, и Анатолию, и Македонию и иные страны — Азию, и Сирию, и Междуречье, и Египет, и Иерусалим — вплоть до границ Персии. И когда Август владел таким образом всей вселенной, он посадил брата своего Пруса в город, называемый Мальборг, и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск на реке, называемой Неман, которая течет в море Варяжское [Балтийское]. Когда же господь наш Иисус Христос ссуществил предназначенное ему провидением, послал он божественных своих учеников по всему миру просветить вселенную. Они же, точно на крыльях облетев всю вселенную, проповедывали слово божие. И так как в то время всюду царствовал грех и господствовало нечестие, а цари и князья и управители служили дьяволу и противодействовали ученикам божьим, то они были избиты, и многие ученики божьи — как священники, так и простые люди — приняли мученичество. И со времени царствования Августа вплоть до Максентия и Максимиана Галерия было в Риме гонение на христиан. Господь же наш Иисус Христос не презрел моления рабов своих, но, внимая мольбам своей матери и исполняя свой обет: «Я с вами до скончания мира сего, аминь», создал опору бла-

гочестия — великого, сияющего благочестием Константина Флавия, царя правды христианской, соединившего священство и царство воедино, и с этого времени повсюду умножились христианские царства. И затем по благоволению в троице славимого бога в Российской земле создано царство, когда, как я уже говорил, Август, кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата, упомянутого выше Пруса. И силою и милостью троицы так создано это царство: потомок Пруса в четырнадцатом колене, Рюрик, пришел и начал княжить на Руси и в Новгороде, назвался сам великим князем и нарек этот город Великим Новгородом. Сын же его Игорь переселился в Киев и там установил скипетр российского царствования и брал дань с греков и жил в Переяславце Дунайском, где находятся Бен и Ведна [Вена]. Что же после них? Умилосердился бог над нашей Российской землей, и привел сына этого Святослава, Владимира, к познанию истины и просветил светом благочестия, чтобы он славил его, истинного бога, отца и сына и святого духа, во единстве почитаемого, избрал его, как второго Павла, в царственных седицах, обратил его к крещению и сделал царем правды христианской, как великого Константина. Как говорит божественный апостол Павел: нет власти не от бога, пусть всякая душа повинется власти; поэтому тот, кто противится власти, противится божьему повелению, и никому не следует вступать в чужие пределы. Мы же хвалим, прославляем и почитаем господина, вечно поем и превозносим его, давшего нам средство к спасению, как в дому раба своего Давида, так и в дому блаженного великого Владимира, во святом крещении Василия. Его же божьей милостью, благоволением и волею утвердился и скипетр Российской державы и был передан нам — от этого великого Владимира, во святом крещении Василия, который рисуется на иконах с царским венцом, и от сына его великого государя Ярослава, названного в святом крещении Георгием, который завоевал эту Чудскую землю, то есть Ливонию, и поставил город, названный по его имени Юрьевым, а теперь

называемый Дерптом, и от великого царя и великого князя Владимира Мономаха, который воевал в византийской Фракии и приобрел царский венец и имя (получил он их от царя Константина, царствовавшего в то время в Царьграде), и от преславного великого князя Александра, одержавшего на Неве победу над немцами римской веры, и от достойного хвалы великого государя, великого князя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами [татарами], и от деда нашего, блаженной памяти великого государя Ивана Васильевича, собирателя Русской земли и многих земель обладателя, и от отца нашего, великого государя, царя всея Руси блаженной памяти Василия, приобретателя исконных прародительских земель, перешел, наконец, по наследству и к нам скипетр Российского царства. Мы же хвалим бога за премногую его милость к нам.²

Этого тричисленного божества, отца, сына и святого духа милостию, властью и волей покровительствуемые, а иногда охраняемые, защищаемые и укрепляемые, мы и удержали скипетр Российского царства; мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] оповещаем думного дворянина княжества Литовского, князя Александра Ивановича Полубенского, дудку, пищалку, самару, разладу, нефиря (все это — дудкино племя!)³ о нашем царском повелении.

А наставление наше царское таково. Ливонская земля с незапамятных времен — наша вотчина: от великого князя Ярослава, сына великого Владимира, а во святом крещении Георгия, который завоевал Чудскую землю и поставил в ней город, названный по его имени Юрьевым, а по-немецки Дерптом, а затем от великого государя Александра Невского; Ливонская земля давно уже обязалась платить дань, и они неоднократно присылали бить челом прадеду нашему, великому государю и царю Василию, и деду нашему, великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти государю и царю всея Руси Василию, о своих винах и нуждах и о мире

с их вотчинами — с Великим Новгородом и Псковом — и обязались не присоединяться к Литовскому государю. И к нашему царскому величеству также неоднократно присылали бить челом своих послов и обязались платить дань по-старому, но потом всего этого не исполнили и за это на них наш меч, гнев и огонь ходит. И как-то раз дошло до слуха нашего, что люди безвластного государства Литовского, преступив божье повеление, не позволяющее никому вступать в чужие владения, вступили в нашу вотчину, в Ливонскую землю, и тебя сделали там гетманом. И ты совершил многие недостойные дела: не имея воинской доблести, обманом взял Изборск, пригород нашей вотчины Пскова, где, будучи отступником от христианства, надругался над божьими церквями и иконами.⁴ Но милость бога и пречистой богородицы и молитвы всех его святых и сила икон посрамили вас, иконоборцев, а нашу древнюю вотчину нам возвратили, а ваша надежда — Крон и Зевс и другие, о которых мы говорили выше, — оказалась напрасной.

А пишешь, что ты — Палемонова рода,⁵ так ведь ты — полоумова рода, потому что завладел государством, а удержать его под своей властью не сумел, сам попал в холопы к чужому роду. А что ты называешься вице-регентом земли Ливонской, правителем рыцарства вольного, так это рыцарство бродячее, разбредлось оно по многим землям, а не вольное. А ты вице-регент и правитель над висельниками: те, кто из Литвы от виселицы сбежал — вот кто твои рыцари! А гетманство твое над кем? С тобой ни одного доброго человека из Литвы нет, а всё — мятежники, воры и разбойники. А владений у тебя — нет и десяти городков, где бы тебя слушали. А Колывань [Таллин, Ревель] у Шведского короля, а Рига — отдельно, а Задвинье у Кетлера.⁷ А кем тебе править? Где магистр, где маршал, где командоры, где советники и все воинство Ливонской земли?⁸ Всего у тебя — ничего!

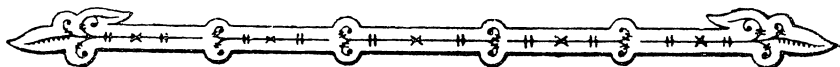
А сейчас наше царское величество пришло обозрывать свои вотчины — Великий Новгород, Псков и Ливонскую землю, и мы шлем тебе с милостивым покровительством наше

царское повеление и достойные наставления: мы хотим на угодных нам условиях заключить мир, о котором ваш избранный государь Стефан Обатур [Баторий] пишет к нам и присылает своих послов,⁹ а ты бы не мешал заключению мира между нами и Стефаном Обатуром, не стремился к пролитию христианской крови и уехал бы со всеми людьми из нашей вотчины, Ливонской земли, а мы всему своему воинству приказали литовских людей не трогать. А если ты так не сделаешь и из Ливонской земли не уйдешь, тогда на тебя падет вина за кровопролитие и за судьбу литовских людей, которые окажутся в Ливонии. А мы не будем вести никаких военных действий с Литовской землей, пока послы от Обатура находятся у нас. А с этой грамотой мы послали к тебе своего воеводу князя Тимофея Трубецкого, сына Романа, сына Семена, сына Ивана, сына Юрия, сына Михаила, сына князя Димитрия, сына великого князя Ольгерда, у которого твои предки Палемонова рода служили.¹⁰

Писано в нашей вотчине в доме св. Троицы и великого государя Всеволода-Гавриила из двора нашего боярской державы в городе Пскове¹¹ в 7085 году, 9 июля [9 июля 1577 г.], на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 35-й год — Казанского, 24-й год — Астраханского.

А на подписи к грамоте написано: почтенному дворянину великого княжества Литовского, князю Александру Ивановичу Полубенскому, дудке, вице-регенту бродячей Литовской земли и разогнанного Ливонского рыцарства, старосте Вольмерскому, шуту.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ (1577)

Такая грамота послана от государя из Владимира [Вольмера] к пану Яну Еронимовичу с князем Александром Полубенским

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] шлем наше слово пану государя Стефана [следует титул] Яну Еронимовичу Ходкевичу, графу на Шклове и Мыши, пану Виленскому, старосте Жмудскому, маршалку земскому великого княжества Литовского, старосте Ковенскому и правителю Плотельскому и Тельшовскому.²

Муж храбрый, высокоумный и почтенный, достоин ты быть первым среди своего рода и начальствовать! Издавна ведь я слышал о доблести твоей и дивился ей и хвалил тебя, и стремился показать тебе мою любовь и милость во многих и различных случаях. Мне не пришлось сделать это, когда ты, во время отсутствия короля, писал к нам через Ливонскую землю,³ ныне же, по благоволению божьему пришло то время, о котором говорил апостол Павел: «во время благоприятное послушал тебя, в день спасения помог тебе; вот ныне время благоприятное, ныне день спасения, и никакого нигде нет препятствия»; поэтому и пишу тебе.

Божьей милостью с крестоносной хоругвию ходили мы очищать и оберегать свою вотчину и ныне с помощью всемогу-

щей божьей десницы и силою животворящего креста вся вотчина, Ливонская земля, оказалась под нашей властью. А ты назывался администратором и гетманом Ливонской земли, а теперь ты этого лишился; так ты бы, муж благоразумный и храбрый, этому не удивлялся, ибо бог дает власть тому, кому хочет. А это ведь было звание, достойное государя, и тебе то не подобало (ты из рода великих панов, и поэтому мы, чтобы доставить тебе удовольствие, называем тебя графом, хотя это также тебе не подобает). А убытка ты здесь никакого не понес, потому что было у тебя только название, и огорчаться тебе из-за этого не стоит, ибо название — вещь мимолетная, а не постоянная. Слышал я о твоём благоразумии и храбрости во время сражения под Улой и восхищался, как ты доблестно там действовал;⁴ а вот в Ливонскую землю вступил ты напрасно. И поэтому обращаюсь к твоему благоразумию; ибо сказано: «покажи премудрому его вину и мудрее станет, объясни праведному и сумеет постигнуть». Вот почему тебе, премудрому человеку, не должно из-за этого смущаться и, отказавшись от смущения, следует озаботиться об установлении мира между христианами. И указали бы вы государю вашему Стефану, королю Польскому, чтобы он не воевал с нашей вотчиной, Ливонской землей, и ничем ее не задевал. Также и ты не проявлял бы досады. А нехороша пословица: «отними у того, у кого уже отнято», — из-за нее-то и происходит зло.⁵ Будь и ты в добром здравии, а вотчине нашей, Ливонской земле, никакого вреда не причиняй.

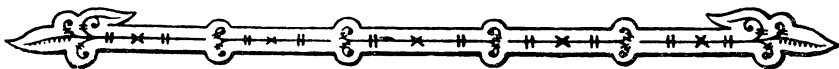
А больше вам не следует говорить те слова, которые вы говорили в Полоцке: что там не наша земля, где ноги нашего коня не стояли; ведь теперь в нашей вотчине, Ливонской земле, во многих областях нет такого места, где бы не только ноги нашего коня, но и наши ноги не были, нет и такой воды в водах и озерах, которой бы мы не пили, но все это по божьей воле оказалось под ногами наших коней и под нашим господством.⁶ Также вам не следует говорить, что мы вопреки перемирию вступили в Ливонскую землю, ибо слова эти лживы.

Никогда мы не говорили о мире с Ливонской землей, а Литовской земли мы в нынешнем своем походе ничем не задели и не оскорбили. И ты бы сам говорил своему государю, а также братии своей, панам вашей рады, и совместно со своей братьей, с панами рады, говорил бы своему государю королю Стефану, чтобы ваш государь незамедлительно слал к нам своих послов, а мы хотим достойным образом заключить с ним мир и установить дружеские отношения. А он бы нас за это отблагодарил, ибо без такой благодарности братство между нами установиться не может.⁷

Писан в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году, 12 сентября [12 сентября 1577 г.], на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й год — Казанского, 24-й год — Астраханского.

Handwritten text on a strip of paper, possibly a title or page number, partially obscured by a black bar.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРЬСКОМУ (1577)

Такая грамота послана государем также из Владимирца [Вольмера] к князю Андрею Курбскому с князем Александром Полубенским¹

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Смиренно напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему преступлению, превозшедшему преступления Манассии, хотя я и не отступил от веры, снисходительно божье величество, в ожидании моего обращения. И не отчаиваюсь в милосердии создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девятиста девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского преступления мои, все же надеюсь на милость Божию — может господь морем своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь господь оказал милость мне, грешнику, блуднику, и мучителю и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия.² А наступающей крестonosной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Об этом ты можешь узнать от них, если спросишь, я же не хочу пере-

числять тебе эти победы, ибо не мои они, а божьи. Тебе же напомним лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже подробно ответил; теперь же напомним немного из многого. Вспомни сказанное в книге Иова: «обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом хуже язычника.³ Я же ставлю тебя самого судьей между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел над вами господствовать, а когда вы не захотели быть под моей властью, разгневался на вас? Или растлены вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле несколько не властвовал. Сколько напастей я от вас испытал, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Чем и кого я оскорбил? Это ли моя вина, что полтора ста четей [земельные владения] Прозоровского вам были дороже моего сына Федора?⁴ Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже моей жизни? И что такое сами Прозоровские рядом с нами? [далее в тексте непонятная фраза].⁴ Божиим милосердием, милостью пречистой богородицы, молитвой святых чудотворцев и милостью святого Сергия у моего батюшки, и с батюшкиного благословения у меня была не одна сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения и желают им здоровья, а моим шлют проклятия и желают им смерти.⁵ Много такого было. Сколько мне было от вас бед — не исписать.

А с женою моею зачем вы меня разлучили? Не отняли бы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв⁶.

А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты — так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? ⁷ А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его благодаря войне и кровопролитию? По божьему изволению с рождения был я предназначен к царству; как меня отец благословил на государство, уже и вспомнить не могу; на государственном престоле вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он — сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же деды и господа отца его уморили в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я его и его мать освободил и держал их в чести и в благоустройстве; а он уже был всего этого лишен. И я такие оскорбления вытерпеть не мог — и стал за самого себя.⁸ Тогда вы начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще жестче начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле, и как же вы из-за этого надругались над святыней господней и осквернили ее! Рассердившись на человека, восстали на бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест поругали и осквернили! Сами за это богу ответ дадите. Но опять-таки умолчу об этом; пишу здесь тебе о нынешних делах. Дивись велениям божьей судьбы, о князь: ибо бог дает власть кому хочет. Вы ведь с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым хвастались, как дьявол в книге Иова: «обошел землю и прошел вселенную и вся земля под ногами моими» (и сказал ему господь: «а знаешь ли ты раба моего Иова?»). Так и вы мнили, что вся Русская земля под ногами вашими, но по божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и наострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «нет людей на Руси, некому обороняться», — а нынче вас нет; кто же нынче занимает

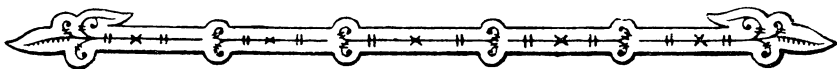
сильнейшие германские крепости? А между тем сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, занимает крепости. Не ждут бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста! А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был.⁹ Много всяких людей отпущено: спроси их, узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальние города как бы в наказание посылали,¹⁰ — так теперь мы, не пожалев своих седин, и дальше твоих дальних городов, слава богу, прошли, и ногами коней наших переступили все ваши дороги — из Литвы и в Литву, и пешком ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, место покоя твоего, привел нас бог: настигли тебя, и ты еще дальше поехал.¹¹

Итак мы написали тебе лишь некоторое из многого. Рассуди сам, как и что ты наделал, за что божье провидение обратило на нас свою милость, рассуди, что ты натворил. Взгляни внутрь себя и сам себе раскрой содеянное тобой! Видит бог, что написали мы это тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писан в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году [1577 г.], на 43-й год нашего правления, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й — Казанского, 24-й — Астраханского.

ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ (1577)

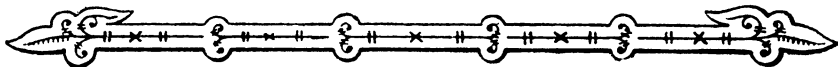
Такая грамота послана к Тимохе Тетерину

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и многих земель государя к Тимофею-Тихону Иванову сыну Тетерину-Пухову.

Писал ты прежде нашему боярину, воеводе и наместнику Юрьева Ливонского Михаилу Яковлевичу Морозову, что он, сидя в башне, посылает к тебе грамоты с угрозами, и что его Юрьевское наместничество такое, что мы, не веря ему, держим его жену и детей заложниками,¹ — так чего же ты, расстрига-богатырь, захвативший предательством Изборск,² ныне за Двину в Литву побежал, а ни в какой башне не удержался? А в этом опальном наместничестве, в Юрьевском, ныне мы сами сидим. А вам бы сейчас лучше всего нас здесь спокойно дожидаться — мы бы вас во всех бедах успокоили! А нечего к тебе, холоцу, много и писать. Какую холопскую [в тексте пропуск] делаешь, а какие ты грамоты к нам привозил от Андрея Шеина,³ когда впервые наши люди видались с магистром в нашей вотчине, Ливонской земле!

Писан в убежище твоего государя князя Андрея Курбского,⁴ в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 г., 12 сентября [12 сентября 1577 г.].

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ (1581)

А это — грамота от государя к королю, пересланная с его гонцом Криштофом Держком¹

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестonosной хоругви и креста Христова, Российского царства и иных многих государств и царств скипетродержателем, царь и великий князь всея Руси [следует полный титул], по божьему изволению, а не по многомятежному желанию человечества² — Стефану, божьей милостью, королю Польскому [следует титул] князю Семиградскому и иных.

³Прислал ты к нам гонца своего Криштофа Держка с грамотой; а в грамоте своей писал нам, что наши полномочные послы — дворянин и наместник Муромский Остафий Михайлович Пушкин и дворянин наш и наместник Шацкий Федор Писемский и дьяк Иван Андреев сын Трифонов — прибыли к тебе с нашей верительной грамотой, в которой мы просили тебя доверять их словам, сказанным от нашего имени. Ты пишешь, что они объявили тебе, что пришли со всеми необходимыми полномочиями, чтобы заключить христианский мир; но когда ты им позволил вести переговоры с панами твоей рады, они потребовали сохранения за нами четырех замков в Ливонской земле: Новгородка Ливонского [Нейгаузен], Серенска [Нейшлос], Адежа [Неймюль] и Ругодива [Нарва],

да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью божьей перешли в твои руки; за это, они, по твоим словам, должны были быть отправлены назад, не окончив переговоров. А затем они попросили, чтобы ты дозволил им послать к нам за полномочиями о всех объявленных тобою условиях мира и дружбы, и ты разрешил им это. Ты хочешь теперь, чтобы, ознакомившись с посланием наших послов, мы дали им достаточные указания об этом и прислали грамоту со всеми полномочиями для заключения христианского мира и установления дружбы и братства между нами; удостоверившись в этом, ты согласишься заключить мир. А указания и полномочия своим послам ты просишь послать, не мешкая, ибо для тебя убыточно держать внутри своего государства набранные войска, а если подвинуть их ближе к границе, тогда, по твоим словам, и нашему государству не избежать убытков. Ты пишешь также, что велел нашим послам упомянуть город Себеж, построенный на земле Полоцкой, не ради какой-нибудь корысти, а только для того, чтобы установленная дружба не была нарушена своевольными людьми, ибо возле Себежа всюду расположены села и люди полоцкие; нам же, пишешь ты, следует мириться так, чтобы доброе дело нерушимо укрепилось на благо христиан, а дружба между нами все более усиливалась. Но ты предлагаешь это только на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делом разрушать больших. Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить со всем их имуществом и тем самым дать тебе доказательство нашей склонности и готовности к дружбе. С этой своей грамотой ты послал к нам своего дворянина Криштофа Держка, и ты просишь без всякой задержки отпустить его к тебе, чтобы он не опоздал к сроку, указанному нашим послам.³

Твои же паны, как сообщают наши послы, дворянин и наместник Муромский Остафий Михайлович Пушкин с товарищами, говорили им от твоего имени, что ты с нами поми-

ришься только, если мы уступим тебе всю Ливонскую землю до последней пяди, что Велиж, Усвят и Озерище — все это уже у тебя, а Луки Великие, Заволочье и Холм беспрекословно оставлены нами при отступлении, и что мы должны разрушить город Себеж, да еще уплатить тебе четыреста тысяч золотых червонцев за твой убыток, что ты снаряжался, отправляясь воевать наши земли. Мы никогда еще не встречали такой самоуверенности и недоумеваем: ведь нынче ты собираешься мириться, а твоя рада предъявляет такие безмерные требования, — чего же они потребуют, прервав мирные переговоры? Твои паны попрекали наших послов, что они приехали торговать Ливонской землей. Так что же: если наши послы торгуют Ливонской землей, то это плохо, а если твои паны нами и нашими владениями играют и из гордости предлагают невозможное — это хорошо? Да это не торговля была, а переговоры.⁴

А когда в вашем государстве были благочестивые христианские государи — от Казимира до нынешнего Сигизмунда-Августа, они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, — вот к чему стремились паны в прежние времена. Езды бывало туда и обратно, побранятся с послами и снова помирятся, и делают дело долго, а не в один час обернутся. А ныне мы видим и слышим, что в твоей земле христианство умалается; поэтому-то твоя рада, не беспокоясь о кровопролитии среди христиан, действует наскоро. И ты бы, король Стефан, припомнил все это и рассудил: по христианскому ли это обычаю делается?

Когда послал ты к нам своих полномочных послов — воеводу Мазовецкого Стефана Крыйского с товарищами,⁵ то они без всякого принуждения договорились с нашими боярами, написали от твоего имени грамоту, привесили к этой грамоте свои печати и присягнули, целуя крест, что, когда приедут

наши послы, ты напишешь такую же свою грамоту, какую они написали в Москве, привесишь к ней свою печать и присягнешь, что будешь соблюдать эту грамоту в течение указанных лет, а наших послов отпустишь с той своей грамотой, не задерживая.

⁶Мы же, согласно решению твоих послов и наших бояр, послали к тебе своих послов — дворецкого Тверского и наместника Муромского Михаила Долматовича Карпова, своего казначея и наместника Тульского Петра Ивановича Головина и дьяка Тарасия-Курбата Григорьева сына Грамотина — довести до конца то дело, о котором договорились твои послы, взять у тебя грамоту о перемирии и привести тебя на той грамоте к присяге. Но наш полномочный посол Михаил Долматович Карпов скончался неизвестно от чего, а когда его товарищи, наш казначей и наместник Тульский Петр Иванович Головин и наш дьяк Тарасий-Курбат Григорьев сын Грамотин, пришли к тебе, то ты пренебрег договором, отказался следовать присяге твоих послов, предал наших послов бесчестию и насильно посадил их под стражу, как узников. А отказались вести с тобою переговоры наши послы потому, что они, увидя твою надменность, когда ты не встал при произнесении нашего имени и не спросил о нашем здоровье, не решались без нашего ведома стерпеть это. Отныне же, как бы надменно ты ни поступал, мы ни на что не будем отвечать. А вести переговоры с твоими управителями у себя в доме нашим послам не подобало: при предках твоих никогда так не бывало. Но много говорить об этом здесь нет надобности. Ты же прислал к нам своего гонца Петра Гарабурду с непристойной грамотой,⁶ а сам начал собирать против нас войска из многих земель. А в грамоте, присланной с Петром Гарабурдой, было написано, чтобы мы отказались от условий, принятых твоими послами, и составили новый наказ своим послам и велели им снова договариваться о Ливонской земле. Где же это ведется, чтобы нарушать скрепленное присягой? Даже если послы совершают что-нибудь дурное, то и тут не нарушают

соглашения, а ждут истечения срока, установленного договором; послов за их вину наказывают, а что сделано, не переделывают, нигде не переделывают и присяги на кресте не нарушают. Не только в христианских государствах не принято нарушать присягу, как ты захотел сделать (называясь христианским государем, ты захотел действовать не по-христиански, надругаясь над нашей присягой и вопреки присяге твоих послов, сделанной за тебя, захотел делать все сызнова, — это нигде не ведется!), но и в бусурманских [мусульманских] государствах⁷ не принято нарушать клятву; даже бусурмане, если они государи почтенные и разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушит обещание, укоряют и хулят, и нигде не нарушают обещанного. Да и у предков твоих этого не бывало, чтобы нарушить то, о чем послы договорились; ты установил новый обычай! Прикажи поискать во всех своих книгах — ⁸ни при Ольгерде, ни при Ягайло, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде Первом, ни в наше время при Сигизмунде-Августе никогда не поступали по твоему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками ⁸ — чего же ты по их установлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови? Те прежние государи, предки твои, не нарушали обещаний своих послов. Узнав о таком неподобающем деле, мы задержали твоего гонца Петра Гарабурду, ожидая, что ты согласишься на достойное соглашение и доведешь дело с нашими послами до конца.

И тут мы узнали, что ты готовишься к войне. Тогда мы отправили к тебе твоего гонца Петра Гарабурду, а с ним своего гонца Андрея Михалкова с грамотой,⁹ в которой написали, что нельзя так поступать: отменить присягу и все делать заново; тебе следовало довести до конца то соглашение, которое заключили твои послы с нашими боярами; а о Ливонской земле ты должен прислать к нам других своих послов, ¹⁰ мы поручим боярам договориться с ними, как должно. И ты,

не послушав этого, впал в еще бóльшую ярость и, нарушив присягу своих послов, выгнал наших послов из своей земли, как каких-то злодеев, не допустив их до свидания с тобой. С ними ты наспех прислал к нам своего гонца Венцлава Лопатинского с грамотой, а в ней написал о нашем государском величестве многие несправедливые слова и укоры, которых не стоит подробно повторять, а после этого отпустил к нам нашего гонца Андрея, прислав с ним грамоту, также наполненную яростью.¹⁰ Сам же ты пошел войной со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками — Курбским, Заболоцким, Тетериным¹¹ и другими. И нашу вотчину, город Полоцк, взял изменой: наши воеводы и люди плохо дрались против тебя и изменнически сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя на Полоцк, сам писал нашим людям грамоту, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами, и хвалился, что отомстишь нам за наших изменников. Не на войско надеешься — на изменников!¹² А мы, не ожидая, что ты так поступишь, и надеясь на присягу твоих послов (ведь ты поступил так, как от веку не бывало!), пошли было очищать свою вотчину, Ливонскую землю. Но когда мы пришли в свою вотчину, в Псков, до нас дошла весть о тебе, что ты пришел с войной к нашей вотчине, к Полоцку, и мы, не желая, вопреки присяге, начинать с тобой кровопролитие, сами против тебя не пошли и большого числа людей не послали, а послали лишь немногих людей к Соколу разведать о тебе. Тем временем твой воевода Виленский, придя со многими людьми к Соколу, необыкновенным способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался беззаконным образом, как не слыхано и у неверных; убить кого-нибудь в бою и оставить — это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: выбирали трупы лучших воевод и детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь, как бы для колдовства.¹³ Ты пишешь и называешь себя государем христианским, а дела у тебя делаются недостойные христианских обычаев: христианам не

подобает радоваться крови и убийствам и действовать подобно варварам. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты умеришь свои притязания, разрешили своим боярам снестись с твоими панами, да и сами неоднократно с тобой сносились. Но ты возгордился безмерно и не захотел делать так, как велось при твоих предках, и не пожелал послать к нам послов по прежним обычаям, а начал снаряжать войско против нашей земли. В грамоте же, которую ты прислал нам со своим гонцом Венцлавом Лопатинским, написано, что наши послы «призваны перед твой маестат» — как-будто это какие-то безвестные сироты, а не послы, и поставили их, этих сирот, у порога дверей и оттуда они беседуют с тобой, как с богом на небесах: так выглядит это «призвание послов перед твой маестат» и твоя безмерная гордость! Ни в каких землях такого не слыхано: когда к великому государю приходят послы не только от равного, но даже и не от великого государя, то держат их по посольским обычаям, а не как простых людей, не как данников, не ставят их «перед маестатом».¹⁴ Также, когда ты прислал нам со слугой наших бояр Левоу Стремоуховым свою охранную грамоту для наших послов (а твои паны написали нашим боярам, чтобы мы по этой охранной грамоте послали своих послов), то эта грамота оказалась написана не таким образом, как пишутся охранные грамоты для послов: твоя грамота написана как бы для мелких купцов, проезжающих через твое государство. На что похоже такое высокомерие? Ты бы даже своему воеводе Виленскому не написал таких укоров, какие заключены в этой грамоте.¹⁵ Таких укоров мы не слышали ни от турецкого, ни от иных бусурманских государей. Но мы, всё еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе своего дворянина Григория Афанасьевича Нащокина, а в грамоте писали тебе, чтобы ты послал к нам своих послов по прежнему обычаю. Устно же мы передали тебе с этим дворянином, чтобы ты, если не захочешь послать к нам послов по прежнему обычаю, прислал нам подобающую охранную грамоту для наших послов, а не такую,

какую ты послал с Левой Стремоуховым, и тогда мы к тебе тотчас же пошлем своих послов, хотя это и противоречит прежним обычаям, а ты бы дожидался наших послов в своем государстве. ¹⁶Ты отпустил к нам нашего дворянина Григория с грамотой к нам, но послать по прежнему обычаю послов не пожелал. А в своей грамоте ты писал, чтобы мы прислали к тебе своих послов, и прислал на наших послов охранную грамоту, но указал такой срок для прибытия послов, что невозможно было поспеть не только послам, но и гонцу. ¹⁶А сам, желая пролития христианской крови, как только отпустил нашего дворянина Григория, тотчас же, не дожидаясь наших послов, сел на коня и пошел войной на нашу землю. А при предках твоих не принято было воевать, пока послы едут; только когда послы чего-нибудь натворят, тогда начинали войну, да и то не сразу. А мириться с мечом в руках, как теперь при тебе, — какой же это мир?

¹⁷И мы, видя, что ты не щадишь христианства, спешно послали к тебе своих послов — своего стольника и наместника Нижегородского князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, своего думного дворянина и наместника Елатмовского Романа Михайловича Пивова и дьяка своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали к тебе своего слугу Федьку Шишмарева с грамотой, прося, чтобы ты подождал наших послов в своей земле. Этот наш гонец встретил тебя на дороге, вблизи Витебска, но ты даже не взглянул на нашу грамоту, а сам пошел на нашу землю военным походом, никого не пропуская и не щадя христианской крови. И мы велели своим послам идти к тебе в военный стан, хотя еще никогда не бывало, чтобы послы находились в войске. Мы и тут хотели тебя ублаготворить, да не ублаготворили, — ты и в Витебске не подождал наших послов и пошел на нашу землю войной, а наших послов велел вести за собою неспеша. А тем временем наши изменники по твоим жалованным грамотам уступили твоим людям Велиж, Усвят и Озерище, а сам ты пошел к Лукам, а наших послов велел вести за собой. И, придя к Лукам, ты начал приступ, а нашим

послам велел вести переговоры, но какие же тут могут быть переговоры? Сколько льется неповинной христианской крови, а послам вести переговоры!¹⁷ А твои паны, приходя к нашим послам, говорили, отрубая одним словом: либо сделай так, тогда будет мир, а не сделают так, как говорят паны, тогда миру не будет. Что же это за мир? Паны с послами в шатре говорят о мире, а в то же время по городу бьют непрерывно, — что ж тут послам с панами твоими делать? А когда ты занял город, тут послам уже и посольствовать нечего — тут уже всему их посольству конец! А к нам прислал ты своего гонца Григория Лазовицкого с грамотой и с ним отпустил нашего сына боярского Никифора Суцова, а предлагал при этом неподобающее дело, которое не может осуществиться, а другого своего гонца Гавриила Любощинского прислал к нам¹⁸ с сообщением, что взял Луки, как бы грозя нам и хвастаясь. А сроки ты устанавливаешь невозможные, так что не только наши гонцы к тебе, но и твои гонцы к нам за такие сроки не могут приехать; ездят же они по дорогам лениво, а из-за этого льется невинная христианская кровь. И такого нечестия даже в бусурманских государствах не слыхано, чтобы войска сражались, а послы тут же вели переговоры. Если послы — то они и ведут переговоры, а если хотят воевать, то выставляют какую-нибудь причину, прерывают переговоры и шлют войска. Всю осень таскал ты за собой наших послов, да и всю зиму продержал их у себя, а отпустил их ни с чем, за все это укоряя и ругая нас. А когда послы наши были у тебя в Варшаве, твои паны отказались от тех условий, о которых они же сами говорили нашим послам под Невелем. Когда же паны твоей рады приходили к нашим послам с ответом, вместе с ними пришло человек с сорок твоих людей, а твои паны сказали послам, что это твоя младшая рада. Ни при каких твоих предках не бывало, чтобы при переговорах были иные люди, кроме радных панов. Видно, твоя рада, желая лить христианскую кровь, всю твою землю склоняет к пролитию христианской крови. Побеспокоились ли твои паны о христианской крови,

когда они говорили нашим послам в Варшаве: «на тех условиях, о которых мы с вами, а вы с нами сговорились под Невелем и о которых вы просили и получили ответ, христианский мир заключен быть не может, — ведь после этого прошло долгое время и наш государь понес большие расходы на войско: взял наш государь у вашего государя Заволочье, а теперь начал снова собирать войско, тут уж без расходов не обойтись?»¹⁹ По-христиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют? А если тебе убыток, так ты бы Заволочья не занимал, кто тебе об этом бил челом? А это ли не жажда кровопролития — послов у себя держать, дела с ними не делать, от брата своего послов не ждать, а войско снова собирать, да все это еще нам в убыток поставить? Кто тебя заставляет так расходоваться?

Отпуская к нам наших послов, ты передавал с ними, что если мы захотим с тобой соглашения, то можем послать к тебе еще послов. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты придешь в себя и откажешься от безмерных требований, послали к тебе других послов — дворянина своего и своего наместника Муромского Остафия Михайловича Пушкина с товарищами. Но ты, охваченный высокомерием, и тут не пошел на приемлемые условия и передал нашим послам через радных панов, что ты с нами не помиришься, пока мы не уступим всю Ливонскую землю со всеми крепостями и снаряжением; кроме того, мы должны уступить тебе Себеж; Велиж и Невель уже у тебя, а Луки и Заволочье и Холм оставлены при отступлении, как и Озерище и Усвят. Да к тому же мы должны еще уплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю, — всего четыреста тысяч золотых червонцев, и заключить вечный мир. А ты будто присягал, что будешь добывать у нас Ливонские земли и разрешишь другие давние споры времени великого государя блаженной памяти Ивана, деда нашего, и короля Александра.

И если это так будет, то что же это будет за мир? Взять теперь у нас казну, нанести нам убыток, да на наши же деньги

нанять людей и взять нашу Ливонскую землю, а немного погодя, наполнив ее своими людьми, собрать еще бóльшие силы, да на нас же напасть и остальное отнять! Можно ведь и не мирясь все это делать и невинную христианскую кровь проливать! Видно ты хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь; хотя бы мы тебе и всю Ливонскую землю уступили, да ведь тебя и этим не успокоишь, и после этого все равно ты будешь лить христианскую кровь! Вот и теперь — чего только ты у прежних наших послов ни просил, а нынешним нашим послам ты еще прибавил Себеж, а дай тебе его — возгордишься безмерно и еще чего-нибудь попросишь, ничем не удовлетворишься и не помиришься. Мы добиваемся, как бы унять кровопролитие, а ты добиваешься, как бы воевать и лить невинную христианскую кровь. Так чем нам с тобой мириться, можно и не мирясь то же делать. Не по христианскому обычаю все это у тебя делается! Мы писали к тебе неоднократно, что если бы ты прислал к нам своих послов по прежнему обычаю, то пролитие невинной христианской крови прекратилось бы скорее. Послы же наши не могут добиться мира потому, что когда мы посылаем к тебе наших послов с каким-нибудь предложением, ты на него не соглашаешься, а выставляешь новое требование и, прервав переговоры, снова принимаешься воевать; просишь прислать еще послов, а сам все время сидишь на коне наготове, а сроки указываешь по бусурманскому обычаю такие, чтобы послать было нельзя. Вот ведь и теперь — мы уже надеялись, что тебя ублаготворили, послали своих послов, согласившись на все, что ты хотел, а тебе и это не полюбилось, и ты, выставив неприемлемые требования и не сделав дела, сел на коня и пошел на нашу землю войной. Потому-то так и получилось, как мы к тебе писали, что нашим послам никогда не добиться от тебя соглашения.

А что наша вотчина, Ливонская земля, — твоя, это написано несправедливо; никогда ты не сможешь доказать, чтобы она при каких-либо твоих предках со времен Казимира входила в королевство Польское и великое княжество Литов-

ское. Если же у тебя есть об этом грамота или какое-нибудь доказательство, пришли к нам, и мы их рассмотрим и в соответствии с этим будем поступать, как подобает. Не доказать тебе этого! Только когда появилось в твоей земле лютеранство, воевода Виленский Николай Янович Радзивил и иные паны начали спор о Ливонской земле ради пролития христианской крови.²³ В семь тысяч шестьдесят седьмом году [1558/59 гг.], когда король Сигизмунд-Август присылал послов своих — пана Подляшского Василия Тышкевича с товарищами, они говорили с нами по его поручению о ливонцах, как о чужой земле: что государь их им поручил заключить договор не только между нами и собою, но что он рад и все христианство видеть в мире, что, как он узнал, мы ведем войну с Ливонией — орденом Немецкой империи, а этого не допустит император и Немецкая империя, что, кроме того, архиепископ Рижский Вильгельм князь Бранденбургский — его родственник, и из-за нанесенной Вильгельму обиды он в прошлом году выступал против этой земли и воевал до тех пор, пока ливонцы не осознали своего преступления и не попросили прощения, и тогда он, вернув князю-архиепископу его прежний сан, принял их просьбу, не разрушая их земли, ибо они — христиане; поэтому он и нас просил остерегаться кровопролития и сохранять мир с его родственником, князем-архиепископом Рижским. Сам посмотри: если бы Ливонская земля входила в королевство Польское и великое княжество Литовское, он бы об этом упомянул, а он вовсе не упомянул и не называл эту землю своею, а говорил о ней, как о чужой; войной же он ходил на нее не для того, чтобы ее покорить себе, а ради своего родственника, архиепископа Рижского Вильгельма, потому что его обидели ливонцы; ходил за его обиду, а не для того, чтобы их подчинить. Сам же написал: «не разрушая их землю», — заметь, что «их землю», а не свою. А после этого в семь тысяч шестьдесят восьмом году [1560 г.] прислал к нам король Сигизмунд-Август своего посланника Мартына Володкова и с ним передавал о Ливонской земле, что она издавна христи-

анскими императорами передана его предкам и присоединена к их наследственному владению — великому княжеству Литовскому для укрепления и обороны. Рассуди сам, король Стефан, хорошо ли государям говорить противоречивые вещи: ²¹ через своих послов передавал, как о чужой земле, а тут заявляет, что она ему передана от императора, и называет ее своею! В своей грамоте он писал также, что князья, магистр Кетлер и другие, обратились с мольбой о покровительстве к его маестату. И, сделав такое неправо дело, паны короны Польской и великого княжества Литовского стали называть Ливонскую землю своей и послали туда своих смутьянов-ротмистров. И если бы они говорили правду, то в одно слово говорили бы, а то говорят и пишут разными словами, ухищряясь как-нибудь прибрать к рукам Ливонскую землю и проливать неповинную христианскую кровь. После этого твои паны стали говорить, что мы вопреки присяге вступили в Ливонскую землю, но до сих пор не могут указать, в какой же это грамоте мы присягали. И после этого принялись говорить, что мы нарушили охранные грамоты и вторглись в Ливонскую землю, а мы ничего этого не нарушали, ибо Ливонская земля не упоминается в мирных грамотах ни с какой стороны и в охранных грамотах не говорится, что мы не должны очищать свою вотчину, Ливонскую землю, от врагов. Опять-таки, если у тебя имеются какие-нибудь грамоты твоих предков, наших прародителей и наши о Ливонской земле, пришли их к нам и мы тогда не будем больше говорить о Ливонской земле, а то, кроме кровопролития, оправдания у тебя никакого нет. А как можно нарушать то, чего ни в каких грамотах нет и никогда не бывало? А у панов твоих вечно одни и те же слова: напал на ливонцев, нарушил присягу, нарушил охранную грамоту. Но если эта земля существовала отдельно, а жители ее были нашими данщиками, и были в ней магистр и архиепископ и епископы, а в городах — князья, а ни одного литовца там не было, то была ли тогда нарушена присяга и охранная грамота с Литвой? И кто ими владел,

неужели литовские ротмистры? Этого тебе никак не доказать! Когда они еще не были разорены, они обращались к нам с челобитными, а поссорившись, заключали мир с такими же нашими вотчинами, как они сами, с Великим Новгородом и Псковом. А в челобитных они писали, что они испросили у нас прощения за то, что они присоединялись к королю Польскому и великому князю Литовскому, и что отныне они никогда не будут присоединяться к нему и ничем не будут ему помогать. Если хочешь — можешь в этом убедиться: мы послали тебе списки с тех грамот при этой своей грамоте.²² А если, может быть, ты захочешь посмотреть самые эти грамоты, то пошли посмотреть своих полномочных послов, и мы им покажем грамоты с печатями, в которых ливонцы били челом о своих винах нашим прародителям, деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и в которых они отреклись от подчинения королевству Польскому и великому княжеству Литовскому. Но ведь если бы Ливонская земля принадлежала Польше и Литве, то ливонцы не писали бы так в своих челобитных грамотах. Почему твои предки не удержали их, когда они в шесть тысяч девятьсот шестьдесят восьмом году [1460 г.] присылали бить челом прадеду нашему, блаженной памяти великому государю Василию Васильевичу,²³ о котором ты пишешь, будто он заключил соглашение с Казимиром о Великом Новгороде? А если бы это утверждение было справедливо, то ливонцы не посылали бы бить челом нашему прадеду через Новгород. А они многократно посылали бить челом также и деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и к нам, и эти приходы и челобитья их послов, не тайные, но явные, были известны в Москве представителям всяких вероисповеданий и чужеземцам. А предки твои ни нашим прародителям, ни нам, когда мы еще были в юношеском возрасте, никогда не писали, чтобы мы не принимали челобитья ливонцев и не вступали в их

области и не называли их своими подданными; а если бы это была их земля, то твои предки бы об этом не молчали, а раз молчали — значит, это была не их земля! А что твои паны возражают: если это была наша земля, то зачем нам было с нею заключать перемирие? Так ведь эта земля была особая, ²⁴наша вотчина, отданная в держание [управление], жили в ней немцы, а заключали соглашения о перемириях с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Псковом — с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому как мужики в волостях заключают между собой соглашения, как им торговать, а не так, как заключаются перемирия между государями. Ты вот называешься Прусским, а в Пруссии свой князь и ты принимаешь от него присягу — стало быть, Пруссия не твоя? Вот Ливония и была такой же нашей вотчиной, отданной в держание, как Пруссия у тебя. Твои паны говорят на это, что, если это была наша вотчина, то мы должны были бы назначить им держателей [управителей], — но ведь эта наша вотчина, Ливонская земля, была не нашей веры, а жили в ней немцы, и наши прародители и мы оказали им милость, позволили им выбирать магистров и держателей согласно их вере и обычаю, а у них зато были устроены христианские церкви, дворы и слободы для русских купцов, которые торговали, приезжая к ним. А хотя держателей они получали, но ведь они получали их от папы, — епископов ведь всех ставит папа, а не король, и твои предки епископов не ставили. Вы вспоминаете еще, что архиепископ Вильгельм был родственник короля Сигизмунда-старого, — так ведь для него нигде местечка не было, и по просьбе короля ливонцы дали ему архиепископство Рижское; а ставил его в архиепископы опять-таки папа, а не король: короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведает папа и архиепископы и епископы; так дает ли это основание считать Ливонскую землю вашей? ²⁴ А что паны твои говорят, что ливонцы вели войну с блаженной памяти великим государем и царем всея Руси Василием, отцом нашим, так тут дивиться нечему! Часто бывает, что под-

данный, желая выйти из подданства, противится своему государю — за это его и наказывают. Воевали же Ягайло и Витовт с пруссами, а предки твои с Кондратом, князем Мазовецким. А к нашему отцу, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, присылал с челобитьем князь Прусский Альбрехт, магистр немецкого ордена в Пруссии, маркграф Бранденбургский, Штетинский, Померанский, Кашубский и герцог Вендский, бургграф и герцог Ноурмерский [Неймаркский] и князь Ругенский о помощи против короля Сигизмунда-старшего.²⁵ Да ты сам зачем к Гданску ходил войной? Ведь он твой, а к своему зачем ходить войной? ²⁶ Вот так и Ливонская земля затеяла войну против отца нашего. Говорят твои паны, что ливонцы обратились за покровительством к вам, королям Польским и великим князьям Литовским, так почему же они не обращались к вам, пока в своей воле были? А вот когда они нам изменили и мы на них возложили свой гнев и разбили их, тут они к вам и обратились. Во всей вселенной ведь так принято: кто беглеца принимает, тот вместе с ним виновен; не значит ли это, что и ты покушаешься на чужую собственность? Почему же вы не сумели овладеть ими, пока они не были разбиты? А когда Витовт вел борьбу с Ягайло из-за убийства отца, к каким именно немцам он обращался и с какими немцами ходил к Вильне войной и чуть не взял Вильно?!²⁷ Ни единым словом не сможешь ты доказать, что Ливонская земля, пока она не была разбита, подчинялась королевству Польскому и великому княжеству Литовскому; сколько ни разбирай это дело — всегда обнаруживается, что Ливонская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему.

Да что об этом много говорить! Известно, что вы называете Ливонскую землю своей попусту, желая пролития неповинной христианской крови. Говорили еще твои паны нашим послам, что ты присягал, что добудешь Ливонскую землю, — христианское ли это дело: присягать, что будешь вздорно и несправедливо, желая славы, богатства и расширения госу-

дарства, лить неповинную христианскую кровь? Вот ты писал, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, — а ты очень справедливо добываешь потерянное, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей потому, что Ливонская земля римской [католической] веры, одной веры с ними, поляками, и поэтому всей этой земле следует быть в твоей власти, ибо нехорошо, чтобы в одной земле были два государя: «А у нас государь — по нашей воле: выбираем себе государем, кого захотим; какой бы ни был у нас государь, а без нас ничего не делает; а если и захочет что-нибудь делать, так мы не дадим; а когда мы выбирали теперь нашего государя, то указывали ему, что многие места нашей земли несправедливо отобраны вашим государем и его предками; и государь наш присягал нам, что он будет добывать наши давние владения и очистит Ливонскую землю». Христианское ли это дело? Называетесь христианами, а ведь папа и все римляне и латиняне [католики] вечно твердят, что вера греческая и латинская едина; а когда был в Риме в шесть тысяч девятьсот сорок седьмом году от сотворения мира [1439 г.] при папе Римском Евгении собор, и присутствовал на нем греческий царь [император] Иван Мануйлович, а с ним патриарх Царьградский [Константинопольский] Иосиф (на этом соборе он и скончался), а из Руси был митрополит Исидор, то на этом соборе постановили, что греческая вера и римская должны быть едины. Как же паны твои придерживаются христианства, если они не допускают, чтобы Ливонская земля была под греческой верой? Они и папе своему не следуют: папа их установил, что греческая и латинская веры едины, а они это отвергают и обращают людей из греческой веры в латинскую!²⁸ Христианское ли это дело? А в нашей земле, если кто держится латинской веры, то мы их силой из латинской веры не обращаем, а жалуем их наравне со своими людьми, кто какой чести достоин, по их происхождению и заслугам, а веры держатся, какой хотят. Говорят еще твои паны, что если

в одной земле два государя, то добру не бывать; так мы же к тебе затем и посылали, чтобы ты заключил с нами соглашение о Ливонской земле, а ты с нами подобающего соглашения не заключаешь. А что ты присягал о тех, что будешь добывать отошедшие области и очищать Ливонскую землю, и паны твои также присягали, что будут тебя в этом поддерживать, так ведь это сделано по бусурманскому обычаю, ради пролития неповинной христианской крови. Вот, значит, каков твой мир: ничего не хочешь, кроме истребления христиан; помирись ли ты и твои паны с нами или будешь воевать — тебе и твоим панам нужно только удовлетворить свое желание — губить христиан. Так что же это за мир? Это обман! А если мы тебе уступим всю Ливонскую землю, то нам от этого большой убыток будет, что же это за мир, если убыток?

Тебе же ничего другого не нужно, только бы тебе быть сильнее нас. И зачем нам давать тебе силу против самих нас? А если ты силен и жаждешь крови христианской, так ты приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми. Ведь и под Невелем твои паны, тоже желая христианской крови, говорили нашим послам, стольнику и наместнику Нижегородскому князю Ивану Васильевичу Сицкому-Ярославскому с товарищами, что если мы тебе не уступим всей Ливонской земли, то ты будешь беспрестанно отвоевывать все те области, которые отделены от великого княжества Литовского к Московскому государству, а если теперь чего-нибудь и не успеешь отвоевать, так оно и потом не уйдет. Если таково твое и твоей рады неперестанное стремление и желание кровопролития — какого ж тут ждать мира и доброго дела! Ведь уже сначала, когда тебя посадили на престол, паны привели тебя к присяге, что ты добудешь все давно отошедшие области, — чего же было и послов посылавать? Одною душой, а дважды ты присягал: ты присягал панам и земле, что будешь добывать земли, а послы твои присягали, что ты заключишь с нами мир. И ты тогда присягни-ка еще уступить нам какие-нибудь места получше! Присягнешь еще раз — и совсем будет непонятно, какая при-

сяга крепче, и держаться ли тебе той присяги, которую давал земле, или той, которую дали твои послы, или той, о которой договорятся наши послы? Видно, одной какой-нибудь присяге придется быть нарушенной, — нельзя и две присяги вместе соблюсти; какое же тут может быть соглашение? И поэтому между обоими нашими землями никогда не будет конца кровопролитию. Когда же ты разрешил нашим послам отправить к нам нашего сына боярского Никифора Суцова, а твои паны велели ту грамоту, которую они к нам посылали, принести к себе, прочли ее и велели им написать только то, что ты пишешь, и ничего иного — разве же это по христианскому обычаю было сделано?²⁹ Неизвестно, послы ли они, пленники ли, твои ли люди, мои ли, если ни единого слова без твоего ведома не смеют написать. Это — прямое притеснение, а ведь твои послы, наоборот, поступали по своей воле, и ты их присягу нарушил. Так зачем же и послов посылать, если вы всей землей стремитесь к кровопролитию? Сколько послов ни посылай, что ни делай — ничем вас не удовлетворишь и миру не добьешься. Ведь твои паны писали, и ты сам неоднократно передавал с послами и посланниками, что ты для того и приглашен на престол, чтобы разрешить давние споры. Это к добру не приведет: взыскиваешь более, чем за сто лет, а за это время с обеих сторон не один государь умер и предстал на божий суд. Видно, все те государи не знали, как за свое стоять, а бояре и паны у них глупы были, что не взыскивали это никаким образом, а не только кровью? А ты видно всех своих предков лучше, а паны твои умнее своих отцов: чего отцы их не умели добыть, они с кровопролитием добывают! Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно! Если давно прошедшие споры разбирать, так тут кроме кровопролития ждать нечего, а если ты пришел кровь проливать и паны посадили тебя на престол для этого, то зачем было и послов приглашать? Их ничем не удовлетворишь, пока кровью христианской не насытятся. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство бусурманам! А когда обессилишь обе земли — Русскую и Литовскую,

все бусурманам и достанется. Называешь себя христианином, христово имя поминаешь, а хочешь ниспровергнуть христианство.

Ты предлагаешь нам заключить вечный мир, но ведь прежде при твоих предках перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался, а ныне и подавно верить нечему — присяга тебе нипочем, ты, играя, нарушаешь ее: нарушил то, в чем послы твои присягали, и начал кровь проливать. Но если ты присяги не соблюдаешь — нечему верить, а раз нечему верить, невозможно заключить вечный мир. А город Себеж, поставленный от нашего имени в годы нашего детства,³⁰ король Сигизмунд-старший, как набожный христианский государь, не желая кровопролития и стремясь к миру, нам уступил и благодаря этому избежал пролития христианской крови между нами. И ты, пришелец, просишь теперь от нас невозможного: самим сжечь или разорвать этот город, а землю уступить тебе вместе с Полоцком; какое может быть соглашение, если твое предложение ни с чем несообразно? Ты пишешь, что в верительной грамоте наших полномочных послов — нашего дворянина и наместника Муромского Остафия Михайловича Пушкина, нашего дворянина и наместника Шацкого Федора Андреевича Писемского и дьяка Ивана Андреева сына Трифонова — указано, чтобы ты доверял их словам, сказанным от нашего имени; ³¹так ведь такие слова пишутся во всяком охранном листе; если же тебе неизвестно, что делалось в этой земле до тебя, спроси старых панов и узнаешь. Говорили они тебе также, что имеют достаточные полномочия, но на тех условиях, о которых говорится в твоей грамоте, в речах твоих панов нашим послам и в письмах наших послов,³¹ соглашение заключено быть не может. Ты пишешь, что нам следует дать им еще более подробные указания, — но подробнее этого как можно указать! И так наши послы уступили тебе более семидесяти городов — Полоцк с пригородами и города из нашей вотчины, Ливонской земли, не считая Курляндской земли, а Курляндская земля тебе в придаток,

а в ней городов с тридцать.³² Ни в каких государствах это не принято — уступать города; а мы тебе столько городов уступили и все-таки не смогли побудить тебя к соглашению! Просили они тебя оставить нам из нашей вотчины, Ливонской земли, Новгородок, Сыренск, Адеж и Ругодив [Нарву], но ты и этого не хочешь уступить! Просили они тебя также оставить нам наши извечные вотчины, которые ты захватил: как же мы можем уступить тебе эти извечные вотчины, доставшиеся нам от наших прародителей? И ты обо всем этом договориться не пожелал, и решил отослать их, не договорившись; а когда они попросили разрешения снести с нами, ты сообщил им твои условия мира, чтобы мы, ознакомившись с их сообщением, дали им указания и полномочия.

Мы внимательно прочли послание своих послов и уразумели все твои предложения, но эти предложения не только не могут привести нас к соглашению, но подрывают христианский мир, ведут к кровопролитию и делают невозможной долгую дружбу между нашими потомками, — им остается только вечно продолжать беспрестанное кровопролитие. А сверх тех подробных указаний и полномочий, которые мы уже дали, что мы можем еще дать? Ты пишешь, что если твое войско будет близко к нашим границам, то от этого будет убыток, — так ведь давно известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови! А разрушить город Себеж и землю его уступить — на это согласиться невозможно; а если ты хотел христианского мира, так ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал, — все бы это и была одна земля, не из-за чего было бы и воевать. Если же ты стремишься поступать по закону, то по перемирию, которое было при короле Сигизмунде-старшем и при короле Сигизмунде-Августе новом, Себеж и был вместе с Полоцком, а войны ни из-за чего не было; а ты нынче пишешь, чтобы только ссору затеять. Твои паны говорили еще, что в обмен за Себеж ты велишь сжечь Дриссу, — таким способом только младенцев надувают; а нам от этого что за прибыль?³³ Мы Себеж велим сжечь, ты велишь Дриссу сжечь,

а обе земли у тебя будут! И ты сожжешь, а потом снова велишь поставить. Это ведь ухищрения твоих панов, а не дело! Ты пишешь еще в своей грамоте, что нам нужно мириться так, чтобы на благо христиан доброе дело укрепилось нерушимо, а дружба усиливалась, и что ты не хочешь малым делом разрушать большое, — пишешь о нерушимости доброго дела, а сам его всячески разрушаешь, опасаясь малым делом разрушить большое, а сам ни большого, ни малого не укрепляешь — толькo бы воевать! А купцы, о которых ты писал, были задержаны из-за войны, а содержат их со всеми удобствами, не как узников, товары у них не отняты и находятся в тех же домах, где они сами, а не отпускаем мы их ради того, чтобы они, придя к тебе, не сообщили вестей о нашем государстве, так же как и ты, вопреки нашим просьбам, не выдаешь наших узников ни за выкуп, ни на обмен, опасаясь, что мы узнаем вести о тебе и твоём государстве. Но если между нами, бог даст, будет заключено соглашение, то мы их отпустим со всем имуществом без всякого ущерба; а подробнее мы пишем тебе об этом в особой грамоте.³⁴ Что же касается того, чтобы отослать твоего дворянина Криштофа Держка без задержки к объявленному тобой сроку, то мы отпустили его, как только смогли. Но этот твой дворянин, Криштоф Держко, приехал к нам за тринадцать дней до истечения этого срока, и поспеть к этому сроку он не мог, но даже если бы мы его и скорее отпустили и если бы он даже поспел к этому сроку,³⁵ то все равно мы бы тебя этим не ублаготворили и не отвлекли от кровопролития: поспеет гонец или не поспеет, мир или война, а кровопролитие все равно будет! А предки твои в таких случаях ожидали у себя в столице, а не в военном стане, не на границе. Мы же отпустили его к тебе, как только стало возможно. А что просишь оплатить военные сборы, — это ты придумал по бусурманскому обычаю: такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтобы государь государю платил дань, — нигде этого не сыщешь; да и бусурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут

дань. Ты ведь называешься христианским государем, — чего же ты просишь с христиан дань по бусурманскому обычаю? И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал, и с нас же убытки взымаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами! Взыскивай с того, кто тебя заставил с нами воевать; а нам за что тебе платить? Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что ты, беспричинно напав, завоевывал нашу землю, да и людей следовало бы вернуть без выкупа. А это разве по-христиански у тебя делается, что, когда наши послы, посланники и гонцы на основании твоих охранных грамот отсылают к нам людей и подводы, то твои пограничные жители, оршане и дубровляне и из других городов, этих наших людей и их проводников, которых отсылают наши послы и гонцы, грабят и обыскивают по военному обычаю, а лошадей у них отнимают? И если ты, забыв христианское благочестие, так стремишься к кровопролитию и настолько охвачен гордостью, что словно хочешь все вокруг проглотить и хвалишься, как Амалик и Сенахерим или воевода Сарвар при Хозрое: ³⁶ «не надейтесь на бога, завтра город ваш, как птицу, возьму моей рукой!», то к чему и писать много! Мы же надеемся на всевышнего и уповаем на силу животворящего креста, и ты вспомни-ка Максентия в Риме, погибшего силою благочестивого и животворящего креста; также и все гордящиеся и возвышающиеся не избегнут гибели [следуют цитаты из Псалтыря о всемогуществе бога и о ничтожестве человеческих сил в сравнении с силой бога]. И если ты силен, то плени: «Господь мне в помощь, убоюсь ли человека?» [следует дальнейший текст цитаты из Псалтыря о «имени господнем», побеждающем всех врагов]. И если уж мира не будет, а только кровопролитие, то ты бы наших послов к нам отпустил, а за пролитие православной христианской крови нас с тобой бог рассудит.

Если же захочешь воздержаться от пролития неповинной христианской крови, то и мы с тобой хотим заключить пере-

мирие и вечный мир. А на тех условиях, которые мы предлагали со своими послами, со своим дворянином и наместником Муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами, ты заключить с нами вечный мир и перемирие не захотел, а теперь и мы не хотим заключать с тобою перемирие и вечный мир на тех условиях, которые передавали со своими послами, стольником и наместником Нижегородским князем Иваном Васильевичем Сицким-Ярославским с товарищами, и со своими нынешними послами, с дворянином и наместником Муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами. А хотим заключить перемирие и вечный мир на условиях, о которых теперь сообщили своим послам, послав к ним грамоту с окончательными указаниями, как можно заключить соглашение между нами. Ты писал, чтобы мы послали своим послам грамоту с полномочиями, как нам заключить между собой соглашение, чтобы, удостоверившись в этом, ты мог согласиться на мир, и чтобы на основании этой грамоты мог быть заключен христианский мир, — мы и послали своим послам эту полномочную грамоту со своей печатью.

Больше ни на какие условия перемирия не согласны; мы готовы заключить с тобою перемирие только на тех условиях, о которых теперь написали и передаем устно через своих послов, послав им наказ.³⁷ И если ты хочешь с нами соглашения, договора или перемирия, то согласишься на условия, переданные нашим послам — дворянину и наместнику Муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищами. Если же не хочешь соглашения, а желаешь кровопролития, то отпусти к нам наших послов и пусть с этого времени между нами в течение сорока-пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то вина ляжет на тебя. Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как онагр-конь [осел], и стремишься к битве; бог в помощь! Уповав на его

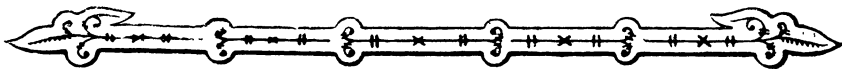
силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов.

Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтобы ты знал, какое государство поручил нам бог. Писана в Москве, в нашем царском дворце, в семь тысяч восемьдесят девятом году, двадцать девятого июня [29 июня 1581 года], на 46-й год нашего правления, на 34-й год нашего Российского царства, 28-й — Казанского, двадцать седьмой — Астраханского.

ПОСЛАНИЯ
ОТ ИМЕНИ
БОЯР

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ И АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Д. БЕЛЬСКОГО (1567)

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его наивысшего воеводы и наместника Владимирского, правителя Галичского и Луховского и Кинешемского, князя Ивана Дмитриевича Литовского и Бельского — нашему брату Сигизмунду-Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

Прислал ты к нам с грамотой своего верного слугу Ивашку Козлова,¹ а в грамоте писал, что тебе рассказал твой верный слуга Иван Петрович Козлов, какие насилия, брат твой, наш государь, творит над всем народом христианским, — как над великими людьми, так и над меньшими и средними. Услышав это, ты, брат наш, ощутил жалость, ибо для христиан недопустимо, чтобы государь так обращался с народом, порученным ему от бога, — ведь сам же бог-сотворитель, создав человека, не обрек его на неволю [принуждение], а наоборот, даровал ему всякие блага. Тебе, пишешь ты, хорошо известно также, что наш род издавна проживал в областях вашего государства — великого княжества Литовского, известно, какой чести он удостоивался в царствование твоих предков — королей Польских и великих князей Литовских, и как этот род, подобно сыну, покинувшему отца, уйдя со значительной частью наследственных владений из-под вашей вольной власти

под другую власть, погубил себя: находясь здесь, мы, по твоим словам, сами теперь видим, чего мы достигли из-за произвольного решения наших предков и как вместо воли терпим неволю и бесчестие. Вот и теперь ты узнал про нас, что брат твой насильно назначил нас у себя наместником Владимирским, хотя в его государстве есть болсе важные должности, а в думе более высокие места, чем те, что мы занимаем. И слыша, как со мной поступает твой брат, ты, брат наш, испытываешь еще бóльшую жалость, ибо, зная наше происхождение, достоинства и разум, дарованный нам от бога, ты считаешь, что мы заслуживаем большего сана и чести, чем воеводство Владимирское, и достойны быть удельным князем, и если станем подданным вашего государства, как ты желаешь, ты, брат наш, обещаешь оказать нам великую честь и сделать нас государями на своей земле, во всем равными своим подручным удельным княжатам, и уступишь нам в твоём государстве, великом княжестве Литовском, нашу древнюю вотчину и будешь рад оказать нам еще бóльшую милость и честь и повышать, а не понижать нас в достоинстве, в соответствии с нашим великим родом и обычаями христианских государей. Ты хочешь оказать эту милость не только нам, но и всем тем, кого мы признаем годным для вашей службы, и предлагаешь всем им ехать к тебе на службу, и ты, ради нас, окажешь им всем покровительство.²

Мы внимательно прочли твою грамоту и хорошо ее поняли. А так, как ты, брат наш, написал в своей грамоте, пишут прокураторы [пилаты], мошенники и подлецы, и недостойно великого государя заводить такими нелепыми грамотами ссору между государями и, не умея победить храбростью, одолевая недруга воровским способом, хватая исподтишка, подобно змее. Но божия воля, милость и десница поддерживает самодержавие царя нашего и благословляет нас, достойных его советников, и не только эта жалкая и ничтожная морская зыбь, но и бóльшая буря не может нас погубить, ибо мы стоим на церковной твердыне, которую утвердил Христос, и не одолеют ее врата

адовы; вот почему наш самодержавный государь и мы, его верные советники, не боимся гибели. Как его царское величество, наш государь, жалует своих верных советников и оказывает им подобающую честь, так и мы, его совет, проявляем верность и глубочайшую покорность по отношению к его вольной самодержавной власти. Называешь ты, брат наш, в своем письме мелкого прислужника князей Воротынских Ивашку Козлова своим верным слугой, — пристойно ли тебе, великому государю, этого холопа именовать верным слугой? Такой прислужник не только у нас, но и у самых младших наших собратьев достоин только сор на дворе убирать. А ты его жалуешь незаслуженно за то, что он, собака, злодейским образом испустил яд, как змея, одурманил тебе, словно Еве, твой доверчивый слух. Государь же наш, как истинный христианский государь, всех жалует по заслугам и по достоинству, и крепко оберегает свое государство от всякого зла; а преступников и изменников везде казнят. Ты писал еще, брат наш, что бог создал человека, даровав ему вольность и честь, но твое писание далеко отстоит от истины: уже первому человеку Адаму, созданному самовластным и могучим, бог дал заповедь — не есть плодов с одного дерева, и когда он нарушил эту заповедь, как сурово был он наказан! Вот первая неволя и бесчестие: от света ко тьме, от славы к одежде из шкур, от покоя к добыванию хлеба трудом, от нетления в истление, от жизни к смерти. А потом бог послал потоп на нечестивых, а после потопа опять дал заповедь, чтобы ни одна душа не ела крови, и снова рассеял людей после столпотворения, и Аврааму повелел обрезание во имя веры, и Исааку заповедь, и Иакову дал закон, и через Моисея также был послан закон для оправдания и очищения, и во Второзаконии предписывается проклятие преступникам вплоть до смерти, и та же истина была установлена Иисусом Христом — заповедь, закон и наказание преступникам.

Видишь теперь, брат, что никогда не было свободы и что твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли, брат, хорошая

свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали тебе приложить руку к таким нелепицам? ³Писал ты еще о наших предках, в какой чести они были, — так ведь великое княжество Литовское было нашей вотчиной, потому что наш прапрадед — князь Владимир, сын великого князя Ольгерда. Когда же князь Ольгерд взял себе вторую жену, тверянку, он, ради этой второй жены, лишил нашего прапрадеда предназначенных ему почестей и наследства и передал престол великого княжества Литовского своему сыну от второй жены — Ягайло. Известно всем христианским народам, в какой чести великий князь Ягайло держал прапрадеда нашего и своих младших братьев — Лугвеня и Свидригайла и иных младших братьев, и какая убогая вотчина была у нашего прапрадеда. Известно также, каким образом дед твой Казимир изменнически убил нашего родственника Михаила Олельковича и захватил его вотчину и отдал ее под власть великого княжества Литовского, и в какой чести были прадед наш, князь Иван, и дед наш, князь Федор, и как его принуждали даже оставить самую веру, и как он в одной рубашке убежал к истинно православному великому государю блаженной памяти Ивану, деду его царского величества, нашего нынешнего государя. И он, как истинный христианский государь, нашего деда, князя Федора Ивановича, пожаловал своим великим жалованием и воздал ему заслуженную честь, и с того времени до нынешнего никто в его земле не считается выше нас или даже в равенстве с нами; у царского величества служит много людей царского рода и великокняжеских родов, и все они по его царскому повелению подчиняются нашим приказам. Как же можно говорить, что мы сохранили достойную часть наследственных имений, если дед наш и прадед были лишены своего престола — великого княжества Литовского;³ какая же тут часть владений, — что можно получить с убогой вотчины? А наши подданные, паны великого княжества Литовского, были в равенстве с нашим дедом и прадедом — какая же тут воля и честь: быть в равенстве со своими поддан-

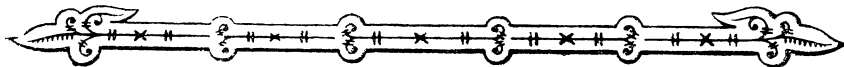
ными? Ныне же мы по милости царского величества пребываем в великой чести и милости, и над нами никто не властен, кроме государевой воли, а быть в государевой воле для подданных хорошо, — а там, где над ними нет государевой воли, они колеблются, как пьяные, и никакого добра не придумают. Писал ты, брат наш, в своей грамоте, что будто наш государь насильно назначил нас воеводой Владимирским, ⁴но царь оказал мне великие почести и милости: во-первых, я стою во главе совета его царского величества; во-вторых, управляю его царским стольным городком — Владимиром; в-третьих, когда мой государь посылает меня против своих врагов, то я стою во главе всех войск вместо самого царского величества; и, в-четвертых, когда к его царскому величеству приезжают цари и царевичи и иные государи из разных земель, то мы не уступаем им в чести, а иногда занимаем и более высокое место.⁴ А что ты писал нам, брат наш, что нам подобает быть удельным князем и что ты хочешь держать нас в своей земле наравне с другими удельными князьями, то это нам очень обидно — быть подданным у тебя, нашего брата: ты потомок Ольгерда и я потомок Ольгерда, ты — четвертый, а я — пятый; а что ты нам обещаешь равенство с удельными князьями, то как же нам быть в равенстве со своими подданными? Мы теперь по милости его царского величества выше их всех, а не в равенстве.

⁵А если уж тебе так угодно, брат наш, то уступил бы ты нам великое княжество Литовское и Русскую Землю [Западную Русь], кроме тех городов, которые просит у тебя князь Михаил Иванович Воротынский, и мы будем с тобой жить как Ягайло жил с Витовтом: ты будешь на Польском королевстве, а я — на великом княжестве Литовском и на Русской земле, и оба будем под властью его царского величества; а его царское величество к христианам милостив и ради своих подданных не щадит собственной персоны в борьбе с недругами, он имеет достаточно сил, чтобы оборонять тебя и меня, и от турок, и от Крымского хана, и от императора, и от многих других государств и будет нас держать

в благополучии. А на другое пожалованье, меньше этого, нам, брат наш, соглашаться не подобает: ты же сам писал, что мы одарены от бога достоинствами и разумом, — так подобает ли достойному и разумному быть изменником? Ты же, брат наш, советуешь нам поступить по обычаю твоих панов: они ведь привыкли служить тебе изменнически; мы же, удостоенные чести быть царскими советниками, служим и будем служить царскому величеству с верной покорностью. А насчет того, чтобы переманивать к тебе людей, — это ты лучше напиши какому-нибудь подлецу, достойному того подлого письма, которое тебе посоветовали написать твои паны, а мы мошенником быть не хотим — у нас таких казнят. Все остальное мы поручили твоему верному слуге, Ивашке Козлову, сказать тебе устно и просим верить его словам, сказанным по нашему поручению.⁵

Написано в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, во 2-й день июля (2 июля 1567 г.).

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БЕЛЬСКОГО

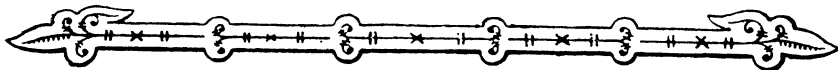
От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его наивысшего воеводы и наместника Владимирского, правителя Галичского и Луховского и Кинешемского, князя Ивана Дмитриевича Литовского и Бельского — Григорию Ходкееву наше наставление.⁶

Прислал ты к нашему величеству грамоту, а в ней пространно написал по вашему изменническому обычаю — как у вас прокураторы [пилаты] подлецы и мошенники пишут, так и ты написал. Предки твои предательски изменили нашему родственнику Михаилу Олельковичу в Киеве и вышли из подчинения нам, — поэтому ты теперь и пишешь, как бешеная собака; а подобало ли тебе, нашему подданному, так к нам писать и без нашего приказа обращаться к нам с советами? Даже если тебе и следовало что-нибудь нам написать, так должен был ты написать кому-нибудь из наших слуг, а он бы твою грамоту нам передал, а у нас по милости царского величества есть слуги не ниже тебя, например Пивовы⁷ и другие: они были прежде окольными смоленскими, вы — боярами киевскими, и у них были такие уделы в Смоленске, как у вас в Киеве. А сверх того нашему величеству не подобает с вами, безбожниками, говорить, ибо вы, злодеи, подобно змее, изливаете яд на христиан. Мы удивляемся, как наш брат, ваш государь, таких собак и неученых людей, как вы, допустил в свою раду, — мы бы вас, негодяев,

за ваше безумие и к себе в раду не допустили. За то, что ты нам, обезумев, написал, в любом месте такого негодяя наказали бы, избив палками.

Написана в царствующем граде Москве, в 7075 году, в 28-й день июля [28 июля 1567 г.].

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Ф. МСТИСЛАВСКОГО (1567)

Такая грамота послана к королю

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его воеводы и наместника Великого Новгорода, правителя Ярославецкого, Черemoшского и Юхотского, князя Ивана Федоровича Литовского, Ижеславского и Мстиславского — нашему брату Сигизмунду-Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

Прислал ты нам с грамотой своего верного слугу Ивашку Козлова [далее излагается грамота Сигизмунда-Августа Мстиславскому, аналогичная грамоте Бельскому, см. стр. 417—418].

Мы внимательно прочли твою грамоту и хорошо ее поняли [начало ответа Мстиславского совпадает с началом ответа Бельского, см. стр. 418—419].

Видишь теперь, брат, что никогда не было свободы и это твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли, брат, хорошая свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали приложить руку к таким нелепицам и что они разлучили тебя с королевой Варварой,⁸ отравив ее, и что они укоряли тебя за нее? Все это нам хорошо известно! Ты и сам всегда прихварывал и ныне слаб здоровьем, — все это случилось с тобой из-за самовольства твоих панов.

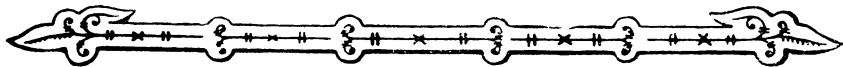
⁹Писал ты еще о наших предках, в какой чести они были, — так ведь нашей вотчиной было великое княжество Литовское, и тяжело даже вспомнить, каким изменническим образом нашего прародителя Явнутия его младшие братья Ольгерд и Кейстут вероломно прогнали с престола и дали ему, словно нищему, для прокормления Новгородок Литовский и другие убогие городки и в какое бесчестие были повергнут наш род с тех пор, и как твоя, брата нашего, рада впала в сатанинскую гордость, и как был оскорблен дед наш, князь Михаил Иванович Ижеславский! ⁹ Какая же тут честь, какой там сын, покинувший отца, если мы были в бесчестии от наших подданных? И какая же там значительная часть владений при такой убогой вотчине, что нам и на кашу не хватит? Это ли была воля и честь для нашего рода, что он был в бесчестии от своих подданных? Ныне же мы по милости царского величества пребываем в великой чести и милости, и над нами никто не властен, кроме государевой воли, а быть в государевой воле для подданных хорошо; там, где над ними нет государевой воли, они колеблются, как пьяные, и никакого добра не знают. Писал ты, брат наш, в своей грамоте, что будто государь наш назначил нас воеводой Новгородским насильно, ¹⁰но царь оказал мне великие почести и милости: во-первых, я участвую в управлении его царским советом; во-вторых, управляю великим царским городом Великим Новгородом, как управлял им мой и твой брат князь Семен-Лугвень, — ведь это наше достоинство, которого ваши предки лишили наших предков, а государь нас снова им пожаловал; в-третьих, когда мой государь посылает меня против своих врагов, то я по его повелению стою во главе многих людей и воевод, и, в-четвертых, когда к его царскому величеству приезжают цари и царики и иные государи из многих земель; то мы им не уступаем в чести, а иногда занимаем и более высокое место.¹⁰ А что ты писал нам, брат наш, что нам подобает быть удельным князем и что ты хочешь держать нас в твоей земле наравне с другими удельными князьями, то это нам очень обидно — быть подданным

у тебя, нашего брата: ты потомок Гедимины, и я потомок Гедимины, ты — пятый, я — седьмой, а Явнутий Ольгерду — старший брат; а что ты нам обещаешь равенство с удельными княжатами, то как же нам быть в равенстве со своими подданными? Мы теперь по милости его царского величества выше их всех, а не в равенстве.

А если уж тебе так угодно, брат наш, то мы будем с тобою жить, как Ягайло жил с Витовтом: ты будешь на Польском королевстве, а брат наш, князь Иван Дмитриевич Бельский на великом княжестве Литовском и на Русской земле, а нам бы ты уступил Троки и Троцкую область, Берестье [Брест], Ковно [Каунас], Львов, Петроков, Городню [Гродно], да Прусов и Жмудь и установил с нами равные братские отношения, какие были у Ягайло с Витовтом, а не со Свидригайлом, и все мы будем под властью его царского величества [конец грамоты совпадает с концом грамоты Бельского, — см. стр. 421—422].

Написано в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, в 5-й день июля [5 июля 1567 г.].

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ М. И. ВОРОТЫНСКОГО (1567)

Такая грамота послана к королю

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], от его воеводы и наместника Казанского и правителя Новосильского, князя Михаила Ивановича Воротынского — Сигизмунду-Августу, божьей милостью королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

¹²Прислал ты к нам нашего бывшего домашнего прислужника, а своего верного слугу Ивашку Петрова сына Козлова со своей грамотой, а в грамоте писал, что этот наш прислужник сообщил тебе, какие насилия брат твой, а наш государь творит над нами, князьями, и всем народом христианским — как над великими людьми, так и над меньшими и средними. Услышав это, вы ощутили жалость, ибо для христиан недопустимо, чтобы государь так обращался с народом, порученным ему богом: ведь сам же бог-сотворитель, создав человека, не обрек его на неволю, а наоборот, даровал ему всякие блага. Вы пишете также, что вам хорошо известен наш великий род, начиная от наших далеких предков, великих князей Новосильских; этот род достоин такой же чести, как и предки наших государей, великих князей Московских; вам поэтому

особенно обидно, что ваш брат так обращается с таким благородным и всякой чести достойным князем. Ивашка Козлов рассказывал вам, какую преданность к вам и вашим государствам обнаружил наш отец, князь Иван Михайлович: он хотел перейти под вашу власть со своим наследственным уделом, за что немало лет был в заточении на Белом озере и там умер. И вы, памятуя верность нашего отца, его смерть, происшедшую в царствование вашего отца славной памяти великого государя Сигизмунда, божьей милостью короля Польского и великого князя Литовского, и притеснения, которым мы подвергаемся от вашего брата теперь, в ваше царствование, предлагаете вознаградить нас за все то вашей государской милостью. Вы обещаете нам, если мы станем вашими подданными, предоставить нам все то, что мы теперь имеем и все, что удастся с божьей помощью и благодаря нашей службе отвоевать из числа наших утраченных наследственных владений; вы хотите дать нам в наследственное владение еще несколько замков, соседних с нашим уделом, и не замедлите прислать нам военных людей на помощь; нас же самих вы хотите держать на тех же правах, как одного из ваших подручных удельных князей — как князя Прусского или князя Ледницкого, или князя Мишенского, или как в Литве князя Слуцкого и князя Курляндского, во всем нас держать наравне с ними и при этом повышать, а не понижать нас в достоинстве, как подобает нашему великому роду и как всегда велось и ныне ведется у христианских государей, — вы считаете себя обязанными не уменьшать, а умножать благодеяния христианам и ни у кого из них ничего не отнимать, в особенности если они происходят из княжеского рода, возвышенного самим богом. Ради меня вы обещаете оказать государскую милость и тем, которых я признаю годными для вашей службы, и предлагаете им ехать к вам на службу.¹² Вы поручили договориться об этом с нами вашему верному слуге Ивашке Козлову, а для большей верности послали вашу грамоту с вашей подписью и личной печатью.

Мы внимательно прочли эту твою грамоту и хорошо ее поняли [начало ответа Воротынского совпадает с началом ответа Бельского, — см. стр. 418—419]. Называешь ты, брат наш, нашего мелкого прислужника своим верным слугой — видно уже у тебя, великого государя, кроме наших мелких прислужников, и людей нет! Мы бы такого слугу едва ли и на конюшню взяли, а не то что в доверенные люди; плохо твое государство, если у тебя такие холопы в доверенных. Мошеннически прокравшись к тебе, он своим свистом очаровал твой помутившийся слух и поверг тебя в пропасть бесчестия; но великим государям не следует так поступать и слушать такие нелепицы. Мы удивляемся тому, что ты так нехорошо поступил; а о христианах жалеешь ты напрасно — ¹³ведь вольное [неограниченное] царское самодержавие наших великих государей — не то, что ваше убогое королевство: нашим великим государям никто ничего не указывает, а тебе твои паны указывают, что захотят, потому что наши государи — самодержцы божьей милостью, сидят на престоле непрерывно от великого Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и до нынешнего государя, никто их, вольных самодержцев, на престоле не сменяет, не ставит и не утверждает на нем — они посажены на свое самодержавное государство всемогущей божьей десницей, а твоих прародителей Давила и Моркольда Рогволодовичей взяли на Литовское княжество литовские гетманы, и вы потому слушаетесь своих радных панов. Всему христианскому народу известно, каким образом великий князь Смоленский Мстислав Владимирович, сын Мономаха, выгнав этих Рогволодовичей из Полоцка, изгнал их в Царьград и как они еще до изгнания были в зависимости от этого князя, а если выходили из повиновения, то несли за это наказание. Потому ты и послушен своим панам, что вы — не коренные государи. А если правда то, что рассказывается в баснословиях, и вы происходите от Сангушковичей, а Витень был слугой тверских князей, а Гегимник его конюшним, тогда вам тем более подобает слушать панов, ибо вы — не коренные государи. Наши великие

государи — все самодержцы, начиная с Августа кесаря, обладавшего всей вселенной, и брата его Пруса и до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя, вольны жаловать добрых и казнить дурных, никто им ничего не указывает; ты же не волен в своих делах, потому что ты — не наследственный государь, а посаженный: захотели твои паны, пожаловали тебя и дали тебе государство.¹³ А правление твое такое, что ты не только над вверенными тебе людьми не волен, но и над самим собой: вот остаешься ты без потомства — кто по тебе справит поминки? Кто позаботится тебя помянуть, когда ¹⁴сестра твоя Анна не замужем и после тебя на престоле не будет сидеть достойный государь? За кого выдана замуж другая твоя сестра, Катерина, по замыслу твоих панов — разве это ровня тебе?¹⁴ А ведь ты и сестра твоя Катерина хотели, чтобы она вышла за нашего великого государя! Смог ли ты даже в таком малом деле поступить по своей воле, не слушаясь панов? А если ты в своих собственных делах не волен, как же тебе управлять государством? Утешаешь себя, что можешь другим волю давать, а сам ни в чем не волен. Ты писал еще, что бог создал человека, даровав ему вольность и честь... [опровержение этого тезиса совпадает с грамотой Бельского, — см. стр. 419].

Видишь теперь, что никогда не было свободы и что твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли хорошая свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали тебе приложить руку к таким нелепицам? Помутившись в младенческом разуме, ты писал о нас неподобающие вещи, — разве мы можем быть в равенстве с таким государем самодержцем? Но мы от его вольной самодержавной власти получаем многие почести: в совете занимаем не последнее место, в войсках стоим во главе многих людей; когда же к царскому величеству за его жалованьем приходят из многих стран просители царского происхождения, мы не уступаем им в чести и **сохраняем** свою вотчину, соответствующую нашему достоинству.¹⁵ Благодаря милостям и казне его царского величества мы сумели

отстроить город Новосиль, опустевший из-за несчастий — еще при наших прародителях и по милости царской владели этим городом. Неужели же нам добиваться той чести, которую испытали наши предки, когда из-за своих несчастий попали в руки ваших предков и терпели от них и их панов неволю и оскорбления? А ведь все твои паны достойны быть нашими подданными; но спаси боже от такой чести — быть наравне со своими подданными! Называешь нас благородным, — но годится ли благородному быть изменником? Еще со времен наших далеких предков мы служим своим государям и соблюдаем им верность. Наш прислужник Ивашка Козлов внушил тебе, изрыгнув яд, подобно змее, будто наш отец, князь Иван Михайлович, хотел перейти под власть твоего отца со своей вотчиной, — но разве эта нелепая изменническая выдумка может привести к добру? Как смеет этот злодей лгать, как собака, про нашего покойного отца? Мы и предки наши — не изменники, а верные слуги вольной самодержавной власти, а от государя своего мы ничего не видели, кроме жалованья и чести. А если отец наш был в опале, то это было за его поступки, а смерть его случилась по божьей воле, а наказывать и награждать — дело государево.

А если ты обещаешь нам свою милость, то награди бы ты нас так: прежде всего установи с нами братские отношения и дай нам в вотчину Новгородок Литовский, Витебск, Минск, Шклов, Могилев и иные города по Днепру, кроме Киевского повета [области], и всю Волынскую и Подольскую земли; ты будешь на Польском королевстве, а брат наш князь Иван Дмитриевич Бельский на великом княжестве Литовском и Русской земле, а брат наш князь Иван Федорович Мстиславский будет владеть Троками и Берестьем и другими городами, и Прусами, и Жмудью, а мы будем владеть теми городами, которых теперь просим у тебя, и установим между собой братские и дружеские отношения, и все, вместе с тобой, братом своим, будем под вольной самодержавной властью великого государя, а его царское величество к христианам милостиво

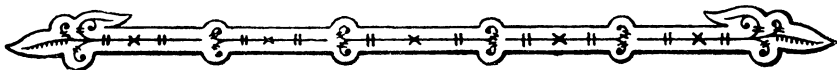
и ради своих подданных не щадит собственной персоны в борьбе с недругами; он имеет достаточно сил, чтобы оборонять тебя и нас от турок и от Крымского хана, и от императора, и от многих других государств и будет нас держать в благополучии. А на другое награждение, меньше этого, нам, брат наш, соглашаться не подобает.

Хочешь ты, брат наш, передать нам вотчину вольного самодержца, великого государя нашего, и послать на помощь людей, — но мы не желаем быть изменниками своему государю. Ты же, брат наш, предлагаешь нам это по изменническому обычаю твоих советников: чему можно уподобить такую сатанинскую гордость — чужое давать? [следует библейская цитата]. Писал ты еще, что хочешь держать нас наравне с другими князьями, — так мы по милости царского величества и так выше тех князей, а о Прусском князе и говорить не стоит: всем известно, что он тебе не подчиняется. Слова же твои о князьях, возвышенных самим богом, богопротивны — так можно говорить не о боге, а об антихристе; господь наш Иисус Христос учил смирению [следует библейская цитата].

Так не противно ли, брат наш, твое писание Христову повелению? Господь везде повелевает смирение, а ты, по завету антихриста, восхваляешь гордость. А что касается того, чтобы переманивать к тебе людей. . . [следует конец, как в грамоте Бельского, — см. стр. 422].

Написана в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, в 15-й день июля [15 июля 1567 г.].

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ВОРОТЫНСКОГО

От боярина совета его царского величества божьей [следует перечисление атрибутов] милостью великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его воеводы и наместника Казанского и правителя Новосильского Михаила Ивановича Воротынского — пану Григорию Александровичу Ходкевичу наше слово.

¹⁶Прислал ты к нам свою грамоту с нашим мелким при-
служником Ивашкой Козловым, а в грамоте писал, что ваш
христианский государь, будучи святым и милосердным госпо-
дином и помазанником божьим, по обычаю своих прародите-
лей, их милостей, блаженной памяти славных и великих госу-
дарей, а также по собственной щедрости и милосердию, всегда
считает себя обязанным подавать пример божьего человеко-
любия и любви к народу христианскому, ради которого бог
не пожалел и сына своего единородного, дав его на распятие
для нашего спасения и объединив нас всех его святой кровью,
как многие члены одного тела, и утвердил в нас крещением
любовь друг к другу; поэтому и ваш государь, по апостоль-
скому учению, вменил себе в обязанность радоваться с радую-
щимися, плакать с плачущими и разделять немощи несчастных,
а не угождать себе. Ты писал, что ваш государь, слыша о без-
рассудной жестокости нашего государя, о его несправедном
гонении и беспощадном гневе на нас, его христианских под-
данных, и о небывалом разделении нашим царем единого хри-

стианского народа на опричнину и земщину, удивляется и огорчается, и все вы тоже удивляетесь и огорчаетесь этому. Ваш государь, по твоим словам, только потому сохраняет терпение и до сих пор не поднял своей праведной королевской руки и острого меча на нашу землю за его гордость, что он считает, что наш государь растлен разумом и больше вредит своей земле и проливает кровь своих подданных, чем сам ваш государь. Ваш государь понимает, что мы, христианские люди, проливаем кровь в войне с вами поневоле, и готов потому умиласердиться над всеми нами и над нашей землей; немалым доказательством этого милосердия вашего великого государя к нашей земле и ее людям служит пожалование, данное князю Андрею Михайловичу Курбскому: ваш государь оказал ему великую милость, приблизил его и пожаловал ему первый после Киевского воеводства город и еще другие городки, хотя род его среди московских родов занимал даже не десятое, а едва ли не двадцатое место. Вашему государю и всем вам, по твоим словам, хорошо известно, что наш род — лучший из московских родов, что он — государственной крови и происходит от великих князей Новосильских и что мы до сих пор сохраняем в своей вотчине свои законы и обычаи и имеем там своих бояр и воевод; вашему великому государю известно также, что наша удельная вотчина за рекой Угрой примыкает к границе владений его королевской милости, к Северной области великого княжества Литовского, из-за чего мне чуть не пришлось испить ту же смертную чашу, которую, по твоим словам, из-за зависти и злого нрава наших государей испил мой отец, князь Иван Михайлович. Поэтому ваш великий государь, зная о нашей знатности, доблести и разуме, которые нам дарованы от бога, и считая нашу милость истинным наследником и хорошим блюстителем прародительской вотчины, обратился к нам со своим ласковым государевым словом, снисходя к нашей нужде и стремясь по своему доброжелательству, чтобы бог вернул нам величие и власть наших прародителей, предлагает помочь нам немалыми войсками

и казной. Вы все выразили согласие с этим предложением вашего государя и обещали предоставить в наше распоряжение вас самих и ваше имущество. С этой твоей грамотой ваш государь послал к нам своего дворянина и верного слугу Ивана Петровича Козлова, сказавшего вашему государю и вам, что его дед был первым и любимейшим слугой нашего отца; ваш государь дал ему подробные полномочия. Вы также послали к нам ваши грамоты через Ивана Козлова, верного слугу вашего государя и вашего доброго приятеля, прося с благодарностью принять любезность вашего государя и помнить вашу любовь и тайно ответить на его государскую грамоту через того же Ивана Козлова, ничем ему не повредив, — ведь он, как раб, выполняющий волю своего господина, боится не тех, кто убивает тело, но тех, кто убивает также и душу; а ведь тот, кто убивает тело ближнего своего, быстро обрекая его на смерть, навеки губит и свою душу. Ты просишь нашу милость верить тебе, старому человеку, украшенному сединами, что в словах государя твоего не будет обмана, ибо слово государя вашего никогда не было и не будет лживым — ни для знатного, ни для бедного. Хочешь ты показать нам свою искреннюю сердечную любовь: одна у тебя есть по милости божьей утеха на старости лет — два сына, Андрей и Александр, — свет очей твоих; ты предлагаешь послать их к нашей милости вместе с твоими слугами и имуществом в наше распоряжение, желаешь доброго зловья и доверяешься доброте нашей милости.¹⁶

Мы внимательно прочли эту твою грамоту и хорошо ее поняли. Бесовское же твое и отступническое рассуждение, сын бесчестной матери, не следовало бы и краем уха слушать, а не только отвечать на него, — разве только отогнать тебя крестным знаменем, как бесовское наваждение. Достигнув почтенных седи, ты словно взбесился: обезумев, отдал себя на служение бесам, из христианина стал отступником и лжехристианином, и ныне ты — поругатель и разоритель святой истины, православной христианской веры, священных церквей

и божественных икон, потому-то ты и изливаешь яд подобно скорпиону, что стал служителем тьмы и врагом бога, ибо ты последователь и исполнитель воли отца твоего, дьявола, истинного человекоубийцы и врага истины. А что ты писал в своей грамоте, что ваш государь следует примеру божьего человеколюбия, то всем понятно, что это — обман, ибо государь ваш не только вами, своими панами, не владеет, но и над собой не имеет власти: когда ваш государь хотел выдать свою сестру Катерину за нашего государя, то вы, паны, изменническим образом ему это отсоветовали, и всему христианскому народу известно, какое кровопролитие вы этим вызвали между ним и его братом — царским величеством и во всем христианском мире, и за какого великого человека отдали его сестру и какую честь принесли этим своему государю! Ваш государь лил из-за этого слезы, — но что он мог сделать для себя и своей сестры вопреки вашей воле? Это ли пример божьего человеколюбия — быть в неволе? Бог — самовластен; он никому не подчиняется и ради спасения мира отдал себя на распятие по собственной воле, а вы держите своего государя в неволе; это — не пример божьего человеколюбия, а антихристов обман и наваждение, враждебные воле божьей. Писал ты еще о единомродном сыне божьем, о том, как разделяется троица, но там, где вы находитесь, не подобает рассуждать о боге, ибо вы не понимаете, о чем рассуждаете [следуют цитаты из священного писания]. Вместо бога вы надеетесь на мимотекущую стихию и на бесовские козни, и вам не подобает безбожными устами говорить божественные слова. Не следует вам вспоминать и о том, что господь объединил нас всех своей святой кровью, ибо вы уже много лет тому назад латинской ересью разорвали это объединение и ныне окончательно отступили от бога, стали его врагами, присоединились к антихристу, принялись разорять божьи церкви, попирают священные иконы и сосуды и разрушать истинную православную веру и божественные догматы и ныне стали худшими врагами бога, чем бусурмане, и лживо носите на себе христианское имя; как ска-

зал богослов: произошли от нас, но не были нашими. Если бы вы были нашими, то были бы с нами, но вы сами себя оторгли от божественного крещения и христианской любви, ибо вы — «враги креста Христова, чей бог — чрево, и слава — в сраме, чьи мысли — о земном». А что ваш государь радуется с радующимися и плачет с плачущими, так ведь ваш государь ничего не может сделать помимо вашей воли, и уже много раз было писано, что вы сами же, отняв волю у своего государя, за это его зовете святым и милостивым, — а какая тут милость с его стороны, если он ни в чем не волен? Лишь та милость действительна, которую оказывает власть имущий. А что ваш государь разделяет немощи несчастных и угождает не себе, а своим подданным, так ведь ваш государь, стоя, как Эхатая среди некоего поля, среди скорпионов и змей вашего неистовства и измены, лишенный близких, помощи и к тому же еще головы, то есть не имея истинной веры в истинного бога, не имея надежды ни в прошлом, ни на будущее, поистине угождает вашей бесовской гордости. Вы же по давнему изменническому обычаю ваших предков, ухищряясь, как лукавый змей, бесчестите своего государя. Вzbесившись, ты написал в своей грамоте, что будто ваш государь услышал о безрассудной жестокости нашего государя и о несправедном гонении и беспощадном гневе на нас, его христианских подданных, — на что похоже такое твое бесовское коварство? Подобно змее, яд изливаешь. Разве это допустимо, разве это дозволено богом — устанавливать закон для чужого государства, да еще вам, — не ведающим закона, не только законопреступникам, но и законоотступникам? Как вы смеее устанавливать закон? Вспомните, как эфиопский царь Елизвой [Элесбоа] пришел против иудея Надунаса [Зу Нуваса] к городу Омиру и как ему это было запрещено, ибо сказано: «моя месть и я воздам ее — говорит господь».¹⁷ Как смеешь ты, дьяволов сын, неподобающим образом говорить о таком царском величестве? Его царское величество, наш государь, как государь истинно православный христианский, разумно руководит своим государством: добрых жалует, а злых

наказывает; а изменников во всех государствах казнят.¹⁸ А о разделении народа христианского, об опричнине и земщине ты писал в своей бесовской грамоте, не понимая, со слов таких же сукиных детей, как ты сам, а у нашего государя опричнины и земщины нет: вся его царская держава в его царской руке, кто достоин — тот приближен к престолу, кто не достоин — служит в отдалении, ибо государь наш — самодержец, приказывает нам, своим слугам, по своей воле, не то что ваш государь, который повинуется вам, как подданный. Но ведь и в вашей земле есть земщина и двор и королевский удел, гетманы, казначеи и другие чиновники.¹⁸ А что ваш государь удивляется этому, то так ведь всегда бывает: имеющий младенческий разум и лишенный разума удивляются разуму мудрого. Писал ты еще, что ваш государь до сих пор не поднял своего острого меча на землю царского величества, — это уже гордость, достойная сатаны, говорившего: взойду выше звезд небесных, поставлю престол мой на облаках и буду подобен всевышнему. Так и вы с вашим государем, следуя дьяволу, подобно Сенахириму и Навуходоносору и Хозрою¹⁹ и другим безбожным царям, хотите овладеть православием, схватив его рукой, как птицу, но господь противится гордым, ибо сказано: «не силе конской, не мощи мужей благоволит господь, а тем, кто его боится и уповаet на его милость». Его царское величество и мы, его верные советники, надеемся на милость и помощь всемогущего бога, в троице славимого; с божьей помощью соберет он силы, и бог уничтожит врагов его царского величества, а ваш государь и вы надеетесь на сатанинскую хитрость, — в чем же ваша надежда и какими преступлениями можете вы помочь себе? С бесовской дерзостью ты посмел хулить ум его царского величества; но тут нечему удивляться, ибо, вздумав лукавить своим неискусным умом и обезумев от этого, вы, собачьи дети, сами теперь не понимаете, что говорите, и не только укоряете его царское величество, но и на самого бога восстаете и, обезумев, сами не знаете, что говорите, — за это вас, сынов непокорных, покарает гнев

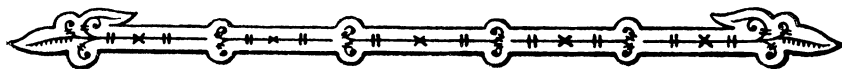
божий. Ваш государь считает, что мы проливаем с вами кровь поневоле; но мы со времен прародителей — верные царские советники, издавна честно служим его царскому величеству и далее будем с охотой служить ему: по велению его царского величества мы с радостью будем добывать его исконные вотчины, доставшиеся вашим государям, благодаря их изменническим поступкам и несчастиям предков нашего государя. Писал ты об Андрее Курбском, такой же собаке, как ты сам, что ваш государь оказал ему милость и почет; но если бы ваш государь не обладал младенческим разумом, он не послушал бы вашего нелепого совета и не награждал бы, стремясь к кровопролитию, мошенническим образом такого изменника. Нечего удивляться, что он, изменив своему государю и бежав от виселицы, пришел к вашему слабоумному государю! Ты же, неблагородный человек, не зная его, хвалишь. Ты же сам писал, что наш род великий и благородный, — так подобает ли нам, послушавшись тебя, собаки, последовать твоему изменническому примеру и стать изменником? Мы же от царского величества получаем милости и почести и сохраняем вотчину, соответствующую нашему достоинству, а к тому же еще по милости царского величества мы получили ту часть нашей вотчины, которая прежде была в запустении, и ныне ею владеем.

Если же ваш государь хочет с нами братства и дружбы, пусть он сделает так, как мы написали ему в своей грамоте. Не подобает нам, знатному роду, быть изменниками и захватывать для себя вотчины нашего государя, как твой племянник Янко,²⁰ который пытался с помощью кровопролития занять Ливонскую землю, но бог-сотворитель не дал осуществиться его бесовским козням. С бесовской хитростью ты писал, бешеная собака, что мы были наказаны царем из зависти к нашей вотчине, но в действительности это вы охвачены завистью и злобой, если, будучи подданными, смеее равняться с государями; отец же наш Иван Михайлович скончался по божьей воле, а не насильственной смертью; мы же были наказаны

царем за некое прегрешение, а теперь опять по милости его царского величества находимся в почете. А если ваш государь хочет восстановить наши владения, то пусть восстановит так, как мы писали ему в своей грамоте, а иначе нам не подобает. А что этот наш прислужник сказал вам, налгав, как собака, что дед его был первейший человек нашего отца, то эта нелепость нам оскорбительна. Если же он вашему государю верный слуга, а вам милый приятель, так ведь у нас много таких холопов за стадами ходят, и если у вас народ плох и вам нужны люди, так вы и этих наших пастухов возьмите к себе и определите вашему государю в верные слуги, а себе — в милые приятели: как христиане, мы вам в этом не воспрепятствуем. А иначе, чем мы писали вашему государю, а своему брату, нам не подобает соглашаться на братскую дружбу с вашим государем. Ты просишь нас помнить твою любовь, но нам, княжатам, не подобает с вами, мужиками, быть в братстве; если же ты хочешь милости с нашей стороны, то можешь послать к нам в услужение своих сыновей, о которых ты писал, — Андрея и Александра, и мы окажем им те милости, какие они заслужат. Это наставление мы посылаем к тебе с тем же нашим холопом, верным слугой вашего государя и вашим приятелем. А твоей безбожной душе как можно верить? Ведь если человек оставил бога и истинную веру, станет ли его душа заботиться о клятве? Не подобает в таком почтенном возрасте, как твой, обучать своего государя мошенничеству; а тому, кто является с таким злым делом, не грех и воздать за его безумие.

Написана в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, в 20-й день июля [20 июля 1567 г.].

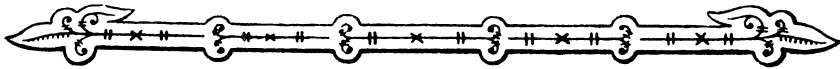

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. П. ФЕДОРОВА (1567)

От боярина совета его царского величества божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], воеводы Полоцкого и наместника Ярославского ²¹Ивана Петровича Федоровича великому государю Сигизмунду-Августу, божьей милостью королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

Прислал ты к нам свою государеву грамоту с бывшим прислужником наших собратьев по государственной раде, князей Воротынских, и мы эту грамоту прочли и хорошо поняли. Но подобает ли тебе, такому великому государю, подлым и мошенническим образом рассылать такие нелепицы и подписывать их своей рукой? Ведь я же, государь, уже старый человек, немного мне жить осталось; когда изменю своему государю и оскверню свою душу, ходить у тебя с войском уже не смогу, водить тебе девок в спальню — ноги тоже не служат, а потешать тебя на старости лет скоморошеством не обучен, — на что же мне твое государево предложение? Что тебе нужно от моей старости? Послал бы ты лучше это письмо каким-нибудь подлецам, достойным твоего подлого письма.²¹

Написано в Полоцке, отчине моего государя, в 7075 году от сотворения мира, в 6-й день августа [6 августа 1567 г.].

ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ФЕДОРОВА

От боярина совета его царского величества божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], воеводы Полоцкого и наместника Ярославского Ивана Петровича Федоровича — брату нашему Григорью Александровичу Ходкевичу, пану Виленскому, наивысшему гетману великого княжества Литовского, старосте Городенскому и правителю Могилевскому наше слово.

Присылал ты к нам прислужника князей Воротынских Ивашку Козлова с грамотой, а в ней писал многие неподобающие вещи. Прилично ли, пан Григорий, чтобы мы с тобою, достигнув почтенных седин, вели между собою такие переговоры, какие затеваешь ты, советуя мне в своем письме изменить своему государю? Очень мы этому удивляемся и жалеем, что ты в таком возрасте занялся такими подлостями, осквернив язык свой клеветой; мы же считаем, что заслуживать милость своего государя следует не бесчестными делами, но честной и правдивой службой; ведь это обычай бесчестных людей и подлецов — обращать свой язык на клевету. Очень жалеем, что ты, брат наш, вмешался в такое неподобающее дело. В своей грамоте ты назвал этого мелкого прислужника князей Воротынских дворянином и верным слугой своего государя: но подобает ли тебе, пан Григорий, человеку, украшенному сединами, так служить своему государю — называть

такого мелкого прислужника дворянином и верным слугой такого великого государя? Нет! это — не достойная и не верная служба вашему государю! А если он, собака, оскорбляя царское величество, изливал тебе свой яд, подобно змее, то пристойно ли тебе, пан Григорий, при твоих седилах, взяв собачий рот, писать такую бессмыслицу? Наш же государь, его царское величество — государь милостивый, истинно православный, заботится о нас, своих подданных, блюдет и по заслугам жалует нас своим жалованьем, и я тоже щедро награжден милостями, почестями, вотчинами и казной его царского величества. А то, что ты, брат наш, в своей грамоте лживо или изменнически написал, что будто бы мой государь хотел со мной расправиться, то это нелепые или изменнические слова: никогда не бывало и быть не может, чтобы его царское величество карало кого-нибудь без вины. Не бывало и того, чтобы Литва Москву судила, — вам, пане, впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством. Ты писал, что подданный должен получать такое жалование, какое ему потребно, — какая же это верная служба, если подданный не подчиняется государевой воле, а творит свою волю? Это — не верная служба, а изменническая, и мне было очень досадно, что ты, почтенный человек, пишешь так неразумно. Ты писал еще, что мой государь утруждает меня хлопотами, но мой государь не утруждает меня хлопотами, а посылает туда, где его царскому величеству бывает нужна моя служба, мы же от предков своих научены служить царскому величеству с радостью и не считать этого тягостью, а не так, как вы, пан Григорий, добываете у своего государя высокие чины, заботясь о девках для государевой спальни и развлекаясь с ним скоморошеством, — мы же этого себе не позволяем. Если же мы от бога одарены разумом, то прилично ли разумному и достойному человеку быть изменником, как ты, пан Григорий, советуешь нам, оскверняя свои седины? Стоит ли мне, пан Григорий, переходить в вашу землю, если вы не соблюдаете верности не только своей братии, но и своему госу-

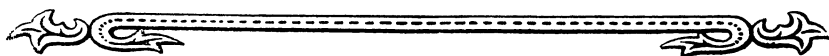
дарю, ввергая его в бесчестие и научая скреплять своей подписью такие нелепые грамоты, ведущие к ссоре и кровопролитию среди христиан? Ведь наш милостивый, истинно христианский государь даже не замечает ваших змеиных затей, отгоняя их, как солнце — тени. Я же, следуя обычаю моих предков, хочу на старости лет честно служить, а не изменять своему государю. Что от вас, безбожников, можно ожидать, если вы разрушили церкви божьи со священными заповедями? Ты писал, что я расположен к вашему государю; но я набожный христианин и никогда не встречал никакого зла от христиан, я оказывал им всегда любовь и милость, а от вас встречал только недоброжелательство к царскому величеству и стремление к пролитию христианской крови, — какое же я могу иметь с вами дело, что общего между светом и тьмой, какое может быть согласие между Христом и Велиаром и между христианином и безбожниками? ²² А о Ливонской земле что и писать! Если ваш государь не уступит ее царскому величеству, никогда не прекратится кровопролитие между христианами. Так и знай!

Написана в Полоцке, отчине царского величества, в 7075 году от сотворения мира, в 6-й день августа [6 августа 1567 г.].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Вторособира́тель всея Русския земли» (по Ивану Тимофееву), прогрессивный государственный деятель Иван Васильевич Грозный, был выдающимся писателем своего времени. Его произведения, в особенности «послания», могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы.

Творчество Грозного не получило надлежащей оценки в литературоведении. Дворянско-буржуазная наука, не сумевшая понять исторической роли этого «человека с сильной волей и характером»,¹ не уделила должного места и писательской деятельности Грозного. Его сочинения рассматривались обычно как своего рода «человеческие документы», дающие материал для построения биографии царя. Вопрос о значении Грозного как писателя, о месте, которое занимает его творчество среди других литературных памятников того времени, не был даже поставлен. Вопрос этот должен быть разрешен советской литературоведческой наукой.

Главным препятствием на пути изучения творчества Грозного является отсутствие собрания его сочинений. Не установлен даже общий объем его творчества — попытка И. Н. Жданова² составить список произведений Ивана IV должна быть признана

¹ О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

² И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Соч., т. I, СПб., 1904.

неудачной. Все это не позволяет в настоящее время дать даже самую краткую характеристику основных этапов литературной деятельности Грозного.

Настоящее издание ставит своей задачей объединить лучшие памятники эпистолярного наследия Ивана IV. Наряду с широко известными посланиями — Курбскому, в Кирилло-Белозерский монастырь и Василию Грязному — издается послание «великому князю всея Руси» Симеону Бекбулатовичу и ряд дипломатических посланий, написанных в типичной для Грозного полемической манере.¹ Характерные черты литературного стиля Ивана IV обнаруживаются и в группе издаваемых нами посланий Сигизмунду II Августу и гетману Ходкевичу, формально написанных от имени бояр.

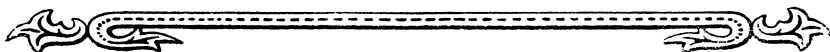
При подготовке настоящего издания пришлось встретиться с трудностями, вытекающими из своеобразной судьбы литературного наследия Грозного в рукописной традиции. Так, например, в списках XVII в. почти не получила распространения группа посланий Ивана IV, связанных с ливонским походом 1577 г. (в эту группу входит и второе послание Курбскому); приходится пользоваться при издании единственным, притом дефектным списком XVII в. и копией XIX в. с утраченного списка. Одно из наиболее интересных посланий этой группы — польскому наместнику в Ливонии Полубенскому — издается впервые. Возникали трудности и при издании первого послания Курбскому, самого крупного и по содержанию особо значительного произведения Грозного. Послание это издавалось не раз, но лишь по спискам конца XVII и XVIII вв.,

¹ В настоящее собрание избранных сочинений Ивана IV включаются лишь те его дипломатические послания, которые представляют интерес как памятники литературы. Поэтому не включены в текст грамоты царя; даже интересные с исторической точки зрения (как, например, послание королю Эрику XIV — стр. 625), а также послания, сохранившиеся лишь в современных им переводах, обычно неточных и не передающих своеобразного литературного стиля Грозного.

в основе которых лежит текст, создавшийся и хранившийся во враждебной Ивану IV рукописной традиции. К изданию первого послания Курбскому привлечены списки собраний Погодина и Археографической комиссии, не принятые во внимание предыдущими издателями из-за их дефектности, но важные и ценные потому, что они позволяют исправить испорченные чтения ранее изданных текстов и восстанавливают первоначальное авторское заглавие послания, раскрывающее подлинного его адресата: «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбсково с товарищи, об их измене».

Собранные вместе и изданные по более достоверным спискам, послания Ивана Грозного несомненно привлекут к себе внимание исследователей и, вместе с тем, дадут представление советскому читателю об этом своеобразном писателе и крупном государственном деятеле, чей образ неоднократно воссоздавался в художественной литературе и искусстве.

В. Адрианова-Перетц.

Д. С. Лихачев

ИВАН ГРОЗНЫЙ — ПИСАТЕЛЬ

Конец XV века и век XVI-й — это период укрепления русского централизованного государства. С его появлением на смену старым пришли новые взгляды на власть «великого князя всея Руси», да и сами «великие князья всея Руси» по-новому начинают рассматривать свою деятельность, свои задачи и самое свое положение в государстве.

Вместо ограниченных в своих владельческих заботах русских князей периода феодальной раздробленности стали появляться государственные деятели более широкого размаха, реформаторы государственной жизни России. Под влиянием назревших экономических потребностей начинают ломаться старые порядки в государственном управлении и в быту, в религиозных установлениях местных церковных организаций и в культурной жизни. Усиливающаяся классовая борьба и борьба внутри класса феодалов между старым боярством и поднимающимся дворянством требовали усиления централизованного государственного управления. Правительство стало на путь удовлетворения требований дворянства, поддерживавшего все реформы царской власти. Сознание необходимости реформ достигло крайнего напряжения в царствование Грозного.

Вот почему с предложениями разного рода социальных преобразований, с описанием идеальных государственных устройств, а иногда с нравственными наставлениями и «изобли-

чениями злодейств» спешат обратиться к Грозному представители разнообразных групп господствующего класса — друзья и враги, советчики и «изобличители», люди разных политических убеждений, разного писательского темперамента, занимавшие самое различное общественное положение. С наставлениями и проектами обращаются к Грозному и митрополит Макарий, и протопоп Благовещенского собора Сильвестр, и псковский старец Филофей, и Иван Пересветов, и скромный монах Еразм, и родовитый князь Андрей Курбский.

Вера в силу убеждения, в силу мысли, в возможность построения лучшего государства на разумных началах была в этих посланиях выражена с предельной силой. Этой верой поддерживалось в XVI в. чрезвычайное развитие публицистической мысли. Вместе с тем в обстановке все укрепляющейся централизованной монархии многим современникам казалось, что весь ход русской истории зависит от убеждений только одного человека, во власти которого было якобы возможно направить ее по наилучшему пути.

Деятельность Грозного, отражавшая интересы широких кругов дворянства, очутилась, таким образом, в центре внимания русской литературы. Она подвергалась страстному обсуждению. Грозного осуждали одни, одобряли другие, стремились подсказать новые реформы третьи. Сам царь спешит поддерживать переписку со своими друзьями и врагами. Переубедить его невозможно, он горячо отстаивает свои убеждения и всю свою политическую деятельность, но и в его посланиях чувствуется та же вера в силу убеждения, в силу мысли, которая отличала и его корреспондентов. Грозный — политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа. И в его писательской деятельности не меньше, чем в его деятельности государственной, сказалась его исключительная талантливость.

Вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Грозный, и, вместе с тем, каждое литературное выступление которого обладало бы с самого начала таким властным авторитетом. Все написанное Грозным написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано живой необходимостью современной ему политической действительности. И именно это наложило сильнейший отпечаток на его произведения. Он нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, как только они становятся ему помехой. Он заботится о стиле своих произведений лишь постольку, поскольку это нужно ему, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Он политик, государственный человек прежде всего, и он вносит политическую запальчивость и в свои произведения. Все написанное им стоит на грани литературы и деловых документов, на грани частных писем и законодательных актов. И всюду он резко проявляет себя: в стиле, в языке, в темпераментной аргументации и, самое главное, в непрерывно дающих себя знать политических убеждениях.

Во всех областях своей кипучей деятельности Грозный был новатором, человеком, стремящимся сбросить груз многовековых традиций „удельной“ Руси, остро видящим будущее и сознающим интересы централизованного государства. В дипломатической практике, дерзко нарушая условные формы посольских обычаев своего времени, Грозный впервые стал лично вести переговоры с иностранными послами. Грозный непосредственно сам, а не через своих дьяков или бояр, обращался и к литовскому послу Ходкевичу в 1563 г. и к польским послам Кротошевскому и Роките в 1570 г. Речь его к польским послам была столь обширна, что секретарь польских послов сказал Грозному: «Милостивый госúдарь! таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума». Минуя обычаи своего времени, Грозный сам непосредственно вел споры о вере с Яном Рокитой и Поссевином. По свидетельству англичанина Горсея, царь

отличался в этих выступлениях «большим красноречием», «употреблял смелые выражения». Неудивительно, что и в своих литературных произведениях Грозный дерзко нарушал стилистические традиции.

Нельзя думать, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны «по невежеству», как изображал это его противник князь Курбский. Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. По свидетельству венецианца Фоскарини, Грозный читал «много историю Римского и других государств. . . и взял себе в образец великих римлян». Грозный заказывал перевести Историю Тита Ливия, биографии цезарей Светония, кодекс Юстиниана. В его сочинениях встречается множество ссылок на произведения древней русской литературы. Он приводил наизусть библейские тексты, места из хронографов и из русских летописей, знал летописи польские и литовские. Он цитировал наизусть целыми «паремиями и посланиями», как выразился о нем Курбский. Он читал «Хронику» Мартина Бельского (данными которой он, повидимому, пользуется в своем послании к Курбскому). По списку Библии, сообщенному Грозным через Михаила Гарабурду князю Острожскому, была напечатана так называемая Острожская библия — первый в славянских странах полный перевод Библии. Он знал «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, философскую «Диоптру» и др.

Книги и отдельные сочинения присылали Ивану Грозному из Англии (доктор Яков — изложение учения англиканской церкви), из Польши (Стефан Баторий — книги о Грозном), из Константинополя (архидиакон Геннадий — сочинения Паламы), из Рима (сочинения о Флорентийском соборе), из Троицкого монастыря, из Суздаля и т. д. Каспар Эберфельд представлял царю изложение в защиту протестантского учения, и царь охотно говорил с ним о вере. Отправляя архидиакона Геннадия на Ближний Восток, Грозный приказывал «обычаи в странах тех писати ему». Он заботился о составлении тех или иных новых сочинений и принимал участие в лите-

ратурных трудах своего сына, царевича Ивана Ивановича. К нему обращались со своими литературными произведениями Максим Грек, князь Курбский, митрополит Макарий, архимандрит Феодосий, игумен Артемий, Иван Пересветов и многие другие.

Грозный знал цену слову и широко пользовался пропагандой в своей политической деятельности. В 1572 г. литовский посол жаловался, что Грозный распространяет глумливые письма на немецком языке против короля Сигизмунда-Августа, и русские не отрицали этого. Если Грозный и не был непосредственным автором этих листов, то, во всяком случае, он был их инициатором и редактором.

Грозный вмешивался во всю литературную деятельность своего времени и оставил в ней заметный след, далеко еще не учтенный ни в историческом, ни в чисто литературном отношении.

Наиболее ярко литературный талант Грозного сказался в его письме к своему любимцу — «Васютке» Грязному, в письмах к Курбскому и в послании игумену Козьме 1573 г.

Переписка Ивана Грозного и Василия Грязного относится к 1574—1576 гг. В прошлом Василий Грязной — ближайший царский опричник, верный его слуга. В 1573 г. он был направлен на южные границы России — в заслон против крымцев. Грязной должен был отправиться в глубь степи с отрядом в несколько сот человек и добыть языков. Но крымцы «подстерегли» отряд Грязного и настигли его. Поваленный наземь Грязной отчаянно сопротивлялся, до смерти перекусав «над собою» шесть человек и двадцать два ранив, о чем не только писал впоследствии Василий Грязной Грозному, но что подтверждали и очевидцы. Грязного «чуть жива» отвезли в Крым к хану, и здесь, «лежа» перед ним, он вынужден был признаться, что он у Грозного человек «временный» — его любимец. Узнав об этом, крымцы решили выменять его на Дивея-

Мурзу — знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими. Из плена Василий Грязной и написал Грозному свое первое письмо, прося обмена на Дивея. Осенью 1574 г. Василий получил ответ Грозного через гонца Ивана Мясоедова. С этим гонцом Грозный передал Грязному свое государственное жалование и сообщил ему, чтобы он не беспокоился о семье: сына его Грозный пожаловал поместьем и деньгами. Но самое письмо Грозного содержало решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-Мурзу. После этого Василий Грязной еще дважды писал царю, но крымцы не получили за Грязного Дивея-Мурзу. В 1577 г. Грязной был выкуплен за умеренную сумму, но что случилось с ним после выкупа, не известно.

Переписку Ивана Грозного и Василия Грязного охватывает общее настроение, общий обоим дух ядовитой шутки: с одной стороны, от царя — властной и открытой, а с другой, — от Грязного — подбострастной, переходящей в намеки, вызывающей на близость, стремящейся найти опору к возвращению прежних отношений. Это — переписка людей, когда-то дружественных, но успевших остынуть друг к другу: Грозный уже разочарован в своем любимце, но еще сохраняет к нему приязнь; Василий же чувствует, что расположение Грозного уходит от него и стремится поддержать его интимной, но уже осторожной шуткой, соединенной с самой беззастенчивой лестью. Оба стремятся поймать друг друга на слове: один — чтобы укорить насмешкой, другой — чтобы вымолить себе выкуп из плена. Шутка, как мяч, перелетает от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих и слаженность выработавшейся еще за столом, «за кушанием» в покоях у Грозного, остротной игры. Но если отвлечься от этого общего им обоим тона переписки и вдуматься в ее содержание, то сразу же становится ясным различие взглядов и характеров: с одной стороны — большой государственный человек, полный заботы об интересах государства, непреклонный в своем отказе поступиться интересами государства ради личных при-

вязанностей, а с другой — «Васютка» Грязной, мастер лихой потехи, шутник и балагур, преданный и эгоистичный, остроумный и ограниченный.

Первое письмо Грязного, в котором он просит царя об обмене его на Дивея-Мурзу, не сохранилось. Но ответ Грозного дошел до нас в своем первоначальном виде. Как и всегда, Грозный не только принимает решения, но и объясняет их. С исключительной принципиальностью ставит Грозный вопрос об обмене Василия на Дивея-Мурзу. Он не желает рассматривать этот обмен, как его личную услугу Грязному. Будет ли «прибыток» «крестьянству» от такого обмена? — спрашивает Грозный. «И тебя, вед, на Дивея выменити не для крестьянства на крестьянство». «Васютка», вернувшись домой, лежать станет «по своему увечью», а Дивей-Мурза вновь станет воевать «да несколько сот крестьян лутчи тебя пленит! Что в том будет прибыль?». Обменять Василия на Дивея-Мурзу — это с точки зрения государства «неподобная мера». Тон письма Грозного звучит наставлением, он учит Грязного предусмотрительности и заботе об общественных интересах.

И вместе с тем, несмотря на всю наставительность этого письма, оно полно вызывающей искренности, лукавой, а иногда резкой шутки к «Васютке», как ласково называет его Грозный. Письмо Грозного, по выражению Василия, «жестoko и милостиво». Грозный смеется над тем, как неосмотрительно попал Василий в плен к крымцам, он напоминает ему о былых охотничьих забавах и о шутках за столом: «ты чаял, что в объезд [т. е. на охоту] приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дроchon, умеют ловити. . .».

Постепенно раздражаясь, Грозный впадает в тон жестокой насмешки. Он напоминает Василию, что с государственной точки зрения он самый обычный пленник: «а доселеве такие лю пятидесят рублев бывали». Разве стоит обменивать его

на Дивея-Мурзу, ставить их в одну меру: «у Дивея и своих таких полно было, как ты».

Васютка, умевший понимать шутки Грозного и, когда нужно, обращать их себе на пользу, подхватывает напоминание Грозного о былых шутках за столом: «А шутил яз, холоп твой, у тебя, государя, за столом, тешил тебя, государя, а нынеча умираю за бога, да за тебя же, государя, да за твои царевичи, за своих государей. . .». Он принимает и другой упрек Грозного — о своем увечье — и опять-таки обращает его себе на пользу, напоминая Грозному, что добыл он эти раны на службе ему: «А яз, холоп твой, не у браги увечья добыл, ни с печи убился». Хоть он и будет лежать, но постарается и лежа служить своему государю: «Мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положить: то наша и надежа. . .». Он отвечает и на упрек Грозного за попытку сравнить себя с Дивеем-Мурзой. Но в ответе своем он уже не шутит: он смиренно молит о пощаде — «не твоя б государская милость, и яз бы што за человек?».

Ничто не напоминает в этой переписке витийственной, поднятой на ходули риторики XVI в. Читая переписку «Васютки» Грозного и Ивана Грозного, забываешь, что оба были разобщены огромным по тому времени расстоянием, что письма доставлялись с трудом, доходили через многие месяцы. Перед нами свободная беседа, словно записанный разговор, — оба перекидываются шутками, как бывало «за кушанием».

Гораздо сдержаннее и официальнее Грозный в своей переписке с князем Курбским, бежавшим в Литву. В письмах Грозного к Курбскому меньше специфических «грозовских» черт. Между царем и изменником не могло быть той непосредственности, какая была в письмах Грозного к своему любимцу Василию Грязному или в письмах к кирилло-белозерским монахам. Грозный выступает здесь с изложением своих взгля-

дов как государственный человек. Не случайно переписка Грозного с Курбским обращалась среди московских людей в качестве материала для чтения.

Грозный стремится дать понять Курбскому, что ему пишет сам царь — самодержец всея Руси. Свое письмо он начинает пышно, торжественно. Он пространно говорит о своих предках. Курбский верно почувствовал тон письма Грозного, назвав его в своем ответе «широковещательным и многошумящим». Но и здесь, в конце концов, дает себя знать темпераментная натура Грозного. Постепенно, по мере того как он переходит к возражениям, тон письма его становится оживленнее. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя!». Бояре, такие, как Курбский, похитили у него в юности власть: «от юности мояа благочестие, бесом подобно, поколебасте, еже от бога державу, данную ми от прародителей наших, под свою власть отторгосте». Грозный резко возражает против мнения Курбского о необходимости ему иметь мудрых советников из бояр. В полемическом задоре Грозный называет бояр своими рабами. Повторяющиеся вопросы усиливают энергию возражений. «Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царство во своей руке держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладеющему? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну ꙗже повеленну быти?». «А Российское самодержьство изначяла сами владеют своими государьствы, а не бояре и не вельможи». «Царь — гроза не для добрых, а для злых дел; хочешь не бояться власти — делай добро, а делаешь зло, бойся, ибо царь не в туне носит меч — в месть злодеям. . .».

Постепенно тон письма становится запальчивым. Он с азартом издевается и высмеивает Курбского, отпускает такие насмешки, которые уже лишены всякой официальности. Так, например, в первом письме к Грозному, «слезами омоченном», Курбский перечислял все обиды и преследования. В обличительном порыве Курбский в конце концов обещает положить

свое письмо с собою в гроб и явиться с ним на Страшном судище, а до того не показывать Грозному своего лица. Грозный подхватил и вышутил это самое патетическое место письма Курбского: «Лице же свое, пишешь, не явити нам до дне Страшнаго суда божия? — Кто же убо восхошет таковаго ефиопскаго лица видети!».

Грозный мог быть торжественным только через силу. Он был чужд позы, охотно отказывался от условности, от обрядности. В этом отношении он был по-настоящему русский человек. Грозный, на время вынужденный к торжественности тона, в конце концов переходит к полной естественности. Можно подозревать Грозного иногда в лукавстве мысли, иногда в подгонке фактов, но самый тон его писем всегда искренен. Начав со стилистически сложных оборотов, с витийственно-цветистой речи, Грозный рано или поздно переходил в свой тон, становился самим собой: смеялся и глумился над своим противником, шутил с друзьями или горько сетовал на свою судьбу.

Это был поразительно талантливый человек. Казалось, ничто не затрудняло его в письме. Речь его текла совершенно свободно. И при этом какое разнообразие лексики, какое резкое смешение стилей, какое нежелание считаться с какими бы то ни было литературными условностями своего времени!..

Еще больше непосредственности во втором, кратком, письме Грозного Курбскому, написанном им после взятия русскими войсками Вольмера — города, в котором жил некоторое время, спасаясь от Грозного, Курбский. Вспомнив опять своего противника, Грозный не мог не пошутить и не поиздеваться над Курбским по этому случаю. Он писал ему, между прочим: «И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес».

Из двух посланий Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь первое послание наиболее обширно и значительно. Оно написано по следующему случаю. Несколько опальных бояр, в том числе Шереметев и Хабаров, забыв свои монашеские обеты, устроились в монастыре, как «в миру», и перестали

выполнять монастырский устав. Слухи и сообщения об этом доходили и до Грозного, составившего в связи с этим свое обширное послание в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме «с братией».

Оно начинается униженно, просительно. Грозный подражает тону монашеских посланий, утрирует монашеское самоуничтожение: «Увы мне грешному! горе мне окаянному! ох мне скверному! Кто есмь аз на таковую высоту дерзати [т. е. на высоту благочестия Кирилло-Белозерского монастыря]? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от такового начинания. . . А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати и чем просветити?». Грозный как бы преобразается в монаха, ощущает себя чернецом: «и мне мнится, окаянному, яко исполу [т. е. на половину] есмь чернец». И вот, став в положение монаха, Грозный начинает поучать. Он поучает пространно, выказывая изумительную эрудицию и богатство памяти. Постепенно нарастают и его природная властность и его скрытое раздражение. Он входит в азарт полемики. Письмо Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь — это развернутая импровизация, импровизация в начале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь — без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но неизменно искреннюю по настроению и написанную с горячей убежденностью в своей правоте.

Грозный иронически противопоставляет «святого» Кирилла Белозерского (основателя Кирилло-Белозерского монастыря) — боярам Шереметеву и Воротынскому. Он говорит, что Шереметев вошел со «своим уставом» в монастырь, живущий по уставу Кирилла, и язвительно предлагает монахам: «Да Шереметева устав добр, — держите его, а Кирилов устав не добр, оставите его». Он настойчиво «обыгрывает» эту тему, противопоставляя посмертное почитание умершего в монастыре боярина Воротынского, которому монахи устроили роскошную могилу, почитанию Кирилла Белозерского: «А вы се

над Воротыньским церковь есте поставили! Ино над Воротыньским церковь, а над чудотворцом [Кириллом] нет! Воротыньской в церкви, а чудотворец за церковию. И на Страшном спасове судище Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче.

Вспоминая прежние крепкие монастырские нравы, Грозный мастерски рисует бытовые картинки. Он рассказывает, что видел он собственными очами в один из своих приездов к Троице. Дворецкий Грозного, князь Иван Кубенской, захотел поестъ и попить в монастыре, когда этого по монастырским порядкам не полагалось — уже заблаговестили ко всенощной. И попить-то ему захотелось, пишет Грозный, не для «прохлады», а потому только, что жаждал. Симон Шубин и иные с ним из младших монахов, а «не от бóльших» («бóльшия давно отошли по келиам», — разъясняет Грозный) не захотели нарушить монастырские порядки и «как бы шютками молвили: князь Иван-су, поздно, уже благовестят». Но Иван Кубенский настоял на своем. Тогда разыгралась характерная сцена: «сидячи у поставца [Кубенской] с конца ест, а они [монахи] з другово конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталось: все отнесено на погреб». «Таково было у Троицы крепко, — прибавляет Грозный, — да то мирянину, а не черньцу!».

Не то что с боярами — с самим царем монахи не стеснялись, если дело шло о строгом выполнении монастырских обычаев. И правильно делали! — утверждает Грозный. Он вспоминает, как в юности он приехал в Кириллов монастырь «в летнюю пору»: «мы позпоздали ужинати, занеже у нас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночью [т. е. стоят белые ночи]». И вот спутники Грозного, которые «у ествы сидели», «попытали [т. е. попросили] стерлядей». Позвали подкеларника Исая («едва его с нужею привели») и потребовали у него стерлядей, но Исая, не желая нарушать монастырских порядков, наотрез отказался. Грозный с похвалою

передает безбоязненные слова, сказанные ему Исайей: «о том, о-су [т. е. государь], мне приказу не было, а о чем был приказ, и яз то и приготовил, а нынеча ночь, взяти негде; государя боюся, а бога надобе больши того бояться».

Настойчиво внушает Грозный монахам смелую мысль, что для них не существует никаких сословных (и вообще светских) различий. Святые Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский «не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялись». Шереметев постригся из боярства, а Кирилл и «в приказе у государя не был», но все равно простец Кирилл выше боярина Шереметева. Он напоминает, что у Троицы в постриженниках был Ряполовского холоп «да з Бельским з блюда едал». Грозный высказывает мысль о том, что монах в духовном отношении, в личной жизни, выше даже его — царя: двенадцать апостолов были «убогими», а на том свете будут на двенадцати престолах сидеть и судить царей вселенной.

Приходя все в большее и большее раздражение, царь требует наконец, чтобы монахи оставили его в покое, не писали ему и сами справились бы со своими непорядками. «Отдоху нет, — пишет он с гневом, — а уж больно докучило»; «а яз им отец ли духовный или начальник? Как собе хотят, так и живут, коли им спасение душа своя не надобеть»; «а отдоху от вас нет о Шереметеве». Чего ради, в самом деле, тревожат его монахи — «злобеснаго ли ради пса. Василья Собакина. . . или бесова для сына Иоанна Шереметева, или дурака для и упиря Хабарова?».

Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинками. Вот как изображает он лицемерное воздержание от питья: вначале только «в мале посидим поникши, и потом возведем брови, таже и горло, и прием, донележе в смех и детем будем». Монаха, принявшего власть, Грозный сравнивает с мертвецом, посаженным на коня. Описывая запускание Сторожевского монастыря,

Грозный говорит: «тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет».

Его письмо, пересыпанное вначале книжными, церковнославянскими оборотами, постепенно переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он призывает в свидетели бога, ссылается на живых свидетелей, приводит факты, имена. Его речь нетерпелива. Он сам называет ее «суесловием». Как бы устав от собственного многословия, он прерывает себя: «что ж много насчитати и глаголати», «множае нас сами весте. . .». Грозный не стесняется бранчливых выражений: «собака», «собачий», «пес», «в зашеек бил» и т. д. Он употребляет разговорные обороты и слова: «дурость», «дурует» «маленько», «аз на то плюнул», «а он мужик очюнной врет, а сам не ведает что». Он пользуется поговорками: «дати воля царю, ино и псарю; дати слабость вельможе, ино и простому». Его речь полна восклицаний: «ох!», «увы, увы мне!», «горе ей!». Он часто обращается к читателям и слушателям: «видети ли?», «а ты, брат, како?», «ты же како?», «милые мои!». Он прерывает свою речь вопросами, останавливает себя. Он смешивает церковнославянизмы и просторечье. Он делает смелые сопоставления библейских лиц и событий с современными все с тою же иронической целью. Богатство его лексики поразительно. Язык Грозного отличается необыкновенною гибкостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведения яркий национальный колорит. Это — по-настоящему русский писатель.

Те же черты литературной манеры Грозного наблюдаем мы и во всех других его произведениях. Во многих письмах к иностранным государям можно определить немало страниц, написанных самим Грозным. Эти страницы опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по самому стилю грубой, сильной и выразительной речи.

«Подсмеятельные слова», до которых был большим охотником Грозный, страстная, живая речь свободно вторгаются

и в послание к королеве Елизавете Английской, и в послание к Стефану Баторию, и в послание к шведскому королю Иоганну III. Наконец, есть послания, целиком выдержанные в тоне пародии. Таково, например, знаменитое послание Грозного Симеону Бекбулатовичу. Послание это — только одно из звеньев того политического замысла, который Грозный осуществил, передав свой титул касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу.¹ Грозный в притворно униженном тоне, называя себя «Иванцем Васильевым», просит разрешения у новопоставленного «великого князя всея Руси» Симеона «перебрать людишек».

Но как бы ни был Грозный привязан к шутке, к иронии, к едкому, а порой и резкому слову, — основная цель всех его произведений всегда одна и та же: он доказывает права своего единодержавства, своей власти; он обосновывает принципиальные основы своих царских прав. Даже передавая свои прерогативы Симеону Бекбулатовичу и обращаясь к нему с поддельно униженным челобитьем, Грозный поступал так, чтобы делом доказать свое полное самовластие вплоть до внешнего отказа от него. И в том, с какою смелостью доказывал Грозный свое царское самовластие, видна его исключительная одаренность.

Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации, и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства: все грани между письменной речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в средние века, стерты; речь Грозного полна непосредственности. Грозный — прирожденный писатель, но писатель, пренебрегающий всеми искусственными приемами писательства во имя живой правды. Он пишет так, как говорит, смешивая книжные цитаты с просторечием, то издеваясь, то укоряя, то сетуя, но всегда искренно по настроению.

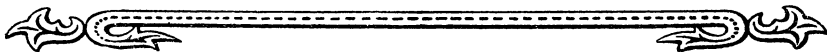
¹ О политическом смысле этого „маскарада“ см. ниже в статье Я. С. Лурье, стр. 482—484.

Роль Грозного в историко-литературном процессе древней Руси громадна и далеко еще не оценена. Н. К. Гудзий справедливо сближает литературную манеру Грозного с манерой Иосифлянской школы. Однако то, что у иосифлян только намечалось — разрушение канонов средневековой поэтики, то у Грозного было выражено с потрясающей силой. Живая эмоциональная речь, непосредственная национальная демократическая стихия языка хлынула в письменность.

Грозный значительно опередил свою эпоху, но писательское дело Грозного не осталось без продолжателей. Во второй половине XVII в., через сто лет, его талантливым последователем в чисто литературном отношении явился протопоп Аввакум, недаром так ценивший «батюшку» Грозного царя. Крайний консерватор по убеждениям, Аввакум был, однако, таким же, как и Грозный, мятежником против всяких литературных традиций.

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 г.), мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда „самодержец всея Руси“, пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели — убедить своего читателя, воздействовать на него — таков Грозный в своих произведениях.

Я. С. Лурье

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА IV

Время Ивана Грозного неизменно привлекает к себе внимание историков. Это время резкого обострения классовой борьбы, окончательного оформления крепостного права, укрепления централизованного самодержавного государства, огромного увеличения международного авторитета России. В центре всех этих событий — сам царь, «человек с сильной волей и характером»¹, последовательный сторонник феодально-самодержавного строя, создатель «прогрессивного войска опричников»². Послания Ивана Грозного — исторический источник, значение которого едва ли может быть переоценено.

Послания, помещенные в настоящем издании, по их характеру и содержанию могут быть разбиты на две группы: послания, предназначенные для русских адресатов, и дипломатические послания. К первой группе безусловно могут быть отнесены только три послания: в Кирилло-Белозерский монастырь, Василию Грязному и «великому князю всея Руси» Симеону Бекбулатовичу. К числу дипломатических посланий относятся: послание английской королеве Елизавете, два послания шведскому королю Иоганну III, несколько посланий, связанных с ливонским походом 1577 г., и послание польскому

¹ О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

² Там же.

королю Стефану Баторию. К этой же группе относятся и послания к польскому королю Сигизмунду II Августу и гетману Гр. Ходкевичу, написанные в 1567 г. от имени бояр, но фактически, по всей видимости, принадлежащие царю. Промежуточное положение между двумя названными группами занимают послания Курбскому и Тетерину. Эти «государевы изменники», проживавшие во время написания царских посланий в Польско-Литовском государстве, не были, конечно, иностранными правителями, которым подобает писать дипломатические грамоты, но вместе с тем они не были уже и подданными царя. По содержанию первое послание Курбскому — самое большое и значительное из произведений царя — одинаково важно как для понимания внутренней истории «Российского царства», так и для истории его взаимоотношений с «безбожными языками»; второе послание Курбскому и послание Тимохе Тетерину больше связаны с внешнеполитическими делами, чем с внутренними: эти послания принадлежат к числу грамот, написанных во время похода 1577 г.

Итак, внешнеполитическая тематика занимает весьма важное место в издаваемых посланиях Грозного — несмотря на то, что мы помещаем здесь лишь небольшую часть его дипломатических посланий. А между тем в литературе, посвященной Грозному, эта сторона его творчества почти совсем не нашла отражения — историков занимали только внутривполитические вопросы в сочинениях царя. Этим вопросам посвящены многие страницы у Соловьева, Костомарова, Ключевского и других буржуазных историков.¹ В трудах советских историков — И. И. Смирнова, И. У. Будовница² эти вопросы получили

¹ С. М. Соловьев, *История России*. Издание «Общественной пользы», кн. II, стлб. 160—163, 501—504; Н. И. Костомаров. *Исторические монографии и исследования*, т. XIII, 1881, стр. 255—291; В. О. Ключевский. *Курс русской истории*, ч. II. М., 1906, стр. 208—214, 240—249.

² И. И. Смирнов. *Иван Грозный*. Л., 1944, стр. 102—108; И. У. Будовниц. *Русская публицистика XVI в.* 1947, стр. 286—296.

новое, марксистское, освещение: образ Грозного — политического деятеля — освободился в этих трудах от искажений, допущенных буржуазными учеными. В настоящей статье мы уделяем значительное место менее разработанной стороне творчества Грозного — его высказываниям по вопросам внешней политики. Этим определяется и построение статьи: первый раздел ее посвящен посланиям, связанным с внутренней политикой;¹ остальные два раздела — дипломатическим посланиям царя в связи с историей его внешней политики. Первого послания Курбскому нам придется касаться дважды — в связи с обоими вопросами.

I

В своей статье «Личность царя Ивана Васильевича Грозного», этом запоздалом обвинительном акте против Ивана IV, Н. Костомаров выражал удивление и возмущение по поводу послания Ивана Грозного Курбскому. «С какою целью написано это письмо, и чего добивался царь от Курбского?», — спрашивал Костомаров. «Неужели он хотел, ему нужно было и он надеялся убедить Курбского признать царя во всем правым, а себя и всех опальных и замученных виновными?.. Или уж не хотел ли Иван склонить Курбского воротиться? Но этого намерения и в письме Ивана не видно».²

В настоящее время мы в состоянии ответить на вопросы, поставленные Костомаровым. Царь ни в чем не собирался убеждать Курбского и еще менее собирался склонить его к возвращению. Послание царя вообще меньше всего было рассчитано на «князя Андрея». Послание это, как мы можем теперь с уверенностью сказать,³ не было даже формально адре-

¹ Речь идет только о политических вопросах, *современных* самим посланиям (1564—1582 гг.). Разбор высказываний царя (часто весьма неточных и тенденциозных) о начале его царствования («боярское правление», восстание 1547 г., «избранная рада») отнесен в комментарии (см. прим. 21—33).

² Н. И. К о с т о м а р о в, ук. соч., стр. 255—256.

³ См. «Археографический обзор».

совано «князю Андрею». Это было «царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи, об их измене». Адресатом послания было «все Российское царство», обращения к «крестопреступнику» на страницах послания носили характер не убеждения, даже не увещевания, а прежде всего — обличения. Начав послание с прямого обращения к Курбскому, царь уже на второй странице переходит с единственного числа («почто, о княже. . .») на множественное («ваши извольшиа быти друзи и служебники. . . вы же им воздаяние много за сие злодейство даровали есте») — в соответствии с заголовком послания: «на князя Андрея Курбского с товарищи». Состав этих «товарищей» по «крестопреступлению» был довольно пестр: сюда входило, например, такое знатное лицо, как В. С. Заболоцкий, которого агент германского императора в Польше аббат Цир почтительно именовал «князем Московским» («Wladimirus dux Moscovita»);¹ входили сюда и менее знатные люди, как, например, служилый человек Тимофей Тетерин, насильственно постриженный царем в монахи, бросивший монастырь и бежавший за границу, другой выходец из служилого класса, Марк Сарыхозин, ученик известного церковного деятеля Артемия (тоже бежавшего в свое время в Литву), и другие. Несмотря на пестроту состава, «крестопреступников» объединяло вполне сходное отношение к новым политическим порядкам, введенным в Москве. «А есть у великого князя, — писали Тетерин и Сарыхозин боярину Морозову об Иване Грозном, — новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую половиною себе емлют, а которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».

Все эти «крестопреступники», находясь за границей, не пребывали в бездействии. До нас дошло несколько посланий

¹ Венский Государственный архив, Polonica, Bericht Cyrus an Maximilian II, 15. Oct. 1569; об этом источнике см. ниже, стр. 493, прим. 1.

Курбского и одно письмо Тетерина и Сарыхозина, адресованное на Русь; существовали, повидимому, подобные послания и от других лиц. Как проникали эти письма в Московскую Русь, мы точно не знаем, но с уверенностью можем отвергнуть легенду «Степенной книги» XVII в. (увековеченную А. К. Толстым) о слуге Курбского, Василии Шибанове, якобы явившемся в Москву и подавшем письмо своего господина «на красном крыльце» царю.² В действительности, как мы узнаём из официальной летописи, Шибанова «поимали воеводы» — где-то в районе границы, и если у него и было обнаружено послание его господина царю, то уж, конечно, оно не предназначалось для передачи «на красном крыльце», а было рассчитано, как и ответное письмо царя, не на одного адресата, а на «все Российское царство». Чтобы представить себе действительные пути проникновения «эпистолий» Курбского на Русь, следует обратить внимание на несколько писем его, направленных в Псковско-Печорский монастырь (между Псковом и Юрьевом—Тарту). Из этих писем мы обнаруживаем прежде всего, что Курбский был связан с монастырем еще до своего бегства и поверял каким-то «старцам» этого монастыря (в частности, старцу Вассиану, казненному впоследствии Грозным в связи с «новгородским изменным делом») достаточно интимные дела: он жаловался им на начинающие «кипеть» против него «напасти и беды от Вавилона», т. е., как предположил уже древний комментатор одной из его рукописей, «наветы и умышления великого князя». Связь эта не прекратилась и после бегства Курбского: «государев изменник» не только не стеснялся компрометировать монастырских старцев, живших под властью «великого князя», своими письмами, но энергично побуждал их «претить» (возражать) «царю или властёям о законопреступных»; когда же старцы попытались прервать сношения со столь опасным корреспондентом, он обрушился на них с упреками, дословно совпадающими с упреками царю в пер-

¹ См. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 7.

вой «эпистолии» к нему («каких напастей и бед. . . и гонения не претерпех!», угроза взять «сие писанейце» с собой в гроб). Приложить к этим письмам и саму эту «эпистолию», сохранившуюся, кстати, в тех же сборниках, что и последнее письмо в Печорский монастырь, было бы для Курбского и уместно и удобно.¹

Таким образом, вопреки Костомарову, у царя Ивана Васильевича было вполне достаточно «побуждений к написанию такого длинного письма». Предназначая, как и его противники, свое послание для «всего Российского царства», выступая не против одного Курбского, но против всех «крестопреступников» разом, Грозный и сам в своем послании ощущал себя не отдельной «смирненной» личностью, а носителем «православного истинного христианского самодержавства, многими владычества владычущего». По справедливому замечанию И. И. Смирнова, «своеобразие Ивана Грозного как политического писателя заключается в том, что, будучи теоретиком и защитником самодержавия, он выступает при этом как апологет своей собственной власти, придавая своим воззрениям на природу царской власти характер своего рода политической исповеди, изложения тех принципов, которыми *он сам* — царь — руководствуется в управлении государством. Эта черта воззрений Ивана Грозного придает его писаниям особый, неповторимый колорит: практическая деятельность подымается здесь до высоты теории, а сама теория выступает, как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность».²

Защита и обоснование неограниченных прав самодержавной власти — вот основная тема первого послания Курбскому. «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнить вольны же» — провозглашает царь. Эта же тема повторяется и в ос-

¹ Три послания Курбского в Псковско-Печорский монастырь (одно — «некому старцу» и два — старцу Вассиану) см.: Курбский, Сочинения (изд. 1914 г.), стлб. 377—410.

² И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 105—106.

тальных посланиях. В послании Сигизмунду II Августу от имени Воротынского «волное царское самодержжество» Ивана IV противопоставляется «убогому королевству» Ягеллонов; в послании Стефану Баторию Грозный многозначительно именуется себя царем «по божьему изволению, а не по многмятежному человечества хотению» и т. д.

Объявляя всех подданных, независимо от их происхождения «холопами» самодержавной власти, Грозный, однако, хорошо отличал врагов самодержавия от его друзей — «злодеев» от «добродеев». «Злодеи» — это, прежде всего, «боляре». Как и все представители господствующего класса, Иван IV не любил вспоминать, что у этого класса имеется и еще более опасный враг — народные массы, угнетаемые и крупными и мелкими феодалами. Даже народное восстание 1547 г. царь (вопреки более раннему и более достоверному летописному рассказу¹) изображал как дело рук «бояр... наустивших [настроивших] народ художайших умов». Только в одном месте, вспоминая о самоуправстве князей Шуйских в годы его детства, Грозный говорит о «болярах» с сочувствием — да и то речь идет о «доброхотных» и «угодных» «болярах», ставших жертвами княжья. В остальных случаях «вы, бояре», как постоянно обращается царь к Курбскому, — всегда враги. И здесь мы еще раз видим, что противник, с которым полемизирует Грозный на страницах своего послания, — не индивидуальный, а собирательный. Грозный знает, что Курбский был еще «юн» в 30-х годах XVI в., когда, после смерти Василия III, бежали в Литву, «скача и бесясь», князь Семен Бельский и окольничий Иван Лятцкий; но, поскольку он пошел по их пути, он подобен им и несет ответственность и за их преступления. Курбский только видел своими «беззаконными очами» злоупотребления наместников в годы «боярского правления» — в 50-х годах XVI в., в период так называемой «избранной рады», наместничье управление было ликвидировано; но, бежав за

¹ См. комментарий, прим. 24.

границу и «восхотев изменным обычаем» именоваться князем Ярославским, он воскресил боярские традиции прежних времен и несет ответственность за своих политических предков.

Осуждая «синклитов» (светских вельмож) за разрушение «великих царств», царь был не более снисходителен и к «епархам» (к духовной знати). Полная ортодоксальность в религиозных вопросах, его гордое убеждение, что в гонении на веру его не могут обвинить даже «бесовские служители», не мешали царю считать, что не может не погибнуть царство «от попов владомое». В связи с этим следует со всей решительностью отвергнуть взгляд на мировоззрение Грозного как на своего рода теократический абсолютизм, высказанный И. Н. Ждановым в его статье «Сочинения царя Ивана Васильевича».¹ Порочный методологически, взгляд этот основан в значительной степени на недоразумении: в известном ему тексте первого послания Грозного Курбскому Жданов читал рассуждение царя о «постничестве» (отшельничестве) и «общежительстве» (совместной монашеской жизни), завершающееся словами: «Се же убо разумей разнство постническому и общежительству: очима видел еси, и от сего можеша разумети, что сие есть. К сему же пророк речет: горе дому, имже домом жена обладает, горе граду, имже мнози овладают» (см. стр. 88). Далее в послании царь переходит к общим рассуждениям о том, как следует управлять государством. Жданов сделал из этого вывод, что «общежительство», по представлению царя, — это не только общая жизнь в монастыре, но и всякая совместная жизнь людей, в том числе и государство: «Таким образом, — делает вывод И. Н. Жданов, — строй государственный представляется как существенно сходный по своим основам с бытом общинно-монастырским».² Заглянув в издаваемый нами новый, более исправный текст первого послания Грозного (стр. 27), мы можем убедиться, что Грозный вовсе не думал того, что при-

¹ И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Соч., т. I, СПб., 1904.

² Там же, стр. 149—150.

писал ему И. Н. Жданов: фраза в известном Жданову тексте послания была оборвана на середине; в действительности же царь писал: «разумей разнство постничеству и общежителъству и святителъству и ц а р ь с т в у». И дальше царь говорит как раз противоположное: он доказывает, что царская власть принципиально отлична от всякого «святительства», ибо царь не должен соблюдать известного евангельского завета — когда его «бьют в ланиту» (щеку), подставлять другую, ибо тогда он будет «без чести». «Святителю же сие прилично — по сему ж разнству разумей святителъству с царством!».

Царь четко противопоставляет свою программу идеалам «крестопреступников». Он решительно осуждает вмешательство «епархов и синклитов» в управление, «совладение» вельмож «на градах» (наместничество) и т. д. Но что он предлагает взамен, чем он хочет дополнить реформы, проведенные уже в 50-х годах, — этого мы от царя не узнаём. Виной здесь в значительной степени те литературные каноны, которые делали в глазах человека XVI в. неприличной слишком светскую тематику («неистовых баб басни») и которые, в частности, побудили какого-то редактора-современника (а может быть и самого автора) составить ту выхолощенную по содержанию, но зато идеально благочестивую краткую редакцию первого послания Курбскому, которую мы можем прочесть в настоящем издании следом за пространной.

Опричнина, — это важнейшее мероприятие Грозного, вызывавшее столько споров и недоумений среди современников и потомков, — не находит истолкования в дошедших до нас сочинениях ее руководителя. Историки, правда, усматривают намек на подготовку этого мероприятия в том месте первого послания, где царь многозначительно замечает Курбскому, считавшему своих сторонников «сильными во Израиле» и «чадами Авраама»: «может господь и из камней воздвигнуть [создать] чад Аврааму». Этой, по выражению Ключевского,¹ «исторической угрозой», царь в первом послании Курбскому

¹ В. О. Ключевский, ук. соч., М., 1906, стр. 212.

и ограничился, может быть, потому, что послание было написано за несколько месяцев до учреждения «особного двора», и конкретные формы нового учреждения еще не определились. Когда же опричнина стала совершившимся фактом, «крестопреступники» за рубежом сумели развернуть вокруг этого «разделения людей единого христианского народу и единые веры» такую пропаганду, что Грозный предпочел не вдаваться в разъяснение сущности этого учреждения, а просто объявил, что у него «опричнины и земского нет». Именно такой ответ по вопросу об опричнине был продиктован царем одному из четырех бояр, получивших в 1567 г. тайные послания от Сигизмунда II Августа и гетмана Григория Ходкевича с соболезнованием по поводу «неразсудительного жестосердия» московского государя.

Последующие (прямые и косвенные) упоминания опричнины в сочинениях Грозного относятся к тому времени, когда в истории этого учреждения наступил глубокий перелом. Ярким памятником этого перелома может служить знаменитая «Духовная» (завещание) царя 1572 г. «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, — писал Грозный в этом завещании, — и не явилось никого, утешающих не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь».¹ По очень вероятному предположению исследователя,² речь здесь идет именно об опричниках, этих новых «чадах Авраама», созданных царем и не вполне оправдавших его надежды в военном отношении: опричники не сумели отстоять Москву от крымцев в 1571 г. Отголоски этого же недовольства опричниками мы встречаем и в наставлении, посланном Грозным в 1574 г. опричнику Василию Грязному, — царь именует Грязного и его товарищей «дрочонами» (неженками), не умеющими воевать, и замечает: «А что сказываешься великий человек — ино что по грехам моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и

¹ Цитата в переводе Ключевского (там же, стр. 239); подлинный текст см. ниже, стр. 524.

² С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного. Изв. АН СССР, сер. истор. и философ., т. IV, № 6, 1947, стр. 515.

наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников [холопов], приближали, хотячи от вас службы и правды».

Было бы, однако, большой ошибкой на основании этих иронических слов царя сделать вывод, что в 70-х годах он уже не разделял своих прежних воззрений, высказанных в первом послании Курбскому, и намеревался снова приблизить взамен «страдников» «князей и бояр». Если кто-либо из князей и бояр и рассчитывал на это, то им пришлось быстро разочароваться. Доказательством этому может служить уже послание в Кирилло-Белозерский монастырь, написанное царем еще до грамоты Грязному — в 1573 г.

«Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси в Кирилов монастырь игумену Козме, иже о Христе с братиею» не было еще, сколько нам известно, предметом специального исследования историка. До сих пор это послание привлекало к себе внимание исследователей лишь с литературной и культурно-бытовой стороны. А между тем, оно несомненно заслуживает внимания и с чисто исторической точки зрения. Характерны уже сами обстоятельства появления этого послания — оно написано в ответ на грамоту игумена и «братии» монастыря в связи с конфликтом между двумя влиятельными монахами — Ионой, в миру Иваном Васильевичем Шереметевым, и Варлаамом, в миру Василием Степановичем Собакиным. Это люди совершенно различного склада: Шереметевы — старый московский боярский род, пользовавшийся большим влиянием еще при предках Грозного и ввавший в немилость накануне опричнины; Собакины — представители одного из служилых родов, возвысившихся в годы опричнины,¹ главным образом благодаря женитьбе царя (в 1571 г.) на представительнице этого рода — Марфе Собакиной. Варлаам (Василий Собакин) играл в Кирилло-Белозерском монастыре своеобразную роль царского уполномоченного, — Грозный иронически сравнивал его положение в монастыре с по-

¹ Ср.: С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. Пробл. источниковед., т. III, 1940, стр. 339.

ложением римского прокуратора Пилата: «понеже от царские власти послан»; руководство монастыря, очевидно, тяготилось присутствием Собакина и благоволило к Шереметеву. В 1573 г. Собакины разделили участь многих родов, возвысившихся в годы опричнины: попали в опалу (племянники Варлаама были обвинены в «чародействе»). Ободренные этим обстоятельством игумен и «братия» Кирилло-Белозерского монастыря и отправили царю свою грамоту, порицая Собакина и заступаясь за Шереметева. Но руководителям монастыря пришлось испытать разочарование: несмотря на свое недовольство Собакиными, Грозный не пожелал разделить благосклонность игумена Козьмы и «братии» к Шереметеву, и, начав свое послание с выражений глубочайшего уважения «господам и отцам», кончил его строжайшим выговором за покровительство опальному боярину. «Другой на вас Сильвестр наскочил», — злословие заметил царь, напоминая игумену о ненавистном «попе», одном из вождей «избранной рады», к которой, кстати сказать, был близок в свое время и И. В. Шереметев.

Но недовольство царя Шереметевым и покровительствовавшим ему монастырским начальством объяснялось не только прошлым опального боярина. Положение Шереметева в Кирилло-Белозерском монастыре уже после его пострижения и превращения в монаха Иону тоже давало основания для беспокойства. Грозному стало известно, что опальный боярин, ставший «непогребенным мертвецом», продолжает владеть собственностью — держать при монастыре «особные годовые запасы». Монастырское начальство, с которым Грозный начал спор о Шереметеве еще задолго до написания послания 1573 г., указывало царю, повидимому, что эти шереметевские запасы служат подспорьем для хозяйства самого монастыря. Спор приобретал, таким образом, принципиальный характер: речь шла уже не об одном Шереметеве, а о монастырском хозяйстве в целом. Мнение царя по этому вопросу было вполне определенным: монастырь, имеющий собственные «села», ни от кого не должен зависеть в материальном отно-

шении. «Милые мои!», — писал Грозный в послании, — доселе многие страны Кирилов препитывал и в трудные времена, а ныне и самех вас в хлебное время, толико бы не Шереметев перекормил, и вам бы всем з голоду перемерети». Но точка зрения Грозного, принципиального противника того, чтобы монастырь «гонялся за бояры», противостояла точка зрения принципиальных защитников такого положения: «Не глаголи никто же, — с негодованием восклицает царь, — студные сия глаголы [постыдные слова]: яко только нам з бояры не знаться — ино монастырь без даения оскудеет».

Для того чтобы понять, почему эти «студные глаголы» так возмущали Грозного, следует вспомнить обстоятельство, отмеченное несколькими исследователями. Время опричнины характеризуется усиленным наплывом «вкладов» в монастыри: бояре, неуверенные в эти трудные для них годы в прочности своих владений, очень часто предпочитали «дарить» их в монастырь. Часто это была просто замаскированная продажа, но нередки и такие случаи, когда боярин обеспечивал себе при этом место в монастыре и надеялся «укрыться за спину» монастырских властей.¹ Каковы были взаимоотношения между таким «дарителем» и монастырем в последующее время: становился ли он после этого скромным монастырским «служгой» или влиятельным покровителем, «ктитором» монастыря — это, вероятно, зависело от многих обстоятельств. Слова Грозного о монастырях, «гоняющихся за боярами», и положение Шереметева в Кирилловом монастыре говорят, во всяком случае, о том, что второй вариант не был редкостью. Такое положение, естественно, не устраивало царя. Послание его в Кирилло-Белозерский монастырь в значительной степени направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины.

¹ Ср.: С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века. Историч. зап., т. 10, 1941, стр. 103, 107; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 130.

Последнее из издаваемых здесь посланий, связанных с внутривосполитическими делами, непосредственно возвращает нас к важнейшему мероприятию Грозного — к опричнине. Судьба этого учреждения в 70-х годах XVI в. вызывала и продолжает вызывать споры среди историков. В 1572 г. термин «опричнина» исчезает из официальных документов (разрядных записей), — значит ли это, что опричнина была отменена или что было только изменено ее название? Современники-иностранцы прямо говорят, что в 1572 г. «пришел опричнине конец»,¹ но в русских источниках мы не находим таких прямых и определенных известий. Наиболее загадочно в этом отношении уже упомянутое завещание, написанное летом 1572 г.; в заключительной части этого завещания мы читаем: «А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее и чинят, а образец им учинен готов».² «Учинил опришнину» — так можно сказать и о существующем учреждении и об отмененном (и об отменяемом). Ясно одно: если царь оставлял вопрос о судьбе опричнины на усмотрение сыновей, значит сам он уже не был убежден в ее бесспорных достоинствах. О том, что в 1572 г. произошло нечто большее, чем простая перемена названия «государева особногo двора», говорят и некоторые частные акты, обнаруженные исследователями в начале XX в.; из них мы узнаём, что после 1572 г. некоторое число «земских» получило назад свои владения из опричнины.³

Осенью 1575 г. Иван IV совершил поступок, который поразил современников едва ли менее, чем введение оприч-

¹ Генрих Ш т а д е н. О Москве Ивана Грозного. Перевод И. И. Полосина, М., 1925, стр. 110, 151—152.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М., 1950, стр. 446 (начало завещания см. в «Археологическом обозоре»).

³ Ср.: Л. М. С у х о т и н. Из истории опричнины. ЖМНП, ноябрь 1911 г.; важные материалы о возвращении вотчин «земским» содержатся и у П. А. Садикова, (ук. соч., стр. 137—146).

нины в 1564 г.: он передал свой титул «великого князя всея Руси» служилому татарскому хану Симеону Бекбулатовичу, а сам, как рассказывает летопись XVII в., «назвался Иваном Московским и вышел из града и живяше на Петровке и весь свой чин царский отдале ему, Симеону, а царь Иван Васильевич ездил просто, что боярин, в оглоблях, человек; и как приедет к царю Симеону, и ссажался с царева места далече, з бояры».¹ Помещенное в настоящем издании послание «Иванца Московского» Симеону Бекбулатовичу является непосредственным следствием этой неожиданной реформы, а вместе с тем оно в значительной степени и объясняет эту реформу. Из «челобитной Иванца Московского» (тщательно копирующей стиль подлинных челобитных) мы узнаём, что под властью «Иванца» находится какая-то особая территория, к которой он намеревается присоединять «вотчинишки» еще каких-то «людишек», находящиеся пока во владении «великого князя всея Руси»; из этих вотчинишек он собирается «отсылать прочь» тех, которые ему «не надобны». Картина знакомая: «удел Иванца» с неизбежностью напоминает нам «особый двор государев» — опричнину. Как известно, одной из важнейших сторон опричной реформы было разрушение материальной базы родовитого боярства путем создания особой («опричной») территории, принудительного выселения из нее старых владельцев и передачи их владений новым людям. «Удел Иванца» — это, очевидно, какая-то новая форма опричной территории.

Зачем же Грозному понадобилась эта новая форма и весь политический «маскарад» 1576 г.?² Ответ на это дают, как кажется, известия нескольких иностранцев, посетивших Русь как раз

¹ Этот неизданный летописец находится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (цит. по: П. А. Сади́ков, ук. соч., стр. 42).

² П. А. Сади́ков, отметивший связь назначения Симеона «великим князем» с опричниной, считает, однако, что «объяснение подобного маскарада» следует «искать во внешне-политической конъюнктуре» (ук. соч., стр. 43). Ниже (в комментарии к посланию Симеону, прим. 1) мы

в «правление» Симеона Бекбулатовича. Один из них, посол английской королевы Елизаветы Д. Сильвестр, удостоился личной аудиенции у «Иванца Московского» и имел с ним довольно интимный разговор. Во время этого разговора Грозный указывал Сильвестру на фиктивность своего отречения, но объяснял его «опасным положением государей», которые «подвержены переворотам (chaunge)», «что в настоящее время и оправдалось, ибо мы передали сан нашего правительства... в руки чужеродца... Причиной (occasion) этого является преступное и злокозненное поведение наших подданных, которые ропшут и противятся нам; вместо верноподданнического повиновения они составляют заговоры против нашей особы».¹ Сходное объяснение было, очевидно, дано и германскому послу Даниилу Принцу: в своем рассказе о путешествии в Москву в 1576 г. он писал, что царь передал власть Симеону «по причине подлости подданных».² Дополнением к этим известиям могут служить известия иностранцев, писавших несколько позже, — англичан Горсея и Флетчера: по их словам, Симеон Бекбулатович нужен был царю как подставное лицо для проведения каких-то непопулярных, но доходных мероприятий.³ Сопоставив известия иностранцев с посланием «Иванца Московского», мы легко сможем понять, в каком именно вопросе Грозный ожидал наибольшего сопротивления «подлых подданных». Пропаганда «крестопреступников» вне и внутри

указываем, почему это предположение П. А. Садикова не представляется достаточно убедительным.

¹ Ю. Толстой. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, стр. 179—182.

² Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. Чтения ОИДР, 1876, кн. III, отд. IV, стр. 29.

³ Горсей. Записки о Московии. СПб., 1909, стр. 30—31; Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 50. Относительно конкретного характера этих мероприятий оба источника расходятся: Горсей говорит об уничтожении «прежних долгов» вообще, Флетчер — об уничтожении жалованных грамот монастырям.

Русского государства и действительные злоупотребления некоторых из «государевых слуг» сделали опричнину непопулярной; в течение многих лет ее существования Грозный объявлял через своих послов, что у него «опричнины нет»; в 1572 г. он и формально пошел на ее отмену. Реформа 1564 г., проведенная Грозным, в значительной степени осуществила поставленную им цель; родовитое боярство в основном было разгромлено. Но мог ли Грозный считать, что враги его полностью обессилены? Из послания Симеону Бекбулатовичу мы знаем, что в 1575 г. царь решил вновь провести «перебор людишек», прибегнув для этого к фиктивному разделению государства на владения «великого князя всея Руси» Симеона и «Иванца Московского». Нам не известны полностью ни формы этого разделения, ни весь объем мероприятий, проведенных с осени 1575 г. по осень 1576 г. (когда «великий князь» Симеон был сведен с престола «всея Руси» и получил «великое княжение Тверское»); мы не знаем также, почему Иван Грозный считал, что «маскарад» 1576 г. меньше взволнует «злокозненных подданных», чем опричнина. Ясно одно: несмотря на неудачи и разочарования 1564—1572 гг., царь вновь вернулся к своей прежней политике, «обозрительно» (осмотрительно) «перебирая людишек» и продолжая «носить меч в месть злодеям, в похвалу же добродеем».

Такая настойчивость, способность после временных неудач снова возвращаться к прежней политике, составляет характерную черту Грозного. Эта особенность бросается в глаза при изучении его внутренней политики: она присуща и его внешней политике.

II

Вопросы внешней политики не меньше, чем вопросы внутренней политики, были предметом споров и борьбы между царем и «крестопреступниками».

В 1552 г. войсками Ивана Грозного было завоевано Казанское ханство; в 1556 г. к Русскому государству была присоединена

нена и Астрахань. Крымский хан, с начала XVI в. ставший опаснейшим врагом Руси, превратился теперь в непосредственного соседа царя; наступление на Крым стало реальным делом. Но крымский хан был не единственным врагом Руси. Одновременно с войной на Волге войска Ивана IV вели военные действия в Прибалтике — в 1557 г. они нанесли поражение шведскому королю Густаву Вазе. И здесь первоначальные успехи русского оружия можно было развить дальше: невыплата Ливонским орденом дани, установленной еще при Иване III (в 1503 г.), давала повод для нового наступления в Прибалтике.

Каково будет дальнейшее развитие русской внешней политики? С конца 50-х годов вопрос этот стал предметом серьезных разногласий в московских правящих кругах.

В первом послании Курбскому царь говорит об этих разногласиях с достаточной ясностью и определенностью — гораздо яснее, чем о разногласиях по вопросам внутренней политики. С горечью вспоминает он те «словесные отягчения» и «супротивословия», которые ему пришлось выслушать от своих советников — друзей и единомышленников Курбского, в связи с начатой им Ливонской войной. «Како же убо вспомяну, — восклицает он, — о гермонских градах супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукавого ради напоминания Датц[к]ого короля, лето цело дасте безлепо рифлянтом збиратися?». Говоря об этом «лете» передышки, полученном ливонцами и использованном ими для перехода под власть польского короля, царь имеет в виду перемирие, данное Ливонии по ходатайству короля Датского с марта по ноябрь 1559 г. Сопоставив замечание царя с летописью, мы легко сможем понять, почему Сильвестр, Адашев и другие их единомышленники настояли в этот момент на удовлетворении «лукавого напоминания» короля Дании: как раз в это же время (летом 1559 г.) брат Алексея Адашева Даниил вел военные действия на юге против Крыма и Турции.

О стремлении единомышленников Курбского вести войну именно в южном направлении царь в первом послании говорит столь же определенно, как и об их отрицательном отношении к Ливонской войне. Он иронически называет кратковременные успехи, достигнутые во время экспедиций Даниила Адашева и Вишневецкого на Днепр и Дон, «вашими победами, еже Днепром и Доном»; он всецело возлагает на Курбского и его друзей ответственность за неудачный поход И. В. Шереметева (будущего кирилло-белозерского монаха Ионы) на крымского хана: «еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению случилась такова пагуба православному христианству». Этим бесплодным набегам на Крым царь прот вопоставляет свою тактику: постепенную колонизацию «пустых мест» на юге, умиротворение «бесерменских» (мусульманских) сил и привлечение их «на помощь православию» в Ливонской войне.

Известия о разногласиях по внешнеполитическим вопросам, содержащиеся в первом послании Курбскому, находят полное подтверждение и в других источниках. Если многие другие обвинения, выдвинутые царем в этом послании, относились, как мы видели, фактически не к Курбскому и его друзьям по «избранной раде», а к «болярам» вообще, то в данном случае царь действительно имел в виду «князя Андрея Курбского с товарищи». В этом мы сможем убедиться, обратившись к сочинениям самого Курбского: уже после своего бегства за границу «изменник государев» продолжал доказывать, что царю следовало воевать с Крымом и что такую тактику рекомендовали ему «мужи храбрые и мужественные», но царь их не послушал. В грамотах в Крым, посланных Иваном в начале 60-х годов, царь также указывал, что в предшествующие годы его ссорили с «царем» (ханом) Адашев, Ив. Шереметев и другие лица, на которых он ныне «опалу свою положил».

Известия о разногласиях по вопросам внешней политики, содержащиеся в первом послании Курбскому, не остались неизвестными для историков. Особенное внимание уделили

им С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров, воскресившие в историографии XIX в. старинный спор XVI в.: какой из двух внешнеполитических путей был правильным?¹

Мнение Костомарова, защищавшего походы на юг и видевшего в Ливонской войне только неудачное продолжение прежних оборонительных войн против прибалтийских рыцарей, конечно не может быть принято. С государственной точки зрения Грозный был, несомненно, прав, ведя войну на западе, а не на юге (на невозможность войны за черноморское побережье в XVI в. справедливо указал уже С. М. Соловьев). Но дело было не только в том, что Иван Грозный лучше понимал интересы государства, чем его противники. Внешнеполитические взгляды его врагов вытекали, очевидно, из их общего мировоззрения, были как-то связаны с их социальной природой. В чем же заключалась эта связь? В исторической литературе нередко можно встретить указания на то, что у виднейших представителей княжья и боярства были специальные интересы на юге, что война с Крымом была нужна им для защиты их южных (заокских) владений.² Но в сочинениях Курбского речь идет не об обороне юга (сторонником обороны был и Грозный), а о наступлении на Крым. Такое наступление, в случае его удачи, обеспечило бы за Русским государством богатые черноземные территории слободской Украины и «Поля»; территории эти, как всегда бывало с новоприсоединенными к Московскому государству землями, поступили бы в первую очередь в пользование служилым людям. Почему же Курбский и его единомышленники заботились о присоединении этих земель? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сопоставить внешнеполитическую программу этой группы с ее социально-политической программой в целом. Как известно, Курбский и его единомышленники примыкали к «нестяжателям» — сторонникам секуляризации церковных земель. Совре-

¹ С. М. Соловьев, ук. соч., стр. 106—107; Н. И. Костомаров, ук. соч., стр. 218—239.

² Ср.: П. А. Садиков, ук. соч., стр. 13.

менная историческая наука объясняет это тем, что «ликвидация церковных владений и превращение церковных земель в государственный фонд были выгодны крупному боярству, так как этим путем вопрос о земле, необходимой государству для испомещения служилых людей, разрешался за счет церковной, а не боярской земли».¹ Но если это так, то надо признать, что южные земли, которые можно было бы добыть в войне с Крымом, не в меньшей степени, чем церковные, могли спасти бояр от потери их собственности. Война на западе, напротив, не обещала значительных земельных приобретений, а в случае затяжки грозила серьезными тяготами для государства вообще и для служилых людей в частности. Бояре могли предвидеть, что выход из этих тягот государство найдет в конфискации боярских земель, что, как известно, и случилось во время опричнины.

Грозный не хуже Курбского и его единомышленников знал достоинства южнорусских земель и уж во всяком случае больше Курбского заботился об интересах помещиков. И если он не пошел по пути, предложенному «избранной радой», и решился на войну на западе, то дело было, очевидно, в том, что землям он предпочитал море, которое виднелось ему за прибалтийскими территориями. «Сознательной целью» Грозного «было дать России выход к Балтийскому морю».²

Ливонская война началась в 1558 г.; первый год войны был ознаменован рядом блестящих успехов — были взяты Нарва, Юрьев (Тарту, Дерпт) и ряд других городов. Но с 1559 г. положение изменилось — в войну вмешались новые силы. Может быть Грозный и преувеличивал, когда писал (в первом послании Курбскому), что «литаоньский и гофинский язык [Польша и Швеция]» сумели вмешаться в войну по вине

¹ История СССР (второе изд.), т. I, М., 1948, стр. 284—285. Сходную мысль высказывает и И. У. Будовниц (ук. соч., стр. 93—94, 131), но он предполагает, что бояре и «сами не прочь были воспользоваться монастырскими богатствами».

² К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165.

Курбского и его единомышленников, т. е. благодаря передышке, полученной ливонцами в 1559 г.; напуганные новым усилением Московского государства соседи Ливонии раньше или позже всё равно вмешались бы в эту войну, если бы этого перемирия и не было. Но верно, что именно 1559 год был переломным годом в истории войны — вмешательство польского короля (в сентябре 1559 г. принявшего центральную и южную Ливонию под свой протекторат) сразу чрезвычайно усложнило обстановку. А за польским королем готовились выступить и другие силы — война, начатая против Ливонии, постепенно приобретала международный характер.

Стремительное наступление русских сил в Ливонии произвело большое впечатление на Западе. В исторической литературе часто приводятся слова протестантского публициста Юбера Ланге (из его письма Кальвину), относящиеся к самому началу этой войны: «Если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой», — сказал Ланге о Московии. Но если западноевропейские политики проявляли столь тревожное внимание к русскому наступлению в Прибалтике, то и русские политические деятели хорошо понимали, какую роль в ходе Ливонской войны могут сыграть державы Запада и, в частности, то государство, с которым Русь уже с конца XV в. имела постоянные сношения — «Священная Римская» (Германская) империя. Позиция габсбургских императоров, не только номинально считавшихся сеньерами Ливонского ордена, но и фактически связанных с ливонскими «германами», постоянно учитывалась Грозным в его политике, — учитывается она и в его посланиях.

Первая попытка Габсбургов вмешаться в Ливонскую войну относится к 1560 г. Русско-крымские и русско-турецкие столкновения в конце 60-х годов не остались незамеченными в Западной Европе: главные враги султана в Европе — Габсбурги (как германский император Фердинанд, так и его влиятельный родич — испанский король Филипп II) — не менее Курбского и его единомышленников радовались этим.

столкновениям.¹ Неожиданный поворот в русской политике не мог их не разочаровать, — в 1560 г. император Фердинанд I обратился к Ивану Грозному с просьбой прекратить войну против его вассалов. Ответное послание Грозного, к сожалению, дошло до нас не в подлиннике, а лишь в переводе (латинском и немецком), — иначе оно, несомненно, должно было бы быть помещено в собрании посланий царя. Грозный в этом послании ставил перед собой трудную задачу: он ни в малейшей степени не собирался отказываться от столь успешно начатой войны, но, вместе с тем, он не хотел и излишне раздражать своего влиятельного адресата, прибавляя к списку своих врагов еще одного.

Послание Грозного Фердинанду I начинается с несколько неожиданного утверждения: царь выражает уверенность, что после его разъяснения император не только откажется от поддержки ливонцев, но сам обратит на них свою «немилость и гнев». Дело в том, что ливонцы совершили величайшее преступление: они «преступили заповедь Божию» и «впали в Лютерово учение». В этом и заключается причина Ливонской войны: царь только потому и начал ее, что потерял надежду на обращение ливонцев «к справедливости и старому закону».² Легко заметить своеобразие этой аргументации: Иван Васильевич ведь отлично знал, что «старый закон», которого придерживались ливонцы до «впадения в лютерово учение», был католи-

¹ См. ниже, в комментарии к посланию Елизавете, прим. 3.

² Латинский текст этого послания издан в книге Ciampi «Bibliografia critica delle . . . corrispondenze . . . della Italia colla Russia» (Firenze, 1834, p. 252); русский перевод с этого латинского текста см. в книге Любич-Романович «Сказания иностранцев о России XVI—XVII вв.» (СПб., 1843). Послание Грозного почти сразу было издано на Западе на немецком языке в виде брошюры («летучего листка»): «Ein ernstlicher Sendbrief und gewisse Antwort des Gross. Moscowit. Herrn» (1561). Существует другой немецкий перевод с этой грамоты, тоже сделанный современником [издан в «Копенгагенских актах» Ю. Щербачева (Чт. ОИДР, 1915, т. IV, стр. 147)], но с исправлением резких антипротестантских мест.

ческим «законом». Православный царь, всю жизнь презиравший «латынскую ересь», заявлявший католикам: «вы же сами себя от божественного крещения и любви крестьянские отогнали есте, понеже бысте враги креста Христова», ругавший папу «волком», выступает в качестве католического крестоносца! Впрочем, причину такого неожиданного выступления понять не трудно: Грозный очень хорошо знал, какое место занимала в политике Габсбургов идея католической контрреформации. Фердинанд I много лет воевал против «лютерова учения» в Германии, его племянник Филипп II испанский уже готовился стяжать лавры первого врага Реформации. Выступая против «лютерова учения», действительно очень широко распространившегося в Ливонии, Грозный задевал весьма чувствительную струну габсбургской политики.

Остроумный ответ Грозного, вызвавший большой интерес на Западе, не мог, конечно, примирить Габсбургов с его новой политикой: не вступая прямо в войну, император всячески старался воспрепятствовать русским в Ливонии. Однако даже после ответа царя и после нескольких лет продолжения Ливонской войны, Габсбурги все-таки не потеряли надежды отвести «Московита» от войны на Западе и обратить его против «Турка». В 1566 г., во время серьезного наступления турок на габсбургские владения (осада Сигета), к Грозному обратился новый император (сын Фердинанда I) Максимилиан II. Формальным поводом для этого обращения было ходатайство за бывшего ливонского магистра Фюрстенберга, попавшего в плен к русским, но одновременно император не упустил случая напомнить царю о желательности возобновления войны против «бешеных псов — турок», с которыми Русь не так давно воевала. Обращение это не явилось для царя неожиданностью: из донесений своих послов в Крыму он знал уже о войне в «Можарской земле» (Венгрии). Грозный опять ответил императору с дипломатической тонкостью: в своем послании (также, к сожалению, дошедшем до нас только в переводе) он заявил, что охотно помог бы «цесарю»,

особенно теперь, когда тот находится в «весьма опасной распрес турками», но для этого необходимо два условия: чтобы ливонцы перестали ему «несправедливо противоборствовать» и покорились и чтобы польский король не беспокоил его «несправедливыми и беспрерывными войнами».¹ Это, конечно, был отказ: Грозный давал понять, что он намерен довести до конца Ливонскую войну и не собирается ради Габсбургов отказываться от этой войны и ввязываться в «опасную распрю» с султаном. По существу у царя не было никаких оснований огорчаться из-за того, что Габсбурги отвлечены от северно-европейских дел войной на юге: одновременно с вежливым отказом императору царь послал крымскому хану (вассалу султана и участнику войны в «Можарах») свои поздравления по поводу крымско-турецких успехов в войне с «цесарем» и выразил пожелание, «чтобы недруги наши под ногами нашими были».²

Третья попытка Габсбургов столкнуть русского царя с султаном, относящаяся к осени 1569 г., вновь возвращает нас к сюжету, затронутому парем в первом послании Курбскому, — к разногласиям между Грозным и его пражскими «советниками» по вопросам внешней политики. За годы, прошедшие с начала Ливонской войны, многие из этих «советников» успели сойти с исторической сцены, некоторые из них, в первую очередь А. М. Курбский, успели превратиться в «крестопреступников». Но это не значит, что внешнеполитические планы, воодушевлявшие этих «крестопреступников» прежде, потеряли свое значение, — напротив, именно потому, что поворот во внешней политике, происшедший в конце 50-х годов, совпал с разгромом боярства, представители этого класса могли надеяться, что новый внешнеполитический поворот принесет им пользу.

¹ Латинский текст этого послания Грозного (по списку миланской библиотеки) издан М. Крашенинниковым в ЖМНП [1896, кн. 1 (ч. 303), стр. 200].

² ЦГАДА, Крымская посольская кн. № 12, л. 367 об.

Неизданные до сих пор документы, находящиеся в Венском архиве, раскрывают нам весьма интересный, хотя и совершенно неизвестный русским историкам факт: *прямую и непосредственную связь между эмигрантом Курбским и Габсбургами*. Через 5 лет после своего бегства из России «изменник государев», недавно принимавший участие в русско-польской войне на стороне Сигизмунда II Августа, обратился к императорскому агенту в Польше с неожиданным предложением: заключить союз между императором и русским государем против султана. Максимилиан II, извещенный о предложении Курбского своим агентом, аббатом Циром, отнесся к этому предложению с полным вниманием: в течение целого года Цир, действовавший, конечно, по инструкциям императора, вел переговоры с «дражайшим (carissimus) Курбским»¹ и систематически информировал об этих переговорах Максимилиана II.

В чем же заключалась цель Курбского, на что он рассчитывал, обратившись к императору с таким предложением? Несмотря на то, что отношения между беглым князем и польским правительством в эти годы явно ухудшились, «князь Ковельский» (как именовал себя Курбский в Польше) занимал, как-никак, определенное общественное положение, был даже допущен в королевскую раду и, конечно, не стал бы затевать такое дело, если бы не имел надежды на его реальное осуществление.

Главное, что давало Курбскому надежду на осуществление его планов, было, конечно, резкое ухудшение русско-крымских и русско-турецких отношений в эти годы. В 1569 г. турецкий султан Селим II попытался изгнать русских с Волги и подступов к Кавказу. Попытка турок перейти с Дона на

¹ История этих переговоров излагается автором настоящей статьи в специальной работе (принятой к изданию в «Исторических записках» АН СССР) по материалам Венского архива (Wiener Staats Archiv, Polonica, Berichte Cyrus 26 Nov. 1569—26 July 1570), полученным (в виде машинописных копий) благодаря любезности Р. С. Ланина.

Волгу и овладеть Астраханью не удалась; однако с 1569 г. Грозный уже никак не мог быть спокойным за свои южные границы: крымский хан, перед лицом явной враждебности своего патрона — султана — к Ивану Грозному, тоже переменил тон, стал требовать территориальных уступок, «поминок» (дани) и угрожать нападением. В кругах «крестопреступников» в Польше не случайно получил распространение специальный рассказ о нападении на Астрахань: ¹ единомышленники Курбского надеялись, что события 1569 г. заставят царя вспомнить «супротивословия» «добрых и мужественных». Как истый боярин, Курбский считал свою измену обыкновенным «отъездом», подобным тем, которые нередко совершались в Литовской, да и в Московской Руси (до Грозного), и не были бесповоротным актом. Заключив для Русского государства в трудный момент турецко-татарского нападения соглашение с одним из сильнейших государств Западной Европы, Курбский, по его мнению, мог рассчитывать на почетное возвращение в Россию.

План совместного нападения на Турцию, частично изложенный Курбским Циру (полностью изложить свой план Курбский соглашался только лично императору, для чего просил под каким-нибудь предлогом пригласить его к императорскому двору), несомненно весьма привлекал Габсбургов: после войны 1566 г. император непрерывно ожидал турецкого нападения и готовился к войне. Но можно ли было рассчитывать на сочувствие этому плану со стороны Ивана IV? Нет необходимости доказывать, что «посредник», с которым имели дело Габсбурги, никак не мог быть доверенным царя. Грозный еще менее склонен был снисходить к «отъездам», чем его предки, уже с XV в. начавшие войну с этим пережитком феодальной раздробленности. И в 1569 и в 1574 г., отправляя своих послов в Польшу, царь неизменно наказывал им: «с Курбским, ни с ыными которыми изменники никоторых речей не говори, а молвити:

¹ См. в «Археографическом обзоре», стр. 550, 551.

с изменниками которого ся доброго дела договорити?».¹ Но неудачны были не только личные планы Курбского. План союза против Турции в целом тоже был весьма сомнителен. Конечно, после 1569 г. Грозный не мог быть спокоен за свои южные границы и принужден был думать о возможной войне с Крымом и Турцией. Но отказываться ради этой войны от Прибалтики, на приобретение которой было затрачено столько сил, он не желал: как мы помним, на просьбу о помощи против турок, посланную императором в 1566 г., царь ответил, что может оказать эту помощь только при условии прекращения «противоборства» со стороны Ливонии и польского короля.

На что же рассчитывал сам Грозный? Какую политическую линию противопоставлял он планам императора и «крестопреступников»? Всеми мерами стараясь сохранить *status quo* на южной границе Руси, убеждая султана и хана (даже после 1569 г.), что между ними и Русским государством «ныне вчиняется недружба неведомо за что»,² Грозный понимал вместе с тем, что для успешного ведения Ливонской войны ему надо иметь союзников в Европе. Габсбурги были враждебны русскому продвижению в Прибалтике — необходимо было найти какие-то силы, враждебные им или по крайней мере независимые от них.

И Грозному удалось найти такие силы. Новый шведский король (сын Густава Вазы) Эрик XIV не менее Грозного испытывал политическое одиночество в тогдашней Европе. В войне с Данией, начатой им в 1563 г., симпатии Габсбургов были явно на стороне его соперника — датского короля. В 1565 г. император объявил о блокаде Швеции по образцу объявленной им за несколько лет до этого блокады русской Нарвы. Эти обстоятельства не могли не заставить Эрика XIV пересмотреть традиционную враждебную политику своих предков в отноше-

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 543 и 778.

² Крымская посольская кн. № 13, л. 207—208 об; Турецкого Двора кн. № 2, л. 1—9.

нии Москвы; несмотря на соперничество в Ливонии (Эрик XIV взял под свою власть Ревель—Таллин) шведский король в 1564 г. пошел на перемирие с Иваном IV, а в 1566 г. предложил русскому царю заключить союз. В 1567 г. в Александровской слободе был заключен договор о союзе и взаимной помощи между обоими государствами (Ливония должна была быть поделена, причем большая часть ее доставалась Русскому государству); Иван добился также включения в договор пункта о свободном проезде иностранных мастеров на Русь. Для окончательной ратификации этого договора летом 1567 г. в Швецию было послано русское «великое посольство» во главе с И. М. Воронцовым.

Швеция была не единственным государством, с которым Иван IV пытался завязать дружбу в те годы. Английская королева Елизавета, вступившая на престол в 1558 г. (одновременно с началом Ливонской войны), еще менее Эрика склонна была ужасаться «нашествию варваров-москвитов» на далекую Ливонию. Занявшая вскоре после своего вступления на престол самостоятельную позицию в отношении Габсбургов, английская королева охотно содействовала выгодной для Англии торговле с Москвией и, вопреки увещаниям императора и польского короля, не соглашалась поддержать блокаду Нарвы. У Ивана Грозного, естественно, возникла мысль, что экономическое содружество может быть превращено в политический союз. Условия этого союза, предложенного царем Елизавете, не могут не показаться нам сходными с только что перечисленными условиями союза с Эриком: Иван предложил Елизавете, «чтобы ее величество была другом его друзей и врагом его врагов и также наоборот», и потребовал свободного проезда иностранных мастеров на Русь. Дата этого выступления также примечательна: Иван IV вызвал к себе Дженкинсона осенью 1567 г., т. е. как раз в то время, когда московские послы, отправленные в Швецию, вели переговоры об окончательной ратификации русско-шведского союза. Нет ли связи между этими двумя проектами? Пробелы в русских источни-

ках ¹ не дают возможности доказать (или опровергнуть) это предположение; но косвенное подтверждение его можно найти в иностранных материалах. Из них мы узнаем, что Эрик XIV тоже в течение многих лет стремился к союзу с Елизаветой, и что у него уже в 1561 г. возникал план шведско-русско-английского союза.²

Итак, в 1567 г. Иван IV сделал попытку вступить в союз с двумя государствами Западной Европы. Союз этот, несомненно, мог бы помочь ему при ведении Ливонской войны. Но осуществить этот союз ему не удалось.

Английская королева не приняла предложения Грозного. Став на путь осторожной оппозиции габсбургской политике, Елизавета, однако, была очень далека от каких-либо активных внешнеполитических планов и боялась серьезного столкновения с Габсбургами. Вмешиваться в войну на Балтике, вступить в союз с далекой Москвией — все это никак не входило в ее намерения. Своим послам, ехавшим к царю, она приказала отвечать на его предложение «благопотребными речами» и фактически отказалась от заключения договора.

На пути русско-шведского союза стало другое препятствие: государственный переворот в Швеции. В 1568 г., во время пребывания русских послов в Стокгольме, Эрик XIV, энергично проводивший абсолютистскую политику в Швеции, был свергнут с престола феодальной знатью, и к власти пришел его брат Иоганн III, сторонник союза с Польшей и злейший враг Москвы. «Ограбленные и обещенные» русские послы были (после нескольких месяцев заточения) отправлены на Русь; о союзе теперь, конечно, говорить не приходилось.

Послание Елизавете 1570 г. и два послания Иоганну III, печатаемые в настоящем издании, отражают эту дипломати-

¹ В «Шведских делах» Посольского приказа отсутствуют как раз дела за 1562—1568 гг. (см. комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 8); «Английские дела» Посольского приказа начинаются только с 1581 г.

² Ср.: Г. В. Ф о р с т е н. Балтийский вопрос в XV—XVII вв., т. I, СПб., 1893, стр. 354—355.

ческую неудачу Грозного. Для того чтобы понять их, необходимо учесть изложенную выше международную обстановку, а также и конкретную военную обстановку тех лет: с конца 1560 г., т. е. с момента вмешательства в Ливонскую войну новых сил (Польши, Швеции и Дании), и до начала 70-х годов русские войска не добились никакого продвижения на ливонском фронте (в 1570 г. окончилась неудачей попытка завоевать Ревель). И в такой трудный для «скифетродержателя Российского царства» момент государи Англии и Швеции, двух государств, которые, по представлению Грозного, были «честью ниже» Руси, срывают предложенный им союз. Гневом и презрением преисполнены послания царя в Англию и Швецию. Поведение Елизаветы он объясняет тем, что она вообще «пошлая [обыкновенная] девица», за которую правят «мужики торговые»; в посланиях Иоганну III он не делает различия между новым королем и свергнутым Эриком, трактуя весь род Ваз как подозрительных проходимцев «мужичьего» происхождения, уклоняющихся от выполнения своих международных обязательств под предлогом государственных переворотов: «И то уж ваше воровство всё наруже: опрометывается как бы гад — разными видами».

Но приведенные послания — не только памятник неудачи. Уже в августе 1572 г., когда царь писал свое первое послание шведскому королю Иоганну III, перед ним вставали контуры нового военно-дипломатического плана; в 1573 г., когда была написана вторая грамота шведскому королю, план этот уже начал осуществляться.

Поворот во внешней политике Грозного был в значительной степени связан с событиями «польского бескорольевья». Смерть последнего Ягеллона, безвольного Сигизмунда II Августа, сама по себе едва ли могла бы считаться крупным событием; но благодаря существовавшей в Речи Посполитой уже к тому времени феодальной анархии, прекращение династии вызвало длительный период безвластия: польское «бескорольевье» длилось фактически с 1572 по 1576 г. с перерывом на несколько месяцев. Для Грозного это «бескорольевье» оказа-

лось чрезвычайно благоприятным обстоятельством: из борьбы за Прибалтику выбыло государство, больше всех «противоборствовавшее» царю в предшествующие годы. «Польское бескорольевье» отвлекло от ливонских дел и Габсбургов: всецело занятый борьбой за польский престол, император теперь смотрел на русского царя, главным образом, как на силу, могущую сыграть важную (и, может быть, благоприятную для Габсбургов) роль в ходе польской «элекции». А во время «бескорольевья» он не имел и фактической возможности вмешиваться в Ливонскую войну.

Роль «польского бескорольевья» в истории Ливонской войны, несомненно, недостаточно учтена исследователями: в исторической литературе обычно в центре внимания оказывается лишь начало войны (1558—1561 гг.), а между тем стоит перечислить русские завоевания в Прибалтике в 70-х годах, чтобы понять, как блестяще сумел Грозный использовать прекращение польского «противоборства».

Уже летом 1572 г., в первом послании Иоганну III, Иван IV обещал ближайшей зимой показать шведскому королю, имевшему неосторожность сказать, что русские «просили» у него мира, «как мы и люди наши учнем у тебя миру просить». Подготовка к этой величественной «демонстрации» началась с конца 1572 г. Шведы владели в это время в Ливонии сравнительно небольшим куском территории в северной Эстонии; наемные шведские «гофлейты», грабившие местное население, были весьма непопулярны в стране. Отлично понимая, как важно обеспечить себе хотя бы пассивную поддержку населения, Грозный еще за несколько лет до этого разработал план создания в Ливонии вассального королевства; «королем Ливонии», «голдовником» (вассалом) царя, был провозглашен герцог Магнус, брат датского короля Фридрика II. Однако первая попытка создания «Ливонского королевства» не удалась — после военной неудачи под Ревелем в 1570 г. вассальный «король» решил было отказаться от высокой чести, предложенной ему царем, и удалился на остров Эзель, принадлежавший

датчанам. Теперь Грозный вновь возобновил договор с Магнусом, вновь пожаловал ему его временную резиденцию город Полчев (Пылтсама, Оберпален) и некоторое время спустя обвенчал его со своей племянницей. Договор с «королем Ливонии» обеспечивал Грозному не только сочувствие населения (по словам современников, Магнус, обещавший сохранить Ливонии местные права и обычаи, «явился утехой и убежищем почти всех ливонцев, переходивших толпами к этому государю»), но также поддержку брата Магнуса, короля Дании, а возможно и косвенную поддержку императора: датский король был союзником Габсбургов и энергично добивался их согласия на создание «Ливонского королевства».

1 января 1573 г. русские войска штурмом взяли крепость Пайду (Вайссенштейн), крупнейший (после Ревеля) опорный пункт шведов в Ливонии. Через несколько дней после этого, возвращаясь из завоеванного города, царь отправил шведскому королю свое второе послание, для большей внушительности пометив, что оно написано из «нашей вотчины Лифляндские земли города Пайды». В послании царь заявил, что он не перестанет «доступать» Ливонию, «докудова нам ее бог даст».

Из шведских владений царю предстояло «доступать» в Ливонии уже немного: из крупных крепостей у шведов оставался, в сущности, один Ревель. Наученный печальным опытом неудачной осады 1570 г., Грозный на этот раз не сделал попытки взять эту мощную крепость, а поставил перед своими войсками другую задачу: выйти непосредственно к морю, обойдя Ревель с юга. В 1573 г., эта попытка не удалась; но уже в начале 1575 г. войскам Магнуса удалось овладеть крепостью Салис на берегу Рижского залива (ныне г. Салацгрива Латвийской ССР), а в июле того же года русские войска взяли крупную приморскую крепость Пернов (Пярну). Ливония была окончательно разрезана на две части.

1576 год принес новые успехи. В начале этого года русскими войсками были взяты «Коловеръ», «Лиговер», «Апсол» и «Падца» [Лоде, Леаль, Гапсаль (Хапсалу) и Падис] — города

в крайней северо-западной оконечности Ливонии. Теперь русские владения выходили не только к Финскому и Рижскому заливам, но непосредственно к Балтийскому морю; в руках Грозного находилось почти все побережье от Ревеля до Риги (в том же году «голдовник» царя, Магнус, завладел крепостью Лемзаль, находившейся верстах в 60 от Риги).

На четвертый год «польского бескорольевья» Грозный мог уже серьезно думать о близком завершении Ливонской войны. Правда, в 1576 г. «польское бескорольевье» окончилось: в Польше появился король — Стефан Баторий. Но на первых порах царю во всяком случае не приходилось опасаться этого нового соседа: он очень хорошо знал, что Баторий избран только частью сейма и что значительная часть страны поддерживает другого кандидата (избранного сенатом) — германского императора Максимилиана II. «Бескорольевье» сменилось междоусобной борьбой, не прекратившейся и после внезапной смерти Максимилиана II в октябре 1576 г.: даже после смерти императора один из важнейших портовых городов Польши — Гданьск — продолжал оказывать неповиновение Баторию, не признавая его королем. Мало того, — по сведениям, полученным Баторием, мятежные гданчане имели «поразуменье» (соглашение) «з Московским и з Макгнусом». Крайне смущенный этим обстоятельством, польский король всячески старался умиротворить «Московского» и уж конечно никак не мог противодействовать ему в Прибалтике.

Такова была обстановка, в которой происходил поход на польскую Ливонию в 1577 г. — один из самых удачных военных походов Ивана IV. Такова была обстановка, в которой возникла группа посланий царя, написанных во время этого похода, — один из наиболее интересных памятников творчества Грозного.

III

Иван Грозный имел основания для того, чтобы, подводя итоги походу 1577 г., писать в одном из своих посланий: «ныне вся Лифлянская земля учинилась в нашей воле». Поход 1577 г.

был задуман как последний, завершающий поход Ливонской войны, — отсюда и грандиозные масштабы похода и личное участие в нем Грозного, Симеона Бекбулатовича, недавнего «великого князя всея Руси», и «ливонского короля» Магнуса (ведшего по соглашению с царем военные действия в центральной Ливонии). Обстоятельства подтверждали оптимистические ожидания царя: 13 июля 1577 г. царь со своей армией двинулся из Пскова на юг — в южную Ливонию, захваченную в начале Ливонской войны польским королем, и почти сразу же ливонские крепости, эти «претвердые германские грады», стали одна за другой сдаваться русской армии. Власть польского короля давно уже была непопулярна в Ливонии; пять лет анархии еще больше подорвали ее авторитет. Без сопротивления Грозному сдались города Влех (Мариенгаузен), Лужа (Лудза, Люцен), Режица, Невгин (Двинск). Дойдя до Двины, русские войска повернули на север, — и здесь их ждал почти такой же прием: за исключением небольшого города Чиствина (Зесвегена), который в течение одного дня оказывал сопротивление царю, все остальные города сдавались сразу же.

Единственное, что несколько смутило триумфальное настроение царя, было известие (полученное им в конце августа) о самовольных действиях его «голдовника», Магнуса. Согласно приказу, полученному им от царя в Пскове, Магнус, владевший уже в центральной Ливонии крепостями Каркусом, Салисом и Лемзале, мог несколько расширить свои владения на юг с тем, чтобы южной границей его владений стала река Говь (Гауя); южнее этой реки он имел право присоединить только один город — Кесь (Цесис, Венден — старинную столицу ордена), все остальное должно было принадлежать царю. Магнус же, ободренный своими первыми успехами, сделал попытку овладеть всем побережьем Двины, разослав по городам Подвинья грамоты с предложением переходить под его власть; население этих городов, недовольное польской властью, охотно последовало этому предложению. Возмущенный само-

вольством «голдовника», Грозный 25 августа послал ему грамоту с энергичным выговором. Грамота эта, сохранившаяся в «разряде» похода 1577 г.¹ и стоящая несколько особняком от остальных посланий этого года,² тем не менее весьма характерна для литературной манеры царя:

«Милосердия ради милости бога нашего, в них же посети нас восток свыше, во еже направить ноги наша на путь мирен, сей убо в троицы славимаго бога нашего милостию удержанием скифетры Росискаго царствия, мы великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси [*следует полный титул*], голдовнику нашему Арцымагнусу королю Крестьяновичу, отчичу и дедичу Норбецкому, арцугу Слезвицкому, Олченскому, Скорманскому и тех Делмарских, графу Олдьнбарскому и Делманскому. Прислали к нам твои люди, а того не ведомо хто имянем писал, твою грамоту; а в твоей грамоте писано, что тебе сдались: город Кесь, город Нитов, город Шкуин, город Зборск, город Голбин, город Чествин, город Тыржин, город Пиболда, город Лавдун, город Барзун, город Канцлов, городок Ерла, городок Фес, городок Леневард, городок Воршевад, городок Суижел, город Роденбжь, городок Какенгауж. И по той по твоей грамоте, сложась с нашими недруги, нашу вотчину отводишь; а которая у них казна, и ты тое казну у нас теряешь; а как еси у нас был во Пскове, и мы тебе тех городов не поступывались, одну есмя тебе поволрили доставати Кесь, да те городки, которые на той стороне Гови реки, и ты в те городки вступился неподельно. И ныне мы божею волею свою отчину Вифлянскую землю очищаем, и бог нам в руки дал: город Влех, город Лужу, город Резицу, город Навгин, город Круцбор, город Голвин, город Чествин, город Левдун, город Барзун; Анцклава мыза выжжена, а Фелдатыржин мыза в нашей отчине, промеж тех го-

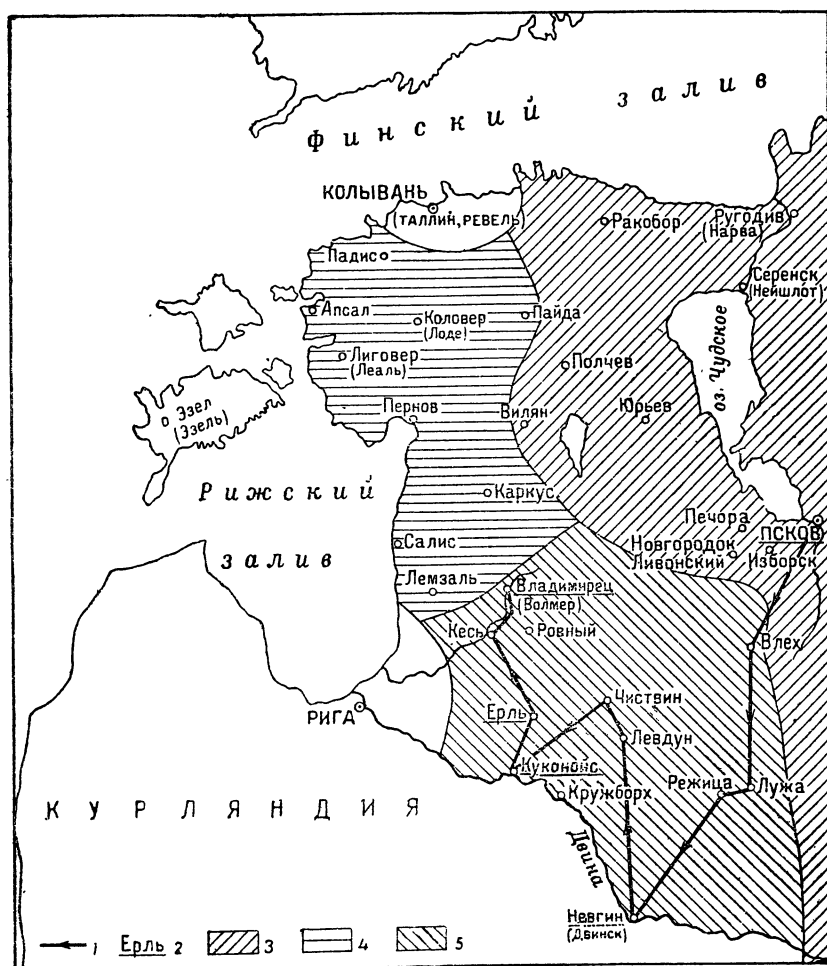
¹ Этот «разряд» издан в «Военном журнале» за 1852 и 1853 гг. (грамота Магнусу — в № 5 за 1853 г., стр. 94—96).

² Мы не поместили эту грамоту в основном тексте из-за затруднений археографического характера; приводим ее текст здесь.

родов, которые есмь взяли. И будет похочешь, и ты их у нас емли, а мы здесь с тобою блиско, и в тех городках с божею волею наши воеводы и люди сидят, и тебе о тех городках печись не пригоже, и без тебя их уберегут. А приставов в твои городки, сколько нам бог помочи подаст, столько пошлем их, а и сами сколько можем в пристовстве в твоих городках будем; а денги у нас и сухари, каковы лучились, таковы и везем; и будет не похош нас слушати, и мы наготове, а тебе было нашу вотчину отводить непригоже. А будет тебе не на чем на Кеси и на тех городках, которые за Говею, сидеть, и ты поди в свою землю Езел да и в Датцкую землю за море, а нам тебя имати нечево для, да и в Казань тебя нам ссылати — то лутчи; толко поедешь за море, а мы с божею волею очистим свою отчину Вифлянскую землю и обережем».

Самочинные (а по существу, как мы увидим, изменнические) действия Магнуса были тревожным симптомом: выше уже указывалось, что Магнус через своего брата был связан с Габсбургами. Но на первых порах выступление Магнуса не помешало дальнейшему «очищению Вифлянской земли»: Грозный перешел на Двину, сразу же забрал под свою власть города, присягнувшие было Магнусу, — Куконойс (Кокнесе, Кокенгаузен), Ерль (Эрлу) и другие; некоторое сопротивление было оказано только городами, предназначенными первоначально для Магнуса и отнятыми у него в наказание за самовольство, Венден (Кесь) и Вольмаром; но и эти города (Венден — после жестокого штурма) были заняты Грозным. Вся Ливония по Двину (т. е. вся собственно Ливония — Лифляндия и Эстляндия), за исключением только двух городов — Ревеля и Риги, была в руках русских.

Послания 1577 г. представляют собой своеобразный памятник этого похода. Выступая из Пскова, Грозный написал первое из них, адресованное Александру Полубенскому, вице-регенту Ливонии, возглавлявшему в то время польские силы к северу от Двины. Следующие послания были написаны в Двинске (польскому магнату И. Талвашу), в Куконойсе

Ливонский поход 1577 г.

1 — направление похода 1577 г.; 2 — города, откуда были отправлены послания царя; 3 — русские владения к 1572 г.; 4 — завоевания 1572—1577 гг.; 5 — завоевания, сделанные осенью 1577 г.

(Радзивиллу и польскому послу Крыйскому), в Эрле (в город Ригу) и, наконец, в Вольмаре (Стефану Баторию, Яну Ходкевичу, Курбскому, Таубе и Крузе, Тетерину).

Заслуживает внимания лицо, избранное Грозным для передачи последних пяти посланий. Это — Александр Полубенский, тот самый человек, которому было адресовано первое послание царя. Такое превращение бывшего адресата Грозного в его посланца тем более удивительно, что, как мы можем увидеть из псковского послания, Полубенский в начале похода ни в каком отношении не пользовался благоволением царя. Послание к нему — одно из самых ядовитых произведений пера Грозного: пародируя какую-то из грамот Полубенского, царь называет его «блазнем» (шутом), гетманом «разогнанного и блудящего» рыцарства, сравнивает его с дудкой, пищалкой и другими скоморошескими инструментами. Это и неудивительно: уже задолго до 1577 г. Полубенский был хорошо известен царю, как энергичный враг Москвы; он был близким свойственником Курбского, помогал ему в его незаконных сношениях с русскими землями после бегства за границу; вместе с Тетериным и Сарыхозиным Полубенский захватил обманом (выдав свое войско за опричников) в 1569 г. русскую крепость Изборск. А между тем, когда в конце похода Полубенский, выданный восставшими против него жителями Вольмара, попал в руки Магнуса, Грозный обнаружил по отношению к этому «блазню» необычайную заботливость: велел во что бы то ни стало разыскать его, сказать ему, «чтоб он не опасался ничево», что «царское величество милость ему покажет, пожалует, к королю его отпустит»,¹ и, действительно, выполнил это обещание, милостиво приняв Полубенского, а затем отпустив его со своими письмами. Сходную метаморфозу можно заметить и в отношении патрона Полубенского, «гетмана Лифлянской земли» Яна Ходкевича, — достаточно сравнить одно из посланий 1567 г., адресованное его дяде (от имени Воротынского), с посланием к нему в 1577 г.: в первом случае Ян Ходкевич упоминается как «племянник твой Янко», который хотел «осести Вифлянскую землю» и «кровопролитие христиан-

¹ Военный журнал, 1853, № 5, стр. 105—106.

ству учинити», во втором случае он выступает как «муж храбрый и велемудрый и дородный», достойный «начальствовать».

Столь явная перемена в обращении с обоими польскими полководцами заставляет нас отнестись со вниманием к сходным известиям двух ливонских источников¹ о тайных сношениях Полубенского с царем во время похода 1577 г.: согласно этим источникам, Магнус еще в начале похода изменил Грозному, вступив в переговоры с Баторием, но Ходкевич, презиравший ливонцев, открыл его измену Полубенскому, а Полубенский — царю. Насколько это известие верно, сказать трудно; дошедшее до нас официальное донесение Полубенского королю, написанное в форме дневника, во всяком случае никак не помогает решению этого вопроса; донесение это содержит много подозрительных пропусков и умолчаний (Полубенский упоминает измену Магнуса задним числом, ничего не рассказывая о том, как он узнал о ней), числа в нем странным образом перепутаны и т. д.² Умалчивает Полубенский и о той, несомненно предосудительной с точки зрения Батория, роли, которую он играл после пленения: как мы узнаём из официальных русских «разрядов», став пленником Грозного, Полубенский помог ему завоевать ливонский город Трикат, написав жителям этого города, чтобы они «государю царю не противили, видя такую мощь государя самого, войско и наряды великие».³

¹ Хроника Ливонии Б. Рюссова (Сборник материалов по истории Прибалтийского края, т. III, Рига, 1880, стр. 271—272); «*Apologia Reliquarum Livoniae*», напечатанная (в выдержках) в статье К. Busse «*Rembert Geilsheim*» (*Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands*, В. II, Heft III, Riga—Lpz., 1842, S. 419, 425, Anm. 36, 430, Anm. 40).

² Донесение Полубенского см.: Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III, М., 1900. Ср. комментарий к посланию Яну Ходкевичу, прим. 1.

³ Текст этой грамоты «его царского величества вязня» Полубенского (из «разряда» похода 1577 г.) — в «Военном журнале» за 1853 г., № 6, стр. 91—92. Курляндский хронист Геннинг даже прямо называл Полубенского «человеком» Ивана IV (*Scriptores regum Livonicarum*, II, Riga—Lpz., 1848, стр. 270).

Возможная связь таких польских политических деятелей, как Ходкевич и Полубенский, с царем становится понятной, если мы учтем, что в 1577 г. положение Батория, только что избранного на престол и еще не признанного всей страной, было крайне непрочным; Грозный же еще недавно считался одним из влиятельнейших кандидатов на польский престол и пользовался значительной популярностью в Литве. Что касается царя, то у него во всяком случае не было никаких оснований отвергать услуги этих лиц: теперь, когда «вся Лифлянская земля» учинилась «в его воле», он явно не хотел войны с Польшей, желая только, чтобы поляки признали совершившийся факт «очищения Лифлянской вотчины».

Победа казалась царю достигнутой, — послания 1577 г. должны были подвести итог законченной войне. Послания эти несомненно предназначались царем не только для их формальных адресатов: достаточно сравнить между собой списки XVII в., сохранившие перечисленную выше группу посланий,¹ чтобы убедиться, что они восходили к единому, заботливо составленному сборнику. Можно думать, что сборник этот был составлен еще при Грозном и составлен с определенной политической целью. Специальный характер этого сборника обнаруживается уже из его состава: сюда вошли все грамоты, рисующие блестящие успехи Грозного в 1577 г. (по большей части не включенные в официальные «Дела Польские» Посольского приказа), но не вошла сюда, например, приведенная выше грамота Магнусу (тоже написанная во время похода) и именно потому, что она говорила не об успехах, а о неудаче (хотя и частичной). Очевидно сборник посланий 1577 г. был составлен не для внутренних нужд Посольского приказа, а рассчитан на более широкие круги читателей.²

¹ См. «Археографический обзор», стр. 570.

² Такое соединение документальных памятников в сборники, имеющие определенный политический характер, не является, как известно, редкостью: для XIV—XV вв. это явление доказано на большом числе примеров Л. В. Черепниным в его исследовании «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (ч. 1, М.—Л., 1948).

Обращаясь к этим читателям — и из «Российского царства», и к другим «многим языцем», царь во всех посланиях 1577 г. повторял одну и ту же тему: о своих законных правах на Ливонию, подтвержденных ныне «божьим смотрением [провидением]». Тема эта проходит через все послания 1577 г. (отсюда ряд совпадений отдельных мест: о «хотении миру» со Стефаном-королем, о том, что в Ливонии уже нет места, «где бы нашего коня ноги не стояли», и воды, которой бы «не пили есмь», и т. д.), начиная с первого из них — послания Полубенскому. Для этого послания, написанного еще в Пскове в начале похода, царь широко использовал свои прежние сочинения: здесь мы читаем и изложение царской родословной из первого послания Курбскому, и рассказ о происхождении русских государей от Августа-кесаря, — все эти аргументы были мобилизованы царем для обоснования последнего, как он думал, похода на Ливонию. А в заключительных грамотах, написанных в Вольмаре, царь обращался к «крестопреступникам», некогда мешавшим и «супротивословившим» ему в начале Ливонской войны, приглашая их самих убедиться («и я таки тебя судию и поставлю»), кто был прав в законченном, наконец, споре.

Грозный торжествовал — и торжествовал не только как государственный деятель, добившийся политического успеха. Замечания царя о «божьем величестве», разрешившем, наконец, его спор с «крестопреступниками», подводят нас к новой, совсем неизученной историками стороне мировоззрения царя — к его философским взглядам. Взгляды эти раскрываются уже в другом, более раннем памятнике — в грамотах 1567 г., посланных Сигизмунду II Августу от имени бояр (цитируемое место дословно совпадает в грамотах трех разных бояр и с уверенностью может быть приписано их общему автору — парю). Отвечая на утверждение Сигизмунда II Августа, что «бог-сотворитель, человека сотворивши, неволи никоторые не учинил и всякою почестью посетил» и что, следовательно, человек по природе свободен, Грозный писал ему:

«А што, брат наш, писал еси, што бог сотворил человека и вольность ему даровал и честь, ино твоё писание много отстоит от истины: понеже первого человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иж от единого древа не ясти, и егда заповедь преступи, и каким осуждением осужен бысть! Се есть — первая неволя и бесчестие. . .». И, приведя затем другие примеры библейских и евангельских «заповедей», царь заключает: «Видиши ли, як везде несвободно есть, и твое писание далече от истины отстоит?».

Трудно сказать, какой конкретно смысл имели рассуждения Сигизмунда II Августа о «свободе» в его не дошедшей до нас грамоте, — отметим только, что догмат о «свободе воли» был как раз в это время орудием католической реакции в борьбе с Реформацией (в 1564 г. этот догмат был утвержден в противовес лютеранам Тридентским собором). Для нас гораздо важнее, что рассуждениям Сигизмунда II Августа о *свободе* Грозный противопоставлял тезис о *необходимости*.

Эта же мысль о *необходимости*, но в несколько ином аспекте, выдвигается царем в посланиях 1577 г. Победа его в Ливонской войне — *не случайна*, подчеркивал царь, многократно и настойчиво повторяя во всех этих посланиях одну фразу: «бог дает власть, ему же хочет» (т. е. тому, кому хочет дать). Тринадцать лет тому назад Курбский грозил царю «божьим судом» после смерти, — Грозный отвечал ему тогда, что он «не отменяется» этого суда не только «тамо» — после смерти, «но и zde» — на земле. И вот теперь божий суд свершился; победа Грозного есть осуществление непреодолимого «божьего изволения»: «не моя победа, но божья» — «Смотри, о княже, божия судьбы, яко бог дает власть, ему же хочет!».

Перед нами, несомненно, не случайное высказывание царя, а именно выражение его философских взглядов. Чтобы понять смысл этих философских взглядов, следует вспомнить ту оценку, которую давал Энгельс аналогичному «учению о предопределении», развивавшемуся на Западе Кальвином. Энгельс считал, что эта догма Кальвина «отвечала требо-

ваниям самой смелой части тогдашней буржуазии».¹ На Западе учение о предопределении, давая молодой буржуазии веру в неизбежность («предопределение») ее победы, было орудием в борьбе против феодальной системы в целом. В России же «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».² Учение о необходимости (предопределении) было здесь использовано самодержавной властью, боровшейся против феодальной раздробленности.

В мировоззрении Грозного это учение о «божьей судьбе» несомненно занимало весьма важное место, еще более усиливая тот «неповторимый колорит» его писаний, который отмечают исследователи. Если, по справедливому замечанию И. И. Смирнова, «практическая деятельность» подымалась у Грозного «до высоты теории», то успех в этой практической деятельности приобретал в его глазах особый смысл, становясь доказательством правильности его поступков, соответствия их «божьему смотрению». Если мы учтем это, то согласимся, что, перечисляя Курбскому во втором послании свои успехи, царь действительно делал это, «не гордяся, ни дмяся», а *доказывая* своим успехом свою правоту. Мы не усмотрим тогда цинизма и в заявлении Грозного польским послам, сделанном несколько месяцев спустя: «Ино ведь кто бьет — тот лутче, а ково бьют, да вяжут — тот хуже».³ Тот, «кто бьет» (даже если он «бесерменский государь»), бьет ведь по велению «божьей судьбы», поэтому он и «лутче».

Но как ни величественна была эта теория, она, несомненно, таила в себе серьезную опасность. Представление, что «бог

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 297.

² И. В. Сталин, Соч., т. V, стр. 34.

³ Из переговоров (начало 1578 г.) с польскими послами Крийским и Скуминным [цит. по рукописи Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Q. IV, 33, л. 61].

дает власть, ему же хочет», так ободрявшее Грозного в 1577 г., превращалось в оружие против него, стоило только «божьей судьбе» повернуться в другую сторону.

А поворот этот произошел очень быстро. Вероломный «годовник» Магнус, попытавшийся, как мы видели, изменить царю в 1577 г. и окончательно изменивший в 1578 г., правильно понял изменившуюся ситуацию. Избранный на польский престол как ставленник султана, Стефан Баторий, вопреки опасениям Габсбургов, сумел избавиться от турецкой зависимости. А тем самым он терял свою одиозность в глазах католических сил: папский нунций, энергично поддерживавший Габсбургов во время бескоролья, вступил теперь в дружескую связь с польским королем; Баторий завел непосредственные сношения и с могущественнейшим государем католической Европы — Филиппом II испанским, обещая ему помощь против турок, нидерландских «еретиков» и т. д. При всем своем нерасположении к сопернику, германские Габсбурги тоже не могли теперь помышлять о войне с ним. Гданьск, дольше всех отказывавшийся признавать Батория, принужден был уступить силе и дипломатическому воздействию.

Освободив руки на Западе, Баторий мог обратить все свои силы на Восток. Быстрый и решительный перелом, которого ему удалось здесь добиться, может, в сущности, служить косвенным доказательством правоты Грозного, начавшего эту войну для приобретения морских путей на Запад. Польский король, тесно связанный, в отличие от русского царя, со всей Западной Европой, «поднял» на Русь, по меткому выражению царя, «всю Италию» (католическую Европу). Войне против «Московита» Баторий сумел придать вид почти общеевропейского (по крайней мере, общекатолического) крестового похода. Бесчисленные авторы «летучих листов» начали прославлять польского короля; на рождество 1579 г. папа прислал ему освященные эмблемы — шлем и меч. Армия Батория и впрямь была собрана по всей Европе: основу ее составляли профессиональные воины — немецкие, венгерские и другие

наемные ландскнехты. Русские же войска были измотаны двадцатилетней войной. Это быстро оказало свое действие. В Западной Руси были потеряны Полоцк, Сокол и Великие Луки; в Ливонии русские войска оставили Двинск и Венден (Кесь). За какие-нибудь два года были потеряны завоевания многих лет.

В этой-то трагической обстановке и было написано послание царя Баторию — последнее из помещенных в настоящем издании посланий. «Божья судьба» отвернулась от Грозного, — насмешливые слова: «кто бьет — тот лутче, а ково бьют, да вяжут — тот хуже», можно было теперь адресовать к нему самому. Мы сделали бы, однако, очень большую ошибку; если бы предположили, что царь, увидевший волю провидения в своих победах 1577 г., перед лицом неудач 1578—1581 гг. должен был обнаружить фаталистическую покорность судьбе. Учение о предопределении у Грозного, как и у «торговых мужиков» XVI в.,¹ никак не означало отказа от практической деятельности и безмолвной покорности «божьему смотрению». Наоборот, неуклонная вера в «милость» к нему «благоутробия божия» (и, следовательно, в конечный успех своих поступков) побуждала царя к самой энергической деятельности: «поразительная уверенность в себе»,² которую с удивлением замечают историки в его послании Баторию, имела своей основой не только надежду на «силу животворящего креста», но и вполне реальные дипломатические планы.

В чем эти планы заключались, мы можем догадаться уже из текста послания. Одна тема настойчиво проходит через весь текст обширной грамоты царя польскому королю: обвинения Батория во вражде «христианству» и пособничестве «бесерменству» (мусульманству). Как это часто бывает у Грозного, обвинение это сперва возникает исподволь; в начале послания царь вскользь замечает, что нарушать «крестное целование» не принято «в хрестьянских государствах», и дальше почему-то

¹ Ср.: Г. В. Плеханов. К вопросу о роли личности в истории. М., 1941, стр. 5, 6, 8 (прим.).

² P. Pierling. La Russie et le Saint-Siege, t. II. Paris, 1897, p. 69.

прибавляет: «а и в бесерменских государствах тово не ведетца». Далее, по мере того как могучий темперамент автора начинает брать верх над желанием быть «смирненным», тема эта начинает звучать все яснее: «А что ты присягал на том, что тебе давно зашлых мест отыскивати. . . ино то для неповинного кровопролитства христианского уделано з бесерменского обычая, и тот твой мир знатен: ничого иного не хочеш, толко бы христианство истребити». И, наконец, уже прямо: «Ино то знатно, что ты делаеш, предаючи христианство бесерменом! А как утомиш обе земли — Рускую и Литовскую, так все то за бесермены будеть. И ты христианин именуешсе, хрыстово имя на языке обносиш, а хрестьянству испровержения желаеш».

Враждебность к «бесерменству» — новая тема в творчестве Грозного; если мы обратимся к истории его внешней политики в предшествующие годы, то вспомним, что враги царя обвиняли его как раз в противоположном грехе: в нежелании воевать с «бесерменами». Но мы вспомним также, что мысль о столкновении «Московии» с мусульманским миром уже многократно выдвигалась в XVI в. и что такое столкновение было постоянным предметом мечтаний и домогательств габсбургско-католической дипломатии. Эта тенденция Габсбургов особенно ярко обнаруживалась во время польского бескорольевья: стоило Грозному проявить хотя бы некоторую склонность к вражде с Крымом и Турцией, и он уже превращался на страницах германской печати из «ужасного Московита» в «дружественного государя». Когда же трансильванский князь Стефан Баторий, поддержанный султаном, опередил Габсбургов в борьбе за польскую корону, именно габсбургская дипломатия стала убеждать царя, что Стефан — ставленник султана и опирается на «силу Турского». Следует заметить, что Грозный (которому об этом самолично писал император Максимилиан II) первоначально отнесся к этому обвинению с поразительным равнодушием: в 1578 г. он даже сам, между прочим, заметил послам Батория, что, следует чтить и «бесерменских

государей».¹ И если теперь, когда недавние враги Батория готовы были забыть о прежних грехах польского короля и признать его католическим крестоносцем, Грозный считал нужным возобновить эти обвинения, то дело было, конечно, не в усилении его вражды к исламу, а в новой дипломатической комбинации, возникшей перед царем.

Комбинация эта возникла еще за год до написания послания Баторию. В августе 1580 г. Грозный послал со своим гонцом, Истомой Шевригиным, грамоту к новому германскому императору Рудольфу II. В грамоте этой, многими местами совпадающей с более поздним посланием польскому королю, царь заявил Рудольфу II, что он терпит нашествие «мусульманских государей и посаженника салтана Стефана Ботуры. . . за то, что есмь с братом нашим, а с твоим отцом с Максимилианом цесарем, и с тобою, с братом нашим, с Руделфом цесарем, были в ссылке. . . та наша ссылка с отцом твоим. . . стала салтану Турскому и Стефану королю ненавистна: потому сложась на нас и стали с одного». Точно такое же обвинение должен был передать Шевригин и другому адресату царя — римскому папе Григорию XIII.² Именно посещение папы, с которым до сих пор Грозный не имел никаких сношений и которого он просил вмешаться в русско-польскую войну и прекратить ее, было главной целью миссии Шевригина. В случае, если папе удастся остановить своего «крестоносца», Грозный обещал выступить против «бесермен». Неожиданный визит русского гонца к папе неизбежно должен был вызвать у последнего и другие надежды: на обращение «схизматического» царя в лоно римской церкви.

Обращение русских «схизматиков» в католицизм было давней мечтой римского престола. В XV в. папству едва не удалось на короткое время достигнуть своей цели: на Флорентийском соборе 1439 г. митрополит всея Руси грек Исидор

¹ Цит. выше рукопись ГПБ (Q. IV. 33, л. 61).

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, стлб. 790—793; т. X, стлб. 10—11.

вместе с другими греками, представителями восточной (православной) церкви, согласился на унию с католицизмом и признание верховной власти папы; но по возвращении на Русь Исидор был свергнут с митрополичьего престола, и в дальнейшем идея унии (т. е. фактически подчинения католицизму) неизменно отвергалась русскими государями. Догадывался ли Грозный, что его обращение к папе вновь воскресит старые надежды, и хотел ли он их воскрешать? Грамоты, посланные с Шевригиным, не дают ответа на этот вопрос. Но если мы снова обратимся к посланию Стефану Баторию, то найдем там упоминание и об унии. С негодованием отвергая аргумент польских панов, что Ливония — католическая страна и должна принадлежать католическому государю, Грозный писал: «Называется христиане, и у папы и у всех римлян и католиков одно слово, что однако вера греческая и латынская; а коли собор был в Риме при Евгеньи папе Римском. . . и тогда был на том соборе греческий царь Цариграда Иван Мануйлович, а с ним патреарх Царьградский Иосиф. . . а из Руси был тогда Исидор митрополит; и уложили на том соборе, что однако [т. е. единой] быти греческой вере и з Римскою». И дальше Грозный изображает благородное негодование по поводу недисциплинированности польских католиков: «А они и папе своему не верають: папа их уложил, что однако вера греческая и латынская, и они то разрушают». Чтобы оценить это неожиданное высказывание, следует иметь в виду, что во всей русской литературе того времени не было сюжета более ненавистного, чем «осьмой собор латынский» 1439 г.: в полемическом задоре русские книжники осуждали не только результаты этого собора (действительно, выгодные католикам), но и самую мысль об «осьмом соборе» и «соединении с римляны». А царь, выросший и воспитавшийся на этой литературе, говоривший католикам: «а что кровью своею святой господь совокупил нас всех воедино, ино вы ж за много лет разодрали ересью латынскою», выражает свое почтение к решениям «осьмого собора» и негодование по адресу их нарушителей! Конечно, это было не прямое ука-

знание на готовность возобновить унию, а косвенный (и ни к чему не обязывающий) намек; но царь отлично понимал, что его замечание о Флорентийском соборе в официальной грамоте польскому королю не останется тайной для представителей римского престола в Польше (что и случилось).

Расчет Грозного был верен: постоянно стремившийся к созданию антитурецкой лиги, мечтавший о привлечении в свое лоно новых «овец» (взамен покинувших «стадо Христово» ради Реформации), римский престол с готовностью откликнулся на обращение царя. Результатом этого обращения было, как известно, посредничество папского агента иезуита Поссевино, прибывшего вскоре после отправления послания Баторию и заключившего русско-польское перемирие. Конечно, согласие Батория на заключение этого перемирия в гораздо большей степени объяснялось его внутренними затруднениями (известными Грозному уже во время написания его послания королю¹) и, особенно, неудачей под Псковом, чем папским посредничеством, — но, с другой стороны, самое это посредничество никогда не имело бы места, если бы Грозный не пообещал осуществить, наконец, давние домогательства Габсбургов и выступить против Турции.

Собирался ли он сделать это в действительности? Думал ли он перед лицом военных неудач на Западе изменить свою внешнеполитическую линию и пойти по пути, намеченному Курбским и его единомышленниками? Конечно, нет! Грозному нужно было только одно — передышка, и он получил ее, заключив в 1582 г. Запольское перемирие с Баторием. А после того как Поссевино выполнил свою миссию, Грозный достаточно легко сумел от него отделаться. С «Перекопским» (крымским) ханом он воевать отказался, заявив, что он с ним «в дружбе и любви», а участвовать в антитурецкой лиге согласился только при том условии, если в этой лиге будут участво-

¹ См. об этом в дневнике польского королевского секретаря Пётровского — «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию» (Псков, 1882, стр. 46).

вать все «короли и княжата христианские» — условие для того времени абсолютно невыполнимое, как это хорошо понимал сам Грозный. Что же касается объединения церквей, то, когда Поссевино напомнил царю (почти его же словами) о Флорентийском соборе, «на котором был царь Иван Мануйлович и папа Евгений и многие патреархи и философы. . . и уложили, что быть вере греческой с римскою одной вере», Грозный кратко заявил, что «нам с вами не сойдетца в вере», и превратил весь дальнейший религиозный диспут в сплошную комедию, спрашивая Поссевино, зачем он «сечет бороду» и зачем папа носит крест «ниже пояса». ¹

Запольское перемирие было передышкой, — только такой смысл имело оно в глазах царя. В этом отношении чрезвычайно характерен разговор, имевший место между русским послом в Англии и английскими политическими деятелями через несколько месяцев после заключения Запольского мира: «Государь наш, — заявил русский посол, — хочет со своею сестрою, с королевною Елизаветью, а с вашею государынею в докончанье и в соединенье быти, потому что учинился государю нашему недруг Стефан король Полский и Литовской, а спомогают ему папа и цысарь и иные короли». Англичане заметили: «Здесь де нам слух дошел, что папа Римской похваляетца тем, будто он государя вашего с Литовским королем помирил». «Воля папе, что хочет, то говорить за очи, — возмущенно ответил посол, — а коли б он государя нашего с королем помирил, и [т. е. то] государь бы наш Литовского короля себе недругом не называл и к сестре своей, а к вашей государыне, х королевне Елизавети недругом себе не писал». ²

Собираясь возобновить Ливонскую войну, Грозный хорошо знал, что «папа и цесарь» (германский император) будут в этой войне его врагами, — именно поэтому он и попытался воскресить проект союза с Англией. История переговоров с короле-

¹ Памятники дипломатических сношений . . . , т. X, стлб. 300—303.

² Сб. РИО, т. 38, стр. 37—39.

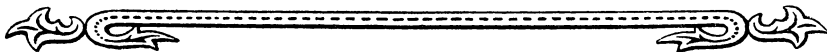
вой Елизаветой в 1582—1584 гг. — последних дипломатических переговоров в жизни Грозного — выходит за рамки этой статьи. Нам необходимо только отметить, что переговоры эти велись царем с единственной, ясно указанной им целью — возобновить войну в Прибалтике и отвоевать свою «Лифляндскую вотчину». Когда английский посол Джером Баус во время переговоров в Москве вздумал поднять вопрос о русских правах на Ливонию, спросив царя, «исстари ли то ево вотчина?», Иван Васильевич так грозно заметил ему, что он «своей сестры Елизавет королевны. . . не в судьи просит», что посол поспешил ослабить значение своих слов, заявив, что они сказаны им между прочим, «в розговоре».¹

«Розговор» этот происходил в феврале 1584 г., за месяц до смерти Грозного. До последних дней своей жизни царь сохранил веру в конечный успех своей политики. «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой».²

¹ Там же, стр. 132—133.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО

Проблема издания сочинений Ивана Грозного связана с особыми трудностями: до нас не дошло ни одного сборника сочинений царя — ни от XVI в., ни от последующих веков. Исследователям древнерусской литературы придется еще когда-нибудь задаться вопросом: почему в Московской Руси XVII в. собрания сочинений «изменника государева» князя А. М. Курбского тщательно и многократно переписывались, а творения первого «царя всея Руси», свойственника царей XVII в. — Романовых, подвергались явному пренебрежению?

Так или иначе, издателю сочинений Грозного приходится, прежде всего, начать с извлечения этих сочинений из самых различных литературных и не-литературных памятников XVI—XVII вв. Сложность этой задачи заключается не только в том, что при этом приходится принимать во внимание чрезвычайно широкий круг памятников (в значительной части не изданных), но и в том, что самый принцип отбора сочинений Грозного еще далеко не установлен. Что именно из числа подписанного именем царя Ивана Васильевича всея Руси может быть отнесено к подлинным произведениям его творчества? Что оставил он как человек и писатель? Этот вопрос был уже поставлен в русской науке акад. И. Н. Ждановым в его посмертной работе «Сочинения царя Ивана Васильевича».¹ Едва ли, однако, можно согласиться с попыткой разрешения этого вопроса, сделанной И. Н. Ждановым. Признавая, что среди посланий Грозного к иностранным государям имеются такие, которые «совершенно чужды условных правил официальной дипломатической переписки», что изложение этих грамот отличается «игрой остроумия, рядом колких, вызывающих насмешек», а «по содержанию — это трактаты, посвященные то изложению общих государственных взглядов, то общим припо-

¹ Сочинения И. Н. Жданова, т. I, СПб., 1904, стр. 84—90.

минаниям и сближениям», и что «повидимому, письма подобного рода должны быть отнесены к числу памятников, оставленных нам царем Иваном, как писателем», — признавая все это, Жданов, тем не менее, отказывается от включения этих посланий в число сочинений Грозного (стр. 86—87). Этот неожиданный приговор (относящийся едва ли не к большей части известных нам произведений Грозного) основывается, повидимому, на двух предпосылках: на официально-документальном характере этих писем (на этом основании Жданов включает в обзор «записку» к Магнусу 1573 г., но отвергает грамоту к нему 1577 г., — стр. 111) и на предположении, что они могли быть написаны не самим царем, а по его поручению другими лицами.

Обе эти предпосылки представляются весьма сомнительными и находятся в резком противоречии с принципами, примененными самим же И. Н. Ждановым при отборе других произведений. Разве не относятся к числу официально-документальных произведений завещание 1572 г. или многочисленные «богомольные грамоты» (грамоты, посылаемые в монастыри в связи с военными походами), включенные Ждановым в число сочинений Грозного? Разве не могли быть и эти произведения написаны по поручению царя его подчиненными? Царь мог ведь «велеть отписать» любую грамоту к любому адресату.

Очевидно, единственным критерием, позволяющим выделить подлинные сочинения царя из числа документов, подписанных его именем, могут быть индивидуальные особенности стиля, знакомые нам по другим сочинениям Грозного. Говоря о «богомольных грамотах» Грозного, И. Н. Жданов отмечает, что в некоторых из них «ярко рисуется его настроение в данное время, под влиянием того или иного события». Но это в гораздо большей степени относится к дипломатическим посланиям Грозного — например к посланию Иоганну III, написанному в 1572 г., после победы над крымцами (единственный, приведенный Ждановым пример дипломатического послания, который Грозный «велел отписать» — послание к Эрику XIV — как раз неудачен, так как послание это до нас не дошло, и мы не можем судить, были ли в нем те черты, которые представляются нам индивидуальными чертами Грозного). Сам И. Н. Жданов заметил, что большой раздел в грамоте Грозного гетману Я. Ходкевичу дословно совпадает с соответствующим разделом во втором послании Курбскому, и на этом основании включил грамоту Ходкевичу в число собственных сочинений царя (стр. 116—117). Но если можно включить послание к гетману Лифляндские земли, то почему нельзя включить послания к иностранным государям, обнаруживающие столь же характерные черты творчества Грозного? Несомненно прав акад. А. С. Орлов, разбирающий в своем очерке об Иване Грозном в академической «Истории русской литературы» в качестве характерных произведе-

ний пера Грозного как раз эти дипломатические послания ¹ (а также послание Симеону Бекбулатовичу, тоже не включенное Ждановым в число сочинений царя). При отыскании и извлечении сочинений Грозного исследователь не должен заранее ограничивать себя определенным кругом памятников, а должен будет извлекать их и из многочисленных в XVI—XVII вв. сборников разного содержания (например первое послание Курбскому, послание в Кирилло-Белозерский монастырь и др.), и из летописей (например отмеченные уже Ждановым послания к Макарию, послание патриарху Иоакиму и др.), и в огромной степени из таких сборников документального характера, как «Посольские дела» и даже «Разрядные книги» (например грамота Магнусу 1577 г.).

Настоящее издание, будучи по своему характеру собранием избранных сочинений Грозного, не ставит перед собой задачи выявления и публикации всего творчества Ивана IV. В состав его входят только послания царя русским адресатам и те из его дипломатических посланий, которые могут рассматриваться как литературные памятники (огромная, чисто деловая дипломатическая переписка Грозного остается поэтому за пределами данного издания). Эпистолярный жанр является преобладающим в творчестве Грозного, и все наиболее выдающиеся (в литературном отношении) памятники этого жанра в издание включены, однако при таком ограничении в состав издания не могли быть включены два важных памятника иного жанра, обнаруживающие несомненные и индивидуальные черты творчества царя: «Стоглав», собрание постановлений церковно-земского собора 1551 г., заключающее в себе ряд выступлений Ивана IV, и знаменитое «Завещание» Грозного, написанное в 1572 г. Желая дать читателю хотя бы частичное представление об этих памятниках, мы помещаем на страницах настоящего комментария выдержки из них: часть вступительного «писания», данного Грозным собору (из гл. 3-й «Стоглава») и ту часть «Завещания», которая имеет характер послания к сыновьям — Ивану и Федору.

Отрывок из «писания» мы приводим по тому списку «Стоглава», который считается в литературе (Д. Стефанович. О Стоглаве. СПб., 1909, стр. 148) наиболее древним списком наиболее ранней редакции — по списку Рукописного отдела Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийское собрание, 1515 (список XVI в.). Отрывок этот посвящен описанию детства и юности царя и многими чертами напоминает соответствующее место из первого послания Курбскому:

«Видим вси, каковы различные казни и милостивное наказание на нас посла господь, обращая нас от заблужения, яко чядолюбивый отець; мы же никакоже о сем не въспоманухомся. Первое — смирил нас

¹ История русской литературы, т. II, М.—Л., 1946, стр. 507—510.

бог, отнял у меня отца, а у вас пастыря и заступника; еще же сия скорбь не мину, начаша ся множити великия бедныя скорби; боляре и велможи вернии и любимии отцом моим совет не благ совещаши ми, вменияюще яко мне доброхотствуют, наипаче же себе самовластие улущающе, яко помрачени умом дрзнули поимати и скончати братию отца моего. И егда хочу въспомнути нужную их смерть и немилостивное мучение, весь слезами разливаюся и в покаяние прихожу и прощения у них прошу за юность и неведение. И по скончании дядь моих не по мнозе времени и мати моя преставилася, и оттоле горкая скорбь постиже нас, мне сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако боляре наши улущиша себе время; сами владеша всем царством самовластно, никому же возбраняюще им от всякого неудобнаго начинания. И моим грехом и сиротством и юностию мнози межоусобною бедою потреблени быша злей. Аз же возрастох в небрежении и в ненаказании отца своего и матери, якоже подобает наказати отцу чядолюбцу, и навыхом их злокозненныя обычаи и таяжде мудрствовах якоже и они. И от того времени и донныне каких зол не сътворихом пред богом, и каких казней не послал на нас бог, приводя нас на покаяние: ово пленением и святым церквам разорение, и поправление всяким святыням, и многобесчисленное кровопролитие, и пожжение, и истопление, и в плен расхищения всякого священническаго и иноческаго чина, князей и бояр и всякого хрестыанского роду, мужеска полу и женска; разсеяны по лицу всея земля и осквернены всякими нечистотами и всякими страданиями и муками томимы и смертем предаемы. Мы же о сем многажды покушахомся месть сътворити врагом своим и ничтоже успехом; ни уразумехом сего, еже господь наказует нас сими, а не поганых поспешество над нами; и сими великими казнями в покаяние не внидохом, сами межоусобство зло сътворихом и бедным хрестияном всякое насильство чинихом. И милосердый господь за премногыя грехи наша наказав нас, ово потопом, ово мором и различными болезнныими бедами, и никакоже не наказахомся. И посла господь на нас тяжкия и великия пожары, вся наша злая събрания потреби, и прародительское благословение огнь пояде, паче же всего святыя божия церкви и многа великия и неизреченныя святыни и святыя мощи и многое безчисленное народа людска; и от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой и умилихся и познах своя съгрешения. И прибегах ко святей соборной и апостольстей церкви, и припадох к божию великому человеколюбию и к пречистой богородицы, и к всем святым, и к твоему первосвятительству, и всем иже с тобою святителем, умильно припадая с истинным покаянием, прося прощения, еже зле съдеях, и божия ради великия милости получих от вас мир и благословение и прощение о всем, еже съдеах зле. Тогда же убо яз всем своим князем и бояром по вашему благословению, а по их

обещанию на благотворение, подах прощение в их к себе прегрешениях. И по вашему благому совету богу помогающе нам начя же вкупе устроить и управляти богом врученное ми царство, елико бог поспешит, а у него милости и помощи прося».

Отрывок из «Завещания» мы приводим по единственному сохранившемуся списку — копии XIX в., сохранившейся в «портфелях Малиновского» [Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА) — «Акты, собранные Малиновским», портфель 3-й, № 79]; на заголовке этого списка имеется помета, указывающая, что он является копией с копии 1739 г., «списанной с оригинальной сей духовным человеком, искусным и любопытным, как примечания показывают».

«Во имя отца и сына и святого духа, святые и живоначальные троицы, и ныне и присно и во веки веков, аминь, и по благословению отца нашего Антония митрополита всея России. Се аз многогрешный и худый раб божий Иоанн пишу сие исповедание, своим целым разумом, но понеже разума нищетою содержим есмь, и от убогого дому ума моего не могох представити трапезы пищи ангельских словес исполнены, понеже ум убо остропись, тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мной поскорбит, и не бе, утешающих не обретох; воздаша ми злая възблагая, и ненависть за възлюбление мое. Душою убо осквернен есмь и телом окаях. Якоже убо от Иерусалима божественных заповедей ко ерихонским страстем пришед, и житейских ради подвиг прелстихся мира сего мимо-текущую красотою; якоже к мирным гражданам привед, и багрянницею светлости и златоблещанием предахся умом, и в разбойники впадох мысленныя и чувственныя, помыслом и делом; усынения благодати совлечен бых одяния, и ранами исполумертв оставлен, но паче нежели возмнитися видящим, но аще и жив, но богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший, его же иереи видеви не внят, левит, и той възгнушався премину мене. Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавижим есмь! Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся осквернишему отче ложе, несытства и иным многим яростию и гневом невоздержания. И понеже быти уму зря бога и царя страстем, аз разумом растлен бых, и скотен умом и проразумеванием, понеже убо самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства и блуда и всякаго злаго делания, язык срамословия и сквернословия, и гнева и ярости, и невоздержания всякаго неподобнаго дела, выи и перси гордости и чаяния высокоглаголиваго разума, руце осязания неподобных, и грабления несытно, и продержания и убийства вну-трения, ея же помыслы всякими скверными и неподобными оскверних,

объядении п пиянствы, чресла чрезъестественная блужения, и неподобнаго воздержання и опоясання на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и сквернодеяния и убивства, и граблением насытнаго богатства, и иных неподобных глумлений. Но что убо сотворю, понеже Авраам не уведет нас, Исаак не разуме нас, и Израиль не позна нас? Но ты, господи, отец наш еси, к тебе прибегаем и милости просим, иже не от Самарии, но от Марии девы неизреченно воплотивыйся, от пречистых ты ребр воде и крови яко масло возлияв, Христе боже! Язвы струп моих, глаголюще душевные и телесныя, обяжи и к небесному сочetaй мя лику; яко милосерд, господи боже мой, мир даждь нам, разве тебе иного не знаем и имя твое разумеем; просвяти лице твое на ны и помилуй ны. Твоя бо есть держава неприкладна, и царство безначално и безконечно, и сила и слава и держава, ныне и присно и во веки веков, аминь.

«И понеже, по писанию, не должны суть хранити имения чада родителям, но родители чадам, и яже убо вышнее имение, якоже реченно: «премудрость во исходящих поется, на краях же забралных мест проповедается, при вратех же сильных дерзаючи глаголет, се предлагаю вам глас мой, сыновом человеческим, лучше бо ту куповати паче злата и сокровища много, честнейши же суть камни многоценна, все честное недостойно ея есть». Глаголет господь: «мною парие царствуют и сильнии пишут правду». Сего ради и аз предлагаю учения, елико мой есть разум, от убожества моего. Чадца моя! благодать и божий дар вам.

«Се заповедую вам, да любите друг друга и бог мира да буди с вами. Аще бо сия сохраните, и вся благая достигнете; веру к богу твердо и непостыдну держите, и стойте, и научитися божественных догматов, како веровати, и како богу угодная творити, и в каковом оправдании пред нелицымерным судиею стати: то всего болше. Знайте православную христианскую веру, держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти. А сами живите в любви. А воинству поелику возможно навывкните. А как людей держати и жаловати, и от них беречися, и во всем их уметь к себе присвоивати, и вы б тому навывкли же; а людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат; а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию. А всякому делу навывкайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, и как которые чины ведутся здесь и в-ных государств, и здешнее государство с иными государствами что имеет: то бы есте сами знали. Также и во обиходе во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в каковом мере кто держится, тому б есте всему научены были: ино вам люди не указывают, вы станите людям

указывати, а чего сами не познаете, и вы не сами стате своими государствы владети и людьми. А что, по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, а може бог когда не оставит (и вам еси грехом своим беды многия нанесены), бога ради не пренемайте в скорбех, возвержите на господа печаль свою и той вас препитает, по пророку глаголющу: «отец мя и мати оставиша, господь же восприимет, понеже бо вся в руке господевы, яко чаша уклони от сия, в сию смиряет, а сею возносит, никтоже бо приемлет честь от себе, повзванный от бога, дает бо власть, ему же хочет, и воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, посадити его с князи людей, а престол славы наследует ему». А докудова вас бог помилует, свободит от бед, и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, а земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была: ино то вам прибыльные. А ты, Иван сын, береги сына Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, Ивана сына, а своего брата старейшаго, докудова строитель, уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебе б льзе прокормити было, и оба вы есте жили заодин и во всем устроивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал и берег и любил и жаловал его и добра ему хотел во всем так, как себе хочешь, и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом молотшим, и в хуе и в добре один человек, занеже единокровныя есть у матери своей. И вы бы сами о себе прибежище положили, якоже рече Христос во святом Евангелии: «идеже собрани аще два или три во имя мое, ту есмь аз посреде их»; и аще Христос будет посреде вас, для вашей любви, и никто может вас поколебати, вы будете друг другу стена и забрало и крепость. К кому ему прибегнуть и на кого уповать? Ты у него отец и мать, и брат, и государь и промысленник. И ты б его берег и любил и жаловал, как себя; а хотя будет в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату твоему Федору на уделе: и ты б удела его под ним не подыскивал, а на него лиха ни с кем не ссылался; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал: занеже аще кто и множество земли приобретает и богатства, а трилакотна гроба не может избежать, и тогда то все останется, по господней притчи, ему же угоднися нива, иже хотяще разорити житницы и болшая создати,

к нему же рече господь: «безумне! в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал, кому будет»? А ты б любовь нелицемерную держал к брату своему, а к моему сыну Федору, яко же рече божественный апостол Павел: «любы не завидит, любы не гордится, любы не злообразуется, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, все уповает, вся терпит, любы николиже отпадает»; якоже рече той же апостол: «аще кто о ближних своих не промышляет, веры отверглся и есть неверного горши». А ты, сыне мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место отца своего, и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем и добра хоти ему, как мне, родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы еси жил так, как из моего слова; а будет благоволит бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на его лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Ивановым был в лихе и в добре один человек; а докуды и по грехом, Иван сын государства не достигнет, а ты удела своего, и ты бы с сыном Ивановым вместе был заодин, и с его бы еси изменники и с лиходеи некоторыми дела не ссылался; а будет тебе учнут прельщать славою и богатством и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюд того не делал и из-Ивановой сыновниной воли не выходил, как Иван сын тебе велит, так бы еси был, а ни на что бы еси не прельщался; а где тебя Иван сын пошлет на свою службу, или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит; а где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег того накрепко, смотрел бы еси правды, а напрасно бы еси не задибался и людским бы еси вракам не потакал: занеже аще кто множество богатства или земли приобретает, а трилакотного гроба не может избежать, и тогда то все останется, токмо едина дела, что сотворихом, благо ли, или зло. И ты б сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, держал в мое место, отца своего, честно и грозно, и надежду бы еси держал во всем на бога да на него, и ни в чем бы еси ему не завидел, занеже единокровные есте у своей матери; и вы б сами себе прибежище положили, якоже рече Христос во святом Евангелии: «идеже собрани два или три во имя мое, ту есмь и аз посреде их»; и аще Христос будет посреди вас, для ваша любви, ино кто может вас поколебать? Он тебе стена и забрало и рать и крепость; к кому тебе прибегнуть и на кого уповать? Он тебе отец и мать, и брат старейший, и государь, и промысленик. И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был и добра ему хотел и во всем так, как мне и себе, и во всем в воли его буди до крови и до смерти, ни в чем ему не прекослови; а хотя будет на

тебя Иванов сыновен гнев, или обида в чем-нибудь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был, и рати никакой ни вчинял, и собою ничем не боронился, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изволил и жаловал тебя во всем, по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо — и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж, совсем бы еси печаль на радость преложа положил на бога; занеже всяким неправдам местник есть бог. И ты б, Иван сын, с братом своим младшим, а с моим сыном Федором, жил в любви и в согласии задин во всем, по моему приказу. И вы б, дети мои, Иван и Федор, жили в любви и в согласии задин, и сей мой наказ памятовали крепко; аще бо благо учнете творити, вся вам благая будет, аще ли злая сотворите, вся вам злая сключатся, якоже речено бысть во Евангелии: „аще кто преслушает отпа, смертью да умрет“.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

Первое послание Грозного Курбскому — самое большое и значительное из произведений паря — до сих пор издавалось только в составе сочинений Курбского: в «Сказаниях князя Курбского», изданных Н. Устряловым (3 издания: в 1833, 1842 и 1868 гг.) и в «Сочинениях князя Курбского» §(т. I), изданных в 1914 г. Г. З. Кунцевичем в т. XXXI «Русской исторической библиотеки» (издаваемой Археографической комиссией). Из этих изданий текст первого послания Курбскому перепечатывался в различных хрестоматиях и учебных изданиях [напр. в «Русской классной библиотеке» (изд. под ред. А. Н. Чудинова, вып. XXVIII, СПб., 1902)]; по изданию Г. З. Кунцевича сделан К. Штелином и немецкий перевод послания в книге «Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij» (herausgegeben von Stählin), Lpz., 1921, в серии «Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte», Н. 3.

Включая послание Грозного в состав сочинений его злейшего врага, издатели XIX в. следовали в этом отношении более ранней традиции: и в XVII и в XVIII вв. первое послание паря сохранялось и переписывалось обычно как составная часть сборников, собранных в основном из сочинений Курбского.

Мы не можем с точностью указать, когда впервые было составлено собрание сочинений Курбского, эта своеобразная антология, имеющая вполне определенное политическое лицо (на составе этого собрания мы остановимся ниже), но, повидимому, такое собрание, включающее самые разнообразные сочинения Курбского, могло возникнуть только при жизни или сразу после смерти «государева изменника». Включение царского послания в собрание сочинений Курбского объяснялось, конечно, тем, что послание это было необходимо для пояснения писем

самого Курбского: все второе письмо Курбского построено, как известно, на высмеивании литературного стиля царя: «Широковещательное и многошумящее твое писание приях и вразумех и познах, иже от неукротимого гнева с ядовитыми словесы отрыгано. . . а наипаче так ото многих священных словес хватано. . . зело паче меры преизлишне и звягливо, целыми книгами, и паремьями целыми, и посланьми! Тутю же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни» (А. М. Курбский, Соч., изд. Г. Кунцевичем, Русск. ист. библи., XXXI, стлб. 113). Для того, чтобы продемонстрировать читателю эти «ядовитые словеса», составителю собрания и понадобилось привести послание царя. Именно в собрании сочинений Курбского послание Грозного и получило, конечно, тот «нейтральный» заголовок, под которым оно обычно издается: «Послание царя и великого князя. . . ко князю Андрею Курбскому против его, князя Андреева письма, что он писал из града Волмера» — естественный заголовок для собрания, в котором перед данным посланием было помещено самое «князь Андреево письмо».

Собрание сочинений Курбского не дошло до нас в оригинале XVI в. Но едва ли можно сомневаться, что именно к этому собранию восходит текст первого послания и в многочисленных сборниках сочинений Курбского второй половины XVII в. и более позднего времени (в отличие от недошедшего до нас *собрания сочинений* XVI в. называем их *сборниками Курбского*) и в нескольких списках хронографа — тоже не ранее середины XVII в. На общность происхождения первого послания Грозного в «сборниках Курбского» и в хронографе указывает чрезвычайная близость между ними — даже в явных ошибках и искажениях текста. Одинаковый заголовок — «послание. . . против его князь Андреева письма» — и неизменное наличие перед посланием Грозного самого «князь Андреева письма» позволяет считать, что источником для всех этих списков было собрание сочинений «князя Андрея».

Мы уже говорили о том, что беглому князю несравненно более повезло в литературной традиции, чем Грозному. Первое послание царя переписывалось книжниками XVII—XVIII вв. из сочинений его врага; из этого же источника его извлекают издатели XIX—XX вв. Н. Устрялов во всех трех изданиях «Сказаний Курбского» издавал первое послание Грозного по тексту «сборников Курбского»; Г. З. Кунцевич присоединил к тексту «сборников Курбского» (I редакция по его классификации) еще текст хронографа (в качестве II редакции).

А между тем, достаточно внимательного прочтения первого послания Грозного по изданию Устрялова и Кунцевича, чтобы усомниться в том, что враждебная царю литературная традиция сохранила его сочинение в исправном виде. Текст этого послания изобилует множеством неясных, сомнительных и просто нелепых мест: исследователям приходилось

затрачивать немало остроумия для их истолкования и осмысления. Так, например, уже в начале послания мы читаем странный вопрос к Курбскому: «или мнишеся, яко ты еси Авенир сын Ниров, есть храбрейший возрастом?» (стр. 79); говоря о библейском царе Давиде, Грозный задает не менее странный вопрос: «како убогих [в других списках — «убих»] причительных в вотчинники?» (стр. 81); рассказывая об истории Византии, царь замечает: «Во царство Дикотра Драчанина не больми нача оскудевати»; говоря о разных видах монашеской жизни он почему-то прибавляет: «се убо указах ти, како благо есть нам на грех сидети» и т. д.

Еще более странные вещи обнаруживаются в том месте послания, где царь рассказывает о своих разногласиях с «избранной радой» по вопросам внешней политики. Повествуя о начале Ливонской войны, Грозный восклицает: «Како же убо воспомяну о германских градах супротивъслова попа Селивестра восхищати может иже Сидору [в других списках: «сиру и»] вдовица, суду не внемлюще, их же вы, желающе на христианство злая, составляете!» (стр. 109). Эта фраза своей непонятностью уже привлекала внимание исследователей. Особенную популярность в исторической литературе приобрело толкование ее, данное Н. Устряловым: по его мнению, вторая половина фразы представляет собой слова Сильвестра, который, заступаясь за Ливонию, называл ее «сирой вдовицею» (Устрялов, Сказания А. М. Курбского, 1868, прим. 277; ср.: Штелин, ук. соч., стр. 76). Однако даже если принять это объяснение, дальнейший текст будет попрежнему вызывать наше недоумение. Всякий, кто внимательно читал первое послание Курбскому, знает, что ответ Грозного по своему расположению точно следует вызвавшей его «эпистолии»: царь иногда отвечает кратко, иногда очень пространно,¹ но никогда не нарушает порядка изложения у Курбского, так что письмо последнего (см. ниже, стр. 534) может как бы служить оглавлением к посланию царя. В разбираемом месте царь отвечал на вопрос: «не претвердые ли грады ерманские (ливонские) завоевали казенные им бояре? Далее, следуя порядку изложения оригинала, он должен был бы ответить на вопрос: зачем он «всеродно погубляет» единомышленников Курбского? Вместо этого мы, однако, читаем дальше в послании царя, что он знает «Антихриста», но что у него нет никакого советника, рожденного от «преблужения» и что Курбский сам достоин названия «аммонитянина и моавитянина» (см. стр. 109). Что означают эти замечания? Только про-

¹ Грозный иногда допускает значительные отвлечения, например, в связи с обвинением, что он «облыгает православных», он излагает всю свою биографию, но этим он не нарушает порядка изложения у Курбского, — после изложения автобиографии он переходит к следующему вопросу Курбского: зачем он «прелагает свет во тьму»; затем переходит к вопросу о вине «христианских предателей», о покорении «прегордых царств» и т. д.

читав письмо Курбского до конца, мы сможем ответить на этот вопрос: об антихристе, советнике, рожденном от блуда, и аммонитянине Курбский говорит в самом конце своего письма; в приписке (стр. 536). Итак, разбираемое место, находящееся в *середине* послания царя, представляет собой ответ на *конец* послания Курбского.

Но это — не единственная его странность. После замечаний об аммонитянине и моавитянине и характеристики письма Курбского в целом, царь переходит к цитатам и приводит грандиозную по размерам выписку из византийского сочинения «Послание к Димифилу», автором которого считался ученик Христа Дионисий Ареопагит. Выписка эта трактует об уважении к священникам и осуждает грубое обращение с ними. И вот, непосредственно после рассуждения о необходимости подчинения высшему разуму («первоходимому слову»), мы читаем: «Аще бо на жилищих видиши раба владыце и старцу юношу и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию и како убо, лукавого ради напоминания, датся до короля лето цело безлепо лифлянтном збираться?» (стр. 113). Что это значит? Алексеем царь на протяжении всего письма называет Адашева; Адашева и «всех вас» (Курбского и других), естественно, можно было обвинять и в попустительстве «лифлянтам», но как могло это обвинение оказаться в тексте Дионисия Ареопагита? Автор сочинения, подписанного этим именем, жил, по мнению исследователей, в V в. н. э. — естественно поэтому, что ни об Адашове, ни о «лифлянтах» говорить он не мог. Где же кончаются слова Ареопагита и начинаются слова самого царя? К счастью для нас, процитированное парем сочинение Дионисия мы можем найти и вне послания царя — в составе памятника, из которого Грозный, по всей вероятности, его и заимствовал — в Четиях-Минях. В Четиях-Минях мы читаем текст «Послания к Димифилу» Дионисия в том же переводе с греческого, что и у Грозного, и легко можем найти интересующее нас место; после рассуждения о необходимости подчиняться «первоходимому слову», мы читаем здесь: «аще бо на торжищах видеша раба владыце и старцу юношу или сыну отцу досаждающе вкупе».¹

Итак, начало фразы: «аще бо на жилищих [ошибка — вместо «торжищах»] видеша раба владыце и старцу юношу», есть кусок фразы Ареопагита, каким-то образом соединившийся с фразой Грозного об Адашове и «лифлянтах» («и Алексея и всех вас»). Но где же продолжение и конец фразы Ареопагита? В тексте «сборников Курбского» мы его не найдем, но если мы обратимся к тому тексту послания, который сохранился

¹ Великие Минеи Четии, октябрь 1—3, изд. Археографической комиссии, СПб., 1870, столб. 759 (при исправлении явных ошибок в тексте Ареопагита мы пользовались текстом Миней). Кунцевич в своем издании приводит (в подстрочном аппарате) текст Дионисия Ареопагита, но не по Четиям-Миням, а по греческому подлиннику и переводу на современный русский язык.

в составе хронографа, то, дочитав этот текст почти до конца, найдем продолжение интересующей нас фразы: «или сыну отцу досаждающу вкупе» и далее весь остальной текст Ареопагита, имеющийся в Четиях-Минейх.¹

Ясно, что перед нами результат какой-то случайной путаницы в тексте: Грозный мог, конечно, цитировать Дионисия Ареопагита в разбивку и в разных местах своего послания, но, находясь в здравом уме, он не стал бы при этом бессмысленно разрывать фразу на куски, присоединяя эти куски к обрывкам (столь же бессмысленным) своих собственных фраз («и Алексея и всех вас»). Очевидно, цитата из Ареопагита оказалась разорванной уже после написания послания: как это нередко бывало со старинными рукописями, часть страниц послания попала не на место. Какая же из двух частей этой цитаты находится не на своем месте: та ли, которая в *середине* послания, или та, которая в *конце*?

Если мы вспомним, что первая половина цитаты из Ареопагита, находящаяся в *середине*, примыкает к куску текста, и без того отличающегося странностями, — к тексту, по смыслу соответствующему *концу* послания Курбского, то у нас, естественно, возникнет предположение, что весь этот кусок послания находится не на месте: несколько страниц заключительной части первого послания Грозного с ответом на приписку и цитатой из Ареопагита [от слов «восхищати может иже Сидору вдовица» (стр. 109) до слов «... раба владыце и старцу юношу» (стр. 113)] видимо попали по ошибке в середину послания.

Обнаруженная нами перестановка текста наблюдается и в «сборниках Курбского» и в хронографе; следовательно, эта перестановка имела место уже в их общем протографе — собрании сочинений Курбского XVI в. Очевидно, список первого послания, попавший в руки составителей этого собрания был дефектным, — не забудем, что собрание сочинений Курбского составлялось за рубежом и что составители его, желавшие продемонстрировать своим читателям «ядовитые словеса» «великого князя Московского», едва ли испытывали какой-либо пиетет по отношению к царскому сочинению и особенно беспокоились о точности его передачи.

Итак, основной текст первого послания Курбскому, изданный Н. Устряловым и Г. З. Кунцевичем, неизбежно вызывает у нас сомнения. Правда, наряду с текстом «сборников Курбского» и хронографа Г. З. Кунцевич опубликовал в своем издании еще один текст первого послания (названный им III редакцией), текст, о котором можно предполагать, что он независим от собрания сочинений Курбского. Текст этот отличается от текста «сборников Курбского» и хронографа прежде всего заголовком, несравненно более подобающим письму Грозного, чем ней-

¹ См. текст редакции хронографа в издании Кунцевича (Курбский, Сочинения, стлб. 106).

тральное «послание. . . против. . . князь Андреева письма»: «Лета 7072-го, цареве государеве послание — все его Российское царство на кресто-преступников его, на князя Андрея с товарищи о их измене». Однако при обращении к содержанию этой редакции послания мы испытываем разочарование: перед нами, как справедливо заметил в своей статье о редакциях первого послания П. В. Вилькошевский,¹ не то «широковещательное» письмо — с «ядовитыми словесами» «о постелях, о телогреях», которое вызвало язвительный ответ Курбского, а какое-то сокращение этого письма. Сокращение это, вероятно, больше удовлетворяло каноническим литературным правилам XVI в., чем более известный вариант послания, — все личные моменты, вызывавшие насмешки Курбского, здесь удалены, излишне длинные цитаты сокращены, но для нас этот текст почти не имеет ценности: вместе со всем «светским» элементом удалено почти все, касающееся истории и политики Грозного; остались, в сущности, одни цитаты из священного писания и обвинения в «погублении души».

Таким образом, ни один из изданных до сих пор списков не отражает первоначального текста первого послания: это — либо списки враждебной традиции, либо краткая редакция послания. Перед издателями посланий Грозного вставала поэтому задача привлечения новых списков, содержащих полный текст послания, не искаженный враждебной традицией. Задачу эту в значительной мере удалось осуществить: при подготовке этого издания автору настоящего обзора удалось найти и привлечь к изданию два новых списка, которые, повидимому, содержат послание в его первоначальном (или близком к первоначальному) виде.

Все известные нам теперь списки первого послания Курбскому могут быть разбиты на пять групп (I—V).

Г р у п п а включает два списка — оба, впервые публикуемые в настоящем издании.

Первый из этих списков — рукопись Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погдинское собрание, № 1567 (в четверку). Это — сборная рукопись, сплетенная из нескольких тетрадей, писанных на разной бумаге и разными почерками. В первую тетрадь сборника входят следующие произведения: послание Курбского в Псковско-Печорский монастырь старцу Вассиану [это послание, написанное Курбским уже в эмиграции в 1564—1565 гг. и многими местами совпадающее с его посланием к царю, издано

¹ К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг., вып. XXXIII, Л., 1926, стр. 74. — Вилькошевский, однако, не обратил внимания на заголовок этой редакции и на другие черты первоначальной традиции в ней (см. ниже, стр. 557). На заголовок этой редакции обратил внимание П. У. Будовниц (Русская публицистика, стр. 286).

Г. З. Кунцевичем (Сочинения Курбского, стлб. 405)], первое послание Курбского царю, послание Тимохи Тетерина и Марка Сарыхозина боярину М. Я. Морозову, послание гетмана Полубенского Шабликину и Огибалову (у Кунцевича см. стлб. 495—496) и, наконец (начиная с л. 12 по л. 53 об.), первое послание Грозного Курбскому. Послание Грозного обрывается (вместе с первой тетрадью сборника) на середине; в сохранившейся части текста имеется один дефект (впрочем, мало существенный): л. 27—27 об. (нынешней пагинации) при переплете попал не на место — он должен находиться между л. 19 об. и л. 20. В других тетрадях сборника находятся: три послания, приписываемые Сильвестру, послание Спиридона-Саввы о Мономаховом венце и отрывок (XVI в.) о венчании на царство всероссийское. Из произведений, находящихся в первой тетради сборника, два (помимо первого послания царя) представляют особый интерес для нашего издания: первое послание Курбского послужило поводом для первого (и второго) послания к нему царя; послание Тетерина, хотя оно было адресовано Морозову, также вызвало (в 1577 г.) печатаемое в настоящем издании послание Грозного. Ввиду того, что для понимания указанных посланий необходимо знать первое послание Курбского и послание Тетерина, мы приводим здесь их текст по Погодинскому списку (текст послания Курбского сильно отличается в Погодинском списке от других списков, и, судя по цитатам, содержащимся в первом послании Грозного, он в большинстве случаев лучше остальных списков воспроизводит оригинал):

«Царю, от бога препрославленному, паче во православии пресветлу явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротивным обретесь. Разумеваяй да разумеет совесть прокаженну имуще, якова же ни во безбожных обретается. И болши сего глаголати о всем по ряду не попустих моему языку; но гонения ради прегорчайшаго от державы твоя, и от многие горести сердца потщуся мало изрещи ти, о царю.

«Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, данных ти на врага твоя, различными смертями расторгл еси, и победоносную, святую кровь их во церквах божиих пролиал еси, и мученическими кровями праги церковные обогрил еси, и на добротных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от века муки и смерти и гоненья умыслил еси, изменами и чаровани и иными неподобными облыгая православных, и тцася со 'усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывать? Что провинили пред тобою, и чем прогневали тя кристьянский предстатели? Не прегордые ли царства разорили и подручны тебе сих во всем сотворили, у них же прежде в работе были праотцы наши? Не предтвердые ли грады ерманские тцанием разума их от бога тебе данны быста? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас? Али ты безсмертен, царю, мнишися, и в небытную ересь

прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судье, надежде христианской, богу начальному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду, паче же не обинуяся пред гордым гонителем и хотяще изяззати их до власти¹ прегрешения их, яко же словеса глаголют? Он есть — Христос мой, седяше на престоле херувимстем, одесную величества во превысоких, — судитель между тобою и мною.

«Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвиг еси! и коих лжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившая ми ся от тебе различные беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, и понеже горестью еще душа моя объята бысть. И вкупе вся реку конешне: всего лишен бых, и от земли божия тобою туне отогнан бых. И воздал еси мне злая возлагая,² и за возлюбление мое — непримирительную ненависть. И кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смыслих и совесть мою свидетеля поставлях, и исках, и зрех мысленно и обращаяся, и не вем себе, и не наидох ни в чем пред тобою согрешивша. Пред войском твоим хожаях и схожах, и никоего тебе безчества приводях; но развее победы пресветлы, помощию ангела господня, во славу твою поставлях и никогда же полков твоих кристьян к чюжим обратих; но паче одоления преславна на похвалу тебе сотворих. И сие ни во едином лете, ни в двою, ни³ в довольных летех потрудихся, многими поты и терпением; яко мало и рождешии мене зрех и жены моея не познавах, и отчества своего отстоях, но всегда в дальноконных градах твоих, против врагов твоих, ополчяхся и претерпевах естественныя болезни, имже господь мой, Иисус Христос свидетель; паче же уящен бых ранами от варварских рук в различных битвах, и сокрушено уже ранами все тело имея. Но тебе, царю, вся сия ни во что же бысть.

«Но хотех рещи вся по ряду ратные мои дела, их же сотворих на похвалу твою, но сего ради не изрекох, зане лутчи един бог весть: он бо, бог, есть всем сим мздовоздаватель, и не токмо сим, но и за чяшу студеныя воды. И еще, царю, сказую ти и х тому: уже не узриши, мною, лица моего до дни Страшного суда. И не мни мене молчати ти о сем: до дни скончания живота моего буду безпрестанно со слезами вопияти на тя пребезначальной троицы, в нея же верую; и призывая в помощь херувимского владыку, мать, надежу мою и заступницу, владычипу богородицу, и всех святых, избранных божиих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

«Не мни, царю, ни помышляй нас суемудренными мыслями, аки уже погибших, и избьенных от тебе неповинно, и заточенных, и прогна-

¹ В других списках до влас.

² В других списках за благие.

³ В других списках но.

ных без правды; не радуйся о сем, аки одолением тщим хваляся: разсеченный от тебе, у престола господня стояше, отомщения на тя просят; заточенные же и прогнанные от тебе без правды от земля ко богу вопием день и ночь на тя! Аще и тмами хвалишися в гордости своей, в привременном сем и скоротекущем веке, умышляючи на кристьянской род мучительныя сосуды, паче же наругаючи и попираючи ангельский образ, и согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы бесовские, согласным твоим боярогубителем души твоей¹ и телу, иже и детьми своими, паче Кроновых жерцов, действуют. И о сем, даже и до сих. А писанье сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложить, грядущи с тобою на суд бога моего, Иисуса. Аминь. Писано во граде в Полмере, господаря моего, Августа Жигимонта короля, от него же надеян много пожалован быти и утешен ото всех скорбей моих, милостию его господарскою, паче же богу ми помогающе.

«Слышах от священных писаний, хотящая от дьявола пущенна быти на род кристьянский прогубителя, от блуда зачатого, богоборнаго антихриста, и видех ныне сигклита, всем ведома, яко от преблужения рожден есть, иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили, аки делом антихристу: не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю! В законе господни в первом писано: „моавитин и аммонитин и выблядок до десяти родов во перковь божию не входят“, и прочая».

«Тимохи Тетерина.

«Господину Михаилу Яковлевичю Тимоха Тетерин да Марко Сары-хозяин челом бьет. Писал еси, господине, Волмер ко князю Олександру Полубинскому; а называеш нас, господине, изменники не по делом, и мы бы, господине, и сами так, уподобяся собаки, умели против лаяти, да не хотим такова безумия сотворити; а были бы, господине, мы изменники тогда, коли бы мы, ни мала скорби не претерпев, побежали или бы от государева жалованья; а то, господине, и так есмь виновати, что есмь не исполнили долго апостольского, паче же христова слова, и не бежали от гонителя, а побежали уже по многих нестерпимых муках и по наругани ангельского образа. И ты, господине, убойся бога, паче гонителя и не зови православных кристьян, без правды мучимых и прогнанных, изменниками.

«А и твое, господине, чесное Юрьевское наместничество не лутчи моего Тимохина чернечества; а был еси, господине, наместником пять лет на Смоленске, а ныне тебя государь одаровал наместничеством Юрьевским с пригородки, что Турской Мутьянского воеводством пожа-

¹ В других списках несогласным твоим бояром, губителем души твоей.

ловал; а жену и детей у тебя взял в закладе, а доходу тебе не указал ни пула; а велел тебе свою две тысячи рублей занявши проесть, а Полукашинным, господине, будет тебе заплатить нечем. А невежливо, господине, молвити: чью недобре и верить. Есть у великого князя новые верники: дьяки, которых его половиною кормят, а другую половину себе емят, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют.

«Да саблю, государю, хочешь на нас доводить, и в том, государь, сердцам зритель, волен бог. Он бо есть, зрит всех вину и правость сердечную. И ты, господи, не спеш, в стрельне сидя шестой год, хвалитися! А бог, государь, за грехи у вас ум отнял, что вы над женами и над детьми своими и над вотчинишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите. А сметь, государь, спросити: каково тем женам и детям, у которых отцов различными смертями побили без правды? А мы тебе, господине, много челом бьем».

Погодинский сборник был известен Г. З. Кунцевичу, который, как уже указано, напечатал по этому сборнику грамоту гетмана Полубенского и использовал его (в вариантах) при напечатании первого послания Курбского царю, послания его старцу Вассиану и послания Тетерина Морозову. Однако Кунцевич не воспользовался этим сборником при напечатании первого послания Грозного Курбскому — очевидно потому, что текст этого послания дефектный (без конца). На том же основании не придал этому списку значения и П. В. Вилькошевский,¹ ознакомившийся с ним только по описанию Г. З. Кунцевича. Для того, чтобы понять всю ошибочность этого решения, достаточно указать на время написания этой рукописи. Первая тетрадь, включающая послание царя, по почерку (см. репродукцию) и водяному знаку [кувшинчик, точно определяемый по Н. Лихачеву (Палеографическое значение бумажных водяных знаков), № 4127=1611—1612 гг.] относится к самому началу XVII в., т. е. она не менее, чем на полвека старше всех до сих пор известных списков послания (все они — не раньше середины XVII в.).

Но достоинство Погодинской рукописи не только в ее древности. Обратившись к тексту первого послания, мы убедимся, что перед нами новая редакция этого послания, существенно отличающаяся от известных до

¹ В своей статье Вилькошевский совсем не разбирает этот список, упоминая его лишь в числе списков «неопределенной редакции», о существовании которых он узнал из рукописных заметок Кунцевича (ук. соч., стр. 75, прим. 1 и 76). Отметим кстати, что перечень списков первого послания, сделанный Вилькошевским, изобилует множеством ляпусов (напр.: «Рум. муз., № 780» — несуществующий №, неверные ссылки на номера Тихомировского собрания и т. д.) и может только дезориентировать исследователя. Очевидно Вилькошевский, воспользовавшись рукописными заметками Кунцевича, не попытался проверить их *de visu*.

сих пор. Уже заголовок послания — «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников. . .» — сразу показывает нам, что мы имеем дело не с текстом, связанным с традицией собрания сочинений Курбского. Однако это и не текст упомянутой краткой редакции: он несколько не уступает текстам «сборников Курбского» и хронографа в полноте (и даже превосходит их), и «светские» места здесь не опущены.

В том, что Погодинский список восходит к более раннему протографу, чем известные до сих пор списки, легко убедиться, если систематически сопоставить текст этого списка с другими списками. Погодинский список сильно отличается от всех остальных, и почти всегда он дает более осмысленные и исправные чтения. Особенно ясно это обнаруживается на цитатах (из Библии и «отцов церкви»), в изобилии встречающихся в тексте первого послания: там, где в других списках текст был искажен настолько, что редактору издания 1914 г. Г. Кунцевичу приходилось восстанавливать его по первоисточникам (печатая также восстановленные по Библии и другим памятникам места курсивом), мы в Погодинском списке читаем правильный текст, соответствующий источнику [например конец цитаты из послания ап. Иакова (ср. в нашем издании стр. 83 и 23), из книги пророка Исаи (стр. 86 и 25) и др.]. Погодинский список устраняет и разъясняет десятки бессмысленных мест, имеющих в других списках: например, вместо упомянутого выше загадочного утверждения, что библейский царь Давид «убогих причитательных в вотчинники», мы читаем здесь иронический вопрос к Курбскому (о жертвах Давида): «как убо сих причитаеши в мученики?» (стр. 81 и 19); вместо вопроса Курбскому: «или мнишеся, яко ты еси Авенир сын Ниров, храбрейший возрастом? Или еже такие писания злобесным своим обычаем нечестия сотворяете?», читаем: «или мнишеся яко ты еси Авенир сын Ниров, храбрейший во Израиле, еже такие писания злобесным обычаем. . . писати?» (стр. 79 и 17); искаженное имя библейского жреца «Лия» читается здесь правильно «Илья» (стр. 85 и 23); три сына императора Константина, которые в других списках именуются одинаковым именем «Константин», здесь правильно названы «Константин, Конstantий и Конста» (стр. 85 и 24); имя короля «фрягов» — «Карул» (Карл), пропущенное во всех остальных списках [и восстанавливавшееся Устряловым по догадке (см.: «Сказания кн. А. М. Курбского», изд. 1868 г., прим. 242)], здесь читается (стр. 87 и 26), и т. д.¹ Но Погодинский список не только помогает нам значительно исправить текст

¹ Более правильным представляется нам и чтение Погодинского списка «играм быти» вместо «имый грѣм бытие» в других списках (ср. стр. 77 и 15). — см. об этом «Комментарии», прим. 11.

первого послания Грозного Курбскому. Список этот дает нам и два совершенно новых отрывка первого послания, пропущенных во всех других списках и до сих пор неизвестных. Первый из этих кусков относится к рассказу об истории Византии, приводимому царем в доказательство недопустимости подчинения царской власти «епархам и сигклитам». После описания царствования Льва Великого, в других списках послания читается загадочная фраза: «Во царство Анастасия Дикотра Драчанина не болми нача оскудевати», а после этой фразы следуют обличения каких-то «людей сих» и библейская цитата (стр. 85). В Погодинском списке мы читаем «Во царство Анастасия Дикорота Драчанина болми нача оскудевати греческая вера и власть», и после этого идет изложение византийской истории VI—VII в. н. э., отсутствующее в других списках (стр. 24). Заканчивается этот отрывок указанием на то, что, несмотря на военные поражения Византии при Юстиниане («Иустине») Курбосом, «епархи и сугклиты» не перестали «меж себя ратоватися», после чего естественно звучат энергичные замечания про «людей сих», имеющиеся и в других списках.

Еще интереснее другой отрывок из первого послания Курбскому, сохранившийся только в Погодинском списке и впервые печатаемый в настоящем издании. Он примыкает к тексту послания, говорящему о разнице между отшельничеством, монашеством, духовной и светской властью. Во всех других списках, кроме Погодинского, после фразы «разумей разньство постническому и общежителству, очима видел еси и отселе можешь разумети» следует библейская цитата против «владения многих» (стр. 88). У исследователей создавалось впечатление, что Грозный специально хочет подчеркнуть разницу между отшельничеством («постничеством») и монашеским «общежитием» [Жданов (ук. соч., стр. 150) делал даже из этого далеко идущие выводы об идеологии Грозного вообще]. В Погодинском же списке мы читаем: «разумей разньство посничеству и общежителству и святителству и царьству»; после этого следует очень яркое противопоставление царской власти — духовной (царь не может, по евангельскому завету, если его ударят в «ланицу», подставлять другую), а затем начинается совершенно новый сюжет: царь полемизирует с желанием Курбского и его единомышленников «на градех и властех совладети», т. е. восстановить систему наместничества времени «боярского правления» (стр. 27). Именно к этому острому вопросу и относится библейская цитата против «владения многих». Таким образом, несмотря на дефектность текста первого послания в Погодинском списке (до нас дошло не больше половины послания), этот список оказывается чрезвычайно ценным при издании первого послания.

Вопрос о происхождении Погодинского сборника (точнее, интересующей нас первой тетради этого сборника) может быть, конечно, решен

только предположительно. Очевидно, составитель его не стремился специально подобрать сочинения Курбского или царя. Заметим, что в круг его внимания попали, наряду с посланиями обоих этих лиц, еще послание Курбского в *Печерский монастырь*, послание Тетерина *юрьевскому* воеводе и послание Полубенского двум лицам, также находившимся в *Юрьеве* (см.: А. М. Курбский, Соч., стр. 497). Все это ведет нас к одному району [Юрьев (Тарту) и Печерский монастырь (Петсери) находятся, как известно, поблизости]. Не из этого ли пограничного с польской Ливонией района, откуда бежал Курбский, и точнее — не из Печерского ли монастыря (с которым, как свидетельствует его грамота Вассиану, он сносился и после бегства) происходит наш сборник?

Так это или нет, во всяком случае Погодинский сборник явно независим от собрания сочинений Курбского, составленного в Польско-Литовском государстве, и текст послания царя, содержащийся в нем, восходит к более раннему протографу, чем текст «сборников Курбского» и хронографа (см. генеалогическую схему списков первого послания), — вероятнее всего к официальному тексту, посылавшемуся «во все Российское царство» (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печера).

Погодинский список — наиболее ранний и наиболее исправный из всех существующих списков первого послания Курбскому. Но список этот, как уже указано выше, не имеет конца. Текст его обрывается на известии о возвышении Сильвестра (стр. 37). К счастью, мы можем восполнить этот недостаток благодаря другой находке: второму списку той же редакции.

Второй из списков этой группы находится в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в собрании Археографической комиссии, № 41. Это — сборная рукопись, состоящая из разных тетрадей, написанных разными почерками на однотипной бумаге. Состав сборника: отрывок из рассказа Повести временных лет о крещении Руси; летописные заметки, переходящие в разрядные записи до 1589 г. (царствование Федора Ивановича); первое послание Грозного Курбскому (без начала — л. л. 254—359 об.); хронограф 2-й редакции (1617 г.), также без начала. Первое послание в этом списке представляло, повидимому, когда-то отдельную рукопись, так как оно имеет особую древнюю нумерацию листов (по тетрадкам), так же как следующий за ним хронограф (по листам).

Список Археографической комиссии, так же как Погодинский, не был издан. О нем не упоминают ни Н. Устрялов, ни Г. З. Кунцевич,¹

¹ В рукописных заметках Г. З. Кунцевича, использованных П. Вильношевским, эта рукопись, очевидно, не упоминалась, так как о ней ничего не сообщает Вильношевский (ун. соч., стр. 75—76).

хотя трудно понять, каким образом Г. З. Кунцевич, выпустивший «Сочинения А. М. Курбского» в «Русской Исторической библиотеке», издаваемой Археографической комиссией, не знал о существовании списка, принадлежащего этой комиссии и описанного уже в 1882 г. (Барсуков. Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882). Если игнорирование этого списка Кунцевичем не случайное, а сознательное, то объясняется оно, очевидно, той же причиной, что и игнорирование Погодинского списка первого послания Грозного. Первое послание в списке Археографической комиссии дефектно: оно начинается со второй страницы текста (л. 254 в сборнике), затем следует 16-я страница (л.л. 254 об. — 255), затем 15-я (л.л. 255—255 об.), 14-я (л.л. 255 об. — 256), 13-я (л.л. 256—256 об.) и т. д., в такой же обратной последовательности вплоть до 3-ей страницы (л.л. 260 об. — 261); после чего с л. 261 следует 17-я страница текста и дальше весь текст в нормальной последовательности. Причина этой путаницы ясна: в руках переписчика был, очевидно, экземпляр, где первые 16 страниц были оторваны, причем первый лист был потерян, а остальные перевернуты в обратном порядке; добросовестный, но не слишком догадливый писец механически переписал их, не беспокоясь о получающейся бессмыслице (имевшаяся у него рукопись не совпадала по формату с дошедшей до нас, и концы страниц отыскиваются теперь в середине листов нашей рукописи).

Точно так же, как и в случае с Погодинским списком, дефектность списка Археографической комиссии ни в какой мере не может служить препятствием для привлечения этого списка. Как и Погодинский список, список этот древнее всех остальных: судя по почерку (см. репродукцию) и водяным знакам (лилия с буквами *MD* под нею и кувшинчик с буквами *VB* — точно по Лихачеву не определяется), он относится к первой половине и даже, скорее всего, к первой четверти XVII в. Но еще важнее — текст первого списка. Перед нами — несомненно та же первоначальная, не связанная с враждебной традицией (учтем, что послания Курбского в этом списке вообще нет!) редакция первого послания, что и в Погодинском списке. Заголовок послания (как и вся первая страница) здесь, правда, не сохранился, но достаточно просмотреть весь дальнейший текст (слова Грозного о царе Давиде, об Авенире и т. д.), чтобы убедиться в полном тождестве списка Археографической комиссии с Погодинским. Здесь имеются и выпущенные в других списках куски текста: из истории Византии, о различии царской и духовной власти и т. д.

Принадлежа к той же редакции, список Археографической комиссии несомненно написан худшими переписчиками, чем Погодинский список. Уже отмеченная выше путаница в начале послания не говорит

в пользу этого списка; в дальнейшем тексте (написанном, правда, другой рукой, чем первые листы) также немало изъянов: пропусков букв, целых слов, иногда прямых искажений (так, например, сходные имена сыновей императора Константина здесь также слиты в одно «Константин», хотя несколько иначе, чем в большинстве списков: «чяда его разделиша власть: Константин же в Риме, Константин же в Долматии»). Переписчики списка Археографической комиссии и сами, повидимому, не переоценивали своих палеографических способностей: не разобрав то или иное слово, они нередко оставляют в соответствующем месте рукописи пробел.

Для первой половины послания, сохранившейся в Погодинском списке, список Археографической комиссии имеет относительно второстепенное значение — лишь в нескольких местах он помогает исправить опiski Погодинского списка. Но для второй половины послания, где у нас имеются только списки, связанные с традицией Курбского (или фрагменты текста в краткой редакции), значение этого списка едва ли можно переоценить. Несмотря на свои дефекты (и даже вопреки им) список Археографической комиссии помогает исправить и восстановить множество мест в до сих пор известном тексте послания. Тексты цитат (из Григория Богослова и Дионисия Ареопагита) здесь значительно ближе к подлинникам, чем в других списках (ср. стр. 116, 51 и 112, 65). Вместо непонятной фразы: «Безсмертен быти мяся, понеже смерть Адамский грех» (стр. 114) мы читаем здесь «Безсмертен быти не мяся» — оправдание царя против обвинения Курбского, что он «мнит себя бессмертным» (стр. 49); вместо «сие же м н я х у подлежит, еже человеком яко скотом быти» (стр. 114) — «сие же с м е х у подлежит» (стр. 50) и т. д. Уже Н. Устрялов обратил внимание на замечание Грозного по поводу поведения бояр под Казанью: «И тако ли прегордые царства разоряете, еже народ безумными глаголы науцати и от брани отвращати, подобно Юношу Угорскому?». Устрялов (ук. соч., прим. 275) предположил, что царь намекает на одного из героев русской сказки «Дракула Мутьянский воевода». И. Н. Жданов (ук. соч., стр. 115—116), не соглашаясь с этим толкованием, предположил вместо этого, что «Юноша Угорский» это «Януш Угорский» — венгерский магнат Ян Заполя. В Археографическом списке мы находим подтверждение этой гипотезы: там прямо читается «подобно Янушу Угорскому» (стр. 47).

Еще более интересное дополнение дает список Археографической комиссии к известному ответу царя на угрозу Курбского «не явить» ему своего лица до Страшного суда: «Кто же убо восхоиет — такового ефиопскаго лица видети?» (стр. 124). Смысл этой фразы, воспринимавшейся историками как простая полемическая грубость, становится понятным из дальнейшего текста нового списка: «Где же убо кто обрящет мужа прав-

дива, иже серы очи имуща? Понеже вид твой злолукавый прав исповедует» (стр. 57). После этого следует также совершенно новый текст, являющийся ответом на другую угрозу Курбского: «А еже убо не хоцещи молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и пречистой владычицы богородице и всем святым, воспомани же к сему, окоянные, аще бы праведне молился еси, рече на нас в послании божественного [Дионисия] о Поликарпе епискупе. . .». Дальнейший рассказ отличается некоторой композиционной запутанностью: в доказательство недопустимости «молиться за погибель» кого бы то ни было, царь приводит два сходных рассказа о «святых мужах» Карпе и Поликарпе, дважды сопровождая их одинаковым заключением: «И аще убо такова праведна и свята мужа и праведне молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебе, пса смердяща. . . не послушает. . .». Вряд ли можно, однако, считать эту композиционную запутанность (встречающуюся, как мы увидим, и в списках хронографической редакции) делом рук переписчика списка Археографической комиссии: соединение двух сходных рассказов и повторение одинакового заключения могло иметь место и в оригинале послания Грозного (см. об этом ниже, в комментарии к первому посланию, прим. 51).

И, наконец, список Археографической комиссии помогает разрешить поставленный выше вопрос о первоначальном порядке изложения в середине и конце послания Грозного. Мы уже обратили внимание на загадочное место в средней части послания: начав говорить о «супротивословии» Сильвестра против Ливонской войны, царь затем упоминает зачем-то сирую вдовицу и дальше следует текст, по смыслу относящийся к заключительной части послания. Мы высказали уже предположение, что текст этот попал в середину послания по ошибке — из-за перестановки страниц.¹ Список Археографической комиссии полностью подтверждает это предположение. Весь текст, от слов «восхитити возможет, иже сиру и вдовице» и кончая словами «Аще бо на торжищих видиши рабы владыце и старцу юношу», действительно находится здесь в конце (стр. 62—67), а читаемые в разных местах других списков концы фраз: «Како же убо воспомяну о гермонских градах супротивословие попа Селивестра. . .» и «. . . и Алексея и всех вас на всяко время» слиты в одну, вполне понятную и осмысленную фразу: «Како же убо воспомяну о гермонских градах супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, и како убо, лукавого ради напominания Датц[к]ого короля лето цело дасте безлепа рифлянтom збиратися?» (стр. 49). Речь

¹ У автора настоящего обзора это предположение возникло еще до ознакомления со списком Археографической комиссии, найденным уже после того, как вся работа над изданием была окончена.

идет, конечно, о перемирии с Ливонией, заключенном согласно ходатайству датского короля в 1559 г. по докладу Алексея Адашева. Дальнейший текст также вполне последователен: царь продолжает обсуждение ливонского вопроса, затем переходит к вопросу о том, действительно ли он «всеродно погубляет» собратьев Курбского, и далее вплоть до конца неизменно следует порядку изложения в письме Курбского, Замечание о сирой вдове оказывается частью характеристики Польско-Литовского государства (стр. 62), а кусок фразы Дионисия Ареопагита примыкает к другому куску той же фразы (стр. 67).

Таким образом, Погодинский список и дополняющий его список Археографической комиссии представляют собой списки первоначальной редакции первого послания Грозного Курбскому. Естественно поэтому, что в настоящем издании мы используем именно текст этих списков для перевода и комментария к посланию (издавая наряду с ним также текст «сборников Курбского» и краткой редакции). Текст Погодинского списка (в разночтениях — *П*), как более исправный, мы принимаем за основу вплоть до его окончания; дальше в основу кладется текст списка Археографической комиссии (в разночтениях — *К*).

Г р у п п а представлена четырьмя списками:

1) Хронограф из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 165 (б. собр. Толстого, I. 65; в лист). По почерку (скоропись) и водяным знакам (герб Амстердама — Лихачев, № 3547 = 1687 г.) относится к последней четверти XVII в. Состав рукописи: хронограф, доведенный до воцарения Михаила Федоровича (в тексте упоминается и о смерти этого царя);¹ после главы 385 «О взятии Полоцка» следует глава 386 «Об отъезде в Литву боярина князя Андрея Курбского», включающая первое послание Курбского царю и послание Тетерина Морозову; после нее — глава 387 «О послании царя Ивана Васильевича . . . и о взятии литовского города Озерищ», в составе которой (л. л. 673—720 об.) и находится интересующий нас текст послания Грозного (далее следует глава 388, «Об опришнине»).

2) Хронограф из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 198. В изданиях Н. Устрялова и Г. З. Кунцевича не привлекался. Совершенно идентичен

¹ По своему содержанию этот хронограф не совпадает ни с хронографом второй, ни с хронографом третьей редакции по классификации А. Н. Попова: он ближе ко второй редакции, но дополняет ее по другим источникам (ср.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, т. II, стр. 258—262; А. Н. Попов. Изборник славянских и русских статей хронографа, стр. 398—412; С. Ф. Платонов. Древне-русские сказания и повести о смутном времени. Соч., т. II, СПб., 1913, стр. 419—420).

с предыдущим списком не только по составу, водяному знаку и общему характеру почерка (скоропись), но и по индивидуальным чертам почерка, — едва ли можно сомневаться, что оба хронографа писаны одним писцом. Послание Курбскому — на л.л. 659 об. — 707.

3) Степенная книга из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из собрания Петербургской духовной академии, А 1/91 (в лист). По почерку (полуставная скоропись) и водяным знакам (лев в круглом гербовом щите, — Тромонин, № 926—930=1681 г.) относится к последней четверти XVII в. Состав рукописи: «Степенная книга», 17-я «степень» которой включает статью «Об отъезде в Литву боярина князя Андрея Курбского», первое послание Курбского, послание Тетерина, после которого (без обозначения новой главы, как в хронографе, но с тем же заголовком) — первое послание Грозного (л.л. 588 об. — 628 об.).

4) Рукопись Государственного Исторического музея (ГИМ), Уваровское собрание, 330 (из библиотеки Сахарова). Привлекается в настоящем издании впервые. По почерку (скоропись) и водяным знакам (гербовый щит, приблизительно соответствующий изображению у Тромонина, № 123) относится к середине XVII в. Состав рукописи: первое послание Курбского под заголовком: «Лист, присланный из Лифлянской земли из града Волмера, от князя Андрея Курбского, глава 75»; первое послание Грозного (л.л. 6—57 об.): «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в землю Вишлянскую в град Волмерь ко князю Андрею Курбскому, глава 79». Текст первого послания Курбскому обрывается на последних страницах послания (стр. 68 настоящего издания). Заголовки посланий, написанные на отдельных подклеенных листах, — вероятно позднего происхождения; упоминания «глав» свидетельствуют о том, что текст посланий в Уваровском сборнике заимствован из какого-то хронографа или из Степенной книги. Текст первого послания Курбского совпадает с текстами предыдущих списков этой группы, но содержит ряд ценных разночтений — в нескольких случаях Уваровский список ближе к тексту *К*, чем остальные списки этой группы (напр., в цитате из Дионисия Ареопагита «на торжищах», а не «жилищах», как в остальных списках), иногда текст его является даже более исправным, чем текст *К* (см. разночтения к стр. 54, 56 и 57).

Как уже было указано выше, текст, содержащийся в хронографе и в сходных с ним списках, не может считаться столь же независимым от собрания сочинений Курбского, как текст *ПК*. Об этом говорит и заголовок первого послания в хронографе: «Послание. . . против его князь Андреева письма», и близкое сходство со «сборниками Курбского», обнаруживающееся даже в явных ошибках обеих групп списков. Так, отмеченная нами перестановка текста из конца в середину имеет место

в хронографе точно так же, как в «сборниках Курбского» (но, как уже было указано, заключительная часть цитаты из Ареопажита сохранилась здесь в конце послания, что облегчает возможность восстановления первоначального порядка). Сходство между этими двумя группами дало возможность Г. З. Кунцевичу издать текст хронографа вместе с текстом «сборников Курбского» (в аппарате); только в заключительной части он разделил эти тексты и дал текст хронографа отдельно. Однако текст хронографа и сходных с ним списков имеет и существенные отличия от «сборников Курбского». Начиная, примерно, с рассказов о детстве Грозного (стр. 34 и 94), хронограф систематически дает иные версии первого послания, чем «сборники Курбского», и во всех этих случаях оказывается ближе к *ПК*, чем последние. Хронограф воспроизводит, в частности, притчу о Карпе и Поликарпе, имеющуюся в *К*, несмотря на ее композиционную запутанность, — в хронографе эта запутанность еще усиливается, так как здесь пропущены вступительные слова («а еже не хоцещи молчати, но всегда проповедати на нас пребывначальной троицы. . .») и вся притча лишена мотивировки (начинаясь со слов: «глаголаше бо, яко оскорбевше»). Наблюдается в хронографе сходство и с другим текстом, в котором мы можем подозревать близость к протографу, — с краткой редакцией послания.¹ Эту особенность списков хронографической группы мы можем объяснять двояко: позаимствовав послание Грозного из собрания сочинений Курбского, хронограф мог дополнить и несколько видоизменить его по другому тексту, более близкому к оригиналу; возможно однако, что именно хронограф правильно передает текст собрания сочинений Курбского XVI в., а «сборники Курбского» внесли в этот текст новые искажения, еще более отдалив его от подлинника.

Ввиду того, что текст хронографа представляет собой своеобразное соединение текста «сборников Курбского» с текстом *ПК* и не содержит ничего, такого, чего не было бы в этих списках, мы не издаем текста хронографа и сходных с ним списков. Но относительная близость этой группы к *ПК* позволяет нам привлечь эти списки: хронограф F. IV. 165 (в разночтениях X; хронограф F. IV. 198 мы в разночтениях не отмечаем, ввиду его полной идентичности с F. IV. 165), Степенную книгу (в разночтениях — C) и Уваровский список (в разночтениях — У) для отдельных исправлений списков *ПК*; особенно полезными оказываются списки XCV для второй половины текста — ввиду большого числа мелких опечаток и погрешностей в *К*.

III группа списков первого послания состоит из многочисленных сборников Курбского. По составу этих сборников III группа может быть разбита на две подгруппы. К первой подгруппе относятся сбор-

¹ Это сходство отметил уже Вильношевский (ук. соч., стр. 74).

ники, содержащие, наряду с сочинениями самого Курбского, еще некоторые сочинения (Гваньини, Стрыйковского и др.); ко второй — сборники, составленные только из сочинений и переписки Курбского (с включением в нее первого послания Грозного).

К первой подгруппе относятся следующие списки:

1) Рукопись Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве, фонд № 181, дело № 60 (в лист; старый шифр: Гос. Древлехранилище, V отд., рубр. 2, № 18). По почерку (скоропись) и водяным знакам (герб Амстердама) относится к концу XVII в. (в 1690 г., судя по помете, принадлежала стольнику Ф. И. Дивову). Состав рукописи: «История о великом князе Московском» Курбского; первое послание Курбского царю, послание Тетерина Морозову, первое послание Грозного Курбскому (л.л. 123 об. — 176), второе послание Курбского царю, третье послание Курбского, служащее ответом на второе послание Грозного (второго послания Грозного нет!), послания Курбского Константину Острожскому, Козьме Мамоничу и многочисленные послания другим лицам; отрывок из «Описания Московии» Гваньини — «Об обычаях царя и в. к. Ивана Васильевича»; 4-я глава «Хроники» Матвея Стрыйковского, другой отрывок из «Описания Московии» Гваньини и сочинение неизвестного автора — «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань».

2) Рукопись Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. № 1494 (в лист). По почерку (скоропись) и водяным знакам (лев в круглом гербовом щите — Тромонин, № 926—930=1681 г.) относится к последней четверти XVII в. Состав этой рукописи вполне сходен с предыдущей («История о великом князе Московском», переписка Курбского, Гваньини и т. д.); первое послание Грозного — на л.л. 112—173.

С этими списками XVII в. совпадают по составу многочисленные списки XVIII—XIX вв. Не привлекая их, вслед за Г. З. Кунцевичем, к изданию (так как они не содержат никаких ценных разночтений по сравнению с более ранними списками), мы отмечаем, однако, их шифры (не приводя других археографических данных):

3) Государственный Исторический музей (ГИМ), Увар. 242. XVIII в.; состав сходен с предыдущими.

4) ГИМ, Увар. 302. XVIII в.; состав тот же.

5) ГИМ, собрание Барсова, 366. XVIII в.; состав тот же.

6) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, 779. XVIII в.; состав тот же.

7) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 4851. XVIII в.; состав тот же, но отрывок из Гваньини помещен после рассказа о походе на Астрахань.

8) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 1131. XVIII в.; состав тот же, но нет рассказа о походе на Астрахань.

9) Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из новых поступлений, К. п. ⁶²³1938. XVIII в.; состав тот же (рассказ о походе на Астрахань имеется).

10) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 2211—2212. XIX в. (1803 г.); состав тот же.

11) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Румянцевского музея № ССХL. XIX в.; состав тот же.

12) Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. IV. 337; «Похода на Астрахань» нет. Рукопись имеет собственноручные пометки Н. М. Карамзина.

13) Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. п. ⁴²⁶1929. XIX в.; «Похода на Астрахань» нет.

14) Рукописный отдел Библиотеки Академии Наук (БАН), Строгановское собрание, 62 (Р. О., 65). XIX в.; «Похода на Астрахань» нет.

Вторая подгруппа представлена только одной рукописью XVII в.:

1) Рукопись ГИМ, Синодальн. 136 (в лист). По почерку (скоропись) и водяным знакам (шут с картушем) относится ко второй половине XVII в. В состав рукописи входят те же сочинения Курбского («История о великом князе Московском», переписка), которые имеются в рукописях первой подгруппы, но других сочинений (Гваньини, Стрыйковского, «Похода на Астрахань») здесь нет. Первое послание Грозного — л. л. 124—178.

Остальные рукописи этой подгруппы относятся к XVIII в.:

2) ЦГАДА, ф. 181, № 282.

3) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание ОИДР, № 115 (119).

4) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 780.

5) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 8991. Вторая половина XVIII в.

6) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. 1492. Рукопись представляет собой третий том трехтомного сборника сочинений Курбского и включает только его переписку.

7) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, новые поступления, К. п. ⁴⁴⁵1929. Рукопись совершенно сходна с предыдущей (третий том сборника сочинений Курбского).

Как мы видим, первая половина текста во всех списках этой многочисленной группы совпадает: сочинения и переписка Курбского содержатся в списках обеих подгрупп, в одном и том же составе и почти в одинаковом порядке. Такое совпадение позволяет предположить, что текст «сборников Курбского» в целом восходит к одному протографу — скорее всего, к упомянутому выше собранию сочинений Курбского. Как уже было указано, такое собрание (включающее в себя многочисленные послания беглого князя к различным адресатам, его богословские и другие сочинения) могло быть составлено, вероятнее всего, при жизни или сразу после смерти Курбского — им самим или кем-нибудь из его сподвижников.

Само собой разумеется, что в состав этого собрания сочинений Курбского могли входить и произведения других авторов (как, например, первое послание Грозного), — условный термин «собрание сочинений» не следует, конечно, понимать в современном смысле слова. Встает вопрос: какая же из двух подгрупп «сборников Курбского» более правильно отражает состав первоначального собрания сочинений — входили ли в состав этого собрания сочинения Гваньини и другие произведения, или они были вставлены в более позднее время?

Текст «Хроники» Стрыйковского, имеющийся в списках ЦГАДА № 60 и Погод. № 1494 (и в сходных списках XVIII—XIX вв.), говорит как будто в пользу второго предположения. Текст этот содержит прямое указание (в списке ЦГАДА — л. 325 об.) на то, что перевод «Хроники» Стрыйковского был сделан «тщанием Андрея Лызлова» в 1682 г. Ясно, что текст этот не мог находиться в составе первоначального собрания сочинений и попал в «сборники Курбского» в конце XVII в.

Но относится ли этот вывод и ко всем сочинениям других авторов, попавшим в «сборники Курбского (первая подгруппа)? Акад. А. И. Соболевский, специально исследовавший язык перевода двух отрывков из Гваньини, содержащихся в сборниках Курбского, пришел к выводу, что перевод этот современен подлиннику (книга Гваньини вышла в Польше в 1581 г.) и «сделан кем-нибудь из беглецов, близких к Курбскому».¹ По содержанию отрывки из Гваньини (один из них специально посвящен описанию «тиранства» Грозного), несомненно, могли быть включены в собрание сочинений Курбского рядом с его «Историей о великом князе Московском»: «Описание всех стран Московии» Гваньини представляет собою памфлет, направленный против Грозного, и своей резкостью вызывавший протесты даже среди иностранцев.²

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература древней Руси, СПб., 1903, стр. 76.

² Ср.: Е. Шмурло. Известия Дж. Тедадьи о России времени Иоанна Грозного. ЖМНП, 1891, № 5, стр. 132. По сообщению польского королевского секретаря Пётровского, памфлет Гваньини был послан Баторием вместе с ответом на печатаемое

Третье из сочинений, не подписанных именем Курбского, но входящих в сборники его сочинений, — «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань» — также могло входить уже в состав собрания XVI в. Повесть эта довольно давно известна в науке: в 1872 г. она была издана в «Записках Одесского общества истории и древностей» (т. VIII) по списку XVII в., имевшему заголовок: «История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета от создания мира 7185, а от рождения Христова 1677». В статье «Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.» (Историч. записки, № 22, 1947) П. А. Садиков указал, что заголовок этот не верен и что изданная Одесским обществом повесть представляет собою копию XVII в. с написанного современником рассказа о знаменитом походе турок на Астрахань в 1569 г. П. А. Садиков предположил также, что автором этого рассказа был западно-русский шляхтич Тарановский, посланный польским королем к Девлет-Гирею в 1569 г.,¹ — предположение, правильность которого подтверждается при сопоставлении повести «О приходе турецкого и татарского воинства» с источником, оставшимся, по видимому, вне поля зрения исследователя: с «Хроникой Польши» Мартина Бельского.² Рассказ Тарановского, содержащийся в этой хронике, действительно дословно совпадает с повестью, — в повести опущены только прямые указания на авторство Тарановского. П. А. Садиков, как и другие исследователи, не обратил также внимания на то, что русский текст повести Тарановского, наряду со списком, изданным в 1872 г., сохранился еще во многих (не менее 10) списках — в «сборниках Курбского». А между тем, при сопоставлении повести Тарановского «О приходе на Астрахань» с другими источниками о походе 1569 г. (донесение Семена Мальцева из Крыма, рассказ, включенный в отчет Новосильцева, русского посла в Турции) мы обнаруживаем в ней некоторые любопытные особенности: Тарановский утверждает, что турецко-татарское войско принуждено было удалиться в результате поражения, нанесенного им русским «воинством» «под справою князя Серебряного», между тем как другие источники ничего не говорят о прямом столкновении турок с русским войском.³ Эта особенность повести Тарановского кажется нам еще более любопытной, когда мы узнаем, что, расходясь в описании событий 1569 г. решительно со всеми

в настоящем издании послание к нему Грозного. (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1885, стр. 53; ср.: В. Новодворский. Борьба за Ливонию. СПб., 1904, стр. 219, прим. 3). Сообщение Петровского устраняет сомнения по этому вопросу: И. Н. Жданова (ук. соч., стр. 137), знавшего только известие Гейденштейна и грамоту Стефана Батория.

¹ П. А. Садиков, ук. соч., стр. 141.

² Kronika polska M. Bielskiego, t. VII, ks. 5, Warszawa, 1832, стр. 195—212. За указание на этот источник я весьма признателен доценту Ф. Е. Петрунь.

³ П. А. Садиков, ук. соч., стр. 139—140.

русскими источниками (разрядные книги тоже ни слова не говорят о сражении русской рати с турками под Астраханью), Тарановский сходится в этом отношении с одним иностранным источником, до сих пор неизвестным русским историкам. В донесениях, которые посылал императору Максимилиану II из Польши его агент, аббат Цир,¹ содержится известие о событиях 1569 г., совпадающее с повестью «О приходе на Астрахань»: здесь также говорится о разгроме турецко-татарского войска «московитами». Откуда же черпает свои известия Цир? Судя по донесениям Цира, его осведомителями в русских делах были два русских эмигранта—Владимир Заболоцкий и, главным образом, постоянный собеседник императорского агента, разговорам с которым посвящено множество писем Цира, — «дражайший (carissimus) Курбский». Зачем же Курбскому и его единомышленникам понадобилось распространять известие о победе русских войск, о которой умалчивают источники, написанные на Руси? Дело здесь было, вероятно, не только в том, что «крестопреступники» любили подчеркивать свою враждебность к «бесерменам» (см. выше, стр. 494). Распространяя вести о победе «московитов», осведомители Цира (как и Тарановский) прославляли тем самым и полководца, возглавлявшего войско «московитов» под Астраханью. А это был князь П. С. Серебряный-Оболенский, тот самый «муж нарочит в воинстве», который был казнен в 1570 г. и гибель которого Курбский оплакивал в «Истории о великом князе Московском». Единомышленники Курбского, уже в конце 1569 г. поспешившие осведомить императорского агента о победе Серебряного,² естественно, могли включить в состав сочинений Курбского, наряду с его «Историей о великом князе Московском», и повесть Тарановского о военных успехах «нарочитого мужа», казненного «великим князем».

Итак, вопрос о первоначальном составе собрания сочинений не может считаться разрешенным: наряду с сочинениями самого Курбского (и первым посланием Грозного), в эту антологию могли входить и некоторые сочинения, сохранившиеся в первой подгруппе «сборников Курбского». Но какие именно это были сочинения и каков вообще был состав собрания сочинений XVI в. — мы не знаем.

То же самое можно сказать и о тексте первого послания Грозного в этих «сборниках». Текст этот, несомненно, еще дальше отстоит от *ПК*, чем текст *ХСУ*; первоначальный текст парского послания подвергся

¹ Донесение аббата Цира находится в Венском Государственном архиве, Polonica, Bericht Cyrus an Trautson, 26. Nov. 1569. Подробнее об этом источнике см. выше, стр. 493.

² Известие Цира о поражении турок не могло основываться на рассказе Тарановского: рассказ Цира о походе на Астрахань содержится в письме от 26 ноября 1569 г., а из донесения того же Цира от 7—8 января 1570 г. мы узнаём, что Тарановский вернулся в Польшу «несколько дней тому назад».

здесь систематической редакторской переработке. Но когда была произведена эта переработка — не известно: она могла быть произведена как редактором собрания сочинений Курбского XVI в., так и редактором XVII в. (в этом, втором случае, как мы уже указали, текст собрания сочинений XVI в. следует искать в списках *ХСУ*).

В литературном отношении текст «сборников Курбского», во всяком случае, имеет определенные преимущества над *ХСУ*. Это относится, например, к упомянутой выше притче о Карпе и Поликарпе. В списках *ХСУ*, как уже указывалось, притча эта столь же композиционно сложна, как и в *К*, и вдобавок начинается прямо с середины. В «сборниках Курбского» притча о Карпе опущена, оставлена только притча о Поликарпе, которая имеет вступительную мотивировку: «А еже речеши, глаголя: воссылати богу о отмщении своем, и сия или не веси, како преподобный Поликарп . . .» (стр. 121). Большая последовательность и осмысленность этой части текста «сборников Курбского» по сравнению с *ХСУ* дала основание немецкому переводчику первого послания Штелину (ознакомившемуся с этими списками по изданию Кунцевича) сделать вывод о первоначальном характере соответствующего места в «сборниках Курбского» по сравнению с *ХСУ* — рассказ о Карпе в *ХСУ* представляет собой, по мнению Штелина, постороннюю вставку в первоначальный текст Грозного (ук. соч., стр. 95, прим. b). Но мы знаем теперь, что рассказ *ХСУ* есть только испорченный вариант рассказа, читаемого в списке *К*. А рассказ о Карпе и Поликарпе в *К*, при всей своей композиционной сложности, несомненно ближе к первоначальному тексту Грозного, чем в «сборниках Курбского», — чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить вступления в обоих рассказах. В *К* мы читаем: «А еже убо не хочещи молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и всем святым. . .», — это действительные слова Курбского из его послания царю (см. выше, стр. 535); в «сборниках Курбского» вместо этого — весьма приблизительный пересказ: «А еже речеши, глаголя: воссылати богу о отмщении своем . . .». Очевидно, литературно сглаженный рассказ о Поликарпе в «сборниках Курбского» — плод редакторской работы: имея перед собой не удовлетворявший его по той или иной причине текст (может быть, такой, какой мы читаем сейчас в *ХСУ*), редактор подверг его стилистической правке.

За счет искажений переписчиков¹ и редакторской правки можно отнести большую часть отличий «сборников Курбского» от *ПК*. Но есть

¹ Одним из примеров таких искажений может, повидимому, служить текст, читающийся на стр. 106: «Тако и вы прегордые царства . . . подручны нам сотвори, талавии». Последнее слово Устрялов (ук. соч., стр. 435) переводил как «негодия». Однако, в списках *К* и *ХСУ* мы читаем вместо этого слова: «Тако же наш промысл, попечение о православии» (стр. 48). Естественно, возникает предположение, что «та-лавии» — это просто начало и конец пропущенной фразы.

в «сборниках Курбского» одно место, которое едва ли можно приписать редакторской руке: это — последний абзац послания, отсутствующий и в *K* и в *ХСУ*. Грозный упрекает самого себя за излишние разговоры с Курбским и цитирует царя Соломона: «з безумным не множи словес». Можно ли предполагать, что это замечание, столь оскорбительное для Курбского, сочинено «в стиле Грозного» кем-либо из редакторов XVII в. или даже составителем собрания сочинений XVI в.? Скорее — это подлинные слова царя. Но тогда почему они не попали в текст *K*? Не следует ли предполагать, что, адресовав и разослав свое послание прежде всего «во все Российское царство» (откуда — списки *ПК*), царь озабочился все же и об отправлении одного экземпляра послания «бывшему. . . боярину и советнику и воеводе, ныне же преступнику» и в этот-то экземпляр и приказал вписать дополнительную обиду — «з безумным не множи словес»? ¹

Верно это предположение или нет — во всяком случае существование такой возможности не позволяет нам игнорировать текст «сборников Курбского». Именно поэтому мы и решили в данном издании напечатать этот текст отдельно от текста Погодинского списка и списка Археографической комиссии. При издании первого послания Курбскому по спискам «сборников Курбского» в основу кладется список ЦГАДА (*Ар*); в вариантах привлекается список Погодинский № 1494 (*Пе*) и список ГИМ, Синод. 136 (*М*). При издании этих списков, несомненно уступающих в смысле точности передачи оригинала послания списку *П* с продолжением по *K*, мы в минимальной степени прибегали к исправлениям, стремясь дать представление именно о тексте протографа «сборников Курбского», а не о первоначальном тексте. В связи с этим (а также потому, что в «сборниках Курбского» нет продолжения цитаты из Дионисия Ареопагита) мы не исправляем здесь той перестановки текста из середины в конец, о которой упоминалось выше: место, попавшее, по нашему мнению, в середину по ошибке, остается в середине послания, но отмечается абзацами (без знаков препинания).

¹ Предположение, что текст «сборников Курбского» восходит к экземпляру, посланному Курбскому царем, было высказано уже Вилькошевским (ук. соч., стр. 73). Вилькошевский, однако, при этом предполагал, что текст «сборников» точно передает текст посланного царем экземпляра (так же как текст *ХСУ* точно передает текст оригинала, оставшегося в России) и что, в частности, сам царь, отправляя послание, выпустил оттуда конец цитаты из Дионисия Ареопагита, отсутствующий в «сборниках» (но имеющийся в *ХСУ*). Но мы знаем, что начало цитаты, обрывающееся на словах «старцу юношу. . .» в «сборниках» имеется (см. выше, стр. 113). Ясно, что конец цитаты из Ареопагита выпущен уже тогда, когда эта фраза была разорвана и вторая половина уже находилась вдали от первой: редактор, имевший в руках последовательный текст Ареопагита (как в *K*), а тем более автор, не стал бы обрывать цитату на середине фразы и оставлять текст, завершающийся бессмыслицей.

IV группа списков состоит из списков краткой редакции (3-й редакции, по классификации Г. З. Кунцевича).

1) Сборник ГИМ, Муз. 2524/42797 (в четверку). По почерку (скоропись) и водяным знакам (двойная геральдическая лилия, приблизительно определяемая по Лихачеву, № 4113/4114) относится к XVII в. Состав рукописи: краткий летописец, доведенный до смерти Михаила Федоровича (1645 г.); описание переговоров (легендарных) Ивана IV с турецким султаном и императором Максимилианом II (эта, по выражению Карамзина, «басня» встречается во многих сборниках XVII в.); первое послание Курбского Грозному, первое послание Грозного Курбскому (л.л. 50—72 об.); краткий летописец от 1571 г. до Федора Ивановича; послание Курбского старцу Вассиану (в Печерский монастырь) и др.

2) Сборник Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. 1573 (в четверку) включает ряд тетрадей, написанных разными почерками на разной бумаге. Тетрадь, включающая первое послание Грозного, судя по почерку (скоропись) и водяным знакам (шут с картушем?), относится ко второй половине XVII в. Состав рукописи близок к предшествующей: родословие русских князей, «записка событий» до 1593 г., описание переговоров с турецким султаном и Максимилианом II, первое послание Курбского царю, первое послание Грозного (л.л. 53 об. — 75 об.), послание Курбского старцу Вассиану и т. д.

3) «Степенная книга» из Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук (БАН), 32.8.5 (в лист). Привлекается в настоящем издании впервые. Включает две тетради, написанные на разной бумаге. Тетрадь, включающая послание Грозного, судя по почерку (скоропись) и водяным знакам (шут с картушем — Тромонин, № 649=1644 г.), относится ко второй половине XVII в. Состав рукописи: Степенная книга, начинаемая с середины 17-й степени (Грозный); под 7072 (1564) г. — «Послание великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца на крестопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищи об их измене в Литву» (л.л. 50—60); после окончания послания Грозного летописные известия за 7075 (1567) г. о посылке купцов в «Антроп», «Гурмыз» и «Ангилею» (ср.: Никоновская летопись, ПСРЛ, XIII, 408); житие митрополита Филиппа; повесть «о приходе в Новгород» Ивана IV; «Иное сказание» и другие сочинения о «смуте». Первое послание в этом списке имеет некоторые (небольшие) пропуски в тексте.

4) «Степенная книга» Рукописного отдела Библиотеки ЦГАДА, Древлехранилище, отд. V, рубр. 2, дело № 11. В предшествующих изданиях не привлекалась. По почерку (полуустав) и водяным знакам (шут с картушем и неопределенный знак) относится ко второй половине XVII в.

По составу весьма близка к «Степенной книге» БАН (после послания царя следуют такие же летописные заметки об отправлении купцов); послание Грозного (л.л. 961—975) имеет такой же заголовок и такие же пропуски в тексте.

Краткая редакция дошла в нескольких списках XVIII—XIX вв.

5) Рукописного отдела БАН, 24.5.38. Сборник «Источник правоучения Аристотелевы», XVIII в.

6) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Румянцевского музея, № ССXL, сборник сочинений Курбского, XIX в.

7) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание ОИДР, 645. XIX в.

8) ГИМ, собрание Чертова, № 80. XIX в.

Краткая редакция, как уже указывалось выше, представляет собой своеобразное сокращение полной редакции первого послания. Помимо сокращения (выпущены «светские» места), текст подвергся и некоторой перестановке. Для более ясного понимания структуры краткой редакции мы даем здесь таблицу, указывающую на соотношение ее текста с текстом полной редакции (привлекая для сравнения текст по Погодинскому списку, с продолжением по списку *К*, так как эти списки ближе к краткой редакции, чем «сборники Курбского»):

Текст	Страница краткой редакции	Страница списка <i>П</i> с продолжением по <i>К</i>
Начало до слов «преступивше крестное целование».	124—126	9—10
«и възъярився на мя... сия злобы сотвориши».	126	11
«се убо явственно... венец жизни носити» (внутри небольшие отличия).	126	12
«Како не усрамиши... и та суть стрелы».	126—127	13
«А еже писал еси... вольны же».	127	29—30
«А еже писал еси, аки не хотя... и мертвыми обладая».	127—128	50
«Мы же убо христиана... имеем предстатели христианский».	128	45
«Се ли убо горько и тма... что сладко и свет».	128	43
«Хто убо ты поставил судью или владетеля... Страшнаго суда?».	129	20
«Понеже убо се есть вина... царским владетелем неприлично».	129	23

Текст	Страница краткой редакции	Страница списка Л с продолжением по К
«Како же ты, собака, и того не рассудиши?».	129	51
«Станем же о сем разсужение имети... сан восхищаеши».	129—130	51
«Яко же в Старчестве... божий суд на ся восхищаеши».	130	52—53
«Пророк рече... тот тако, а иной инако».	130	28
«[Отвещай ми]: ¹ тако ли убо навывкл еси... яд отрыгаеши?».	130—131	13—14
«Како же убо ты добротных... не учинил, что ты».	131	28—29
«[А еже писал еси, яко безсмертен мнюся, и яв] бессмертен... долг всем человеком».	132	49
«Яко учительский сан восхищаеши... кто устне обуздал».	132	20—21
«[Апостолу Павлу глаголющу]: имуще образ благочестия... истинне».	132	22
«Якоже тогда, тако и ныне... свою погибель содеваеши».	132	18
«Яко же рече [убо] апостол... подвластных своих?».	133	18—19
«И всегда убо царем подобает обозрительным быти... месть злодеем».	133	20
«[В послании божественного Дионисия о] Поликарпе [Измирского] видение, еже моляшеся на еретиков... зане зле просите».	133—134	59
«Что, собака, и болезнуеш... множайше сего обрящеши».	134	16—17
«Таково ли благочестие держите... конец погибельный обрете».	134—135	17—18
«Вы же изменники... сласте рады просите».	135	60
«[Аз же] не о чем же убо не хвалюся... колебляся, писал еси» (внутри небольшие пропуски).	135—137	60—63
«Како же не устыдишися... и тайными умышлении».	137	19
«[Апостол] Павел, сие дерзнув... 7072-го июля в 5-й день».	138	70—71

¹ В прямые скобки берем текст, имеющийся в краткой редакции, но отсутствующий в К.

Выше уже указывалась главная причина, не позволяющая считать краткую редакцию первоначальной редакцией первого послания Курбскому: против этого говорит, в первую очередь, то обстоятельство, что ответ Курбского относится не к краткой, а именно к полной («широковещательной») редакции первого послания. Кроме того, краткая редакция, представляя собой набор библейских цитат, имеющих в полной редакции первого послания, несравненно уступает ей в последовательности и логической стройности: библейские цитаты, лишенные своего «светского» обоснования, нередко теряют смысл (напр. цитата «горе дому, имже обладает жена» без предшествующего текста о желании Курбского восстановить наместничество, — ср. стр. 28 и 130).

Но, не признавая краткую редакцию первоначальной редакцией первого послания Курбскому, мы должны, тем не менее, отметить целый ряд черт этой редакции, говорящих о том, что она независима от собрания сочинений Курбского и восходит к более раннему протографу (см. схему), чем «сборники Курбского» и хронограф. Об этом говорит уже заглавие краткой редакции: «на крестопреступников», а не «против князя Андреева письма». В связи с этим следует отметить, что в некоторых списках краткой редакции (напр. список БАН) нет даже первого послания Курбского. В пользу раннего происхождения краткой редакции говорит большая исправность и осмысленность текста в ней: в краткой редакции мы находим целый ряд совпадений со списками *ПК* и расхождений со всеми остальными списками (истолкование сходства между многовластием и женским характером, — стр. 28, 88 и 130; «сильный во Израиле» вместо бессмысленного «сильный возрастом» в других списках, — стр. 17, 79 и 134; «причитаеши в мученики» вместо бессмысленного «вотчинники», — стр. 19, 81 и 137; «юнный судья» вместо «изсудия» — стр. 51, 116 и 129, и т. д.). Восходя к более раннему протографу, чем «сборники Курбского» и хронограф, краткая редакция не имеет следов той путаницы текста, с которой мы встречались в списках *ХСУ* и в «сборниках Курбского». Несмотря на то, что краткая редакция в целом гораздо меньше следует порядку изложения в первом послании Курбского, ответ на приписку Курбского насчет «синклита, от преблужения рожденного» и «моавитянина и аммонитянина» правильно помещен здесь *после* ответа на последние слова текста (о положении «писания в гроб» и о «граде Волмере», — стр. 135—137), т. е. в том же порядке, как в послании Курбского.

Трудно сказать, при каких обстоятельствах возникла краткая редакция первого послания Курбскому. Имеющиеся в ней признаки раннего происхождения позволяют предположить, что сокращение и обработка первоначальной (полной) редакции были произведены еще при Грозном. Не едкая ли критика стиля Грозного у Курбского (в его ответе) дала

повод к исключению из послания «постелей», «телогреев» и прочих «басен неистовых баб», неприличных с точки зрения литературных вкусов XVI в.? Можно думать, что царь не был нечувствителен к такого рода критике. Может быть именно потому, что послание было подвергнуто такого рода официальной переделке, его первоначальная (полная) редакция и сохранилась только в неофициальной (Погодинский сборник, сборник Археографической комиссии) или враждебной («сборники Курбского», хронограф) традиции.

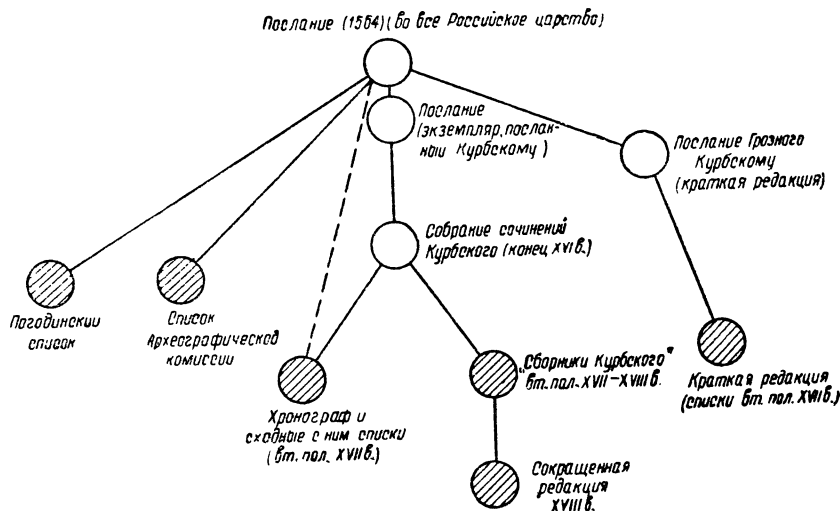

Схема происхождения списков первого послания Курбскому.

Учитывая возможность раннего (и даже, может быть, авторского) происхождения краткой редакции, мы печатаем её в настоящем издании по списку ГИМ, Муз. 2524/42797 (в разночтениях II) с разночтениями по списку ГПБ, Погод. 1573 (Б) и Библиотеки Академии Наук (А).

В группа списков первого послания Курбскому состоит из списков XVIII в. «сборников Курбского», заключающих в себе сокращенную редакцию первого послания, но совершенно отличную от той, которая представлена IV группой.

1) Сборник БАН, 16.9.12. По своему составу аналогичен «сборникам Курбского» XVII в. (список ЦГАДА, Погод. № 1494), с той лишь разницей, что отрывок из Гваньини здесь имеет заголовок: «Андрей Курбский, князь Иоаковль [sic!] об обычаях ц. и в. к. Иоанна. . .»; повести «О походе на Астрахань» нет.

2) Сборник Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Тихонова, 357. Состав такой же.

3) Сборник ГИМ, инв. № 2092, Муз. № 1117.

4) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Михайловского, Q. 281.

5) Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Лихачева, 46.

Сокращенная редакция XVIII в. не представляет, конечно, большого интереса для истории текста первого послания. В основе ее (как видно из состава сборников) лежат «сборники Курбского», подвергшиеся значительному искажению (автором сочинения Гваньини называется Андрей Курбский).

Текст первого послания сокращен не так, как в краткой редакции (IV группа): «светский» элемент не уменьшен, сокращение проведено систематически (была ли уже в протографе V группы путаница текста, отмеченная нами в ХСУ и в «сборниках Курбского» XVII в., сказать невозможно, так как в редакции опущено и место о «германских градах», и цитаты из Дионисия, и ответ на приписку).

Отмечая существование этой группы списков, мы не привлекаем ее к изданию.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

Послание Грозной английской королеве Елизавете было издано в 1875 г. Юрием Толстым в его сборнике «Россия и Англия (Первые 40 лет сношений между Россией и Англией)» на русском и английском языках по двум рукописям: русскому подлиннику и современному ему (XVI в.) английскому переводу. Обе эти рукописи, судя по указанию Толстого (оглавление, стр. II и VII), находились в Англии: русский подлинник в Лондонском королевском архиве, английский перевод — в Британском музее (Cotton, Nero, B. XI, 347).

Никаких других списков издаваемого здесь русского текста послания не известно. Послание издается по тексту в книге Ю. Толстого.

Ю. Толстой при воспроизведении текста стремился, очевидно, передать пунктуацию подлинника (отличную от современной); мы же, как и в других посланиях, употребляем современную пунктуацию. В текст внесены две поправки, отмеченные в вариантах. Места в рукописи, не разобранные Ю. Толстым (и отмеченные в его издании черточками), отмечаются многоточием. В отношении орфографии мы соблюдаем те же правила, что и при издании других посланий. В остальном настоящее издание следует изданию Ю. Толстого.

ПОСЛАНИЯ (ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ) ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ
ИОАННУ III

Первое и второе послания шведскому королю Иоганну III издавались несколько раз. Первое послание было издано (неизвестно по какой рукописи) уже в 1790 г. — в «Древней Российской вивлиофике» (ч. XV, стр. 77). Оба послания были изданы по списку XVIII в. (из XXVII разряда Государственного Архива) П. Пекарским в «Летописи занятий Археографической комиссии» (вып. 5, СПб., 1871, отд. II, стр. 30). По этому же списку оба послания были изданы вторично в «Делах Тайного приказа», кн. II (Русск. ист. библ., т. XXII, СПб., 1908, стлб. 31). По списку «Дел Шведских» XVI в. обе грамоты были изданы в «Сборнике» Русского Исторического общества (т. 129, СПб., 1910). Издание это (данную часть тома издавал Л. Н. Майков) отличается рядом дефектов: в некоторых местах текст, вполне верно прочтенный рядом переписчиков XVIII в. (и верно переданный в предшествующих изданиях по копиям XVIII в.), заменен почему-то неверным (напр.: «опрометывается, словно гад, розными виды» прочтено «опрометывается словно пад розными виды»; «из Щмолант» заменено на «из измалот», и т. д.).

В настоящем издании текст печатается по тому же, но вновь выверенному, списку, что и в «Сборнике РИО» (т. 129): по списку ЦГАДА, фонд 96 (сношения со Швецией), Свейских посольств кн. № 3 (1572—1577), л.л. 2—6 об. и 7 об.—31 об. [рукопись по почерку (полууставная скоропись) и по водяным знакам относится ко второй половине XVI в.]. Это не подлинные грамоты (подлинные грамоты были, естественно, направлены в Швецию, где они, повидимому, не сохранились), но современная или почти современная им официальная дьяческая копия (с «черняка» грамоты Грозного, оставшегося в Москве).

Остальные списки обоих посланий, не имеющие значения при издании текста посланий (как значительно более поздние и не содержащие существенных разночтений), представляют, однако, определенный интерес для изучения литературной истории памятника. Уже с конца XVII в. и особенно в XVIII в. в рукописных сборниках начинают появляться списки с посланий Иоганну III, — очевидно, послания эти привлекают внимание переписчиков не как дипломатический документ, а как литературный памятник.

Г р у п п а списков включает в себя один список XVII в. и один список XVIII в.:

- 1) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки (ГПБ) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Титова, ²³⁵⁰₁₁₂₁, сборник конца XVII в. В том же сборнике помещено послание Грозного в Кирил-

ло-Белозерский монастырь (см. стр. 562.) и (непосредственно за посланиями шведскому королю) текст «боярского ответа» польскому послу Крыйскому в 1578 г. — о происхождении Ивана IV от Пруса, брата «Августа-кесаря».

2) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 779. Повидимому, XVIII в. (водяной знак: буквы «БФК»). Здесь также содержится ответ Крыйскому и переписка с Курбским.

Ко II группе могут быть отнесены списки, в которых первому посланию Иоганну III предшествует заголовок: «В прошлом 7080 году великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея России самодержец в грамоте своей писал к свейскому Ягану королю, которая послана из Великого Новгорода в Орешек, а из Орешка велено послать в Выборх». Заголовок этот интересен тем, что его нет в «Книге свейских посольств № 3» и поэтому можно подозревать, что эта группа списков (все — не ранее XVIII в.) восходит к иному протографу (возможно, XVI в., судя по выражению «в прошлом 7080 году»), чем «Посольские дела» (впрочем, существенных разночтений с «Посольскими делами» в этих списках не встречается). В эту группу входят списки:

1) Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), 32.4.29, включающий в себя также «Разговор между двумя приятелями о коммерции» П. И. Рычкова (1755/57 гг.?).

2) Рукописного отдела ГПБ, Погод. 1584. XVIII в.

3) Рукописного отдела ГПБ, О. IV. 74. XVIII в.

4) Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукописные книги, № 432 (прежний шифр БАН 32.5.18), конца XVIII в. (водяной знак: «Pro patria»).

III группу составляют списки, непосредственно снятые из книги № 3 Свейских посольств в б. Архиве Иностранной коллегии (ныне ЦГАДА):

1) ЦГАДА, фонд № XXVII, (XXVII разряд Государственного Архива), № 5. Этот список (из дел Тайного приказа) был дважды издан — в «Летописи занятий Археографической комиссии» и в РИБ (см. выше). XVIII в. Рукопись представляет собою, повидимому, ту самую копию 1739 г., сделанную для «ассесора Семена Иванова», о снятии которой сообщается на вклейке в книге № 3 Свейских посольств (л. 7 об.).

2) Рукописного отдела ГПБ, Эрм. 391; содержит не только послания Ивана IV, но и весь текст книги № 3 Свейских посольств. Это — одна из многочисленных в Эрмитажном собрании копий из Архива Иностранной коллегии. XVIII в.

3) Рукописного отдела ГПБ, Ф. XVII. 2/1. XVIII в.

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

«Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козме» было впервые издано более 100 лет тому назад в I томе «Актów исторических» (СПб., 1841, № 204, стр. 372—394) по трем спискам и обычно отсюда переиздавалось в отрывках или целиком. Н. М. Карамзин и первые издатели послания относили его приблизительно ко времени «около 1578 г.»¹ на том основании, «что в нем говорится о царском походе в Ливонию» («Зимусь, — пишет Грозный, — по него [по Варлаама Собакина, — Д. Л.] потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю»). Однако И. Н. Жданов² и Н. К. Никольский³ доказали принадлежность этого послания сентябрю 1573 г. Действительно, в списке послания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) (Софийское собрание, № 1152) на л. 117 имеется дата послания: «Лета 7082 [послание царя и великого князя] месяца сентября в 20 день в пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычица наша богородица честнаго и славнаго ея Успения и преподобного и богоносного отца нашего Кирила чюдотворца». Что же касается до упоминаемого в послании похода «в Немецкую землю», то здесь, очевидно, имеется в виду поход 1572—1573 гг. (Грозный выступил в этот поход в сентябре 1572 г., 1 января пал Виттенштейн, в апреле—мае Грозный вернулся назад).

В основу издания текста послания Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь нами положен список:

1) Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева № 94, сборник, полуустав последней четверти XVII в., л.л. 105—150.

Для исправления описок привлечены списки:

2) Рукописного отдела ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание № 155/1232, отдельная рукопись, полуустав второй половины XVII в., л.л. 1—53 об. (в разночтениях — К).

3) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Пискаревское собрание № 572, сборник, полуустав конца XVII в., л.л. 147—198 об. (в разночтениях — П).

4) Рукописного отдела ГПБ, Титовское собрание, охранный № 1211, сборник, скоропись, дата 1679 г., л.л. 392—445 об. (в разночтениях — Т).

¹ Анты исторические, т. I, СПб., 1841, стр. 14—15, прим.; Н. М. Карамзин и н. История государства Российского, т. IX, прим. 37.

² И. Н. Жданов, Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 98—99.

³ Н. К. Никольский. Когда было писано обличительное послание царя Ивана Васильевича IV в Кирилло-Белозерский монастырь. Христианское чтение, 1907.

5) Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), № 17.5.27, сборник из «Библиотеки царевичей» (Петра и Алексея Алексеевичей), полуустав конца XVII в., л.л. 117—170 (в разночтениях — Ц).

К изданию не привлечены следующие списки:

6) Рукописного отдела ГПБ. Софийская библиотека № 1152, рукопись «кормовых» и «даяльных» книг Кирилло-Белозерского монастыря на 121 л.л., в конце ее, на л.л. 117—121 об., неполный список послания, скорописью XVII в. с датой послания: «Лета 7082 [послание царя и великого князя] месяца сентября в 20 день в пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычица наша богородица честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чудотворца» (л. 117).

7) Рукописного отдела ГПБ, Софийская библиотека № 1546, сборник, скоропись XVII в., л.л. 173 об. — 226 об.

8) Рукописного отдела ГПБ, Q. XVII. № 112, сборник, скоропись XVII в., л.л. 127—133.

9) Рукописного отдела ГПБ, Q. IV. № 286, из библиотеки Сокурова, отдельная рукопись, скоропись конца XVII в., л.л. 1—48.

10) Рукописного отдела ГПБ, F. IV. № 330, из собрания Н. М. Карамзина, отдельная рукопись, скоропись конца XVII в., с пометками Карамзина, л.л. 1—20.

11) Рукописного отдела ГПБ, F. П. IV. № 189, отдельная рукопись, скоропись начала XIX в., имеется пометка, что текст сверен в Кирилло-Белозерском монастыре «с подлинником» 28 июля 1809 г., л.л. 1—26.

12) Рукописного отдела ГПБ, Q. IV. № 44, отдельная рукопись, скоропись XIX в., л.л. 1—35.

13) Рукописного отдела ГПБ, Q. XVII, 254, л.л. 524—552 об.

14) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Музей № 137, сборник конца XVII в., л.л. 147 и сл.

15) Государственного Исторического Музея (ГИМ), собрание Уварова № 398, сборник, поморский полуустав, дата рукописи 1817 г., л.л. 262—330.

16) ГИМ, собрание Барсова № 365, XVIII в., л. 1—31.

17) ГИМ, собрание М. И. Соколова № 13, 176, л. 151 и сл.

18) ГИМ, № 360, хронограф, полуустав, дата рукописи 1765 г., л.л. 520—558.

19) ГИМ, собрание Щукина № 646, сборник, скоропись XVII в., с л. 116 (без начала и конца).

20) ГИМ, собрание Щукина № 417, XVII в., л.л. 124 и сл.

21) Рукописного отдела БАН, собрание Дружинина № 7, старообрядческим полууставом XIX в., л.л. 172—214 об.

22) Рукописного отдела БАН, собрание Яцимирского.

23) Рукописного отдела БАН, собрание Колобова, № 454 (42.8.2), XIX в., в лист, л.л. 219—230.

24) Тверского музея № 118 (3049), сборник разных почерков XVII—XVIII в., скоропись Петровского времени, л.л. 508 об. и сл.

25) Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Археографической комиссии, № 249, сборник разных почерков скорописью и полууставом XVII в., л.л. 4—37.

26) Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева, № 332, сборник, скоропись XVII в., л.л. 27—72 об.

27) Библиотеки Московского Государственного университета № 170, сборник, полуустав начала XVIII в., л.л. 49—71.

Не найден мною список:

28) Александро-Свирского монастыря, указанный Викторовым [«Александро-Свирский монастырь», № 48(49), стр. 187]. В Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР и в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР, куда поступили рукописи Александро-Свирского монастыря, сборника этого не оказалось.

Данные о рукописях №№ 13, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 25 любезно предоставлены мне В. И. Малышевым.

Особняком стоит список XVII в., хранящийся в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР в собрании Н. П. Лихачева № 332 (скоропись XVII в., л.л. 27—72 об.). Список этот имеет отличный от других заголовок: «Список в государевы грамоты» и, кроме того, содержит ряд пропусков из посланий Илариона Великого и киноварные указания, как эти пропуски восполнить по какой-то недошедшей до нас рукописи. В этих киноварных указаниях акад. А. С. Орлов, изучавший этот список,¹ а вслед за ним, первоначально, и пишущий эти строки подозревали копии с указаний, сделанных самим Грозным в черновом списке послания. В таком случае список этот должен был бы восходить к какой-то особой, черновой редакции этого послания, отличной от ее окончательного вида, в которой были уже внесены все необходимые места из сочинений Илариона Великого. Однако внимательное изучение списка (главным образом разночтений) свидетельствует против такого рода гипотезы. Повидимому, список № 332 из собрания Н. П. Лихачева — наскоро сделанная копия, по которой надлежало уже сделать парадный список. Сокращая свою работу, копист и сделал все эти

¹ Покойный акад. А. С. Орлов предполагал издать послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Для этой работы в 1940—1941 гг. для него были изготовлены фотокопии со списка № 332 из собрания Н. П. Лихачева и нескольких списков Кирилло-Белозерского собрания ГПБ в Ленинграде. Однако после смерти акад. А. С. Орлова комиссия, разбиравшая бумаги покойного, никаких следов его работы над подготовкой этого издания не обнаружила.

указания (как уже было отмечено, сокращены крупные выписки из Илариона). Вот они:

1) На л. 65 вслед за словами «благочестия ради болми монастыри распространяются, [а не слабости ради]» (стр. 181, строка 5 сверху нашего издания), добавлено киноварью: «Приидем же паки на великого Илариона списание, и тамо речено есть».

2) На л. 65 об. вслед за приведенными словами помещено начало послания Илариона до слов «да возлюбим нравы их», после чего следует киноварная приписка: «и прочее от послания Илариона великого в двѣ тетради выписати надобно».

3) На том же листе следует перечеркнутый киноварным крестом текст: «И от сего разумѣти есть, яко ни в начатце отменения нашего, ни в юности, ни в старости, ни во здравии, ни в болѣзни, ни на исходе души ми сего отмечаемъ, но и еще любим и держимся его неотступно, донележе и душа наша в тѣлѣ нашемъ». Текст этот означает конец второй (краткой) выписки из Илариона (см. стр. 189 нашего издания).

4) Против приведенного выше перечеркнутого киноварным крестом места на левом поле читается следующий текст: «„Не обинуяся глагола намъ“. Апостола Павла какъ приидемъ и притча и ты преступи — не пиши, но се пиши: „Сиде возлюбленная моя братия“ и прочее. И сего не пиши: „еда мал трудъ иноческаго жительства“ — всего три страницы. Затем ниже в обведенном чернилами месте: „Сие паки пиши: „Аще ли кто от нас глаголетъ: „в миру ны ключилося быти“ и прочее. Еще ниже обведенного чернилами места: „Конецъ: „Толико паче отрицаемъ их, яко не суть отцы наши.“ И паки речъ царева. Зри + и пиши речъ цареву“. Знак +, очевидно, стоял в тексте послания Илариона.

5) Вверху л. 65 на левом поле: «Здѣ речъ царева, а внизу на правом поле: «ищи слову Иларионова к концу и пиши сие».

6) Л. 66 об. оставлен незаполненным текстом; вверху киноварная отметка: «Помянутых любовь их и прочее, а конец донележе душа наша в тѣле нашемъ и паки пиши сие».

7) На л. 67 вверху в левом углу тот же знак + и слово «здѣ».

Все эти указания копииста восстанавливают текст послания Грозного в том виде, в каком он известен по другим спискам.

Как выясняется из сопоставлений этих указаний копииста с текстом других списков послания, эти указания копииста касаются только выписок из послания Илариона Великого «к некоему брату».

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ

Послание Василию Грязному было впервые полностью издано в приложении к статье П. Садикова «Царь и опричник» (сб. «Века», I, Пгр.,

1924); вторично переиздано в приложении к его книге «Очерки по истории опричнины» (1950, стр. 530).

Оно дошло до нас в составе «Крымских дел» Посольского приказа [ЦГАДА, фонд 123 (сношения с Крымом), Крымская Посольская Книга № 14, л.л. 214 об. — 217 об. (рукопись — современная самому посланию: второй половины XVI в.)]. Послание царя Грязному помещено среди распоряжений об отпуске посланника Ив. Мясоедова (июнь 1574 г.). Ниже, в той же рукописи приводится «вестовой список» (предварительный отчет) Мясоедова, присланный весной 1576 г. Вместе с этим отчетом Мясоедов прислал две грамоты от В. Грязного: ответ на царское послание и «вестовую грамоту» (л.л. 241—254 об.). Приводим первую из этих грамот, так как она непосредственно связана с посланием царя:

«Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бедной холоп твой полоняник Васюк Грязной плачетца. Писал еси, государь, ко мне, холопу своему, кое было мне бес путя среди крымских улусов не заезжати, а заехано — ино было не по объездному спати; да яз же, деи, чаял, что в объезде с собаками гоняти за зайцы, ажно меня самово в торока как зайца ввязали; да такожь, деи, яз чаял каково за кушеньем стоячи у тебя, государя, шутити; да яз же, деи, говорил, кое, деи, пора моя. Да в твоей же государеве грамоте писано, что яз за себя Дивея сулил, а сам ся сказывал великим человеком, и мне б памятовать свое величество. И яз, холоп твой, ходил по твоему государеву наказу, велено мне, государь, было и на Микос ходити и на Молочные Воды языков добывати, которые бы ведали цареву умышление, кое бы тебе, государю, безвестну не быти, только вестей не будет ни от которых посылок. И мне было, холопу твоему, посылати неково; а ково ни пошлю, и тот не доедет, да воротитца, да приехав солжет: где ни увидит какой зверь, да приехав скажет — „люди“. И мне было, холопу твоему, как е ложною вестью к тебе, ко государю, посылати, а солгав да к тебе, ко государю, мне было, холопу твоему, с чем появитца? А того слова не говаривал, кое пора, деи, моя; а которые говорили, те и бегали с Молочных Вод, да потеряв твое государево дело, да опять воротились. А толко б яз, холоп твой, по объездному спал, ино было, государь, до Молочных Вод не дойти; да и назад уж был сходил, уж было того дни на Кмолшу на стан, коего дни меня, холопа твоего, взяли татареве, а подстерегли тут таки, государь: моя ж была. Да послал Василья Олександрова с товарищи сторожей гоняти, а яз стал в долу с полком, а Василью приказал: „Любо, реку, учнут тебя гоняти, и ты, реку, к нам побежи“. И как Василей учал гоняти сторожей — ино Василья встретили татарове да почали гоняти. И Василей побежал мимо меня, и яз, холоп твой, и молил Василью так: „Пора напустить?“, и, кинувшись встречу, Василья отнял, надеючись на полк, да сцепился с мужиком. А полк весь

побежал, и рук не подняли. Да чтоб, милостивый государь, от многих людей — ино толко было двесте восемьдесят человек татар и с мурзами, от болших людей на Карачекре отбились, да еще у них побили и поранили многих. А тут и рук не подняли, а было сто пятнадцать лучниц, а меня, холопа твоего, выдали. И меня, холопа твоего, взяли нолны з двема седлы защитясь, уж мертвово взяли; да заец, государь, не укусит ни одное собаки, а яз, холоп твой, над собой укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил; тех, государь, и ко царю принесли вместе со мною. А в Крыме что было твоих государевых собак изменников, и божиим милосердьем за твоим государевым счастьем, яз, холоп твой, всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака остался — Кудеяр, и тот по моим грехом¹ маленько свернулся, а вперед начаяс на милость божью, толко бог грехов не помянет, и того ту не будет же. А коли меня, холопа твоего,² ко царю принесли только чють жива, а о чем меня царь спрашивал, и яз что говорил лежа перед царем, и яз, холоп твой, написав да х тебе, ко государю, послал с Офонасьем, а иные речи Офонасей сам да и все слышели, а Нагай толмачил, твой государев толмачь. А шутил яз, холоп твой, у тебя, государя, за столом тешил тебя, государя — а нынече умираю за бога да за тебя ж, государя, да за твои царевичи, за своих государей. И за тех изменников царь хотел казнити. Да еще бог³ дал на свет маленько зрети да твое государево имя слышети, да опять царь разгодал да молил: „Тот, деи, свое чинит, своему государю служит“, да меня, холопа твоего, отослал в Манкуп город да велел крепити да мало велел ести давати; толко б не твоя государская милость застала душу в теле — ино было з голоду и с наготы умерети. А нынече молю бога за твое государево здоровье и за твои царевичи, за свои государи; да еще хочу у владыки Христа нашего бога, чтоб шутить за столом у тебя, государя, да не ведаю, мне за мое окоянство видат ли то: аще не бог да не ты поможешь — ино некому. Да в твоей ж государеве грамоте написано, кое ты пожалуешь выменишь меня, холопа своего, и мне приехав к Москве да по своему увечью лежать, — ино мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити: то наша и надежа и от бога без греха, а ныне в чом бог да ты, государь, поставишь. А яз, холоп твой, не у браги увечья добыл, ни с печи убился, да в чом бог да ты, государь, поставишь. А величество, государь, што мне помятовать? — Не твоя б государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки бог — и мала и велика чинишь. И царю есми сказывал: „Яз моло-

¹ Зачеркнуто моим.

² В рукописи твоег.

³ Бог повторено и зачеркнуто.

дой человек“. А Дивея, государь, яз за себя не суливал, хотя б и по моей мене была мена, и яз бы так не молвил: кое даст государь за меня мену, то, государь, в божие воле да в твоей государеве. А писал, государь, яз, холоп твой, о Дивее того для, чтобы тебе, государю, известно было цареву умышление, при послах; и он мурзу прислал да велел был мне, холопу твоему, писати и приказывати, о чем ум весть не подымет, а про Дивея молвил: „Велел, деи, был царь тебе о Дивее писати; а ныне Дивей царю не нужен: у Дивей, деи, три сына и меньшей Дивей лутчи — вот, деи, послы их знают“. И яз, холоп твой, говорил, сколько бог вразумил: милостивый государь, спроси послов, как ся что деяло, а Нагай толмачил. Да как, государь, отпустия послов, а меня, холопа твоего, велел повести в село в то ж, где яз тогда сидел, да как против царева двора, и царь выслал Зелдала-агу с саблею, да и с чернилы и з бумагою да говорил тогда так: „Пиши, деи, о Дивее; царь велел тебе говорити: Толко деи, не станешь писать, и тебе, деи, уж же быти кажнену; то, деи, уж ты меж нас ссору чинишь; а толко, деи, напишешь, а брат, деи, наш, а ваш государь, так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет, — ино, деи, меж нас и доброе дело сстанетца“. И яз, холоп твой, о том и плакал и бил челом и под саблю ложился, а говорил: „Коли царю надобен Дивей, и царь о нем о чем сам не пишет? А мне как холопу писати ко государю о таком о великом деле: яз волоса Дивеева не стою“. И он, государь, опять ко царю ходил, да вышедши молвил так: „Царь, деи, тебе велел говорити: Не станешь писати, и тебе уж жо быти кажнену. И ты, деи, которое любишь: то ли, кое уж жо умерети, или то, кое меж нас будет доброе дело? А мне, деи, о том писати сором потому, кое ево у меня ис полку взяли; яз, деи, потому перед послы не велю о том говорить.“ И толко б не было такова слова, и яз бы не дерзнул так писати для своей головы, хотя б и умерети. А то, государь, яз, холоп твой, писал для того, кое бы тебе, государю, было известно цареву умышление, а не для того, кое бы ты, государь, дал за меня Дивея; хотя б государь, яз, холоп твой, сам того не разумел, и яз то помню, которые из Литвы сулили за себя мену, ино каково с им сставало. А о своей голове яз, холоп твой, тебе, государю, бил челом, чтобы ты, государь, милость показал, промыслил моею бедною головою, как тебе, государю, бог известит для кристьянские веры, а не для того, кое бы за меня Дивея дал. Да ко мне ж, холопу твоему, писано: толко стану на кристьянство за гордость — ино мне Христос противник. Ино мне, холопу твоему, то ли видети, кое от тебя, от государя, писано жестоко и милостиво, да так учинить: ино дана душа богу да тебе, государю, да твоим царевичам, а нашим государем, а буди воля божия да твоя государева отныне и до века, да и сподобил был бог умерети за вас, государей. Да еще вдунул душу бог в мертвеное тело, ино бы, государь, и на конец показати прямая службишко.

Да покажи милость бедному своему полонянику и богомолцу, пришли милостыню, не дай умерети з голоду, а хлеб дорог — по три тысячи батман — да и не добудут купити, а животи́на вымерла и лошади повымерли и мертво́ва ести не добудут. А сижю в пустом городе в кадомах — выработать нельзя и не у кого. А твое государево жалованье — и яз долг платил, а иное кое чего для отдал добра для. А царь мало кормит; а взять, государь, есть кому, а кормить некому: толко б не твоя государева милость, ино умерети з голоду и с наготы. А тогда потому, милостивый государь, писано неисправно: яз был тогда при смерти, а не писать яз, холоп твой, не смел такова слова. А в милости и во всем ты, государь, волен: яз, ведь, холоп твой, телом ныне в Крыму у крымского царя сижю, а душею у бога да у тебя, государя, и мне что слыша, как тово не писати? А в том волен бог да ты, государь: делаешь так, как годно богу да тебе, государю. А ныне вести х тебе, ко государю, потому не писал — скажет тебе, государю, Иван Мясоедов; а преж того есми послал к тебе, ко государю, две грамоты сего лета о Вознесеньеве дни, а третью грамоту — о Покрове. А вперед, государь, надеюсь на милость божью, кое ты, государь, безвестен не будешь, хотя мне и умерети за бога да за тебя, государя, и за твоих царевичей. И мне то не страшит, а страшно мне твоя государева опала. И яз, холоп твой, о том тебе, государю, плачюсь, чтоб ты милость показал, свой царской сыск учинил, то ся как деяло и чего для: хоти мне, холопу, и умерети случитца, ино бы тебе, государю, известно было в правду».

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ

Послание Симеону Бекбулатовичу было издано впервые в журнале «Московский телеграф» (1830, № 8, стр. 425—430); затем (в 1856 г.) в одном из примечаний к т. VI «Истории России» С. Соловьева (ср. в издании «Обществ. польза», кн. II, стлб. 180—181, прим. 3); в 1861 г. оно было издано Вл. Ламанским в «Записках Отд. русской и славянской словесности Русского Археологического общества» (т. II, стр. 371); в 1908 г. — в «Делах Тайного приказа», кн. II (Русск. историч. библи., т. XXII, стлб. 76).

Послание сохранилось в виде столбца (склейки) в ЦГАДА, фонд XXVII (XXVII разряд Гос. Архива, Тайный приказ), дело № 12 (столбцы), на 4 листах. Рукопись, судя по почерку (см. репродукцию; водяных знаков на имеющихся листах не видно), современна написанию грамоты, т. е. относится к XVI веку. Других списков с этого послания не известно.

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ

Послание Ивана Грозного Полубенскому печатается в настоящем издании впервые. Послание Полубенскому принадлежит к группе гра-

мот, написанных Иваном Грозным во время летне-осеннего похода в Ливонию в 1577 г. Можно предполагать (см. выше, стр. 508), что еще при Иване Грозном (вероятно непосредственно: в 1577—1578 гг.) был собран специальный сборник этих грамот, два списка с которого (оба XVII в.) стали известны историкам в XIX в. К сожалению, один из указанных списков XVII в. — дефектный, имеет ряд пропусков (см. об этом списке ниже) и не содержит, в частности, послания к Полубенскому. Второй из этих списков был исследован и подготовлен к печати известным археографом второй половины XIX в. А. Н. Поповым. По словам А. Н. Попова, список этот представлял собой «рукопись в четверку, крючковой скорописью XVII в.». Рукопись эта принадлежала в XVIII в. кн. Д. М. Голицыну («верховнику») и составляла часть его библиотеки в селе Архангельском (под Москвой). Первую половину рукописи составлял «Титулярник» (перечисление титулов различных монархов), вторую половину — «Копии с листов меж царем Иоанном Васильевичем и Польскими 1547—1578». Но, к несчастью, А. Н. Попову не удалось довести до конца задуманной им публикации, и самый список Голицына, подготовленный им к печати, в настоящее время утерян. Г. З. Кунцевич, подготавливая в 1911—1914 гг. свое издание «Сочинений Курбского», пытался разыскать этот сборник (заключающий в себе, как мы увидим ниже, второе послание царя к Курбскому), но не сумел этого сделать (ср.: *Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1911 г.*, вып. XXIV, СПб., 1912, стр. 18—19).

До нас дошла только копия XIX в., снятая с указанной рукописи XVII в. по заказу Попова. Копия эта находится в Рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова, № 47. Она включает в себе 4 грамоты, связанные с польским бескоролевым 1572—1574 гг. (обмен грамотами между Грозным и литовскими вельможами и, в частности, Яном Глебовичем), группу грамот 1577 г.: грамоту Полубенскому (из Пскова), грамоту польскому магнату Мик. Талвашу (из Двинска — «Невгипа»), грамоту литовскому магнату Радзивиллу (из Куконойса), грамоты послу польского короля Крыйскому от царя и от бояр (из Куконойса), грамоту городу Риге (из Эрли), грамоту польскому королю Стефану Баторию (из Вольмара), грамоты Ходкевичу и Курбскому (печатаемые в настоящем издании), грамоту «к Туву да к Илерту» и грамоту Тимохе Тетерину (печатаемую в настоящем издании). Судя по оглавлению Попова, в сборнике должны были быть еще грамоты (за несколькими последующих лет), но в сохранившейся копии они отсутствуют.

Помимо четырех грамот, печатаемых в настоящем издании, определенный интерес для изучения творчества Грозного представляет грамота «к Туву да к Илерту». А. Н. Попов не разобрал имен адресатов этой грамоты, прочитав адрес ее: «к Туву Дакилерту». В действительности же

речь идет, конечно, о Таубе и Элерте Крузе, двух ливонских авантюристах, служивших царю и изменивших ему в 1571 г. Приводим текст послания Грозного к Таубе и Крузе (л.л. 58—58 об.).

«[Титул царя] — Туву да к Илерту. Честные наши заповеди слово то, что есте к нашему царскому величеству ложно челобитье учинили и, с нашими изменники сложася, хотели естя нашу отчину, Лифлянскую землю, от нас отвести, и как писали есте меж себя, что иеросалимская свобода от Вавилона, так есте хотели свободитися, — ино через наше жалованье, что есмя вас пожаловали, из плену и от вязанья свободили. А вам было наша отчина, Лифлянская земля, без кровопролития в нашей воле учинить, — ино вы, забыв наше жалованье и преступив свои клятвы, таким злохитрством хотели естя свободитися по-иеросалимски. Ино божья милость и сила животворящего креста вотчину нашу нам в руки даёт, а вам по-иеросалимски дарует: сами ся бьёте и жжёте. Писан в нашей отчине, Лифлянской земле во граде Волмере, лета 7086, сентября во 12 день. . .».

Комментируемая грамота Полубенскому находится в копии А. Н. Попова на л.л. 32—40 об.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ

Послание Яну Ходкевичу издавалось дважды, — оба раза совершенно неудовлетворительным образом. В 1843 г. польские историки Грабовский и Пшездецкий издали его в книге *Źródła do dziejów polskich* (т. I, стр. 54—59) по списку (до нас не дошедшему), который был написан по-русски но они передали его латинскими буквами. В 1846 г. издатели «Актів исторических» переиздали это послание по изданию Грабовского, проделав обратную операцию: переделав текст с латинских букв на русские [Дополнения к Актам историческим (ДАИ), т. I, № 123, стр. 176]. Из-за дефектности оригинала или по вине издателей, в обоих изданиях имеются пробелы и дефекты (напр. текст поговорки «одми толко кого одмет» не был разобран издателями и пропущен в обоих изданиях).

Между тем, послание Ходкевичу дошло до нас в двух списках, несравненно лучших, чем воспроизведенный Грабовским и ДАИ. Оба эти списка представляют собой (упомянутые в археографическом обзоре к предыдущему посланию) сборники грамот, связанных с польским бескорольевым и походом 1577 г.:

1) ЦГАДА, фонд 79 (сношения с Польшей), дело в столбцах № 1, 1573—1581 гг.;

2) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова, № 47.

Дело в столбцах (картон) № 1 из фонда № 79 (Польские дела) ЦГАДА представляет собой рукопись XVII в., аналогичную по составу 2-й части того «Титулярника», копия с которого была снята для А. Н. Попова. Так же как рукопись, бывшая у Попова, рукопись ЦГАДА начинается с грамот, относящихся к периоду бескоролья (1572—1574 гг.), но, начиная с л. 24 об., в рукописи ЦГАДА обнаруживаются серьезные дефекты: между л. 24 об. и л. 25 (нынешней пагинации) утеряна значительная часть текста. Сравнивая список ЦГАДА с копией А. Н. Попова (см. обзор к предыдущему посланию), обнаруживаем, что в списке ЦГАДА пропущена грамота к Полубенскому и начало грамоты к Талвашу. Конец этой грамоты мы обнаруживаем не на л. 25, а на л. 33, так как тетради, следующие за одной пропущенной, перепутаны при переплете. На л.л. 33—40 об. содержатся конец грамоты Талвашу, грамота Радзивиллу, Крыйскому и начало грамоты в Ригу, а на л.л. 25—32 об. — конец грамоты в Ригу, грамота Стефану Баторию, комментируемое послание Ходкевичу (л.л. 28—30 об.) и начало 2-го послания Курбскому (см. ниже). Окончания послания Курбскому и посланий Таубе и Крузе и Тетерину в сборнике нет.

В настоящем издании мы печатаем послание Ходкевичу по списку ЦГАДА (Ц), привлекая в вариантах копию Попова (Пк) и текст, изданный Грабовским (Г).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ ✓

В печатных изданиях XIX в. второе послание Грозного Курбскому разделило судьбу первого послания: оно издавалось в составе «Сочинений Курбского» (см. выше). Но предшествующая его литературная судьба была совершенно иной: ни в один из списков «сборников Курбского» и хронографа оно включено не было (хотя ответ на него в «сборниках Курбского» неизменно помещался; см. его в «Сочинениях Курбского» изд. 1914 г., стлб. 125), и в рукописной традиции сохранилось вместе с грамотами, написанными в походе 1577 г., — к группе этих грамот оно, в сущности, и принадлежит.

Второе послание Курбского сохранилось в двух списках, описанных в обзоре списков предыдущих посланий:

1) ЦГАДА, ф. 79, дело в столбцах № 1 (текст послания Курбскому начинается на л. 31 и обрывается на л. 32 об.);

2) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова, № 47 (копия А. Н. Попова), л.л. 53—57 об.

Кроме копии Попова, сохранилась еще одна копия XIX в., со второго послания Курбскому (с неизвестного оригинала). Она была сделана для Н. Г. Устрялова (по этой копии Устрялов печатал второе послание

в своих изданиях «Сказаний Курбского») и находится сейчас в ЦГАДА среди «Актów, собранных Малиновским», портф. 3-й, № 89 (вместе с ней находится и копия с незаконченного текста из дела в столбцах № 1). Копия, снятая для Устрялова, содержит ряд явных ошибок (напр. вместо «мудрость ваша ни во что же бысть» — «матеръ ваша ни во что же бысть», что Устрялов истолковал как «сквернословие», — стр. 196), однако в некоторых случаях она дает более верные чтения, чем другие списки.

При печатании второго послания Курбскому мы кладем в основу текст копии Попова (*Пк*), привлекая к вариантам часть послания, сохранившуюся в ЦГАДА (*Ц*), и копию, сделанную для Устрялова (*У*).

ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ

Послание Тетерину впервые было издано Г. З. Кунцевичем в «Приложении» к его изданию «Сочинений Курбского» (Приложение II, стлб. 493). Оно дошло до нас только в списке Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова № 47 (копия А. Н. Попова, описанная выше), л.л. 58 об. — 59.

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИУ

Послание Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г. было издано один раз — в «Книге Посольской метрики великого княжества Литовского» (т. II, М., 1843) по списку «Литовской метрики» (архива), находящемуся ныне в ЦГАДА (Метрика Литовская, 1581, дело № 3 — «Реестр перепису с книги канцелярских справ посольских, которые ся почали вписывать за щастливого панования наяснейшего господара Стефана, року 83, месяца июня 8. . .»). На корешке переплета надпись: «Acta Magn. Duc. Litv., anno 1581»; послание Грозного Стефану Баторию помещается на л.л. 130—144 об. Рукопись конца XVI в.

Наряду с этим списком существует еще один, никогда не издававшийся. Он входит в состав «Польских дел» Посольского приказа — ЦГАДА, ф. 79 (сношения с Польшей), «Книга Польского двора» № 13 (1581—1582 гг.); послание Стефану Баторию находится в этом списке на лл. 43—65 об. (л.л. 66—89 в рукописи отсутствуют). Рукопись по почерку (скоропись) и водяным знакам (кувшинчик — Лихачев, т. II, стр. 252 = 1581 г., ср. раньше № 1735 = 1597 г.) относится ко второй половине XVI в., т. е. приблизительно современна самому посланию. Таким образом, послание Баторию дошло до нас в двух списках примерно одного времени; протографом списка «Литовской метрики» была, оче-

видно, грамота, полученная Баторием, протографом списка «Польских дел» — «черняк» грамоты, оставшийся в Посольском приказе.

Какой список должен быть положен в основу при издании? В пользу списка «Литовской метрики» говорит дефектность списка «Польских дел» — в «Книге Польского двора» № 13 текст грамоты обрывается на середине. Однако текст «Литовской метрики» имеет другой, гораздо более существенный недостаток: текст грамоты Грозного переписан здесь белорусской орфографией («цара, государа, верают» и т. д.), несомненно не свойственной Ивану Грозному. Поэтому мы решили взять за основу список «Польских дел» (в разночтениях — Д), орфография которого вполне соответствует орфографии других посланий царя, и печатать текст по этому списку до его окончания, и лишь отсутствующую в этом списке часть — по списку «Литовской метрики» (в разночтениях — Л). Такой способ воспроизведения (несмотря на неизбежный контраст между первой и второй половиной послания) представляется более правильным, чем передача всего текста в белорусской орфографии или произвольное исправление белоруссизмов (не всегда точно определимых для текста XVI в.) во второй половине послания.

ПОСЛАНИЯ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ И ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БОЯР

Послания Сигизмунду II Августу и Гр. Ходкевичу, написанные в 1567 г. от имени кн. И. Д. Бельского, кн. И. Ф. Мстиславского, кн. М. И. Воротынского и И. П. Федорова (Челяднина), были изданы впервые в 1790 г. в «Древней Российской вивлиофике» (ч. XV) без указания рукописного источника. В 1892 г. они были изданы с небольшими пропусками (в грамоте Мстиславского опущены места, сходные с грамотой Бельского) в составе «Памятников дипломатических сношений с Польско-Литовским государством» (т. III) в «Сборнике РИО» (т. 71) по списку «Польских дел» Посольского приказа.

В настоящем издании эти послания издаются по тому же списку (без пропусков). Это — рукопись ЦГАД 4, ф. 79 (сношения с Польшей), Польского двора кн. № 8 (1567 г.); ф. 18 № 8 целиком занята только этими грамотами. По почерку (скоропись) и водяному знаку (щит с буквами — Лихачев, № 3258 = 1566 г.) рукопись современна самому посланию.

Наряду с этим списком, до нас дошла копия с него, хранящаяся в Рукописном отделе ГПБ, Эрмитажное собрание, № 462. Эта копия XVIII в. (водяной знак с датой — «1718»), несомненно, сделана со списка ЦГАДА (на титуле прямая помета — «№ 8») и принадлежит к большой группе копий с материалов Архива Иностранной коллегии (Посольского

приказа), имеющих в Эрмитажном собрании (ср. Эрм. 391 — копия со «Шведских дел», включающая послание к Иоганну III; Эрм. 550 — 16 томов копий с Крымских, Шведских, Цесарских, Пруссских и Польских дел и т. д.). Копия эта не имеет никакой самостоятельной ценности и к изданию не привлекается.

Послания Сигизмунду II Августу и Гр. Ходкевичу формально не принадлежат к творчеству Ивана IV. Не может быть, однако, никакого сомнения в том, что грамоты эти, написанные формально от имени четырех человек, в действительности принадлежат одному автору: текст посланий совпадает между собой на протяжении многих страниц. Уже давно в исторической литературе было высказано предположение, что этим автором был сам царь (ср.: Н. Карамзин. История Государства Российского, т. IX, прим. 181; С. Соловьев. История России, кн. II, изд. Общ. пользы, стр. 169; И. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 125. — Жданов относит эти послания к произведениям, «в которых нужно предполагать большую или меньшую долю его авторского участия»). В пользу этого предположения говорят не только многочисленные отдельные совпадения этих посланий с другими, печатаемыми здесь посланиями (замечание о том, что «израдец везде казнят» — ср. стр. 31, 49 и стр. 251, 270; излюбленное ругательство царя — «собака», в частности даже выражение «взяв собачий рот» — ср. стр. 160 и стр. 276; сходные цитаты: не только библейские — ср. стр. 28, 70 и стр. 269, но и из Иоанна Златоуста — ср. стр. 18 и стр. 243; легенда о Прусе и т. д.), но и общий стиль «грамот бояр», обнаруживающий руку царя — любителя и мастера «грубианской» полемической литературы.

Исходя из этого, мы сочли возможным поместить здесь эту группу посланий в качестве дополнения к посланиям Ивана Грозного.

При издании всех посланий Грозного приняты те же правила, что и в других изданиях серии «Литературные памятники» — титла раскрыты, «ъ» в конце слов опущен, проставлен «й», буквы «і», «ѣ», «е», «оу» и «юс малый» соответственно передаются через «и», «е», «ф», «у», «я». Выносные буквы внесены в текст, причем выносное «ж» передается через «же»; «с» в окончаниях возвратных глаголов — через «ся». Буквы-цифры заменены цифрами. Внесена современная пунктуация.

Перевод «Посланий Грозного» на современный русский язык принимается в настоящем издании впервые. Сложный и своеобразный синтаксис речи Грозного часто не поддается переводу на нормы современного языка, в его лексике нередки непередаваемые, им самим созданные сложные слова. Эмоциональный стиль Грозного изобилует повторениями, не всегда раскрываемыми намеками на забытые факты, понят-

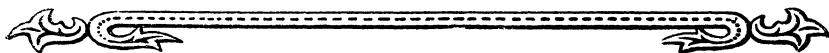
ные современникам корреспондентов. Все это чрезвычайно затрудняет перевод посланий Грозного. Поэтому публикуемый перевод ставит себе ограниченную задачу: облегчить понимание содержания посланий. Проблема перевода сочинений Ивана Грозного, с возможной для норм современного языка точностью передачи его ярко индивидуального стиля, должна быть в будущем разрешена общими усилиями литературоведов и историков русского языка.

При переводе учитывались и иногда привлекались отрывки переводов из посланий Грозного, содержащиеся (к сожалению, в относительно небольшом количестве) в трудах С. Соловьева и В. Ключевского. Цитаты из священного писания и духовной литературы, в изобилии приводимые Грозным, иногда опускаются в переводе: в тех случаях, когда это именно цитаты, а не пересказ, и когда эти цитаты не связаны с последующим (или предыдущим) текстом Грозного. Однообразные религиозные формулы, часто повторяющиеся в некоторых произведениях Грозного (напр. в первом послании Курбскому: «божьей милостью и пречистой богородицы и всех святых», в посланиях 1577 г.: «в троице славимого бога»), переводятся полностью, когда они встречаются впервые, а затем опускаются.

Из трех редакций первого послания Курбскому переведена (как указано выше) только основная (Погодинский список с дополнением по списку Археографической комиссии); в переводе посланий от имени бояр Сигизмунду II и Гр. Ходкевичу опущены повторения текста первого послания («Бельского») в последующих (по этой же причине не переведено послание «Мстиславского» Ходкевичу, в основном совпадающее с посланием «Бельского»). Все пропуски в тексте оговорены в прямых скобках; в прямых скобках помещаются также расшифровки иностранных имен, архаических слов и перевод дат на современную эру.

Ссылки на «Комментарии» обозначены цифрами (как в тексте, так и в переводе); в тех случаях, когда в «Комментариях» поясняется более чем одна фраза, цифра повторяется дважды — как в начале, так и в конце комментируемого отрывка. Исправления текста и ссылки на разночтения (только в тексте) обозначены буквами.

РАЗНОЧТЕНИЯ

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

(по Погодинскому списку, с дополнениями по списку Археографической комиссии)

9. ^аИспр.; П летаем. ^бП Дмитрея нет. 10. ^аП не нет. 11. ^аТак К, ХСУ; П перфиду. ^бТак К, ХСУ; П показал еси. 12. ^аТак ХС; ПК еси. 13. ^аТак К, ХСУ; П и внятно. ^бП дважды по твоему. 14. ^аТак С; П православных и; К воспрославо в; ХУ в православии в. ^бТак К, ХСУ; П что ум. ^аТак К, ХСУ; П сельский. ^гТак К; П в правду с вами; ХСУ поправшу с своими. ^аТак К, ХСУ; П его. 15. ^аТак К, ХСУ; П двердо. 16. ^аТак К, ХСУ; П зверп. ^бТак К, ХСУ; П молодеельно. 17. ^аТак К, ХСУ; П зле. ^бТак ХСУ; П тако; К тамо же бесконечные муки прияша нет. ^вТак ХСУ; ПК во нет. ^гТак К, ХСУ; П сотворгаго. ^аП поят нет. 18. ^аП не нет. 19. ^аТак К, ХСУ; П еси. 20. ^аП добродеем переправлено из добротворцем; на полях: наказание государя к Курбскому. 21. ^аТак К, ХСУ; П мисти. 22. ^аП противистась Моисею тако и сии нет. 23. ^аТак К; П сынове; ХСУ Финиос. ^бП дважды и рядничество. 24. ^аТак К, ХСУ; П строяще. ^бП ся нет. ^вТак К; П пилатом. 25. ^аТак К; П ублажили; ХС ублажили ли; У ублажили надписано ублажиши. ^бТак К; П, ХСУ беззакопия. 26. ^аТак К; П от того же вся. 27. ^аТак К; П, ХСУ обуздание. ^бТак К; П случившаяся. 28. ^аТак К, ХС; ПУ и. ^бТак К, ХСУ; П отец (?). 29. ^аТак К, ХСУ; П во Израиле. ^бП сильных нет. 31. ^аТак К, ХСУ; П имущих. ^бП можеша переправлено из подбаст. 32. ^аП на нет. ^бТак К, ХСУ; П доброхотво. ^вТак К, ХСУ; П пречистую богородицу. 33. ^аТак К; П вооружися. ^бТак К, П начя. ^вП по не. ^аТак К; П ногу положи на стул нет; ХСУ ногу положив на стол. ^аТак К; П понеже; ХСУ еже. 34. ^аТак К; ХСУ; П основаша. 35. ^аТак К, ХСУ; П полнее. ^бТак К; П осуженника ты; ХС яко же ты. 36. ^аТак К, ХС; П те кровной нами. 37. ^аНа этом

слове кончается список П. ⁶Так ХСУ; К преступники. ⁵Так ХСУ; К супревословие. 38. ²Так ХСУ; К единомысленники. ⁶Так ХСУ; К вам. ⁵Так ХСУ; К в нынешних. ⁵Так ХСУ; К обиша. ⁵Испр.; К младенца. ⁶К реши нет. 39. ²К богатеству. ⁶Так ХСУ; К успешие. 40. ²К на нет. 41. ²К не нет. ⁶Так ХСУ; К судия. ²К еже нет. ¹К до нет. ²Так ХСУ; К мосишского. ⁶К учителя лета ради ныне же бысте требующе нет. ²Так ХСУ; К мирскому. 42. ²Так ХСУ; К по них. ⁶Так ХСУ; К рицаемых. ⁵Так ХСУ; К ни налютейшее. ¹Так ХСУ; К премененну сего ради блистания злата переменну. ²Так ХСУ; К злата предаде. ⁶Так ХСУ; К не ты. ⁵Испр.; К облагани. 43. ²Так ХСУ; К Менеи. ⁶Так ХСУ; К тшущя. ²К горькое не прозываю а се ли убо свет или сладко нет. ¹Так ХСУ; К на се ен. ²Так ХСУ; К никогота. 44. ²Так ХСУ; К сееть. ⁶Так ХСУ; К истезуми. ²Так ХСУ; К крестом. ²Так ХС; К Ире; У Онъ. ²Так ХСУ; К юженам. ⁶К и стра и далее пробел. 45. ²Так ХСУ; К изряше. ⁶Так ХСУ; К буда. ²К не нет. ¹Так ХСУ; К подостным. 46. ²К но божию славу восхищаеши нет. ⁶Так ХСУ; К человек. ²К после небольшого пробела тархани. ¹Так ХСУ; К и се. ²К гордостью-дмья хвалишися како бо нет. ⁶Так ХСУ; К суще. ²К лет нет. 47. ²Так ХСУ; К да полуземи. ⁶Так ХСУ; К покорятися прегордые царство. ²Так ХСУ; К своим нуждением. ¹Так ХСУ; К христианство. ²Так ХСУ; К каковых. ⁶Так ХСУ; К три стаяве. 48. ²Так ХСУ; К царству. ⁶К царства нет. ²Так ХСУ; К кроме. ¹Так ХСУ; К вашего. ²Так ХСУ; К яко разума. ⁶Так ХСУ; К папы. ²Так ХСУ; К наши напоминование. 49. ⁵Испр.; К Датдо-го. ⁶Так ХСУ; К зело. ²Так ХСУ; К детцими. ¹К кон. ²Так ХСУ; К томо о всем распространяешся. ⁶К с нет. 50. ²К яко же они дважды. ⁶Так ХСУ; К исповедани. ²Так ХСУ; К сия ния. ¹Так ХСУ; К ево. ²К суд нет. 51. ²Так ХСУ; К рака. ⁶К вторично десница. ²Так ХСУ; К истинному богу напему. ¹К ига нет. ²Так ХСУ; К отметаецца. ⁶Так ХСУ; К учищи, веруеши и. ²Так ХСУ; К обедаи. ²К не нет. ²К ла. 52. ²К алче. ⁵Испр.; К, ХСУ может нет. 53. ²К ко Ивану нет; на этом месте пропуск. ⁶Так ХСУ; К оскуде не. ²Так ХСУ; К их. ¹Так ХСУ; К испья. ²Так ХСУ; К дело их. ⁶Так ХСУ; К воздам. ²Так ХСУ; К начато. 54. ²Так ХСУ; К се. ⁶Так ХСУ; К своего лишения. ²К тебя нет. ¹Так У; К был еси; ХС были. ²Так ХСУ; К боярина. ⁶К сподобихомся. ²Так ХСУ; К нашего. ²К пришел два раза. 55. ²Так ХСУ; К Июди на пагуба нашему получался. ⁶Так ХСУ; К должая. ²Так ХСУ; К не сие. ¹К от сего нет. ²Так ХСУ; К ся. ⁶Так ХСУ; К сие убо всему. ²К общаго нет. ²Так ХСУ; К местом. ²Так ХСУ; К стаец. ²Так ХСУ; К нечетия. ²Так ХСУ; К бы. 56. ²Так У; К ядки; ХС етчи. ⁶Так ХСУ; К пойдосте. ²Так ХСУ; К мосте.

¹Так ХСУ; К егда возрасте. ¹К на своя; ХСУ свое. ⁶Так У; К жены своя мало познал еси *нет*; ХС жены своя познал еси. ²Так ХСУ; К варварруских. ³К егда *нет*. ⁴Так ХСУ; К не. ⁵Так ХСУ; К отнеже. ¹Так ХСУ; К бытие. ²Так ХСУ; К токмо. ³Так ХСУ; К бити. 57. ²Так У; К ниже мните, яко же ныне таковая сотвористе *нет*; ХС ниже мните яко же ныне таковая сотворити. ⁶К лице же свое пишеш не явити нам до страшного суда божия *нет*. ¹Испр.; К виде. ¹Так ХСУ; К нетогда. ¹Так ХСУ; К убою. ⁶Так ХСУ; К е. ²Так ХСУ; К исея. 58. ²К *вторично* молящися. ⁶Так ХСУ; К пожжения. ²Так ХСУ; К долу. ¹Так ХСУ; К раме. ¹К Иисуса *нет*. ⁶Так ХСУ; К юны. ²Так ХСУ; К но. ³Так С; К проподи; Х пропасть. ¹Так ХСУ; К кождо убо. ²Так ХСУ; К забы. ¹К в *нет* ¹Так ХСУ; К прящи. ²К *недописано* скор. ⁶К есть се есть. ¹К зрим аще добре зрим. 59. ²К паче тебе *нет*. ⁶К дышающу *нет*. ¹К мужий оних *нет*. ¹К праведне *нет*. ¹Так ХСУ; К приемлете. ⁶Так ХСУ; К доблеемую. ²К *вместо* Евдоксию *пропуск*. 60. ²К были дела Авраамля бысте *нет*. ⁶К Авраама *нет*. ¹К грех хочете имети не тако убо *нет*. 61. ²К христианских и ⁶Так ХСУ; К ныне. ²Так ХСУ; К всех. ¹Так ХСУ; К яде отхидны. ¹Так ХСУ; К ся. 62. ²Так ХСУ; К противися. ⁶К *недописано* владыка. ²Так ХСУ; К насъ сильных. ¹Так ХСУ; К пота книжника им (?) ¹Так ХСУ; К всем. ¹Так ХСУ; К мояви (?) ²Так ХСУ; К исол (?). ³Так ХС; К пламями не; У племяни кто. ¹Так ХСУ; К хтотя. ²К *недописано* постави. ¹Так ХСУ; К горко. 63. ²Так ХСУ; К ваших. ⁶Так ХСУ; К коблеса. ²Так ХСУ; К исполна. ¹Так ХСУ; К возьмут тя. ¹Так ХСУ; К Арепогит Тимофелу. ⁶Так ХСУ; К навыщает. 64. ²Так ХСУ; К сияющегося. ⁶Так ХСУ; К конец изрек. ²К *недописано* раздели. ¹К пророцы *нет*. ¹К *недописано* посре. ⁶Испр.; К навикну; У навикнуе; ХС навикниши. ²Так ХСУ; К в нынешнем. ³Так ХСУ; К входимых. ¹Так ХСУ; К отлученных. ¹Испр.; К на низвыня (?) ⁶К *вместо* день *пробел*. ⁶Так ХСУ; К пря. ²Так ХСУ; К ски но. ¹Так ХСУ; К лепона. ¹Так ХСУ; К то. ⁶Так ХСУ; К сам. ²К *недописано* внимат. 66. ²К *недописано* отсто. ⁶Испр.; К подобнопрятно; ХСУ богопрятном. ¹К просвещательно *нет*. ¹Так ХСУ; К его и. ¹Так ХСУ; К облечению. ⁶К совсем достоин гонити понеже ангелом праведно воздати яже по достоянию *нет*. ²К от всех благочиннаго и праведнейшаго промысла иже убо инныя начальствовати от бога учиненны воздают последним себе и послушливым яже по достоянию *дважды*. 67. ²Так ХСУ; К и божий. ⁶Так ХСУ; К иного ни себе иного врачу или же. ²К *вторично* и аще в мало верен и во мнозе верен есть. ¹Так ХСУ; К любезного мя. ¹Так ХСУ; К за. ⁶К от *нет*. ²Так ХСУ; К ся. 68. ²К отхиротенисае. ⁶К и *нет*. ²Так ХС; К и божие (*пробел*) чествующим. ¹Так ХС; К мило-

стинне. ^аТак ХС; К воскресит. ^бТак ХС; К учи бо а мыси. ^вТак ХС; К множеством и стыдом. ^гТак ХС; К сверыпо. ^дТак ХС; К егда на разуму. 69. ^аТак ХС; К своих всех злодеев. ^бТак ХС; К величаешя. ^вТак ХС, К отпады. ^гК недописано на. ^дТак ХС; К понуже учитель. ^еТак ХС; К и буиново. ^жК творити прелюбы нет. ^зТак ХС; К скарадуи. ^иК вместо милостив пробел. ^кК что нет. 70. ^аТак ХС; К дерзости еже. ^бТак ХС; К низцелною. ^вТак ХС; К приемли. ^гТак ХС; К пра. ^дТак ХС; К отвержением. ^еТак ХС; К скончавще. ^жК вещиши ю. ^зТак ХС; К человеканенавидство. ^иК еси беззакония нет.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ
(по спискам «сборников Курбского»)

72. ^аТак Пг; Ар М Арменским. 73. ^аТак Пг; Ар М христианам. 74. ^аТак Пг М; Ар крестъво. ^бТак Пг М; Ар противляюся. 76. ^аТак М; Ар вашею. 77. ^аТак Пг М; Ар ксходя. ^бТак Пг М; Ар ваши. 78. ^аТак Пг М; Ар обряшших. ^бТак Пг М; Ар Цариграда. 79. ^аТак Пг М; Ар приведен. 81. ^аТак Пг М; Ар кто. ^бТак М; Пг Ар злобесные. 82. ^аТак Пг М; Ар се и коням бразды во уста влагаем, да повинуются нам и все тело нет. 83. ^аТак Пг; Ар възстити; М возвестити. ^бТак Пг М; Ар гресех. 85. ^аТак Пг М; Ар люди нет. ^бТак Пг М; Ар вся. ^вТак М; Пг Ар; богатство. 86. ^аТак Пг М; Ар советояху. 87. ^аТак Пг М; Ар благолеппе. 89. ^аТак Пг М; Ар дед твои. 90. ^аТак Пг; И зло; Ар бло. ^бТак Пг; Ар М именем. ^вТак Пг; М Ар враги. 91. ^аТак М; Ар обряшем. 92. ^аТак Пг М; Ар он. 93. ^аТак Пг М; Ар поимачия. ^бТак Пг; М Ар судит. 94. ^аТак Пг М; Ар воды. 95. ^аТак Пг М; Ар безчетно. ^бТак М; Ар воюю. ^вТак Пг М; Ар изменно. 97. ^аТак Пг М; Ар пожрем. ^бТак Пг М; Ар или. 98. ^аТак Пг М; Ар пожалован. ^бТак Пг М; Ар увержения. 101. ^аТак Пг М; Ар ко. ^бТак М; Ар ангцем, Пг ангнецем. 104. ^аТак М; Пг Ар владели. ^бТак Пг М; Ар ових. ^вТак Пг; М елико о горе; Ар ели о Ре. 105. ^аТак М; Ар Пг злочестне. ^бТак Пг; М Израклии, Ар Израилия. 108. ^аТак Пг; М Казанийи, Ар казни. ^бТак М; Ар Пг душа. 109. ^аТак Пг М; Ар баче. 110. ^аТак Пг М; Ар враждую. 111. ^аТак Пг М; Ар избыти. ^бТак Пг М; Ар мисся. ^вТак Пг; Ар разрушищи, М разрешаши. 112. ^аТак Пг М; Ар сказывают. ^бАр в рукописи многоточие и пробел. 113. ^аТак М; Ар приприближеннейшая. ^бТак Пг М; Ар пре. 114. ^аТак Пг М; Ар готфкни. ^бТак Пг М; Ар воздвигоша. 115. ^аТак Пг М; Ар нам и от. ^бТак Пг М; Ар аще не моим с. ^вТак Пг М; Ар взыди. 116. ^аТак Пг; Ар М уллучити. ^бТак Пг М; Ар Феофалу. ^вТак Пг М; Ар на. 117. ^аТак Пг М; Ар до власном и. ^бТак Пг М; Ар божия. 118. ^аТак Пг М; Ар уж. ^бТак Пг М; Ар вами. 119. ^аТак М; Пг Ар нам. ^бТак Пг М; Ар поче же. ^вТак Пг М; Ар внимает.

120. ^аТак Пг М; Ар поехаст. 121. ^аТак Пг; Ар М а. 123. ^аТак Пг М; Ар не к ним. ^бТак Пг М; Ар над. 124. ^аТак Пг М; Ар самовольство. ^бТак Пг М; Ар труба.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРЬСКОМУ

(краткая редакция)

^аТак АБ; И безоизвыкших. ^бТак А; ИБ Лия. ^вТак А; ИБ дед. ^гТак А; ИБ и нет. ^дТак А; БИ низполползновению. ^еТак Б; И исправшихся, А исправльшихся. ^жТак Б; ИА оскудели. ^зТак А; ИБ та. ^иТак А; ИБ немощем.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

^аИспр.; в оригинале града. ^бИспр.; в оригинале наши.

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

^аИспр. по ТЦ; в рукоп. А. ^бИспр. по ТЦ; в рукоп. по. ^вИспр. по ТЦ; в рукоп. Потом же. ^гИспр.; в рукоп. Колачев (также КЦП, в Т Ковачев). ^дИспр. по КТЦ; в рукоп. еда. ^еИспр. по ТЦП; в рукоп. его. ^жИспр. по П; в рукоп. по (также в КТЦ). ^зВ рукоп. это слово пропущено (также в КТЦП); вставлено по смыслу. ^иИспр. по К; в рукоп. вас хождения. ^кИспр. по смыслу; в рукоп. по (также в КТЦП). ^лИспр. по смыслу; в рукоп. воспитѣвшимся (также в КТЦП). ^мИспр. по смыслу; в рукоп. ми (также в КТЦП). ^нИспр. по ТЦ; в рукоп. безгласно. ^оИспр.; в рукоп. затворившуся. ^пИспр. по Ц; в рукоп. Озакон (также в КТЦП). ^рИспр. по К; в рукоп. сравнася. ^сИспр.; в рукоп. остана. ^тИспр. по смыслу; в рукоп. во (также в КТЦП). ^уИспр. по ТЦП; в рукоп. есть. ^фВ рукоп. добавл. и (также в ТЦП); испр. по К. ^хВ рукоп. описка: шеперания (также в КП). ^иИспр. по смыслу; в рукоп. удобно (также в КЦП; в Т удобна). ^кВ рукоп. описка: Шереметевых. ^лВ рукоп. сверху приписано: монастыре (в других описках нет). ^мИспр. по смыслу; в рукоп. оставих (также в ЦП; в К. остави, в Т остави же). ^нВ рукоп. описка: лю. ^оВ рукоп. мѣните; испр. по ПЦ. ^пИспр. по Ц; в рукоп. правлении. ^р—^сИспр. по ЦП; в рукоп.: бояре его и царь ей (сходно в КТ) ^ю—^юВ рукоп.: то егда имяху что (сходно в К); испр. по П. ^аВставлено по смыслу; в рукоп. нет (нет также в КТЦП). ^бВ рукоп. нет; вставлено по Т. ^вВ рукоп. ошибочно дважды чего. ^гВ рукоп. нет; испр. по ЦП. ^иИспр. по П; в рукоп. большое (также в КЦ; в Т болшее).

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ

^аИспр.; в ркп. разделением. ^бИспр.; в ркп. како. ^вИспр.; в ркп. больбам. ^гИспр.; в ркп. прародительския земля; на полях пометка А. И. Попова и сия? ^дВ ркп. Василию нет. ^еИспр.; в ркп. христианство ^жИспр.; в ркп. вас.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ

^аТак Пк; ЦГ сказати. ^бТак Г; Ц Пк ноги нет. ^вТак Г.; Ц Пк коротко.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРЬСКОМУ

^аТак ЦУ; Пк о. ^бТак Ц; Пк разтленне, У растрелен. ^вНа этом кончается текст Ц. ^гИспр. по предложению А. И. Попова (на полях его копии); Пк помятуй и косудо; У по памяти и косу. ^дТак У; Пк вами. ^еТак У; Пк не нет. ^жТак У; Пк смертью. ^зТак У; Пк смерть.

ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ

^аВ ркп. неразб.

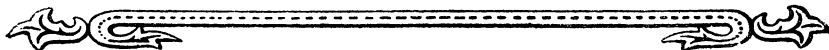
ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИУ

^аТак Л; Д Лукие. ^бИспр. (ср. Кн. Пос. Метр. Литовск., т. II, стр. 38); ЛД привесли. ^вИспр.; ЛД целовали. ^гТак Л; Д недомо. ^дТак Л.; Д в нет. ^еТак Л; Д христианство. ^жТак Л; Д земли нет. ^зТак Л; Д Флянские. ^иНа этом слове кончается список Д. ^йИспр.; Л им. ^кИспр.; Л Московскому. ^лИспр.; Л иное. ^мИспр.; Л иновверно.

ПОСЛАНИЯ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ И ГР. ХОДКЕВИЧУ
ОТ ИМЕНИ БОЯР

^аИспр. (ср. выше, стр. 241); в ркп. за панованье нет. ^бИспр.; в ркп. в нет. ^вИспр.; в ркп. ми. ^гИспр.; в ркп. поневаж.

КОММЕНТАРИИ

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

¹ Бог наш троица. . . ведомо да есть. — Титул, с которого начинается 1-е послание Курбскому, отличается от обычного титула дипломатических грамот (ср. стр. 144). Как обычно, этот титул начинается с перечисления атрибутов бога (мы опускаем это перечисление в переводе), но после этого следует не перечисление владений царя («всая Руси, Владимирского, Московского. . .») — как обычно в дипломатических грамотах), а изложение родословия русских князей, предков Грозного. «Врагами христианства» царь называет польско-литовских правителей и военачальников, которых русские источники того времени неоднократно обвиняли в разграблении православных церквей; с этим связано и сравнение их с тремя византийскими императорами-иконоборцами — Львом III Исавром (717—741 гг.), Константином V Копронимом (т. е. «Навозоименным», по древнерусски «Гноетезным») (741—775 гг.) и Львом V Армянином (813—820 гг.). Ярославским «владыкой» (князем) Курбский называл себя в многочисленных посланиях (А. М. Курбский, Соч., изд. 1914, стлб. 411, 449, 461 и др.), а впоследствии и в своем завещании (там же, стлб. 529), в связи с тем, что род его вел свое происхождение от прежних ярославских князей (от князя Ивана Васильевича Ярославского, потомка князей Смоленских).

² яко же беси на весь мир, тако же и ваши изволившии быти друзи и служебники. — В своем послании Грозный обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», разделяя их на две категории — товарищей Курбского и «служебников». К первой категории принадлежали, очевидно, Владимир Семенович и Иван Иванович Заболоцкие [Заболоцкие, как и Курбские, вели свой род от смоленских Рюриковичей (ср.: С. Б. Веселовский. Синодик опальных Ивана Грозного как исторический источник. Сб. «Проблемы источниковедения», т. III, 1940, стр. 284—285); о весьма бурной «деятельности» Вл. Заболоцкого в Литве свидетельствуют источники, изданные в книге «Жизнь кн. А. М.

Курбского в Литве и на Волыни», II (Киев, 1849, стр. 243 сл.)). Ко второй категории относились многочисленные «худые люди», бежавшие в эти годы в Польшу и Литву, включая слуг Курбского (И. и М. Калыметы, К. Зубцовский и др.) и таких независимых, но незнатных лиц, как Тимоха Тетерин, Марк Сарыхозин [см. их письмо боярину М. Морозову (стр. 535) и ответ царя на это письмо (стр. 212); см. также дружеское письмо Курбского Сарыхозину на религиозные темы и указание Курбского в его завещании на материальную зависимость от него Сарыхозина (А. М. Курбский, Соч., изд. 1914 г., стлб. 415, 549, 561) и др.]. Грозный делал различие между этими двумя группами лиц — в инструкциях своим послам в Польшу он писал: «А то (речь идет об упреках за измену, — *Я. Л.*) говорити с Курбским или с кем иным радным, а с худым того не говорити, худому излаяв, да плюнути в глаза, да и пойти прочь» (Сб. РИО, т. 71, стр. 593). Это не мешало ему считать изменников-«служебников» еще более вредными, чем «радных» изменников, — недаром он систематически справлялся о судьбе Тетерина (Сб. РИО, т. 71, стр. 322, 468, 778 и др.); именно они, по его мнению, наполняют «иростью» Курбского и ему подобных.

³ нас всячески назирающе, блюдуще хожения и глаголания, мнящиеся аки бесплотных быти. — Речь идет о деятельности изменников — «слуг» (т. е. незнатных изменников), следивших, по словам Грозного, за всеми его поступками. Выражение «мнящиеся аки бесплотных быти» мы переводим: «воображая, что они бесплотны [невидимы]», т. е. изменники думают, что их соглядатайство остается незамеченным. Возможно, однако, что Грозный хотел сказать, будто изменники считают бесплотным его самого. В таком случае это выражение следует поставить в связь с помещенным ниже (см. прим. 9) обвинением против Курбского и его единомышленников в «наватской» (новацианской) ереси, представители которой требовали от людей, чтобы они были выше (правственней) «человеческого естества».

⁴ Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти. . . Литовская брань уллучилася вашею же изменою и недоброхотством и нерадением безсовестным. — Замечание царя, что Курбский будет участвовать в войнах «с христианами» (т. е., против Руси), подтвердилось спустя несколько месяцев после написания этого письма (ПСРЛ, XIII, 390). Мнение Устрялова (Сказания кн. А. М. Курбского, прим. 223), что царь имеет в виду уже совершившийся факт (разграбление Курбским Великолукской волости), не верно; поход Курбского на Великие Луки (как и на Полоцк) произошел после написания комментируемого послания (Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurb-skij, прим. 14); о войнах Грозного с Литвой и Ливонией см. ниже, прим. 42.

⁵ тамо сущии — польско-литовские правители, к которым Грозный не раз обращался с просьбой о выдаче Курбского (Сб. РИО, т. 71, стр. 454, 467 и 532 и др.).

⁶ убоился еси ложнаго на тя речения смертнаго, от твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному солганию. — Здесь царь намекает на какие-то обстоятельства, предшествующие бегству Курбского; не совсем понятно, в каком смысле «смертное речение» именуется «ложным» (идет ли речь о том, что Курбскому солгали о каком-то несправедливом приговоре против него его друзья или о том, что самый этот приговор мог явиться результатом клеветы этих «друзей» на Курбского?). Намек на «ложное слово», бывшее причиной бегства Курбского, встречается в том же письме выше (предыдущий абзац) и ниже (в следующем абзаце); в упомянутой дипломатической переписке с Польшей царь указал, что Курбский «учал государю... делати изменные дела и государь хотел был его понаказати» и «посмирити»; узнав об этом, Курбский сбегал (Сб. РИО, т. 71, стр. 321, 468).

⁷ Како же не страмишися раба своего Васки Шибанова? — Помимо известия комментируемого послания, существуют еще два известия о слуге Курбского Василии Шибанове. Первое из них — чрезвычайно популярное в литературе сообщение так называемой Латухинской Степенной книги о том, что Курбский, бежав в Литву, «посла того же своего верного раба к великому государю царю, с досадительным письмом из Литвы. Той же Васька Шибанов к Москве прииде, и при пути походу государева на Красном крыльце царю и в. кн. Иоанну Васильевичу лист той от князя своего подал» [цит. по примечанию Устрялова в его издании «Сказаний А. М. Курбского» (СПб., 1868, стр. 340)]. Далее рассказывается, как царь пробил В. Шибанову ногу «осном» (наконечником трости), и в таком положении он выслушал текст послания (этот рассказ послужил источником для известной баллады А. К. Толстого). Другое известие о Шибанове содержится в официальной летописи XVI в. — в Синодальном списке Никоновской летописи; здесь сообщается, что после бегства Курбского «человека его, Васку Шибанова, воеводы, поймав, прислали к господарю; тот же человек его, Васка Шибанов, государю царю и в. кн. сказал про государя своего князя Ондreja изменные дела» (ПСРЛ, XIII, 383, ср. репродукцию этого текста летописи — стр. 473). Легко заметить расхождение между обоими этими источниками; само собой разумеется, что предпочтение должно быть дано реалистическому рассказу летописи XVI в., а не романтической легенде «Степенной книги» XVII в. (т. е. Шибанов был взят в плен, а не явился к царю в качестве посланника). На первый взгляд может показаться, что известие Никоновской летописи о том, что Шибанов «сказал... князя Ондreja изменные дела», противоречит и словам царя о том, что

Шибанов «не отвержеся» Курбского, «похваляя его» «при смертных врагах». Однако, это противоречие мнимое. Если Шибанов, как сообщает летопись, был пойман и захвачен в плен, то, естественно, он на допросе не мог скрыть и не стал бы скрывать очевидного факта бегства к неприятелю Курбского, — а это и значит на языке официальной летописи, что он «сказал. . . изменные дела» Курбского. Это никак не исключает того, что Шибанов мог обнаружить при допросе достаточную храбрость и вассальную преданность «своему владыце», что и дало Грозному повод к неместному для Курбского сравнению.

⁸ Писание же твое присято бысть и вразумлено внятно. — Эти слова представляют собой пародию на традиционную формулу дипломатических грамот (см., напр., стр. 233 и 242), следующую после изложения текста грамоты иностранного государя.

⁹ Начало убо твоего писания. . . повеленну быти? — Грозный разбирает первые слова послания Курбского: «Царю от бога препрославленному, паче во православии пресветлу явившуся, ныне же. . . сопротивным обретесь» (см. стр. 534 — начиная с этих слов, царь в течение всего своего послания разбирает и опровергает фразу за фразой все послание Курбского). Выражение «сопротивным обретесь», употребляемое Курбским, заключало в себе, повидимому, обвинение в отступничестве от православия («в православии пресветлу явившуся, ныне же. . . сопротивным»). Во всяком случае, это обвинение больше всего оскорбило Грозного, и он многократно возвращается к нему на протяжении всего послания, иногда просто цитируя слово «сопротив» («се ли разумеая „супротиво“?» — стр. 15), иногда прибавляя дополнение: «сопротивно разума» («се ли убо сопротивно разума?», — стр. 19), иногда прибегая к довольно сложной и не всегда ясной игре этими словами (стр. 29 и 43). Определение «наватской» ереси Грозный берет, повидимому, из Хронографа: «Елици убо христиане, не могуще стерпеть мук, пожираху [нарушали пост] и потом каяхуся, Нават же не приимаше их [назад в лоно церкви], глаголя: аще и тмами каетесь, не приемлет вас бог» (ПСРЛ, XXI, ч. 1, стр. 259; в действительности такую крайнюю строгость к согрешившим проявлял другой римский «ересиарх» III в. н. э. — Новициан). Приводимую им евангельскую цитату Грозный переделывает: вместо «нужда бо приити соблазнам» он пишет «нужда бо не приити соблазнам».

¹⁰ нарицаемого попа, т. е. «известного», «того, которого я имею в виду» («нарицати» — иметь в виду, разуметь). Речь идет о священнике московского Благовещенского собора Сильвестре. Сильвестр фактически исполнял обязанности царского духовника (личного священника) и пользовался большим личным влиянием на царя; указание Грозного (см. ниже, стр. 57), что Сильвестр при этом не гнушался такими приемами, как запугивание царя «детскими страшилами» (суеверными страхами),

подтверждается и Курбским (Соч., стлб. 169). О политической роли Сильвестра см. ниже, прим. 25.

¹¹ Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играм бытие. . . чим у вас извыкли прохлагатися? — Это оправдание царя (против какого-то предполагаемого обвинения Курбского) не совсем понятно. В первую очередь царь оправдывается, очевидно, в несоблюдении каких-то церковных обрядов, ссылаясь на «бремя царских правлений» [предположение Штелина (ук. соч., прим. 21), что здесь речь идет о мероприятиях, относящихся к церковному землевладению, за которые царь извиняется, не убедительно; «церковное предстояние» означает в послании именно хождение в церковь и соблюдение обрядов — ср. стр. 39]. Менее понятно оправдание по второму вопросу. В списках, известных до настоящего издания, это место читалось: «имый гром бытие», «и мы гром бытие» — Устрялов (Сказания кн. Курбского, стр. 142, d) истолковал это, как «мы громим, разрушаем бытие»; развивая это понимание, Штелин (ук. соч., прим. 20) видит здесь намек Грозного на его собственное прозвище. Такое толкование представляется весьма сомнительным: форма 1-го лица мн. ч. от глагола «громить» — «гром», нигде не встречается; дальше, повторяя тот же загадочный термин, царь оправдывается не в излишнем «громлении», а наоборот в снисхождении; что касается прозвища «Грозный», то в XVI в. оно вообще не упоминается (тем более в писаниях самого царя), и т. д. Более вероятным представляется нам чтение, даваемое новонайденными списками начала XVII в. — Погодинским списком (см. репродукцию с этого листа рукописи, — стр. 593) и списком Археографической комиссии: речь идет о каких-то «играх», за которые царь считает нужным извиняться. Такое чтение вполне согласуется с дальнейшим текстом послания: царь сравнивает попустительство «играм» со снисхождением матери к детским забавам и спрашивает: «и чим [зачем] у вас извыкли прохлагатися [привыкли развлекаться]?». Какие именно «игры» имеет в виду Грозный — идет ли речь об играх «с скоморохами в машкарах», которыми Грозный, по словам Курбского, стремился «аки в дружбе себе присвоити» некоторых бояр, приглашая их «играть» с ним (Соч., стлб. 279, — это известный рассказ о Репнине, погибшем как раз в начале 60-х годов), или здесь имеются в виду «игры» более широкого характера — сказать трудно.

¹² Алексеем. — Имеется в виду окольный Алексей Федорович Адашев, пользовавшийся большим влиянием в 50-х годах XVI в. (см. о нем ниже, прим. 25).

¹³ Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих злобесных учиненно, еже иноческое одеяние свергши и на кристьян воевати? . . . Много же и не в Тимохину версту обрящещи. . . и не поправше иноческого образа . . . паки приидоша. — Грозный имеет в виду одного

из «худых» «единомысленников» Курбского — Тимофея-Тихона Пухова-Тетерина, бежавшего в Литву в конце 50-х — начале 60-х годов. Бегству Тетерина предшествовала его ссылка в Сийский монастырь и насильственное пострижение там. В архиве Грозного хранились дела: «Посылка на Двину в Сейской монастырь Тимохи Тетерина с Григорием Ловчиковым: дело Ондreja Кашкарова да Тимохина человека Тетерина, Поздняка, что они Тимохиным побегом промышляли» (Опись царского архива, Акты Археограф. экспед., т. I, стр. 354); в 1581 г. Грозный писал папскому послу Поссевину, что «Тимоху были есмь и пожаловали, а велели есмь его постричь по своему закону, и он, сметав платье чернецкое, да в Литву збежал» (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными, т. X, СПб., 1871, стр. 226). — Князь Рюрик Ростиславич Смоленский, занимавший с 1194 г. (с перерывами) киевский престол, был насильственно пострижен в монахи в 1203 г. князем Романом Мстиславичем Галицко-Волынским. В 1205 г. он, как сообщает Никоновская летопись, «сложи с себе платье иноческое и растрижеся. . . также и жену свою хотяше ростици, она же не восхоте» (ПСРЛ, X, 50). В 1215 г. он, согласно той же летописи, «преставися. . . княжа в Чернигове» (там же, 69). — Кого имеет в виду царь, говоря о «не в давних letech постриженных от синглита [совета, собора] превелика», не ясно (не идет ли речь о каких-то еретиках, постриженных по решениям соборов 50-х годов, осудивших Башкина, Феодосия Косого и других лиц? — ср.: Опись царского архива, Акты Археограф. экспед., т. I, № 289, стр. 349 и 353).

¹⁴ Или мнишися, яко ты еси Авенир, сын Ниров, храбрейший во Израили . . . погибель содеваеши. — «Сильными во Израиле» Курбский именовал своих единомышленников, казненных Грозным. В соответствии с этим библейским термином царь выдвигает для посрамления Курбского примеры также из Библии: Авенир, сын Нира, Ахитофел, Иеровоам, сын Навата (этот библейский Нават не имеет ничего общего с еретиком Наватом, о котором Иван писал выше), — все это библейские лица. Далее царь приводит несколько цитат — из Библии и Иоанна Златоуста (о бессилии врагов божьих, — в переводе эти цитаты мы не сохраняем).

¹⁵ Се ли убо сопротивно разума, еже по настоящему времени жити? . . . Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо болыми плевела наполнил еси! — Выражение «настоящее время» (употребляемое царем и выше, стр. 18) имеет смысл: «соответствующее время», «соответствующие обстоятельства». Грозный возражает против того, что царь должен действовать во всех случаях «единако» (одинаково), и указывает, что он должен быть «овогда» (иногда)

кротким, «овогда — ярым» (свирепым). В доказательство допустимости в определенных случаях второго пути царь приводит примеры: римско-византийского императора Константина Великого (первого христианского императора, казнившего в 326 г. своего сына Криспа), смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича, предка Курбского, причисленного к лику святых (он был участником многих княжеских усобиц, в 1293 г. приводил на Русь татарскую рать, разграбившую многие города; в 1298 г. «крепко» осаждал Смоленск, занятый его двоюродным братом, но не сумел его взять, — ПСРЛ, X, 169, 171—172), и библейского царя Давида. В связи с последним примером царь вспоминает случай из своего царствования, когда его (подобно Давиду) замыслили «отвергнуть» «нынешние изменники»; Курбский же, видя то «пламя» (мятеж), «не погасил», «но паче разжег» его. Царь намекает, очевидно, на события во время его болезни в 1553 г., см. ниже, прим. 29.

¹⁶ Вспомняни же... безбожный Магмет греческую власть погаси, и, яко ветр и буря зельняя вся без вести сотвори. — В доказательство того, что не самодержавие «противно разуму», а что, напротив, неизбежно должно разориться государство «от злодейственных человек» и «от попов владомое», царь излагает длинный очерк библейской и византийской истории. Особенный интерес представляет изложение царем последнего сюжета: вопреки пренебрежительному замечанию Костомарова, что царь «мог все эти знания перевести на письмо Курбскому из любого Хронографа» (Исторические монографии, т. XIII, 1881, стр. 261), очерк византийской истории, сделанный царем, не совпадает с известными нам текстами Хронографа (напр. Хронограф ред. 1512 г. — ПСРЛ, XXII; некоторые совпадения наблюдаются с еще не изданным так называемым «Еллинским летописцем»), и вопрос о его источниках требует специального изучения. От перечисления владений «Августакесаря» (среди этих владений он называет «Ассею» и «Азею» в качестве различных стран — ср. ниже, прим. 2 к посланию Полубенскому) царь переходит непосредственно к распаду Империи после смерти Константина (337 г. н. э.), далее он упоминает борьбу в Италии при императоре Маркиане (450—457 гг.) и Льве Великом (457—474 гг.); «Зинзирих» — вождь германского племени вандалов Гейзерих, захвативший в 427 г. африканские владения империи, а в 450 г. Рим (наименование «рига», поставленное Грозным после имени «Зинзерих», означает «гех», король, и может относиться к любому лицу, скорее всего, к самому Гейзериху — ср. ПСРЛ, XXII, 285, 324: «риги же свои князи называют фрязи»). Дальше (в отрывке, пропущенном в до сих пор известных списках) упоминается император Анастасий Дикорос (491—518 гг.) из Диррахиму (нынешний Дуррес в Албании), при котором, действительно, произошло крупное восстание в армии, руководимое Виталианом (515 г.); вскоре после смерти Ана-

етасия начинается наступление Ирана на Византию при Хозрое I (531—579 гг.). Пропустив царствование Юстиниана Великого, Грозный затем переходит к императорам Маврикию (582—602 гг.) и Фоке (602—610 гг.) и упоминает завоевания иранского шаха Хозроя II (590—628 гг.), относящиеся к этому времени. Далее упоминается император Ираклий I (610—641 гг.), — вначале ему действительно досталось «худейшее» царство, но затем император вернул значительную часть завоеваний Хозроя, — и Юстиниан (Грозный пишет «Юстин») II Курносый (Ринотмет — «с обрезанным носом»; 685—711 гг.), терпевший многократные поражения от «варваров» (арабов, болгар), свергнутый с престола одним из своих полководцев и вернувший себе власть с помощью болгар. В связи с этой помощью от болгарского хана, Юстиниан II принужден был признать за ним титул «кесаря» и обязаться уплачивать ему дань (не ясно, о каком отделении болгарской «церкви» говорит Грозный — христианская религия у болгар появилась лишь с середины IX в.). Апсимар-Тиберий был одним из соперников Юстиниана II (правил в 698—705 гг.), Филиппик-Вардан окончательно сверг Юстиниана и правил после него (711—713 гг.); Феодосий III Бородатый из Адрамиттона был одним из многочисленных полководцев, захвативших императорский престол (716—717 гг.); еще до этих императоров Египет и Дамаск были отвоены у Византии, но не персами, а арабами (вскоре после отвоения их Ираклием I от персов). Не совсем понятно, о каком «отложении скифов» при Константине Копрониме (741—775 гг.) пишет царь: едва ли он имел в виду болгар, ибо выше он называл их просто-болгарами [Устрялов (Сказания Курбского, прим. 240), толковавший «скифов» как болгар, не знал предшествующего текста]. В IX в., когда правили Лев V Армянин (813—820 гг.), Михаил II Аморен (820—829 гг.) и Феофил (829—842 гг.), происходит образование ряда государств в Европе (Грозный считает, что эти государства «отторглись от греческого царства», но фактически они уже давно были независимы); в начале этого века Византия признала западно-римским «базилевсом» (императором) «Карула от внутренней Фругия» — франкского императора Карла Великого [имя «Карула» встречается только в Погодинском списке и списке Археографической комиссии; но уже Устрялов, не зная этого списка, правильно предположил, что речь идет о Карле Великом (Сказания Курбского, прим. 242)]. При Михаиле III и при правившей за него его матери Феодоре (842—867 гг.) Иран уже в значительной степени освободился от арабской власти; однако завоевать Иерусалим у Византии персы не могли, так как Иерусалим уже в VII в. принадлежал арабам. Константинополь был завоеван «фрягами» (западными европейцами, участниками так называемого IV крестового похода) в 1204 г.; восстановление «убогого царства» Михаилом VIII Палеологом (родо-

начальником последней византийской императорской династии) относится к 1261 г.; Константин XI (XII) Драгасес (1449—1453 гг.) — последний византийский император; в 1453 г. «безбожный Магмет» (турецкий султан Мухаммед II) завоевал Константинополь.

¹⁷ Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градах и властях совладети, иде же вам быти, не подобает. И что от сего случипася в России, егда быша в коеждо граде градоначальницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего и сам беззаконныма очима видел еси. . . — Это место, впервые публикуемое в настоящем издании (в списках комментируемого послания, известных до настоящего времени, оно было пропущено), затрагивает один из самых острых вопросов в борьбе между царем и боярством. Наместническое управление на местах («наместники» в уездах и «волостели» в волостях) представляло собой пережиток феодальной раздробленности, неизбежный в первый период существования Русского национального государства. Наместники получали определенную территорию в «кормление» — для собственного обеспечения; следствием этого было стремление выжать как можно больше «корма», всевозможные злоупотребления. Злоупотребления наместников достигли наибольших размеров в период «боярского правления» (см. ниже, прим. 22), когда Курбский и мог наблюдать их «беззаконными очами» (в 50-х годах наместничество было в основном ликвидировано, — ср.: И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 41—46). Библейская цитата: «горе граду, им же многие овладают», относится именно к этому предполагаемому стремлению Курбского восстановить наместническое управление, а не (как получалось по другим спискам) к замечаниям царя об отшельничестве и «общежительстве» монахов [предположение Штелина (ук. соч., прим. 21), видящего и здесь «нестяжательские» тенденции Грозного, поэтому отпадает]. Далее следует цитата из Псалтыря (Псалтырь, LXI, 11; здесь Грозный ставит в пример Курбскому царя Давида, легендарного автора псалмов) и ряд других библейских и евангельских цитат.

¹⁸ меня. — Речь идет опять, очевидно, о событиях 1553 г. (см. прим. 29); утверждение, что бояре, кроме, «ссушего млеко младенца» (Димитрия), хотели еще «лишить света сего» самого царя, имеется только в Погодинском списке и краткой редакции. Если это не описки (в списке Археографической комиссии читается: «младенца моего»), то обнаруживается тем самым еще одно обвинение царя против его врагов.

¹⁹ Но понеже убо извыкосте от прародителей своих. . . такой яд отрыгаеши. — Грозный характеризует весь род Курбского, как изменнический. Кн. Андрей Углицкий — брат Ивана III — в 1491 г. был заточен Иваном III, и через 2 года умер в заточении. Кн. Димитрий Иванович — внук Ивана III (сын его старшего сына Ивана), в 1497 г. был

признан дедом в качестве наследника и соправителя, в 1502 г. при загадочных обстоятельствах подвергнут заточению вместе с матерью Еленой Стефановной; наследником Ивана III был провозглашен второй сын Ивана III Василий (отец Грозного); Димитрий умер «в нуже» (насильственной смертью) в тюрьме уже в правление Василия III. О связи предков Курбского с этими князьями в других источниках ничего не сообщается, но сам А. М. Курбский с большим сочувствием писал о гибели Андрея и Димитрия Ивановича (Соч., стлб. 271—272); об «укоризненных словах» предков Курбского по матери, Тучковых, по адресу предков Грозного в других источниках также ничего не сообщается; о роли Михаила Тучкова во время борьбы Шуйских и Бельских см. ниже, прим. 22.

²⁰ А еже писал еси: почто есмя сильных во Израили побили. . . православных. — Царь приводит большую цитату из письма Курбского (выше, стр. 534) и дальше на протяжении многих страниц дает на нее развернутый ответ.

²¹ Яко же и выше рех, какова злая пострадах от юности моя даже и доселе. . . да погубят безпамятно! — Иван начинает пространное изложение своей биографии (и одновременно истории боярских измен) от смерти своего отца Василия III в 1533 г. Правительницей государства стала после смерти Василия его жена Елена Васильевна (Глинская); кроме Ивана, у Василия оставался еще один сын, глухонемой и «простой умом» (поэтому «святопочивший») Юрий. Крымские (перекопские) ханы несколько раз нападали на Русь в правление Елены (напр. в 1535 г.), но внутренние смуты (борьба двух ханов) не давали возможности крымцам начать большую войну. В 1535 г. произошел заговор в Казани и вместо московского ставленника ханом стал там крымский ставленник (Сафа-Гирей). Елене пришлось признать этого нового казанского хана. Бегство кн. Семена Бельского и окольничего И. В. Ляцкого к польскому королю Сигизмунду I относится к 1534 г. В 1535 г. Сигизмунд начал военные действия против Руси; ему удалось сжечь город Радогощ (ПСРЛ, XIII, 86), взять Гомель (по известию одного из списков летописи «наместник же градка того князь Димитрий Щепин Оболенский не храбр и страшлив, видев люди многи и убоялся», — ПСРЛ, XIII, 98) и Стародуб (после сильного сопротивления, — там же). Больше Сигизмунду ничего завоевать не удалось, и в 1536—1537 гг. было заключено перемирие. Не удовлетворенный таким исходом войны, С. Бельский отправился в Стамбул, вступил в переговоры с султаном, и в 1536 г. ходил с крымско-турецкими войсками на Русь (ПСРЛ, XIII, 100—101). Заговор кн. Андрея Старицкого (брата Василия III) относится к 1537 г.: Андрей пытался поднять против Елены новгородских помещиков («послужильцев»), но не достиг успеха и был принужден сдаться. Об участии

в этом заговоре кн. Ивана Семеновича Ярославского (Грозный называет имена предков И. С. Ярославского, чтобы подчеркнуть¹ его родство с Курбским) других известий (кроме комментируемого послания) нет. Что имеет в виду царь, упоминая среди других врагов Руси, выступивших в эти годы, «Надчитархана», — не вполне ясно. Штелин (ук. соч., прим. 40) предполагает, что «Читархан» (так читается в ряде списков) — это «Хаджи-тархан», т. е. Астрахань (по-татарски «Хаджи-тархан»). В Астрахани, действительно, незадолго до смерти Елены Васильевны произошел государственный переворот, и ханом, вместо дружественного Руси Абд-эль-Рахмана, стал Дербыш-Али (ПСРЛ, XIII, 120).

²² Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей. . . прейти от земного царьствия на небесное. . . по мзде творяще и глаголюще. — Грозный описывает период так называемого «боярского правления», наступивший после смерти его матери Елены Глинской (апрель 1538 г.). После смерти Елены погиб ее фаворит Овчина-Телепнев-Оболенский; были выпущены «из няства» (заточения) князь Андрей Шуйский (арестованный в связи с заговором кн. Андрея) и кн. И. Ф. Бельский (ПСРЛ, XIII, 123), и «сведен с митрополии» ненавистный боярам митрополит Даниил. Следует отметить, что рассказ царя об этих событиях в комментируемом послании сходен (иногда дословно) с аналогичным рассказом в официальных летописных сводах — Никоновской летописи (Синодальный список) и «Царственной книге» и в особенности в приписках к этим сводам, сделанных каким-то официальным редактором (приписки к Синодальному списку были введены в основной текст более поздней «Царственной книги», но редактор, очевидно, не удовлетворился ими и дополнил «Царственную книгу» новой группой приписок). Историки предполагают, что редактором этим был какой-то близкий к царю человек, если не сам царь (ср. напр.: С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. Ист. зап., т. XV, стр. 33; С. Б. Веселовский. Последние уделы в сев.-вост. Руси. Ист. зап., т. XXII, стр. 106, и др.). В тексте «Царственной книги», как и в письме царя, дед Курбского Михаил Тучков упоминается как участник соперничества между Шуйскими и Бельскими (ПСРЛ, XIII, 432).

²³ И тако им на много время жившим, мне возрастом телом припевающе, и не восхотех под властью рабскою быти. . . шесть лет и полне престаше сия злая! — И. В. Шуйский был «отослан» (на воеводство во Владимир) и И. Ф. Бельский пришел к власти летом 1540 г.; новая победа Шуйских относится к 1542 г. Обстоятельства обоих этих государственных переворотов мало известны: официальные летописные списки (Синодальный список и «Царственная книга») умалчивают об этих событиях; из другого списка Никоновской летописи (ПСРЛ, XIII, 132—133) мы узнаем, что видную роль в победе Бельских играл митрополит Иоасаф

(недаром последовавшее поражение Бельских совпало с его отставкой). Положительная характеристика Бельских и отрицательная Шуйских, содержащаяся в комментируемом послании и в официальных летописях [рассказ о свержении Иоасафа и избиении Ф. Воронцова почти дословно совпадает в комментируемом послании и в приписках к летописям (ПСРЛ, XIII, 141 и 143); в приписке к «Царственной книге» подчеркивается участие в этом избиении Д. Курлятева и А. Басманова], связана, повидимому, с характерным для Грозного в те годы выдвижением княжат — Гедиминовичей (ср. комментарий к посланиям Сигизмунду II Августу, прим. 3, 12) за счет Рюриковичей, более опасных благодаря своему традиционному влиянию в прежних вотчинах. В действительности Бельские в 40-х годах едва ли были менее реакционной силой, чем Шуйские. Победа их в 1540 г. не может объясняться тем, что царь «приспевал возрастом [подростал]», ибо ему было в это время только 10 лет. В перевороте 1542 г., организованном Шуйскими, участвовали служилые люди и горожане-москвичи; в результате этого переворота митрополитом (вместо Иоасафа) стал Макарий — один из наиболее выдающихся политических деятелей XVI в. (ср.: И. И. Смирнов, Иван Грозный, стр. 23—24). Весь период «боярского правления» длился, по мнению царя, шесть с половиной лет — с начала 1538 г. по конец 1543 г.: в конце 1543 г. Андрей Шуйский был казнен, а его сторонники сосланы (ПСРЛ, XIII, 145 и 444).

²⁴ Нам же пятнадцатилет лету возраста преходящим. . . безумие явственно. — Фактически в этот период «самостоятельного» правления Грозного (до 1547 г.) управление государством попрежнему находилось в руках бояр — родственников матери царя — Глинских. В 1547 г. в Москве произошло восстание, поводом к которому были «великие» пожары, происшедшие летом этого года. Рассказ о восстании 1547 г., содержащийся в комментируемом послании, следует сопоставить с известиями в официальных летописных сводах. В Синодальном списке Никоновской летописи, отражающем более ранний этап летописной работы, восстание 1547 г. описывается как народное восстание: «черные люди града Москвы от великие скорби пожарные восколебашася» (ПСРЛ, XIII, 154). В «Царственной книге» первоначальный текст, совпадающий с Синодальным списком, вычеркнут редактором (см. выше, прим. 22) и вписан новый текст, в котором ответственность за восстание возлагается на бояр (Шуйского и Федорова-Челяднина) и приводятся подробности восстания (слух о том, что «Анна Глинская. . . вымала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездючи по Москве, да кропила, и оттого Москва выгорела», описание убийства Ю. Глинского в церкви), сходные с рассказом комментируемого послания (ПСРЛ, XIII, 455—457). С негодованием отвергая мысль, что можно

«на таковую высоту, еже Иван святой, кропити», Грозный имеет в виду слух, распространившийся среди восставших, что Анна Глинская вызвала московский пожар колдовством, кропя город зачарованной водою. «Иван святой» — это колокольня Ивана Великого в Кремле: Грозный хочет, повидимому, сказать, что загорелась и эта высочайшая колокольня, на которую невозможно было брызгать воду, стоя на земле (в летописи, правда, ничего не сообщается о пожаре на этой колокольне — сообщается лишь о пожаре в соседнем Успенском соборе и в «многих церквах каменных»); может быть, однако, что Грозный имеет в виду какой-то слух, что Глинская брызгала с колокольни Ивана Великого.

²⁵ Да того же времени бывшу сему собаке Алексею. . . в дружбу подобно мирским. — Наиболее подробный рассказ о правлении Сильвестра и Алексея Адашева содержится в «Истории о в. кн. Московском» Курбского — политическом памфлете, написанном в Польше (Курбский, Соч., стлб. 169—173). Курбский, как и царь, подчеркивает большое влияние Сильвестра и Адашева в этот период (конец 40-х—50-е годы), всячески восхваляет этих лиц и именует кружок, собравшийся вокруг них, «избранной радой» (польский термин) — название, закрепившееся в исторической науке. Вопрос о политическом и социальном характере этой «избранной рады» весьма сложен. Восторженная характеристика, данная ей Курбским, и резко отрицательная, данная Грозным, естественно, создавали у историков впечатление, что «рада», подобно Курбскому, защищала княжеско-боярские интересы (ср. напр.: В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, II. СПб., 1900, стр. 367—371). Однако, документальные источники, сохранившиеся за эти годы, противоречат такому выводу: реформы 50-х годов, проведенные при Сильвестре и Адашеве, были направлены против остатков феодальной раздробленности и носили прогрессивный характер (ликвидация системы наместничества, судебная реформа, раздача земель служилым). В связи с этим в исторической науке установился критический подход к замечаниям Грозного и Курбского об «избранной раде», высказанным в ходе острой полемики и относящимся к более позднему времени. С. В. Бахрушин (ук. соч., стр. 36—38, 51, 54—55) считает, что «избранная рада» (которую он отождествляет с «ближней думой» царя) имела «компромиссный состав», но проводила прогрессивную политику, соответствующую интересам дворянства. И. И. Смирнов (Иван Грозный, стр. 87) считает вообще понятие «избранной рады» фикцией и полагает, что сближение Сильвестра и Адашева с княжатами произошло лишь в начале 60-х годов. Полемическая тенденциозность комментируемого рассказа проявляется и в характеристике «собаки Алексея» (Адашева) как выходца из «гноища» (навоза) и бывшего «батожника» (буквально: слуга, расчищающий путь с помощью палки; может быть, однако,

царь проницательно указывает этим на то, что Адашев был «рындой» при дворе). В действительности Адашевы представляли собой провинциальный (костромской) дворянский род, и уже отец Алексея, Федор Адашев, выполнял ответственные поручения государя (ср. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 135—136).

²⁶ Потом же вся собором. . . освещенный собор русския митрополия. — Речь идет об «освященном соборе» в «царских палатах» в феврале 1549 г. (ПСРЛ, XXII, 528—529; ср.: С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950, стр. 447—448) или о Стоглавом соборе 1551 г. («писание» царя этому собору, содержащее действительно мотивы «взаимного прощения» и примирения, см. в «Археографическом обзоре», стр. 522). В старой исторической литературе (напр.: С. Соловьев. История России, кн. II, ч. VI—X. Изд. «Общественная польза», стлб. 45—46) существовало мнение, согласно которому Грозный между 1547 и 1550 гг. созывал на Лобном месте представителей «из городов всякого чина», и на этом «соборе примирения» (первом земском соборе) и состоялось то всеобщее прощение, о котором говорит царь в комментируемой грамоте (см.: Устрялов, прим. 264 и 21 к его изд. «Сказаний Курбского»). Однако, как указал Платонов, известие о «соборе примирения» основывается на вклейке конца XVII в. (а может быть и начала XVIII в.) в так называемую Хрущевскую Степенную книгу и представляет собою, повидимому, позднюю легенду, созданную на основе «Стоглава» и комментируемого послания Курбскому (С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 219 сл.; характеристика Адашева как выходца из «нищих», содержащаяся в этом тексте Хрущевской Степенной книги, явно навеяна замечаниями Грозного в его послании).

²⁷ И тако помалу сотвердися сия злоба. . . своих советников хотение творяще. — Известие о том, что Сильвестр «вотчины ветру подобно роздал неподобно», было предположительно истолковано Устряловым (Сказания А. М. Курбского, прим. 265) как намек на так называемое «испомещение тысячи» детей боярских под Москвой в 1550 г. Однако «испомещение тысячи» было мероприятием, проведенным в интересах дворянства, и не должно было вызывать] недовольства со стороны царя, подготовлявшего во время написания комментируемого послания опричнину. И. И. Смирнов (ук. соч., стр. 39, прим. 1) считает, что царь в данном случае возлагает на «избранную раду» «ответственность за земельную политику времени боярского правления (тенденционно извращая хронологию и передвигая эту политику с 40-х годов, когда она действительно имела место, на 50-е годы XVI в.)». — Второе обвинение царя против Сильвестра и Адашева заключается в том, что они «от пра-

родителей наших данную нам власть отъяша, еже вам, боярам нашим, по нашему жалованию честию председания почтенным быти». Что хочет этим сказать царь? Сергеевич (ук. соч., стр. 369) понимает его слова так, что «организованный Сильвестром и Адашевым совет похитил царскую власть, царь был в нем только председателем». Более правильным представляется толкование слов царя С. В. Бахрушиным: царь хочет сказать, что «избранная рада» решала местнические споры (ук. соч., стр. 44), определяла, кто из бояр должен «сидеть впереди» других. Справедливо ли это обвинение по отношению к «избранной раде» — сказать трудно: к 1550 г. относится закон противоположного характера, запрещающий местничество в войске (ср.: И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 35). — Дмитрий Курлятев, которого царь упоминает в качестве третьего сподвижника «попа и Алексея», — представитель удельного княжья (из рода Оболенских), пользовавшийся большим влиянием в те годы и подвергшийся опале одновременно с Адашевым.

²⁸ Та же. . . нам подвигшимся на безбожный язык Казаньский. . . аки пленника, всадив в судно, вежаю. . . сквозе безбожную и невернейшую землю. — Это замечание царя Устрялов (цит. изд., прим. 268) и Костомаров (ук. соч., стр. 262) толкуют как доказательство того, что царя «везли насильно под стены Казани» и что он «играл. . . жалкую, глупую, комическую роль» во время казанского похода. Такое толкование совершенно неправомерно (ср.: Н. П. Лихачев. Дело о приезде Поссевина. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XI, СПб., 1903, стр. 255) — речь идет лишь о возвращении из Казани (и о недостаточной охране царя при этом возвращении); казанский поход в целом был совершен с полного одобрения и по приказу царя [см. ниже, прим. 37 и 40; «ревность» царя и его готовность не щадить «здравия своего» во время Казанского похода отмечал даже Курбский в «Истории о в. к. Московском» (Соч., стлб. 174)]. То, что возвращение царя из Казани было несвоевременным шагом, признает и Курбский (там же, стлб. 206), но он взваливает за это ответственность на «шурьев» царя (Захарьиных).

²⁹ востаха яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем, мневше нас не быти. — Упоминаемый здесь «мятеж у царевой постели» в 1553 г. особенно подробно описан в приписке к «Царственной книге». Там рассказывается, как заболевший царь упрасивал бояр целовать крест его новорожденному сыну Дмитрию (речь идет о первом сыне царя от Анастасии Романовны, скончавшемся некоторое время спустя, а не о Дмитрии, сыне Марии Нагой), как многие из них открыто выступили против этого решения, ссылаясь на то, что за «пеленочника» будут править его родичи Захарьины и т. д. В числе противников присяги и сторонников Владимира Андреевича Старицкого называются Сильвестр, отец Адашева (но не сам Адашев), Курлятев, Палецкий и Фуников

(ПСРЛ, XIII, 522—526). Большинство историков придает важное значение этому событию, рассматривая его чуть ли не как переломный момент в отношениях между царем и «избранной радой» (ср. напр.: С. Соловьев. История России, кн. II, стлб. 136—141). Однако в исторической литературе высказывались и сомнения по поводу достоверности этого известия приписки к «Царственной книге» и комментируемого послания (ср. напр.: С. Б. Веселовский. Последние уделы сев.-вост. Руси. Ист. зап., т. XXII, стр. 106). В Синодальном списке Никоновской летописи (более ранний источник, чем «Царственная книга», см. прим. 22) никаких известий о мятеже у царевой постели нет.

³⁰ Та же собака, изменник князь Семен Ростовской. . . над ним учинили казнь свою. — Тайные сношения кн. Семена Лобанова-Ростовского с польским послом Довойно, очевидно, происходили летом 1553 г., когда этот посол приезжал к Ивану IV (Сб. РИО, т. 35, № 27). Летом следующего года он (вместе с сыном) сделал неудачную попытку бежать за границу. Согласно инструкции, данной русским послам, ехавшим в Польшу осенью 1554 г., на возможный вопрос о С. Ростовском они должны были ответить, что он «малоумством шатался и со всякими иноземцы говорил непригожие речи про государя» и что вместе с ним «воровали его племя [родичи], такие ж дураки» (там же, стр. 453). Сходный рассказ о С. Ростовском содержится и в тексте Синодального списка Никоновской летописи (ПСРЛ, XIII, 237—238: «хотел бежати. . . от малоумства. . . а с ним ехати хотели такие же малоумы»). В приписке же к этой летописи сообщается, что С. Ростовский затевал тайный заговор во время болезни царя в 1553 г. и что в этом заговоре участвовали представители крупного князя: Щенятев, Серебряный, Пунков-Микулинский и др. (стр. 238, прим. 1). Следователями по этому делу были, согласно этой приписке, Курлятев, Палецкий и Фуников, т. е. те самые лица, которых более поздний источник (приписка к «Царственной книге») обвиняет в мятеже во время болезни царя. К сожалению, мы не знаем, как изложила бы дело Ростовского «Царственная книга», так как ее текст доходит только до 1553 г.

³¹ Курлятевым сыном хотесте судити про Сицкаго. — Этот, довольно «темный» (Соловьев, кн. II, стлб. 151) намек царя может быть несколько разъяснен благодаря его же замечаниям во 2-м послании Курбскому (см. стр. 209). По убедительному предположению Бахрушина, «дело шло о ссоре между князем Сицким и его соседями по вотчинам в Ярославском уезде — Прозоровскими — из-за 150 четей земли. . . Сицкий, бывший в свойстве с царицей Анастасией, надо думать, пробовал воздействовать на судей именем малолетнего Федора и добился вмешательства в дело самого царя. В судебном разбирательстве участвовали, между прочим, кн. А. М. Курбский и кн. Д. И. Курлятев» (ук. соч., стр. 44). — Упоми-

нание «Курлятева-сына» (в списке Археографической комиссии) не совсем понятно. У Д. И. Курлятева был сын Иван, постриженный в 1562 г. в монахи вместе с отцом (ПСРЛ, XIII, стр. 344), но «Курлятевым-сыном» можно было назвать и самого Д. И. Курлятева (по отношению к его отцу, кн. И. В. Оболенскому-Шкурле). В других списках послания читается: «с Курлятевым нас хотесте судити про Ситцкого».

³² Та же убо наченшеся войне, еже на герман. . . како же убо воспомяну. . . немилостивное путное прихождение? — Речь идет о столкновениях между царем и Сильвестром во время Ливонской войны (см. ниже, прим. 41—42). История этих столкновений (так же как и причина враждебности Сильвестра и его партии к царице Анастасии Романовне) не известна. Согласно Никоновской летописи (Синодальный список), царь с женой и детьми находился в Можайске в конце 1559 г., туда к нему пришла весть о нарушении ливонцами перемирия (заклученного, вероятно, под влиянием Сильвестра и других — см. ниже, прим. 41—42); царю срочно пришлось выехать, несмотря на «беспуту» (распутицу, бездорожье); при этом выезде «грех ради наших царица недомогла» (ПСРЛ, XIII, 321).

³³ Милостивно гнев свой учинили. . . повинныя по своей вине тако суть прияли. — Падение виднейших представителей «избранной рады» относится к началу 60-х годов. А. Адашев был отправлен летом 1560 г. на ливонский фронт (ПСРЛ, XIII, 327); затем он был назначен воеводой в Вильяны (Вильянди, Феллин), оттуда переведен (по утверждению Курбского — сослан) в Юрьев (Тарту, Дерпт), где и умер [царь, по утверждению Курбского (Соч., стр. 264), подозревал его в самоубийстве; во всяком случае о его смерти было произведено специальное следствие (Акты Археогр. экспед., т. I, 354)]; брат его Даниил был казнен несколько лет спустя (по известию Курбского: Соч., стлб. 278). В конце 1562 г. был насильственно пострижен в монахи «за его великие изменные дела» кн. Д. Курлятев (ПСРЛ, XIII, 344). К этому же времени, повидимому, относится и ссылка Сильвестра в Соловецкий монастырь (Курбский, Соч., стлб. 264—265; даты нет). Обстоятельства этой ссылки и вообще опалы Сильвестра не известны; трудно сказать поэтому, правильно ли чтение списка Археографической комиссии: «нам же, его благословив, не отпустившу» (т. е. Иван отказался принять отставку Сильвестра) или вернее чтение других списков: «нам же его благословение отпустившу». — Предпосылки падения «избранной рады» так же не ясны, как и самый ее характер (см. выше, прим. 25). Если Карамзин, излагая историю падения «рады» (История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, стр. 5—15), просто повторял рассказ Курбского (Соч., стлб. 259—270), объяснявшего все эти события действиями «презлых ласкателей» (в частности, Захарьиных), то уже Соловьев справедливо отметил про-

тиворечивость и намеренную запутанность рассказа Курбского (Соч., стлб. 148). Сводить все дело к конфликту во время болезни 1553 г. (если даже доверять известию об этом конфликте, — см. прим. 29) едва ли возможно, ибо после 1553 г. деятели «избранной рады» сохраняли свое влияние в течение почти целого десятилетия. Бахрушин (ук. соч., стр. 55) обращает внимание на разногласия царя с «избранной радой» по внешнеполитическим вопросам, но почему-то считает этот конфликт «не принципиальным» и «формальным».

³⁴ На церковь востаете. . . но и ныне свободно есть: про что еще не престаєте гонити? — Иван сравнивает «избранную раду» с гонителями христианства — сторонниками ортодоксального иудейства; конец приведенной им библейской цитаты: «да и содробнятца развещевають сия» (в других списках — «да и содругнутся развещевающей сия») искажен; должно быть: «дабы отсечены были развращающие вас». Выражение «но и ныне свободно есть» переводим предположительно; в «сборниках Курбского» этот текст читается: «иное сподобно [подобно?] есть» (см. стр. 103).

³⁵ подобно Антуру и Енеи. . . — Имеются в виду Антенор и Эней, герои Троянской войны; в «Илиаде» ни тот, ни другой не обвиняются в предательстве; легенды о их предательстве относятся к более позднему времени [Ликофрон, Дионисий Галикарнасский, поэмы о Троянской войне IV в. н. э. (см.: Pauly — Wissowa, Real-Encyclopädie, t. I, 1894, стлб. 2352)].

³⁶ Света же во тму прилагати не тщуся. . . мучеников своих в праздники страдати. — Царь отвечает на обвинение Курбского, что он «прелагает свет во тьму» (т. е. выдает свет за тьму), и на вопрос, «чем прогневали» его «христианские предстатели». Из ответа царя ясно, что этим термином Курбский обозначает казненных бояр, а не самого царя, как понял это место Кунцевич, видя здесь звательный падеж: «предстателю» (Курбский, Соч., стлб. 2; ср. Штелин, ук. соч., стр. 22, с). Царь считает недопустимым именование «предстателями» (покровителями, защитниками) простых смертных и сравнивает за это Курбского с язычниками.

³⁷ А еже писал и то, будто те «предстатели предгордыя царства разорили. . . с нами тогда не быша! — Царь указывает вначале на неудачи в борьбе с Казанью во время его детства и «боярского правления» (тринадцать лет царь отсчитывает, повидимому, от своего рождения до конца «боярского правления», — ср. прим. 23). Первая «посылка» С. И. Пункова-Микулинского на Казанскую землю относится, очевидно, к 1545 г. (ПСРЛ, XIII, 146, 445—446). В 1550 г. происходил новый (неудачный) поход на Казань; в 1551 г. по приказу Ивана Грозного стала строиться напротив Казани русская крепость Свияжск. Взятие Казани произошло осенью 1552 г. Слова царя: «бои пятадесять тысець,

вашего ради нехотения, с нами тогда не быша», были истолкованы Н. Костомаровым, как утверждение, что под Казанью (в 1552 г.) было не более 15 000 воинов. Костомаров видел в этом вопиющее искажение истины, доказывая на основании других источников (Морозовский летописец, Курбский), что в действительности в казанском походе участвовало 120—150 тыс. человек (ук. соч., т. XIII, стр. 263—265). Однако это место послания не обязательно понимать так, как это делает Костомаров. Штелин (ук. соч., стр. 74, b) переводит эти слова иначе: с царем «не было», к нему не явилось 15 000 человек из числа обязанных явиться воинов. Это толкование текста представляется тем более вероятным, что у нас имеются прямые сведения о неявке многих служилых (из Новгорода) в казанский поход и о том, что царь приказал «отписать поместья» у таких «нетчиков» (ср. «Грамоты по делам поместным» 1555—1556 гг. в «Дополнениях к Актам историческим», т. I, № 52, стр. 92, 102, 107, 110).

³⁸ И тако ли прегордые царства разорять, еже народ... от брани отовращати, подобно Янушу Угорскому? — Впервые издаваемый здесь текст списка Археографической комиссии (в других списках — «Юношю Угорскому») подтверждает предположение И. Н. Жданова (Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 115—116), что в этом месте послания царь имел в виду венгерского магната Яна Заполю, воеводу Трансильвании (Семиградья), ставшего с 1526 г. (после победы турок при Могаче над венгерским королем Людовиком) королем Венгрии. Габсбурги (германские императоры) обвиняли Яна Заполю в связях с Турцией, и на Руси на него также смотрели, как на турецкого ставленника. В 1578 г., во время переговоров с послами Стефана Батория, польского короля и бывшего князя Трансильвании, русские дипломаты по поручению царя напоминали полякам, что «был на королевстве Угорском... Лодовик, которого Турецкой убил, а посадил на Угрех Януша Седмиградцкого, а Яныш был у Угорского короля у Лодовика гетман навышшой, и Януш, по ссылке с Турецким, Лодовика короля подал, и всем своим полком оступил, и для тое израды Турецкий его на королевстве учинил» [цит. по рукописи, содержащей переговоры с послами Батория (Рукоп. отд. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. IV, 33, л. 35 об.—36)].

³⁹ Егда запасы истопоша. — Потопление запасов, о котором сообщает Грозный, имело место, очевидно, в начале осады Казани, 24—25 сентября 1552 г., во время «бури великой» на Волге. Летопись сообщает, что гибель «судов и многих запасов» во время этой бури вызвала «скорбь в людях», но царь приказал подвести запасы из Свияжска и из Москвы (ПСРЛ, XIII, стр. 205, 501).

⁴⁰ Егда же Олексеева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако царствия нашему государству во всем послушны учинишесь... яко же выше явихом. — Это замечание царя обнаруживает разногласия

по вопросам внешней политики, возникшие во второй половине 50-х — начале 60-х годов между ним и «избранной радой». Если в вопросе о необходимости завоевания Казани (как и Астрахани) царь и его «советники» в общем не имели разногласий (царь обвиняет их только в недостаточном усердии в этом вопросе, но не в сознательном противодействии), то после 1552 г. обнаружились два возможных пути в русской внешней политике. Курбский и его единомышленники были сторонниками решительного и чисто военного наступления на «бесермен». Грозный считает именно их виновниками той гражданской войны, которая возникла в Казанском ханстве после 1552 г. и длилась «множае седми лет» (характерно, что в приписках к «Царственной книге» бояре как раз обвиняются в том, что вопреки приказу царя, они «Казанское строение отложиша, и в те поры Луговая и Арская поотложилися и многия беды христианству и крови наведоша», — ПСРЛ, XIII, 523). Сам царь, наоборот, был сторонником привлечения «бесерменских сил» на русскую службу, и, по его словам, после падения «избранной рады» мусульманские области стали поставлять русскому войску «множае треюдесять тысящ бранных» [действительно, в ливонских походах Грозного значительную роль играли татарские войска во главе с бывшим казанским ханом Шах-Али; ср. в связи с этим известие современника, англичанина Джерома Горсея, о «непреодолимой силе татар», поступивших на русскую службу после завоевания Казани и Астрахани и второго брака царя (Горсей. Записки о Московии. СПб., 1909, стр. 22)]. Еще более существенными оказались разногласия в крымском вопросе. Как указывает Курбский, его единомышленники, «мужие храбрые и мужественные, советовали и стужали, да подвижется сам [Иван IV], с своею главою, со великими войсками на Перекопского [Крымского хана]». (Соч., стлб. 239). Плодом этого, по выражению царя, «злосоветия» единомышленников Курбского были поход И. В. Шереметева в 1555 г. (несмотря на героизм русских войск, он окончился неудачей, — см. ПСРЛ, XIII, 256—257) и походы на Днепр и Дон запорожского атамана, перешедшего на русскую службу, Дмитрия Вишневецкого и брата Алексея Адашева — Даниила в 1558—1559 гг. (ПСРЛ, XIII, 315, 318 и др.). С начала 60-х годов царь решительно отказался от этих нападений на Крым и вступил в переговоры с ханом, прямо подчеркивая изменение своей внешней политики: «А которые наши люди ближние промеж нас с братом нашим з Девлет Киреем царем ссорили, мы то сыскали, да на них опалу свою положили есмя — иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех, ни в сех ходят» (Центр. Гос. архив древних актов, Крымск. посольск. книга, № 10, л. 13 и 15; ниже царь называет прямо имена этих ближних людей: «Иван Шереметев, Алексей Адашев, Иван Михайлов и иные», — там же, л. 98). Курбский по трафарету объясняет эту перемену политики влиянием

«ласкателей, добрых и верных товарищей трапез и купков» (Соч., стлб. 240). В действительности царь стремился к стабилизации южной границы ради использования всех сил в Ливонской войне.

⁴¹ Како же убо воспомяну о гермонских градах супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукавого ради напомнимания Датцкого короля лето цело дасте безлепа рифлянтм збиратися? — Эта фраза, разрезанная во всех до сих пор известных списках комментируемого послания вставкой текста из заключительной части послания (см. Археографический обзор) и восстанавливаемая по списку Археографической комиссии, очень точно указывает на основной момент расхождений между царем и «избранной радой» во внешнеполитических вопросах. Ливонская война началась в 1558 г.; уже в январе этого года русские войска под командованием бывшего казанского хана Шах-Али и М. В. Глинского вели в Ливонии военные действия карательного и разведывательного характера (ПСРЛ, XIII, 289; Хроника Рюссова, Прибалт. сб., II, 358), в мае 1558 г. русскими была взята Нарва (ПСРЛ, XIII, 293—295, — Никоновская летопись объясняет завоевание Нарвы провокационным нападением самого нарвского «князьца» — фохта). Возможно, что уже тогда «избранная рада» позволяла себе «словесные отягчения» по этому поводу; но в июне 1558 г. в военных действиях против Ливонии должен был принять участие и А. М. Курбский (вместе с кн. П. И. Шуйским и Д. Адашевым, — ПСРЛ, XIII, 299—300). Вступив в Ливонию со стороны Пскова (к югу от Чудского и Псковского озер), войска под командованием Шуйского и Курбского завоевали Новгородок Ливонский (Нейшлос), Юрьев (Тарту, Дерпт) и ряд других городов Ливонии (ПСРЛ, XIII, 303—306). Однако с начала 1559 г. в военных действиях наступает перерыв. В марте этого года царь «маистру и арцыбискупу Ризскому и бискупу Колыванскому для королёва челобитья Датцкого дал кроткого предстояния, воевати же не велел на шесть месяц, от мая до ноября»; «челобитье» датского короля доложил царю Алексей Адашев (ПСРЛ, XIII, 318). Если учесть, что это перемирие как раз совпало с походом Даниила Адашева на Крым (там же), то представляется весьма вероятным указание царя, что причиной согласия на «лукавое напомнимание» датского короля были убеждения со стороны представителей «избранной рады», предпочитавших войну на юге. Ливонцы постарались максимально использовать «кроткое предстояние» 1559 г. (фактически русские войска не начинали активных действий до 1560 г.): они обратились к помощи своего номинального патрона — германского императора Фердинанда (в начале 1560 г. он ходатайствовал перед царем за Ливонию, — ПСРЛ, XIII, 324—325; Хроника Рюссова, Прибалт. сб., II, 376—377); в августе—сентябре 1559 г. новый магистр Ливонии Кетлер признал власть польского

короля над южной и центральной Ливонией (ср.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, I, стр. 242). С этого времени война приняла международный характер, и вопрос о ее дальнейшем продолжении приобрел особую остроту (характерно, что в «Истории о в. к. Московском» Курбский именно на походе 1558 г. обрывает изложение истории Ливонской войны и переходит к доказательствам необходимости войны на юге, — стлб. 236, сл.).

⁴² Они ж, пришед пред зимним временем, и сколько тогда народу христианьского погубили! . . . Оттоле литаоньский язык и гофинский и ина множайшая воздвигоше на православие. — В октябре—ноябре 1559 г. «не дождався сроку, на колко их государь пожаловал», ливонцы под командованием нового магистра Кетлера напали на русские войска вблизи Юрьева «и побили многих людей: убили семьдесят сынов боярских да с тысячу боярских людей» (ПСРЛ, XIII, 320—321); при известии об этом поражении царь принужден был срочно выехать из Можайска с большой царницей (см. прим. 32). В феврале 1560 г. царь «отпустил на немцы» Курбского и Д. Адашева (ПСРЛ, XIII, 326); в мае того же года был отправлен «большой наряд» во главе с И. Ф. Мстиславским, М. Я. Морозовым, Алексеем Адашевым (там же, 327). В августе русские войска разбили войска ливонского ландмаршала («ламашкалка») Шалль-фон-Белля, попавшего при этом в плен, взяли крупную крепость Вильян (Вильянди, Феллин) (ПСРЛ, XIII, 330). Но в конце этого же года под Пайдой (Пайде, Вайссенштейн) русские войска потерпели неудачу [официальная Никоновская летопись ничего не сообщает об этом событии, но Псковская летопись рассказывает о нем, прибавляя, что воеводы ходили «не по цареву, . . . наказу. . . на похвале. . . а стояли под городом 6 недель. . . и отошли, города не взяв. . . и Пскову и пригородам и сельским людям всей земли Псковской проторей стало в посохи много» (ПСРЛ, IV, стр. 312; ср.: Хроника Рюссова, Прибалт. сб., II, 395)]. В конце 1561 г. «литовские люди» захватили у русских в Ливонии город Тарвас (Тарвасту) с помощью подкупа (ПСРЛ, XIII, 339; это, возможно, и есть те «детские страшили», о которых говорит Грозный). Тем временем шведы, вслед за поляками, вмешались в ливонские дела и заняли Кольвань (Таллин, Ревель) и не доставшуюся русским Пайдю (Вайссенштейн). Именно эти события имеет в виду Грозный, когда говорит, что единомышленники Курбского, затянув войну, подняли «литаоньский язык и гофинский [шведский] на православие» (т. е. дали Польше и Швеции возможность выступить). Замечание царя, что если бы не это «злобесное претыкание», «вся Германия была за православною верою лето же», также казавшееся историкам нелепым преувеличением (Ростомаров, ук. соч., стр. 269), совпадает с мнениями, высказывавшимися в те же годы в самой Германии (ср. Г. В. Форстен, ук. соч., I, стр. 134).

⁴³ Безсмертен же быти не мняся. . . вся нага и отверста пред ним. — Царь отвечает на обвинение Курбского, что он «в небытную ересь прельщен» и не боится Страшного суда. Замечание царя: «аще ли тако. . . се убо ересь саддукейская», означает, повидимому, что та ересь, которую приписывает ему Курбский («се убо ты неистовишися, без ума пиша»), по характеру своему напоминает учение саддукеев — древне-еврейской религиозной секты (II—I в. до н. э. — I в. н. э.), отрицавшей загробную жизнь. С негодованием отвергая это обвинение, царь, в свою очередь, обвиняет Курбского в манихействе. Манихейство — религиозное учение, возникшее в III в. н. э. (повидимому, на персидской почве); сущность его — в признании дуализма окружающего мира [по хронографу: «благого бога глаголюще создателя быти небеси; земли же, и иже на ней, иного быть творца» (ПСРЛ, XXII, стр. 382)]; Курбский, думающий лишь о Страшном суде, но не о наказании за грехи на земле, сходен, по мнению царя, с манихеями. Осведомленность царя в вопросе о еретических учениях связана с широким развитием ересей на Руси во второй половине XV—первой половине XVI в.; царь был, несомненно, хорошо знаком с «Просветителем» Иосифа Волоцкого — важнейшим сочинением, направленным против русских еретиков. Учения еретических противников Иосифа Волоцкого заключали в себе элементы сходства с саддукейством [Зосиму, митрополита-еретика XV в., обвиняли в отрицании бессмертия души, — см. послание Иосифа Волоцкого к епископу Нифонту (Чтения Общества истории и древностей Российских, 1847 г., № 1)] и манихейством (в особенности с его болгарской формой — богумильством).

⁴⁴ Предгордых гонителей. . . всяко призираете. — В связи с угрозой Курбского, что Христос будет наказывать «прегордых мучителей», царь доказывает, что обвинение в гордости применимо не к нему, а к единомышленникам Курбского, «восхищающим [присваивающим себе] учительский сан» и осмеливающимся повелевать «владыце» (царю). — В связи с этим он указывает, что даже византийскому императору-иконоборцу Феофилу (829—842 гг.), «святители», упрекавшие его за ересь, не осмеливались писать таких «хулений», как ему, Грозному. «Многосложный свиток, его же святейшие патриарси к Феофилу. . . написаша» встречается в различных рукописных сборниках (см. напр.; Рукоп. отд. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. I. 225, л. 116).

⁴⁵ Гонения же аще на люди воскладаете. . . но токмо не ты сему судитель. — Грозный отвечает на обвинение Курбского в «мучительстве», доказывая, что «избранная рада» тоже прибегала к «гонениям». — Феодосий был архиепископом Коломенским с 1542 г. (был назначен после свержения Шуйскими Бельских и поставления Макария на митрополию). Никита Афанасьевич Фуников-Курцев — дьяк, печатник, а затем

казначей, был видным деятелем московского государственного аппарата уже в 50-х годах (во время «избранной рады»), сохранил свое влияние и после падения Сильвестра и Адашева (был женат на сестре Афанасия Вяземского, видного деятеля опричнины; в 1570 г. был казнен в связи с новгородским «изменным делом»). О «гонениях» «избранной рады» на этих лиц в других источниках ничего не сообщается. — Говоря «истязание же не токмо до власти, но и в движение сердець» (так в списке Археографической комиссии), Грозный отвечает на угрозу Курбского, что Христос будет «истязать» гонителей «до власти прегрешения их» (так в Погодинском списке, см. выше, стр. 535). Следует отметить, что обе фразы (и у Курбского и у Грозного) в других списках читаются иначе: у Курбского — «истязать их и до влас прегрешения», у Грозного — «истязание же не токмо до влас. . .» (стр. 117). Какой из двух вариантов вернее — сказать трудно; очевидно Курбский и Грозный цитируют какой-то известный им обоим библейский текст.

⁴⁶ Зла же и гонения безлепа от мене не приял. . . на пагубу душу получил еси? — Евтропий — фаворит римско-византийского императора Аркадия (IV в. н. э.), казненный в результате конфликта с известным церковным деятелем Иоанном Златоустом и императрицей Евдокией. Рассказ о Евтропии заимствован царем из жития Иоанна Златоуста (в «Четьях Минеях») — источника, неоднократно цитированного Грозным (слово «скупец», читающееся в списке Археографической комиссии, несомненно, означает «скопец»: в хронографе и сходных списках здесь читается незаконченное слово «ско»); в житии повествуется о том, как Евтропий боролся против признания за церковью права убежища, а затем сам принужден был прибегнуть к этому убежищу; Златоуст «слово обличение продолжи о нем, еже бы с зазором другим, им же грешника не точию не миловал, но паки обличаше» (Великие Четьи Миней, ноябрь 13—15, СПб., 1899, стлб. 973—974). — Князья Кубенские, как и Курбские, потомки ярославских князей; о службе М. М. Курбского у Кубенских в других источниках ничего не сообщается. — Выражение «понеже он ему даде», встречающееся в списке Археографической комиссии и в нескольких других, непонятно (оставляем его без перевода); может быть, правильное чтение Уваровского списка, где вместо «даде» читается «дядя».

⁴⁷ И аще кровь твоя, пролитая от иноплемennых. . . неповинен быти. — В послании царю Курбский напоминал ему о своих собственных военных заслугах и о своей крови, «пролитой за тя»; царь отвечает на это указанием на слезы, которые он пролил из-за единомышленников Курбского. Царь говорит, что из-за Курбского и его друзей он получил «причреслие», — Устрялов переводит этот термин как «боль в пояснице» (Сказания А. М. Курбского, стр. 186, а; ср. Штелин, ук. соч., стр. 92);

но термин «прѣчрѣсліе» может означать и просто «обиду, оскорбление» (ср. примеры у Срезневского, цит. соч., т. II, стлб. 1714).

⁴⁸ Победы пресветлыя... и не восписуется. — В связи с замечаниями Курбского о его «победах пресветлых», Грозный напоминает ему о его неудачах. Наиболее интересным является первый из фактов, упомянутых царем (он упомянут на первом месте вопреки хронологии, очевидно именно в силу наибольшей важности). Речь идет об участии Курбского (вместе с С. И. Пунковым-Микулинским и И. В. Шереметевым) в подавлении восстания в Казанском ханстве в 1553—1554 гг. Как видно из текста комментируемого послания и из других источников (ср.: ПСРЛ, XIII, 234, 239; Курбский, Соч., стлб. 219—220), в военном отношении этот поход не мог считаться неудачным — воеводы привели «большой полон» и вернулись «здорово». Поведение Курбского и других воевод не удовлетворяло царя с политической точки зрения: после завоевания Казани между царем и «избранной радой» обнаруживаются разногласия по вопросу о политике в покоренном ханстве (см. выше, прим. 40); чрезвычайная жестокость, проявленная «карательными экспедициями», возглавлявшимися Курбским и другими боярами (примером такой политики является расправа с побежденными «изменниками Казанскими» в 1555 г.), вызывала недовольство царя. — Поход «крымского царя» на Тулу происходил в 1552 г. Официальные летописи, сообщая об этом событии, указывают, что в момент прихода «царя» к Туле воевода Тёмкин «и люди были воинские поехали к государю»; отпор хану дало само население города; воеводы же пришли в Тулу через 3 часа после ухода хана (ПСРЛ, XIII, 189—190, 486—487; о пире, устроенном воеводами вместо преследования неприятеля, в летописях ничего не сообщается). — О поражении Курбского под Невелем, кроме комментируемого послания, сообщает только польская хроника Мартина Бельского, который приводит другие цифры, чем царь (1,5 тыс. поляков и 40 тыс. русских), но также указывает на поражение Курбского, вопреки численному превосходству его сил (Kronika Marcina Bielskiego, ks. VII, Warszawa, 1832, стр. 155—156; ср. перевод этого известия в предисловии Устрялова к его изд. «Сказаний Курбского», стр. XII—XIII).

⁴⁹ в дальных конных градах. — О «дальноконных градах», в которых он постоянно пребывал, находясь на службе у царя, Курбский упоминал в своем письме (см. стр. 535). Это выражение было, очевидно, необычным для русского языка того времени — в большинстве списков переписчики его исказили. Грозному оно тоже показалось излишне вычурным, — во всяком случае, он вспоминает его не только в первом, но и во втором послании (стр. 211).

⁵⁰ Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже серы очи имуща? Понеже вид твой злолукавый нрав исповедует! — Последняя фраза.

сохранившаяся только в списке Археографической комиссии, объясняет все это место в комментируемом послании. Знаменитый ответ Грозного на угрозу Курбского «не явить» свое лицо до Страшного суда: «Хто же убо желает такова ефиопскаго лица видети?», не есть простая полемическая грубость. Грозный в данном случае выражает взгляд, характерный для средневековой философии: он считает, что сама внешность Курбского говорит о его «злолукавом нраве». Уваровский список (№ 330) послания, опустивший, как и все другие списки, последнюю фразу, дает зато ценное чтение предыдущей фразы: «... иже з е к р ы [голубые] очи имуща» (в других списках той же группы бессмысленное: «закры»). Этот вариант, возможно, более правилен, чем «серы»: в известном памятнике «отреченной литературы» древней Руси, «Тайная тайных» или «Аристотелевы врата», мы читаем предостережения (от имени Аристотеля) по адресу Александра Македонского против советников с голубыми глазами: «Стережися всякого, имуще око зекро» (М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг, вып. 4. СПб., 1908, стр. 175). Если Грозный в данном случае, действительно, опирался на авторитет «Тайная тайных», то это говорит и о его интересе к философской литературе, трактующей общие вопросы управления государством, и об известном свободомыслии царя («Тайная тайных» считалась «еретическим» памятником).

⁵¹ А еже убо не хощеши молчати... да обратитца. — В доказательство греховности намерения Курбского «проповедати» троице на царя приводятся две притчи о святом муже, безуспешно молившемся против грешников. Притча о Карпе взята Грозным из того же «Послания Димофилу» Дионисия Ареопагита, которое цитируется и в другом месте первого послания Курбскому (стр. 63; об этой цитате см. в «Археографическом обзоре», стр. 531, 543). Происхождение второй притчи менее ясно. Н. Устрялов (ук. соч., прим. 293) полагал, что герой второй притчи — Поликарп — известный архимандрит Печерского монастыря, живший в XII в. и многократно упоминающийся в Печерском патерике. Но в краткой редакции прямо указывается, что притча о Поликарпе заимствована из «послания божественного Дионисия о Поликарпе Измирском» (стр. 133), — следовательно, из того же Дионисия Ареопагита. Однако в отличие от истории Карпа, история о Поликарпе не обнаруживается в известных нам сочинениях Ареопагита — ни в русском переводе в Четьих-Минеях, ни в греческом тексте (Migne. Patrologia graeca, t. III). Учитывая это обстоятельство, а также явное сходство между двумя притчами (и именами героев), можно предположить, что рассказ о Поликарпе представляет собой другой вариант того же рассказа о Карпе [это предположение высказывал уже Штелин, но так как он же считал, вслед за Устряловым, что упоминаемый здесь Поликарп — печерский архимандрит (ук. соч., стр. 95, прим. b и прим. 85), то полу-

чался абсурдный вывод, что в византийском сочинении V—VI в. н. э. шла речь о киевском архимандрите XII в.!). Каким образом в послании Грозного оказались рядом два варианта одной притчи — сказать трудно. Поскольку такое удвоение имеется в разных группах списков, следует думать, что оно — раннего происхождения и может быть сделано самим Грозным или кем-либо из лиц, помогавших ему в составлении послания (вставлявшим цитаты по указанию царя).

⁵² О преподобном князе Феодоре Ростиславиче... се суть семья Авраамле. — Речь идет о предке Курбского, смоленско-ярославском князе Феодоре Ростиславиче (см. выше, прим. 15). Говоря, что этот «святый князь... царицу нашу от смертных врат воздвиг», Грозный имеет в виду какой-то случай обращения больной Анастасии к мощам Федора Ростиславича. — Евдоксия — супруга римско-византийского императора Аркадия, гонительница Златоуста. Характерно, что и Грозный и его противники во взаимной борьбе и полемике черпали полемические образы из одного источника — «Жития Златоуста» (включенного в Четьи-Минеи, см. выше, прим. 46): бояре сравнивали Анастасию с Евдоксией; Грозный сравнивает Курбского с Евтропием (который был, кстати, врагом Евдоксии!). — Замечание Грозного о «чадах Авраама», которых бог может «воздвигнути от камня» (библейская цитата), отражает, как отметил уже В. О. Ключевский (Курс русской истории, ч. II. М., 1906, стр. 212), один из существеннейших моментов политической программы царя. Не забудем, что «чадами Авраама», «сильными во Израиле», были в глазах Курбского бояре-вотчинники; Грозный отвечает на это (за несколько месяцев до учреждения опричнины!) угрозой «воздвигнуть из камня» новый правящий класс — дворян из числа бывших «страдников» (ср. «Послание В. Грязному», стр. 193).

⁵³ Наругающе же и попирающе аггельский образ... Безсогласных же бояр у нас несть, развее друзей и советников ваших. — Курбский обвинял царя в надругательстве над «ангельским [монашеским] образом» в связи с тем, что тот насильственно постригал в монахи своих противников (так уже были истолкованы эти слова Курбского безвестным комментатором XVI—XVII в., сделавшим пометку на полях одного из «сборников Курбского»; ср. «Сочинения Курбского», стлб. 6, прим. 26); Грозный возражает, что над «ангельским образом» надругаются, напротив, «останки злаго совета» (единомышленники) Курбского (вероятно, имея в виду таких людей, как Тетерин, сбросивший иноческую одежду). | Выражение «безсогласные бояре» не совсем понятно — в соответствующем месте послания Курбского (см. стр. 536) мы наблюдаем сильные расхождения в списках: в Погодинском списке читается — «согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы бесовские, согласным твоим боярогубителем...», в других списках — «несогласным твоим боярам,

губителем души твоей». Если первое чтение верно, то в ответе царя, может быть, следует читать: «бесосогласных же бояр», т. е. бояр, угодников дьявола? При обоих чтениях остается, во всяком случае, важное указание царя, что при дворе его продолжают жить и действовать «други и советники» Курбского, не прекращающие «лукавые советы», — замечание тем более интересное, что оно сделано за несколько месяцев до учреждения опричнины.

⁵⁴ доидохом в меру возраста исполнения Христова. . . ниже бо подобно есть, еже владети множества народа, от инех разума требовати. — Говоря, что он ни от кого не требует никакого «разума» и «учения», царь, повидимому, имеет в виду «учения» и наставления для себя со стороны каких-либо подданных: «избранная рада», по его словам, претендовала именно на роль «владельцев и учителей» при нем [Штелин (ук. соч., прим. 89) совершенно неправоммерно толкует эти слова как требование со стороны царя слепого повиновения от подданных и выражение «истинного деспотизма»]. — «Возраст исполнения Христова» — 33 года, возраст, когда, по евангельским легендам, осуществил свое предназначение и был распят Иисус Христос (Грозному в момент написания письма было 34 года).

⁵⁵ От Кроновых бо жерцех. . . неподобно и пению над тобой быти. — Кроносом (Кронос, согласно древнегреческой мифологии, отец Зевса, кровожадный титан) Курбский называл, повидимому, Грозного (см. стр. 536, ср. стр. 210); кого он имел в виду под «кроновыми жрецами», «действующими» на царя с помощью своих детей (принося их ему в жертву?), — не ясно. — В заключение своего письма Курбский обещал положить свое «писание» с собою в гроб, — Грозный усматривает в этом нарушение основной христианской заповеди прощения врагам перед смертью.

⁵⁶ В нашей же вотчине, в Вифлянської земле, град Владимир недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши. — Город Владимир Ливонский (Вольмар, ныне Валмиера, Латвийской ССР) в числе других городов центральной и южной Ливонии (см. прим. 41) находился с 1559 г. под властью польского короля Сигизмунда II Августа. Курбский назвал его в своем послании «градом государя моего, Августа Жигимонта»; Грозный, считавший всю Ливонию своей вотчиной, усматривал в этом еще одно доказательство «собацкой измены» Курбского.

⁵⁷ Паче же утешен не можеши быти, понеже тамо особь кождо о своем печеса: «Хто же бо убо ты от насильных рук обидячего восхитити возможет, иже сиру и вдовице, суду не внемлющих», иже вы — желающая на христианство злая составлять. — Вторая половина этой фразы (от слов «восхитити может») в известных до сих пор списках находилась не на месте в середине послания; там она следовала за фразой о «супро-

тивословиях» Сильвестра в ливонском вопросе (ср. в тексте «сборников Курбского», стр. 109) — создавалось впечатление, что слова о «сирой вдовице» представляют собой замечание Сильвестра о Ливонии (ср. «Археографический обзор»). Теперь, благодаря списку Археографической комиссии, мы знаем, что слова эти относятся к Польше Сигизмунда II Августа. Курбский выражал надежду на получение «утешения» от своего нового государя, — Грозный отвечает на это, что во владениях такого «худейшего государя» для людей, подобных Курбскому, действительно, самое подходящее место, и далее, очевидно, приводит какую-то цитату. Приводимый Грозным текст: «Кто же тя избавит. . .», напоминает ряд мест из Библии о греховной стране, которую некому будет избавить от насилий и в которой вдова и сирота не находят правого суда (ср. Исайя, I; Плач Иеремии, V; Иезекииль, XXII; Малахия, III), и что еще важнее, почти дословно совпадает со словами самого Курбского в его послании в Псковско-Печерский монастырь (написанном, вероятно, одновременно с письмом царю): «Кто нас утешит и кто заступит от таковых нестерпимых бед и различных напастей. . .» (А. М. Курбский, Соч., стлб. 399; выше Курбский попрекает русское духовенство, что они перед царем «не вдовиц и сирот заступают», — стлб. 395). Если Грозный, действительно, имел в виду слова Курбского, это такой полемический прием вполне в духе царя: Курбский говорил о Руси, Грозный относит их к новому отечеству Курбского. Последние слова («иже вы. . .») не вполне понятны: в других списках читается: «иже же вы, желающе на христианство злая, составляете».

⁵⁸ Антихриста же вемы. . . на ны безпрестани советуши пагубу. — Эти слова представляют собой ответ на заключительную приписку (postscriptum) Курбского в его послании. Курбский намекает царю на какого-то его советника, «рожденного от преблудодения» и «всем ведома», которого он сравнивает с антихристом; Грозный заявляет, что он не знает такого. На кого намекает Курбский — не ясно; Устрялов (Сказания Курбского, прим. 218) почему-то предполагает, что речь идет о Федоре Басманове, но ничем это не обосновывает (нет никаких известий о том, чтобы Басманов был незаконнорожденным; отец его Алексей играл видную роль в опричнине). — Говоря, что Курбский происходит от «властительского» рода, Грозный, вероятно, намекает на происхождение Курбского (через ярославско-смоленских князей) от Рюриковичей.

⁵⁹ Что же убо писал, хотя убо поставити судею или учителя. . . в лета от создания миру 7072-го, июля в 5 день. — В заключение своего послания царь дает общую оценку послания Курбского, приводит обширные цитаты из Библии и византийской духовной литературы (в частности огромную выписку из сочинения IV—V в. н. э., приписываемого Дионисию Ареопагиту, часть которой попала в большинстве списков не на

место) и заканчивает датой, исчисляемой, как и во всех его посланиях, от «создания мира» (5 VII 7072 = 5 VII 1564 по нашему летосчислению). Говоря, что Курбский «подобится» (уподобляется) «местоблюстителям», Грозный, очевидно, понимает этот термин (как и выше, стр. 24) в смысле «управители, наместники» [а не в смысле «блюстителя епископского престола», как полагает Штелин (ук. соч., стр. 90)]. Царь сравнивает послание Курбского с выступлениями других лиц, «бежавших от рук наших»; из таких выступлений нам известно только послание Тетерина Морозову (см. выше, стр. 536). Выражение «степеней честного порога» (в последней фразе), как и в посланиях шведскому королю Иоганну (см. стр. 144), представляет собой указание на высокий ранг (в международном масштабе) Московского государства.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

¹ пристали к пристанищу к морскому в нашем граде Двины. — Английский капитан Ричард Ченслер пристал в августе 1553 г. к устью реки Сев. Двины у Никольского Корельского монастыря (ныне г. Молотовск Архангельской области). Ченслер был участником большой английской экспедиции, организованной по инициативе итальянца Себастьяна Кабота для открытия Индии северным морским путем. Экспедиция имела при себе грамоты короля Эдуарда VI «всем царям, государям и владикам и всяким судиям земли и вождам ее» (Ю. Толстой. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, № 1). Один из кораблей экспедиции под управлением Виллоуби погиб вместе со всем экипажем, а корабль Ченслера был случайно занесен бурей в Белое море. Ченслер был доставлен (через Холмогоры) в Москву и с этого момента начинаются постоянные русско-английские торговые сношения. Следует отметить, однако, что первое знакомство Московской Руси с Англией произошло еще до Ченслера: в 1524 г. русские послы, ездившие в Испанию к императору Карлу V, проезжали через Англию и таким образом «открыли» ее еще во времена Василия III (Н. Übersberger. Österreich und Russland. Wien—Lpz., 1906, стр. 184, прим. 3; Acta Tomiciana, t. IX, № 252, 259).

² и от того от брату твоего приехали к нам тот же Рыцерт Рыцартов. . . И после того приехали к нам от брата от твоего Рыцерт Рыцартов, и мы послали к брату твоему своего посланника. — Из этого текста можно, как будто, сделать заключение, что Ричард Ченслер после своего первого приезда на Русь приезжал еще два раза. Так понял это место английский переводчик XVI в., переведший последнюю фразу: «and after that it pleased your brother to send the said Richard to us the third time» (Толстой, стр. 110). Однако мы знаем, что Ричард Ченслер, после своего первого пребывания в Москве в 1553/54 г., ездил туда еще только

один раз — осенью и зимой 1555/56 г. (при возвращении из этой поездки он погиб; ср.: Никоновская летопись, ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 262, 270, 285). Возможно поэтому, что обе приведенные фразы говорят об одной и той же (второй) поездке Ченслера («после того» имеет смысл: «после того как»). Вторая поездка Ченслера происходила несомненно уже в царствование Марии Тюдор (Кротовой) (Эдуард VI умер летом 1553 г., до возвращения Ченслера из его первой поездки). Ченслер вез с собою грамоту королевы Марии и ее мужа, испанского короля Филиппа II, Ивану IV (Толстой, № 3; посланником Филиппа и Марии именуется Ченслер и в приведенном месте Никоновской летописи, говорящем о его втором приезде, — стр. 262).

³ а дела с ним никоторого не приказали. — Русский посол Осип Непея прибыл в Англию в феврале 1557 г. (путешествие его сопровождалось кораблекрушением, во время которого утонул возвращавшийся на родину Ченслер). Содержание переговоров, которые Непея вел с Марией и Филиппом II (считавшимся не королем, а лишь мужем королевы, но фактически направлявшим в то время внешнюю политику Англии), остается неизвестным, — русские «Посольские дела» за эти годы не сохранились, а в грамоте Филиппа и Марии, посланной с Непеей, туманно говорится: «в настоящее время воздерживаемся писать вам более пространную грамоту и просим, чтобы вы дали веру в остальном тому, что скажет тот ваш посланник» (Толстой, № 4, стр. 17). Впоследствии Грозный указывал, что он вел переговоры «о любви и соединении с Филиппом и Марией» (Сборник Русского Исторического общества, т. 38, стр. 109, 147, 198). Переговоры Непеи в Лондоне вызвали усиленное и тревожное внимание в Европе. Они происходили в тот сравнительно короткий период, когда Габсбурги (Филипп II и его дядя, германский император Фердинанд I), ведшие войну с Францией и Турцией, стремились к дружбе с Москвией: Иван IV боролся в эти годы с Крымом и Турцией и еще не начал Ливонскую войну. Враги Габсбургов считали поэтому, что во время переговоров в Лондоне Филипп настраивал русского царя против султана. «Вы должны, — писал в 1558 г. французский представитель в Венеции своему коллеге в Стамбуле по поводу «победы московитов над турками, — уверить султана и его пашу, что это король Филипп возбудил против него этого врага, ибо я вспоминаю очень хорошо, что когда я был послом в Англии, туда прибыл посол короля московитов. . . и король Филипп снабдил его всякого рода оружием. . . чтобы одержать верх над землею султана, против которого он их настроил и возбудил» (Negociations de la France dans le Levant, publiées par E. Charrière, t. II, стр. 449—450). В Польше также ходили слухи о том, что возвратившийся из Лондона Непея привез с собою огромное количество военного снаряжения для Руси [«thousands of ordinance, as also of harnies, swords, muni-

tions of warre» (Гамель. Англичане в России в XVI—XVII вв., ст. 1-я. СПб., 1865, прилож. к т. VIII Записок АН, № 1, 65)].

⁴ Филиппа короля испанского агглинские люди с королевства послали, а тебя учинили на королевстве. — Елизавета вступила на английский престол в ноябре 1558 г., после смерти своей сестры Марии. Филипп II, лишившийся в результате смерти жены влияния на английские дела, предлагал руку Елизавете, но не достиг успеха. Дружба Габсбургов с Англией постепенно сменяется враждой, особенно после прекращения войны с Францией и начала французских религиозных войн. Обе стороны активно вмешивались во французские дела (Габсбурги поддерживали католиков, Елизавета — гугенотов); английские пираты начали нападать на испанский океанский флот (ср.: J. A. Froude. History of England from the fall of Wolsey, VIII. L., 1864, стр. 437—483). Когда Габсбурги, недовольные наступлением русских на Ливонию, сменили свою дружественную позицию в отношении Руси на враждебную, и император объявил (в 1560 г.) блокаду русской Нарвы, Елизавета не поддержала эту блокаду и, наоборот, продолжала оказывать покровительство английской «Московской компании», ведшей торговлю с Русским государством.

⁵ а от тебя хотячи любви. — Оенью 1567 г. Иван IV передал Елизавете через купца Антона Дженкинсона предложение о союзе. Согласно этому предложению оба государства должны были помогать друг другу «против всех своих врагов» (в частности, против польского короля); Елизавета должна была помочь Ивану IV в приглашении из-за границы «мастеров, которые умели бы строить корабли и управлять ими», и в получении артиллерии и снарядов; оба государя должны были взаимно гарантировать (втайне) друг другу право убежища (Толстой, № 12). План союза с Елизаветой одновременно с союзом со шведским королем Эриком XIV был, повидимому, частью большого внешнеполитического плана, задуманного Грозным в эти годы (см. выше, стр. 496).

⁶ о торговых делех. — Джордж Мидлтон приезжал в Нарву в первой половине 1568 г.; время приезда его предшественника Эдуарда Гудмена точно не известно (в предшествующих грамотах Елизаветы, изданных Толстым, он не упоминается). Оба эти гонца должны были защищать перед царем интересы монополистической «Московской компании» против купцов, торговавших помимо компании («interlopers»): Елизавета, как и ее предшественники и преемники, покровительствовала торговым монополиям (ср.: И. И. Любименко. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. Изв. АН СССР, 1933, № 10, стр. 733—735). Иван IV был значительно менее расположен к «Московской компании», тем более, что среди лиц, на которых жаловались Гудмен и Мидлтон, были Ральф Рюттер («Раф Иванов») и Томас Гловер, принимавшие уча-

стие в переговорах царя с Дженкинсоном о союзе (участие Рюттера в качестве переводчика засвидетельствовано выше в комментируемом послании; об участии Гловера см.: Толстой, № 20, стр. 70).

⁷ и приговорили о тех делех, как тем делом пригож меж нас быти, да и грамоты пописали. — Томас Рандольф прибыл в Россию в июле 1568 г.; в феврале 1569 г. он был принят царем. Инструкции, данные ему лордом Бэрли (Сесилем), главным казначеем и одним из ближайших сподвижников королевы, ясно показывают, что Елизавета не хотела союза с Иваном IV. Сесиль указывал Рандольфу: «Таковыми общими и благопотребными речами имеете вы удовольствовать его, не давая повода вступать в какие-либо особенные трактаты или договоры для заключения между нами такого союза, который называется наступательным или оборонительным. Хотя сказанный Антон Дженкинсон и упоминал нам о сем, но вы имеете обойти этот предмет молчанием, ибо нам не безызвестно о существовании вражды между ним и королями. . . других (стран)» (Толстой, № 15, стр. 45 и 48). Уклончивая («уродственная» — нелепая по энергичному выражению царя) позиция Рандольфа во время переговоров неизбежно вытекала из данных ему инструкций. Но царю, очевидно, удалось все-таки добиться от посла согласия на русские предложения; хотя Рандольф впоследствии и отрицал это (Толстой, № 33, стр. 137), но из комментируемой грамоты явствует, что он и русские участники переговоров в конце концов «приговорили [договорились] о тех делех». В чем заключалось содержание, подписанных Рандольфом грамот, мы не знаем (русские материалы — «Английские дела» Посольского приказа — не сохранились; среди английских грамот, изданных Толстым, также нет этого документа), но, очевидно, они соответствовали первоначальным предложениям царя Дженкинсону. Для окончательной ратификации этих грамот царем был отправлен в Англию посол Совин.

⁸ а наше дело зделала еси не по тому, как посол твой приговорил. — Андрей Совин вел переговоры в Лондоне в течение года (с лета 1569 г. по лето 1570 г.). Результаты этих переговоров не могли удовлетворить Ивана IV: Елизавета внесла в первоначальные условия союза такие изменения, которые лишали его в глазах царя всякого смысла. Так, например, вместо прямой военной помощи союзику она предлагала своеобразный арбитраж между ним и его будущим врагом, а только «если зачинщик-государь своевольно, вопреки разума» откажется принять «условия мира согласно с законами всемогущего бога», соглашалась на помощь, поскольку такую помощь позволит оказать «современное положение» ее страны (Толстой, № 21). Вместо взаимного права убежища она снисходительно обещала Ивану прием в Англии, если «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» он будет «вынужден покинуть» Русь (Толстой, № 26; впоследствии она объясняла свое нежелание придать

этой статье взаимный характер боязнь дискредитировать себя перед своими подданными такой подозрительностью, — Толстой, № 38).

⁹ Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеши в своем девическом чину, как есть пошлая девица. — «Пошлая», в данном случае значит «обычная», «простая» (ср.: Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, II, 1336); девица на троне противопоставляется настоящему государю. Напоминая Елизавете, что главной задачей такого истинного государя являются не «торговые прибыли», а «государева честь», Грозный тем самым противопоставлял свой взгляд на государство взгляду, высказанному Елизаветой в грамоте от сентября 1568 г.: Елизавета объявляла в этой грамоте борьбу с нарушителями торговых монополий вопросом «величия и достоинства нашего королевства» (Толстой, № 16, стр. 59). — «Ульян Гарит» и «Ульян Честер» — Уильям Гаррард (Джеррард) и Уильям Честер, лондонские купцы, руководители английской «Московской компании».

¹⁰ А что которой будет хотя и в нашем деле был, да нам изменил, и тому было верити не пригож. — Речь идет, очевидно, о сношениях Елизаветы с какими-то лицами, изменившими Грозному.⁴ В предшествующих грамотах, изданных Толстым, мы не встречаем никаких указаний на такие сношения; но в более поздней по времени грамоте содержится некоторое разъяснение этих слов царя. Грозный считал предложение Елизаветы о предоставлении ему убежища (вместо взаимной гарантии права убежища) результатом «ковней изменников, перетолковавших по своему мысль нашу нашей сестре, коей ответ. . . был как нельзя более противен нашему желанию» (Толстой, № 39, стр. 182; в той же грамоте Грозный высказывал предположение, что «некоторые подданные сестры нашей. . . тайно сносятся с некоторыми из наших непокорливых подданных»). Следует отметить, что слух о переговорах Грозного с Елизаветой, действительно, распространился в это время на Руси и притом, как справедливо заметил царь, в чрезвычайно «перетолкованном» виде: в Псковской летописи под 7078 (1570) г. мы читаем рассказ о «лютом волхве» Елисее (речь идет о немце-враче Елисее Бомелии, бывшем подданном Елизаветы), который «много множества роду боярского взусти [подучил] убить цареви, последи же и самого привел на конец, еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшие побити» (ПСРЛ, IV, ст. изд., стр. 318).

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОАННУ III

¹ Божественнаго. . . и наследника. — Первое послание Иоганну III начинается с обычного в дипломатических грамотах Грозного титула

(в дальнейших дипломатических посланиях мы его опускаем, оговаривая этот пропуск в прямых скобках). Грозный весьма усложнил традиционный титул своих предков [ср. титул Ивана III и Василия III в «Памятниках дипломатических сношений древней России», т. I (СПб., 1851, стлб. 15, 242, 316, 409)], вставив в него (вместо простого «божьей милостью») перечисление атрибутов божества [заимствованное, по мнению И. Н. Жданова (Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 115, прим. 1), из Дионисия Ареопагита], добавив (после 1552—1555 гг.) к перечислению владений царство Казанское и Астраханское, а также (до Ермака!) «Сибирскую и Северную страну» и Ливонию.

² высочайшего нашего царского порога, честные наши степени величества. — Выражение «степени величества», часто употребляемое Грозным в этом и следующем послании, означает «ранг», «сан». Грозный подчеркивает, что он монарх значительно более высокой «степени», чем шведский король (выражение «степень величества» мы оставляем без перевода). Выражение «порог» можно понимать двояко: иногда оно представляет собой указание на то величественное место, откуда царь «глаголет» к менее высокопоставленным лицам и куда они к нему обращаются (аналогично фразеологии в грамотах к султану — «к высоким вратам», откуда произошло название «Порта»); иногда же Грозный употребляет этот термин в таком контексте, где ничего не говорится ни о каком общении с менее высокопоставленными лицами («нашего порога степени величества был в Новгороде») — очевидно в том же смысле, что и «степень».

³ повеление к тебе послали есмь, как тебе наши степени величества умолити. — Послы шведского короля Иоганна III — Павел, епископ Абовский, Антон «Оловеев» (Тоне Ольсон) и другие — приехали на Русь в сентябре 1569 г. Их приезду предшествовали события, весьма осложнившие русско-шведские отношения: в 1567—1568 гг. между Иваном Грозным и шведским королем Эриком XIV был заключен договор о союзе (см. ниже, прим. 8), но в конце 1568 г. Эрик был свергнут, и к власти пришел его брат Иоганн III, противник этого союза, подвергший оскорблениям русских послов, находившихся в Швеции. Отношения между Швецией и Русью сразу обострились, но Иоганн, ведший в то время войну с Данией, не хотел пока воевать с Грозным. Павел Абовский, посланный им к Ивану IV, должен был уладить возникшие уже пограничные инциденты и урегулировать отношения. Шведские послы не были приняты царем, и летом 1570 г. их сослали в город Муром. Обеспокоенный этим, Иоганн III дважды посылал к Грозному гонцов — в сентябре 1570 г. Янса и Шеферидова (Сиффридсона) (см. ниже комментарий ко второму посланию к Иоганну III, прим. 7) и в августе 1571 г. «легкого гончика» Ирика (Эрика). Осенью 1571 г. (до начала сентября, так как она помечена 7079 годом от сотворения мира — год кончался 31 августа) Иван IV

послал Иоганну грамоту, уже содержащую ряд мотивов, повторенных потом в обоих комментируемых посланиях (о «неразсудном обычае» Густава Вазы, воевавшего с русскими, о знатном происхождении оскорбленных шведами русских послов и т. д.). Грамота эта, не занесенная в русские «Шведские дела», сохранилась в шведских архивах в списке XVII в. — на русском языке и в шведском переводе. Она издана Ернэ (H. Hjärne) в его статье «Ur brevexlingen emellan Johan III och Ivan Vasilievitj» (Historiskt Bibliotek, 1880, VII). О Павле Абовском Грозный писал: «И послы твои, пришедши к нашим боярам, уродственным обычаем стали что болваны, и сказали, что с ними к боярам никоторого приказу нет, а прежнего обычая позабывши, ино над ними по их уродству потому так и случилось. . . И ты б ныне прислал своих послов наскоре, чтоб послы твои были в нашего порога величества октября в первый день. И толко послы твои к тому сроку не будут, и мы взяв твоих первых послов, хотим своего царьского величества двором в свеских островах [!] витати, о том и тебя от своих уст хотим въспросити, которым обычаем такие непотребства в твоей земле учинилися» (русское приложение к статье Ернэ, стр. 7). В ноябре 1571 г. царь действительно решил даже «идти на непослушника своего на свейского Ягана короля войною за его неисправлень» [Сб. РИО, т. 129, стр. 207; одновременно им была послана еще одна грамота Иоганну, сохранившаяся только на шведском языке (Ернэ, ук. соч. стр. 541)], но трудная международная обстановка (война в Ливонии, татарская угроза) заставила его отказаться от похода на финско-шведские земли (в северной Ливонии война со шведскими силами шла непрерывно — русские осаждали Ревель, занятый шведским гарнизоном). В январе 1572 г. шведские послы, вызванные в Новгород, дали царю обязательство, что их король пойдет на все условия, предложенные Иваном IV; уплатит за «бесчестие» русских послов в Швеции, поможет Ивану IV в организации разработок серебряной руды, обеспечит свободный проезд иностранцев на Русь через Швецию и т. д. После этого «по печалованью детей своих царевича Ивана и царевича Федора и по челобитью царевича Михаила и бояр своих» царь отпустил в январе 1572 г. Павла и других послов с грамотой Иоганну III, содержащей условия, на которых царь согласен заключить мир. Приезд Павла и переговоры с ним сохранились в «Шведских делах» Посольского приказа (см.: Сб. РИО, т. 129, №№ 13 и 15).

⁴ Троицын день — переходящий праздник христианского календаря (49-й день от пасхи), в 1572 г. приходился на 25 мая. Царь в этот день еще не приехал в Новгород [по Новгородской II летописи он приехал 1 июня (ПСРЛ, III, изд. 1841 г., 171)], но находился на пути туда.

⁵ А которые немногия передние люди оторвався да так учинили. . . то сам сочтешь. — Военные действия, о которых здесь упоминает Гроз-

ный, имели место, очевидно, в конце 1571 г., когда царь принял решение «итти на. . . Ягана короля». В грамоте, посланной в январе 1572 г. с Павлом Абовским, Иван IV писал Иоганну III: «пошли были есмя. . . на тебя и на твою землю Свейскую и дошли есмя сами до своей отчины до Великого Новгорода, а ис передовых наших полков иные люди дошли до Орешка, а иные немногие люди, которые от передовых людей оторвались, и в Свейскую землю отомчались» (Сб. РИО, т. 129, стр. 224). Иоганн III жаловался на «порубежных лихих людей» и раньше — в октябре 1570 г. (там же, стр. 194).

⁶ А Выборской твой приказщик Андрус Нилишев писал к Ореховскому наместнику. . . А после того сказали, что послы твои будут к Петрову дню. — Грамота А. Нильсена, наместника шведского короля в Выборге, была формальным поводом к написанию комментируемого первого послания Иоганну III. «Шведские дела» Посольского приказа сообщают о прибытии этой грамоты и о решении Ивана «отписать» ответ одновременно — под 1 августа 1572 г.: «И того же лета 7080-го, августа в 1 день. Писал ко царю и вел. князю из Орешка наместник Григорий Путятин, что писал к нему из Выбору наместник Андрус Нилишев не по пригожю, что бутось государь сам миру просити велел у государя его у Свейского короля послов. . . А государь, царь и вел. князь в ту пору был в Великом Новгороде и приговорил. . . послать к Свейскому от государя грамота из Орешка в Выбор» (Сб. РИО, т. 129, стр. 227). Можно, однако, предполагать, что «непригожая» грамота Нильсена была получена ранее 1 августа, так как в комментируемом послании царь указывает, что «после» этого письма пришла весть о приходе послов к Петрову дню, т. е. к 29 июня (непереходящий праздник христианского календаря). Возможно поэтому, что на окончательное решение царя послать столь «грозное повеление» оказали влияние другие события — в частности, значительное улучшение международного положения Руси, определившееся как раз в июле—августе 1572 г. (см. ниже, прим. 10).

⁷ Как отец твой Гастав через перемирие Орешек воевал. — Война между шведским королем Густавом I Вазой и Иваном IV происходила в 1555—1557 гг.; начав эту войну, Густав нарушил русско-шведское перемирие 1537 г. (см. ниже, комментарий ко второму посланию Иоганну III, прим. 12). Смертельно боявшийся усиления «Московита» и всеми мерами старавшийся сохранить изоляцию Руси от Запада, шведский король пытался накануне войны привлечь на свою сторону Ливонский орден и Польско-Литовское государство. Эти попытки успеха не имели, и в течение двух лет войны шведы безуспешно осаждали русский город Орешек (Нотебург—Шлиссельбург—Петрокрепость); в 1557 г. Густав принужден был согласиться на невыгодный для него мир (в частности, устанавливавший свободу торговли между Русью и Швецией

и свободный пропуск русских послов через Швецию). Об этой войне см.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, т. I, стр. 17—21.

⁸ А как брат твой Эрик оманкою нам хотел дати жену твою Катерину да и с королевства его сослал, а тебя посадили. — История русско-шведских отношений при Эрике XIV (старшем сыне Густава Вазы, вступившем на шведский престол в 1560 г.) была довольно сложной. С одной стороны, Эрик после распада Ливонского ордена взял под свою власть Ревель (Таллин) и тем самым выступил в качестве соперника Ивана IV в северной Прибалтике — отсюда ряд столкновений между ним и русским царем [в 1563 г. в ответ на «безлепотное и неудобственное его писание» царь «писал х королю в своей грамоте многие бранные и подсмеятельные слова» — (ПСРЛ, XIII, ч. 2, 369)]. Но, с другой стороны, война с Данией, начатая Эриком в 1563 г., заставляла его стремиться к сближению с Москвой. В 1564 г. Эрик XIV заключил перемирие с Иваном IV (военных действий между обоими государствами фактически не было и раньше). В 1567 г., после переговоров, длившихся несколько лет, шведские послы Нильс Гюлленшерна и другие подписали в Александровской слободе договор о союзе между Русью и Швецией: оба государства согласились на раздел Ливонии (большая часть ее должна была достаться Ивану IV), на взаимную помощь против врагов (в русских «Шведских делах» не сохранилась та часть, где описывается заключение этого договора — см. его текст в шведском издании: Rydberg, Sverges Traktater, IV. Stockholm, 1888, стр. 538; русское изложение см.: Форстен, ук. соч., т. I, стр. 493—495). Свообразным обеспечением договора 1567 г. должно было быть довольно необычное обязательство шведского короля: Эрик обязался передать Ивану IV Катерину Ягеллон, сестру польского короля и жену своего брата Иоганна, в то время по его приказу арестованного (Иоганн был сторонником сближения с Польшей, с чем и был связан его брак с Катериной); в случае невыполнения этого условия Иван считал «грамоту не в грамоту и братство не в братство» (ПСРЛ, XIII, 407). Договор 1567 г., действительно, так и не вошел в силу: в сентябре 1568 г., во время пребывания русских послов, приехавших для ратификации договора, в Швеции произошел государственный переворот, и королем стал бывший узник — Иоганн III.

⁹ брат твой Карло, да зять твой арцог Маамус. — «Карло» — герцог Карл Зюдерманландский, брат Эрика и Иоганна, третий сын Густава Вазы (будущий шведский король Карл IX); «Маамус» — Магнус, сын германского герцога Саксен-Люнебургского, живший в Швеции и женатый на дочери Густава Вазы. И Карл и Магнус принимали участие в свержении Эрика XIV, и оба они после прихода Иоганна III к власти внушали ему страх и недоверие. В марте 1571 г. шведский гонец Янс, живший прежде в России и вновь желавший перейти на русскую службу,

писал Грозному: «ныне, государь, при Ягане короле в Свея великое заворожну [?] стало: браты противу брата, а зять их Магнус против их же» (Сб. РИО, т. 129, стр. 198).

¹⁰ А что Крымскому без нас от наших воевод учинилось, о том спрося уведаешь. — Речь идет о победе над крымским ханом, одержанной в июле 1572 г. на р. Лопасне (в Молодях) русскими войсками под командованием М. И. Воротынского. 6 августа известие об этой победе пришло к царю в Новгород (ПСРЛ, III, 173). По мнению акад. С. Б. Веселовского, это известие (наряду с вестью о смерти опаснейшего врага Ивана IV — польского короля Сигизмунда II Августа) было непосредственным толчком к написанию комментируемой грамоты: «Немедленно после получения вестей о победе Воротынского царь продиктовал и 11 августа послал давно известную историкам и обращающую на себя внимание грамоту к шведскому королю» (С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IV, № 6, 1947, стр. 520).

¹¹ Казанского 20, Астраханского 18. — Грозный считает от года взятия Казани (1552 г.) и Астрахани (1554 г.) Следует отметить, что отсчет годов Казанского и Астраханского «царств» в грамотах Ивана IV часто расходится: даты взятия Казани и Астрахани считаются в разных грамотах по-разному. Напр., согласно заключительной фразе во втором послании Иоганну III (стр. 147) начало «Астраханского царства» приходится на 1555 г.; согласно посланию Полубенскому (стр. 204), начало того же «царства» приходится на 1553 г.; согласно посланию Баторию (стр. 238), начало «Казанского царства» приходится на 1553 г., а «Астраханского царства» на 1554 г.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III

¹ Что прислал еси свою грамоту с полонянником и которая твоя лая, и тому заповедь опосле. — В конце 1572 г. — начале 1573 г. Грозный предпринял очередной поход в северную Ливонию, в результате которого им был отвоеван город Пайда (Вайсенштейн, ныне г. Пайде Эстонской ССР). Во время этого похода Грозный получил через одного из пленников грамоту Иоганна III, написанную в ответ на первое из комментируемых посланий и давшую повод к написанию второго послания. Текст этой грамоты не приведен в русских «Шведских делах» — здесь содержится только краткое указание на то, что грамота Иоганна была написана «не по пригожею» (Сб. РИО, т. 129, стр. 230). Грамота эта не сохранилась, повидимому, и в шведском подлиннике: она не попала ни в публикацию переписки Иоганна III и Ивана IV, сделанную Эрнэ

(Н. Hjärne, ук. соч.), ни в издание Sverges Traktater Ридберга и Баллендорфа (т. V—VI, 1903). Содержание ее, однако, может быть довольно ясно представлено из комментируемого послания (представляющего собою ответ на нее), так как царь считал необходимым пространно ответить на все доводы шведского короля. Грамота Грозного демонстративно адресована из отвоеванной Пайды, хотя в «Шведских делах», где она помещена, указано, что она писана «з дороги, идучи из Ливонские земли» (Сб. РИО, т. 129, стр. 230).

² чей сын отец твой Густав и как деда твоего именем звали, и на королевстве был ли. — Густав Ваза, отец Иоганна III, вступил на престол в 1523 г. в результате свержения датской власти над Швецией. Он происходил из старинного шведского дворянского, но не королевского рода. Грозный считал поэтому шведских королей не равными себе — «прирожденному государю»; в грамоте, посланной Иоганну III в феврале 1569 г., Иван IV называл его, хотя и неправильно, «избранным» королем, что было в его глазах лишним выражением неполноценности шведских королей (ср. эту грамоту в русском приложении к указанной статье Ернэ). Насмешки над «мужичьим родом» Ваз составляют, если можно так выразиться, первый лейт-мотив комментируемого второго послания к Иоганну III. Сами Вазы тоже считали не-королевское происхождение своим серьезным недостатком и пытались с большими натяжками доказать родство своего рода с древними королями, некогда правившими Швецией (ср.: Г. В. Форстен. Борьба на Балтийском море. СПб., 1884, стр. 256, прим. 2).

³ как преж того бывал вам мир с намесники Ноугородцкими. — Вопрос о необходимости для «Свейской земли», поскольку она «честью ниже» Руси, сноситься не с царем, а лишь с его новгородскими наместниками, является как бы вторым лейтмотивом комментируемого послания. Сношения Швеции с Новгородом начались значительно раньше, чем с Москвой: владея Финляндией, Швеция была непосредственным соседом Новгородской земли. С конца XIV в. Швеция находилась под властью датских королей (Кальмарская уния), так что, когда в конце XV в. московский государь Иван III присоединил Новгород и взял в свои руки его дипломатические сношения, Швеция не была самостоятельным государством. Как Иван III, так и его потомки относились с явной враждебностью к многочисленным попыткам шведских правителей освободиться от датской власти: датские короли были традиционными союзниками Руси, и Иван III даже помогал в 1497 г. датскому королю в войне против шведского правителя Стуре (см. ниже, прим. 11). Отсюда и установилась традиция сношений со Швецией через Новгород: правители царской «вотчины», Новгорода, сносились с правителями «вотчины» датских королей — Швецией.

⁴ при князе Юрье да при посадниках Новгородских, а у вас при Магнуше князе, которой приходил к Орешку. — Имеется в виду московский князь Юрий Данилович, занимавший несколько раз новгородский престол и в 1323 г. ходивший во главе новгородцев в поход на шведов (на Неве), и шведский король Магнус Эриксон, занимавший с 1333 г. шведский престол. В 1348 г. он предпринял поход (под предлогом обращения в католичество) на новгородский Орешек; поход был отбит новгородцами, обратившимися за помощью к московскому князю Семену Ивановичу Гордому. Дальнейшая судьба Магнуса (в 1356 г. он попал в плен к датскому королю и в 1374 г. умер на чужбине) дала повод к появлению в русских летописях рассказа о его неудачном крестовом походе и так называемого «Рукописания Магнуша», в котором шведский король, указывая на свою трагическую судьбу, советует потомкам не нападать на Русь. Из новгородских летописей (ср. напр.: ПСРЛ, III, 227) эти сказания проникли в общерусские летописи времени Ивана Грозного — Никоновскую летопись и Степенную книгу (ср. напр.: ПСРЛ, X, 224).

⁵ И послов наших великих. . . неповинно за посмех велел еси ограбити и безчестовати, в одних сорочках поставили. — «Великие послы» Ивана IV, И. М. Воронцов и другие, находились в Швеции с июля 1567 г. по июнь 1569 г. Во время их пребывания там им пришлось стать свидетелями и даже отчасти жертвами государственного переворота 1568 г.; статейный список Воронцова, сохранившийся в «Шведских делах» (Сб. РИО, т. 129, № 12), содержит замечательное описание последних дней Эрика и воцарения Иоганна. В августе 1567 г. послам стало известно, что Эрик сошел с ума — стал «не сам у себя своею персоною», как деликатно объяснили Воронцову шведы (Сб. РИО, т. 129, стр. 134). Воспользовавшись душевным расстройством Эрика, его враги — представители преследуемой им феодальной знати — начали подготовку государственного переворота. Арестованный Эриком Иоганн вновь, при не вполне ясных обстоятельствах, обрел свободу. Шведский рейхсрат (государственный совет) предложил Эрику отклонить заключенный его послами договор с Иваном IV (Форстен, Балтийский вопрос, т. I, стр. 399—400). Послам заявили о невозможности выдать Катерину — «законную жену живого мужа» (Сб. РИО, т. 129, стр. 154—155); Воронцов и его товарищи безуспешно напоминали, что такое обязательство было дано шведскими послами в Москве (в том числе и Нильсом Гюлленшерной, членом рейхсрата). Фактически руководство переговорами не находилось уже в руках Эрика, — сам он тайно извещал послов, что, если ему удастся расправиться с Иоганном, то он передаст им Катерину (там же, стр. 158, 163). 29 сентября 1568 г. Иоганн одержал победу над Эриком и вступил в Стокгольм — «и того же часу пришли на посольской двор многие немцы. . . и людей пограбили, да и самих послов ограбили,

оставили в одних рубашках» (стр. 168). Погром был приостановлен герцогом Карлом Зюдерманландским, более дальновидным политиком, чем его брат. В течение некоторого времени послов подвергали шантажу: требовали, чтобы они написали Ивану IV, не упоминая об учиненном над ними грабеже и указывая, что они «здоровы»; послы отказались «лгати своему государю» (стр. 169). В октябре они были высланы в Або; в мае 1569 г. их выпустили оттуда и отправили на Русь (стр. 170).

⁶ И посланника нашего Третьяка, заведши в пустынные места, лихою смертью уморили, а к нам присылал брат твой посланника своего Ивана Лаврентьева. — Третьяк Пушечников, судя по летописным известиям, был отправлен в Швецию, в апреле 1565 г. (ПСРЛ, XIII, 396). В феврале 1566 г. приехавший из Швеции переводчик Нечайко Тамаров сообщил, что «Третьяка Пушечникова, не дошед Свейского короля, на дорозе в Свейской земле не стало поветреем» (т. е. умер от заразной болезни, — ПСРЛ, XIII, 401); во время переговоров с Эриком XIV обвинение в умерщвлении Третьяка не выдвигалось (ср.: Сб. РИО, т. 129, стр. 156). Дальнейшие переговоры велись, судя по «Шведским делам», шведским гонцом Гансом Ларссоном («Лаврентьевым», — Сб. РИО, т. 129, стр. 156 и в комментируемой грамоте) и, судя по летописи, русским гонцом Савлуковым (ПСРЛ, XIII, 404). Эти переговоры предшествовали приезду в Москву шведского посла Нильса Гюлленшерны, подписавшего в 1567 г. упомянутый выше союзный договор.

⁷ А беглово было нам как не хотети примати? — Еще до своего свержения с престола, Эрик XIV, предчувствуя возможность этого события, вступил в тайные переговоры с русскими послами, прося через своего тайного посланца, «детинку молодого», чтобы послы взяли его «с собою на Русь» (Сб. РИО, т. 129, стр. 135—136, — послы не решились вести переговоры через этого посланца «потому что детина молод, верити ему нельзя»). Позже, после открытого выступления Иоганна, Эрик просил передать царю, чтобы он не признавал Иоганна, если «Яган меня убьет или возмет на деле» (там же, стр. 166); послы обещали, в случае их спешной отправки на Русь, помощь царя против «Ягана» и «изменников» (стр. 164). В 1570 г. (уже во время царствования Иоганна III) на Русь приезжали шведские гонцы, один из которых Янс, желавший перейти в русское подданство, сообщил царю, что Эрик «ныне сидит в городе в Абове в Финской земле» и что он, Янс, «у него был сюда едучи и с ним виделся, и Ирик с ним к царю и великому князю приказывал, чтоб государь прислал рать свою в Финскую землю, к Абову, а Абов в Финской земле, на сей стороне моря от Стеколна (Стокгольма), а город худ и людей в нем нет, только в нем сторожи стерегут короля Ирика человек со сто, а он сидит з женою и з детми» (стр. 197). Царь послал с Янсом грамоту к Эрику; не внесенную в «Шведские дела», но сохранившуюся в шведских

архивах — в русской копии XVII в. и в шведском переводе того же времени. Приводим русский текст по публикации Ернэ (русское приложение к статье Ернэ, стр. 3—4): «Грамота великого князя к Ирику королю писана, бывчи в турме. Дана на Москвы лета от создания миру 7070 девятого. Божиею милостию, мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русие, королю Ирику. Учинилось нашему царскому величеству ведомо, что на тебя брат твой король Яган со всею землею возстал, и тебя свейского государьства согнав, в заточение тебя з женою и детми держит. А ныне брат твой Яган к нашему царскому величеству прислал своих людей, Петра Шавридова и толмача Анса с своею грамотою, а ты к нам приказывал с толмачом с Янсом, что было твое хотенье великое нашему царскому величеству служить и во всяком повиновенье быти, а ныне божьим судом от брата своего с своего государьства изгнан, в заточенье в городе в Аbove сидишь, и нашему царскому величеству за тебя вступить, прислати б нам в Финскую землю к Абову, хотя и немногую, рать свою, а тебе б нам в твоей нуже пособствовать. А мы, памятуя твою службу к себе, тебя хотим жаловати своим великим жалованьем, а за брата твоего за Яганово непослушанье, и которое он безчестие учинил нашим великим послом, боярину нашему Ивану Михайловичу Воронцову с товарищи, за те за все дела з божиею помощью хотим, оже даст бог, на брата на твоего над Ягана подвиг свои з большую ратью учинив, на всю Свескую землю меч свой послати. А тебя хотим жаловати, как будет по пригожу, и за тебя стояти, ты б то ведал тайно, а собою промышлял как лутче и смотря по тамошному делу, а делал б еси то дело тайно себе, чтоб свиским людям то было не явно. С сею грамотою послали есмя к тебе толмача Анса и о всех делех к тебе словом приказали есмя, и ты б к нашему царскому величеству о тех о всех делех со Янсом ведамо учинил, чтоб нашему царскому величеству про те дела было ведамо, как нам тебя пожаловати, тебе помочь учинити, и мы по тому к тебе свое жалование учнем дерьжати. Писан как прежде».

⁸ А о Ирике. . . не говаривали и не вывечивали. . . А грамота что знает? Написано, да и минулося. — Слово «вывечивали» (в подлиннике через «ѣ» — «вывъчивали») не встречается в словарях (Срезневский, Даль, Академический словарь). По контексту значит, очевидно, — «говорить за кого-нибудь, хлопотать». — «Грамота», значение которой отвергает Грозный, — скорее всего, его послание к ссылке Эрику (см. прим. 7), попавшее каким-то образом в руки Иоганна (поэтому оно и сохранилось в официальном шведском архиве).

⁹ А что послы твои через обычей и через опасную грамоту так безчестованы и в поиманье были. — Имеется в виду ссылка в Муром послов Иоганна III, Павла Абовского и других, в 1570—1572 гг. До этой ссылки послы, как мы узнаём из «Шведских дел», были подвергнуты еще специ-

альным репрессиям: в конце 1569 г., во время известной карательной экспедиции Ивана IV в Новгород (где до ссылки находились шведские послы), «велел государь свейских послов ограбити и грамоты королевны и наказы велел у них поимати за то, что Свейской король ограбил послов государских Ивана Михайловича Воронцова с товарищи» (Сб. РИО, т. 129, стр. 177).

¹⁰ отец твой Густав из Щмалот. — Иван IV имеет в виду, что Густав Ваза происходил из Смоланда — провинции на юге Швеции. В действительности род Ваз происходил из другой провинции — Упланд. Известно, почему Грозный приписывал Вазе происхождение из Смоланда — потому ли, что эта провинция была одной из первых, где началось восстание под руководством Густава (см. ниже, прим. 19), или, может быть, он имел в виду буквальный смысл названия Смоланд — «Малая земля», усматривая в самом этом названии намек на «мужичье» происхождение Ваз?

¹¹ А Стен Стур давно ли был правитель на Свейской земле? — В Швеции было два правителя с таким именем. Наиболее известен Стен Стуре Старший, регент Швеции в 1470—1497 и 1501—1503 гг. Стуре, стремившийся к освобождению Швеции от датской власти, был вместе с тем активным врагом Руси и заключал против нее союзы с Ливонским орденом и в. кн. литовским Александром Казимировичем. Иван III в 1497 г. помог датскому королю разбить Стуре; датский король в благодарность прислал московскому государю документы из архива Стуре, уличающие Александра Литовского (имевшего с 1497 г. формальный союз с Иваном III) в сношениях со Швецией. В 1503 г. во время перемирия с Литвой Иван III отказался включить в него Стуре (снова захватившего власть в Швеции и опять выступавшего в союзе с Литвой). Стен Стуре Младший был регентом Швеции в 1512—1520 гг.; он продолжал политику Стуре Старшего.

¹² «Густаус Ерикович. . . тысяща пятьсот тридесять седмое». — Грозный точно цитирует текст договора о перемирии между ним и Густавом Вазой, заключенного в 1537 г., опуская лишь (после слов «по князь Магнусевым грамотам») описание русско-шведской границы, которую должны будут разметить съехавшиеся на Вуоксе послы. Грамота 1537 г. имеется в ЦГАДА, ф. 96 (сношения со Швецией), шведские трактаты, № 3; латинский текст ее приведен в книге Ридберга (Rydberg) «Sverges Traktater» (т. IV, стр. 181).

¹³ писал еси о Арцымагнусе короле. — Речь идет о датском принце Магнусе, которого Грозный признал королем Ливонии (см. прим. 17). Приставка «арцы» (ср.: герм. Erz-, польск. Arzy-) присоединялась на Руси не только к некоторым западным титулам («арцыарцук» — эрцгерцог), но и к именам лиц, носивших соответствующие титулы [напр. шведский

герцог Карл, брат Эрика и Иоганна, именовался «Арчыкарло» (см. напр.: Сб. РИО, т. 38, стр. 265, 270)].

¹⁴ князь Магнушевы грамоты, а не на короля. — Шведский король Магнус Эриксон (см. выше, прим. 4), действительно, именуется в договоре 1537 г. князем не только в русском, но и в латинском тексте договора («dux», — Rydberg, стр. 183). Однако в летописных памятниках о Магнусе он называется королем (ср. ПСРЛ, X, 244).

¹⁵ архиепископу Апсалимскому — Архиепископ Упсальский являлся главой шведской церкви (после реформации, когда власть папы над шведской церковью была ликвидирована, роль его еще более выросла).

¹⁶ А хто будет не бережет своего государства, а к тебе пишет братом, тот сам ведает. . . — Имеется в виду, повидимому, польский король Сигизмунд II Август (незадолго до этого умерший) — шурин Иоганна III, неоднократно предлагавший себя в качестве посредника между Русью и Швецией. Иван IV еще в 1563 г. говорил о Сигизмунде II: «А что он пишетца свейскому братом равным, и коли он, брат наш, не рассмотрит своею чести, ино то он, брат наш, ведает, хотя и возовозителю своему назоветца братом, и в том его воля» (Сб. РИО, т. 71, стр. 243). Позднее русские послы характеризовали польское предложение о заключении «соединенья» с Иоганном III как «безлеп»: «тому никак не сstattися, что свейскому королю со государем нашим, царем и великим князем ссылатися» (там же, стр. 721).

¹⁷ А что мы короля Арчымагнуса пожаловали городом Полчевым и иными городами, и мы з божиею волею в своей вотчине волны. — Принц Магнус, сын датского короля Христиана III и брат короля Фридриха II, с 1560 г. был наместником датского короля на о. Эзель (доставшемся Дании после распада Ливонии в начале Ливонской войны). В 1569 г., после свержения Эрика XIV и провала плана русско-шведского союза, царь согласился на предложение двух ливонских авантюристов Таубе и Крузе и вступил в переговоры с Магнусом. В результате этих переговоров царь согласился признать Магнуса королем Ливонии, передать ему (когда они будут завоеваны) главные ее центры — Ригу и Ревель, признать за Ливонией ее «вольности, суды и права», сохранить местное (лютеранское) вероисповедание и предоставить ливонцам право беспопыльной торговли с Русью (см.: Копенгагенские акты, изд. Ю. Щербачевым, Чтения Общества истории и древностей Российских, 1915, кн. IV, стр. 284, докум. 160). За это «ливонский король» Магнус становился «голдовником» (вассалом) царя, гарантировалась свободная торговля Руси через Балтийское море; ценой этой уступки Иван IV, в случае успеха всего плана, достиг бы основных целей, поставленных в Ливонской войне. Город Полчев, о котором здесь идет речь, — ливонский город Оберпален (ныне г. Пылтсама, Эстонской ССР) был дан Магнусу

во владение до завоевания главных городов Ливонии. В 1571 г. (в связи с изменой Грозному Таубе и Крузе) Магнус пытался отказаться от своего соглашения с царем, но в 1572 г. он снова обратился к русским, и прежние отношения были возобновлены. Союз с братом датского короля (датский король Фридрих II вполне сочувствовал этому союзу) еще более усиливал русско-шведскую вражду: с 1572 г. начались активные военные действия Ивана IV против шведской Ливонии.

¹⁸ А что о королеве о Арцмагнусове прародителе Фредрике — ино нечто буде переводчики не гораздо описалися. — Смысл этой фразы не совсем понятен. Повидимому, Иван IV имеет в виду какую-то неясность в сделанном для него переводе той «непригожей» грамоты Иоганна III, на которую он отвечает. «Фредрик» (Фридрих), о котором идет здесь речь, — датский король Фридрих I, царствовавший с 1523 по 1533 г.

¹⁹ Гастаус... сам королем учинился... да Керстана поимали, а Крестьянуса на Дацком королевстве посадили. — Государственный переворот в Дании, совпавший с освобождением Швеции из-под датского господства, относится к 1520—1523 гг. Исторический характер этого переворота так же противоречив, как и сама фигура датского короля Христиерна (Христиана) II, против которого он был направлен. В Швеции борьба с Христиерном II имела характер национально-освободительного движения (в 1520 г. Христиерн II учинил избиение вождей шведской национальной оппозиции — так называемую «Стокгольмскую кровавую баню»); в Дании движение против Христиерна было в значительной степени вызвано стремлением феодальной знати избавиться от абсолютистской политики короля (подобно шведскому перевороту 1568 г.). В связи с этим ход движения в обеих странах также был различен. При известии о резне в Стокгольме, Густав Ваза (будущий король), находившийся в то время в эмиграции в Любеке, решил отправиться в Швецию. Ему удалось поднять восстание в Смоланде, но главную опору он нашел в горном районе Далекарлии. В 1521 г. Густав во главе восставших занял Упсалу и осадил Стокгольм. Что имеет в виду Грозный, когда говорит, что Густав «пригнался из Щмолант [Смоланда] с коровами», — не вполне ясно [вероятно, он имеет в виду рассказ о том, что Густав в 1519 г. бежал из тюрьмы, переодетый погонщиком скота (Geijer. Geschichte Schwedens, II. 1834, стр. 6)]. В 1523 г. Стокгольм был взят Густавом и власть датских наместников низвергнута. В Дании низвержение Христиерна II произошло также в 1523 г. На престол был посажен ставленник дворянства — Фридрих I, дед Фридриха II и Магнуса (а не «Христианус», как говорится в комментируемой грамоте). Но власть его была непрочной: горожане и крестьяне не признавали нового короля и вели с ним ожесточенную борьбу (Кюценгаген так и не признал Фрид-

риха I до его смерти). Только Христиану III («Христианусу»), сыну Фридриха I, вступившему на престол в 1533 г., удалось кое-как овладеть всей Данией.

²⁰ с велики мгосударем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были. — Речь идет о киевском князе Ярославe Мудром, который в ходе междоусобных войн неоднократно использовал варяжские дружины (ср.: «Повесть временных лет», серия «Литературные памятники», т. I, 1950, стр. 89, 96, 100, 101).

²¹ А что писал еси. . . мы от Августа Кесаря родством ведемся. . . примериватьца к твоей высьоти не к чему! — Во время переговоров с Павлом Абовским царь указывал, перечисляя условия, на которых он согласен вести непосредственные сношения с Иоганном III: «Да Ягану же царьского величества титла написати, да Свейским в титлах государских написати по царьского величества указу. Да прислать образец, герб свейский, чтоб тот герб в царьского величества печати был» (Сб. РИО, т. 129, стр. 213). — Легенда о происхождении русских князей (через Рюрика) от «брата Августа-кесаря» Пруса, была широко распространена в русской письменности XVI в. и занимала важное место в писаниях самого Ивана Грозного. История этой легенды полностью не выяснена, но мнение ряда историков XVIII—XIX вв. (Байер, Шлецер, Куник) о ее польском происхождении должно быть отвергнуто, как необоснованное (ср.: И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 101). Первые известные нам упоминания этой родословной относятся ко времени Василия III — в «Послании Спиридона-Саввы» (Жданов, ук. соч., прилож. V, стр. 596—597) и у Герберштейна (Записки о Московии. СПб., 1866, стр. 11). Упоминается легендарный Прус и в летописных памятниках XVI в. (Воскресенская летопись, ПСРЛ, VII, 268; Степенная книга, ПСРЛ, XXI, ч. 1, стр. 7, 60). Грозный в своих дипломатических посланиях многократно подымал вопрос о своем происхождении от «Августа-кесаря». В грамоте польскому королю Сигизмунду-Августу в 1556 г. он писал: «А мы как есть государь кристьянский, положиа упование на всемогущего бога, держим извечную свою прародительскую честь и старину, почен от Августа-кесаря и до великого князя Владимира, крестившего Русскую землю, и царство Русское добре съдержавшего, и от великого Владимира до царства великого Владимира Манамаха, высоко и достойнейшую от грек честь приемшего, и от Владимира Манамаха по коленству до мстителя неправдам деда нашего, великого князя Ивана, и до блаженные памяти отца нашего, великого государя Василья, закосненным прародительствия землям обрателя, даже по се время и до нас» (Сб. РИО, т. 59, стр. 537—538). В 1563 г. бояре заявляли от его имени польским послам: «. . . мы как есть государи почен от Августа кесаря,

обладающему всею вселенною, брата его Пруса, его ж постави в берегах Вислы реки во град Машборок [sic!] и Торунь и Хвойница и Преслава и Гданеск и иных многих городов по реку глаголемую Немон, впадшую в море Варяжское, до сего часа по имени его заветца Пруская земля. А от Пруса четвертое-надесять колено до великого государя Рюрика даже и до нас, божиею благостью самодержцы есмя, ни от кого, кроме бога, не жалаем, з божьею благостью свою честь держим и на своих государствах государствуем, потому и сами о себе именуемся» (Сб. РИО, т. 71, стр. 231). Эта же мысль высказывалась в 1567 г. (см. выше, стр. 260), в 1573 г. (в комментируемом послании) и в особенно развернутом виде в 1577 г. (см. стр. 200 и прим. 2 к «Посланию Полубенскому»). — Двуглавый орел стал употребляться на печати московских государей с 1497 г. — после коронации внука Ивана III, Дмитрия, венцом и бармами Мономаха.

²² а ты безбожен, не токма что истинны не познал еси, но и малую сень латынского служения испровергли есте. . . а то и сам написал еси, что король на Свейской земле отцом твоим. — Реформация в Швеции произошла в связи с переворотом Густава Вазы и вскоре после этого переворота (началась в 1527 г.; конфискация церковных земель была завершена к 1540 г.). Резкое осуждение шведской реформации со стороны Грозного объясняется, повидимому, не только его желанием уязвить Иоганна III, но и политическими мотивами: намечавшимся в годы польского бескорольевья сближением Грозного с главными защитниками католицизма на Западе — Габсбургами. Высказанное в комментируемом послании презрение к протестантизму не помешало Грозному через несколько месяцев после написания этой грамоты разрешить своему «голдовнику» принцу Магнусу обвенчаться с племянницей царя Марией Владимировной по смешанному православно-протестантскому обряду (ср.: Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 215). — Почему в связи с реформацией Грозный укоряет Иоганна III за выражение «король Свейский отцом твоим» — не совсем понятно (может быть он противопоставляет себя, царя «божьей милостью», — Иоганну, царствующему по милости своего отца?). Акт о наследовании его сыновей был провозглашен Густавом Вазой в 1544 г. — параллельно с проведением реформации.

²³ А что писал еси о своей королевне, будто мы ее у тебя просим, и ты не разумен сый, не разуме. — Во время уже упомянутых переговоров с Павлом Абовским (в 1569 г.) дьяк Висковатый, указывая Иоганну III, что царь позволил Эрику непосредственно сноситься с ним «для полского короля сестры Катерины», прибавлял: «и будет Яган король и ныне полского короля сестру Катерию королевну к царскому величеству пришлет, и государь наш, царское величество, по тому приго-

вору, как было делати с Ириком королем, с Яганом и ныне зделает» (Сб. РИО, т. 129, стр. 184—185).

²⁴ при Ягайле, короле Полском, хто был Войдило, и которым обычаем Ягайлу з дядею своим с Кестутьем бои были. — Ягайло — великий князь Литовский (с 1377 г.) и король Польский (с 1385 г.); Кейстут — его дядя (младший брат Ольгерда, отца Ягайло), князь Троцкий и Жмудский. В литовско-русских летописях рассказывается, что у князя Ольгерда был любимец, «паробок невольный, холоп, звали его Войдилом»; сын Ольгерда Ягайло женил этого бывшего холопа на своей сестре княжне Марии; Кейстут, подозревая Ягайло и Войдило во враждебных замыслах против него, убил Войдило; Ягайло, захватив своего дядю Кейстута в плен, приказал его удавить (ПСРЛ, т. XVII, 72—73, 76, 155—156, 160—161 и т. д.).

²⁵ А что дияк наш приказывал твоему человеку Онтону Олсу, чтобы ты нам поступился всево тово, что в нашей вотчине в Вифлянской земле. . . держишь. . . и о десяти тысячах ефимкех за послов наших безчестие —. «Онтон Олс», один из участников посольства Павла Абовского, Тоне Ольсон, именуется в русских источниках чаще «Онтонеем Оловеевым», «Алавеевым» или «Оловеевичем» [Сб. РИО, т. 129, стр. 171, 173, 174 и др.; идентичность Тоне Ольсона и «Онтон Алавеева» обнаруживается из сравнения русского и шведского текста грамоты Грозного, изданной Ернэ (ук. соч., 550, русск. прил., 8)]. Ольсон был отпущен в Швецию в декабре 1571 г. (в то время, когда Павел и другие послы еще оставались задержанными); вместе с ним был отправлен шведский гонец Эрик. Отпуск Ольсона не отмечен в «Шведских делах»; он упоминается только задним числом в заявлении шведских послов (в декабре 1571 г.): «преж того царское величество по нашему челобитью отпустил ко государю нашему к свейскому Ягану королю посла его Онтон Оловеева» (Сб. РИО, т. 129, стр. 211). Сопроводительная грамота, данная Ольсону, сохранилась в шведских архивах (в копии XVII в.) и издана в статье Ернэ (на русском и шведском языке, — ук. соч., 549—550, русск. прил., 7—8). В грамоте этой, адресованной из «Тфери, в походе» говорится: «И мы ныне подвиг [в изд. Ернэ: «подиг»] свой учинили есмя к твоей земле, и твои послы с [в изд. Ернэ: «к»] нами будут на рубеже и в твою землю вборзе [в изд. Ернэ: «уборже»] и тебе известим своих из уст сами; а будет похож наш гнев отовратити, а свою землю пусту видети не захочеш, и ты б к нам прислал своих великих послов, которые б могли наше царское величество умоли и добити челом от твоего лица, как которым делом по пригожу статись мочно. . . А прислал бы еси своих послов не мешкая вскоре, покаместа большое разлитие крови не сталося. И били челом нашей степени царского величества порогу твои послы Павел бископ с товарищи, чтоб нашему царскому величеству пожаловати, одного из

них к тебе отпустить, а ты к нашей царского величества степени послов своих великих о своем неизправлении бити челом пришь. И наше царское величество по послов твоих челобитию одного из них Онтона Алашеева к тебе отпустить велели». Требование об уступке шведской Ливонии и т. д., как о предварительном условии непосредственных сношений, в этой грамоте не упоминается; оно содержалось в другой грамоте, посланной с Ольсоном и гонцом Эриком (не сохранившейся на русском языке). Требование это упоминается и в переговорах с Павлом Абовским (Сб. РИО, т. 129, стр. 212).

²⁶ Отец твой век свой изжил, а с наместники ссылался, а маленько был не похотел под старость, — и каково́ ему удалось то, и ты ведаешь. — Одной из предпосылок войны 1555—1557 гг. между Густавом Вазой и Иваном Грозным (см. комментарий к первому посланию к Иоганну III, прим. 7) было то, что Густав Ваза «гонцов своих к Ноугородцким наместником не учал посылати, а учал гонцов своих посылать ко царю и великому князю, чтоб ему ссылаться с царем и великим князем» (Сб. РИО, т. 129, стр. 1). Густав соглашался сноситься с новгородским наместником только через своего наместника в Выборге. В грамоте шведскому королю царь писал по этому поводу: «И ты сам о том розсуди — Выборской земле с государством Великого Новгорода ровняться пригоже ли? Самому будет тебе неведомо, а ты купцов своих вспроса уведай — Ноугородские пригородки Псков и Устюг и Двинскую землю, чаю, знают, скольким многим один из них болиши Стеколыны, чаю, тебе скажут» (там же, стр. 20). В результате неудачной войны Густав принужден был «бить челом» о перемирии и заключить его (на 40 лет) попрежнему с новгородским наместником, а не с царем (Сб. РИО, стр. 41—44; шведский текст: Rydberg, Sverges Traktater, т. IV, стр. 306).

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

¹ престаните от такового начинания. — Послание Грозного написано в ответ на грамоту братии Кирилло-Белозерского монастыря, прошившей, очевидно, царя о «наставлении». Грамота Кирилло-Белозерского монастыря до нас не дошла, и предистория этой переписки может быть восстановлена только с помощью самого комментируемого послания (ср.: А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 1. СПб., 1881, стр. 322—327). Непосредственной причиной «смущения» в монастыре была борьба между двумя влиятельными монахами — Ионой, бывшим боярином Иваном Шереметевым, и Варлаамом (Василпем) Собакиным, посланным в монастырь «от царской власти». Уже за год до написания комментируемого послания (оно написано в сентябре 1573 г. — см. Н. К. Никольский. Когда было писано обличительное послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Христианское чтение, 1907), т. е. осенью 1572 г.; царь

узнал об этом «смущении» от приехавшего в Москву старца Никодима, исполнявшего должность игумена (стр. 175; ср. Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 10—11). С сентября 1572 г. новым игуменом Кирилло-Белозерского монастыря стал Козьма, адресат комментируемого послания (см.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, стр. 55), но и при нем «молва и смущение» не прекращались. Племянники Варлаама, Собакины, ходатайствовали о вызове их дяди в Москву, но царь, занятый походом в Ливонию в начале 1573 г., не мог этого сделать. Весной 1573 г. Собакины послали в монастырь какую-то «злокозненную грамоту», написанную, повидимому, от имени царя (см. стр. 192); в то же время, вернувшись из похода, царь вызвал Варлаама к себе [Барсуков (ук. соч., стр. 326) считает, что Варлаам и был вызван «злокозненной грамотой» его племянников, но в тексте комментируемого послания царь, отвергающий свою причастность к грамоте Собакиных, указывает, что за Варлаамом «мы... послали», — стр. 190]. Руководство монастыря, «поносившее» Собакина и «чтившее» Шереметева (стр. 178), прислало Варлаама «кабы ис тюрьмы» в сопровождении «соборного старца» (Антония?). Царь передал монастырскому руководству (через старца Антония) ряд указаний, относящихся к усилению строгости монастырского режима (требуя, в частности, чтобы монастырь не давал послаблений Шереметеву). В этот же примерно период была обнаружена измена («чародейство») племянников Собакина (стр. 189 и 178). Может быть, именно это обстоятельство и ободрило руководителей монастыря, и они послали царю (после получения инструкций через Антония) новую грамоту (стр. 191), «жестокостоя» в ней за Шереметева. В ответ на нее царь и написал комментируемое послание.

² Понеже помните, отцы святии егда некогда прилучися неким нашим приходом к вам... благословившу мене на сем... яко некоего новоприходящаго постригшися. — Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, во время которой царь собирался постричься в монахи, относится, как он сам указывает, ко времени, когда игуменом монастыря был Кирилл, т. е. к 1564—1572 гг. (см.: Строев, ук. соч., стр. 55). В эти годы царь посещал монастырь дважды — в декабре 1565 г. (ПСРЛ, XIII, 400; Акты Археограф. экспед., т. I, № 270) и весной 1567 г. (ПСРЛ, XIII, 407).

³ Помните, господие мои... кольми же паче... вам подобает о чюдотворцове предании пострадати. — Приводимые царем примеры страданий ради принципа заимствованы из Ветхого Завета (Елеазар, Маккавей) и из жития византийского церковного деятеля и писателя IV—V в. н. э. Иоанна Златоуста, содержащегося в «Четиях-Минеях» (Великие Минеи Четии, ноябрь 13, СПб., 1899) — отсюда взята и история с виноградником опального вельможи, из-за которого Златоуст вступил в борьбу с царицей Евдоксией (стлб. 1013—1016), и история окончательного из-

гнания Златоуста в г. Кукус в Армении и оттуда в Пипунду в Грузии (по дороге в Пипунду Златоуст и умер, — стлб. 1100—1106). «Вдовица», о которой упоминает царь, — благочестивая Олимпиада, отказавшаяся с благословения Златоуста, вторично выйти замуж, хотя этого и требовал обычай (там же, стлб. 1054—1055); заслуживает внимания полемика царя с некими «невеждами», объяснявшими гибель Златоуста историей с «вдовицей» (и с «виноградом») — любопытно, что в одном из своих писем в Печерский монастырь, направленных в значительной степени против царя, Курбский объяснял гибель Златоуста именно тем, что он «о единой вдовице не умолча» (А. М. Курбский, Соч., стлб. 408).

⁴ Есть бо в вас Анна и Кайяфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлаам Собакин, понеже от царския власти послан. — Имеются в виду участники «смущения» в монастыре (см. прим. 1): Иван Васильевич (Большой) Шереметев (инок Иона), постригшийся в монахи в 1570 г. [Барсуков, ук. соч., стр. 308; Курбский в «Истории о в. к. Московском» (Соч., стлб. 295—296) изображает И. В. Шереметева в виде почти житийного мученика, якобы, растрогавшего своим благочестием самого царя], Иван Иванович Хабаров (бывший боярин и воевода; дата пострижения не известна) и Василий Степанович Собакин (инок Варлаам). Личность этого последнего не вполне ясна, так как у воеводы Степана Васильевича Собакина (жившего в первой половине XVI в.) было три сына с одинаковым именем Василий (Большой, Средний и Меньшой). Часть исследователей (Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II, стр. 228—230; Родословная книга «Русской старины», стр. 296—297; также: В. Корсакова. Русский биографический словарь, «Смеловский-Суворина», стр. 27—28, в статье «Собакины») считает, что инок Варлаам — это Василий Меньшой, дядя царицы Марфы Собакиной (третьей жены Грозного), которую они считают дочерью Василия (Богдана) Среднего. Акад. С. Б. Веселовский (Синодик опальных Ивана Грозного. Пробл. источниковед., т. III, стр. 338—339) полагает, что Варлаам — это Василий Большой, и что он же был отцом Марфы; однако никаких доказательств в пользу этой точки зрения он не приводит [в «Поколенной росписи» Собакиных XVII в., изданной в «Известиях Русского Генеалогического общества (IV, стр. 87—88), не указывается, кто из трех Василиев был монахом, и совсем не упоминается Марфа]. Во всяком случае, едва ли можно согласиться с С. Б. Веселовским, что В. С. Собакин был «в опале... принудительно пострижен и послан в Кириллов монастырь»: в приведенном тексте царь прямо говорит, что Варлаам был «от царские власти послан», сравнивая его в связи с этим (в характерной для Грозного иронической манере) с Пилатом (прокуратором, представителем римской власти в Иудее); Шереметева и Хабарова царь сравнивает с иудейскими первосвященниками Анной и Каифой

(главными виновниками гибели Христа, согласно евангельским легендам).

⁵ Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей, и Пафнотей. — Имеются в виду основатели крупнейших русских монастырей — Сергей Радонежский, основавший Троице-Сергиеву лавру (XIV в.), Кирилл Белозерский (см. о нем ниже, прим. 19), Варлаам Хутынский (XII в.), Дмитрий Прилуцкий (XIV в.) и Пафнутий Боровский (XV в.).

⁶ на Симоновс. . . и у Чюда. — Имеются в виду два московских монастыря: Симонов — на окраине города; Чудов — в Кремле.

⁷ А вы се над Воротыньским церковь есте поставили. — Речь идет, повидимому, об умершем еще в 50-х годах Владимире Воротынском, похороненном в Кирилло-Белозерском монастыре, на месте погребения которого действительно была построена церковь (ср.: С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II. М., 1850, стр. 10—11); спустя десять лет в том же монастыре был похоронен его брат — А. И. Воротынский. Во всяком случае, неправ Н. Костомаров, думающий (Ист. монограф., т. XIII, стр. 280—281), что речь идет о «победителе крымцев» М. И. Воротынском — известном полковнике, к которому в 1567 г. обращались Сигизмунд II Август и Г. Ходкевич (см. в нашем издании ответные послания от имени Воротынского — стр. 257); М. И. Воротынский был казнен незадолго до написания комментируемого послания и похоронен в Кашине; лишь в начале XVII в. тело его было перенесено в Кирилло-Белозерский монастырь (ср. Никольский, ук. соч., стр. 5).

⁸ у Дионисия преподобного на Глушицах и у. . . Александра на Свири. — Дионисиев Глушицкий монастырь находился вблизи Вологды; Александро-Свирский Троицкий — вблизи Олонца (ныне Карело-Финская ССР).

⁹ «нужно бо есть не приити соблазном: горе же человеку тому, им же соблазн приходит». — Грозный здесь, как и в первом послании Курбскому (см. комментарий к этому посланию, прим. 9), искажает (повидимому, сознательно) евангельскую цитату: вместо «нужда бо есть приити соблазном» он пишет «нужно бо есть не приити соблазном».

¹⁰ Господие мои, отцы преподобнии! воспоминайте. . . где сего праведного положиша? — Царь приводит в качестве примера ряд святых подвижников (монахов) знатного происхождения, известных ему из житийных и других источников. «Лествица райская» Иоанна Лествичника — византийское сочинение (руководство к иноческой жизни) VI в., несколько раз переводившееся на Руси (последнее издание — М., 1892). Царевич Иоасаф, царь Авенир — герои весьма популярной в древней Руси повести о Варлааме и Иоасафе (см.: Житие Варлаама и Иоасафа, изд. ОЛДП, LXXXVIII, СПб., 1887). Елизвой — эфиопский

(абиссинский) негус Элесбоа; по легенде, сохранившейся в Четиях-Минях (Великие Минеи Четии, октябрь 19—31, СПб., 1880, 1836—1837), он принял монашество после победы над царем-иудеем Дунасом (Зу-Нуvasом) и жил в монашестве чрезвычайно суровой жизнью. Савва Сербский — сын сербского царя Стефана-Немани (XII—XIII в.), принял монашество в юности, был архиепископом Сербии; отец его Стефан отрекся от престола и постригся в монахи под именем Симеона в 1195 г. Рассказ о Савве и его отце содержится в «Степенной книге» (ПСРЛ, XXII, 388—392). Рассказ о Николае Святоше, князе Черниговском (XII в.), содержится в «Печерском Патерике» (см.: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 85—86 и 184—185; эпизода с «отогнанием» бесов от стула Святоши в «Патерике» нет; вероятно, эта легенда почерпнута Иваном IV из устной традиции). Игнатий — патриарх Константинопольский, сын императора Михаила Рангава (IX в.); о мучениях, понесенных им от императора Варды, рассказывается в «Степенной книге» (ПСРЛ, XXII, 344—345); однако здесь указывается, что Игнатий был замучен «не до конца» и при императоре Василии Македоняnine вновь восстановлен на патриаршем престоле (там же, 350—351).

¹¹ ни видяща, яко есть чернец, не токмо инок, еже есть велико. — Подчеркивая, что инок выше чернеца, Грозный, очевидно, обозначает этими терминами две различных степени монахов, имея в виду под чернецами «новоначальных» (монахов, не имеющих степени), а под иноками — «малосхимников» (первая степень монашества; признаком малосхимников являлась мантия).

¹² Или не весте Шереметева отца Василия?... снялся с Курцовыми... да оттоле се им и почалося. — Отец И. В. Шереметева постригся в Троице-Сергиевом монастыре (под именем Вассиана) между 1537 и 1539 гг. По весьма вероятному предположению Барсукова (ук. соч., 78—79, 91), это «невольное» пострижение стоит в связи с борьбой боярских партий в период «боярского правления» (когда был свергнут с митрополии и Иоасаф, — см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 23). Остальные подробности биографии В. Шереметева, упоминаемые царем, по другим источникам не известны. Указание Грозного, что В. Шереметев «снялся с Курцевыми» (родственники казначея Никиты Фуникова-Курцева, см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 45), Барсуков (ук. соч., стр. 79) понимает том смысле, что у В. Шереметева «вышли неудовольствия» с ними; однако «снятися» чаще означает «собраться, соединиться, сойтись» (Срезневский, Материалы для словаря др.-русского языка, т. III, стлб. 783—784); можно поэтому предположить, что в борьбе, раздиравшей Троицкий монастырь, В. Шереметев и Курцевы составляли одну партию, а Иоасаф.

и Коровины — другую. Любопытно, что в этом послании Грозный с явным осуждением трижды поминает митрополита Иоасафа, близкого к течению «нестяжателей» (противников монастырского землевладения), в то время как в первом послании Курбскому Иоасаф упоминается в сочувственном тоне — как жертва боярского самовольства (см. выше, стр. 34).

¹³ Таково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не чернцу! — Речь идет о поездках царя в Троице-Сергиев монастырь в 1544 или 1545 гг. Любопытно, что после обеих этих поездок Грозный накладывал «опалу» на дворецкого Ивана Кубенского (ПСРЛ, XIII, 146—147 и 445—446); в 1546 г. И. Кубенский был казнен. Кубенские (Иван и его брат Михаил) — потомки ярославских князей, активные участники междоусобной борьбы во время «боярского правления» (сторонники Шуйских, см. выше, стр. 34).

¹⁴ Песношь. . . — Песношский Никольский монастырь (основан в конце XIV в.), находился недалеко от г. Дмитрова.

¹⁵ царем Льву Исаиру и сыну его Константину Гноетезному. — Византийские императоры-иконоборцы (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 1).

¹⁶ тот Шереметев с Висковатым первья не почели за кресты ходити. — Иван Михайлович Висковатый — государственный дьяк и печатник (иностранцы называли его «канцлером»), один из наиболее выдающихся политических деятелей времени Грозного. Висковатый достиг значительного влияния еще при «избранной раде» и сохранил это влияние после учреждения опричнины [хотя царь в грамоте крымскому хану (см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 40) делал вид, что осуждает политику «Ивана Михайлова», последний еще долго оставался главой Посольского приказа и активным проводником внешнеполитической программы Грозного — ср. записки Генриха Штадена «О Москве Ивана Грозного» (1925, стр. 84—85)]; в 1570 г. Висковатый был казнен Грозным при не вполне ясных обстоятельствах. Отказ Висковатого (вместе с Шереметевым) участвовать в крестных ходах стоит, вероятно, в связи с религиозными «сумнениями», обнаруженными Висковатым в 1554 г., когда он, протестуя против новых икон, «вопил во весь народ» и навлек даже на себя специальную соборную эпитимию, где ему предписывалось «ведать свой чин» и не воображать себя «головою», будучи «ногой» [см.: Акты Археограф. экспед., т. I, № 238; специальный «Розыск» по этому делу издан в Чтениях ОИДР (1858, кн. II, отд. III)].

¹⁷ А коли мы первое были в Кириллове в юности. — Имеется в виду, очевидно, поездка царя в Кирилло-Белозерский монастырь в 1545 г. (ПСРЛ, XIII, 147 и 446).

¹⁸ Варламовы племянники хотели были меня чародейством извести . . . Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи. — «Варламовы племянники» — это, очевидно, Калист, Степан и Семен Собакины, упоминаемые среди казненных в царском Синодике [см. текст Синодика в «Сказании кн. А. М. Курбского» Устрялова (стр. 390) и в цитированной статье С. Б. Веселовского (стр. 338—340)]. Время казни Собакиных точно не известно; их возвышение относится к концу 1571 г., в связи с кратковременным браком Ивана IV с Марфой Собакиной (умерла 13. XI, вскоре после свадьбы); Калист (Калинник) Собакин выбыл из разрядных списков в 1573 г. (Древняя Российская вивлиофика, ч. XX, стр. 53). Во всяком случае, как прямо указывает царь, в начале «смущения» в Кирилло-Белозерском монастыре (т. е. за год до написания его послания) «еще Собакиных тогда перед нами измены не было» (см. стр. 189); в момент написания комментируемого послания царь, хотя уже знал об этой «измене», все-таки был попрежнему недоволен излишним пристрастием монастыря к Шереметевым за счет Собакиных. — «Селивестр», сходством с которым («однако его семьи») царь попрекает монастырь, — это, конечно, благовещенский протопоп Сильвестр, участник «избранной рады» (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 10 и 25); царь намекает, очевидно, что руководство монастыря, подобно Сильвестру, претендует на роль руководителя и наставника при нем.

¹⁹ Как же отрещися мира. . . а Кирило и в приказе у государя не был. — Об антибоярских тенденциях Грозного в комментируемом послании см. выше, стр. 464—466. — Цитата из Евангелия царем переделана (в подлиннике просто: «оставьте мертвым погребать своих мертвецов»; ср. об этом: И. Н. Жданов, ук. соч., стр. 143). — Кирилл Белозерский, основатель Кирилло-Белозерского монастыря, жил в XIV—начале XV в.; он был казначеем у своего родственника, московского окольного Вельяминова.

²⁰ А на Сторожах до чего допили? — Имеется в виду Саввин Сторожевский монастырь вблизи г. Звенигорода. Данное царем описание непробудно-пьяного монастыря, которого даже и «затворить некому», напоминает известный сатирический памятник XVII в. — «Калязинскую челобитную».

²¹ поход учинился в Немецкую землю. — Как справедливо указал И. Н. Жданов (Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 98—99), речь идет о походе на шведскую Ливонию в начале 1573 г. (см. выше, комментарий ко второму посланию Иоганну III, прим. 1).

²² прислали к нам поминьки, да еще ножи, кабы не хотя нам здорвья. — Преподнесение ножа в качестве «поминка» (подарка) считалось враждебным актом: именно такой «поминонок» за два года до кирилло-

белозерских монахов летом 1571 г., после разграбления крымцами Москвы, послал царю крымский хан Девлет-Гирей (ЦГАДА, Крымская посольская книга № 13, л. 404). Несмотря на все свое стремление в тот трудный момент не ухудшать отношений с Крымом, царь отказался принять этот «поминок» — «ножа имать не велел» (л. 404 об.).

²³ что братия его и ныне не престанут в Крым посылать, да бесерменство на христианство наводити. — Это обвинение в «наведении» крымцев на Русь можно понимать в двояком смысле. Сам Иван Васильевич Большой Шереметев считался в миру даже излишне рьяным противником Крыма — в первом послании Курбского царь упоминал его неудачный поход на крымцев в 1555 г., а в письме к хану обвинял его в том, что он «ссорил» Русь с Крымом (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 40); царь мог, поэтому, обвинять Шереметева в том, что он своей враждебностью к «бесерменам» провоцировал их к нападениям на Русь. Но поскольку в комментируемом месте речь идет не об Иване Большом, а о его братьях — Иване Меньшом и Федоре, то обвинение царя повидимому, надо понимать в буквальном смысле. В 1912 г. С. К. Богоявленский опубликовал замечательный документ, к сожалению до сих пор не изученный историками: протокол допроса царем двух бывших русских пленников, вернувшихся из Крыма. Допрошенные лица, Костя и Ермолка, сообщили, между прочим: «изменяют тебе, государю, бояре Иван Шереметев, да брат его Федор, а измена их, сказывают, то: как приходил царь к Москве, и Москву царь жжег [речь идет о походе Девлет-Гирея в 1571 г.], и Иван да Федор Шереметевы на Москве пушки заливали, норовя Крымскому царю, чтоб против царя стоять было нечем. . . А как был царь на Молодах [речь идет о походе 1572 г.], и царь присылал к Ивану да и Федору Шереметевым крымских татар двенадцать человек для вестей. . . И приказывали Иван да Федор с теми татары к царю, и царь по Иванову да по Федорову приказу, услышав то, поворотился, блюдаясь тебя, государя». (Чтения ОИДР, 1912, кн. II, отд. III, стр. 29—30). Хотя памятник этот написан несколько позднее, чем комментируемое послание (упоминаемый в допросе Аф. Нагой вернулся из Крыма в ноябре 1573 г.), но он близок к нему по времени и может служить хорошим комментарием к словам царя.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ

¹ что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон. — Василий Григорьевич Грязной-Ильин, один из видных деятелей опричного двора, был назначен в 1573 г. воеводой на Донец [см. разряды в «Древней Российской вивлиофике» (ч. XIII, 1790, стр. 441)], т. е. на тогдашнюю русско-крымскую границу. Во время «добывания языков» на р. Молочные воды (впадающей в Азовское море) он был захвачен в плен крымцами

(обстоятельства этого пленения описывает сам Грозной в своем ответном письме, — см. выше, стр. 566). Точная дата пленения Грозного не известна; но уже в середине 1574 г. царь получил от него письмо из Крыма (не сохранившееся в «Посольских делах») с просьбой выкупить его или обменять. Ответом на это письмо является комментируемое послание Грозного.

² к Москве. — Речь идет о походе крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г., когда им была взята и сожжена Москва (29 мая). В том же году царь получил вести из Крыма, что походу хана предшествовало бегство в Крым «изменников государских», сообщивших хану о «меже-нине» и опустошении на Руси; некоторые из этих перебежчиков сообщили, что они «сами из опричнины» (ЦГАДА, Крымская посольская книга № 14, л.л. 26—26 об.).

³ князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. — Речь идет, очевидно, об опричниках, к числу которых принадлежал Василий Грозной. Столь резкая характеристика опричников может объясняться, наряду с общим насмешливым тоном письма, тем разочарованием во многих деятелях опричнины, которое испытал Грозный в начале 70-х годов: в эти годы подверглись опале или казни такие видные опричники, как Михаил Темгрюкович Черкасский (отец которого, черкесский князь емгрюк, участвовал в походе хана на Русь в 1571 г.), кн. Темкин-Ростовский и др. (Басмановы подверглись казни, а Вяземский опале — еще раньше). Энергично возражая царю по поводу обвинений в изменности, небрежности, трусости, Грозной на обвинение в «страдничестве» (незнатном происхождении) ответил лишь: «ты государь — аки бог: и мала и велика чинишь [создаёшь]» (см. выше, стр. 567) — ответ, типичный для опричника [вопреки мнению П. А. Садикова, аргументация которого в данном случае представляется совершенно неубедительной (П. А. Садиков. Царь и опричник. Сб. «Века», I, Пгр., 1924, стр. 58—59, 65—66)].

⁴ в Олексине — ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили. — В. Г. Грозной происходил, по определению П. А. Садикова, из рода «провинциальных служилых московских людей» (П. А. Садиков, ук. соч., стр. 40—41). О службе его предков у ростовских архиепископов («владык») других известий не имеется, но ростовское происхождение Грозных подтверждается «родословными росписями». Город Алексин в первой половине XVI в. принадлежал ближайшим родственникам царя, князьям Старицким — Андрею и Владимиру Андреевичу; в 1566 г. Алексин был «выменен» у Владимира Андреевича (т. е. переведен в опричину). Князья Пенинские-Оболенские находились на службе у князей Старицких; младшие пред-

ставители этого рода в последний раз упоминаются в середине XVI в. — князь Юрий Иванович Меньшой и его племянник Федор Иванович, который был, по известию Курбского, казнен в 1544 г. П. А. Садиков поэтому считает, что известие о службе В. Грязного у Пенинского «страдает очевидным анахронизмом и грешит против истины», ибо Грязной, по генеалогическим расчетам исследователя, был для службы у этих лиц слишком молод (ук. соч., стр. 44). «Впрочем, — справедливо прибавляет П. А. Садиков, — при генеалогических выкладках следует всегда помнить, что жизнь не всегда считается с такими нормами» (там же, прим. 2).

⁵ Дивей — один из крупнейших полководцев и сподвижников крымского хана Девлет-Гирея, представитель нагайского рода Мансуров. В июле 1572 г. был взят в плен русскими войсками во время победы над крымцами [см. комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 10; в записках немца-опричника Генриха Штадена красочно описывается надменное поведение Дивей-мурзы после пленения (Штаден. О Москве Ивана Грозного. Перевод Полосина, 1925, стр. 111)]. После пленения Василия Грязного хан требовал в обмен за него Дивей-мурзу. Дальнейшая судьба Дивей не вполне ясна: в ноябре 1576 г. царь в ответ на многократные просьбы о выдаче Дивей заявил хану, что Дивей умер (ЦГАДА, Крымская посольская книга № 14, л. 341); однако иностранные источники (напр.: Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 22) называют в последующие годы в качестве полководца Ивана IV Даниила-мурзу; историки полагают, что это и есть Дивей-мурза (ср.: И. И. Полосин, указатель к цитированному изданию записок Г. Штадена, стр. 157). В сборнике «Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни» (т. II, Киев, 1849, стр. 286) приводится письмо Курбскому от некоего Василия Загоровского, написанное «недалеко от Пскова» в 1577 г., в котором сообщается, что Загоровский, воюя «на службе Речи Посполитой», попал в плен «в руки людей царевича его милости Крымского, а меновите [а именно] князя Девия мурзы». Сражаться с войсками Речи Посполитой и находиться под Псковом в 1577 г. Дивей-мурза мог только будучи в рядах русской армии.

⁶ Оприч было князя Семена Пункова не на кого менять Дивей; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоения менять было. — Оба названных здесь Грозным лица — князь Семен Иванович Пунков-Микулинский (Телятевский) и князь Михаил Васильевич Глинский во время написания комментируемого послания уже умерли и никогда в крымском плену не были. Называя их имена, царь имеет в виду их *местнический ранг*, позволяющий приравнивать их к Дивей-мурзе: Пунков происходил от великих князей Тверских, неоднократно исполнял роль главнокомандующего в военных походах (см. выше, ком-

ментарий к первому посланию Курбскому, прим. 37 и 47); М. В. Глинский — родной дядя царя (по матери), главнокомандующий в начале Ливонской войны (см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 41).

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ

¹ Семиону Бекбулатовичу всеа Руси Иванец Васильев с своими детишками... челом быют. — Симеон Бекбулатович — крещеный татарский «царевич», правнук татарского хана Ахмата; с 60-х годов XVI в. — хан Касимовский. В 1575 г. Грозный назначил этого татарского царевича великим князем (а по некоторым известиям — царем) всеа Руси, отказавшись формально от царского титула и даже, повидимому, уступив ему свою резиденцию в Москве. Помимо комментируемого послания (написанного в октябре 1575 г. от имени Ивана IV и его детей Ивана и Федора), сохранилось несколько документальных источников относительно этого события (Акты Археограф. экспед., т. I, №№ 290, 292, 294; П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. Ист. архив, т. III, 1940, № 69 — все эти документы относятся к январю—июлю 1576 г.). О назначении Симеона сообщают также современники-иностранцы и ряд летописных источников XVII в. В исторической литературе существуют различные объяснения этого необыкновенного шага царя. Наименее убедительным из них является объяснение, данное Лилеевым, автором специальной монографии о Симеоне Бекбулатовиче (Симеон Бекбулатович, Тверь, 1891, стр. 51): по мнению Лилеева, царь отрекся от престола, чтобы иметь возможность бежать в Англию. Фантастичность этого объяснения не нуждается в доказательствах: сам Лилеев (там же) признает, что никакого плана бегства в Англию в 1575 г. у Грозного не было. Более правдоподобным кажется объяснение, данное П. А. Садиковым в одной из его ранних работ [Из истории опричнины Ивана Грозного. Дела и дни, 1921, кн. II. Пгр., 1921, стр. 7, прим. 1; ср. его «Очерки по истории опричнины» (1950, стр. 43—44)]: Садиков связывал этот шаг Грозного с его желанием выставить свою кандидатуру на польский престол во время второго бескорольевья (выборы короля происходили в ноябре 1575 г., через месяц после «передачи престола» Симеону). Однако никаких данных о том, чтобы Грозный, выставляя свою кандидатуру, указывал при этом полякам на то, что он свободен от русского престола, не существует: во время выборов 1575 г. Грозный не проявлял вообще серьезной активности, а уже в декабре 1575 г. (еще в «царствование» Симеона) он вел переговоры о разделе Речи Посполитой и о приобретении Литвы и Ливонии (для чего ему не нужно было отрекаться от русского престола). Наиболее вероятным пред-

ставляется объяснение этого мероприятия внутренними планами царя (см. стр. 484).

² ослободил людишек перебрать. — Грозный предлагает Симеону Бекбулатовичу некое размежевание владений между ним, «Иванцом Московским», и «царем Симеоном всея Руси», разделяя таким образом свое государство на две территории, подобно существовавшим с 1564 г. «земщине» и «опричнине» (подробнее см. выше, стр. 482). Сходство между «уделом Иванца Московского» и опричниной подтверждается и другими (кроме комментируемого послания) документальными источниками, относящимися ко времени Симеона Бекбулатовича: в 1576 г. Симеон Бекбулатович выдавал князю Засекину возмещение за его вотчины, взятые еще в 1565 г. в опричнину (Акты Археограф. экспед., № 290); в том же году были присоединены к владениям «Иванца Московского» Шелонская пятина Новгородской земли и другие пограничные (с ливонским фронтом) земли (ср. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 42—43, 176—177, 334).

³ как преж сего велося у удельных князей. — Иван IV имеет в виду традиционную статью межкняжеских договоров удельного времени: «а боярам и слугам межи нас вольным воля» (согласно этой статье вассалы князей имели право «отъезда» с сохранением своих земельных владений. Ср.: Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. 1923, стр. 122—123).

⁴ А которые от нас пойдут. . . и ты б, государь. . . пожаловал не принимал. — Эта «просьба» очень ясно говорит о том, что, несмотря на униженный тон «Иванца Московского», его «удел» (подобно опричнине) находился в явно привилегированном положении по сравнению с «владениями» Симеона Бекбулатовича: «Иванец» может свободно «принимать» переходящих «людишек», а Симеон не может. Если учитывать условный язык всего «челобитья Иванца Московского», то следует думать, что речь идет о людях, которые «пойдут» от «Иванца» не по собственной воле, а по его приказу (т. е. о тех, которых он собирается «отослать»), «непринятие» же их Симеоном означает, что «вотчинички» их останутся во владениях «Иванца» (как было с боярами, высланными из опричнины).

⁵ как нам своих мелких людишек держати: по наших ли дьячишков запискам и по жалованьишку нашему, или велишь на них полные имати? — «Полной грамотой» назывался акт о приеме данного лица в холопство. В XVI в. в Москве такие грамоты могли писаться только «ямскими дьяками» (ср.: С. Н. Валк. Грамоты полные. Сборн. статей, посвящ. С. Ф. Платонову, Пб., 1922, стр. 130). Вопрос, поставленный царем, заключается, повидимому, в следующем: могут ли в его «уделе» оформлять такое закабаление «мелких людишек» его «дьячишки»

(этого он, очевидно, и хотел) или попрежнему «полные» нужно «имать» из общерусского (следовательно, «подведомственного» Симеону) Ямского приказа?

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ

¹ В Володимер ко князю Александру Полубенскому. — Владимир (Владимирец) Ливонский — ливонский город Вольмар (ныне г. Валмиера Латвийской ССР). Александр Полубенский — предводитель польских войск в Ливонии, староста Вольмарский и Зегевольдский (ныне Сигулда Латвийской ССР). Грамотой к нему начинается целая серия посланий, отправленных Иваном Грозным своим противникам во время летне-осеннего похода 1577 г. — одного из самых удачных походов в Ливонской войне. В сохранившемся дневнике Полубенского (Донесение-дневник Полубенского, Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III, М., 1900) ничего не сообщается о получении им этой грамоты; но Полубенский рассказывает, что когда он, уже будучи пленником, предстал перед Грозным, тот произнес перед ним речь (цитируемую в дневнике Полубенского стр. 33), по содержанию совпадающую с комментируемым посланием, — может быть, просто прочитал эту грамоту. Содержание «листа» царя было передано Полубенским (после освобождения из плена) польскому королю Стефану Баторию [ср. грамоту Батория в «Книге Посольской метрики в. кн. Литовского» (КПМЛ), т. II (М., 1843, стр. 27—28)].

² Трисолнечного божества. . . милость, бывшую на нас. — Композиционное своеобразие комментируемого послания заключается в том, что вступительная часть титула «божьей милостью. . .», вообще значительно расширенная при Грозном (см. комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 1), достигает здесь грандиозных размеров — больше половины всей грамоты. Обычную формулу «божества. . . милостью. . . мы, Иван Васильевич», царь здесь как бы раскрывает, стараясь разъяснить противоречие между словами Христа (в Евангелии) о мирской власти: «еже есть высоко в человецех; мерзость есть перед богом», и фактом божьего благословения ему, царю Ивану Васильевичу. В связи с этим он излагает (по библейским и хронографическим легендам) целую историю мирской власти, противопоставляя «неблагочестное царство», возникшее «от дьявола», царству, «благословенному» богом. При составлении этого вступления к посланию Полубенскому Грозный использовал свои предшествующие сочинения и больше всего первое послание Курбскому. Из этого послания заимствовано и рассуждение о том, почему бог разрешил иудеям приносить жертвы (см. выше, стр. 15), и перечисление владений Августа (ср. стр. 23—24; как и в том

послании, «Ази[я]» и «Асия» [Малая Азия?]) выступают здесь в качестве различных понятий); перечисление предков во вступлении к титулу «Послания Полубенскому» почти дословно совпадает со вступлением («историческим титулом») к первому посланию Курбскому. Однако, если в первом послании Курбскому Грозный начинал «Российское самодержавие» с Владимира, то в послании Полубенскому оно выводится непосредственно от «Августа-кесаря». Этому своему «предку» Грозный прощает даже его языческое вероисповедание, объявляя его царство «благословенным» от бога на том основании, что в это время «благоизволил» родиться Христос. При изложении легенды о Прусе — «брате» Августа и предке русских государей, Грозный в значительной степени повторяет свои прежние грамоты польским королям (см. текст их выше, в комментарии ко второму посланию Иоганну III, прим. 21). Далее царь переходит к изложению родословия русских государей — своих предков. Следуя «Начальному своду» и «Софийскому временнику» (а не «Повести временных лет»), царь утверждает, что после Рюрика Игорь (а не Олег) «преселился на Киев и тамо царствия скипетры Росии положи». Игорю же, вместо его сына Святослава, приписываются походы в Дунайскую Болгарию — «в Переяславце Дунайстем живяше, иже есть Бен (?) и Ведна [= Вена; ср.: Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 489, 500, 517 и др.].». Здесь, впрочем, возможна какая-то порча в тексте, так как дальше, говоря о Владимире, Грозный называет его сыном «сего Святослава» — следовательно, он упоминал (или собирався упомянуть) Святослава выше. Говоря о Ярославле Мудром, царь подчеркивает, что он господствовал над «Чудской землей» — Ливонией (тема, повторяемая затем в основной части грамоты); говоря о Владимире Мономахе, вспоминает популярную в XVI в. легенду о приобретении этим князем византийских регалий в результате войны в византийской Фракии (ср.: ПСРЛ, IX, 144; Сб. РИО, т. 59, стр. 345; об этой легенде см.: И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 62—98, 130—131; текст легенды по памятникам начала XVI в. — там же, стр. 598—599). В изложении библейских легенд царь в большей степени следует Хронографу (ср.: ПСРЛ, XXII, стр. 30—32, 93—95) и апокрифическим сказаниям [напр., объяснение вавилонского столпотворения стремлением обезопаситься от нового всемирного потопа, — ср. у Козьмы Индикоплова и в одной из Палей (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877, стр. 108—110)], чем Библии. Политические претензии, высказанные Грозным во вступительной части послания Полубенскому (и повторенные затем в переговорах с польскими послами Крыйским и другими в январе 1578 г.), сильно обеспокоили польского короля. Уже в ноябре 1577 г., в инструкциях гонцу Полуяну, король

иронически указывал, что в грамоте Полубенскому царь «почал вычитывать рожай свой от створенья света, от Адама... яко нигде ничего кгрунтового [основательного] и правдивого не назначил» (КПМЛ, т. II, стр. 27—28). Об этих же претензиях Грозного Баторий напомнил и в 1579 г., формально объявляя войну царю (там же, стр. 44).

³ Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то всё дудино племя!). — Это место грамоты не совсем понятно. Царь, назвав Полубенского «дудой» (дудкой; это же прозвище повторяется и на «подписи» — адресе грамоты), перечисляет, очевидно, дальше названия сходных музыкальных инструментов («то все дудино племя», т. е. «все это разновидность дудки»). «Пищаль», действительно, представляет собой музыкальный инструмент типа свирели (см.: Финдейзен. Очерки по истории русской музыки, т. I, вып. II, 1928, стр. 186; Н. И. Привалов. Музыкальные духовые инструменты русского народа. СПб., 1908, стр. 108—109); другие названия, приводимые царем, в литературе не встречаются (их нет ни у Финдейзена, ни у Привалова, ни у Срезневского и т. д.). — Враждебный тон царя по отношению к Полубенскому может объясняться многими причинами: Полубенский был связан с Курбским [он был его свойственником (ср.: Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. I. Киев, 1849, стлб. X—XII, 157); ср. также грамоту Полубенского Шабликину и Огибалову, в которой Полубенский вымогает от них «тетради», оставленные Курбским в России, грозясь иначе не выдать их пленным родственникам (А. М. Курбский, Соч., прилож., стлб. 495)] и с другим эмигрантом — Т. Тетериным; в содружестве с последним он захватил обманом русскую крепость Изборск (см. прим. 4).

⁴ Взял еси искрадом наша вотчины Пскова пригородок Изборск, как еси поругался, отступив от крестьянства, церкви божии и священства образом. — Захват Изборска Полубенским произошел в январе 1569 г.; Полубенский и его сподвижники, по словам Псковской летописи, «впрошались опричиною [притворились опричниной]» (ПСРЛ, IV, 318; ср.: Сибирский сборник, М., 1844, стр. 23). Историю этого обмана излагает немец-опричник Генрих Штаден. Он рассказывает, что «губернатор польского короля Сигизмунда в Лифляндии» Александр Полубенский в сопровождении 800 поляков и 3 русских перебежчиков подъехал к воротам Изборска и закричал привратнику: «Открывай! Я иду из опричнины». Поляки продержались в Изборске 14 дней, после чего город был отбит настоящими опричниками (Штаден. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, стр. 94). Нападение Полубенского на Изборск и последовавшие за этим военные действия были предметом специальных переговоров между Иваном IV и польским королем Сигизмундом II Августом в течение всего 1569 г. (см.: Сб; РИО, т. 7, № 23, стр. 584—

610). Грозный писал польскому королю, что с тех пор, как последний «нашу изменную раду, отступников истинного православия, учинил у себя в раде, и от тех мест и посемест кровь крестьянская не престалась лити. . . И по той твоей раде, брата нашего, а наших изменников умышлению, князь Олександр да князь Иван Полубенские, пришедши некрестьянским обычаем. . . сослався с нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригород в псковской в Изборек с нашими изменники въехали, и город Изборек на тебя, брата нашего, засели, и вере крестьянской ругательство учинили» (Сб. РИО, т. 71, стр. 588). Впоследствии, когда Полубенский попал в плен к русским, царь укорял его в том, что он в Изборке «чудному Николе глаза колол»; Полубенский оправдывался, что это не он, «а рыцарство» (Донесение-дневник Полубенского. Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III, стр. 136).

⁵ А пишешься Палемонова роду. — Палемон — легендарный предок литовских князей. Согласно рассказам литовских летописей, он был римский «княже», родственник императора Нерона, покинувший Рим из страха перед «кривдами и втеснениями» со стороны этого императора. Добравшись по «морю-окиану» до реки Неман, Палемон со своими спутниками «почали размноживатися» и положили начало литовскому народу и государству (см. Западно-русские летописи. ПСРЛ, XVII, 227—229, 240, 296—297 и др.). Легенда о Палемоне по характеру своему весьма сходна с русской легендой о Прусе.

⁶ А что пишешься вицерентом земли Ифляньские, справцы рыцарства волного — ино то рыцарство блудящее, разблудилося по многим землям, а не волное. — «Справцей людей рыцерских войска. . . короля Полского и великого князя Литовского у земли Ифлянской» именовал себя Полубенский в грамотах русскому боярину Ивану Петровичу Федорову (Сб. РИО, т. 71, стр. 81 и 87); в грамоте Шабликину и Огибалову он именовался «гетманом Лифлянской земли и справцей рыцарских людей» (Курбский, Соч., стлб. 496). «Вицерегентом» Полубенский называл себя, очевидно, как заместитель Ходкевича — администратора («регента») Ливонии (см. прим. 7).

⁷ А Колывань за Свейским, а Рига особе, а Задвинье за Кетре-ром. — Колывань — русское название Ревеля (Таллина), находившегося с 1561 г. под шведской властью. Готгард Кетлер, коадьютор (соправитель) магистра Ливонского ордена, заключил в 1559—1561 гг. с польским королем соглашение, согласно которому южная Ливония (Курляндия, Задвинье) превращалась в вассальное владение Польши, за что польский король обещал защищать Ливонию от царя. После этого Курляндия была обращена в герцогство, а Кетлер стал герцогом Курляндским. Рига после довольно энергичного сопротивления также при-

знала (в 1562 г.) власть польского короля, но при условии некоторого самоуправления и полной независимости от герцога Курляндского. Центральная часть Ливонии также была передана польским королем (в 1566 г.) в управление не Кетлеру, а другому лицу — «маршалку» Литовскому Яну Ходкевичу с титулом администратора Ливонии (тем самым центральная Ливония как бы объединялась с великим княжеством Литовским). Рига, не признавшая власти Кетлера, не признала и Ходкевича, и в 1567 г. он безуспешно пытался взять этот город осадой [см. Хронику Рюссова в «Сборнике материалов и статей по истории Прибалтийского края» (т. III, Рига, 1880, стр. 158—161)].

⁸ Где меньер, где машкалка, где кумендери, где советники, и все воинство Лифляндских земли. — Перечисляются чины прежнего Ливонского ордена. «Меньер» — очевидно то же, что «местер» (ср. Псковскую летопись, ПСРЛ, IV, 182—183, где сперва употребляется термин «местер», затем о том же лице, термин «мендьер») — Grossmeister, магистр Ливонского ордена. «Кумендери» — командоры (ср. Новгородскую летопись, ПСРЛ, III, 89, 109). «Машкалка» — маршал; термином «ламашкалка» в Никоновской летописи именуется ливонский ландмаршал Шалль фон-Белль (ПСРЛ, XIII, 330).

⁹ Избранный ваш государь Стефан Обатур присылает нам о миру и послов своих к нам шлет. — Семиградский (трансильванский) воевода Стефан Баторий, избранный частью сейма на престол в декабре 1575 г., короновался польской короной 1 мая 1576 г. Власть его была непрочной, так как основная часть магнатства не признавала его и приглашала на польский престол германского императора Максимилиана II (избранного сенатом в короли одновременно с избранием Батория). Уже в августе 1576 г. Стефан отправил посланников Груденского и Буховецкого к Ивану IV и гонца Гоголя к боярам с мирными предложениями. Иван IV относился к избранию Стефана на польский престол отрицательно, предпочитая видеть на этом престоле императора, от которого он, повидимому, получил неофициальные обещания об уступке Ливонии, а может быть и Литвы. Посланники были встречены холодно; боярам было поручено «отписать панам жестоко: как бы посмеяся обрали себе за государя семиградского воеводу» (ЦГАДА, Польского двора кн. № 10, л. л. 238—238 об; текст этой грамоты бояр см.: КПМЛ, т. II, стр. 7). Впрочем, Стефану было предложено прислать «великих послов». К июлю 1577 г. послы эти еще не прибыли, — этим, между прочим, впоследствии оправдывал Иван свое наступление на польскую Ливонию, прибавляя, однако, что Ливония — его исконная вотчина и что «тебе [Стефану] было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с княжества Семиградского на коро-

левство Польское и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю» (там же, л. л. 308—308 об.).

¹⁰ Тимофея Романовича Трубецково... сына великого князя Олгерда, у которого твои предков служили Палемонова роду. — Род князей Трубецких (или Трубчевских), окончательно перешедший на русскую службу в начале XVI в., ведет свое происхождение от князя Дмитрия Ольгердовича Брянского-Трубчевского, участника Куликовской битвы (на стороне Дмитрия Донского), сына литовского великого князя Олгерда. 9 июля 1577 г. Т. Р. Трубецкой был отправлен царем из Пскова «наперед себя», «воевать немецкие земли» в направлении на «Владимирец» (Вольмар); Трубецкому было дано для передачи комментируемое послание Полубенскому (см. подробный разрядный список: Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. Военный журнал, изд. Военно-уч. комитетом, 1852, № III, стр. 113—114; ср.: Сибирский сборник, стр. 60).

¹¹ Писан в дому живоначальные Троицы и великого государя Всеволода Гаврила, а в нашей отчине двора нашего из боярские державы: городе в Прескове. — Троицкий собор — главный храм Пскова (др.-русс. Плесков). По названию этого храма, как это часто бывало в древней Руси (напр. Тверь называлась «Спас златоверхий»), именовался и сам город. Всеволод-Гавриил Мстиславич (первая половина XII в.) — первый псковский князь. Всеволод был изгнан из Новгорода и принят псковичами; в дальнейшем он почитался как местный герой (наряду с другим псковским князем — Довмонтом). Выражение «двора нашего из боярские державы» — не понятно.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ

¹ Из Володимерца к пану Яну Еронимовичу со князем Олександром с Полубенским. — Судьба Полубенского во время событий 1577 г. во многих отношениях не ясна. Можно считать несомненным, что Полубенский еще до прихода русских войск был взят в плен самими жителями города Вольмара и выдан Магнусу [об этом говорят совпадающие сообщения Б. Рюссона (Хроника, Прибалт. сб., т. III, стр. 271) и самого Полубенского в его дневнике (стр. 132); сообщением последнего устраняются сомнения на этот счет В. Новодворского (Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой, СПб., 1904, стр. 58—59, прим. 2)]; но когда это произошло — не ясно; дата самого Полубенского [28 июня (?)], как и последующие даты его дневника (напр. дата первой беседы с царем — 1 августа) явно перепутаны (может быть сознательно). Во всяком случае, 28 августа, когда царь готовился к взятию Вольмара, он не знал, где Полубенский, и очень беспокоился о его судьбе (см.:

Ливонский поход, Военный журнал, 1853, V, стр. 105—108); в начале сентября Полубенский несомненно уже был в руках русских. О пребывании царя в Вольмаре 12 сентября (дата комментируемого послания) в других источниках ничего не сообщается; по словам Полубенского, 11 и 15 сентября царь сообщил ему, что он дарует ему жизнь и перешлет с ним письма (Донесение-дневник Полубенского, стр. 136, 137; о вероятных причинах такого превращения Полубенского из пленника, недавно еще пользовавшегося особой нелюбовью царя, в его посланца см. выше, стр. 507). Вместе с посланием Яну Ходкевичу, главнокомандующему польскими силами в Ливонии, царь отправил послания Стефану Баторию, Курбскому, Таубе и Крузе и Тимофею Тетерину.

² кграбя на Шклове и на Мыши, пану Виленскому старосте Жемоитицкому, маршалку земскому великого княжества Литовского, старосте Кобеньскому и державце Плотельскому и Тельшовскому. . . — Ходкевич принадлежал к одному из наиболее влиятельных литовских магнатских родов. Титул графа («кграбя») Ходкевичи получили от германского императора Карла V Габсбурга (когда отец Яна, Иероним, был послом при дворе императора). Перечисленные здесь владения Ходкевича находились частью на территории Белоруссии — г. Шклов (ныне Могилевской обл. БССР) и Мышь (Барановичская обл. БССР), частью на территории Литвы — область Жмудь, г. Вильно (Вильнюс), Ковно (Каунас), Тельшов и Плотеле. Часть титулов Ходкевича Грозный опускает — он не именует его администратором и гетманом Ливонии (специально объяснял этот поступок ниже — в этом же послании), не упоминает еще два белорусских владения Ходкевича — Быхов и Глуск.

³ егда к нам через Лифлянскую землю без короля писаа еси. — Во время борьбы за польский престол в 1572—1575 гг., и особенно во время второго «бескоролья» (после бегства избранного короля Генриха Валуа во Францию в июне 1574 г. и до 1576 г.) царь неоднократно вел (через посредников) письменные и устные переговоры с литовско-польскими магнатами и, в частности, с Яном Ходкевичем. Позиция Ходкевича в отношении русской кандидатуры на польский престол была двойственной и неискренней: в Литве он вел решительную борьбу против этой кандидатуры, опасаясь ее популярности среди литовской шляхты (ср.: А. Трачевский. Польское бескоролье. М., 1869, стр. 262—263), но одновременно поддерживал тайные сношения с русскими послами, уверяя их в своей преданности царю (для того, чтобы удержать его от войны, а может быть, и на случай успеха его кандидатуры) и обвиняя самого царя за недостаточную энергию в борьбе за престол [в беседе с гонцом Ельчаниновым он говорил, что царь «точно через пень колоду валит» (ЦГАДА, Польского двора кн. № 10, л. л. 5—7 об.)]. По совету Ходкевича, царь написал в августе 1575 г. ряд грамот польско-

литовским магнатам, и в том числе самому Ходкевичу (там же, л. 61). В апреле 1576 г. русский посланник Новосильцев [также беседовавший с Ходкевичем, но догадывавшийся о его неискренности (там же, л. 158 об., 162)] привез царю грамоту от Ходкевича (там же, л. 134 об.). Не известно, имеет ли в виду Грозный эту грамоту или какую-нибудь другую (в комментируемом послании говорится о письме «через Лифляндскую землю»).

⁴ Слышах твое велеразумие и храбрость под Улоу и дивихся — и то храбръски еси учинил. — В 1568 г. Ходкевич осадил русскую крепость Улу, но, несмотря на проявленную им при этом личную храбрость и энергию, ему пришлось снять осаду. В своем донесении королю он объяснял эту неудачу «храбростью москвичей и робостью наших» [ср. перевод этого донесения, сделанный С. М. Соловьевым (История России, кн. II, стлб. 201) по книге Nowakowski «Zrčd'a do dziejów Polski» (I, стр. 193)].

⁵ да ещо и пословица та нехороша, что «одми толко ково одмет» — ино тому живет лихо. — Текст этой пословицы, очевидно, искажен в обоих списках грамоты (т. е., видимо, в их общем протографе — может быть, уже у самого Грозного). Вероятно, Грозный имеет в виду поговорку, аналогичную евангельскому изречению: «у неимеющего отнимется и то, что имеет». По-польски (судя по звучанию этой искаженной цитаты, имеется в виду скорее всего именно польская поговорка, вполне уместная в споре с Ходкевичем) эта поговорка могла звучать примерно: «odejmij tylko [u tego] u kogo odjęto». «Неимущий», у которого «отнимают», — это, конечно, Ливония, ставшая после ее распада в 1560—1561 гг. добычей ряда соседних стран (Швеции, Дании, Польши); Грозный возражает против такого «лихого» (зловредного) поведения Ходкевича и других участников раздела Ливонии.

⁶ А в нашей вотчине в Лифлянской земле. . . все. . . под наших коной ногами и под нашим житием учинилося. — Во время русско-польских переговоров после взятия Иваном IV в 1563 г. Полоцка польские послы предлагали такое разделение Ливонских земель: «что государь ваш которые замки держит в Вифлянской земле, то напишите за государем своим; а что Вифлянские земли за государем нашим, и то за государем нашим» (Сб. РИО, т. 71, стр. 279, 371). К сентябрю 1577 г., когда было написано послание Ходкевичу, вся северная Ливония, кроме Таллина, и вся центральная Ливония, кроме Риги и Рижского взморья, находились уже в руках русских.

⁷ чтоб государь ваш послов своих слал к нам не мешкаючи. . . без почестивости братству нашему статися с ним невместно. — «Великие послы» Батория Крыйский, Сапега и Скумин должны были прибыть к Грозному в августе 1577 г., но, узнав о походе царя в Ливонию, за-

держались в пути и отправили ему в Ливонию грамоту, спрашивая, куда им ехать (ЦГАДА, Польского двора кн., № 10, л. 273). Царь получил эту грамоту в лагере под Куконойсом (Кокенгаузен, ныне Кокнесе Латвийской ССР) и 28 августа отправил к послам (из Куконойса) ответ, характеризуя их грамоту (по титулу), как «непригожую» и указывая, что им к нему «на Лифлянскую землю итти непригоже» (там же, л. л. 278 об. — 280; грамота эта входила в сборник грамот 1577 г., — см. «Археографический обзор»). 12 сентября царь передал Полубенскому, наряду с комментируемым посланием, грамоту Баторию, где, напоминая свои права на Ливонию, он советовал королю, чтобы тот «на кровопролитие бы еси хрестыанское на прагнул, и послов своих к нам с почестивостью, для братские приязни посылал неомешкаючи» (КПМЛ, т. II, стр. 28—29). — Термин «почестивость», употребляемый в обеих грамотах, разъясняется из сравнения с посланием Иоганну III: в грамоте шведскому королю Грозный прямо указывал, что государь низшего ранга может вступать в прямые сношения с государем высшего ранга, только «выкупя» у него это право какой-нибудь уступкой (выше, стр. 160; ср.: М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 164).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

¹ Ко князю Андрею к Курбскому со князем Александром с Полубенским. — Второе послание Грозного Курбскому, посланное через Полубенского (в прежние годы связанного с Курбским, — см. выше, комментарий к посланию Полубенскому, прим. 3), навечно, повидимому, воспоминанием Грозного о первом послании Курбского (1564 г.); «краткое отвецание» Курбского на первое послание Ивана IV (см. выше, стр. 529) в это время еще не дошло до царя: отвечая в сентябре 1579 г. царю на данное (второе) послание, Курбский писал: «аз давно уже на широковещательный лист твой отписях ти, да не возмогах послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил царство руское. . .» (А. М. Курбский, Соч., стлб. 135).

² и животворящим своим крестом Амалика и Максентия низложи. — Амалик, по библейской легенде, родоначальник амалекитян, нападавших на Израиль, «враг Иеговы». Максентий — враг первого христианского императора Константина Великого, разбитый в 312 г. (победа эта объяснялась в византийских легендах вмешательством «животворящего креста»). В данном случае речь идет о польско-ливонских крепостях (во время похода 1577 г.).

³ писал еси, что яз разтлен разумом. — Как отметил уже Устрялов (цит. изд., прим. 302), этого выражения в посланиях Курбского Гроз-

ному нет: Курбский попрекал царя «прокаженной совестью», «якова же ни в безбожных [языцех] обретаецца» (см. стр. 534). Но выражение «растлен разумом» тоже было употреблено по адресу Грозного — в послании Гр. Ходкевича Воротынскому, ответ на которое мы помещаем в настоящем издании (см. стр. 266). Не предполагал ли Грозный, что действительным автором «лотровских» (подлых) посланий боярам в 1567 г. был Курбский?

⁴ Попамятуй и посуди. . . ино то уж мы в ногу их не судны. — См. объяснение этого места С. В. Бахрушиным (комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 31). Последняя фраза в тексте не понятна; перевод Штелина (ук. соч., стр. 103): «Wir sind doch nicht auf ihrem Fuß zu richten» (в смысле: «мы с ними не равня») представляется неубедительным; скорее здесь какая-то порча в текстах XVII в. (в переводе мы эту фразу опускаем).

⁵ Его дочерям всякое узорочье покупай. . . а моим дочерем — проклято да за упокой. — Замечание это не понятно; его не пожелал разъяснить в своем ответе на это послание и Курбский, ответив только: «не вем о каких узорочьях» (Соч., стлб. 135). У Курлятева действительно были две дочери, постриженные вместе с ним (ПСРЛ, XIII, 344). Дочери царя (от Анастасии) все умерли в раннем детстве.

⁶ Только бы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было. — «Кроновыми жертвами» царь, повидимому, называет казни бояр: он намекает на смерть своей первой жены Анастасии Романовны, объявляя казни бояр репрессиями за ее гибель. В «Истории о в. к. Московском» Курбский объяснял, между прочим, разгром «избранной рады» тем, что «презлые» оклеветали Сильвестра и Адашева, «аки бы счеровали [околдовали] ее оные мужи» (Курбский, Соч., стлб. 260). Однако ни в официальной летописи, ни в первом послании Курбскому ничего не говорится об убийстве Анастасии, — царь обвиняет Сильвестра только во вражде к ней и в лишении ее какой бы то ни было помощи во время болезни (см. выше, стр. 41). Может быть, возлагая на друзей Курбского ответственность за гибель «юницы», царь и имеет в виду, что благодаря такому обращению с ней, они стали косвенными виновниками ее гибели?

⁷ Ты чево для понял стрелецкую жену? — Курбский и этого намека на недостаточную чистоту его личной жизни не пожелал понять, заявив в своем ответном письме: «а еже пишеши. . . предминаючи и Кроновы и Афродитовы дела, и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пияных баб басни» (Соч., стлб. 135).

⁸ А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити. . . яз такие досады стерпети не мог, — за себя есми стал. —

Князь Владимир Андреевич Старицкий — двоюродный брат царя, сын кн. Андрея Старицкого, четвертого сына Ивана III («от четвертого удельного родился»). После ареста и гибели его отца при Елене Глинской, Владимир Андреевич с матерью был подвергнут аресту; в 1540—1541 гг. в правление Бельских они были освобождены и им был возвращен их удел; Грозный приписывает эту милость себе, ибо считает, как и в первом послании, что в 1540—1541 гг. (когда ему было 10—11 лет) он уже «достиг возраста» и сделал первую попытку сам управлять государством (см. комментарий к первому посланию, прим. 23). Уже в первом послании Грозный упоминает о стремлении бояр возвести Владимира на престол (там же, прим. 29 и 30). В 1563 г. Владимир Старицкий подвергся опале; в 1566 г. у него фактически был конфискован весь его удел. В обстановке ожесточенной борьбы с боярством Владимир Андреевич, несмотря на его «дурость», представлял собою постоянную угрозу для царя. В 1569 г. он был казнен вместе с женой и младшими детьми (ср. о нем в статье: С. Б. Веселовский. Последние уделы в северо-восточной Руси, стр. 103—109).

⁹ А где по грехом, по случаю, животворящего креста явления не было, тут и бой был. — Во время похода в 1577 г. значительная часть городов польской Ливонии [сдалась русским войскам добровольно («явление животворящего креста»), в том числе — Режица, Двинск, Куконойс (этот город прежде добровольно перешел к Магнусу, но при появлении войск Ивана IV уполномоченные Магнуса передали город царю), Эрла. После измены Магнуса (см. выше, стр. 504) Иван в некоторых местах встретил сопротивление; город Венден (Кесь), например, был взят после жестокого штурма (при этом гарнизон взорвал себя, не желая сдаваться). После взятия Вендена ряд городов (Ронненбург, Трикат) опять сдались добровольно (см.: Хроника Рюссова., Прибалт. сб., т. III, стр. 270—276; Ливонский поход, Военный журнал, 1852, №№ I—V; 1853, №№ V, VI).

¹⁰ что мы тебя в дальноконныя грады, кабы опаляючися, посылали. — Об этом упреке Курбского см. в комментарии к первому посланию, прим. 49.

¹¹ Где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере. . . сугнали, и ты тогда дальноконее поехал. — Вольмар не был никогда постоянным местом жительства или владением Курбского. Называя этот город местом «успокоения» Курбского, царь имеет в виду, очевидно, заключительные слова первого послания Курбского: «писано в Волмере, граде государя моего Августа Жигимонта короля, от него же надеюся много пожалован и утешен быти». В 1577 г., во время наступления царя на Ливонию, Курбский также едва ли мог находиться в Вольмаре: к сентябрю—октябрю этого года относятся два документа (жа-

лоба на пасынка, с которым у него были постоянные столкновения, и акт о передаче одного из его волынских имений), написанные Курбским на Волыни (Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, т. I, докум. XXIII и XXIV).

ПОСЛАНИЕ ТИМОФЕЮ ТЕТЕРИНУ

¹ Что писал еси прежь сего. . . Михаилу Яковлевичу Морозову. . . что мы ему не верячи держим жену и дети в закладе. — Грамота Тетерина и Сарыхозина М. Я. Морозову приведена выше (стр. 536). Наместником и воеводой в Юрьеве (Тарту) Морозов был назначен в 1564 г.; в 1569 г. царь назначил его командовать «большим полком» при обратном отвоевании Изборска (Синбирский сб., стр. 23). В 1573 г. Морозов был казнен вместе с М. Воротынским и Н. Одоевским по обвинению в служебной оплошности во время военных действий с Крымом (там же, стр. 39).

² Ино ты рострига богатырь, Изборок изменою взял. — Участие Тетерина в захвате Изборска кн. А. Полубенским (с помощью обмана, — см. комментарий к посланию Полубенскому, прим. 4) отмечается Г. Штаденем; он сообщает о Тетерине: «в Русской земле у великого князя он был стрелецким головой; боясь опалы великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю» (Штаден, ук. соч., стр. 94). В действительности, как мы знаем (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 13), Тетерин был пострижен в монахи по приказу царя и сам «сверг иноческое одеяние» (отсюда и «расстрига-богатырь»).

³ Каковы еси грамоты к нам привозил от Андрея от Шеина. — Тимофей Тетерин участвовал в 1558 г. под командованием А. Шеина и Д. Адашева в завоевании русскими войсками Юрьева (Дерпта, Тарту). 25 июня 1558 г. он был послан Шеиным и Адашевым к Ивану Грозному, чтобы известить его, что «божьим милосердием город Юрьев взяли» (ПСРЛ, XIII, 304). В комментируемом послании царь, очевидно, сопоставляет почетную роль Тетерина в 1558 г. как вестника победы с его нынешней ролью изменника.

⁴ государя твоего. . . — Формально Тетерин не находился на службе у Курбского (ср. список служилых людей Курбского, сделанный Иваном Ивановичем в книге «Жизнь Курбского в Литве и на Волыни», т. I, стр. III—IV). Называя Курбского «государем» Тетерина, Грозный, видимо, имеет в виду их сходное положение, как беглецов-изменников и вместе с тем разницу в ранге между «расстригой-богатырем» и князем (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 2, 3).

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИУ

¹ х королю з гонцом его с Хриштопом з Дершком. — Гонец Криштоф Держко (Держек) был отправлен русскими послами Остафием (Евстафием) Пушкиным и другими, находившимися в лагере польского короля Стефана Батория, к Ивану Грозному 5 июня 1581 г.; 29 июня царь отправил Держка обратно с комментируемым посланием; 15 июля Держек прибыл в Вильно (отчет о его миссии см.: P. Pierling. Bathory et Possevino. Paris, 1887, стр. 107, № XXX). Посольству Пушкина и миссии Держка предшествовал ряд важнейших событий. После блестящих успехов Грозного в 1577 г. в ходе Ливонской войны произошел коренной перелом: новый польский король Стефан Баторий, используя свежие (наемнические) силы, перешел в наступление и завоевал Полоцк, Сокол (осенью 1579 г.), Великие Луки (осенью 1580 г.) и другие белорусские и западно-русские города. Еще раньше, благодаря окончательной измене Магнуса, русскими были потеряны в Ливонии Двинск и Венден (Цесис). В связи с этими неудачами, Грозный, державшийся вначале неуступчивой позиции по отношению к Баторию (см. выше, комментарий к посланию Я. Ходкевичу, прим. 7), стал настойчиво добиваться мира с ним. Однако теперь польский король не хотел мира, и ряд русских посольств в 1579—1580 гг. заканчивается неудачей (см. ниже, прим. 6—19). В момент написания комментируемого послания, отправленного с гонцом Держком, Грозный чувствовал себя более уверенным, чем прежде, так как у него появились сведения о затруднениях в лагере Батория и, вместе с тем, надежда на вмешательство римского папы в русско-польский конфликт (см. стр. 517); однако царь попрежнему хотел скорейшего заключения мира.

² а не по многоятежному человечества хотению. — Грозный намекает на разницу между собой, как наследственным государем «по божьему изволению», и Баторием — королем, избранным на престол сеймом. Этого же сюжета Грозный касается в послании несколько раз, издеваясь над тем, что Баторий именует прежних польских королей (наследственных) своими предками (см. ниже, прим. 8) и т. д. Насмешки Грозного, несомненно, попадали в цель — Баторий очень болезненно реагировал на замечания царя по этому вопросу. В ответ на послание, отправленное с Держком, король послал царю чрезвычайно резкую грамоту, составленную его канцлером Яном Замоиским (РПМЛ, т. II, № 74; ср.: Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882, стр. 52—53, 62—63, 65; Новодворский, ук. соч., стр. 219), в которой, между прочим, содержался ответ и по поводу насмешек над выборным характером власти Батория. В грамоте прославляется шляхетское сословие и говорится, что «лепей [лучше] з доброго шлях-

тича и цнотливое [добродетельной] шляхтенки уродится, ни жили з лихих короля и королевое» (КПМЛ, стр. 204). В заключение грамоты Баторий вызывал Ивана Грозного на рыцарский поединок (стр. 206).

³ Что прислал еси к нам гонца. . . иж бы он. . . до тебя быти не оmeshкал. — По дипломатической традиции того времени Грозный начинает свою грамоту с точного изложения привезенной ему Криштофом Держком грамоты Батория (текст этой грамоты см.: КПМЛ, т. II, № 67, стр. 139). Грамота Батория приведена полностью и только первые лица (в применении к королю) переменены на вторые, а вторые (в применении к царю) — на первые (напр.: «ты бы, ничым его не задерживаючи, к нам отпустил, иж бы он на рок, который есмо послом твоим назначили, до нас быти не оmeshкал» — «нам бы, ничем его не задерживая, к тебе отпустити, иж бы он на рок, который еси послом нашим назначил, до тебя быти не оmeshкал»). Баторий упоминает в этой своей грамоте переговоры с русскими послами Пушкиным и другими, которые он вел в Вильне с мая 1581 г. Русские послы предлагали во время этих переговоров уступить королю всю Ливонию (в том числе ряд городов, еще находящихся в русских руках), за исключением только четырех городов — Новгородка Ливонского (Нейгаузена), Сыренска (Нейшлоса), Адежа (Неймюля) и Ругодива (Нарвы), находившихся у самой русско-ливонской границы (Сыренск находится при истечении р. Наровы из Чудского озера, Адеж — также недалеко от Нарвы; Новгородок Ливонский — около Печоры). Что касается городов, завоеванных Баторием в Белоруссии и в западной Руси, то послы соглашались отказаться от Полоцка (завоеванного Иваном IV в 1563 г. и отвоеванного Баторием в 1579 г.), Озерища и Усвята, но настаивали на возвращении Великих Лук, Холма, Велижа и Заволочья [ср. КПМЛ, т. II, стр. 136; изложение этих предложений у Гейденштейна (Записки о Московской войне, СПб., 1889, стр. 173) не точно]. Баторий, категорически отвергая какие-либо уступки в ливонском вопросе, соглашался вернуть несколько западно-русских городов под условием, чтобы Грозный уничтожил русскую крепость Себеж (еще не захваченную его войсками). Видя неуступчивость послов, Баторий грозил сперва прервать переговоры, но затем разрешил Пушкину послать гонца Держка за инструкциями к царю (КПМЛ, т. II, 139).

⁴ А то не торговля — розговор. — Грозный излагает содержание грамоты О. Пушкина и других послов, привезенной ему К. Держком вместе с грамотой Батория. Текст этой грамоты, сохранившийся в Литовской Метрике (и изданной в КПМЛ, т. II, № 66), короче текста, сохранившегося в русских «Польских делах» (ЦГАДА, Польского двора кн. № 13, л. 7—21), и не содержит ряда мест, процитированных Грозным (напр. замечание панов, что послы «пришли торговать Ливонской зем-

лей», — л. 9 об.), — видимо, несмотря на цензуру панов, Пушкину удалось отправить к царю более пространную грамоту, чем та, которая сохранилась в литовском архиве. Не совсем понятно, что означает выражение «Луки Великие и Заволочье и Ржева пустая и Холм за хребтом [за спиной] в молчаньи [беспрекословно?] покинули», — русские войска к этому времени, действительно, «покинули» перечисленные крепости, но из них лишь Холм достался полякам без серьезного сопротивления (ср.: Гейденштейн, ук. соч., стр. 146, 160, 170). Может быть речь идет о готовности поляков «покинуть» эти четыре пункта, — из ответа Батория на комментируемое послание мы узнаем, что он соглашался уступить Великие Луки, Холм, Заволочье и Ржев при условии разрушения Себежа (КПМЛ, т. II, стр. 186). — «Разговором» на дипломатическом языке того времени назывались неофициальные переговоры [ср. этот термин в переговорах с английским послом Баусом в 1584 г. (Сб. РИО, т. 38, стр. 133)].

⁵ присылал к нам своих великих послов, воеводу Мазовецкого Станислава Крьюжского с товарищи. — Напоминанием о переговорах с Крьюжским царь начинает в этом послании обычное в русских дипломатических грамотах изложение истории переговоров, предшествовавших данному (стр. 215—222). Стефан Баторий, незнакомый с этой дипломатической манерой, был удивлен размерами грамоты Грозного, иронически сказав о ней: «Должно быть, начинает с Адама». Воевода Виленский (Радзивилл) объяснил ему, что царь «пишет все, что только делалось с начала войны» (см.: Дневник последнего похода Стефана Батория, стр. 39). — Польские послы Ст. Крьюжский и другие отправились к Ивану IV еще во время его похода на Ливонию в 1577 г., но царь отказался принять их во время похода (см. комментарий к посланию Я. Ходкевичу, прим. 7), а узнав о походе Грозного, Баторий сам приказал послам задержаться с приездом в Москву; в результате переговоры в Москве начались только в январе 1578 г. (текст переговоров см.: ЦГАДА, Польского двора кн. № 10, л. 315 об. и сл.; также в отдельной рукописи в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. IV. 33). Наиболее спорным был во время переговоров вопрос о «Лифлянской земле». В конце концов польские послы сами предложили: «государь ваш как хочет, так в грамоте своей и пишет, а нам отписати в своем листу про Лифлянскую землю: а что о Лифлянской земле дотычется, и о том вперед договор послом чинити, а либо не писать ничего о Лифлянской земле» (Q. IV. 33, лл. 86 об. — 87). В соответствии с этим предложением присяга производилась над двумя несовпадающими текстами договора: в русском тексте Ливония была записана как вотчина царя, в польском тексте вопрос этот оставался открытым [известие польского историка Гейденштейна (ук. соч., стр. 16) о том, что царь по своей инициативе,

«отложивши в сторону» грамоту польских послов, поклялся на своем экземпляре, является, таким образом, тенденциозно неверным].

⁶ Послали к тебе послов своих. . . Михаила Долматовича Карпова да. . . Петра Ивановича Головина. . . А к нам еси послал гонца своего Петра Гарабурду с бездельною грамотою. — Миссии польского гонца Гарабурды в России и русских «великих послов» в Польше Карпова и Головина проходили параллельно. Гарабурда был отправлен в Москву в марте 1578 г. (еще до возвращения Крыйского); Карпов и Головин выехали в мае того же года. Обе миссии относятся уже к тому времени, когда Баторий, справившись с оппозицией в Гданьске, решил начать войну на востоке. Именно поэтому в грамоте, посланной с Гарабурдой, король подчеркнул, что вопрос о Ливонии остается неурегулированным между обоими государствами (КПМЛ, т. II, № 19). Именно поэтому он с самого же начала повел себя по отношению к русским послам так, что Грозный имел все основания обвинять его в «гордости». Послов задержали уже на границе Литвы, а затем продолжали задерживать в Польше. Карпов, как впоследствии писал Баторий, «идучи до нас по дорозе вмер» (КПМЛ, т. II, стр. 41; Гейденштейн, ук. соч., стр. 33), и руководство посольством перешло к Головину. При приеме послов (в декабре 1578 г.) король сознательно оскорбил царя, не встав при произнесении его имени и не осведомившись о его здоровье. Головин, подчиняясь строго установленному московскому дипломатическому ритуалу, отказался вести переговоры (Гейденштейн, ук. соч.), и пребывание его в Польше затянулось на неопределенное время (послы были задержаны в литовском городке Мсцибове, оказавшись фактически на положении арестованных; король оправдывал этот поступок тем, что Иван задержал в Москве гонца Гарабурду). Такая затяжка переговоров была в интересах Батория: в течение всего 1578 г. и в первой половине 1579 г. он готовился к походу на Русь, собирал наемную армию; в Ливонии его войска уже начали войну и завоевали Двинск и Венден (ср.: Новодворский, ук. соч., стр. 78—86).

⁷ А и в бесерменских государствах тово не ведетца. — Обвинение Батория в «бесерменстве» (сочувствии мусульманам) и ненависти к христианам проходит через все комментируемое послание. Обвинение это имело своим основанием то обстоятельство, что Баторий до вступления на польский престол был (в качестве семиградского князя) вассалом турецкого султана и пользовался его поддержкой в борьбе за престол. Габсбурги обвиняли Батория в зависимости от султана еще во время переговоров с Грозным в 1576 г., но в первое время царствования Батория Грозный не пользовался этим дипломатическим аргументом. Появление этого аргумента в комментируемом послании связано с попыткой сближения с Габсбургами и папой (см. выше, стр. 515): целый ряд мест

в комментируемом послании дословно совпадает с грамотами, посланными Грозным в 1580 г. императору и папе через гонца Истому Шевригина (см.: Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 790—793; т. X, стр. 8—10). Намеки на «бесерменство», как и обвинение в некоролевском происхождении, сильно задевали Батория. Это видно из его ответа на комментируемое послание: «Яко нам смееш припоминать так часто безсурмянство, ты, который еси кровь свою с ними помешал [т. е. — находишься с ними в родстве], которого продкове [предки]. . . кобылье молоко, что укануло на гривы татарских шкап [кобыл], лизали. . .?» (КПМЛ, т. II, стр. 205).

⁸ ни при Ольгерде. . . а коли тех прежних государей пишешь предки своими. — Иван IV перечисляет представителей династии Гедиминовичей, занимавших с начала XIV в. литовский престол (Ольгерд, Витовт — великие князья Литовские), а с конца XIV в. приглашенных на польский престол (начиная с Ягайло, откуда и название династии — Ягеллоны; Ягайло, Казимир, Александр, Сигизмунд I, Сигизмунд II Август — польские короли); он снова намекает на то, что избранный король Баторий не является потомком этих государей.

⁹ Петра Гарабурду к тебе отпустили, а с ним к тебе отпустили. . . Ондreja Михалкова з грамотою. — Гарабурда и Михалков были отправлены Иваном Грозным из Москвы в январе 1579 г. В посланной с Михалковым грамоте [КПМЛ, т. II, № 20; на грамоте стоит дата «январь 7088» (=1580 г.), несомненно ошибочная] царь писал, что вопрос о Ливонии — «дело особое», и предлагал Баторию прислать для обсуждения этого вопроса специальных «великих послов». Русские послы Головин и другие и после отправления Гарабурды в течение полугода оставались задержанными в Польше [отпуск их относится к 1 июня 1579 г. (КПМЛ, т. II, стр. 42) вопреки тенденциозному рассказу Гейденштейна, сообщающего об отпуске Гарабурды после известия об объявлении Баторием войны Грозному (Гейденштейн, ук. соч., стр. 40)].

¹⁰ прислал еси к нам гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою. . . гонца нашего Ондreja к нам отпустил еси, а с ним свою грамоту прислал еси также яряся. — Летом 1579 г. Баторий, полностью подготовившись к военным действиям, решил открыто объявить войну царю. 1 июня он «выбил из своей земли кабы злодеев» русских послов Головина и других, а 26 июня отправил к Грозному своего посла Лопатинского (русский гонец Андрей Михалков был отпущен обратно примерно в одно время с отправкой Лопатинского, — ср. комментируемое послание с заголовком в КПМЛ, т. II, стр. 42). «Лист», посланный с Лопатинским, представлял собою «разметную грамоту» — объявление войны. Баторий ставил в вину царю, главным образом, его военные действия в Ливонии в 1577—1578 гг. (текст грамоты в КПМЛ, т. II, № 22

на белорусском языке не совсем совпадает с польским текстом в «Acta Stephani regis», Acta Historica res gestas Polonia illustrantia, t. XI, Krakow, 1887, № CXIV). Грозный первоначально задержал Лопатинского, но уже в ноябре 1579 г. (после взятия Полоцка) писал Баторию, что, хотя ему до сих пор «не вместилося» отпустить этого гонца, но он вскоре это сделает; в декабре 1579 г. гонец, действительно, был отпущен, но при отправке ему было указано, что «которые люди с такими грамотами ездить, и таких везде казнят; да мы, как есть государь христианский, твоей убогой крови не хотим» (КПМЛ, т. II, стр. 53).

¹¹ и с нашими израдцами, с Курбским и с Заболоцким и с Тетериним. — Участие этих «израдцев» (изменников) в походе на Полоцк подтверждается и в ответе Батория на комментируемое послание (КПМЛ, т. II, стр. 200; о Заболоцком см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 2).

¹² А надеешься не на воинство, на израду! — Осада Полоцка Стефаном Баторием длилась с середины августа до середины сентября 1579 г. Перед началом этой осады король послал защитникам Полоцка грамоту, в которой оправдывал свое наступление против царя и обещал «то, что он [т. е. Иван IV] по отношению к многим людям и вам, его подданным, совершал и совершает, обратить на него самого и освободить христианский народ от кровопролития и неволи» (Acta Stephani regis, стр. 173). Несмотря на этот призыв, Полоцк оборонялся очень энергично и был сдан лишь после пожара в крепости. Героизм русских войск при обороне Полоцка и других городов отмечается даже в ответе Батория на комментируемое послание (КПМЛ, II, стр. 200—201).

¹³ как бы волховным обычаем. — Крепость Сокол была взята гетманом Мелецким (а не Радзивиллом, тогдашним воеводой виленским) вскоре после взятия Полоцка; «новое умышление», примененное при этом, заключалось в том, что крепость была подожжена раскаленными ядрами. Немецкие ландскнехты, участвовавшие во взятии города, умертвили русских пленных, в том числе воеводу Шеина. О происшедшем при взятии Сокола надругательстве над трупами рассказывает Гейденштейн (ук. соч., стр. 79: «многие из убитых отличались тучностью; немецкие маркитантки, взрезывая такие тела, вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это было сделано также у Шеина») и французский историк де-Ту (Thuani Historiarum sui temporis, p. IV, t. II. Lutetia, 1614, стр. 304). В ответе на комментируемую грамоту Баторий (или Замойский, составитель ответа) сделал попытку оправдать этот поступок своих ландскнехтов тем, что «то бывает во всем христианстве, те тела мертвые в малые куски розрезают, присматриваючися члонков всих и внутрности, абы у хоробах [болезнях] и ранах живым помагали» (КПМЛ, II, стр. 202).

¹⁴ «перед маистатом» их не ставят. — В «разметном листе», посланном с гонцом Лопатинским (КПМЛ, т. II, стр. 45), Баторий жаловался царю, что русские послы не сказали ему ни слова (речь идет, очевидно, о посольстве Головина, — см. выше, прим. 6), «кгда перед маестат нави были воззвани», т. е. «когда были приглашены к нашему величеству» (лат. *majestas* — величество). Недовольство этим выражением, обнаруженное Грозным в комментируемом послании, Баторий (или Замойский) объяснил в своем ответе на него тем, что Грозный не понял смысла слова «маестат»: «глупе то и неведоме пишешъ: тым прозвищом латинским значитна моць влады земское, которого слова звычай пошол от речи поспелитое Римское» (КПМЛ, т. II, стр. 198). В ходе дальнейших дипломатических переговоров Грозный отверг это обидное для него обвинение в невежестве: «и мы то ведаем: маистат — государство, а на маистате — государь на государстве, и государь государства болши: приведут к государю, ино то к его лицу, а приведут к маистату, ино то к повеленью к государскому приведут, а не к самому государю, ино то уж ниже, да и хуже» (Памятники дипломатических сношений, т. X, стлб. 223—224). Употребляя здесь слово «государство» в смысле «государское величество» Грозный, таким образом, верно понимает смысл латинского *majestas*; выражение «привести к величеству», действительно, звучало на тогдашнем дипломатическом языке более гордо, чем «привести к государю» (ср. это же выражение у самого Грозного в переписке со шведским королем Иоганном III, выше, стр. 144).

¹⁵ своему ты воеводе Виленскому так укоризнено не напишешъ, как та грамота писана. — После падения Полоцка и Сокола, из Москвы в Литву был отправлен в конце октября 1579 г. гонец Лев (Леонтий) Стремоухов, — формально не от царя, а от Боярской думы (в обстановке польского наступления предложение мира со стороны самого Грозного имело бы унижительный характер). Гонец этот должен был передать литовским панам просьбу московских бояр — убедить их государя начать мирные переговоры. В своем ответе, посланном с тем же Стремоуховым, члены литовской рады обвиняли царя в том, что он «жадает чужого», в частности — «земли его королевское милости Лифлянскую и Курлянскую», и отказывались послать послов к русскому государю, но соглашались принять русских послов, обещая во время их путешествия в Польшу не вести военных действий (изложение этой грамоты см.: КПМЛ, т. II, стр. 59; Гейденштейн, ук. соч., стр. 101). Грамота литовской рады не удовлетворила Боярскую думу, — в ответе на нее, написанном в феврале 1580 г., русские бояре писали: «винешная грамота, што есте прислали к нам именуючи опасною грамотою, не по прежнему обычаю прислано: того николи не бывало, а издавна вам, паном радам и братии нашей самым в ведоме, што господара нашего послы

и посланники наперёд литовских послов не хаживали» (КПМЛ, т. II, стр. 61).

¹⁶ И ты нашего дворянина Григорья к нам отпустил. . . а срок еси учинил нашим послом у себя быти, как невозможно не токмо что послом поспети, ни гонцу к тому сроку не бывать. — Гонец Нащокин был отправлен Иваном Грозным к Баторию в апреле 1580 г.; как и предыдущий гонец, т. е. Стремоухов, он должен был убедить польского короля начать мирные переговоры (но выступал на этот раз уже прямо от имени царя, а не от бояр). Когда ему не удалось убедить Батория начать переговоры первым, он, согласно имевшейся у него инструкции, предложил королю послать «опасный [охранный] лист» для русских послов. Король согласился на это, но сперва совсем отказался соблюдать перемирие на время переговоров, издевательски заявляя, что, если он будет в походе, то «ближей послом вашим до нас прийти и доброе дело становити будет», а затем согласился на короткое перемирие сроком в пять недель (от 14 июня 1580 г., когда была дана его «опасная грамота», см.: КПМЛ, т. II, № 41 и № 42). За это время он полностью подготовился к походу и следующих русских гонцов и послов принимал уже в лагере (ср.: Новодворский, ук. соч., стр. 132).

¹⁷ И мы видячи твое нежаленье о хрестьянстве. . . посольство их все изрушилося. — Гонец Шишмарев прибыл к Баторию в местечко Чашники (место это Баторий нарочно избрал для встречи русских послов, так как из него шла дорога и в Смоленск и к Великим Лукам, и было непонятно, куда он собирается идти походом) 19 июля 1580 г., в день, когда истек установленный Баторием срок перемирия; Грозный просил через этого гонца продлить срок перемирия, чтобы могли успеть приехать его «великие [полномочные] послы»; Баторий отказал в этом и двинулся через Витебск на Великие Луки (Гейденштейн, ук. соч., стр. 109—111). 7 августа польским войскам сдался (после четырехдневной осады) Велиж, 16 августа — Усвят; Озерище, вопреки указанию комментируемого послания, было взято Баторием значительно позже — после падения Великих Лук. 27 августа Баторий начал осаду Великих Лук, а 28 августа к нему прибыли «великие послы» царя — Сицкий, Пивов и другие. Послы стали непосредственными свидетелями осады города, находясь в лагере осаждающих в «особливом намете» (шатре); как сообщает приписка к тексту их «речей», записанных литовскими канцеляристами, «по их выеханью был замок запален так, иж они огонь видели» (КПМЛ, т. II, стр. 104). Несмотря на это послы проявили большую настойчивость и упорство, соглашаясь уступить только те города в Ливонии, которые (после окончательной измены Магнуса) все равно перешли в польские руки, и несколько западнорусских городов, захваченных Баторием. Переговоры прервались (послы предложили обратиться к царю за новыми

инструкциями) еще до взятия Баторием Великих Лук (6 сентября 1580 г.).

¹⁸ А к нам еси прислал гонца своего Григорья Лазовицкого з грамотою и с ним отпущал нашего сына боярского Микифора Суцова. . . а другово еси гонца своего Гаврила Любощинского прислал к нам. — Гонец Григорий Лазовицкий был отправлен Баторием к Грозному 5 сентября 1580 г. (накануне взятия Великих Лук); вместе с ним ехал Никифор Суцов — гонец к царю от находившегося в Польше русского посла Сицкого. В грамоте, врученной гонцу, король требовал от царя уступки всей Ливонии (КПМЛ, т. II, № 54). Через несколько дней к королю прибыла грамота от царя с извещением об отвоевании русскими у поляков захваченного ими на время Крейцбурга (там же, № 55). Баторий в ответ на это послал к царю гонца Любощинского, «похваляясь», что он взял Великие Луки (там же, № 56).

¹⁹ И волочил еси наших послов. . . не без накладу ж. — После неудачных переговоров в августе 1580 г. русские послы Сицкий и другие оставались в Польско-Литовском государстве и продолжали переговоры до февраля 1581 г. Осенью 1579 г. они встретились с литовскими панами в Невеле и, на основании новых инструкций царя (КПМЛ, т. II, стр. 120), согласились уступить польскому королю все города по Двине, завоеванные в 1577 г., а также замки Каркус и Трикат, требуя возвращения из завоеванных Баторием городов только Великих Лук, Невеля и Велижа; судя по материалам «Метрики Литовской», предложение это не было принято (КПМЛ, т. II, № 59; о каком соглашении под Невелем говорит Грозный в комментируемом послании — не ясно). Во время переговоров в Варшаве в феврале 1581 г. послы согласились еще на уступку Вольмара, но паны заявили, что ими на войну «великий наклад учинен» и что в одной (Ливонской) земле не могут быть «два пана» (КПМЛ, т. II, стр. 126).

²⁰ Миколай Янович Радзивил. . . — по прозвищу Черный, воевода Виленский, один из крупнейших политических деятелей времени Сигизмунда II Августа (умер в 1565 г.), активный деятель польской реформации (кальвинист). Радзивилл от имени польского короля вел переговоры с Кетлером и добился подчинения южной и центральной Ливонии Польше в 1559 г. (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 41 и след.). Замечание Грозного о том, что первопричиной вмешательства Польши в ливонские дела было «люторство», стоит, вероятно, в связи с его переговорами с папой в момент написания комментируемого послания.

²¹ неоднотайные речи. — «Неоднотайные» — противоречивые (ср. польск. *jednostajny* — единообразный). — Грозный точно цитирует два дипломатических заявления Сигизмунда II Августа: из речей поль-

ских послов Типкевича (Тышкевича) в марте 1559 г. (Сб. РИО, т. 59, стр. 578) и из грамоты, привезенной посланником Мартином Володковым (Володковичем) в начале 1560 г. (там же, стр. 603, 606—607). События, о которых упоминалось в первой грамоте польского короля, происходили в 1556—1567 гг. Архиепископ Рижский Вильгельм маркграф Бранденбургский (брат герцога Альбрехта Прусского и племянник Сигизмунда II Августа) подвергся нападению со стороны магистра ордена (магистр подозревал его, не без основания, в стремлении поставить Ливонию под польский протекторат). Архиепископ Рижский был взят в плен, но в дело вмешался польский король и принудил магистра к полной капитуляции (см.: Хроника Рюссова, Прибалт. сб., т. II, стр. 347—350). Разница между содержанием двух грамот, отмеченная царем, объясняется тем, что в августе—сентябре 1559 г. Кетлером был заключен договор (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 41), по которому южная и центральная Ливония перешла под польскую власть.

²² послали списки в сей же своей грамоте. — К комментируемому посланию были приложены две договорные грамоты [сохранились только в «Метрике Литовской», так как в списке ЦГАДА — пропуск (см. «Археографический обзор»)], заключенные в княжение Василия III, отца Ивана IV, между новгородскими и псковскими наместниками Василия, с одной стороны, и Ливонским орденом — с другой; одна из них относится к 1509 г. (КПМЛ, т. II, № 70), другая — к 1522 г. (там же, № 69). В грамоте 1522 г. говорится, что магистр и другие власти Ливонии «били челом», за то, что перед этим они «отстали от Новгорода и Пскова, «пристали к королю Польскому и великому князю Литовскому»; теперь, говорится в грамоте, они окончательно «отстали» от Польского короля (там же, стр. 157).

²³ прадеду нашему. . . великому государу Василью Васильевичу. — Челобитье Василию Темному, о котором идет речь в этой грамоте, имело место, очевидно, после неудачного нападения ливонцев в 1459 г. на псковские земли. В 1460 г., с согласия в. к. Василия, Новгород и Псков заключили с Ливонией перемирие на пять лет (Псковские летописи, 1941, стр. 56—57).

²⁴ а у нас была наша отчина в прикладе. . . а хоти и преложонных они имали. . . ино потому Лифлянтская земля ваша же ли? — Слово «приклад», которым в данном случае царь характеризует отношение Ливонии к Руси, — разъясняется из контекста: Грозный указывает, что Ливония была «наша прикладная отчина, как у тебя Прусы». Прусский герцог — вассал Польши; Грозный, следовательно, «вотчиной в прикладе» именует вассальную (ленную) территорию. Так понял это место и Баторий: возражая на комментируемое послание, он (или Замойский —

составитель ответа) писал, что, если бы Ливония была у русского царя в «ленном голде» (т. е. в вассальной зависимости), то сохранились бы «привилеи» и другие документы ленных отношений, и русские государи предлагали бы на утверждение «папезу» ливонских «бискупов», как это делают польские короли с Пруссией (КПМЛ, т. II, стр. 188—190). О рижском архиепископе Вильгельме см. выше, прим. 21.

²⁵ А Ягайло и Витолт так с Прусы битву вели, и предки твои с Кондратом, князем Мазовецким воевалися. А ко отцу нашему. . . присылал к нему бити чолом княже Прусский Ольбрехт. . . — В 1410 г. Витовт в союзе с Ягайло и русскими князьями одержал над Прусским орденом победу под Грюнвальдом. — Конрад Мазовецкий вел переговоры с Иваном III о союзе против Ягеллонов в 1493 г. (см. Сб. РИО, т. 35, № 21). Герцогство Мазовия (главный город — Варшава) сохраняло независимость от Польши (столицей ее был Краков) до начала XVI в. — Альбрехт, последний магистр Прусского ордена (впоследствии первый прусский герцог), вел переговоры с Василием III о союзе против Сигизмунда I в 1517—1520 гг. (этими переговорами занят весь т. 53 «Сборников РИО»).

²⁶ ко Кгданьску ходил ратью? Ведь он твой, и к своему почто ратью ходить? — Грозный вспоминает о войне, которую Баторию пришлось в начале его царствования вести с городом Гданьском (Данцигом). Чтобы оценить всю колкость этого замечания, следует помнить, что жители Гданьска в 1576—1577 гг. отнюдь не считали себя подданными Батория, а признавали своим королем габсбургского императора, одновременно поддерживая сношения с другими врагами короля, в частности (по польским известиям) и с русским царем и его тогдашним вассалом Магнусом (Археографический сборник документов, относящихся к истории сев.-зап. Руси. Вильно, 1867, т. IV, стр. 30).

²⁷ и с которыми немцы к Вилне ратью приходил. . . — Речь идет о походе Витовта в 1390 г. против его двоюродного брата Ягайло, занимавшего в то время польский и литовский престол; в результате этого похода престол в. к. Литовского был уступлен Витовту. Витовт пользовался в этой борьбе поддержкой Ливонского ордена — «пойдет князь великий Витовт с немцами до Вилни. . . и оступят город Вилню» (ПСРЛ, XVII, 165). Иван Грозный приводит этот факт, как доказательство того, что орден не только не был частью Польско-Литовского государства, но, наоборот, сам играл активную роль в судьбе этого государства.

²⁸ папа их уложил, что однако вера греческая и латинская, и они то разрушают и отводят людей от греческой веры к латинской. — Положительная оценка, которую дает здесь Грозный Флорентийской унии 1439 г., и его готовность признать «латин» «однакими» (едиными) с «греческой» (православной) верой находятся в резком противоречии с обыч-

ной, резко отрицательной оценкой этой унии и «латинства», принятой в Московской Руси и, несомненно, разделявшейся и Грозным (ср. замечание о «латинской ереси» в грамоте, написанной от имени Воротынского, — см. стр. 269). Несомненно, что приводимое высказывание Грозного об унии представляет собой дипломатический прием, рассчитанный не столько на польского короля, сколько на папу, с которым царь в это время начал переговоры.

²⁹ и иново ничего не дали писати. — Грозный здесь возвращается к истории посольства Сицкого под Великими Луками (в 1580 г.); Н. Суцзов был отправлен Сицким вместе с гонцом Батория Гр. Лазовицким (см. выше, прим. 18).

³⁰ А город Себеж, который... еще не в звершеные свои лета... поставили. — Крепость Себеж была построена русскими в 1536 г. на отвоеванной у польско-литовского короля территории. В феврале 1537 г. послы польского короля Сигизмунда I («Старого»), при заключении русско-польского перемирия согласились «поступить» города «Себежа» (Сб. РИО, т. 59, стр. 101).

³¹ во всяком опасном листе пишется так... уведай... А что они тебе объявили, что они полную науку имеют, а зсылаешьс на их грамоту, и по сей твоей (?) грамоте, что к нам послы наши писали (?). — В «верующем листе» (верительной грамоте) послов Пушкина и других содержалась традиционная фраза: «и что они учнут тебе, брату нашему, Стефану королю говорить, и ты б им верил, то есть наши речи» (КПМЛ, т. II, № 63); Баторий повторил эти слова в грамоте, посланной с Держком (там же, стр. 139). — Дальнейший текст не вполне ясен (может быть, тут какой-нибудь пропуск в тексте?); переводим его приблизительно.

³² И так тебе послы наши поступалися болшей семидесят городов. — Условия мира, предложенные О. Пушкиным, см. выше, прим. 3. Говоря об уступке Курляндии Баторию, Грозный имеет в виду формальный отказ от этой части его «извечной вотчины», — фактически же Курляндия никогда не находилась в его руках:

³³ ино так младеньцов омыляют, как твои нанове то говорили: а нам в том которой прибыток? — «Омылять» (польск. *omylić*) — обманивать, надувать. — Дрисса — крепость при слиянии р. Дриссы и Западной Двины, в 1565 г. была занята русскими, в 1581 г. обратно отвоєвана Баторием.

³⁴ особную свою грамоту послали. — Вместе с комментируемым посланием Иван передал Баторию через Держку специальную грамоту по вопросу о задержке купцов (КПМЛ, т. II, № 71; аргументация здесь та же, что и в комментируемом послании: Грозный предлагает также

выдать купцов до истечения военных действий в обмен на пленных русских бояр и дворян).

³⁵ и к тому бы сроку хоть и поспел. — Баторий требовал, чтобы Держжек вернулся к послам — Пушкину и другим — через три или самое большее четыре недели (КПМЛ, т. II, 139), т. е., примерно, к началу июля 1581 г. (он выехал 5 июня). Приехал он в Москву только к 20 июня (ЦГАДА, Польского двора кн. № 13, л. 4), отпущен был 30 июня (срок необычайно короткий для московских дипломатических обычаев), но в Вильну смог приехать только к 15 июля.

³⁶ Амалик и Сенахерим или якож при Хоздрое Сарвар воевода. — Амалик и Сенахерим — библейские «неблагочестивые цари», враги Израиля. Сарвар — полководец Хозроя II, персидского царя, воевавшего с Византией в начале VII в. Легенда о Сарваре содержится в Хронографе (ПСРЛ, XXII, 304—305), — в ней рассказывается, что император Ираклий I, не надеясь на свои силы, «предал свой град» богородице, и она его защитила; потрясенный Сарвар обратился к Ираклию с покаянным письмом (приводимых Грозным надменных слов Сарвара в Хронографе нет).

³⁷ хотим с тобою в перемирье быти по тому, как есмо ныне к тебе писали. . . и велели тебе говорить. — Новые условия перемирия, посланные царем своим послам через Держжку, заключались в следующем: царь соглашался уступить Баторию в Западной Руси еще три города — Великие Луки, Холм и Заволочье, но желал за это удержать в Ливонии, кроме городов, упомянутых Пушкиным и другими, еще несколько, в том числе Юрьев. Условия эти были отвергнуты польским королем (КПМЛ, т. II, стр. 176), но, по словам королевского секретаря Пётровского, в польском лагере были лица, считавшие, что «ради мира мы могли бы довольствоваться этим, имея в своих руках Луки, Полоцк и свободное плаванье по Двине, лишь бы был мир, а не перемирье» (Дневник последнего похода, стр. 44—45, 49).

ПОСЛАНИЯ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ И ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БОЯР

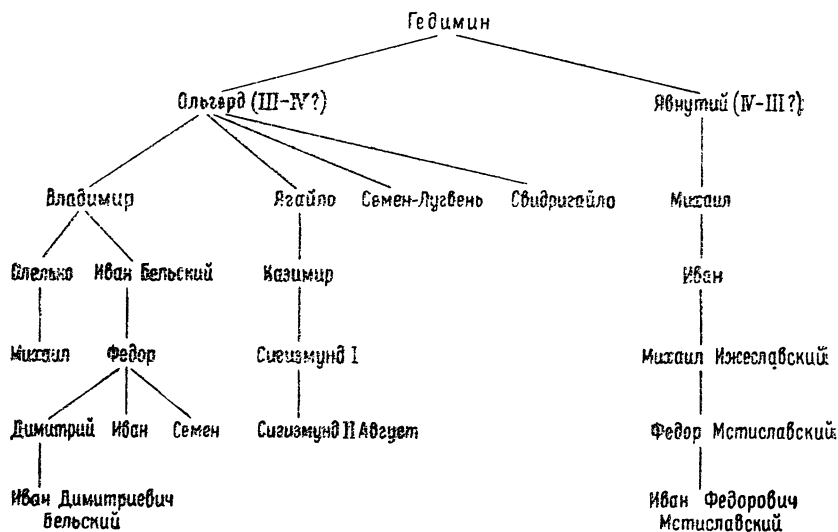
¹ Присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова. — Об этой тайной миссии Ив. Козлова в других русских источниках известий нет. Из текста восьми комментируемых посланий мы узнаём, что Иван Козлов был служилым человеком князей Воротынских, перешедшим на польскую службу, что Сигизмунд II Август и гетман Григорий Ходкевич переслали через него грамоты четырем видным русским боярам — И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и И. П. Федорову (Челяднину), предлагая им изменить Грозному.

и что в ответ на эти грамоты были написаны комментируемые послания, чрезвычайно сходные между собой и составленные несомненно одним автором (вероятно, самим царем, — см. «Археографический обзор»). Из современной этим событиям польской хроники Мартина Бельского мы узнаём ряд дополнительных фактов об этой миссии Козлова. По словам М. Бельского, Козлов, бывший в Москве официально в качестве посла, вступил там в тайное соглашение с «виднейшими панями» Московского государства против царя; «паны» эти обещали перейти на сторону польского короля и «выдать связанного московского князя», если король выступит на помощь им с войском. Сигизмунд II, рассказывает М. Бельский, уже «выступил собственной особой» и дошел до Радомковиц, но Иван IV раскрыл тайные переговоры Козлова и посадил его на кол (Kronika Marcina Bielskiego, ks. V. Warszawa, 1832, стр. 174—175). Хотя это известие М. Бельского не может считаться вполне точным (известие о казни Козлова противоречит тому обстоятельству, что с ним, как указано в комментируемых посланиях, были отправлены ответные грамоты), оно все же чрезвычайно ценно и находит косвенное подтверждение в других источниках [немец-современник А. Шлихтинг тоже писал о заговоре против Грозного во время похода Сигизмунда II к Радомковицам (Шлихтинг. Новое известие о России времени Грозного. Л., 1934, стр. 28)]. Тайный заговор, обнаружившийся благодаря захвату грамот, привезенных Козловым, несомненно был одной из причин террористических мероприятий Грозного в 1568—1569 гг. (прежде всего — причиной казни Челяднина, одного из адресатов Сигизмунда II и Ходкевича).

² а в листе своем к нам писал еси. . . нас для пожалуень. — В начале послания И. Д. Бельского пересказывается грамота к нему Сигизмунда II Августа, пересланная через Ивана Козлова. При пересказе этой грамоты автор по обычаю переставляет лица (по сравнению с оригиналом) с первых на вторые и наоборот (ср. в послании Стефану Баторию и в комментарии к нему, прим. 3), но делает при этом несколько ошибок (ставит второе лицо на место третьего, когда речь идет о «человеке» вообще: «бог. . . всякой почестью тебя посетил»; оставляет первое лицо множественного числа в словах Сигизмунда II: «яко жадаем»). — И. Д. Бельский — один из влиятельнейших бояр Грозного, глава Боярской думы. Род Бельских перешел под московскую власть из Литвы в конце XV в., в связи с преследованиями, которые начались в это время в Литве против западнорусских феодалов греческого (православного) вероисповедания. Дед И. Д. Бельского, Федор Иванович, бежал (в 1482 г.) из Литвы тайно и поэтому не сохранил своих прежних владений (на территории б. Смоленского княжества); но брат Федора, Семен Иванович, «перешел» к Ивану III (в 1499 г.) с огромными территориями — Гомелем,

Стародубом, Любечем и Черниговом (оставшимися в результате последовавших военных действий за Московским государством). Несмотря на видное положение И. Д. Бельского при Грозном, Сигизмунд II Август имел, очевидно, основание рассчитывать на его измену: в 1562 г. И. Д. Бельский уже делал попытку «бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял» (ПСРЛ, XIII, 340).

³ А што писал еси о предках наших. . . дед наш и прадед были и своего столца, великого княжества Литовского, лишены. — Для понимания притязаний И. Д. Бельского, а также И. Ф. Мстиславского, изложенных в этом и последующих посланиях, приводим родословную таблицу потомков Гедимина (отмечая в ней только имена, упоминаемые в комментируемых посланиях); в качестве источника используем родословия великих князей литовских XVI в., изданные в приложении к «Западно-русским летописям» (в ПСРЛ, XVII); родословия эти расходятся между собой в вопросе о старшинстве Ольгерда и Явнутия (ср.: стр. 597—600 и стр. 610—612):

Владимир Ольгердович — прапрадед И. Д. Бельского (в тексте он один раз ошибочно называется прадедом); с 1377 по 1395 г. был князем Киевским (вассалом своего брата, в. к. Литовского Ягайло); после вступления Ягайло на польский престол и передачи литовского

престола Витовту Владимир Ольгердович был лишен киевского престола и получил в вотчину небольшой город Копыль (ПСРЛ, XVII, 80, 94 и др.). Семен-Лугвень и Свидригайло — младшие братья Ягайло: Семен несколько раз (начиная с 1389 г.) занимал новгородский престол (сохраняя при этом вассальные отношения к Ягайло). Свидригайло был с 1430 по 1432 г. великим князем Литовским; в 1432 г., недовольный самостоятельностью его политики (Свидригайло опирался, главным образом, на западнорусских феодалов), Ягайло признал великим князем Литовским соперника Свидригайло — Сигизмунда Кейстутовича; разбитый в 1435 г., Свидригайло принужден был бежать из Литвы. Михаил Олелькович (внук Владимира Ольгердовича) был в 1471 г. приглашен антимосковской партией (Борецкие и др.) в Новгород (это было поводом к походу Ивана III на Новгород).

⁴ царского величества... почесть ко мне велика... иных и выше оседем. — И. Д. Бельский действительно занимал весьма видное положение в те годы. Несмотря на опалу 1562 г., в 1565 г. после учреждения опричнины царь приказал ему и И. Ф. Мстиславскому «ведати... государство свое Московское, воинство, суд и управу и всякие дела земские» (ПСРЛ, XIII, 395); Бельский, таким образом, был поставлен во главе «земщины» — области, оставшейся в прежней системе управления. Бельский неоднократно (в 1564, 1565, 1569, 1570 гг.) командовал русскими войсками в войнах с Крымом и Польско-Литовским государством.

⁵ И будет похощ брат наш, и ты б нам поступился... то суть наши речи. — Весь этот заключительный раздел комментируемого послания носит пародийно-издевательский характер [как и заключительные слова, приглашающие «верить» Козлову, — пародия на традиционную формулу верительных грамот (ср. выше, комментарий к посланию Баторию, прим. 31)]. Территория, которую польский король «приглашался» уступить Бельскому и другим боярам (см. следующие послания), составляла большую часть его владений. «Русская земля», о которой речь идет в послании от имени Бельского, — это западнорусские (белорусские и украинские) земли, находившиеся под властью великих князей Литовских (польских королей). — Вел. князь Литовский Витовт был вассалом польского короля Ягайло.

⁶ Григорью Хоткееву. — Послание И. Д. Бельского является ответом на грамоту Григория Ходкевича, присланную с Иваном Козловым; содержание грамоты Ходкевича не пересказывается, так как Ходкевичу, по мнению автора, не «пригоже» было писать к Бельскому без «повеления» последнего. Гр. Ходкевич — великий гетман Литовский, дядя Яна Иеронимовича Ходкевича (о роде Ходкевичей см. выше, комментарий к посланию Я. Ходкевичу, прим. 2). Гр. Ходкевич играл видную роль

во многих русско-литовских столкновениях (см., напр., ПСРЛ, XIII, 390) и был, вероятно, инициатором тайной миссии Козлова. «Хоткеев» — пренебрежительное искажение фамилии Ходкевича с целью подчеркнуть его незнатность (окончание на «вич» считалось в древней Руси привилегией знатных лиц).

⁷ Пивовы — дворянский род, происходящий от смоленского окольничего Михаила Васильевича Пивова, взятого в плен русскими (он был литовским подданным) при Василии III. Один из представителей этого рода, думный дворянин Роман Пивов, выполнял при Иване Грозном и Федоре Ивановиче ряд дипломатических поручений (см. выше, стр. 220; ср. Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 1331).

⁸ королеву твою Барбару. — Варвара Радзивилл, вдова воеводы троцкого Гаштольда, была второй женой короля Сигизмунда II Августа. Несмотря на протесты знати (ср. ПСРЛ, XVII, 353—354, 412), Сигизмунд II Август в 1548 г. официально провозгласил ее королевой Польши. В 1550 г. Варвара была коронована, а спустя несколько месяцев скоропостижно скончалась; современники считали, что она была отравлена по приказу матери короля королевы Боны (из итальянского рода Сфорца).

⁹ А што еси писал о предках наших. . . и того боже уховай поминати. — О происхождении Мстиславских и их претензиях на литовский престол см. выше, прим. 3. Сын Гедимины Явнутий был свергнут с литовского престола своими братьями Ольгердом и Кейстутом в 1345 г.; в числе других «убогих местец» ему был дан город Ижеславль (ср.: ПСРЛ, XVII, 72, 143 и др.); потомки его поэтому именуются князьями Ижеславскими (фамилия Мстиславских была получена ими позже, по женской линии). В 1514 г., после взятия Василием III Смоленска, князь Михаил Иванович Ижеславский-Мстиславский перешел к русскому государю со своими вотчинами, но затем (после первых неудач русских войск) вернулся назад под литовскую власть. В 1526 г. окончательно перешел на Русь отец И. Ф. Мстиславского — Ф. М. Мстиславский.

¹⁰ мне царского его величества жалованье и почесть велика. . . нных и выше оседеуем. — И. Ф. Мстиславский занимал при дворе Ивана Грозного почти столь же видное место, как и И. Д. Бельский [С. Б. Веселовский (Последние уделы в сев.-вост. Руси. Историч. записки, т. 22, стр. 118) полагает даже, что Мстиславский был влиятельнее Бельского]; вместе с последним он управлял «земщиной» (см. выше, прим. 4), неоднократно командовал армией во время военных походов (ПСРЛ, XIII, 184, 323). Так же как Бельский, И. Ф. Мстиславский не пользовался, повидимому, полным доверием царя: в 1571 г. им была дана загадочная «запись», в которой он сознавался в своей измене царю, его детям и «всему православному крестьянству» (СГГ и Д, т. I, № 196); после этой записи Мстиславский, однако, сохранил свою должность и владе-

няя. Упоминаемый в комментируемом послании Семен-Лугвень — литовский князь, княживший в Новгороде (см. выше, прим. 3), был предком И. Ф. Мстиславского по женской линии.

¹¹ Грише Хоткееву. — Послание Мстиславского Ходкевичу почти идентично с посланием Бельского к тому же лицу; мы поэтому оставляем его без перевода.

¹² Прислал еси до нас... ласку вашу государскую вдячне показовати хотите. — В начале послания М. И. Воротынского подробно пересказывается грамота к нему Сигизмунда II Августа. Воротынские — ветвь князей Новосильских, одной из «верховских» (княживших на верховьях р. Оки) княжеских семей, перешедших под московскую власть в 80-х годах XV в. Как и другие потомки князей Новосильских (Одоевские, Оболенские и др.), Воротынские вели свое происхождение от князя Михаила Черниговского, а через него от черниговских Ольговичей — Святославичей (потомков среднего сына Ярослава). С этим связано замечание Сигизмунда II Августа, что род Воротынских «годеи быть равное с предками» Ивана IV. Чтобы не допустить мысли о «ровности» Воротынских «таким государем великим», послание, написанное от имени М. И. Воротынского, сознательно преуменьшает его родовитость: если в посланиях обоих Гедиминовичей (Бельского и Мстиславского) всячески подчеркивалось их равенство с их «братом» Сигизмундом II Августом, то в послании Воротынского ничего не говорится о его происхождении, и Сигизмунд II Август не именуется «братом» (автор послания обращается к Сигизмунду II с местоимением «вы», хотя часто сбивается на более обычное «ты»). Отец М. И. Воротынского, Иван Михайлович, упоминаемый в грамоте Сигизмунда II Августа, попал в опалу в 1534 г., в связи с изменой С. Бельского и Ив. Ляцкого (ПСРЛ, XIII, 83; см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 21).

¹³ ино наших великих государей волное царское самодержество не как ваше убогое королевство... тебе в жалованье государство и дали. — Автор послания противопоставляет самодержавие русских государей, происходящих от «Августа-кесаря» (см. об этом выше, комментарий ко второму посланию Иоганну III, прим. 21, и комментарий к посланию Полубенскому, прим. 2), польскому «убоному королевству». При этом он излагает две версии относительно происхождения литовско-польской династии Ягеллонов, существовавшие в родословиях XVI в. Согласно одной из этих версий, Ягеллоны (Гедиминовичи) происходят от полоцких Рогволодовичей (которые, в свою очередь, были потомками Владимира Святославича Киевского, т. е. Рюриковичами); Рогволодовичи были изгнаны Мстиславом Владимировичем (сыном Мономаха) из Полоцка и бежали в Царьград, а затем «Вильняне взяша собе» их «ис Царяграда» (ПСРЛ, XVII, 573 и 593). Согласно другой версии (которую

сам автор послания считает «враньем безлепичников»), предок литовских князей Гедимин («Гегиминик») был не потомком княжеского рода, а рабом — конюшим «князьца» Витеня, женившимся на вдове «князьца» (ПСРЛ, XVII, 589, 602—603). Почему автор послания считает, что, в случае верности второй версии, Ягеллонов следует считать потомками Сангушковичей (польские князья Сангушки — потомки Гедимины), — не понятно.

¹⁴ сестра твоя Анна. . . также сестра твоя Катерина. — Сестра Сигизмунда II Августа Анна не была выдана при его жизни замуж (она вышла замуж значительно позже, за Стефана Батория). Относительно брака между второй сестрой короля Екатериной Ягеллон и Иваном IV велись переговоры в 1560—1561 гг. (Сб. РИО, т. 71, №№ 1, 2, 3), но они не привели к успеху (с 1562—1563 гг. начинается русско-польская война из-за Ливонии), и Екатерина была выдана замуж за шведского принца Иоганна Финляндского (будущего Иоганна III; о дальнейшей судьбе Екатерины см. в тексте обоих посланий Иоганну III и в комментарии к первому посланию, прим. 8, ко второму посланию, прим. 23). Иван Грозный в течение многих лет интересовался судьбой Екатерины, считая, что она была выдана за представителя «мужичьего рода» Ваз поневоле. В 1570 г. русские послы в Польше доносили царю о Екатерине: «королева свейского [Иоганна III] не любит, что он с курвами блядует, а приказывает к брату своему к Жигимонту-Августу королева: хотя б, деи, яз у московского избу имела, ино б мне лутче Швецкого королевства» (Сб. РИО, т. 71, стр. 801).

¹⁵ У волного парьского самодержьства во чти есмя. . . отчину свою по своему достоинству держу. — М. И. Воротынский был одним из наиболее выдающихся полководцев Ивана Грозного. Уступая Бельскому и Мстиславскому в «совете» (думе), он играл особенно видную роль в военных походах Ивана IV. Вместе с И. Ф. Мстиславским он командовал русскими войсками уже при взятии Казани (ПСРЛ, XIII, 482), в последующие годы был одним из руководителей обороны южной (крымской) границы. В 1572 г., уже после написания комментируемых посланий, он одержал блестящую победу над крымским ханом Девлет-Гиреем (см. выше, комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 10). В 1573 г. Воротынский был казнен (вместе с Морозовым и Одоевским) за какую-то служебную оплошность в войне с Крымом (Синбирский сб., стр. 39).

¹⁶ Что прислал еси к нам лист. . . приязни нашей милости пощаешься. — В начале послания Воротынского Гр. Ходкевичу подробно пересказывается грамота к нему последнего. Если для Бельского и Мстиславского считалось унизительным всякое общение с их «подданным» «Ходкеевым», то Воротынский, хотя и не ставил себя вровень с Ходкевичем,

мог все же достаточно пространно отвечать на его грамоту. В грамоте Гр. Ходкевича заслуживает внимания упоминание об опричнине и А. М. Курбском. О последнем Ходкевич писал в довольно пренебрежительном тоне, подчеркивая его «мало не двадцатое» место среди московской знати. Такая характеристика Курбского может объясняться тем обстоятельством, что в это время «государев изменник» уже несколько утратил свое влияние на Сигизмунда II Августа и вступил во вражду с многими представителями польско-литовской знати (см.: Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. I, докум. I, II, III). — Ходкевич упоминает о вотчине Воротынских, попрежнему находящейся в их руках. Речь идет о Новосиле, Одоеве, Перемышле и части Воротынского, т. е. о территории на верховьях Оки у литовской границы. В 1562 г. М. И. Воротынский со своим братом Александром попал в опалу, и его удел был у него временно отобран (обстоятельства этой опалы не известны, что делает еще более интересным сообщение Ходкевича, будто М. И. Воротынский пострадал из-за того, что его «отчизна удельная» близко граничит с Литовским «панством»). В 1566 г. Воротынский был помилован, и ему был частично возвращен его удел. В уделе Воротынских действительно сохранялись и во времена Грозного некоторые «чины и обычаи» удельного времени (ср.: С. Б. Веселовский. Последние уделы в сев.-вост. Руси, стр. 113—115, 127—131). Курбский в «Истории о в. к. Московском» (Соч., стлб. 288) объясняет казнь Воротынского в 1573 г. тем, что «те [Воротынские] княжата были на своих уделах, и велия отчины над собою имели: околиво тысяч с них по чту воинства было слуг их».

¹⁷ Како ж убо реченно бысть о Елизвое. . . глаголет господь. — История о Елизвое [Элесбоа], приводившаяся царем и в послании в Кирилло-Белозерский монастырь (см. комментарий к этому посланию, прим. 10), заимствована им из Четий-Миней. Элесбоа — негус Абиссинии, был союзником императора Юстина (VI в.) и воевал против именского царя иудейского вероисповедания Зу Нуваса («Надунаса жидовина»); в Четийх-Минейх рассказывается, что он собирался пойти на Омир, город Зу Нуваса, но некий «мних» запретил ему это, напомнив слова: «Мне месть и аз воздам» (Великие Минеи Четии, октябрь 19—31, СПб., 1880, стр. 1836—1837).

¹⁸ А што еси писал в бесосоставной своей грамоте о . . . опричнине и земском. . . и иные чиновники. — В своих инструкциях послам, отправляемым в Польшу, Иван IV неоднократно приказывал отрицать существование опричнины в Москве. Послы должны были говорить: «опричнины не ведаем: кому велит государь близко жити, тот близко и живет, а кому не велит государь близко жити, тот живет далеко» (Сб. РИО, т. 71, стр. 331, 593, 597), и объяснять построение опричного двора тем, что царь «велел себе поставити двор за городом для своего государского

прохладу» (там же, стр. 775). — Замечание в послании Воротынского Ходкевичу о сходстве между опричниной и некоторыми институтами в Польше следует сопоставить с интересным материалом о польских проектах «опричнины», собранным в статье И. И. Полосина «Споры об опричнине на польских сеймах XVI в.» (Вопросы истории, № 5—6, 1945, стр. 142).

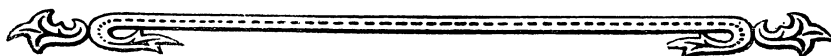
¹⁹ Сенахириму и Навходносору и Хоздрою. — Об этих «безбожных царях» (авилонский царь Навуходоносор II был известен из Библии как один из врагов Израиля) см. в комментарии к посланию Баторию, прим. 36.

²⁰ Як же племянник твой Янко. — Речь идет о Яне Яромировиче Ходкевиче — администраторе Ливонии и адресате приведенного выше послания царя, написанного в 1577 г. (стр. 205—207; о контрасте между характеристикой Яна Ходкевича в комментируемом послании и в послании 1577 г. см. выше, стр. 506).

²¹ Ивана Петровича Федоровича. . . твое лотровское письмо. — И. П. Федоров, обычно именуемый в исторической литературе И. П. Челядниным, — конюший, боярин, представитель старинного московского боярского рода (к которому принадлежали фамилии Бутурлиных и Челядниных). Характеристика личной жизни Сигизмунда II Августа, которая содержится в послании, написанном от его имени, подтверждается польскими источниками (А. Трачевский. Польское бескорольеве. М. 1869, стр. 5—6).

²² и мне штож до вас дело, кое бо причастие свету ко тме. . . и кая часть хрестьянину з безбожными? — Характерно, что послание Челяднина Гр. Ходкевичу написано в менее оскорбительном тоне, чем предыдущие послания: боярин Челяднин, в отличие от князей Бельского, Мстиславского и Воротынского, именует Гр. Хоткевича «братом» и «паном Григорием». — Действительная позиция Челяднина по отношению к предложениям Сигизмунда II Августа, очевидно, сильно отличалась от той, которая приписывалась ему в комментируемом послании (см. известие Мартина Бельского в прим. 1). Вскоре после написания этого послания Челяднин был казнен по обвинению в заговоре [ср. сводку известий о его казни в статье С. Б. Веселовского «Синодик опальных царя Ивана как исторический источник» (Пробл. источниковед., III, 1940, стр. 354)].

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аа, см. Говь
Або (Турку), гор. («Абов») 151,
152, 340, 341, 624, 625
Авзония (Италия?) 85 («Азонея»)
Адеж (Неймюль), гор. 214, 238,
390, 410, 657
Азия 24 («Азея и Ассея»), 85
(«Асия»), 200 («Ази и Асия»),
296, 377, 589, 645
Азовское море 639
Аламания, см. Германия
Александрия, гор. 24 («Але-
ксандрея»), 85, 296
Александровская слобода 496
Александро-Свирский Троиц-
кий монастырь (около Олонца)
173, 355, 564, 635
Алексин, гор. («Олексин») 193,
370, 640
Амстердам, гор. 544, 547
Анатолия («Натолия»), область
в Малой Азии 200, 377
Англия 496, 498, 508, 554, 559,
612—616 (Англинская земля),
642
Антверпен, гор. 554 («Антроп»)
Анцклава, см. Канцлов
Апсол (Хапсалу, Гапсаль),
гор. 500
Армения 634
Ассирия 198, 375
Астрахань, город и ханство 46,
107, 315, 485, 494, 547, 548,
550, 551, 558, 593, 602, 617,
621, см. также Надчитархан
Афины 23 («Афинея»), 296
Африка 24 («Африкея»), 85, 296
Балтийское море, см. Варяжское
море
Барзун (Берзон), гор. 503
Белое море 612
Белоозеро, Белое озеро 34, 94,
258, 305, 429
Белоруссия (БССР) 650, 657,
см. также Русская Земля (За-
падная)
Бен (?), гор. 201, 378
Берестье (Брест), гор. («Бересть»)
253, 262, 427, 432

¹ Названия древнерусских городов и всех иностранных городов, имевших постоянное русское наименование (Нолывань, Ругодиев), даются в терминологии XVI в., остальные (Вена — Ведна. Антверпен — Антроп) — по обычному наименованию. Географические наименования, содержащиеся в титулах, не приводятся.

- Болгария, болгары 24 («Болгарская вера и власть»), 26 («болгары»), 87 («болгары»), 297, 645
 Брест, см. Берестье
 Быхов, гор. 650
- Вавилон (в переносном смысле) 472
 Вайсенштейн, см. Пайда
 Валахия 26 («флаги»), 87 («влахи»), 297
 Валмиера, см. Владимир Ливонский
 Варшава, гор. 221, 222, 398, 399, 664, 666
 Варяжское (Балтийское) море 200, 377, 501, 519, 622, 627, 630
 Ведна, см. Вена
 Велиж, гор. 215, 221, 222, 392, 397, 399, 657, 663, 664
 Вена («Ведна»), гор. 201, 378, 645
 Венгрия, см. Можарская земля
 Венден, см. Кесь
 Венеция 613
 Верхне-Немецкая земля 26 («вышний немецкий язык»), 297
 Византия («Греческое царство, Греческая власть, греки») 23—26, 85—87, 201, 295—298, 379, 474, 530, 539, 541, 590, 668
 Вильно (Вильнюс), гор. 228, 405, 650, 656, 657, 666, 668
 Вильян (Вильянди, Феллин), гор. 49, 114, 317, 599, 604
 Висла, р. 630
 Витебск, гор. («Витепск») 220, 221, 262, 397, 432, 663
 Виттенштейн, см. Пайда
 Вифлянская земля, см. Ливония
 Владимир (Владимирец) Ливонский (Валмиера, Вольмар), гор. (также «Волмер», «Волмор») 62, 71, 124, 136, 195, 205, 207, 208, 211, 212, 327, 374, 382, 384, 385, 388, 389, 461, 504—506, 509, 536 («Полмер»), 545, 557, 570, 571, 610, 644, 649, 650, 654
 Владимир (на Клязьме), гор. («Володимерь») 245, 421
 Влех (Мариенгаузен), гор. 502, 503
 Волга, р. 485, 493, 494, 601
 Волмер, Волмор, см. Владимир Ливонский
 Вологда, гор. 142, 332, 635
 Вольмар, см. Владимир Ливонский
 Волинская земля 262, 432, 584, 641, 646, 655, 675
 Воробьево, с. 35, 96, 306
 Воротышск, гор. 675
 Воршевад, гор. 503
 Вуокса, р. («Окса») 154, 343, 626
 Выборг, гор. («Выбор») 153, 155, 156, 342, 344, 345, 619, 632
- Гапсаль, см. Апсал
 Гауя, см. Говь
 Гданьск (Данциг), гор. («Гданеск», «Кгдангск») 200, 228, 377, 405, 501, 512, 630, 659, 666
 Германия, Германская (Священная Римская) империя 23 («Аламания»), 49, 85 («Аламания»), 114, 224 («Реша Немецкая»), 246 (? — «цысарь»), 253 (? — «цысарь»), 263 (? — «цысарь»), 296, 317, 401, 421, 433, 489, 491, 604
 Германские грады, германы, см. Ливония, ливонцы
 Глуск, гор. 650
 Говь (Гауя, Аа), р. 502—504

- Голбин, Голвин (Гулбене), гор. 503
- Гомель («Гомей»), гор. 32, 92, 303, 592, 670
- Городня (Гродно), гор. 253, 427
- Готский язык, см. Швеция
- Готы («Готфы, готвы») 23, 26, 85, 87, 200, 296, 297, 377
- Греки, см. Византия
- Греческое царство, см. Византия
- Гродно, см. Городня
- Грузия 634
- Грюнвальд, дер. 666
- Гулбене, см. Голбин
- Гурмыз (Ормуз), о. 554
- Далекарлия, область в Швеции 628
- Далмация («Долматия») 23, 24, 26, 85, 87, 200, 296, 297, 377, 542
- Дамаск, гор. («Домаск») 24, 25, 85, 86, 297, 590
- Дания 485, 495, 498, 500, 504, 617, 620, 627—629, 651
- Даугавпилс, см. Невгин
- Двина Западная («Двина»), р. 212, 389, 502, 504, 664, 667, 668
- Двина Северная («Двина»), р. 139, 329, 612
- Двинск, см. Невгин
- Двинская земля (по Сев. Двине) 632
- Двинская крепость (пристань) в Никольском Корельском устье Сев. Двины («город Двины», «Двинское пристанище») 139, 141, 329, 331, 612
- Димитрия Селунского, церковь в Москве 35, 96, 306
- Дионисиев Глушицкий монастырь (около Вологды) 173, 355, 635
- Диррахрум(Дуррес), гор. 589
- Днепр, р. 48, 262, 317, 432, 486, 602
- Долматия, см. Далмация
- Дон, р. 9, 48, 71, 108, 125, 202, 283, 317, 379, 486, 493, 602
- Донец, р. 639
- Дрисса («Дрис»), гор. 234, 410, 667
- Дрисса, р. 667
- Египет («Египетская власть») 24, 25, 85, 86, 198—200, 296, 297, 375—377, 590
- Езел (Сааремаа, Эзель) 427, 499, 504
- Ёрла (Эргли, Эрла), гор. 503—505, 570, 654
- Жмудь (Жемайте, Самогития), область в Литве («Жемоть») 253, 262, 427, 432, 650
- Заволочье, гор. 215, 222, 392, 399, 657, 658, 668
- Задвинье, см. Курляндия
- «Зборск», гор. 503
- Зесвеген, см. Чиствин
- Иван Великий, колокольня в московском Кремле («Иван святой») 35, 96, 306, 595
- Иерусалим («Иеросалим, «Еросалим»), гор. 19, 24, 26, 63, 81, 85, 87, 110, 137, 168, 183 (в переносном смысле), 200, 296, 297, 377, 455, 524, 590
- Ижеславль, гор. 672
- Изборск («Избореск»), гор. 203, 380, 506, 646, 647, 655
- Израиль, др.-евр. государство 17, 23, 25, 28, 29 (переносный

- смысл), 30 (переносный смысл), 45, 62 (переносный смысл), 79, 85, 86, 89, 90 (переносный смысл), 105, 109, 127 (переносный смысл), 128, 129, 132, 134, 136, 167, 199 («Исраил-ты»), 291, 295, 300, 301, 314, 328, 355, 376, 474, 476, 525, 534, 536, 538, 557, 588, 592, 609, 652, 676
 Индия. 612
 Иран, см. Персия
 Испания 26, 87, 297, 612
 Италия 23 («Италийские места»), 24, 26, 85 («свои Талиские места»), 87, 200, 296, 297, 377, 512, 589; см. также Авзония
 Иудея, др.-евр. государство 18 («Июдию»), 63, 79, 110, 132, 292, 634
 Кавказ 493
 Казань, город и ханство, казанские татары 32, 39, («язык Казанский»), 46—48, 55, 92, 99 («язык Казанский»), 106, 107, 120, 302, 309, 315—317, 323, 484, 504, 542, 592, 597, 600—602, 617, 621, 674
 Канцлов, Анцклава, гор. 503
 Каппадокия, область Малой Азии 24 («Каппадокийские страны»), 85 («Каппадокические страны»), 296
 Карачекра, р. 567
 Каркус, гор. 502, 664
 Каунас, см. Ковно
 Кафа (Феодосия) 85 (? — «Кафине»)
 Кашин, гор. 635
 Кгданьск, см. Гданск
 Кесь (Цесис, Венден), гор. 502—504, 513, 654, 656, 659
 Киев, гор. 201, 247, 378, 423, 641, 645, 646
 Киевский повет (область), воеводство 262, 266, 432, 435
 Киликия, область в Малой Азии 23, 85, 296
 Кирилло-Белозерский монастырь 162—192, 351—369, 449, 459, 461—463, 468, 478, 480, 522, 560—563, 632—635, 637, 638, 675
 Кмолша, стан 566
 Ковно (Каунас), гор. 253, 427, 650
 Кокенгаузен, см. Куконойс
 Кокнесе, см. Куконойс
 Коловерь (Люде), гор. 500
 Коломна, гор. 52, 320
 Колывань (Таллин, Ревель), гор. 203, 380, 496, 498—501, 504, 604, 618, 620, 627, 647, 651
 Копенгаген, гор. 628
 Коринф, гор. 70
 Кострома, гор. 34, 95, 305
 Крейцбург, см. Кружборх
 Крит, о. 44, 104
 Кружборх, Крүцбор (Крустепиле, Крейцбург), гор. 503, 664
 Крым, ханство, крымские татары 32 («Перекоп»), 47, 48, 92 («Перекоп»), 107, 108, 191, 193, 246 (? — «Перекопский»), 259 (? — «Перекопский»), 263 (? — «Перекопский»), 302, 316, 317, 368, 370, 422, 433, 456, 458, 485, 486, 488, 491, 495, 550, 566, 567, 569, 602, 603, 613, 639, 640, 655, 671, 674
 Куконойс (Кокнесе, Кокенгаузен), гор. («Какенгауж») 503, 504, 570, 652, 654
 Кукус, гор. 634

- Курляндия (Задвинье), область Ливонии («Курлянская земля», «Задвинье») 203, 233, 380, 409, 647, 667
- Лавдун, Левдун (Лаудон), гор. 503
- Леаль, см. Лиговер
- Лемзаль, гор. 501, 502
- Леневард, гор. 503
- Ливония («Ви́флянская, Лифля́нская земля», «Немецкая земля», «лифлянты», «германы») 11, 40, 48 («гермоны»), 49 («рифлянты»), 62, 73, 101, 108, 109 («ерманы»), 113, 124, 136, 149, 150, 152, 159, 161, 190, 202 («Чюдская земля... ежесть Лифлянты»), 203—206, 211 («грады Германские»), 212, 215, 217, 218, 222—230, 233, 272, 277, 285, 311, 317, 338, 339, 341, 349, 350, **366**, 378—383, 386, 389, 392—394, 399, 400—407, 409, 410, 440, 445, 450, 489, 491, 495, 496, 499, 500—504, 506, 509, 516, 519, 521, 530, 531, 543, 545, 550, 559, 562, 570, 571, 584, 603, 604, 610, 611, 614, 617, 618, 620, 621, 622, 626—628, 631—633, 638, 642, 644—652, 654, 656—660, 662—666, 668, 674, 676
- Лиговер (Леаль), гор. 500
- Литва, великое княжество (часть Польско-Литовского государства), литовцы 11, 26, 32, 49 («литаонский язык»), 73, 87, 92, 114 («литовский язык»), 202—204, 207, 209, 211, 212, 224—226, 228, 230, 232, 242, 244—246, 250, 252, 253, 258, 260, 262, 266, 276, 285, 297, 302, 318, 379—381, 384, 385, 388, 389, 400—402, 403, 405, 407, 408, 417, 418, 420, 421, 429, 432, 435, 444, 459, 471, 474, 488, 514, 544, 545, 554, 568, 573, 583—585, 588, 604, 626, 648—650, 655, 659, 666, 669, 670, 675
- Лифля́нская земля, лифля́нты, см. Ливония
- Лоде, см. Коловерь
- Лондон, гор. 613, 615
- Лопасна, р. 621
- Лужа (Лудза, Люцен), гор. 502, 503
- Луки Великие, гор. 215, 221, 222, 392, 397—399, 513, 584, 656, 657, 658, 663, 664, 666, 668
- Львов, гор. 253, 427
- Любек, гор. 628
- Любеч, гор. 670
- Мазовия, княжество 666
- Македония («Макидония»), страна 200, 377
- Малая Азия 645, см. также «Азия»
- Мальборг («Малборок», «Машборок»), гор. 200, 377, 630
- Манкуп, гор. 567
- Междуречье (Месопотамия) 24 («Междоречье», «Месопотамийская метрополия»), 85, 200, 296, 377
- Минск, гор. («Менеск») 262, 432
- Миус (Миус), р. 566
- Могач, гор. 601
- Могилев, гор. 262, 434
- Можайск, гор. 41, 101, 311, 599, 604
- Можарская земля (Венгрия) 491, 492, 601

- Молдаване («мутяны») 26, 87, 297
 Молотовск, гор. 542
 Молочные воды, Молочная, р. 639
 Москва, гор. 34, 35, 39, 71, 94, 95, 100, 124, 138, 143(?), 146, 172 («царствующий град»), 176 (царствующий град), 193, 216, 227, 238, 246, 248, 254, 256, 264, 266 (? — в смысле «Моск. государство»), 273, 276 (в смысле «Моск. государство»), 305, 306, 310, 328, 336, 357, 359, 370, 392, 403, 414, 422, 424, 427, 433, 441, 444, 471, 472, 477, 483, 496, 497, 547, 560, 567, 570, 585, 594, 596, 601, 612, 622—625, 632, 633, 639, 640, 642, 643, 649, 659, 662, 668, 675
 Мсцибов, гор. 659
 Муром, гор. 617, 625
 Мышь, гор. 650
- Нагаи, народ 32, 92, 302
 «Надчитархан» (? — Астрахань) 32, 92 («Адчитархан»), 302
 Нарва, см. Ругодив
 Нева, р. 202, 379
 Невгин (Двинск, Даугавпилс), гор. 502, 503 («Навгин»), 504, 513, 570, 654, 656, 659
 Невель, гор. 56, 120, 221, 222, 324, 398, 399, 607, 664
 Нейгаузен, см. Новгородок Ливонский
 Неймюль, см. Адеж
 Нейстрия, страна (западная часть Франкского государства) 26 («Наустрия»), 87 («Настрия»), 297
 Нейшлос, см. Сыренск
 Неман, р. 200, 377, 630, 647
- Немецкая земля, см. Ливония
 Немцы, народ 209, 385
 Никитский монастырь (в Переяславле) 178, 362
 Никольский Корельский монастырь 612
 «Нитов», гор. 503
 Новгород (Великий), гор. 32, 92, 144—147, 149, 151, 153—155, 201, 203, 204, 226, 227, 249, 250, 253, 303, 334—336, 338, 340, 342—344, 378—380, 403, 404, 425, 426, 561, 601, 617—619, 621, 622, 626, 632, 649, 665, 671, 673
 Новгородок Ливонский (Нейгаузен), гор. 214, 238, 390, 410, 603, 657
 Новгородок Литовский (Новогрудок), гор. 252, 262, 426, 432
 Новогрудок, см. Новгородок Литовский
 Новосиль, гор. 261, 432, 675
- Оберпален, см. Полчев
 Одоев, гор. 675
 Озерище, гор. 215, 221, 222, 392, 397, 399, 544, 663
 Ока, р. 673; 675
 Олексин, см. Алексин
 Омир, гор. 270, 438, 675
 Орешек (Шлиссельбург, Петрокрепость), гор. 146, 149, 335, 338, 561, 619, 623
- Падца (Падис), гор. 500
 Пайда (Пайде, Вайссенштейн, Виттенштейн), гор. 49, 114, 161, 318, 350, 500, 562, 604, 621, 622

- Палестина («Палестинская земля») 26, 87, 297
- Перемышль, гор. 675
- Переяславль Дунайский, гор. 201, 378, 645
- Пернов (Пярну), гор. 500
- Персия (Иран), персы 24 («Персая держава»), 25, 26, 85 («Персая держава»), 86, 200 («пределы Перские»), 296, 297, 377, 590
- Песношский Никольский монастырь 176, 361, 637
- Петровка, улица в Москве 482
- Петроков, гор. 253, 427
- Петрокрепость, см. Орешек
- Печора (Петсери), гор. 540
- Пиболда (Пебалъг), гор. 503
- Пицунда, гор. 634
- Плотеле, гор. 650
- Подвинье, см. Двина Западная
- Подольская земля 262, 432
- Полоцк, гор. («Полотцк, Полоцко») 206, 214, 218, 232—234, 260, 274, 277, 383, 391, 395, 409, 410, 430, 442, 445, 513, 544, 584, 651, 656, 657, 661, 662, 668, 673
- Полчев (Пылтсама, Оберпален), гор. 157, 346, 500, 627
- Польша (Польско-Литовское государство, Речь Посполита), поляки 26, 32, 87, 92, 224—226, 228, 246, 253, 262, 297, 302, 400—403, 405, 421, 432, 455, 459, 471, 488, 493, 494, 497, 498, 501, 517, 540, 544, 549, 551, 571, 574, 584, 585, 595, 598, 611, 613, 619, 641, 642, 647, 649, 651, 659, 662, 664—666, 674—676; см. также Литва.
- Прибалтика, Балтика 495, 497, 499, 501
- Пруссия, рыцарский орден, потом герцогство («Прусы») 227, 228, 253, 262, 404, 405, 427, 432, 630, 665, 666
- Псков, гор. 48, 109, 195, 203, 204 («Пресков»), 218, 226, 227, 317, 374, 379, 380, 395, 403, 404, 472, 502—504, 509, 517, 570, 603, 604, 632, 641, 646, 649, 656, 665
- Псковское озеро 603
- Псковско-Печерский монастырь 472, 473, 533, 540, 608, 611, 634
- Пылтсама, см. Полчев
- Пярну, см. Пернов
- Радогощь, гор. 32, 92 («Радогосн»), 303, 592
- Радощковицы, гор. 669
- Ревель, см. Колывань
- Режица (Резекне), гор. («Резица») 502, 503, 654
- Ржева Пустая, гор. 215, 392, 658
- Рига, гор. 203, 380, 501, 504, 505, 570, 572, 627, 644, 647, 651
- Рижский залив 501
- Рижское взморье 651
- Рим, гор. 26, 85, 229, 236(?), 297, 406, 410(?), 516, 542, 589, 647
- Римская империя («Римское царство, Рим») 23, 24, 85, 158, 200, 236(?), 295, 347, 377, 410(?), 455, 589
- «Роденбжь», гор. 503
- Россия, Русская Земля («Российское царствие», «Московское государство», «Московское царство») 9, 10, 27, 30, 71, 124,

- 125, 127, 138, 143, 144, 201, 208—211, 213, 229, 232, 260, 266 (? — «Москва»), 276, 283, 284, 299, 301, 328, 333, 334, 378, 385—387, 406, 408, 430, 444, 449, 451, 452, 468, 470—473, 483—485, 487, 489, 491, 493—498, 503, 509, 511, 512, 514, 516, 519, 520, 533, 538, 540, 547, 549, 550, 553, 554, 558, 559, 584, 589, 591—593, 601, 605, 608, 611—620, 622—624, 626, 627—629, 630, 635, 639, 640, 645, 646, 649, 654, 659, 665, 667, 669—672, 675
- Ругодив (Нарва), гор. 140, 214, 238, 330, 331, 390, 410, 488, 495, 496, 603, 614, 657
- Русская Земля (Западная, Литовская) 245, 262, 421, 432, 494, 513, 657, 666, 668, 671
- Сааремаа, см. Езел
- Салис (Салацгрива), гор. 500, 502
- Салоники («Селунь»), гор. 167, 355
- Самария, др.-евр. государство 18, 79, 132, 291, 525
- Сарматы («савроматы, саврьматы») 23, 85, 200, 296, 377
- Свияжск, гор. 600, 601
- Себеж, гор. 214, 215, 222, 223, 232, 234, 391, 392, 399, 400, 409, 410, 657, 666
- Севера, область в кн. Литовском 266, 436
- Селунь, см. Салоники.
- Сербия, сербы 26, 87, 297, 636
- Серенск, см. Сыренск
- Сибирь (Сибирская страна) 617
- Сийский монастырь 588
- Спмонов монастырь (в Москве) 172, 356, 635
- Синаридская пустынь, в Индии (из «Жития Варлаама и Иоасафа») 174, 358
- Сион, гора в Иерусалиме (в переносном смысле — Иерусалим, Иудея) 25, 86
- Сирия 23, 85, 200, 296, 377
- «Скифы» 25, 86, 297
- Смоланд, область в Швеции («Щмалот, Щмолант») 153, 157, 342, 346, 626, 628
- Смоленск, гор. 19, 81, 137, 247, 293, 423, 536, 589, 663, 672
- Смоленское княжество 669
- Соболино, с. 154, 343
- Сокол, гор. 218, 395, 513, 656, 661, 662
- Соловецкий монастырь 599
- Стародуб, гор. 32, 92, 303, 592, 670
- Стокгольм, гор. («Стеколна») 146, 335, 497, 623, 624
- Сторожевский Саввин монастырь (близ г. Звенигорода) 180, 365, 464, 638
- Суздаль, гор. 455
- Суижел, гор. 503
- Сыренск (Серенск, Нейшлос), гор. 214, 238, 390, 410, 657
- Таллин, см. Колывань
- Тарвас (Тарвасту), гор. 604
- Тарту, см. Юрьев
- Татары («татарове»), народ, 209, 385
- Тверь, гор. 484 («великое княжение Тверское»), 631, 649
- Тельшов (Телшай), гор. 650
- Торунь («Торун»), гор. 200, 377, 630
- Трансильвания (Семиградье) 601, 648

- Трикат, гор. 507, 654, 664
 Троице-Сергиев монастырь 175, 176, 179, 180, 359, 360, 364, 365, 455, 463, 464, 636, 637
 Троицкий собор (во Пскове) 649
 Троки, гор. 253, 262, 427, 432
 Тротцкий повет (область) 253, 427
 Тула, гор. 55, 120, 324, 607
 Турку, см. Або
 Турция (Оттоманская Порта), турки 246, 253, 263, 421, 427, 433, 485, 491, 492, 494, 495, 513, 517, 550, 601, 613, 617
 «Тыржин» («Феладтыржин»), гор. 503
 Угра, р. 266, 435
 Украина, см. Русская Земля (Западная)
 Украина Слободская (южная окраина Московского государства) 487
 Ула, крепость 206, 383, 651
 Упланд, область в Швеции 626
 Упсала, гор. 628
 Усвят, гор. 215, 221, 222, 392, 397, 399, 663
 Успенский собор в московском Кремле («соборная церковь Пречистыя богородицы, соборная церковь Успения пресвятая богородицы») 35, 95, 306, 595
 Устюг, гор. 632
 Феллиц, см. Вильян
 Фес, гор. 503
 Финикия («страны Финическая») 26, 87, 297
 Финляндия («Финская земля») 149, 338, 622, 624, 625
 Финский залив 501
 Фракия 24 («Фракиская»), 202, 296, 379, 645
 Франкское государство 26 («внутреннейшая Фругия»), 87 («Фругия»), 297, 590
 Франция 613, 614, 650
 Французы, народ 26 («француги»), 87, 297
 Фругия, см. Франкское государство
 «Фряги», народы Западной Европы 26, 87, 297
 Хапсалу, см. Апсал
 Хвойница, гор. 200, 377, 630
 Холм, гор. 215, 222, 392, 399, 657, 658, 668
 Холмогоры, гор. 612
 Хопер, р. 108
 Царьград (Стамбул, Константинополь, Византия), гор. 17, 24 («Царьград», «Константиноград»), 26 («Царствующий град»), 32, 78, 85, 92, 134, 167, 176, 202, 260, 290, 296, 297, 302, 355, 361, 379, 430, 455, 590, 591, 592, 613, 673
 Цесис, см. Венден
 Чернигов, гор. 588, 669
 Чиствин (Зесвеген), гор. 502, 503
 Чудов монастырь (в Москве) («Чюдо») 172, 357, 635
 Чудская земля, см. Ливония, Эстония
 Чудское озеро 403
 Швеция («Свея, Свейская земля») 49 («гофинский язык»), 114 («готвский язык»), 145, 146, 148, 153—157, 159, 318, 334, 335, 337, 342—346, 348, 488,

495—498, 560, 604, 617—628, 630, 631, 651	Эзель, см. Езел
Шелонская пятина (часть Нов- городской земли) 643	Эргли, см. Ерла
Шклов, гор. 262, 432, 650	Эрла, см. Ерла
«Шкуин», гор. 503	Эстония («Чюдская земля... еже есть Лифлянты») 202, 621, 627 см. также Ливония
Шлиссельбург, см. Орешек	Юрьев (Тарту, Дерпт), гор. 202, 212, 378, 389, 472, 488, 540, 599, 603, 604, 655, 668
Щмалот, Щмолант, см. Смоланд	

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон, библ. 23, 84, 129, 295
Абд-Эль-Рахман, астраханский хан, 593
Аввакум, протопоп 467
Август, римский император («Август кесарь») 23, 85, 158, 200, 201, 260, 295, 348, 378, 379, 433, 509, 561, 589, 629, 644, 645, 673
Авель, библ. 197, 374, 526
Авенир, индийский царь (из «Жития Варлаама и Иоасафа») 174, 358, 635
Авенир, сын Нира, библ. 17, 79, 134, 135, 291, 530, 538, 541, 588
Авер, см. Евер
Авессалом, библ. 17 («Авесолом»), 18, 79, 135, 291
Авимелех, библ. 28, 29 («Авемелех»), 89, 131, 300
Авирон, библ. 23, 85, 129, 295
Авраам, библ. 60, 62, 109, 122, 136, 169, 199, 244, 252, 261, 263, 326, 328, 375, 376, 419, 525, 476, 477, 609
Авраамий, архимандрит Чудова монастыря 173, 357
Адам, библ. 197—199, 231, 243, 251, 261, 374—376, 408, 419, 510, 524, 646
Адашев Алексей Федорович, окольный и воевода («Алексей», «Олексей») 16, 36, 37, 39—41, 48, 49, 52, 56, 57, 77, 97, 98, 100, 101, 108, 109, 113, 114, 117, 120, 121, 209, 210, 289, 307, 308, 310, 311, 317, 318, 320, 324, 325, 386, 387, 485, 531, 532, 543, 544, 587, 595—597, 599, 601—604, 606, 653, 655
Адашев Даниил Федорович, окольный и воевода 485, 486, 599, 602, 604
Адашев Федор Григорьевич, боярин и воевода 596, 597
Ак-Магомет, крымский полководец («улан») 56 («Акмагмет улин»), 120 («Агмет улан»), 324
Алавеев Онтон, см. Ольсон Тоне.
Александр Казимирович, великий князь Литовский и польский король 217, 223, 394, 399, 626, 660
Александр Македонский 608
Александр Ярославич Невский,

- кн. Владимиро-Суздальский
(«Олександр») 9, 71, 125, 202,
283, 379
- Александров Василий 566
- Алексей, см. Адашев
- Алексей Алексеевич, царевич 563
- Алексей V Дука, византийский
император («Алексей, нарицае-
мый Дука Марцуфл»), 26, 87, 297
- Алексий Айгустов, келарь Ки-
рилло-Белозерского мона-
стыря 177, 361
- Альбрехт, магистр Прусского
ордена, потом герцог Прус-
ский («Ольбрехт») 228, 405, 666
- Амалик, родоначальник амале-
китян, библ. 209, 211, 236, 385,
387, 412, 652, 668
- Амврий, волхв, библ. 22, 84, 132
- Анастасий Дикорос, византий-
ский император («Анастасий
Дикорот Драчянин») 24, 85,
296, 530, 539, 589
- Анастасия Романовна (Захарь-
ина), царица, первая жена
Ивана IV («Анастасея») 40,
41, 59, 100, 101, 122, 310, 311,
325, 597—599, 609, 653
- Андерсон Кнут, шведский посол
(«Кнут Ондреевич») 154, 155,
343, 344
- Андрей Васильевич, князь Уг-
лицкий, брат Ивана III 29,
89, 131, 300, 591, 592
- Андрей Иванович, князь Ста-
рицкий, брат Василия III,
дядя Ивана Грозного 32, 33,
92, 93, 210 («отец» Владимира
Андреевича) 303, 304, 592, 640,
654
- Андрус Нилишев, см. Нильсен
Андрос.
- Алисим, библ. 179, 364
- Анна, первосвященник, библ.
167, 355, 634
- Анна Ягеллон, сестра польского
короля Сигизмунда II Ав-
густа 260, 431, 674
- Анний, волхв, библ. 22, 84
(«Ианни»), 132
- Анс, см. Янс
- Антенор, легендарный герой
Троянской войны 43 («Ан-
тер»), 103 («Ангенор»), 313,
600
- Антоний, митрополит 524
- Антоний, «старец» Кирилло-Бе-
лозерского монастыря 163, 190
(? — «соборный старец»), 191,
352, 366, 367(?), 369, 633
- Аполлон («Аполон»), бог, греч.
миф. 44, 104, 314
- Апсимар-Тиберий, византийский
император («Аспимар») 25, 86,
297, 590
- Ареопagit, см. Дионисий Арео-
пагит.
- Арес («Арис»), бог, греч. миф.
(«Фор, иже и Арем») 45, 105,
198, 376
- Аристотель, др.-греч. философ 608
- Аркадий, римско-византийский им-
ператор 606, 609
- Артемий, игумен 456, 471
- Арцыкарло, см. Карл IX
- Арцымагнус, см. Магнус, дат-
ский принц
- Асаф, см. Иоасаф
- Аспимар, см. Апсимар
- Астарты (Астарты), «неблагочестный
царь» (царица) 198, 375
- Афанасий, alexandрийский архи-
епископ 19 («великий Афона-
сий»), 80, 137, 292

- Ахитофел, библ. 17, 32, 79, 92, 135, 291, 303, 588
 Ачмат, татарский хан 642
- Байер Г. З. 629
 Балендорф (Ballendorf) 622
 Барбара, см. Варвара
 Барсуков А. П. 632—634, 636
 Барсуков Н. П. 541
 Басманов (Плещеев) Алексей Данилович, боярин и воевода 594, 611, 640
 Басманов Федор Алексеевич, кравчий 611, 640
 Баторий, см. Стефан Баторий
 Баус Джером, английский посол 519, 658
 Бахрушин С. В. 593, 595, 597, 598, 600, 653
 Башкин Матвей, еретик 588
 Бел (Ваал?), «неблагочестный царь» 198, 375
 Белус (Ваал?), «неблагочестный царь» 198, 375
 Белье (Ваал?), «неблагочестный царь» 198, 375
 Бельские, княжеский род 592—594, 605, 654, 669
 Бельский Иван Владимирович, князь 244, 420
 Бельский Иван Дмитриевич, князь 241—248, 262, 417—425, 432, 574, 576, 669—674, 676
 Бельский Иван Федорович, князь 33, 34, 93, 94, 304, 305, 593
 Бельский, князь, монах Троице-Сергиева монастыря 179, 180, 364, 464
 Бельский Мартин, польский хронист 455, 550, 607, 669, 676
- Бельский Семен Иванович, князь 669
 Бельский Семен Федорович, князь 32, 92, 302, 474, 592, 673
 Бельский Федор Иванович, князь 244, 420, 669
 Бернядин Николаевич, см. Классон
 Богоявленский С. К. 639
 Бона (Сфорца), польская королева 672
 Борецкие, новгородский боярский род 671
 Будовниц И. У. 469, 488, 533
 Бутурлин Семен Никитич, дворецкий 154, 343
 Бутурлины, московский боярский род 676
 Буховецкий, польский посол 648
- Ваал, см. Бел, Белус, Белье, Вабал
 Вабал (Ваал?), «неблагочестный царь» 198, 375
 Валк С. Н. 643
 Варах, библ. 23, 85, 129, 295
 Варвара (урожд. Радзивилл), жена польского короля Сигизмунда II Августа («Барбара») 252, 425, 672
 Варда, византийский кесарь (правитель империи), брат императрицы Феодоры 175, 359, 636
 Варлаам, монах Троице-Сергиева монастыря 179, 364
 Варлаам Оболенский, монах Троице-Сергиева монастыря, сын князя А. В. Оболенского 179, 364
 Варлаам, отшельник (из «Жития Варлаама и Иоасафа») 174, 358, 635

- Варлаам Хутынский, основатель Хутынского монастыря 172, 180, 356, 365, 635
- Василий Амасийский, византийский церковный писатель 166, 168—172, 354, 355
- Василий Великий, византийский церковный писатель 170, 180, 365
- Василий I Македонянин, византийский император 636
- Василий—русские великие князья:
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. Московский 203, 226, 379, 403, 665
- Василий III Иванович, вел. кн. Московский и всея Руси 10, 29, 31, 33 («отец»), 34 («отец»), 39 («отец наш»), 71, 89, 92, 94 («отец»), 125, 131, 202, 203, 226, 227, 284, 300, 302, 304, 379, 403, 404, 474, 592, 612, 617, 629, 665, 666, 672
- Васильев Андрей («Ондрей»), дьяк 141, 332
- Вассиан Глазатый, архимандрит Чудова монастыря 173, 357
- Вассиан, старец Псковско-Печорского монастыря 472, 473, 533, 537, 540, 554
- Вельефегор, «неблагочестный царь» 198, 375
- Вельсавав, «неблагочестный царь» 198, 375
- Вельсавух, «неблагочестный царь» 198, 375
- Вельяминов Тимофей Васильевич, окольничий 638
- Веселовский С. Б. 477, 478, 480, 583, 593, 598, 621, 634, 654, 672, 675, 676
- Вил Кренкорукий, «неблагочестный царь», «иже и Крон» 198, 374
- Виллоуби Гью, английский путешественник 612
- Вильгельм, маркиграф Бранденбургский, архиепископ Рижский («Вильгер княже Брандебургский») 224, 227, 401, 404, 665, 666
- Вилькошевский П. В. 533, 537, 540, 546, 553
- Висковатый Иван Михайлович («Иван Михайлов»), государственный дьяк и печатник 141, 176, 332, 361, 630, 637
- Виталик (Виталиан), византийский полководец 24, 296, 589
- Витень, литовский князь («Витенец») 260, 430, 674
- Витовт, великий князь Литовский («Витофт, Витолт») 217, 228, 246, 253, 394, 405, 421, 427, 660, 667, 671
- Вишневецкий Дмитрий, казачий атаман 486, 602
- Владимир Андреевич, князь Старицкий, двоюродный брат Ивана IV («Володимер») 40, 100, 210, 310, 387, 597, 640, 653, 654
- Владимир — киевские князья:
- Владимир I Святославич 9 («царь Владимир»), 71, 125 («царь Владимир»), 201, 202, 260, 283, 378, 379, 430, 629, 645, 673
- Владимир II Всеволодович Мономах 9, 71, 125, 202, 283, 379, 629, 645
- Владимир Ольгердович 244, 420, 670, 671
- Войдило, зять литовского вел.

- князя Ольгерда 159, 349, 631
 Володков (Володкович) Мартин, польский посланник 225, 401, 665
 Воронцов Иван Михайлович, русский «великий» посол в Швеции 149, 150, 328, 339, 496, 623, 625, 626
 Воронцов Михаил Семенович, боярин, наместник Новгородский 149, 338
 Воронцов Семен Федорович, см. Воронцов Федор Семенович
 Воронцов Федор Семенович, боярин 34, 95 («Семен Федорович»), 305, 594
 Воротынская, княгиня (вдова В.И. Воротынского?) 173 («княгиня Воротынского»), 357
 Воротынские (Новосильские), князья 243, 251, 257 («ваш род»), 266, 274, 275, 419, 428, 435, 442, 443, 673, 675
 Воротынский Александр Иванович, князь 675
 Воротынский Владимир Иванович, князь («Воротынский») 173 (без имени), 357 (без имени), 462, 463, 635
 Воротынский Иван Михайлович, князь 258, 262, 266, 272, 273, 429, 432, 435, 440, 673
 Воротынский Михаил Иванович, князь 245, 246, 257—273, 421, 428—441, 574, 621, 635, 653, 655, 667, 668, 673—676
 Всеволод-Гавриил Мстиславич, новгородский и псковский князь 204, 381, 649
 Вяземский Афанасий Иванович, князь («Офонасий») 141, 142, 332, 606, 640
 Габсбурги, германские императоры и испанские короли 489, 491—497, 499, 504, 512, 514, 517, 613, 614, 630, 659
 Гавриил архангел, библ. 45, 106, 128, 314
 Гамель И. Х. 614
 Гарабурда Михаил, польский посол 455
 Гарабурда Петр, польский гонец («Харабурда») 216, 217, 393, 394, 659, 660
 Гаррард сэр Уилльям, купец, один из правителей английской «Московской компании» («Ульян Гарит») 142, 332, 616
 Гастав, Гастаус, см. Густав
 Гаштольд, воевода троцкий 672
 Гваньини Александр, польский хронист 547—549, 558, 559
 Гедеон, библ. 23, 28 («жена Гедеонова»), 29 («жена Гедеонова»), 85, 89, 129, 131 («сыны Гедеоновы»), 295, 300
 Гедимин, великий князь Литовский («Гедимон», «Гегимник») 253, 260, 427, 430, 672, 674, 690
 Гедиминовичи, потомки Гедимина 498, 594, 670, 673, 674
 Гейденштейн Рейнгольд, польский хронист 550, 641, 657—662
 Гейзерих, вождь вандалов («Зинзирих») 24, 85, 296, 589
 Геката, богиня, греч. миф. («Екатъ», «Лиската») 44, 104
 Геннадий, архидиакон 455
 Генрих III Валуа, польский и французский король 650
 Георгий Васильевич, см. Юрий Васильевич
 Георгий-Ярослав, см. Ярослав

- Геракл («Ираклий»), греч. миф. 45, 105
- Герберштейн Сигизмунд, германский посол в России 629
- Гиезий, библ. («Гиозей») 28, 88, 299
- Глинская Анна, княгиня, бабка Ивана IV 35, 95, 306, 594, 595
- Глинская Елена Васильевна, княгиня, см. Елена Васильевна
- Глинские, князья, выходцы из Литвы 594
- Глинский Михаил Васильевич, князь, дядя Ивана IV 35, 48, 96, 109, 194, 306, 317, 371, 603, 641, 642
- Глинский Юрий Васильевич, князь, дядя Ивана IV 35, 96, 306, 594
- Гловер Томас, английский купец («Томос») 141, 331, 614, 615
- Гоголь, польский гонец 648
- Голицын Д. Н. 570
- Головин Петр Иванович, посол в Польшу 216, 218 («наши послы»), 219 («послы»), 393, 395, 396, 659, 660, 662
- Горбатый-Суздальский, Борис Иванович, князь, наместник Новгородский 154, 343
- Горсей Джером, английский купец и посол в России 454, 483, 602
- Грабовский М. (Grabowski M.) 571, 572
- Грамотин Тарасий-Курбат Григорьев сын, дьяк, участник посольства в Польшу 216, 218 («наши послы»), 219 («послы») 393, 395, 396
- Грей Ричард, английский купец («Рыцерт Грей») 139, 329
- Григорий Богослов, византийский церковный писатель 44, 46, 51, 69, 104, 116, 129, 314, 315, 542
- Григорий XIII, римский папа 515
- Григорьев Петр, дьяк 142, 332
- Груденский, польский посол 648
- Грязной-Ильин Василий Григорьевич, опричник 193, 194, 370, 371, 449, 456—459, 468, 477, 478, 565—569, 609, 639, 640, 641
- Гудмен Эдуард, английский гонец в России («Едвар Гудван») 140, 330, 614
- Густав I Ваза, шведский король («Гастав»), («Гастаус») 146, 153—157, 160 («отец»), 335, 342—346, 349 («отец»), 485, 495, 618—620, 622, 626, 628, 630, 632
- Гюлленшерна Нильс, шведский канцлер и посол («князь Нилш») 150, 151, 339, 340, 620, 623, 624
- Давид, царь, библ. 17, 19, 23, 28 («кто же убо»), 70, 79, 81, 85, 129, 135, 137, 138, 180, 200, 201, 291, 293, 295, 299, 365, 376, 378, 530, 538, 541, 589, 591
- Давид Ростиславич, внук князя Рогволода, князь Полоцкий («Рогволодович») 260, 430
- Даль В. И. 625
- Даниил, библ. 51, 116, 129
- Даниил, митрополит 33, 93, 304, 593
- Дафан, библ. 23, 85, 129, 295
- Девлет-Гирей, крымский хан 55 («Крымской царь»), 120

- («Крымской царь»), 146 («Крымской»), 194 («царь»), 324, 336, 370, 550, 567—569 («царь»), 602, 607, 639—641, 674
- Деонис, см. Дионис
- Дербыш-Али, астраханский хан 593
- Держко (Дзержек) Криштоф, польский гонец («Хриштоп, Хриштоф, Крыштов, Держко, Дершко») 213, 214, 234, 390, 391, 411, 656, 657, 667, 668
- Дженкинсон Антони, английский купец и путешественник («Онтон Янкин») 140—142, 330—332, 496, 614, 615
- Дивей-мурза, крымский полковдец 194, 371, 456—459, 566, 568, 641
- Дивов Ф. И., стольник 547
- Дий, см. Зевс
- Димитрий — русские князья:
- Димитрий Иванович Донской, вел. кн. 9 («Дмитрей»), 71, 125, 202, 283, 379, 649
- Димитрий Иванович, внук и соправитель Ивана III 29, 89, 131, 300, 591, 592, 630
- Димитрий Иванович, сын Ивана Грозного (умер в младенчестве) 29 («ссуций млеко младенец») 39, 89 («младенец»), 100, 300, 310, 597
- Димитрий Прилуцкий, основатель Никольской обители 172, 180, 357, 366, 635
- Димофил, инок 63, 66, 68, 110, 113, 531, 608
- Дионис, бог, греч. миф. 44 («Дионисий»), 45 («Деонис»), 104 («Деонисий»), 105 («Деонис»)
- Дионисий Ареопagit («Ареопagit»), легендарный ученик Христа 57 («божественный»), 63, 110, 133, 325, 531, 532, 542—546, 553, 556, 559, 608, 611, 617
- Дионисий Галикарнасский, древнегреческий писатель 600
- Дмитрий, см. Димитрий
- Довмонт, псковский князь 649
- Довойно («Давойно») Станислав, польский посол 40, 100, 310, 598
- Дьяконов М. А. 652
- Ева, библ. 243 («слуха... якож Евжина»), 251 («слуха... подобная Евгина»), 419
- Евгений IV, римский папа 229, 406, 516, 518
- Евдокия, римская (византийская) императрица, жена императора Аркадия 59, 122, 167 («царица»), 325, 355, 609, 633
- Евер (Авер), библ. 198, 375
- Евнутий, см. Явнутий
- Евтропий, фаворит римского (византийского) императора Аркадия 54 («Еутропий»), 118, 322, 606, 609
- Едвар Гудыван, см. Гудмен
- Едварт, см. Эдуард
- Езекииль, пророк, библ. 170
- Екатъ, см. Геката
- Елеазар Маккавей, библ. 167, 354
- Елеазар (Элеазар), судья, библ. («Елеозар», «Елиозер») 23, 85, 295
- Елена Васильевна (Глинская), великая княгиня Московская и всея Руси, мать Ивана IV 29, 31—33 («мать»), 90, 92, 93,

- 131, 300, 302, 303, 305, 592, 593, 654
- Елена Стефановна, великая княгиня, сноха Ивана III 592
- Елизавета, английская королева 139—143, 329—333, 466, 468, 483, 496—498, 518, 559, 612—616
- Елизвой (Элесбоа), эфиопский (абиссинский) негус 174, 270, 358, 438, 635, 675
- Ельчанинов, польский гонец 650
- Еней, см. Эней
- Енох, библ. 198, 374
- Ермолай-Еразм, писатель XVI в. 453
- Ермолка, русский пленник, вернувшийся из Крыма 639
- Ернэ (Hjärne Н.) 618, 621, 625, 631
- Ефрем, библ. 18, 80, 132
- Ефросиния, княгиня Старицкая, мать Владимира Андреевича Старицкого 210 («мать» Владимира Андреевича), 387
- Еффа, библ. 23, 85 («Евфа»), 129, 295
- Жданов И. Н. 449, 475, 520—522, 539, 542, 550, 562, 575, 601, 617, 629, 638, 645
- Жигимонт, см. Сигизмунд
- Заболоцкий Владимир Семенович 218, 395, 471, 550, 583, 661
- Заболоцкий Иван Иванович 583
- Загоровский Василий 641
- Замойский Ян, польский канцлер 656, 661, 662, 665
- Заполя, см. Ян Заполя
- Засекин, князь 643
- Захарьина Анастасия, см. Анастасия
- Захарьины-Юрьевы (впоследствии Романовы), московский боярский род 597, 599
- Зевс (Дий), бог, греч. миф. 44 («Дий и Зефес»), 104, («Дий и Зефес»), 203, 314, 380
- Зелдала-ага 568
- Зинзирих, см. Гейзерих
- Зосима, митрополит 605
- Зубцовский, слуга Курбского 584
- Зу-Нувас, см. Надунас
- Зхатая, библ. (?) 270, 438
- Иаков, апостол, библ. 21, 59 («Ияков»), 82, 122, 132, 294, 538
- Иаков (Израиль), библ. («Ияков брат господен», «ниже есть Израиль») 185, 199, 244, 252, 261, 376, 419
- Иван III Васильевич, вел. кн. Московский и всея Руси («Иванп, Иоани») 10, 13 («дед»), 29, 34 («дед»), 38 («дед»), 71, 75 («дед»), 89, 90, 94 («дед»), 98 («дед»), 125, 131, 202, 203, 223, 226, 244, 283, 287, 300, 304, 308, 379, 399, 403, 422, 485, 591, 592, 617, 622, 626, 629, 630, 644, 654, 666, 669
- Иван Васильевич, князь Ярославский 583
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного («Иванец») 195, 196 («дети ево»), 372, 456, 481, 522, 526—528, 618, 642
- Иван Колов, монах 52, 53, 117, 130, 321

- Иван Мануйлович, см. Иоанн VI Палеолог
- Иван Семенович, см. Ярославский
- Иванов Раф, см. Рюттер
- Иванов Семен, ассессор 561
- Игнатий, патриарх Константинопольский 174, 175, 359, 636
- Игнатий Курачев, монах Троице-Сергиева монастыря 180, 364
- Игорь, князь Киевский («Игор») 201, 378, 645
- Иеровоам, сын Навата, библ. 18, 79, 132, 291, 588
- Ижеславский (Мстиславский) Михаил Иванович, князь 252, 426, 670, 672
- Иисус Навин («Исус Наввин»), библ. 23, 45, 85, 105, 128, 129, 199, 295, 314, 376
- Иларион Великий, византийский церковный писатель 164—166, 181—189, 353, 354, 366, 545, 564, 565
- Илерт, см. Крузе
- Илья, жрец, библ. 23, 37, 68, 85 («Лия»), 97, 129, 295, 307, 538
- Иоав, сын Саруя, библ. 17, 79, 134, 291
- Иоаким, патриарх 522
- Иоанн Богослов, апостол, библ. 180—182, 365
- Иоанн Златоуст, византийский церковный деятель и писатель 19, 80, 167, 169, 292, 355, 575, 588—606, 609, 633, 634
- Иоанн Креститель, библ. 175, 180, 359, 365
- Иоанн Лествичник, византийский церковный писатель 16 («Лествичник»), 78, 134, 178, 290, 363, 635
- Иоанн VI Палеолог, византийский император («Иван Мануйлович») 229, 406, 516, 518
- Иоасаф, архимандрит Каменский 163, 352
- Иоасаф, митрополит («Асаф») 34, 94, 175, 177, 178, 305, 359, 361, 362, 593, 594, 636, 637
- Иоасаф, сын индийского царя (из «Жития Варлаама и Иоасафа») 174, 358, 635
- Иоасаф Умный, см. Колычев-Умный
- Иов, библ. («Иев») 210, 387
- Иоганн III, шведский король («Яган») 144—161, 203 («Свейский»), 260 («за каким... мужем»), 269 («за какого великого человека»), 334—350, 380, 431, 435, 466, 468, 497—499, 521, 560, 561, 575, 612, 616—632, 638, 641, 645, 662, 673, 674
- Иона, архимандрит Чудова монастыря 173, 357
- Иона Мотякин, монах 178, 362
- Иона Ручкин, старец Кирилло-Белозерского монастыря 173, 358
- Иосиф, игумен Волоцкий 605
- Иосиф, патриарх Константинопольский («Цареградский») 229, 406, 516
- Иосиф Флавий, см. Флавий Иосиф
- Ираклий, см. Геракл
- Ираклий I, византийский император 24, 296, 590, 668
- Ирик, см. Эрик
- Ирод, царь, библ. 11, 29, 40, 73, 89, 100, 285, 300, 310
- Исаак, библ. 199, 244, 252, 261, 376, 419, 525

- Исаак Собака, архимандрит Чудова монастыря («Исак Собака») 173, 357
- Исав, библ. 524
- Исайя, пророк, библ. 25, 86, 538, 611
- Исайя Немой, помощник келаря Кирилло-Белозерского монастыря 177, 362, 463, 464
- Исида, богиня, егип. миф. 44, 105
- Исидор, митрополит Московский и всея Руси 229, 406, 515, 516
- Исидор Железный, александрийский князь (из сочинения Иоанна Лествичника) 174, 358
- Израиль, см. Иаков
- Иуда, судья, библ. 23, 85, 129, 295
- Иуда-предатель, библ. 20 («Июда»), 42, 55, 82, 102, 119, 294, 312, 323
- Кабот Себастьян, путешественник 612
- Казимир Ягеллон, вел. кн. Литовский и польский король 215, 217, 224, 226, 244, 392, 394, 400, 403, 420, 660
- Каин, библ. 197, 374, 524, 626
- Кайафа, первосвященник, библ. 167, 355, 634
- Кальвин Жан (Иоанн), религиозный реформатор 510
- Калымет Иван, слуга Курбского 584
- Калымет Михаил, слуга Курбского 584
- Карамзин Н. М. 548, 562, 575, 599
- Карл Великий, франкский и западно-римский император 26 («Карул, князь Латынский»), 87 («царь» — без имени), 297, 538, 590
- Карл (IX), герцог Зюдерманландский, впоследствии шведский король («Карло, Арцыкарло») 146, 336, 620, 624, 627
- Карл V Габсбург, германский император и испанский король 612, 650
- Карп, «священный муж» 57, 58, 543, 546, 552, 608, см. также Поликарп
- Карпов Михаил Долматович, русский посол в Польше 216, 393, 659
- Катерина Ягеллон, сестра польского короля Сигизмунда II Августа, жена шведского короля Иоганна III 146, 149 («жена»), 150, 260, 269, 335, 338, 339, 431, 437, 620, 623, 630, 674
- Кашкаров Ондрей 588
- Кейстут, литовский князь («Ке-стутей») 159, 228 (отец Витовта), 252, 349, 405, 426, 631, 672
- Керстан, см. Христиерн II
- Кетлер Готгард, коадьютор (соправитель) ливонского магистрата, потом герцог Курляндский 203 («Кетрер»), 225, 379, 401, 603, 604, 647, 648, 664, 665
- Кирилл Белозерский, основатель Кирилло-Белозерского монастыря («Кирил», «Кирило») 163, 164, 166, 167, 172, 173, 177, 180, 192, 352—357, 361, 365,

- 369, 462—464, 562, 633, 635, 638
- Классон Биорн, шведский посол («Бернядин Николаевич») 154, 155, 343, 344
- Ключевский В. О. 469, 476, 477, 576, 609
- Кнут, см. Андерсон
- Козлов Иван Петрович (Ивашка), польский гонец 241, 243, 246, 249, 254, 257—259, 262, 264, 265, 267, 273—276 («он», «тот наш хлопец»), 417, 419, 425, 428—430, 432—434, 436, 441—444, 668, 669, 671, 672
- Козьма, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 162, 351, 456, 462, 479, 562, 633
- Козьма Индикоплов, средневековый географ 645
- Козьма Мамонич, см. Мамонич
- Колов, см. Иван Колов
- Колычев Сергей, «старец» Кирилло-Белозерского монастыря 163, 351
- Колычев-Умный Иван Иванович, монах Кирилло-Белозерского, монастыря, в монашестве Иоасаф («Иоасаф Умный») 173, 357, 358
- Конрад (Кондрат), князь Мазовецкий 228, 405, 666
- Конста, сын императора Константина Великого 24, 85 («Константин»), 296, 538, 542
- Константин — византийские императоры:
Константин-Флавий I (Великий) 9, 19, 24, 45, 81, 85, 106, 137, 180, 201, 283, 293, 296, 314, 365, 377, 378, 542, 589, 652
- Константин V Копроним («Константин Гноетезный») 10, 25, 72, 86, 176, 284, 297, 361, 583, 590, 637
- Константин X Мономах 202, 379, 630
- Константин XI (XII) Драгас 26 («Константин, нарицаемый Дрогас»), 87, 298, 591
- Константин, сын императора Константина Великого 24, 296
- Констанций, сын императора Константина Великого 24 («Константий»), 85 («Консянтин»), 296
- Константин, см. Константин
- Коровины, монахи Троице-Сергиева монастыря 175, 359, 637
- Костомаров Н. И. 469, 470, 473, 487, 589, 597, 601, 604, 635
- Костя, русский пленник, вернувшийся из Крыма, 639
- Крашенинников М. 492
- Крестьянус, см. Христиан III
- Крисп, сын императора Константина Великого 19 (без имени), 81 (без имени), 293, 589
- Кронос, бог, греч. миф. («Крон») 45, 61, 105, 123, 136 («Иарон»), 198 («Вил... иже и Крон»), 203, 210, 327, 375, 380, 386, 610, 653
- Кртошевский, польский посол 454
- Крузе Элерт («Илерт»), 505, 570—572, 627, 628, 650
- Крыйский Станислав, польский посол («Крыжский») 215, 392, 505, 511, 561, 570, 572, 645, 651, 658, 659
- Кубенские, княжеский род 34, 606
- Кубенский Иван Иванович, князь

- 54 (без имени), 94 («Кубенский и иные») 175, 176, 305, 322, (?), 360, 463, 637
- Кубенский Михаил Иванович, князь 54 (? — без имени), 94 («Кубенский и иные»), 119, 305, 322 (?), 637
- Кудеяр, см. Тишенков
- Куник А. А. 629
- Кунцевич Г. З. 528, 529, 531, 532, 534, 537, 538, 540, 541, 544, 546, 547, 552, 554, 570, 573, 600
- Курбские, княжеский род 583, 591, 606
- Курбский Андрей Михайлович, князь 9—138, 208—212, 218, 266, 272, 283—329, 385—389, 395, 435, 440, 449—451, 455, 456, 459—461, 469—476, 478, 485—489, 492—495, 505, 506, 509—511, 517, 520—522, 528—559, 562, 570, 572, 573, 576, 583—612, 634, 636, 639, 641, 642, 644—646, 650, 652—655, 661, 664, 673, 675
- Курбский Михаил Михайлович, князь, отец А. М. Курбского 29 («отец твой, князь Михайло»), 54, 90, 131, 300, 322, 323, 606
- Курбский-Карамыш Михаил Федорович, князь, дед А. М. Курбского 29 («Карамыш»), 89 («Карамыш»), 131, 300
- Курлятев-Оболенский Дмитрий Иванович, князь 38, 40 (?—«Курлятев — сын»), 98, 101, 209, 308, 311 (?), 386, 594, 597—599, 653
- Курцев-Фуников, см. Фуников-Курцев
- Курцевы, монахи Троице-Сергиева монастыря 175, 359, 636
- Лазарь, нищий, библиограф 263
- Лазовицкий Григорий, польский гонец 221, 398, 664
- Лаврентьев Иван, см. Ларссон Ганс
- Ламанский В. И. 569
- Ламех, библиограф 524
- Ланге Юбер, деятель Реформации 489
- Ланин Р. С. 493
- Лапин Иван Васильевич, дьяк, участник русского посольства в Швеции 149, 338
- Ларссон Ганс, шведский гонец («Иван Лаврентьев») 150, 339, 624
- Лев — византийские (римские) императоры:
 Лев I Великий 24, 85, 296, 539, 589
 Лев III Исавр 10, 72, 176, 284, 361, 583, 637
 Лев V Армянин 10 («Арменский»), 25 («Лев Армянин»), 72 («Арменский»), 86, 284, 297, 583, 590
- Левкий, архимандрит Чудова монастыря 173, 357
- Ливий Тит, древне-римский историк 455
- Ликофрон, греческий писатель 600
- Лилеев 642
- Лиската, см. Геката
- Лихачев Н. П. 537, 541, 544, 559, 564, 573, 574, 596, 597
- Лобанов-Ростовский Семен Васильевич, князь («Ростовский») 40, 100, 310, 598
- Ловчиков Григорий 588

- Лопатинский Венцлав, польский гонец 218, 219, 395, 396, 660—662
- Лопотало, монах Троице-Сергиева монастыря 179, 364
- Лот, библ. 62, 109, 136, 328
- Лызлов Андрей, писатель и переводчик 549
- Любименко И. И. 614
- Любощинский Гаврила, польский гонец 201, 398, 664
- Людвик, венгерский король 601
- Ляцкий Иван Васильевич, окольный 32 (Ляцкой), 92 (Лятцкой), 302, 474, 592, 673
- Маврикий, византийский император 24, 296, 590
- Магнус, датский принц и король Ливонии («Арцымагнус») 155, 157, 344, 346, 499—504, 506—508, 512, 521, 522, 626—628, 630, 649, 654, 656, 663, 666
- Магнус, сын герцога Саксен-Люнебургского, зять Густава Вазы («Маамус») 146, 336, 620, 621
- Магнус, шведский король («Магнуш князь») 149, 153, 154, 156, 338, 342, 343, 345, 623, 627
- Майков Л. Н. 560
- Макарий, митрополит 34, 37, 95, 97, 305, 308, 453, 456, 522, 594, 605
- Маккавеи (семеро братьев), библ. 167, 354
- Максентий, римский император 200, 209, 211, 236, 377, 385, 387, 412, 652
- Максим Грек, писатель и переводчик 456
- Максимилиан II, германский император 491, 493, 501, 514, 515, 551, 554, 648
- Максимин (Галерий), римский император («Максимиян Галер») 200, 377
- Малиновский А. Ф. 524, 573
- Малышев В. И. 564
- Мальцев Семен, сын боярский 550
- Мамонич Козьма 547
- Манассия, царь, библ. («Монасия») 208, 385
- Мансур, род нагайских муз 641
- Мария Владимировна, племянница Ивана IV 630
- Мария, жена сербского царя Стефана-Немани 174, 358
- Мария («Кровавая»), английская королева 139, 140, 329, 330, 613
- Мария Нагая, жена Ивана IV 597
- Мария, сестра Аарона, библ. 65, 112
- Мария, сестра Ягайло 631
- Маркиан, восточно-римский (византийский) император 24, 85, 296, 589
- Маркс К. 488, 511, 519
- Марфа Собакина, жена Ивана IV 478, 634, 638
- Мелецкий, польский гетман 661
- Мемфивосфей, библ. («Мемфиокс») 17, 79, 134, 291
- Мидлтон Джордж, английский посланник в России («Юрий Милдентов») 141, 331, 614
- Микулинский, см. Пунков-Микулинский
- Минь Ж.-П. (Migne J.-P.) 608
- Мисаил Сукин, «старец» Никитского монастыря 178, 362
- Мисрем (Месрем), «неблагочестный царь» 198, 375

- Михаил архангел, библ. 45, 106, 128, 314
 Михаил — византийские императоры:
 Михаил I Рангав 636
 Михаил II Аморен 26 («Михаил Амморенин»), 86, 297, 590
 Михаил III («Михаил Благочестивый») 26, 87, 297, 590
 Михаил VIII (I) Палеолог 26, 87, 297, 590
 Михаил Кайбулович, служилый «царевич» Астраханский 145, 334, 618
 Михаил Олелькович, внук князя Владимира Ольгердовича 244, 247, 420, 423, 671
 Михаил Федорович Романов, русский царь 544, 554
 Михаил Черниговский, князь 673
 Михайло, архимандрит Чудова монастыря 173, 307
 Михайлов Иван, см. Висковатый
 Михалков Андрей, гонец в Польшу («Ондрей Михалков») 217, 218, 394, 395, 660
 Мишурин Федор, дьяк 33, 93, 304
 Моисей, библ. 22, 23, 45, 84, 105, 128, 129, 132, 199, 244, 252, 261, 295, 314, 376, 419
 Моркольд Ростиславич, внук князя Рогволода, князь Полоцкий («Рогволодович») 260, 430
 Морозов Василий Григорьевич, боярин 34, 95, 305
 Морозов Иван Григорьевич, боярин 34, 95, 30
 Морозов Михаил Яковлевич, боярин 212, 389, 534, 536, 537, 544, 547, 604, 612, 655, 674
 Мотякин, см. Иона Мотякин
 Мстислав Владимирович, вел. кн. Киевский и Смоленский 260, 430, 673
 Мстиславские, князья 672
 Мстиславский Иван Федорович, князь 249—256, 262, 425—427, 432, 574, 576, 604, 668, 670—674, 676
 Мстиславский М. И., см. Иже-славский
 Мстиславский Федор Михайлович, князь 672
 Мухаммед (Магомет), основоположник мусульманства («Махмед») 179, 364
 Мухаммед II, турецкий султан («безбожный Магмет») 26, 87, 298, 589, 591
 Мясоедов Иван, русский гонец в Крыму 457, 566, 569
 Нават, библ. 18, 79, 132 («сына Вашпа»), 588
 Нават, римский «ереснарх» 14, 69, 70, 75, 287, 586, 588
 Навуходоносор (II), вавилонский царь 271, 439, 676!
 Нагай, толмач 567, 568
 Нагой Афанасий, русский посол в Крыму («Офонасей») 567, 639
 Надунас (Зу-Нувас), иеменский царь 270, 438, 675
 Наумов Василий Иванович, член русского посольства в Швеции 149, 338
 Нащокин Григорий Афанасьевич, дворянин, русский гонец в Польшу 219, 220, 396, 397, 663
 Неврод, библ. 198, 375
 Непея Осип Григорьевич, рус-

- ский посланник в Англии 139, 329, 613
- Нерон, римский император 647
- Никита Офонасьевич, см. Фуников
- Никодим, «старец» Кирилло-Белозерского монастыря 163, 175 (игумен Никодим), 352, 359, 632
- Николай Святоша, князь Черниговский 174, 358, 359, 636
- Никольский Н. К. 562, 632, 633, 635
- Нильсен Андрос, наместник шведского короля в Выборге («Андрус Нилишев») 146, 335, 619
- Ниние (Ниний), «неблагочестный царь» 198, 375
- Нифонт, епископ 605
- Нифонт, келарь Троице-Сергиевского монастыря 179, 364
- Новаковский (Nowakowski) 651
- Новициан, римский «ересиарх» 586
- Новодворский В. В. 550, 649, 656
- Новосильские, князья («Новосильские») 266, 435, 673
- Новосильцев Иван Петрович, посланник в Турции 550
- Новосильцев Лука, посланник в Польше 651
- Обатур, см. Стефан Баторий
- Оболенские, князья 673
- Оболенский Александр Васильевич, князь 179, 364
- Оболенский-Курлятев, см. Курлятев-Оболенский
- Оболенский-Пенинский, см. Пенинский-Оболенский
- Оболенский-Серебряный, см. Серебряный-Оболенский
- Оболенский-Шкурля Иван Васильевич, князь, отец Д. И. Курлятева 599
- Оболенский-Щепин Дмитрий Дмитриевич, князь 592
- Овчина-Телепнев-Оболенский Иван Федорович, князь 593
- Огибалов Игнатий 534, 646, 647
- Одоевские, князья 673
- Одоевский Никита Романович, князь 655, 674
- Озия, царь, библ. 65, 112 («Иозия»)
- Олег, князь Киевский 645
- Олександр, см. Александр
- Олександров, см. Александров
- Олексей, см. Адашев Алексей
- Олимпиада, «вдовица» 167 («вдовица»), 355, 634
- Ольбрехт, см. Альбрехт, Ян-Альбрехт
- Ольгерд, великий князь Литовский («Олгерд») 204, 217, 244, 245, 252, 253, 381, 394, 420, 421, 426, 427, 631, 649, 660, 670, 672
- Ольговичи, черниговские князья 673
- Ольсон Тоне, член шведского посольства в России («Онтон Олс», «Онтон Алавеев») 151, 159, 340, 349, 617, 631, 632
- Ондрей Михалков, см. Михалков Андрей
- Онтон Янкин, см. Дженкинсон
- Онуфрий Великий, византийский церковный деятель («Ануфрий») 189
- Орлов А. С. 521, 564
- Осирис, бог, егип. миф. 44 («Осиродов»), 104 («Осиродав»)
- Остафий, см. Пушкин
- Острожский Константин Константинович, князь 455, 547

- Офний, библ. 23, 85, 129, 295
Офонасей, см. Нагой
- Павел, апостол, библ. 12, 19 («апостол»), 20, 22, 28, 43, 45, 47, 69, 70, 74, 80 («апостол»), 82, 84, 88, 103, 105, 107, 126, 128, 137, 138, 162, 165, 166, 179, 180, 194, 201, 205, 285, 292, 294, 295, 313, 315, 351, 353, 354, 364, 365, 374, 378, 382, 527, 556, 565
- Павел, епископ Абовский, шведский посол в России 144, 149, 151, 334, 338, 340, 617—619, 625, 629—632
- Павлов-Сильванский Н. П. 643
- Палемон, легендарный предок литовских князей 203, 204, 380, 381, 647, 649
- Палецкий Дмитрий Федорович, князь 597, 598
- Пафнутий Боровский, основатель Рождество-Богородицкого монастыря в Боровске 172, 176, 356, 360, 635
- Пекарский П. 560
- Пенинские-Оболенские, князья 193, 370, 640
- Пенинский-Оболенский Федор Иванович, князь 641
- Пенинский-Оболенский Юрий Иванович Меньшой, князь 641
- Пересветов Иван, писатель 453, 456
- Петелин Фома-Дружина Пантелеев сын, дьяк, участник посольства в Польшу 220, 396
- Петр, апостол, библ. 19, 52, 70, 80, 116, 180, 292, 365
- Петр Алексеевич, царевич, впоследствии царь Петр I 563
- Петри Лоренс, архиепископ Упсальский («архиепископ Апсалимский») 155, 156 (без имени), 344, 345 (без имени)
- Петрунь Ф. Е. 550
- Петруша, см. Сиффридсон
- Пётровский, польский королевский секретарь 549, 550, 668
- Пивов Михаил Васильевич, окольный 672
- Пивов Ромап Михайлович, участник посольства в Польшу 220, 397, 663, 672
- Пивовы, дворянский род 247, 423, 672
- Пилат Понтий, римский прокуратор, библ. 167, 355, 478, 634
- Пирлинг П. (Pierling P.) 513
- Писемский Федор Андреевич, участник русского посольства в Польшу 213, 232, 390, 409
- Платонов С. Ф. 544, 596, 643
- Плеханов Г. В. 513.
- Позднячек, слуга Тимофея Тетерина 588
- Поликарп 57, 59 («великий священномученик»), 121 («преподобный»), 133 («Измирьский»), 543, 546, 552, 556, 608, см. также Карп
- Поликарп, печерский архимандрит 608
- Полосин И. И. 481, 641, 676
- Полубенский Александр Иванович, князь 195—205, 208, 374—382, 385, 450, 504, 506—509, 534, 536, 537, 540, 546, 569, 570—572, 589, 621, 630, 643—646, 650, 652, 655, 673
- Полубенский Иван, князь 647.

- Полукашины 537
 Попов А. Н. 544, 570, 573
 Порфирьев И. Я. 645
 Поссевино Антоний, папский по-
 сол 454, 517, 518, 588, 597
 Привалов 646
 Принц Даниил, германский посол
 483
 Прозоровские, княжеский род 598
 Прозоровский, князь 209, 386
 Прус, легендарный брат «Авгу-
 ста кесаря» 200, 260, 377,
 431, 560, 575, 629, 630, 646,
 647
 Пунков-Микулинский Семен Ива-
 нович, князь 47 («Микулин-
 ский»), 107 («Микулинский»),
 194, 316, 371, 598, 600, 607, 641
 Путятин Григорий Васильевич,
 князь, наместник в гор. Оре-
 ховце (Орешке) 146, 335, 619
 Пушечников Третьяк Андреевич,
 русский гонец в Швеции 150,
 339, 624
 Пушкин Остафий Михайлович, по-
 сол в Польше 213, 215, 222,
 232, 236, 237, 390, 391, 399,
 409, 413, 656, 657, 658, 667,
 668
 Пшездецкий А. (Przedziecki A.)
 571
 Радзивилл Николай (Черный),
 воевода Виленский («Миколай
 Янович Радивил») 218 («вое-
 вода Виленский»), 219, 224,
 396, 397, 402, 505, 570, 572,
 658, 661, 662, 664
 Рандольф Томас, английский по-
 сол в России («Томос Ронделф,
 Рондолф») 141, 142, 331, 332,
 615
 Раф Иванов, см. Рюттер
 Репнин Михаил Петрович, князь
 587
 Ресфа, библ. 17, 79, 134, 291
 Рея, богиня, греч. миф. 44, 104
 («Ре»)
 Ридберг (Rydberg) 620, 622, 626,
 632
 Рогволодовичи, полоцкие князья
 260, 430, 673
 Рокита Ян, протестанский про-
 поведник 454
 Роман Мстиславич, князь Волин-
 ский и Галицкий 16, 78, 134,
 290, 588
 Ростовский-Лобанов, см. Лобанов-
 Ростовский
 Ростовский-Темкин, см. Темкин-
 Ростовский
 Рувим, библ. 524
 Рудольф II, германский импера-
 тор 515
 Ручкин, см. Иона Ручкин
 Рычков П. И. 561
 Рыцерт, см. Ченслер
 Рыцерт Грай, см. Грей
 Рыцерт Рыцертов, см. Ченслер
 Рюрик, легендарный родоначаль-
 ник русских князей 201, 260,
 378, 431, 629, 630, 645
 Рюрик Ростиславич, князь Смо-
 ленский и Киевский 16, 78,
 134, 290, 588
 Рюриковичи, русские князья ки-
 евского происхождения 583,
 594, 611, 673
 Рюссов Балтазар, ливонский хро-
 нист 507, 603, 604, 648, 649,
 665
 Рюттер Ральф, английский ку-
 пец («Раф Иванов») 140, 141,
 330, 331, 614, 615

- Ряполовский-Лобан Петр Семенович, князь 179, 364, 464
- Савва Сербский, архиепископ, сын сербского царя Стефана Немани 174, 358, 636
- Садиков П. А. 480—482, 487, 550, 562, 640—643
- Самврий, царь, библ. 79 (?)
- Самуил пророк, библ. («Самоил») 199, 376
- Сангушковици, Сангушки, князья («Сенкушковици») 260, 430, 674
- Сапега, польский посол в России 651
- Сарвар, полководец шаха Хозроя II 236, 412, 668
- Сарыхозин Марк 471, 506, 534, 536, 537, 584, 655
- Саул, царь, библ. 17, 65, 79, 112, 134, 199, 291, 376
- Сафа-Гирей, казанский хан 592
- Светоний, римский историк 455
- Свидригайло Ольгердович, великий князь Литовский («Швитригайло») 244, 253, 420, 427, 671
- Святослав, князь Киевский 201, 645, 378
- Селим II, турецкий султан 493
- Семела («Семелия»), греч. миф. 44, 104
- Семен Иванович Гордый, московский князь 623
- Семен-Лугвень, сын вел. кн. Литовского Ольгерда («Лугвень») 244, 253, 420, 426, 671, 673
- Сенахарим, царь, библ. 236, 271, 412, 439, 668, 676
- Сергеевич В. И. 595, 597
- Сергий, архимандрит Симонова монастыря («Сергей») 172, 356
- Сергий Колычев, см. Колычев Сергей
- Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевского монастыря 172, 176, 180, 356, 360, 365, 464, 635
- Серебряный-Оболенский Петр Семенович, князь 550, 551, 598
- Сесиль (лорд Берли), лорд-казначей Англии 615
- Сигизмунд — польские короли:
- Сигизмунд I («Старый»), («Жигимонт») 217, 227, 228, 232, 234, 258, 394, 404, 405, 409, 410, 429, 592, 660, 666, 667
- Сигизмунд II Август («Жигимонт»), («Жигимонт Август») 62, 124, 136, 150, 215, 217, 224, 225, 234, 241—248 («ваш государь»), 249—254, 256 («ваш государь»), 257—264, 265—273 («ваш государь»), 274, 276, 277 («ваш государь»), 326, 339, 392, 394, 401, 410, 417—423, 425—433, 437—442, 444, 445, 449, 456, 468, 473, 477, 498, 536, 574—576, 594, 610, 611, 621, 627, 629, 635, 646, 656, 660, 664, 665, 668—670, 672—676
- Сигизмунд Кейстутович, литовский великий князь 671
- Сидор 109, 530
- Сильвестр, священник московского Благовещенского собора («Селивестр», («поп») 15, 16, 22, 23, 37, 38 («он»), 39—41, 48, 49, 52, 56, 57, 76, 77, 83, 84, 97, 98, 100—102, 109, 117, 120, 121, 129, 179, 209, 210, 288, 289, 294, 307, 308, 310, 311, 317, 320, 324, 325,

- 369, 386, 387, 450, 453, 479, 485, 530, 534, 540, 543, 586, 587, 595—597, 599, 603, 606, 611, 638, 653
- Сильвестр Даниэль, английский посол в России 483
- Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, «великий князь всея Руси» 194—196, 372, 373, 449, 466, 468, 482—484, 502, 522, 569, 642—644
- Симон Шубин («Шюбин»), старец Троице-Сергиева монастыря 175, 360, 463
- Сиффридсон Пер, шведский переводчик и гонец («Шевридов», «Шеферидов», «Пегруша») 148, 337, 617, 625
- Сицкий Василий Андреевич, князь 40, 101 («Ситцкий»), 209, 310, 386, 598, 599
- Сицкий Симеон Федорович, князь, в монашестве Серапион («Серапион Сицкий»), 173, 358
- Сицкий (Ярославский) Иван Васильевич, князь, посол в Польшу 220, 230, 237, 397, 407, 413, 663, 664, 667
- Скевины сыны, сыновья первосвященника Скевы, библ. 65, 112 («...сыны»)
- Скумин, польский посол 511, 651
- Смирнов И. И. 469, 473, 511, 591, 594—597
- Собакин Варлаам (Василий) Степанович, в монашестве Варлаам 167, 175, 178, 179, 189, 190, 355, 359, 363, 364, 366, 367, 464, 478, 479, 562, 632—634, 638
- Собакин Василий (Богдан) Степанович, брат Варлаама Собакина 634
- Собакин Василий Степанович, брат Варлаама Собакина 634
- Собакин Калист Васильевич, брат парицы Марфы, племянник Варлаама Собакина 178 («Варлаамовы племянники»), 189 («Собакины»), 192 («Собакины»), 363, 366, 369, 633, 638
- Собакин Семен Васильевич, племянник Варлаама Собакина 178 («Варлаамовы племянники»), 189 («Собакины»), 192, («Собакины»), 363, 366, 369, 633, 638
- Собакин Степан Васильевич, отец Варлаама Собакина 634
- Собакин Степан Васильевич, племянник Варлаама Собакина 178 («Варлаамовы племянники»), 189 («Собакины»), 192, («Собакины»), 363, 366, 369, 633, 638
- Собакина Марфа, см. Марфа
- Собакины, московский служилый род 177, 178, 189, 361, 363, 366, 478, 479, 633, 634
- Соболевский А. И. 549
- Совин Андрей Григорьевич, русский посол в Англии 142, 332, 615
- Соловьев С. М. 469, 487, 569, 575, 576, 596, 598, 599, 651
- Соломон, царь, библ. 124, 180, 365, 553
- Сперанский М. Н. 608
- Спиридон-Савва, инок 534, 629
- Срезневский И. И. 607, 625, 646
- Старицкие, князья, см. Андрей Иванович, Владимир Андреевич, Ефросинья
- Стен Стур, см. Стуре
- Стефан Баторий, польский ко-

- роль («Стефан Обатур») 204—207, 213—238, 381—384, 390—414, 455, 466, 468, 501, 505, 507—509, 512—518, 549, 550, 570, 572—574, 601, 621, 644, 646, 648, 650—652, 657—669, 671, 674
- Стефан-Неманя, сербский царь, в монашестве Симеон 174, 360, 636
- Стефанович Д. 522
- Стремоухов Леонтий (Лева), гонец от Боярской думы в Польшу 219, 220, 396, 397, 662, 663
- Строев П. М. 633
- Стрыйковский, польский хронист 547—549
- Ступишин, см. Феодорит
- Стуре Стен Младший, правитель Швеции 153 (?), 342 (?), 626
- Стуре Стен Старший, правитель Швеции («Стен Стур») 153 (?), 342 (?), 622, 626
- Сухотин Л. М. 481
- Суцов Никифор, гонец от русского посла в Польше Сицкого в Москву («Микифор Суцов») 221, 231, 328, 408, 664, 667
- Талваш Миколай, польский магнат 504, 570, 572
- Тамаров Нечайко, переводчик 624
- Тарановский Андрей, польский посол в Турции 550, 551
- Таубе Иогани («Тув») 505, 570—572, 627, 628, 650
- Тедальди Джиованни, итальянский купец 549
- Темкин-Ростовский Василий Иванович, князь 640
- Темкин-Ростовский Григорий Иванович, князь 56, 120, 323, 607
- Тетерин-Пухов Тимофей-Тихон 16 («Тимоха»), 78, 134, 212, 218, 290, 389, 395, 469, 471, 505, 506, 534, 536, 540, 544, 545, 547, 570, 572, 573, 584, 587, 588, 609, 612, 646, 650, 655, 661
- Тимофеев Иван, дьяк 449
- Тимофей, апостол, библ. 22, 84
- Тишенков Кудеяр, сын боярский 567
- Толстой А. К. 472, 585
- Толстой Ю. В. 483, 544, 559, 612—616
- Трачевский А. 650, 676
- Трифонов Иван Андреев сын, дьяк, участник русского посольства в Польшу 213, 232, 390, 410
- Тромонин К. Я. 545, 547, 554
- Трофоний, бог, греч. миф. 44 («Строфоний»), 104 («Трофиний»)
- Трубецкие, московский княжеский род литовского происхождения (предки Т. Р. Трубецкого — Роман, Семен, Иван, Юрий, Михаил) 204, 381, 649
- Трубецкой Тимофей Романович, князь 204, 381, 649
- Трубчевский-Брянский Дмитрий Ольгердович, князь 204, 301, 649
- Ту, де (de Thou, Thuanus) французский хронист 661
- Тув, см. Таубе
- Тучков Василий Борисович князь, прадед А. М. Курбского 29 («Василей Тучка»), 89, 131 («Василей Тучкин»), 300
- Тучков Иван Борисович, князь, прадед А. М. Курбского 29,

- («Иван Тучка») 89, 131 («Иван Тучкин»), 300
- Тучков Михаил Васильевич, князь, дед А. М. Курбского 29, 33, 90, 93, 131, 300, 303, 592, 593
- Тышкевич (Тишкевич) Василий, польский посол 224, 401, 665
- Устрялов Н. Г. 528—530, 532, 538, 540, 542, 544, 552, 572, 573, 584, 585, 587, 590, 596, 597, 606—608, 611, 638, 652
- Федор Иванович, царевич (впоследствии царь), сын Ивана Грозного («Федорец») 195, 196 («дети ево»), 209, 372, 386, 481, 522, 526, 527, 528, 540, 554, 598, 618, 642, 672
- Федор Ростиславич, князь Смоленский и Ярославский 19, 59, 60, 81, 122, 137, 293, 325, 535, 589, 609
- Федоров (Челяднин) Иван Петрович, боярин («Иван Петрович Федорович») 274—277, 442—445, 574, 594, 647, 668, 669, 676
- Феодора, византийская императрица, мать Михаила III 26, 87, 297, 590
- Феодорит Ступишин, монах Троице-Сергиева монастыря 180, 364
- Феодосий, епископ Коломенский 52, 117, 320, 605
- Феодосий Косой, еретик 588
- Феодосий III Бородатый, византийский император («Феодосий Брада Адрамический») 25, 86, 297, 590
- Феофил, византийский император 26, 52, 86, 116, 297, 320, 590, 605
- Фердинанд I, германский император 489—491, 603, 613
- Филимон, библист 179, 364
- Филипп II, испанский король 139, 140, 329, 330, 489, 491, 512, 613, 614
- Филипп, митрополит 554
- Филиппик-Вардан, византийский император 25, 86, 297, 590
- Филофей, старец Псковского Елеазарова монастыря 453
- Финдейзен 646
- Финеес, библист 23, 68, 85, 129, 295
- Флавий Иосиф, древне-еврейский историк 455
- Флетчер Джильс, английский посол 483
- Фока, византийский император 24, 296, 590
- Фор (Фир), «неблагочестный царь», «иже и Арес» (Арес) 198, 375, см. также Арес
- Форстен Г. В. 497, 604, 620, 622, 623
- Фоскарины, венецианский путешественник 455
- Фридрих — датские короли:
- Фридрих I («Фредерик») 157, 346, 628, 629
- Фридрих II 49 («Датского короля»), 318, 603, 627, 628
- Фруд Дж.-А. (Froude J.-A.) 614
- Фуников-Курцев Никита Афанасьевич, казначей 52 («Никита Офонасьевич»), 117, 320, 598, 605, 636
- Фюрстенберг, ливонский магистр 491
- Хабаров Иван Иванович, боярин, впоследствии монах 167, 172,

- 174 («Хабаровы»), 175, 177, 191, 192, 355, 356, 359, 362, 368, 461, 464, 634
- Ходкевич Александр Григорьевич, сын гетмана Гр. Ходкевича 267, 273, 436, 441
- Ходкевич Андрей Григорьевич, сын гетмана Гр. Ходкевича 267, 273, 436, 441
- Ходкевич Григорий, великий гетман Литовский («Хоткеев», «Хоткевич») 247, 248, 255, 256, 265—273, 275—277, 423, 424, 434—441, 443—445, 449, 454, 469, 574—576, 635, 653, 668, 669, 671—676
- Ходкевич Иероним, отец Яна Ходкевича 650
- Ходкевич Ян Иеронимович, великий маршал Литовский («Хоткевич») 205—207, 272, 382—384, 440, 505—508, 521, 570—572, 647—651, 656, 658, 671, 676
- Хозрой — иранские шахи:
Хозрой I 590
Хозрой II («Хоздрой») 24, 236, 271, 296, 413, 439, 590, 668, 676
- Христиан III, датский король («Крестьянус») 157, 346, 627, 629
- Христиерн (Христиан) II, датский король («Керстан») 157, 346, 628
- Цир, аббат 471, 493, 494, 551
- Цветаев Д. В. 630
- Цыплятев Елизар, дьяк 29, 90, 131, 300
- Челядгин, см. Федоров
- Челяднины, московский боярский род 676
- Ченслер Ричард, английский путешественник («Рыцерт Рыцеров») 139, 329, 612, 613
- Черепнин Л. В. 508
- Черкасский Михаил Темгрюкович, князь 640
- Честер сэр Уилльям, купец, один из правителей английской «Московской компании» («Ульян Честер») 142, 332, 616
- Чудинов А. Н. 528
- Шабликин Яков 534, 646, 647
- Шавридов Петр, см. Сиффридсон
- Шалль-фон-Белль Филипп, ливонский ландмаршал 604, 648
- Шах-Али («Шигалей»), казанский царь, полководец Ивана IV 48, 108, 317, 602, 603
- Швитригайло, см. Свидригайло
- Шевригин Истома, русский гонец 515, 516, 660
- Шевырев С. П. 635
- Шеин Андрей Иванович, воевода 212, 389, 655, 661
- Шереметев Василий Андреевич, в монашестве Вассиан 175, 176, 359, 361, 636, 637
- Шереметев Иван Васильевич младший, боярин, брат Ивана — Ионы Шереметева 178 («его братья»), 191 («братья его»), 363, 368, 539
- Шереметев Иван Васильевич старший, боярин, в монашестве Иона 48, 108, 167, 172—179, 189—192, 317, 355—359, 361—363, 367—369, 461—464,

- 478—480, 486, 602, 607, 632—634, 636, 639
- Шереметев Федор Васильевич, брат Ивана — Ионы Шереметева 178 («его братья»), 191 («братья его»), 363, 368, 639
- Шереметевы, московский боярский род 177, 178, 361, 363, 478, 638
- Шеферилов, см. Сиффридсон
- Шибанов Василий, слуга Курбского 13 («Васка Шибанов») 287, 472, 585, 586
- Шигалей, см. Шах-Али
- Шипмарев Федор, гонец в Польшу 220, 397, 668
- Шлецер А. Л. 629
- Шлихтинг Альбрехт 669
- Шмидт С. О. 596
- Шмурло Е. Ф. 549
- Штаден Генрих, опричник 481, 637, 641, 646, 655
- Штелин К. (K. Stählin) 528, 530, 552, 584, 587, 591, 593, 600, 601, 606, 608, 610, 612, 653
- Шубин Симон, см. Симон Шубин
- Шуйские, княжеский род 592—594, 605
- Шуйский Андрей Михайлович, князь 34, 95, 305, 593, 594
- Шуйский Василий Васильевич, князь 33, 93, 303, 304
- Шуйский Иван Васильевич, князь 33, 34, 93, 94, 303—305, 593
- Шуйский Петр Иванович, князь 48, 109, 317, 603
- Щенятев Петр Михайлович, князь 598
- Щербачев Ю. 490, 627
- Эберфельд Каспар 455
- Эдуард VI, английский король 139, 329, 612, 613
- Элеазар, см. Елеазар
- Элесбоа, см. Елизвой
- Энгельс Ф. 510, 511, 519
- Эней, легендарный герой Троянской войны 43 («Еней»), 103 («Енеим»), 600
- Эрик XIV, шведский король («Ирик») 146, 149—151, 335, 336, 338—340, 450, 495—498, 521, 614, 617, 620, 623—626, 630
- Эрик (Ирик), шведский гонец 617
- Юберсбергер Г. (Uebersberger H.) 612
- Юрий (Георгий) Васильевич, брат Ивана Грозного 31—33, 92, 93, 302—304, 592
- Юрий Данилович, московский князь 149, 154, 337, 343, 623
- Юстин II, византийский император 675
- Юстиниан — византийские императоры:
Юстиниан I Великий 455, 590
Юстиниан II Курносый («Иустин Корноносый») 24, 296, 539, 590
- Явнудей, вел. кн. Литовский («Евнудей») 252, 253, 427, 428, 670, 672
- Ягйло (Ягелло), вел. кн. Литовский и польский король 159, 217, 228, 244, 246, 253, 348, 394, 405, 420, 421, 427, 631, 660, 666, 670, 671
- Ягеллоны, потомки Ягйло 498, 673, 674
- Яков, английский доктор 455

- Ян-Альбрехт, польский король («Ольбрехт») 217, 394
Ян Заполя, венгерский магнат, трансильванский князь 47 («Януш Угорский»), 107 («Юношь Угорский»), 316, 542, 601
Янкин, см. Дженкинсон.
Янс, шведский гонец («Анс») 617, 620, 624, 625
Ярослав Мудрый, киевский князь (Георгий-Ярослав) 157, 202, 347, 378, 379, 629, 645, 673
Ярославский Иван Васильевич, князь, см. Иван Васильевич
Ярославский Иван Семенович, князь («князь Иван князь Семенов сын, князь Петрова Львова-Романовича») 32, 92 303, 593

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Иван Грозный. Древнерусский портрет, находящийся в Копенгагене. (Стр. 8).
- Первое послание Курбскому. Л. 39 об. из Погодинского списка. (Стр. 16).
- Ивану Грозному доносят о приходе Курбского с литовскими войсками к Полоцку. Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи. (Стр. 17).
- Нападение бояр во главе с князем Андреем Шуйским на Федора Воронцова. Миниатюра из Царственной книги. (Стр. 32).
- Поход в ладьях на Казань. Миниатюра из Царственной книги. (Стр. 33).
- Выезд больной царицы Анастасии. Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи. (Стр. 48).
- Первое послание Курбскому. Л. 314 об. из списка Археографической комиссии. (Стр. 49).
- Первое послание Курбскому. Л. 123 об. из «сборников Курбского» ЦГАДА. (Стр. 72).
- Первое послание Курбскому. Л. 50^л из списка Исторического музея, Мув. 2524/42797. (Стр. 128).
- Второе послание шведскому королю Иоганну III. Л. 31 из «Книги шведского двора» № 3 (ЦГАДА). (Стр. 160).
- Послание Симеону Бекбулатовичу. Начало и середина столбца (ЦГАДА). (Стр. 196).
- Послание Симеону Бекбулатовичу. Конец столбца (ЦГАДА). (Стр. 197).
- Второе послание Курбскому. Л. 31 об. из списка ЦГАДА. (Стр. 208).
- Послание польскому королю Стефану Баторию. Л. 43 об. из «Книги Польского двора» № 13 (ЦГАДА). (Стр. 224).
- Выдача «корма» польско-литовским послам. Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи. (Стр. 225).

- Иван Грозный. Портрет из «Титулярника» XVII в. (Стр. 288).
Свержение митрополита Иоасафа Шуйскими. Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи. (Стр. 304).
Отправление Грозным английского посла Ченслера и русского посла Непеи; гибель Ченслера по дороге; прием Непеи Марией Тюдор и Филиппом II. Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи. (Стр. 332).
Иван Грозный. Портрет из Казанского летописца. (Стр. 384).
Иван Грозный. Фреска из Ново-Спасского монастыря. (Стр. 400).
Иван Грозный. Гравюра из немецкого «летучего листка» XVI в. (Стр. 472).
Пойманный воеводами Василий Шибанов сообщает Грозному «изменные дела» Курбского. Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи. (Стр. 473).
Ливонский поход 1577 г. (схематическая карта). (Стр. 504).
Схема происхождения списков первого послания Курбскому. (Стр. 558).
Первое послание Курбскому. Л. 20 из Погодинского списка. (Стр. 592).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ТЕКСТ

(Подготовили к печати Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье)¹
Стр.

<i>Послания Ивана Грозного</i>	7
Первое послание Курбскому (1564)	9
Погодинский список с продолжением по списку Археографической комиссии	—
Текст «сборников Курбского»	71
Краткая редакция	124
Послание английской королеве Елизавете (1570)	139
Первое послание шведскому королю Иоганну III (1572)	144
Второе послание шведскому королю Иоганну III (1573)	148
Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573)	162
Послание Василию Грязному (1574)	193
Послание Симеону Бекбулатовичу (1575)	195
Послание Полубенскому (1577)	197
Послание Яну Ходкевичу (1577)	205
Второе послание Курбскому (1577)	208
Послание Тетерину (1577)	212
Послание польскому королю Стефану Баторию (1581)	213
<i>Послания от имени бояр</i>	239
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Д. Бельского (1567)	241
Послание Гр. Ходкевичу от имени Бельского	247
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Ф. Мстиславского. (1567).	249
Послание Гр. Ходкевичу от имени Мстиславского	255

¹ Текст послания в Кирилло-Белозерский монастырь подготовлен Д. С. Лихачевым; текст остальных посланий — Я. С. Лурье.

	Стр.
Послание Сигизмунду II Августу от имени М. И. Воротынского (1567)	257
Послание Гр. Ходкевичу от имени Воротынского	265
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. П. Федорова (1567)	274
Послание Гр. Ходкевичу от имени Федорова	275

ПЕРЕВОД

(Я. С. Л у р ь е)

<i>Послания Ивана Грозного</i>	281
Первое послание Курбскому (1564)	283
Послание английской королеве Елизавете (1570)	329
Первое послание шведскому королю Иоганну III (1572)	334
Второе послание шведскому королю Иоганну III (1573)	337
Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573)	351
Послание Василию Грязному (1574)	370
Послание Симеону Бекбулатовичу (1575)	372
Послание Полубенскому (1577)	374
Послание Яну Ходкевичу (1577)	382
Второе послание Курбскому (1577)	385
Послание Тетерину (1577)	389
Послание польскому королю Стефану Баторию (1581)	390
<i>Послания от имени бояр</i>	415
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Д. Бельского (1567)	417
Послание Гр. Ходкевичу от имени Бельского	423
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Ф. Мстиславского (1567)	425
Послание Сигизмунду II Августу от имени М. И. Воротынского (1567)	428
Послание Гр. Ходкевичу от имени Воротынского	434
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. П. Федорова (1567)	442
Послание Гр. Ходкевичу от имени Федорова	443

ПРИЛОЖЕНИЯ

Послесловие (В. П. Адрианова-Перетц)	449
Иван Грозный — писатель. (Д. С. Лихачев)	452

	Стр.
Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV (Я. С. Лурье)	468
Археографический обзор посланий Ивана Грозного. (Составили Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье) ¹	520
Разночтения. (Подготовили к печати Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье)	577
Комментарии. (Составил Я. С. Лурье)	583
Географический указатель	677
Именной указатель	687
Список иллюстраций	711

¹ Археографический обзор списков послания в Кирилло-Белозерский монастырь составлен Д. С. Лихачевым; обзор остальных посланий — Я. С. Лурье.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Е. В. Томсинская*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *З. Г. Сегаль*

*

РИСО АН СССР № 4996
Подписано к печати 20/VIII 1951 г.
М.-31380. Бумага $70 \times 92_{16}$. Бум.
л. $22\frac{3}{8}$. Печ. л. $52.35 + 17$ вкл.
Уч.-изд. л. 38.95. Тираж 4000.
Зак. № 27. Цена в переплете 30 р.

1-я тип. Из-ва Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 л., д. 12.

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

ПОСЛАНИЯ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

